

Департамент культуры Минобороны РФ
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Девятой Международной
научно-практической конференции**

15–17 мая 2019 года

Часть I

**Санкт-Петербург
ВИМАИВВС
2019**

УДК 351.852.1 + 355.48

ББК 79.1 + 68 + 63

В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС

Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, академик РАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,

Е.Г. Игнатьева, начальник научного отдела редактирования и допечатной подготовки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Девятой Международной
научно-практической конференции

В двух частях

Часть 1

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

ISBN

© ВИМАИВиВС, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© СПбГУПТД, 2019

Дорогие друзья!

Я рад приветствовать вас на Девятой Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы», которая в очередной раз проводится в стенах старейшего военно-исторического музея России. Занявшая видное место в научной жизни нашей страны, эта конференция из года в год не только сохраняет устойчивый круг участников, но и каждый раз привлекает в Санкт-Петербург новых специалистов по военной истории, историческому оружиюведению и музейному делу.

2019 год является юбилейным для многих дат военной истории нашей страны. В этом году мы отмечаем 310-летие Полтавской битвы, 250-летие учреждения ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия, 220-летие знаменитого перехода русских войск под командованием А.В. Суворова через Альпы, 100-летие создания органов военно-политического управления в Красной армии, 75-летие со дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады и многие другие важные даты.

В стенах Артиллерийского музея нельзя не упомянуть, что в текущем году исполняется 350 лет со дня рождения одного из «птенцов гнезда Петрова», генерал-фельдцейхмейстера Якова Брюса, а также столетие со дня рождения выдающегося конструктора-оружейника Михаила Тимофеевича Калашникова.

Эти и многие другие темы отражены в большом количестве докладов, которые были представлены исследователями не только из различных регионов России, но и из стран ближнего и дальнего зарубежья. Поддержание и укрепление межмузейных научных связей является одной из важнейших задач, которую с успехом решает конференция «Война и оружие». Она является примером готовности к открытому, конструктивному диалогу на самые сложные темы. Войны, пусть и давно прошедшие, оказывают настолько сильное воздействие на судьбы народов и государств, что мы зачастую ощущаем его до сих пор. Честный и беспристрастный взгляд на прошлое должен не только обогащать историческую науку, но и служить взаимовыгодному сотрудничеству сегодня.

Я еще раз приветствую участников конференции, желаю им плодотворной работы, обмена научными и творческими идеями и дальнейших творческих успехов.

Директор Департамента культуры
Министерства обороны
Российской Федерации

В. Буздыган

Уважаемые участники конференции!

От лица Российской Академии ракетных и артиллерийских наук поздравляю с началом работы Девятой Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы».

Академия традиционно выступает в качестве одного из организаторов этого форума, поскольку среди первоочередных задач ее деятельности остается содействие интеграции академической, вузовской и отраслевой науки с целью комплексного решения проблем развития вооружения, военной и специальной техники.

Для нас важно, что в стенах старейшего военно-исторического музея нашей страны могут встретиться и обменяться опытом многочисленные специалисты (историки, реставраторы, оружейники), приехавшие в Санкт-Петербург из самых разных регионов России. Приятно также, что из года в год на конференцию съезжаются и участники из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Немаловажной составляющей конференции является ее патриотическая направленность. Многие доклады посвящены героическому прошлому нашей Родины, подвигам предков. По-прежнему актуальна тема Первой мировой и Великой Отечественной войн. Значительная часть докладов посвящена истории создания вооружения и военной техники с древнейших времен и до эпохи великого российского оружейника почетного члена РАРАН Михаила Тимофеевича Калашникова, чей столетний юбилей мы будем отмечать осенью этого года.

Важным фактом работы конференции является ее сопровождение публикацией интересных и актуальных исследований по военной истории и оружейведению. Таким образом, самые современные исследования в различных областях военной истории, истории военной техники и вооружения, музееведения, сохранности и реставрации памятников прошлого становятся доступными и вводятся в научный оборот. В этом большая заслуга организаторов конференции.

Желаю всем участникам встречи найти среди многообразия тем и докладов то, что будет им интересно и полезно! Надеюсь, что работа на секциях будет сопровождаться плодотворной и конструктивной дискуссией. Успешной вам работы на конференции и в повседневном научном труде!

Президент Российской Академии
ракетных и артиллерийских наук

В.М. Буренок

Дорогие друзья! Коллеги!

Прошло два года, и Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи вновь собирает в своих стенах военных историков, оружейников, археологов, музейных работников и других специалистов на очередную конференцию «Война и оружие».

Наша конференция как никогда актуальна в условиях продолжающейся информационной войны, направленной на уничтожение или искажение исторической памяти, когда в угоду сиюминутным политическим интересам переписывается история героического прошлого нашей Родины. Одна из важнейших задач конференции — в противодействии фальсификации истории и, прежде всего, истории Великой Отечественной войны. Поэтому доклады и статьи, посвященные именно этой теме, имеют особо важное значение не только для специалистов, но и для подрастающего поколения.

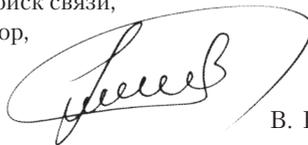
Этот год является юбилейным для многих дат военной истории нашей Родины. Особенно хотелось бы отметить грядущий 100-летний юбилей выдающегося отечественного оружейника, создателя знаменитого автомата, названного его именем — большого друга музея Михаила Тимофеевича Калашникова. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным подписан Указ о праздновании этого юбилея. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи располагает одной из самых значительных коллекций оружия и подарков, преподнесенных в свое время М.Т. Калашникову, имеющих огромную историческую ценность. Воздавая дань памяти этому великому оружейнику, мы планируем ряд памятных мероприятий, среди которых открытие новых экспозиций и выставок, в том числе и в регионах России, а также издание каталога его оружия.

Конференция как всегда имеет не только научное, но и практическое значение. Ее участники познакомятся с работой реставрационных мастерских нашего музея, примут участие в мастер-классах наших ведущих реставраторов. Во время экскурсий в фондохранилища музея познакомятся с обновленными экспозициями оружия и материальной части артиллерии. В отреставрированных и отреставрированных залах музея смогут увидеть экспозицию вооружения и военной техники довоенного периода.

Более ста двадцати докладов предусматривают плотный график работы конференции, тем не менее, мы запланировали во время нее и культурные мероприятия. В дни проведения конференции будут открыты две выставки — «И комиссары в пыльных шлемах...» К 100-летию создания органов военно-политического управления в Красной армии» и «Учитель и ученик», посвященная юбилеям отечественных оружейников В.Г. Федорова и В.А. Дегтярева.

Поздравляю всех участников и гостей конференции с ее открытием.
Желаю всем новых творческих достижений и новых научных открытий.

Директор Военно-исторического музея
артиллерии, инженерных войск и войск связи,
доктор исторических наук, профессор,
академик РАН,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Крылов', enclosed within a large, thin, hand-drawn oval shape.

В. Крылов

Т.В. Алексеев (Санкт-Петербург)

ОРУЖЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО РОССИИ С XVI ВЕКА ПО 1917 ГОД В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

К 1917 г. ИСТОРИОГРАФИЯ оружейного производства в России имела как минимум столетнюю историю. Между тем этот несомненно интересный период в историографии обделен вниманием исследователей. Советские авторы не уделяли ему должного внимания, оценивая данные изыскания либо как имеющие реакционную и необъективную направленность, либо как узконаправленные, исследующие только историю организации производства оружия и техническую сторону дела¹. В.Н. Ашурков полагал, что «изучение оружейного производства, особенно его специальных отраслей, было делом самого военного ведомства, которое располагало и всеми источниками, не доступными для посторонних»². Аналогичной позиции придерживался В.В. Поликарпов³. Исследователь уральской промышленности В.А. Ляпин в ряде своих работ по историографии военной промышленности Урала только вскользь касается проблемы производства оружия⁴. В постсоветский период специальных работ, посвященных анализу историографии оружейного производства дореволюционной России, не появилось. Можно только упомянуть небольшой очерк историографии Тульского оружейного завода (ТОЗ) доктора исторических наук И.Н. Юркина, опубликованный в сборнике документов в 2003 г.⁵

Говоря о дореволюционной историографии, следует отметить, что внимание авторов было сосредоточено на довольно широком круге проблем оружейного производства в России с точки зрения как хронологических рамок, так и технических, организационных, социальных аспектов.

О начале производства ручного огнестрельного оружия в России авторы говорят очень неопределенно. Ф. Граф писал, что «ручное огнестрельное оружие вошло в употребление, в наших войсках, при царе Иоанне Васильевиче Грозном; но когда именно стали заниматься у нас его приготовлением, с точностью определить нельзя»⁶. Тем не менее большинство исследователей связывали начало организованного изготовления оружия с деятельностью тульских казенных кузнецов-оружейников. Уже П.П. Свиньин отмечал дату — 1595 г., когда указом царя Федора Иоанновича «велено было самопальных кузнецов на Туле поселить особою слободою»⁷. Подробно останавливался на формировании привилегированного сословия оружейников в Туле в своем капитальном труде по истории оружейного производства И.Х. Гамель⁸. И. Афремов упоминает как минимум семь царских актов, изданных в течение XVII в. и даровавших оружейникам различного рода привилегии⁹.

Самый известный дореволюционный историограф ТОЗ С.А. Зыбин прямо указывает, что «только в 1595 году мы встречаем попытку ввести порядок в эту важную отрасль государственной промышленности <...> 1595 год надо считать годом основания казенного оружейного дела в Туле, которое, постепенно развиваясь, через 100 лет получило заводскую организацию»¹⁰.

Важным этапом в развитии отечественного оружейного дела многие исследователи считали основание железоделательных заводов иностранными и отечественными предпринимателями. В. Александров, вслед за И.Х. Гамелем¹¹, говоря о дороговизне привозимого в Россию иностранными купцами оружия, отмечал нехватку для армии того количества оружия, которое производилось казенными и свободными оружейниками-кузнецами. Эти обстоятельства и стали основными побудительными мотивами к организации заводского строительства предпринимателями из Голландии и Дании (А. Виниусом, П. Марселисом и др.). Несмотря на сложности в работе этих предприятий, они смогли к началу XVIII в. обеспечить поставку в казну до 25 тыс. ружей в год, хотя и это не избавило страну от зарубежных закупок¹². И. Афремов полагал, что «первый в России иностранный завод этот послужил началом тульскому оружейному искусству»¹³. Еще более определенно писал С.А. Зыбин: «Деятельность Городищенских заводов (заводов, основанных А. Виниусом. — *Авт.*) отразилась самым благоприятным

образом на местном населении. Многие обыватели могли ознакомиться на них с новыми и значительно более правильными приемами работы, тем более, что у Винуса было много искусных заграничных мастеров»¹⁴.

Среди созданных около середины XVII в. железодельных заводов были и специализированные оружейные предприятия. Судьба и значение их были различными. Основанный в 1648 г. нанятым в Голландии ствольным мастером Ф. Акином в Москве на р. Яузе вододействующий оружейный завод просуществовал только до смерти своего строителя в 1650 г.¹⁵ П. Гудим-Левкович указывал на наличие в Москве казенной оружейной палаты и мастеров ствольного, ложного и замочного дела, а также частных оружейников в Туле, Устюжне и Кашире¹⁶.

Важное значение для оружейного производства имели основанные Ф. Акемой и П. Марселисом на р. Скниге в Каширском уезде четыре железодельных завода. Ведменский завод изготавливал железные доски для мушкетных и карабинных стволов, на Елтинском заводе «была запасная вертельня для сверления ружейных стволов», а Ченцовский завод представлял из себя специализированное ружейное предприятие¹⁷. И. Афремов сообщал, что на этот завод владельцами были приглашены до 600 иностранных мастеров, «которым главным условием правительства поставлено было обучать тульских самопальников». Сюда посменно ежемесячно направлялись казенные оружейники «для обучения заварки стволов, шпажному и замочному делу, что и послужило значительному улучшению оружейного производства в Туле, за 60 лет прежде основания казенного оружейного завода»¹⁸. Согласно Н.Е. Бранденбургу, Елтинский и Ченцовский заводы продолжали производство оружия и при Петре I¹⁹.

Говоря о значении для отечественного оружейного производства первых железодельных заводов в Центральном районе, С.А. Зыбин писал, что освоенные там «приемы производства и организации дела перешли как к Тульским казенным кузнецам, так и к будущему оружейному заводу, построенному Петром»²⁰. Вместе с тем этот же автор таким образом подводил итог всего допетровского периода истории оружейного дела: «Но вся эта довольно крупная промышленность имела чисто примитивный, кустарный характер. Вся работа велась вручную домашними средствами, при самой слабой помощи механических приспособлений и при полном отсутствии вспомогательных двигателей. Ясно, что изделия

были грубы и только в исключительных случаях могли выдерживать сравнение с изделиями заграничными»²¹.

Острый дефицит оружия в условиях Северной войны вынудил государство сконцентрировать оружейное производство в своих руках. По мнению исследователей, с одной стороны, это выразилось в стремлении поставить тульских казенных оружейников, как наиболее подготовленную, массовую и организованную группу кустарных производителей, под полный государственный контроль. С 1705 г. «...община тульских кузнецов стала управляться выборными ею властями, получавшими права и прерогативы не от нее самой, а от сторонней государственной власти, но и правом выбора властей община пользовалась не долго. С 1708 г. стали уже назначаться от правительства особые лица, под ведением которых и поступили тульские кузнецы»²². «Община оружейников обращалась тем самым в казенный оружейный завод»²³.

С другой стороны, предпринимаются попытки расширить географию производства. 30 семей тульских кузнецов были переведены в Устюжну-Железнопольскую, а в 1704 г. 170 мастеров по изготовлению фузей направлены на Олонецкие Петровские заводы. Но местное железо оказалось малопригодным для изготовления качественных изделий²⁴. Ф. Граф упоминал об оружейной мастерской при Невьянском заводе Н. Демидова на Урале²⁵. Ярославский краевед говорил о начале строительства в июне 1710 г. Оружейного двора в Ярославле²⁶. В 1712 г. изготовление ружей было налажено на Липецких железных заводах и продолжалось там на протяжении как минимум 12 лет²⁷. И.Х. Гамель впервые сообщил о строительстве оружейного завода на р. Ремзянке под Тобольском суздальским мастером Н. Пиленко, который был направлен туда вместе с группой мастеров из 49 человек²⁸. Н. Абрамов говорил о 47 мастерах, направленных в Тобольск в 1700 г. на постоянное поселение вместе с семьями²⁹.

Основное внимание исследователей дореволюционного периода было сосредоточено на истории основных центров оружейного производства — казенных заводов, начало которым было положено при Петре I.

Первым в их ряду несомненно стоит ТОЗ. И.Х. Гамель полагал, что в целом неудачные попытки организовать изготовление оружия в различных местах России побудили правительство уже в 1705 г. приступить к большей централизации

производства в Туле, для чего туда был послан дьяк А. Беляев для строительства оружейного двора³⁰. Однако важнейшей вехой в истории предприятия стал указ 1712 г. о строительстве водоедействующего завода³¹. Как писал С.А. Зыбин, «Петр шел медленными, но верными шагами к упорядочению оружейного дела с технической его стороны. Последний шаг должен был завершиться постройкой настоящего завода, где бы изготовлялось оружие доступным для того времени машинным способом»³². Однако «...глубоко верная мысль Петра заменить кустарную оружейную промышленность вполне заводской, была выполнена только наполовину»³³. Н.Е. Бранденбург полагал причиной этого превалирование усилий по реорганизации административной системы управления над техническим обеспечением оружейного производства³⁴.

Однако все эти обстоятельства не снижали значения того переворота в оружейном деле, который произошел в первой четверти XVIII в. Тот же С.А. Зыбин полагал, что «несмотря на ряд недочетов, все-таки в конце его царствования (Петра I. — *Авт.*) перед нами вполне сложившееся заводское производство, обставленное всеми техническими и административными приемами, которые были доступны для того времени, даже с попытками установить правильную приемку изделий... В течение всего XVIII века мало прибавилось к тому, что было сделано Петром»³⁵.

В работах по истории Тульского завода с момента его создания и до эпохи «Великих реформ» 1860–1870-х гг. из-за обилия приводимых сведений о новых постройках, обновлении действующих сооружений, внедрении новых механизмов и методов организации производства порою складывается впечатление, что авторы склонны приукрашивать действительность, обходить «острые углы», писать в угоду существовавшей конъюнктуре. Зачастую все это действительно имело место.

Вместе с тем нельзя не отметить и присутствие в ряде работ пусть и завуалированных, но все-таки весьма метко рисующих истинное положение дел на заводе сюжетов и оценочных суждений. Тот же С.А. Зыбин отмечал: «С основанием завода оружейное дело становится на более прочную почву, приобретает черты заводской работы, постепенно совершенствуется технически, хотя только в 70-х годах нашего столетия утрачивает кустарно-заводскую организацию, превратившись в полном смысле в самостоятельный оружейный завод»³⁶. В другой своей работе Зыбин,

видимо из патриотических побуждений, заявляет, что в начале XIX в. в техническом отношении завод стоял выше аналогичных иностранных заводов. Но тут же вносит весьма существенное дополнение: «К сожалению недоверие к западной науке, излишняя вера в свои силы в первой половине прошлого столетия привели к тому, что Тульский оружейный завод останавливается в своем развитии и, понятно, отстает от своих заграничных собратьев»³⁷. О застое в техническом оснащении завода говорил И.А. Крылов: «...последующие эпохи, вплоть до царствования императрицы Екатерины Великой, черпают из регламентации оружия и его производства при Петре: кремневое ружье не меняет своего наружного облика, видоизменяясь в мелочах и по-прежнему оставляя желать многого, в смысле усовершенствования в главном»³⁸. Более того, «решенная еще при Екатерине перестройка завода по различным причинам не могла состояться, пока страшным пожаром 29 июня 1834 года не были уничтожены все деревянные и часть каменных зданий завода»³⁹.

При всех недостатках ТОЗ всегда оставался ведущим центром по производству огнестрельного ручного оружия в стране. В период кремневого оружия, когда технология изготовления находилась на достаточно низком уровне, подспорьем для казенных оружейников в случаях крайней необходимости становились их частные коллеги. На это с особым упором акцентирует внимание Ф. Граф, приводя в качестве примера обстановку в период напряженной борьбы с Наполеоном в 1812–1814 гг.⁴⁰ А по оценкам С.А. Зыбина, из 500 тыс. вновь изготовленных и отремонтированных ружей, поставленных для армии из Тулы в этот период, не менее половины пришлось на долю частных оружейников⁴¹.

Подходы к описанию истории и оценке положения ТОЗ дореволюционными авторами в целом распространялись и на два других казенных оружейных завода — Сестрорецкий и Ижевский.

С первых дней основания Сестрорецкий завод испытывал большие трудности в своем функционировании. Построенный силами рабочих Олонецких заводов, укомплектованный мастерами за счет тех же заводов⁴², Сестрорецкий завод являлся бременем для казны по причине высокой стоимости своей продукции. Причем об этом Петра I предупреждал еще в самом начале создания завода его строитель В. де-Геннин. Однако для царя экономические факторы не имели решающего значения, «только было бы в близости»⁴³.

Многие авторы отмечали тот факт, что над этим заводом постоянно висел дамоклов меч возможной ликвидации все из-за той же чрезмерно высокой стоимости изделий. По свидетельству Н.Е. Бранденбурга, дело доходило до того, что Военная коллегия из-за дороговизны отказывалась приобретать изготовленные здесь ружья⁴⁴, а затем всячески уклонялась от приемки в свое ведение этого предприятия⁴⁵. Попытки наладить более эффективное производство усилиями В. де-Геннина имели кратковременный эффект⁴⁶. По мнению одного автора, причиной сохранения крайне нерентабельного предприятия было опасение правительства остаться без оружия в случае какого-либо происшествия на ТОЗ⁴⁷. Во второй половине XVIII в. положение завода по-прежнему оставалось непростым: «...несмотря на все ... нововведения, положение заводов нисколько не улучшилось. Отсутствие работы, сокращение штатов, бедность мастеровых, беспомощность со стороны правительства — вот в общих чертах состояние Сестрорецких заводов...»⁴⁸ Когда в начале XIX в. снова встал вопрос об упразднении завода, император Александр I, «желая сохранить идею, вложенную Петром Великим в основу существования завода...», приказал выделить средства на обновление крайне изношенных гидротехнических сооружений Сестрорецкого завода⁴⁹.

Состояние гидротехнических сооружений, подверженных сезонным колебаниям р. Сестры, постоянно лихорадило завод. Ф. Граф отмечал, что по этой причине завод в 1830–1850-е гг. не мог развивать свою нормальную ежегодную мощность, которая согласно штату 1829 г. была определена в 30–40 тыс. ружей⁵⁰. Это обстоятельство предопределяло еще более высокую стоимость продукции, превышающую аналогичные показатели ТОЗ в 3 раза⁵¹.

А. Орфеев стал единственным исследователем, который попытался проанализировать причины недостатков в работе Сестрорецкого завода. Отмечая тот факт, что до перехода предприятия в арендно-коммерческое управление (1864) оно почти никогда не выполняло получаемых нарядов, Орфеев анализирует причины, на которые обычно ссылались командование завода в оправдание этих недоделов⁵². Однако все эти основания, по мнению автора «Истории Сестрорецкого оружейного завода», нельзя признать уважительными. «...главная причина заключалась в том, что во главе заводской администрации стояли офицеры,

совершенно без всякого технического образования вообще и оружейного дела в частности. Как командиры завода, так и остальные офицеры, руководившие техническими работами, назначались в завод преимущественно из строевых частей с кадетским или низшим образованием. Следовательно, они были плохими двигателями технического дела на заводе, а еще хуже — руководителями мастеровых, требовавших постоянных указаний, в особенности при изготовлении нового оружия»⁵³.

Описывая предысторию строительства третьего оружейного завода — Ижевского, исследователи отмечали всю сложность принятия правительством решений в области развития военной промышленности. О необходимости строительства новых оружейных заводов говорилось еще в императорском указе 1782 г., посвященном реорганизации ТОЗ. Однако за время правления Екатерины II этот вопрос так и не был решен⁵⁴. В начале XIX в. у президента Берг-коллегии А.В. Алябьева возникла идея о строительстве нового ружейного завода на р. Каме⁵⁵. Однако этому замыслу на протяжении 1800–1807 гг. не удалось осуществиться. Главным препятствием была несогласованность между ведомствами, а вернее «ревность» военного ведомства к попыткам горного взять строительство в свои руки⁵⁶. Даже после того как 20 февраля 1807 г. императорским указом обер-берггауптману 5-го класса А.Ф. Дерябину было поручено строительство оружейного завода на базе существовавшего с 1760 г. Ижевского железоделательного завода, противостояние ведомств не прекратилось. Начальник ТОЗ отказался отправить на новый завод своих мастеров-оружейников, поэтому Дерябину пришлось выписывать специалистов из-за границы⁵⁷. Автор первого описания Ижевского железоделательного и оружейного завода сообщал, что в 1817 г. из первоначальных 70 иностранных мастеров, преимущественно немцев, оставалось всего 18, но большинство из них занимали руководящие должности, возглавляя отдельные цеха⁵⁸.

Исследователи, в особенности А. Соловьев, приводили многочисленные примеры серьезных просчетов в организации оружейного производства, косности и рутинности при рассмотрении вопросов совершенствования технического оборудования предприятия. Когда принималось решение о сооружении оружейного завода, то предполагалось, что он будет преимущественно заниматься сборкой готового оружия из частей, поставляемых горными заводами и частными производителями. Однако

уже в октябре 1809 г. Ижевскому заводу была поставлена задача осуществлять полный цикл оружейного производства. В результате, при увеличении объемов получаемых нарядов, стало не хватать мощностей гидротехнических сооружений, рассчитанных на ограниченный круг работ⁵⁹. На заводе продолжали десятилетиями использоваться деревянные здания и сооружения, а меры по их реконструкции принимались чрезвычайно медленно. Вопрос об оснащении завода паровой машиной поднимался еще в 1841 г., однако решен был только в условиях арендно-коммерческого управления в 1875 г.⁶⁰

Характерно, что автор не связывал напрямую приводимые им недостатки с низким качеством выпускаемой заводом продукции, прежде всего кричного железа для производства оружейных стволов, которое поставлялось и для ТОЗ. Между тем в первой половине XIX в. объемы брака были огромными. По сведениям С.А. Зыбина, в период с 1826 по 1832 гг. на ТОЗ было забраковано более 33 % присланного ствольного железа, с 1832 по 1836 гг. — 53 %, а с 1842 по 1854 гг. — 65 %⁶¹. Анонимный автор на страницах «Оружейного сборника» писал, что это не только приносило большие убытки казне, но и снижало мотивацию самих производителей⁶². А. Соловьев объясняет причины брака весьма обтекаемо: «Плохие качества железа давали право предполагать, что виною всему — недостаток теоретических познаний не только у мастеров, но и у начальствующих лиц Ижевского железоковательного завода, но этому служит достаточным опровержением — дурные качества железа получаемого и с тех горных заводов, где начальствующие лица обладали достаточными теоретическим образованием. Скорее здесь играло роль искусство выделки железа и уменье применяться к местным условиям...»⁶³ Проблема с качеством ствольного железа была разрешена частично после приглашения на Ижевский завод французских специалистов — братьев Грандмонтан, наладивших в 1855–1865 гг. изготовление железа по так называемому контуазскому способу⁶⁴. Только в 1870-е гг. и опять же с помощью иностранной помощи (на сей раз — прусского заводчика Бергера) на предприятии было поставлено изготовление качественных стволов из тигельной стали⁶⁵.

Помимо истории заводов в поле зрения исследователей дореволюционного периода попадали и отдельные проблемы, имевшие принципиальное значение для оружейного производства

в целом. Среди таковых следует упомянуть соотношение участия частного и казенного предпринимательства в данном сегменте военной промышленности.

Автор изданной еще в 1846 г. книги о ручном оружии поручик В. Александров считал возможным использование частных заводов только в условиях развитой промышленности, при наличии конкуренции. Передача в аренду казенных предприятий позволяла добиться их технического переоснащения, снизить цены на готовую продукцию, а также освобождала государство от необходимости заниматься заводским делом. В то же время автор указывал, что такой способ «редко обеспечивает казну, насчет доброты и исправной доставки оружия, равно и благосостояния завода; ибо спекулятор заводчик, невнимательностью и незнанием дела легко приведет завод в упадок, и казна должна будет употреблять значительные суммы на его восстановление...»⁶⁶

Данная тема еще более актуализировалась после крестьянской реформы 1861 г. и последовавшего освобождения работников оружейных заводов от обязательного труда. В условиях, с одной стороны, финансовых трудностей государства при необходимости срочного перевооружения армии новыми типами ручного огнестрельного оружия, а с другой стороны, освобождения оружейников «с одновременным требованием с их стороны увеличения заработной платы», выбор был сделан в пользу, так сказать, «срединного» пути — передачи заводов в аренду их командирам. По словам П. Майкова, «...сущность нового порядка состоит ... в том, что военное ведомство, сохраняя за собой полное право собственности на принадлежащие ему оружейные заводы, предоставило полное право пользования ими прежним командирам их, как бы частным арендаторам, обязанным поставлять за то известное количество оружия»⁶⁷.

Однако новая форма организации производства просуществовала недолго. Примечательно, что авторы, говоря о возвращении заводов под казенное управление, как правило умалчивают о причинах такого перехода⁶⁸. С.А. Зыбин по поводу ТОЗ только коротко заметил, что новый способ управления «не только не улучшил заводского дела, а, наоборот, разорил завод...»⁶⁹ В то же время историограф Ижевского завода А. Соловьев отмечал: «Сталелитейный завод, основанный в коммерческое управление, перешел в казну в техническом отношении вполне устроенным, так что новому казенному управлению выпало

на долю только совершенствовать детали уже установившегося стального производства»⁷⁰. Что касается Сестрорецкого завода, то А. Орфеев высоко оценивал деятельность арендатора полковника Лиlienфельда: «Полное знание заводской деятельности, выдающаяся практика и неутомимая энергия ... служат ясным доказательством того, что слабая деятельность завода зависела не от внешних причин, которые предшественники его, управлявшие заводом на казенных правах, представляли высшему начальству в оправдание своих недостатков в административной распорядительности, техническом и хозяйственном отношении»⁷¹.

В целом к началу XX в. сформировалось устойчивое мнение исследователей о решающей роли государственного сектора в производстве оружия для армии. Главным аргументом при этом выступал нерегулярный характер заказов, объемы которых резко колебались в зависимости от перевооружения новыми образцами оружия. Данное мнение вполне определенно выразили авторы коллективного труда: «Периодичность требований на предметы перевооружения армии составляет особенность, неблагоприятную для производства таковых предметов на частном заводе»⁷².

Следует упомянуть также о вопросе, проходившем сквозной нитью через всю дореволюционную историографию. Речь идет о роли иностранного опыта и технической помощи в организации и совершенствовании оружейного производства в России. О роли иностранных предпринимателей и иностранных специалистов в строительстве первых железоделательных заводов в XVII в. выше уже было сказано. Дореволюционные авторы, как правило, не акцентировали внимание на участии иностранных специалистов в налаживании производства на оружейных заводах, воспринимали данное явление как данность, не пытаясь скрывать или приуменьшать значение подобных фактов.

И.Х. Гамель прямо писал: «К улучшению технических работ на Тульском оружейном заводе много содействовали иностранные оружейные мастера»⁷³. Для иллюстрации этого он приводит примеры отправки оружейников для обучения на завод датчанина Любатье в 1713 г.; приглашения на ТОЗ в течение XVIII в. прусских оружейных мастеров⁷⁴; внедрения английским мастером Дж. Джонсоном технологии штамповки замочных частей, позволившей уже в конце 1810-х гг. добиться взаимозаменяемости деталей оружия⁷⁵.

С.А. Зыбин, рассказывая об основании на ТОЗ английским инструментальным мастером Ф.И. Довихом мастерской для изготовления точных математических и физических инструментов, отмечал: «Без всякого сомнения присутствие на заводе такой мастерской не могло не влиять воспитательным образом на сравнительно грубые приемы тогдашних оружейных работ»⁷⁶. Этот же автор говорил о большой пользе для завода работы оружейника А. Сурнина, прошедшего хорошую специальную подготовку в Англии и вывезшего оттуда много машин и чертежей⁷⁷.

Активное привлечение иностранного технического опыта отмечалось авторами после окончания Крымской войны, в особенности после передачи заводов в арендно-коммерческое управление и начала освоения производства оружейных стволов из стали. Так, для изготовления нарезных 6-лин винтовок на Тульский и Ижевский заводы были приглашены бельгийские фабриканты из Льежа Фалис и Трапман⁷⁸, в США был командирован штабс-капитан Лилиенфельд для ознакомления с фабричным способом изготовления винтовок и закупки необходимого оборудования⁷⁹. О внедрении на Ижевском заводе технологии изготовления железа по контуазскому способу братьями Грандмонтан упоминалось выше. Но и постановке производства тигельной стали для изготовления частей оружия предприятие было обязано, по мнению А. Соловьева, бельгийскому мастеру И.Ф. Брюно⁸⁰. На Сестрорецком заводе с 1860 г. началось освоение машинного способа изготовления винтовочных лож с использованием приобретенного в США оборудования⁸¹. А. Орфеев подчеркивал, что на этом заводе при арендаторе полковнике Лилиенфельде иностранные специалисты заняли большинство мест не только среди мастеров, но и среди представителей администрации⁸². Коренная реконструкция ТОЗ после возвращения его в казенное управление в начале 1870-х гг. производилась по заграничным образцам с использованием большого количества импортного оборудования из Германии и Англии⁸³.

Автор исторического очерка о металлообрабатывающей промышленности России указывал на высокий уровень заимствования образцов западноевропейского оружия в отечественном оружейном производстве, говоря, что «Россия в этом отношении только следовала за европейским искусством»⁸⁴.

Более основательно эту мысль развил уже в начале XX в. известный конструктор стрелкового оружия В.Г. Федоров. В целом

его работы можно считать своего рода вершиной дореволюционной историографии оружейного дела. В.Г. Федоров смог в значительной степени преодолеть довлевшие над авторами ведомственные предрассудки и стремление нивелировать очевидные упущения и даже провалы в организации оружейного производства. Вывод Федорова о состоянии этой отрасли в России звучал так: «Почти все заимствовалось у нас из-за границы; слишком мало было у нас своих национальных, отечественных изобретателей и деятелей в области ружейного дела <...> в отношении вооружения и других технических средств Россия, идя в хвосте своих западных соседей, заимствуя все из заграницы, естественно не только с начала прошлого столетия, но и всегда должна была отставать в деле своевременного перевооружения новыми образцами оружия. Факт постоянного вывоза “армат из немец” должен был сказываться не только теперь, но и раньше»⁸⁵.

Причины такого положения автор видел, во-первых, в слабости отечественной промышленности⁸⁶; во-вторых, в слабости научно-исследовательской и испытательной базы отечественного оружейной отрасли⁸⁷; в-третьих, в отсутствии частных оружейных заводов, «...конкурирующих между собой — для сбыта своих произведений и вследствие этого стремящихся установить у себя производство более совершенных образцов оружия...»⁸⁸

Дореволюционная историография оружейного производства в России имела целый ряд специфических черт, определявшихся как общим уровнем развития исторической науки своего времени, так и профессиональным составом исследователей. Авторами большинства трудов были военные, как правило непосредственно связанные со службой на оружейных заводах и, следовательно, хорошо знавшие их внутреннее устройство. В своих работах они не были склонны к глубокому анализу описываемых событий, не пытались увязывать происходившие изменения в оружейном производстве с политическими и социально-экономическими процессами в стране и в мире. В большинстве случаев авторы ограничивались изложением фактов, описанием технического оборудования заводов, технологических процессов производства, конструкции оружия, характеристикой личного состава заводов. Ряд крупных работ страдали излишней компилятивностью, представляя из себя своего рода заводские летописи, излагающие историю предприятий заводов в хронологической последовательности, зачастую без какого-либо определенного плана и даже с

отсутствием связи между отдельными сюжетами. В этом была значительная ограниченность дореволюционной историографии, находившейся под влиянием ведомственных установок и интересов, приверженной патерналистским воззрениям на природу и принципы существования оружейных заводов.

Вместе с тем, дореволюционные исследователи своим трудами заложили довольно прочный фактологический фундамент в изучение истории оружейного производства России. Тщательное и добросовестное изучение правительственных указов, касавшихся развития оружейного дела, обращение к документам из ведомственных и заводских архивов, систематизация которых к тому времени находилась в зачаточном состоянии, широкий круг вопросов и проблем, затронутых в многочисленных работах — все это несомненно следует отнести к заслугам дореволюционных авторов перед российской историографической школой.

¹ См., напр., Сухов В.А. Казенные оружейные заводы в эпоху империализма (1900–1917 гг.). Автореф. дис... канд. ист. наук. Тула, 1979. С. 7; Трутнева Н.Ф. Тульские казенные оружейники 1712–1864 гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1988. С. 4.

² Ашурков В.Н. Русские оружейные заводы во второй половине XIX века. Очерки по истории государственной военной промышленности эпохи домонополистического капитализма. Автореф. дис... док. ист. наук. Цит. по: Ашурков В.Н. Избранное. История Тульского края. Тула: Приокское кн. изд-во, 2003. С. 185.

³ Поликарпов В.В. Государственное производство вооружения в России (1905 г. — февраль 1917 г.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1986. С. 9.

⁴ См., напр., Ляпин В.А. Военное производство казенных горных заводов Урала первой половины XIX в. в дореволюционной историографии // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение: сб. научн. трудов. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 62–69.

⁵ Тульские оружейники: Сб. док. / отв. ред. И.Н. Юркин. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 3–6.

⁶ Граф Ф. Оружейные заводы в России // Военный сборник. 1861. Т. 21. № 9. Отд. неофиц. С. 114.

⁷ Свиньин П.П. Тульский оружейный завод // Сын Отечества. 1816. Ч. 29. № 19. С. 246.

⁸ Гамель И.Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М.: тип. А. Семена, 1826. С. 28.

⁹ Афремов И. Историческое обозрение Тульской губернии. Т. 1. М.: тип. В. Готье, 1850. С. 179–180.

¹⁰ Зыбин С.А. История Императорского Тульского оружейного завода // Оружейный сборник. 1897. № 1. Отд. I. С. 4.

¹¹ Гамель И.Х. Указ. соч. С. 6.

- ¹² Александров В. Записки о ручном огнестрельном и белом оружии. СПб.: Французская тип., 1846. С. 85.
- ¹³ Афремов И. Указ. соч. С. 181.
- ¹⁴ Зыбин С.А. История Тульского императора Петра Великого оружейного завода. М.: типо-лит. т/д И.Н. Грызунов и К°, 1912. С. 54.
- ¹⁵ Гамель И.Х. Указ. соч. С. 18.
- ¹⁶ Гудим-Левкович П. Историческое развитие вооруженных сил в России до 1708 года. СПб.: тип. В. Демакова, 1875. С. 42.
- ¹⁷ Гамель И.Х. Указ. соч. С. 19–21.
- ¹⁸ Афремов И. Указ. соч. С. 182.
- ¹⁹ Бранденбург Н.Е. Администрация оружейного дела в России в начале XVIII столетия // Оружейный сборник. 1876. № 3. Отд. III. С. 43.
- ²⁰ Зыбин С.А. История Императорского... С. 8.
- ²¹ Там же. С. 46.
- ²² Соколовский И. К вопросу о состоянии промышленности в России в конце XVII и первой половине XVIII столетия // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1890. Кн. 3. С. 41.
- ²³ Там же. С. 42.
- ²⁴ Гамель И.Х. Указ. соч. С. 41.
- ²⁵ Граф Ф. Указ. соч. С. 116.
- ²⁶ Головщиков К.Д. История города Ярославля. Ярославль: Л.Н. Пастухов, 1889. С. 155–156.
- ²⁷ Мартыанов. Указ. соч. С. 4.
- ²⁸ Гамель И.Х. Указ. соч. С. 35.
- ²⁹ Абрамов Н. О железных и оружейных заводах в Сибири в XVII и первой половине XVIII столетий // Вестник Императорского Русского географического общества. 1860. Ч. 30. Кн. 12. С. 190.
- ³⁰ Гамель И.Х. Указ. соч. С. 42.
- ³¹ Бранденбург Н.Е. Исторические сведения о технических органах... С. 38.
- ³² Зыбин С.А. Льеж и Тула. Тула: тип. губерн. правл., 1903. С. 50.
- ³³ Зыбин С.А. История Императорского... // Оружейный сборник. 1897. № 3. Отд. I. С. 58.
- ³⁴ Бранденбург Н.Е. Администрация оружейного дела... С. 53.
- ³⁵ Зыбин С.А. История Тульского... С. 106.
- ³⁶ Зыбин С., Неклюдов М., Левицкий М. Оружейные заводы (Тульский, Сестрорецкий и Ижевский). [Кронштадт], 1898. С. 15.
- ³⁷ Зыбин С.А. Льеж и Тула. С. 55.
- ³⁸ Крылов И.А. Описание Императорского Тульского оружейного завода. Тула: Тип. губерн. правл., 1901. С. 5.
- ³⁹ Там же. С. 27.
- ⁴⁰ Граф Ф. Указ. соч. С. 136.
- ⁴¹ Зыбин С.А. Льеж и Тула. С. 54.
- ⁴² Полетика И., Блинов М. История основания русских горных заводов // Памятная книжка для русских горных людей на 1862 год. СПб.: тип. И. Огризко, 1862. С. 213.
- ⁴³ Орфеев А. История Сестрорецкого оружейного завода // Оружейный сборник. 1900. № 2. Отд. I. С. 45.
- ⁴⁴ Бранденбург Н.Е. Сестрорецкий завод в первой половине XVIII столетия // Оружейный сборник. 1882. № 3. Отд. III. С. 4.

- ⁴⁵ Мартынов. Исторический очерк развития оружейного дела на Сестрорецком заводе // Оружейный сборник. 1890. № 1. Отд. I. С. 9.
- ⁴⁶ Там же. С. 12.
- ⁴⁷ П.М.М. О производительных силах оружейных заводов: Ижевского, Тульского и Сестрорецкого. Статья II, об оружейниках и управлении ими // Артиллерийский журнал. 1862. № 1. Отд. II. С. 45.
- ⁴⁸ Орфеев А. Указ. соч. // Оружейный сборник. 1901. № 1. Отд. II. С. 25.
- ⁴⁹ Там же. С. 26.
- ⁵⁰ Граф Ф. Указ. соч. С. 366.
- ⁵¹ Там же. С. 374.
- ⁵² Орфеев А. Указ. соч. // Оружейный сборник. 1904. № 4. Отд. I. С. 27–28.
- ⁵³ Там же. С. 33.
- ⁵⁴ П.М.М. Указ. соч. С. 47.
- ⁵⁵ Ижевский оружейный завод // Оружейный сборник. 1885. Отд. III. С. 19.
- ⁵⁶ Там же. С. 20.
- ⁵⁷ Соловьев А. Материалы для истории Ижевского сталелитейного завода // Оружейный сборник. 1902. № 2. Отд. II. С. 13.
- ⁵⁸ Описание Ижевского железолитейного и оружейного завода // Вестник Европы. 1817. № 15–16. С. 262.
- ⁵⁹ Соловьев А. Указ. соч. С. 36.
- ⁶⁰ Там же. С. 43.
- ⁶¹ Зыбин С.А. История Тульского... С. 277.
- ⁶² В.Б.Р. Несколько слов о введении у нас литой стали для ружейных стволов // Оружейный сборник. 1863. № 1. Отд. II. С. 141.
- ⁶³ Соловьев А. Указ. соч. // Оружейный сборник. 1902. № 3. Отд. II. С. 29.
- ⁶⁴ Там же. С. 49.
- ⁶⁵ Соловьев А. Указ. соч. // Оружейный сборник. 1904. № 1. Отд. I. С. 57.
- ⁶⁶ Александров В. Указ. соч. С. 82–83.
- ⁶⁷ Майков П. Об отдаче оружейных заводов в арендно-коммерческое управление их командирам // Оружейный сборник. 1866. № 2. Отд. II. С. 66.
- ⁶⁸ См., напр.: Исторический обзор Тульского оружейного завода и настоящее его положение // Оружейный сборник. 1873. № 4. Отд. II. С. 6.
- ⁶⁹ Зыбин С.А. Краткая история Тульского императора Петра Великого оружейного завода. М.: типо-лит. т/д И.Н. Грызунов и К°, 1912. С. 37.
- ⁷⁰ Соловьев А. Указ. соч. // Оружейный сборник. 1904. № 1. Отд. I. С. 64.
- ⁷¹ Орфеев А. Указ. соч. // Оружейный сборник. 1904. № 2. Отд. I. С. 23.
- ⁷² Зыбин С., Неклюдов М., Левицкий М. Указ. соч. С. 70.
- ⁷³ Гамель И.Х. Указ. соч. С. 60.
- ⁷⁴ Там же. С. 61.
- ⁷⁵ Там же. С. 73.
- ⁷⁶ Зыбин С.А. История Императорского... // Оружейный сборник. 1906. № 3. Отд. II. С. 6.
- ⁷⁷ Там же. С. 11.
- ⁷⁸ Краткий обзор преобразованиям по артиллерии с 1856 по 1863 г. // Артиллерийский журнал. 1863. № 4. Приложение. С. 51.
- ⁷⁹ Там же. С. 52.
- ⁸⁰ Соловьев А. Указ. соч. // Оружейный сборник. 1904. № 1. Отд. I. С. 56.

⁸¹ Гутор Е. Машинное изготовление лож на Сестрорецком оружейном заводе // Оружейный сборник. 1865. № 1. Отд. II. С. 2.

⁸² Орфеев А. Указ. соч. // Оружейный сборник. 1903. № 3. Отд. I. С. 33.

⁸³ Исторический обзор... С. 11.

⁸⁴ Субботин А. Фабричные и ремесленные изделия из металлов // Историко-статистический обзор промышленности России. Т. II: Произведения фабричной, заводской, ремесленной и кустарной промышленности. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1886. С. 57.

⁸⁵ Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 2–3.

⁸⁶ Федоров В.Г. Автоматическое оружие. СПб.: тип. «Родник», 1907. С. 294.

⁸⁷ Там же. С. 295.

⁸⁸ Там же. С. 296.

О.Е. Алтеев (Москва)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ РУССКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА (1885–1914)

БОРЬБА ЗА ГОСПОДСТВО в Центральной Азии и противодействие попыткам Великобритании утвердить влияние в регионе являлись важными направлениями внешней политики Российской империи в конце XIX — начале XX вв. Со временем это соперничество стало известно как «Большая игра». В условиях перманентного дипломатического противоборства с Великобританией большое значение для России приобретала подготовка к военным действиям на территории Афганистана и Северной Индии. Вместе с тем, военные аспекты этого противостояния остаются недостаточно исследованными. Если изучение стран Азии русскими военными востоковедами получило подробное освещение в научной литературе¹, то планирующая деятельность Генштаба России на этом направлении рассматривается фрагментарно². Вопрос о русском стратегическом планировании в Центральной Азии является одним из ключевых для изучения военно-дипломатической истории России позднеимперского периода и понимания ее роли в международных отношениях.

Попытки оказать силовое воздействие на англичан в Центральной Азии предпринимались военно-политическим руководством Российской империи на протяжении всего XIX в. Здесь в первую очередь следует назвать известный несостоявшийся поход казаков Войска Донского под предводительством атамана генерала от кавалерии В.П. Орлова в 1801 г. и сосредоточение войск Туркестанского военного округа к кишлаку Джам на бухарской границе летом 1878 г., носившее демонстрационный характер. В середине века события Крымской войны

1853–1856 гг. вызвали к жизни ряд проектов «Индийского похода», вышедших из-под пера крупных военно-политических деятелей империи И.Ф. Бларамберга, А.О. Дюгамеля, барона Ф.Ф. Торнау, С.А. Хрулева и П.А. Чихачева³. В январе 1877 г. знаменитый в будущем полководец генерал-майор М.Д. Скобелев также составил записку, в которой предложил детальный план вторжения в пределы Индии⁴. Все вышеуказанные проекты на момент разработки были неосуществимы.

Систематическая подготовка России к военным действиям против Великобритании на северо-западных подступах к Индии началась после присоединения Ахал-Текинского и Мервского оазисов в 1881 и 1884 гг. и Кушкинского боя 18 марта 1885 г. Последний привел к серьезному кризису в русско-английских отношениях, вынудившему военно-политическое руководство империи готовиться к войне с Великобританией.

Сразу после победы над афганцами Комитет по мобилизации войск — главное планирующее подразделение Главного штаба Военного министерства — подготовил обширный доклад «О мобилизации войск на случай разрыва с Англией» от 1 апреля 1885 г. за № 9, подписанный военным министром генералом от инфантерии П.С. Ванновским и начальником Главного штаба генерал-лейтенантом Н.Н. Обручевым⁵. Доклад был утвержден императором Александром III 2 апреля. В нем предлагалось провести в случае войны с Великобританией частичную мобилизацию войск ряда военных округов для усиления войск Закаспийской области и Туркестанского военного округа.

Одновременно с подготовкой мобилизационного развертывания Главный штаб начал разработку плана наступательной операции на Центральноазиатском театре военных действий. Его подготовка возлагалась на генерал-майора А.Н. Куропаткина. В это время будущий военный министр руководил мобилизационной работой всей русской армии во главе группы офицеров и военных чиновников, которая 16 января 1887 г. будет институционально оформлена как Комиссия по разработке данных на случай войны при Комитете по мобилизации войск Главного штаба.

В течение весны и лета 1885 г. А.Н. Куропаткин разработал план, на 20 лет ставший основой для подготовки к выступлению против Афганистана и Британской Индии. Он был изложен в записке «Соображения на случай войны с Англией на Среднеазиатском театре действий», представленной Н.Н. Обручеву 8 июля 1885 г.⁶

Главной целью русских войск в регионе ведущий на тот момент эксперт по методам ведения колониальной войны называл «наступление в Средней Азии, какие бы затруднения оно ни представляло, с целью победить Англию на суше, в самом чувствительном для нее месте — в Индии»⁷.

Куропаткин предполагал развернуть в Средней Азии Отдельный Закаспийский корпус, состоявший из трех основных группировок. Главный удар наносился из Закаспийской области на Герат и далее на Кандагар. Вспомогательный удар планировался в Афганском Туркестане с целью захвата Мазари-Шарифа, Кабула и закрытия проходов через Гиндукушский хребет. После занятия Гератской провинции и Афганского Туркестана Куропаткин предполагал приступить к оккупации всего Афганистана и вторжению в Индию.

План войны в Центральной Азии А.Н. Куропаткина остался нереализованным. «Слон и Кит», как аллегорически называла Россию и Великобританию современная пресса, проявили политическое благоразумие и взаимное нежелание идти на дальнейшую эскалацию конфликта. 29 августа (10 сентября) 1885 г. было подписано компромиссное Лондонское соглашение. Наиболее важным с военной точки зрения последствием «Пендинского кризиса» стало то, что с этого времени Главный штаб Российской империи начал вести систематическую подготовку к войне с Афганистаном и Великобританией в Центральной Азии и разрабатывать соответствующие планы.

Дальнейшая подготовка к выступлению русской армии в Центральной Азии до Русско-японской войны проводилась в соответствии с планом А.Н. Куропаткина. Главными задачами военного ведомства в регионе являлись увеличение количества войск и улучшение их организации, ускорение мобилизации и сосредоточения. В этом направлении был проведен ряд важных мероприятий: здесь в 1880–1896 гг. была сооружена однопутная Закаспийская железная дорога (с 1899 г. Среднеазиатская железная дорога), соединившая Красноводск на берегу Каспийского моря и Самарканд. В 1900 г. была введена в эксплуатацию важнейшая ее линия Мерв — Кушка, выводящая прямо в район сосредоточения главных сил русской армии в Туркестане. Увеличивалось количество войск в Туркестане и Закаспийской области, а в 1899 г. были сформированы I и II Туркестанский корпуса. Важным направлением

оперативного оборудования территории среднеазиатских владений империи стало крепостное строительство. В 1889 г. на берегу Амударьи было основано укрепление Керки, а в 1897 г. начато строительство укрепления Термез. На них планировалось базировать группировку войск, действующую на вспомогательном кабульском направлении. В 1890 г. в Пендинском оазисе началось возведение Кушкинского поста — опорного пункта для наступающих на Герат главных сил русской армии в Туркестане. В 1902 г. Кушкинский пост переименовали в крепость 3-го класса Кушку⁸.

Важным фактором стратегического планирования на центральноазиатском направлении являлась разведывательная деятельность русского Генштаба в регионе. Следует отметить, что разработка планов военных действий против Афганистана и Британской Индии на рубеже XIX–XX вв. осуществлялась в условиях «информационного голода» и носила во многом гадательный характер. Причиной этого было неудовлетворительное обеспечение русской разведкой военного руководства государства данными об Афганистане, прежде всего о географических свойствах страны, ее путях сообщения, дислокации и численности армии. Картографирование его территории также не стояло на должной высоте. Это было связано с тем, что после Второй англо-афганской войны 1878–1880 гг. доступ в пределы Афганистана русскоязычным христианским подданным Российской империи был закрыт, и разведка велась здесь нелегально. Наиболее известным эпизодом, связанным с разведывательными миссиями русских офицеров в этом государстве, следует признать рекогносцировку капитаном Л.Г. Корниловым крепости Дейдади в 1899 г.⁹ Несколько лучшими были представления о территории Индии, куда на рубеже XIX и XX столетий неоднократно командировались офицеры Генерального штаба капитан В.Ф. Новицкий (1898), подполковник А.А. Полозов и штабс-капитан А.Е. Снесарев (оба в 1899 г.), подполковник И.К. Серебrenников (1901), подполковник Л.Г. Корнилов (1903) и др.¹⁰ Результатом деятельности военной разведки в Центральной Азии стали публикации информационно-аналитических материалов в ведомственных изданиях Главного штаба и штаба Туркестанского военного округа¹¹.

В начале XX в. российский Генеральный штаб оценивал численность афганских регулярных войск в 60 батальонов

(палтанов), 15 полков (рисала) конницы — всего 52 180 человек¹² — и 240 орудий. Индо-британская армия, по отечественным данным, состояла из 52 батальонов и 36 эскадронов английских войск, 139 батальонов и 161 эскадрона индийцев, 466 орудий — почти все в составе британских контингентов¹³. Англо-индийские войска распределялись по четырем армиям — Пенджабской, Бенгальской, Мадрасской и Бомбейской. Их общая численность составляла 232 714 человек¹⁴. Эти цифры были чуть ниже реальной списочной численности индо-британской армии, которая в 1901 г. состояла из 208 917 военнослужащих¹⁵. В случае войны в Центральной Азии штаб Туркестанского военного округа ожидал встретить здесь 50–70 тыс. афганцев и 50–60 тыс. англо-индийцев, наступающих на Герат¹⁶.

Подготовка развертывания войск на гератском направлении осуществлялась штабом Закаспийской области, на мазари-шарифском — штабом Туркестанского военного округа, при этом предполагалось усиление войск гератского направления за счет Туркестанского округа. Руководство последнего активно возражало против этого, считая свое направление приоритетным, однако, во время Фашодского кризиса 1898 г. между Францией и Великобританией, новый военный министр А.Н. Куропаткин настоял на том, чтобы гератское направление было признано главным.

В конце 1898 г. Главный штаб с санкции верховной власти начал подготовку к вмешательству в вероятную войну между двумя колониальными державами. С этой целью Комитет по мобилизации войск разработал план частичной мобилизации войск ряда военных округов. Целью военных приготовлений Российской империи составители плана — начальник Главного штаба генерал-лейтенант Вик.В. Сахаров, управляющий делами Комитета по мобилизации войск генерал-майор В.И. Афанасьев и его сотрудники называли вторжение в Афганистан и последующий поход в Индию¹⁷.

По оценкам русских военных экспертов, для «похода в Индию» требовалось 350–500 тыс. войск, поэтому в Главном штабе решили в случае войны усилить группировку в Средней Азии крупными подкреплениями с Кавказа и из Казанского и Московского военных округов. План операции, разработанный Главным штабом, снова предусматривал нанесение главного удара по Герату и вспомогательного — на Мазари-Шариф.

На Памире предполагалось произвести демонстрацию силами небольшого отряда, действующего со стороны Ферганы.

В 1898–1899 гг., после завершения присоединения Закаспийской области к Туркестанскому военному округу штаб последнего стал разрабатывать два основных боевых расписания: 1-е — на случай сосредоточения главных сил у Кушки, против Герата; 2-е — на случай сосредоточения главных сил у Термеза, против Мазари-Шарифа. Кроме того, разрабатывались еще два вспомогательных расписания на случай военных действий в Северо-Восточной Персии и в Китайском Туркестане (Синьцзяне).

Разработка плана вторжения в Афганистан и «похода в Индию», предложенного А.Н. Куропаткиным, достигла наивысшей точки в 1903 г. Это было связано с новым обострением отношений с Великобританией. С целью подготовки к вероятному столкновению с Англией, 18–20 декабря 1903 г. в Санкт-Петербурге, под председательством А.Н. Куропаткина, было проведено совещание по вопросам планирования войны с Афганистаном и Великобританией¹⁸. Оно проходило на фоне все больше заходивших в тупик переговоров с Японией по разграничению сфер интересов в Маньчжурии и Корее. Его участники называли целью действий русской армии в Центральной Азии осуществление «похода в Индию».

В работе совещания приняли участие А.Н. Куропаткин, командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Н.А. Иванов, начальник Главного штаба генерал-лейтенант Вик.В. Сахаров, помощник командующего войсками округа генерал-лейтенант Вс.В. Сахаров, 2-й генерал-квартирмейстер Главного штаба генерал-майор Я.Г. Жилинский и др. Делопроизводство вели начальник 9-го (оперативного) отделения полковник М.В. Алексеев и состоявший в числе штаб-офицеров Генерального штаба при Главном штабе подполковник Ю.Н. Данилов.

Основным решением, принятым участниками, стало окончательное признание гератского операционного направления главным, из-за чего составление боевого расписания № 2 отменялось. Кроме того, на штаб Туркестанского военного округа возлагалась задача начать разработку нового плана вторжения в Индию. По итогам совещания был подготовлен доклад по Главному штабу № 31 от 6 февраля 1904 г., подписанный А.Н. Куропаткиным¹⁹.

В нем излагался окончательный план войны в Центральной Азии, предполагавший поэтапное овладение Афганистаном в течение двух последовательных кампаний и нанесение решительного удара Великобритании «в пределах самой Индии, с целью лишить ее этой важнейшей колонии, служащей главным источником ее могущества»²⁰ (схема № 1). Главным операционным направлением для армии вторжения назывался путь от Кушки на Герат, Фарах и Гиришк к Кандагару и далее на британские укрепленные лагеря у Пишина и Кветты в Белуджистане. Вспомогательный удар наносился в Афганском Туркестане, где перед русскими войсками ставилась задача занять Мазари-Шариф, Кабул и запереть проходы через Гиндукуш. Отсюда же намечалось наступать в Северный Пенджаб. Соединение двух группировок должно было состояться уже на Инде. 7 февраля этот план был утвержден Николаем II.

Таким образом, к началу Русско-японской войны русский план «похода в Индию» через Герат и Кандагар окончательно оформился, пережив сложный период дискуссий вокруг выбора главного операционного направления. Но трагическая эпопея русской армии 1904–1905 гг. похоронила и этот амбициозный план, и дальнейшую военную карьеру главного его вдохновителя А.Н. Куропаткина.

Неудачная кампания в Маньчжурии 1904–1905 гг. привела к пересмотру всей подготовки к выступлению русской армии в Центральной Азии. Невозможность выполнения мобилизации в случае новой войны и осознание вскрывшихся недостатков в организации войск, боевой и оперативной подготовке привели к изменению стратегических планов России и в Центральной Азии. Выяснилась низкая мобилизационная готовность войск Туркестанского военного округа. Его руководство обращало внимание Главного штаба на низкую готовность резервных частей округа, которые получали пополнения с 22-го по 42-й дни и не представляли собой серьезной боевой силы²¹. Кроме того, выяснилось, что наряд на запасных по «Мобилизационному расписанию № 18» требовалось увеличить на 663 офицера, 110 чиновников и 14 334 нижних чина, а считая и некомплект по штату мирного времени — на 766 офицеров, 117 чиновников, 20 965 нижних чинов²². Также обнаружилась слабость укреплений Кушки, Термеза и Керков, которые более не могли рассматриваться как база для сосредоточения армии. Так, верки главного форпоста России в регионе — крепости Кушки — при постройке

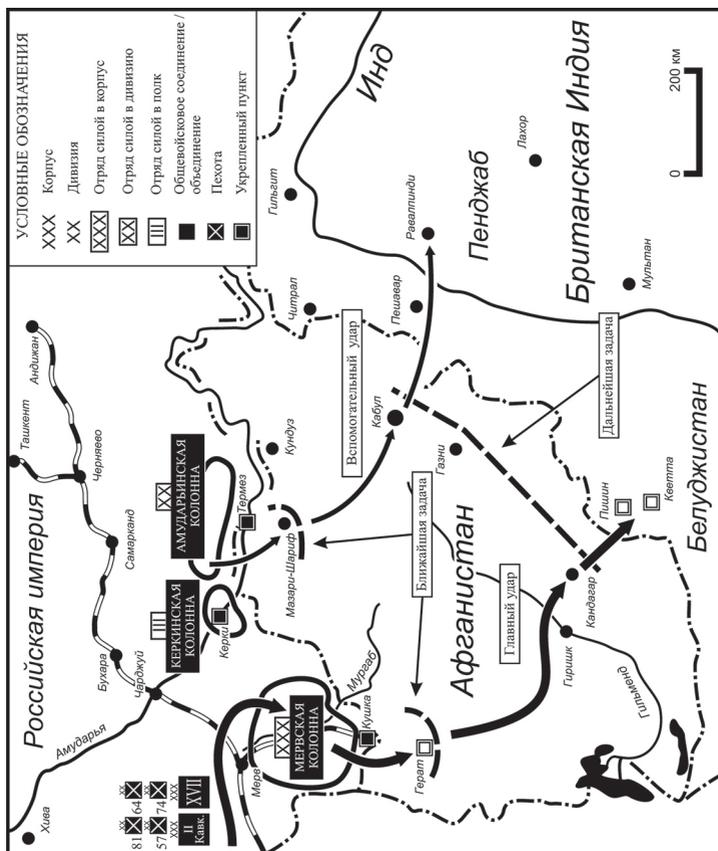

Схема № 1. План развертывания и действий войск Туркестанского военного округа (1904)

не рассчитывались на противостояние современной нарезной артиллерии. Состоявшееся в конце октября 1908 г. совещание под председательством помощника командующего войсками округа генерал-лейтенанта К.А. Кондратовича пришло к неутешительному выводу о том, что крепость была обеспечена только от налета и захвата кавалерией. Совещание предложило усилить крепость постройкой трех современных фортов, рекомендовало увеличить гарнизон до пяти батальонов и вооружить крепостную артиллерию 4,2-дм пушками²³.

Вторая причина пересмотра основ стратегического планирования на центральноазиатском направлении заключалась в росте информированности Генерального штаба о театре военных действий и о вооруженных силах вероятных противников. После создания в 1905 г. Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), главного планирующего органа государства, военное ведомство стало уделять больше внимания ведению разведывательной деятельности и научному анализу добытой информации. Если до Русско-японской войны Афганистан представлялся, по образному выражению постоянного члена Совета государственной обороны, видного военного инженера генерал-лейтенанта А.П. Вернандера, страной, «в которой даже в 20-ти верстах от границы неизвестно что происходит»²⁴, то начиная с 1905 г. знания об этом регионе стали неуклонно возрастать. Большая заслуга в этом принадлежала выдающемуся военному востоковеду А.Е. Снесареву.

На изменение вектора стратегической мысли русского Генштаба решающее влияние оказали получаемые сведения о переменах дислокации англо-индийской и афганской армий и об организационно-штатных мероприятиях в вооруженных силах Индии. Еще с 1904 г. в распоряжение военной разведки начали поступать данные о реформе индо-британской армии, начатой ее новым главнокомандующим генералом виконтом Г. Китченером. Главным ее компонентом стало введение постоянных тактических соединений — бригад и дивизий, которые организационно объединялись сперва в три командования, а с 1907 г. в Северную и Южную армии. Первое донесение о начавшейся реорганизации англо-индийских войск передал в Петербург 15 (28) ноября 1904 г. военный агент (атташе) в Лондоне генерал-майор Н.С. Ермолов²⁵. По мнению разведчика, реформа Китченера была направлена против России, так как «в Средней Азии Англии более не с кем воевать корпусами (т. е.

командованиями. — *Авт.*)»²⁶. Части и соединения индо-британской армии, как считали в Петербурге, после завершения преобразований должны были приобрести высокую 100-часовую мобилизационную готовность.

Благодаря донесениям разведки расчеты «мозга армии» на то, что при возникновении вооруженного конфликта в Центральной Азии основные военные действия развернутся в Западном Афганистане и Белуджистане, к чему готовились в России, признавались ошибочными. Из-за этого руководство ГУГШ было вынуждено отказаться от старого плана войны и начать разработку проекта развертывания главных сил Туркестанской армии в районе Термеза, где теперь ожидалось наступление англо-индийских войск. Необходимо отметить, эти выводы были неверными — британские планы предусматривали оборону на так называемой «научной границе» — по хребту Гиндукуш и на линии Кандагар — Кабул. Также завывшалась численность и мобилизационная готовность англо-индийских войск. В Генштабе считали, что через 1,5 месяца после начала мобилизации британцы и афганцы выставят 314 $\frac{3}{8}$ батальона пехоты, 468 эскадронов кавалерии, 846 орудий. Ожидалось, что перевозка экспедиционных войск из метрополии займет 20–21 день, хотя в действительности это могло занять от полугода до года. Организация борьбы с ожидаемым русским вторжением требовала не менее 104 тыс. англо-индийских войск и 100 тыс. дополнительных подкреплений, что далеко превышало мобилизационные ресурсы Индии и ее метрополии²⁷.

Исходя из новых данных о дислокации индо-британской армии руководство ГУГШ во главе с начальником Генштаба генерал-лейтенантом Ф.Ф. Палицыным убедилось в бесперспективности гератского операционного направления и предпочтительности кабульского. Так как соединенные силы англо-афганцев, которые русские войска могли встретить в Северном Афганистане, оценивались в 375 тыс. человек, в Генеральном штабе решили уравновесить силы противников путем усиления Туркестанской армии пятью корпусами из европейских округов. Сосредоточение столь значительных сил стало возможным после введения в эксплуатацию в 1905 г. Оренбурго-Ташкентской железной дороги протяжением 2090 верст и проходившей через Кинель, Оренбург, Перовск и Ташкент.

10 сентября 1908 г. Ф.Ф. Палицын приказал генерал-квартирмейстеру штаба Туркестанского военного округа генерал-майору

Л.В. Федяю начать разработку оперативного плана, «в предположении, что главная масса войск, предназначенных для военных действий в Афганистане, будет двинута на Термез — Мазари-Шариф — Кабул»²⁸. Эта группа должна была состоять из I Туркестанского армейского корпуса и пяти указанных выше европейских корпусов. Новый план должен был быть оборонительным. Вопрос о «походе в Индию» в новых стратегических реалиях уже не поднимался.

Получив указания ГУГШ, с 12 по 26 февраля 1909 г. под личным руководством командующего войсками генерал-лейтенанта П.И. Мищенко штаб Туркестанского округа провел игру с целью проверки новой оперативной концепции²⁹. С ее помощью окружной штаб обнаружил несколько серьезных изъянов в плане развертывания, предложенном ГУГШ. Игра показала невозможность сосредоточения в районе Термеза армии в 6 корпусов, так как организовать ее снабжение было проблематичным. Апеллируя к полученным в ходе занятий выводам, ташкентские стратеги вступили в дискуссию с Петербургом из-за предложенного плана войны в Центральной Азии. Так, начальник штаба округа генерал-лейтенант Г.К. Рихтер указал на неподготовленность района Термеза для сосредоточения больших масс войск. Он называл основным препятствием для выполнения задуманного развертывания отсутствие здесь железной дороги. Единственной коммуникацией, соединяющей Самарканд и Термез, был плохо оборудованный почтовый тракт протяжением 358 верст. Из-за этого штаб Туркестанского округа предложил сократить термезскую группировку с 6 до 4 корпусов и сосредоточить три корпуса у Кушки.

После длительного периода согласования всех деталей плана туркестанское делопроизводство ГУГШ подготовило «Высочайшие указания командующему войсками Туркестанского военного округа на случай войны с англо-афганцами» — от 23 мая 1910 г.³⁰ Они предусматривали сосредоточение подкреплений из Центральной России в двух группах, как на том настаивали в Ташкенте. Целью наступательной операции в Центральной Азии назывался «разгром англо-афганских войск и наступление главных сил армии через Афганский Туркестан на Кабул с целью овладения этим политическим и административным центром всего Афганистана»³¹. Ближайшие задачи звучали следующим образом: «Пользуясь превосходством над противником в первый период войны, наши авангарды должны принять с самого начала

энергичный, активный образ действий, дабы, не выжидая окончательного сосредоточения всех сил Туркестанской армии, быстрым вторжением в пределы Афганистана захватить пограничные районы с расположенными в них крепостями Гератом и Дейдади»³².

В течение 1910, 1911 и первой половины 1912 гг. штаб Туркестанского округа подготовил отчетные работы, содержащие детальное развертывание в Средней Азии армии, состоявшей из двух Туркестанских корпусов, пяти европейских — всего 204 батальона, 201 эскадрон и сотня, 850 орудий — около 350–400 тыс. человек. Детально проработанный в Ташкенте план войны против Афганистана и Великобритании предполагал разгром объединенных сил противников в течение двух кампаний (схема № 2). В ходе первой требовалось занять Северный Афганистан и укрепиться в нем, во второй — провести наступательную операцию на Кабул и Кандагар. Таким образом, в оперативном планировании штаба Туркестанского военного округа после 1910 г. стали возрождаться забытые после Русско-японской войны наступательные тенденции. Это проявлялось, прежде всего, в повышенном внимании к гератскому направлению и в подготовке к движению на Кандагар, запиравший путь в Индию.

Последний план войны в Центральной Азии 1910 г. представлял собой «амальгаму» плана А.Н. Куропаткина 1885–1904 гг. и разработок ГУГШ постманьчжурского периода. В итоговом варианте 1910 г. план войны в Центральной Азии предусматривал, по сути, нанесение двух главных ударов — на кабульском, формально основном, и на второстепенном гератском направлении.

Делопроизводственные материалы Генштаба России свидетельствуют о том, что подготовка России к войне в Центральной Азии непрерывно велась с 1885 по 1914 гг. Планируя войну в Центральной Азии, «мозг армии» рассматривал «поход в Индию» всего лишь как дальнейшую задачу действующих на этом театре войск. Ближайшая и главная задача всегда оставалась неизменной — разгром соединенных англо-афганских войск в предгорьях Гиндукуша, после которого могло последовать наступление в британские владения. Поэтому основное содержание всех подготовленных в Петербурге и Ташкенте оперативных планов составляли действия на территории Афганистана, а «индийский поход» считался «номером сверх программы» и детально не разрабатывался.

Подготовка к войне в Центральной Азии ставила целью не завоевание Индии и даже не демонтаж британского владычества

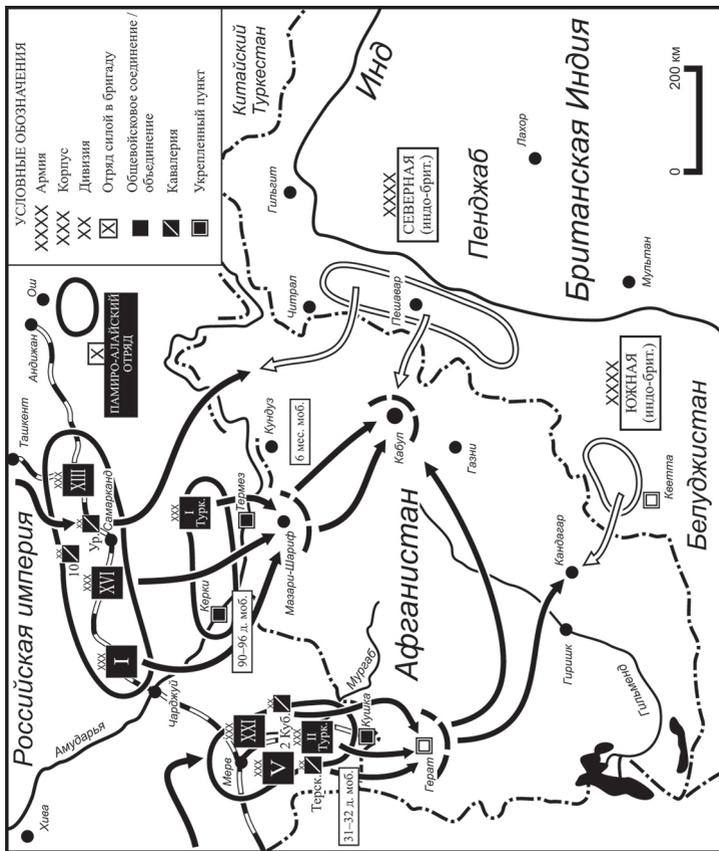

Схема № 2. План развертывания и действий Туркестанской армии (май 1910–1914)

в Южной Азии, а только военное поражение вооруженных сил Великобритании в регионе. Русский Генштаб считал, что этой цели можно достичь не только прямым вторжением в пределы Индостана, но и активной обороной. Поэтому он уделял большее внимание планированию оборонительной или контраступательной операции на территории Афганистана, нежели разработке плана наступления к индийским границам.

Военная элита России единодушно признавала необходимость подготовки к вооруженному противостоянию с Великобританией хотя бы в силу того, что она оставалась одним из главных геополитических противников. Реалистично мыслящие крупнейшие военные и колониальные деятели Российской империи отзывались о «походе в Индию» как об исключительно вынужденном мероприятии. Предметом дискуссий была только политическая целесообразность завоевания богатейшей британской колонии военной силой.

Из-за подобного отношения к идее «похода в Индию» в русских военных кругах вопрос о его подготовке серьезно обсуждался только в моменты наибольшей напряженности между Россией и Великобританией — в 1885 и 1903 гг. Англо-русское соглашение 1907 г. не завершило соперничество между двумя империями, лишь отсрочив эндшпиль «Большой игры». Об этом свидетельствовала активная разработка русским Генштабом военных планов на центральноазиатском направлении после нормализации отношений двух стран. Вероятность возникновения нового дипломатического конфликта между Россией и Великобританией не исключала и воскрешения похороненных в столах и сейфах ГУГШ и штаба Туркестанского военного округа планов вторжения в Индию.

¹ См., напр.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / ред. кол. А.А. Вигасин, А.Н. Хохлов, П.М. Шаститко. М., 1997. С. 134–157; Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. London, 2000; Его же. «У ворот английского могущества»: А.Е. Снесарев в Туркестане, 1899–1904. СПб., 2015; Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. М., 2005; Колесников А.А., Харатишвили Г.С. Россия и Афганистан. Миссии. Экспедиции. Путешествия. СПб., 2011; Рудницкий А.Ю. Этот грозный Громбчевский...: Большая игра на границах империи. СПб., 2013.

² См., напр.: Карамов Я.А. Граница с Афганистаном в конце XIX — начале XX в. в военно-стратегических планах России // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1999. № 5. С. 50–59; Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах

российских военных и политических деятелей XVIII — начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007; Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1860–1917. London; New York, 2006. P. 131–162.

³ См. подробнее: Штейнберг Е.Л. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX — начале XX вв. // Исторические записки / отв. ред. Б.Д. Греков. Т. 33. М., 1950. С. 53–55; Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии (Пенде, март 1885 г.). Ташкент, 1981. С. 33–35.

⁴ Опубликовано в: Проект М.Д. Скобелева о походе в Индию // Исторический вестник. 1883. Т. XIV. Декабрь. С. 543–555.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 402. Оп. 1. Д. 291. Л. 1–9 об.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 34. Л. 1–53 об.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ Там же. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2155. Л. 1, 35 об.

⁹ Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. London, 2000. С. 67–76.

¹⁰ Там же. С. 142; Басханов М.К. «У ворот английского могущества»... С. 43.

¹¹ См., напр.: Сборник новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств. Британская империя. СПб., 1902; Сборник новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств. Афганистан. СПб., 1904; Серебренников И. [К.] Индо-британская армия. Ташкент, 1903–1908. Вып. 1–2.

¹² Сборник новейших сведений... Афганистан. С. 3.

¹³ Сборник новейших сведений... Британская империя. С. 66.

¹⁴ Там же. С. 86.

¹⁵ См.: Omissi D. The Sepoy and the Raj. The Indian Army, 1860–1940. Houndmills (Basingstoke, Hampshire); London, 1998. P. 133.

¹⁶ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 589. Л. 9.

¹⁷ Там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2323. Л. 40–40 об., 130–135, 152–153 об.

¹⁸ Журналы совещания см.: Журнал № 1 заседания 18 декабря 1903 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 504. 2-я паг. Л. 2–11; Журнал № 2 заседания 19 декабря 1903 г. // Там же. Л. 12–23 об.; Журнал № 3 заседания 20 декабря 1903 г. // Там же. Л. 24–30 об.

¹⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 504. 2-я паг. Конверт: Л. 52. Вложенные листы: Л. 1–11 об.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ Там же. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 531. Л. 6 об.

²² Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6595. Л. 3.

²³ Там же. Ф. 1396. Оп. 2. Л. 618. Л. 21–21 об.

²⁴ Там же. Ф. 830. Оп. 1. Д. 53. Л. 5 об.

²⁵ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 283. Л. 161–166 об.; приложения к донесению см.: Л. 167–179 об.

²⁶ Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6924. Л. 6.

²⁷ Gooch J. The Plans of War. The General Staff and British Military Strategy c. 1900–1916. London, 1974. P. 203.

²⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 960. Л. 20–21.

²⁹ Отчет об игре см.: Там же. Д. 956. Л. 225–244 об.

³⁰ Там же. Д. 3590. Л. 1–3 об.

³¹ Там же. Л. 2.

³² Там же. Л. 2 об.

О.Е. Алпеев, М.А. Коневская (Москва)

ОРГАНИЗАЦИОННО-МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ШТАБА (ГЕНШТАБА) И ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЕ РККА (КА) В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1921–1941)

РАЗВИТИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ организационно-мобилизационных структур Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в 1920-е — первой половине 1930-х гг. были неразрывно связаны со сложным экономическим, внутри- и внешнеполитическим положением, в котором оказался СССР после окончания Гражданской войны. Политическое и военное руководство РСФСР, а впоследствии СССР начало поиск новых форм и методов строительства Вооруженных сил в условиях мирного времени. Возникла настоятельная необходимость проведения военной реформы. Она включала, во-первых, сокращение Вооруженных сил, а во-вторых — поиск такой системы военного строительства, которая не являлась бы обременительной для государства, но обеспечивала бы военную подготовку всего мужского населения и гарантировала безопасность страны.

Реформирования Вооруженных сил потребовало и реорганизации организационно-мобилизационных структур РККА. В новых условиях отпала необходимость в двух параллельных органах центрального военного управления — Всероглавштабе, выполнявшем главным образом административные функции, и Полевом штабе Реввоенсовета (РВС), Республики (РВСР), отвечавшем за оперативное руководство войсками. В целях централизации управления Вооруженными силами приказом РВСР от 10 февраля 1921 г., № 336/41, путем объединения этих двух органов был создан единый Штаб РККА¹. В нем сосредоточилась вся деятельность по руководству организационно-мобилизационной работой

в РККА — организация Вооруженных сил, подготовка и проведение мобилизации, комплектование армии. За эту работу отвечал 2-й помощник начальника Штаба, в ведении которого находились Организационное и Мобилизационное управления. Эту должность занимал В.Е. Гарф. В сентябре 1922 г. была произведена реорганизация управлений, непосредственно подчиненных 2-му помощнику начальника Штаба (Организационного, Мобилизационного и Управления по комсоставу). Приказом РВСР от 18 сентября 1922 г., № 2175, был объявлен штат Управления 2-го помощника начальника Штаба РККА, которое состояло из канцелярии, Мобилизационного отдела, Организационного отдела и Отдела по командному составу².

Начавшаяся реформа РККА вызвала радикальные изменения в системе организационно-мобилизационных структур Вооруженных сил. Во исполнение приказа РВС СССР от 28 марта 1924 г., № 446/96, была проведена коренная реорганизация центральных органов управления³. За Штабом РККА была закреплена всесторонняя военная подготовка обороны СССР, тогда как административное руководство текущей деятельностью и жизнью РККА передавалось в ведение вновь созданного управления (с 26 января 1925 г. — Главного управления (ГУ)) РККА. В компетенцию последнего входили вопросы проведения призыва и приема на военную службу, комплектования воинских частей и учреждений рядовым и командным составом, учета личного состава и конского состава и др. Согласно проведенной реорганизации на базе соответствующих отделов были сформированы Организационное и Мобилизационное управления Штаба РККА. Приказом РВС СССР от 31 октября 1924 г., № 1333, Организационное и Мобилизационное управления были слиты в одно управление — Организационно-мобилизационное⁴. Объединенное управление возглавил С.И. Венцов-Кранц.

22 июля 1926 г. на основании приказа РВС СССР № 390 Организационно-мобилизационное управление было преобразовано во 2-е (Организационно-мобилизационное) управление Штаба РККА в составе пяти отделов⁵. 1 июля 1929 г. в составе 2-го (Организационно-мобилизационного) управления штаба РККА был создан 4-й отдел (планирования обеспечения войск вооружением, техникой и другими материальными средствами), который в начале 1931 г. был преобразован в самостоятельное Материально-плановое управление Штаба РККА.

Практика работы организационно-мобилизационных структурных подразделений Штаба РККА показала, что их структура и функционал не соответствовали объему возложенных на них задач. Управления оказались перегруженными выполнением мелких повседневных задач, что обусловило передачу исполнительских функций в организационно-мобилизационной сфере в ГУ РККА. Для объединения всей работы по войсковой мобилизации приказом РВС СССР от 18 февраля 1926 г., № 130, руководство войсковой мобилизацией также было передано из Штаба РККА в ГУ РККА, которое с 1925 г. возглавлял В.Н. Левичев. Во исполнение этого же приказа в ГУ РККА было сформировано новое Управление по войсковой мобилизации и укомплектованию.

В конце 1920-х гг. произошла новая реорганизация центрального аппарата, в ходе которой существенно изменилась и структура организационно-мобилизационных органов. Приказом РВС СССР от 19 апреля 1929 г., № 86, было объявлено новое Положение о Народном комиссариате по военным и морским делам⁶, а приказом от 21 октября 1929 г., № 200/40 — новые положения о центральном аппарате Наркомвоенмора, включая положения о Штабе РККА и ГУ РККА⁷. Создавалось 2-е управление (Организационно-мобилизационное) Штаба РККА, которое в 1929 г. вновь возглавил С.И. Венцов-Кранц. 13 января 1930 г. по специальному постановлению РВС СССР Штабу РККА были переданы все функции мобилизационной работы.

В феврале 1931 г. в Штабе РККА была проведена реорганизация, в результате которой 2-е управление (Организационно-мобилизационное) было разделено на три самостоятельных управления: Организационное (2-е), Материально-плановое (5-е) и по войсковой мобилизации (9-е). По приказу Наркома обороны СССР от 22 ноября 1934 г., № 067, управления Штаба РККА были реорганизованы (переименованы) в отделы, в том числе 2-е (Организационное) управление — в 4-й (Организационный) отдел; 5-е (Материально-плановое) управление — в 5-й (Материально-плановый) отдел⁸. Одновременно многие вопросы организационно-мобилизационной работы вновь изымались из ведения Штаба РККА. Центральным органом по руководству комплектованием армии личным составом, организационно-штатным вопросам, войсковой мобилизации стало Административно-мобилизационное управление, которое было создано на базе расформированного 22 ноября 1934 г. ГУ РККА.

Несмотря на нескончаемые структурные изменения, организационно-мобилизационные органы РККА были вынуждены решать большое количество задач по строительству Вооруженных сил. Главным содержанием деятельности этих органов в 1923–1928 гг. стало руководство проведением военной реформы, а с 1927 г. — подготовка, выполнение и уточнение первого пятилетнего плана развития Вооруженных сил. В 1923 г. в СССР началась военная реформа, связанная с переводом Вооруженных сил на смешанную территориально-кадровую систему комплектования. 12 января 1923 г. РВС СССР издал приказ о переводе 9 кадровых стрелковых дивизий и одной милиционной бригады на территориальную основу⁹. 22–26 мая в Москве состоялось совещание военного руководства СССР — по формированию территориальных дивизий и организации военной подготовки трудящихся — под председательством начальника Штаба РККА П.П. Лебедева¹⁰. В деятельности совещания и работавших в его рамках секций и комиссий принимали активное участие сотрудники Управления 2-го помощника начальника Штаба РККА, в том числе помощник начальника организационного отдела А.Е. Гурор, В.И. Самуйлов, Н.Л. Шпекторов. По итогам работы совещания приняты «Положение о территориальных дивизиях»¹¹ и «Руководящие указания по формированию дивизий с территориальным комплектованием и по организации военной подготовки допризывников; призывных, не состоящих на действительной военной службе в Красной армии; и повторительного обучения запасных»¹². 8 августа 1923 г. был издан декрет Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) СССР от «Об организации территориальных частей и проведении военной подготовки трудящихся»¹³. Приказом № 1969/519 РВСР от 6 сентября были объявлены единые штаты управления, учреждений и частей милиционной (территориальной стрелковой) дивизии, разработанные сотрудниками Управления 2-го помощника Начальника Штаба РККА¹⁴. К осени 1925 г. количество территориальных соединений составило уже 50 %. К концу 1920-х гг. уже насчитывалась 41 территориальная дивизия. В стрелковых войсках территориальные части составляли 60 %, а в кавалерии — 26 %¹⁵. Комплектование армии с началом реформы стало осуществляться на основании первого общесоюзного «Закона об обязательной военной службе», утвержденного 18 сентября 1925 г. ЦИК и СНК СССР.

Переход Вооруженных сил страны на положение мирного времени и успешное установление смешанной территориально-кадровой системы комплектования позволили организационно-мобилизационным органам РККА приступить к их плановому развитию. Первой перспективной программой стал трехлетний план, разработанный Организационно-мобилизационным управлением к февралю 1925 г. Он предусматривал количественное и качественное усиление материальной части армии, увеличение ее численности при сохранении количества развертываемых в военное время соединений¹⁶. Предполагалось, что к 1927–1928 гг. численность Вооруженных сил с 556 тыс. чел. увеличится до 698 тыс.¹⁷

«Военная тревога» 1927 г., вызванная дипломатическим конфликтом между СССР и Великобританией, потребовала от военно-политического руководства страны интенсифицировать процесс военного строительства. В начале 1927 г. сотрудники 2-го (Организационно-мобилизационного) управления Штаба РККА разработали новый, пятилетний, план развития Вооруженных сил СССР, рассмотренный правительственной комиссией И.С. Уншлихта 16–26 мая 1927 г. В работе комиссии активное участие принимали начальник 2-го управления Н.А. Ефимов, начальник отдела 2-го управления Д.А. Кучинский, начальник ГУ РККА В.Н. Левичев¹⁸. 16 июня план был представлен в Совет труда и обороны (СТО) СССР, одоббивший его. В феврале — мае 1928 г. 5-летний план (1928–1932) подвергся доработке и был вновь рассмотрен особой правительственной комиссией при СТО¹⁹. 30 апреля комиссия одобрила окончательный вариант программы развития Вооруженных сил²⁰.

Сложная международная обстановка, но вместе с тем и заметные успехи экономики СССР, достигнутые во время первой пятилетки развития народного хозяйства, привели к тому, что пятилетний план строительства Вооруженных сил подвергался значительным изменениям еще в ходе его реализации. Так, в августе 1930 г. по личному распоряжению И.В. Сталина была инициирована новая «реконструкция» РККА, предусматривавшая насыщение войск новыми образцами вооружения и военной техники — прежде всего, артиллерии, танков и самолетов, широкий перевод частей и соединений на механическую тягу при сохранении численности армии мирного времени. Этот уточненный план военного строительства на 1931–1933 гг. был изложен в докладе

начальника Штаба РККА Б.М. Шапошникова, подготовленном в январе 1930 г. 2-м управлением Штаба²¹. 10 января он был утвержден на заседании РВС СССР²².

С 1932 г. 2-е управление Штаба РККА работало над созданием плана развития РККА на вторую пятилетку (1933–1937), основные положения которого были закреплены в докладе нового начальника Штаба А.И. Егорова от 13 декабря 1933 г., № 32193²³. Активно участвовали сотрудники 2-го управления Штаба РККА и в совершенствовании организационно-штатной структуры Вооруженных сил. Их усилиями 17 октября 1929 г. были введены единые штаты для всех типов соединений и частей стрелковых войск. Большим достижением организационно-мобилизационных органов являлась разработка штатов самостоятельных механизированных соединений, ставшая возможной после начала массового поступления в войска бронетехники.

Важнейшей стороной работы организационно-мобилизационных структур РККА являлась подготовка мобилизации. В основу советского мобилизационного планирования 1920-х — первой половины 1930-х гг. был заложен тезис о необходимости добиться в случае войны совокупного превосходства по основным количественным показателям над всеми основными вероятными противниками на Западе и Востоке — Польшей, Румынией, Прибалтийскими государствами, Финляндией и Японией²⁴. Начало разработке первого мобилизационного плана было положено в сентябре 1922 г. распоряжением Штаба РККА²⁵. Тяжелое социально-экономическое положение страны неизбежно влияло на советское мобилизационное планирование, поэтому первые мобилизационные планы СССР не были обеспечены людскими и материальными ресурсами. По разработанному к весне 1923 г. мобилизационному расписанию предполагалось развернуть в случае войны 58 стрелковых дивизий в дополнение к 49 существовавшим в мирное время²⁶. Численность полностью отмобилизованной армии достигала 3626 тыс. чел.²⁷ В 1924 г. разработали новый мобилизационный план — «Вариант 5-зе», т. е. нацеленный на развертывание против потенциальных противников в Западной Европе. По этому плану предполагалось развернуть армию общей численностью в 3200 тыс. чел., состоящую из 107 стрелковых дивизий²⁸.

Развитие советского мобилизационного планирования в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. шло по пути увеличения

численности армии военного времени, роста числа развертываемых соединений, уменьшения сроков отмобилизования войск и сокращения времени мобилизационных перевозок. Кроме того, мобилизационные планы стали составляться таким образом, чтобы могли обеспечивать скрытое отмобилизование (под видом так называемых «Больших учебных сборов») как отдельных частей и соединений, так и целых военных округов. Такая опция была заложена в «Мобилизационный план № 15» (1933)²⁹. Существенный рост численности армии военного времени, инициированный руководством государства и Наркомвоенмора, во многом противоречил реальным возможностям страны. Тенденция подготовки заведомо необеспеченной ресурсами мобилизации продолжала оставаться характерной чертой советского мобилизационного планирования в 1920-е – 1930-е гг.

* * *

К середине 1930-х гг. перед советским военно-политическим руководством встали новые задачи в области укрепления обороноспособности страны. Рост милитаризма и развертывание массовых армий в крупнейших капиталистических государствах, обострение международной обстановки, особенно с приходом к власти в Германии в 1933 г. национал-социалистов во главе с А. Гитлером, и возросшая в связи со всем этим опасность вооруженного нападения на СССР потребовали проведения новой военной реформы³⁰. Основным ее содержанием в 1930-е гг. стал переход от смешанной, территориально-кадровой системы строительства РККА к единому кадровому принципу комплектования армии и флота.

Переход к кадровой системе строительства Вооруженных сил вызвал необходимость организационной перестройки органов центрального военного управления, в том числе и организационно-мобилизационных структур, находящихся в составе ГУ РККА и Штаба РККА. В целях повышения статуса последнего с учетом возрастания его роли и значения в военном строительстве и руководстве армией и флотом, в организации обороны страны постановлением СНК от 22 сентября 1935 г. Штаб РККА был переименован в Генеральный штаб РККА³¹.

Руководство организационным строительством в Генеральном штабе РККА продолжал осуществлять 4-й (Организационный) отдел. В марте 1938 г. он был преобразован в Организационно-мобилизационный. С 1 февраля 1939 г. в составе Генерального

штаба РККА был сформирован Мобилизационный (2-й) отдел, а 19 июля 1939 г. 2-й и 4-й отделы были объединены в Организационно-мобилизационное управление³². В марте 1940 г. его возглавил полковник (с апреля — комбриг, а с июня — генерал-майор) Н.И. Четвериков.

Совершенствование структуры организационно-мобилизационных органов советских Вооруженных сил продолжилось и после начала Второй мировой войны в Европе. Согласно новой реорганизации центрального военного управления, руководящим органом Народного комиссариата обороны (НКО) по вопросам мобилизации и комплектования войск стало созданное во исполнение приказа НКО от 11 октября 1939 г., № 0156, Главное управление Красной армии (ГУ КА), в состав которого входило Мобилизационное управление³³.

Последняя перед Великой Отечественной войной реорганизация центрального военного управления произошла летом 1940 г. Новая структура НКО была объявлена в приказе от 26 июля 1940 г., № 0037³⁴, а с 15 августа 1940 г. приказом НКО от 26 июля, № 0038, Генеральный штаб РККА был переведен на новый штат³⁵. Им предусматривалось создание самостоятельных управлений: Мобилизационного, Организационного, по комплектованию войск, которые подчинялись второму заместителю начальника Генерального штаба, и Управления по устройству тыла и снабжения, которое подчинялось первому заместителю начальника Генерального штаба. ГУ КА в июле 1940 г. было расформировано, а его Мобилизационное управление вошло в состав Генерального штаба.

Со второй половины 1934 г. на процесс советского военного строительства начал неумолимо влиять фактор возрождающейся германской армии. 25 февраля 1935 г. заместитель Наркома обороны М.Н. Тухачевский представил К.Е. Ворошилову докладную записку, в которой определял потребности Красной армии с учетом новых военно-стратегических реалий. Он приходил к заключению, что для успешной борьбы с западными противниками РККА военного времени должна иметь в своем составе 221 стрелковую дивизию, 31 механизированную бригаду, 11–14 тыс. самолетов³⁶. Ревизия советского стратегического планирования вынудила пересмотреть второй план пятилетнего развития РККА в сторону значительного количественного увеличения Вооруженных сил. 14 апреля 1935 г. начальник Штаба РККА

А.И. Егоров представил Наркому обороны доклад «Развитие РККА на 1936–1938 гг.», разработанный Организационно-мобилизационным отделом Штаба и положенный в основу программы дальнейшего военного строительства в СССР³⁷. Его составители предлагали довести состав РККА мирного времени до 100 стрелковых дивизий, что позволяло в случае войны развернуть армию в 175 дивизий³⁸. Организационно-мобилизационный отдел Штаба (Генерального штаба) РККА начал выполнение этой программы уже в 1935 г., и к началу следующего года численность Вооруженных сил возросла с 959 тыс. бойцов и командиров до 1423 тыс. человек. Вместо 86 стрелковых дивизий в армии стало 97³⁹.

Опыт смешанного территориально-кадрового принципа строительства показал, что он не обеспечивает необходимой боевой готовности войск и препятствует количественному росту РККА. Поэтому в 1935 г. в строительстве Вооруженных сил произошел переход к единому кадровому принципу комплектования войск при одновременном увеличении их численности. В течение года большая часть территориальных войск была переведена на кадровые начала: если до 1935 г. имелось всего 25 % кадровых дивизий, то к его концу — уже 77 %⁴⁰. В 1938 г. все войска окончательно перешли на кадровую организацию. Переход на кадровую систему строительства Вооруженных сил СССР и их деление на Рабоче-крестьянскую Красную армию, Рабоче-крестьянский Военно-Морской флот, пограничные и внутренние войска был закреплен «Законом о всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 г.

В 1938 г. организационно-мобилизационные структуры работали над третьим пятилетним планом развития Вооруженных сил СССР (1938–1942). Основные его положения были изложены в докладе Наркома обороны К.Е. Ворошилова и начальника Генерального штаба РККА Б.М. Шапошникова «О плане развития и реорганизации РККА в 1938–1942 гг.», который 29 ноября 1937 г. был утвержден Комитетом обороны при СНК СССР⁴¹. По завершении программы предполагалось довести численность РККА до 1780 тыс. человек, 96 стрелковых и 25 кавалерийских дивизий, 29 танковых бригад, 17 391 танка (по штатам военного времени), 12 059 самолетов.

Переход к кадровой системе комплектования позволил организационно-мобилизационным подразделениям Генерального

штаба РККА значительно улучшить организационно-штатную структуру войск. Так, в декабре 1935 г. НКО утвердил типовой штат стрелковой дивизии военного времени: три стрелковых полка, танковый, отдельный разведывательный, саперный батальоны, отдельный зенитный артиллерийский дивизион, отдельный батальон связи⁴². В 1938 г. его сменил новый штат, по которому огневая мощь дивизии значительно увеличивалась.

Развертывание Красной армии в военное время осуществлялось за счет сформированных в 1938 г. вместо упраздненных территориальных дивизий так называемых «дивизий тройного развертывания», которых насчитывалось 37. В случае мобилизации каждый из трех стрелковых полков такой дивизии формировал дивизию — всего 111 соединений.

Напряженная обстановка в мире, военные конфликты у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, угроза возникновения войны в Европе потребовали от государственного руководства СССР чрезвычайных мер по строительству Вооруженных сил и подготовке их и страны к войне. Летом 1939 г. началась реорганизация Сухопутных войск. 36 дивизий «тройного развертывания» были упразднены и переформированы в 92 ординарные дивизии штатной численностью 6000 человек⁴³. По новой организации, в РККА предполагалось иметь 173 стрелковые дивизии, общая численность устанавливалась в 2265 тыс. человек.

Под влиянием опыта войны с Финляндией в первой половине 1940 г. план развития РККА вновь подвергся изменениям. Его разработчики из Организационно-мобилизационного управления предлагали увеличить численность Вооруженных сил до 3 302 202 чел. при сокращении стрелковых соединений до 163 дивизий. Новый план развития был утвержден постановлением Комитета обороны при СНК СССР от 21 мая и оформлен на следующий день постановлением № 215⁴⁴. Одновременно с увеличением Вооруженных сил, Организационно-мобилизационное управление Генерального штаба Красной армии работало над совершенствованием организационно-штатной структуры их видов и отдельных родов войск. Так, в 1939–1941 гг. штаты стрелковой дивизии изменялись трижды.

Наиболее крупные и радикальные изменения произошли в автотанковых войсках. 21 ноября 1939 г. было принято решение ликвидировать танковые корпуса, заменив их отдельными танковыми соединениями (бригадами). После воссоздания

мехкорпусов в 1940 г. в каждый из них входили две танковые, вновь введенные вместо танковых бригад, и моторизованная дивизии, мотоциклетный полк, батальон связи, моторизованный инженерный батальон и авиационная эскадрилья.

Таким образом, в 1939–1940 гг., когда Вторая мировая война уже полыхала в Европе, благодаря усилиям организационно-мобилизационных подразделений Генерального штаба Красной армии Вооруженные силы СССР увеличились более чем втрое. В этот период были сформированы управления 42 стрелковых, 29 механизированных корпусов, 5 воздушно-десантных корпусов, 125 стрелковых дивизий, 61 танковая и 31 моторизованная дивизия⁴⁵. Части и соединения приобрели организационно-штатную структуру, приближенную к требованиям современной маневренной войны. По мобилизационному плану МП-41 Вооруженные силы СССР намечалось развернуть в составе 198 стрелковых, 61 танковой, 31 моторизованной, 13 кавалерийских дивизий, 5 управлений воздушно-десантных корпусов. После завершения мобилизационного развертывания численность армии должна была составить 8,9 млн. человек. В ее составе должно было насчитываться 32 628 самолетов (из них 22 171 боевой), свыше 106 тыс. орудий и минометов, около 37 тыс. танков⁴⁶.

В 1939–1940 гг. Организационно-мобилизационное управление приобрело бесценный практический опыт действительной мобилизации. В 1938 г. в СССР была проведена частичная мобилизация, когда Германия угрожала суверенитету Чехословакии. Тогда для развертывания сил, предназначенных для оказания помощи Чехословакии, было призвано около 400 тыс. военнообязанных на «Большие учебные сборы». Мобилизация коснулась не только западных приграничных округов, но и внутренних. Всего в боевую готовность (с доукомплектованием до штатов военного времени) были приведены 16 стрелковых, 16 кавалерийских дивизий, 3 танковых корпуса, 22 отдельные танковые и 17 авиационных бригад⁴⁷.

Нападение Германии на Польшу вынудило военно-политическое руководство СССР начать 7 сентября частичную скрытую мобилизацию войск 7 военных округов по «Мобилизационному плану № 22» (литеры «А»). Всего в «Больших учебных сборах» приняли участие управления 22 стрелковых, 5 кавалерийских, 3 танковых корпусов, 98 стрелковых и 14 кавалерийских дивизий, 28 танковых, 3 мотострелковые и 3 авиадесантные

бригады⁴⁸. Из запаса было призвано 2 610 136 человек⁴⁹. Еще около 550 тыс. бойцов и командиров было мобилизовано во время Советско-финляндской войны⁵⁰. Последний перед Великой Отечественной войной крупный призыв приписного состава на «Большие учебные сборы» начался 15 мая 1941 г., всего к 22 июня удалось поставить под ружье 805 264 человека, что составляло 24 % контингента, призываемого по мобилизации⁵¹.

Таким образом, в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами организационно-мобилизационные органы РККА провели большую работу по строительству Вооруженных сил. В целом весь комплекс проведенных преобразований способствовал укреплению Вооруженных сил и подготовке их к предстоящей войне. В СССР была создана современная армия, отвечающая требованиям времени. Благодаря работе организационно-мобилизационных подразделений Штаба (Генерального штаба) РККА и ГУ РККА (КА) их боевая и мобилизационная готовность из года в год повышалась, возрастала огневая и ударная мощь. Однако вследствие политических и военно-стратегических ошибок руководства страны и Вооруженных сил относительно времени возможного военного столкновения с германским нацизмом полностью осуществить намеченные планы укрепления Вооруженных сил до начала войны не удалось. Нападение Германии застало Красную армию в состоянии структурной перестройки, перевооружения, переподготовки военных кадров и мобилизационных контингентов. Дальнейшая деятельность организационно-мобилизационных органов РККА происходила уже в суровых условиях Великой Отечественной войны.

¹ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 4. Оп. 3. Д. 1674. Л. 46–46 об.

² Сборник приказов Революционного военного совета Республики 1922 г. № 2074–2312. Б. м., 1922. Отдельная пагинация. С. 1–9.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2154. Л. 233–234.

⁴ Там же. Оп. 12. Д. 44. Л. 342–342 об.

⁵ Там же. Ф. 54. Оп. 3. Д. 51. Л. 984–985 об.

⁶ Там же. Оп. 12. Д. 59. Л. 466–470.

⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3165. Л. 39.

⁸ Там же. Оп. 11. Д. 45. Л. 154–202.

⁹ Советские Вооруженные Силы. История строительства. М., 1978. С. 133.

¹⁰ Протоколы совещания см.: РГВА. Ф. 7. Оп. 6. Д. 275. Л. 446–460.

¹¹ Там же. Л. 461–473.

- ¹² Там же. Л. 491–494 об.
- ¹³ Объявлен приказом № 1742 РВСР от 11 августа 1923 г. См.: Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М., 1958. С. 86.
- ¹⁴ Реформа в Красной армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг.: в 2 кн. М.; СПб., 2006. Кн. 1. С. 670.
- ¹⁵ Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 274–275.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 1450. Л. 9.
- ¹⁷ Там же. Л. 220.
- ¹⁸ Материалы комиссии см.: РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 288.
- ¹⁹ Подробнее см.: Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). Изд. 2-е, перераб. М., 2008. С. 52–62.
- ²⁰ РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 573. Л. 60.
- ²¹ Там же. Ф. 40442. Оп. 1 а. Д. 332. Л. 2–9 об.
- ²² Кен О.Н. Указ. соч. С. 203.
- ²³ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1 а. Д. 332. Л. 102–117.
- ²⁴ Там же. Д. 747. Л. 1–2.
- ²⁵ Там же. Ф. 7. Оп. 6. Д. 1238. Л. 2.
- ²⁶ Там же. Д. 1273. Л. 337.
- ²⁷ Там же. Д. 1292. Л. 217.
- ²⁸ Там же. Ф. 54. Оп. 3. Д. 34. Л. 38.
- ²⁹ Кен О.Н. Указ. соч. С. 292.
- ³⁰ Генеральный штаб Российской армии: история и современность / под общ. ред. Ю.Н. Балуевского. М., 2006. С. 174.
- ³¹ Там же. С. 174.
- ³² РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3312. Л. 131–132.
- ³³ Там же. Оп. 15. Д. 22. Л. 239–240.
- ³⁴ Там же. Оп. 15 а. Д. 486. Л. 7–8.
- ³⁵ Там же. Л. 9–9 об.
- ³⁶ Кен О.Н. Указ. соч. С. 367–368.
- ³⁷ Подробнее см.: Кен О.Н. Указ. соч. С. 377–381.
- ³⁸ Там же. С. 378.
- ³⁹ Там же. С. 399.
- ⁴⁰ Советские Вооруженные Силы. С. 195.
- ⁴¹ 1941 год: В 2-х кн. / Сост. Л.Е. Решини др. Кн. 2. М., 1998. С. 532–549.
- ⁴² Там же. С. 197.
- ⁴³ Мельгюхов М.И. Указ. соч. С. 251.
- ⁴⁴ См.: РГВА. Ф. 40442. Оп. 2 а. Д. 169. Л. 25–35.
- ⁴⁵ Мельгюхов М.И. Указ. соч. С. 264.
- ⁴⁶ 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. С. 74.
- ⁴⁷ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы: [сб.] М., 2005. С. 102.
- ⁴⁸ Мельгюхов М.И. Указ. соч. С. 253.
- ⁴⁹ Там же. С. 273.
- ⁵⁰ Там же. С. 274.
- ⁵¹ Там же. С. 276.

М.А. Анисимова (Санкт-Петербург)

КОЛЛЕКЦИЯ ЯПОНСКИХ ЦУБА В СОБРАНИИ ВИМАИВ_иВС

КАК ИЗВЕСТНО, цуба — гарды японских мечей — представляют собой пластину, служащую в качестве упора для кисти руки, чаще всего круглой или овальной формы. Реже встречаются квадратные цуба, в форме цветка с разным количеством лепестков, или формы *кавари-гата* — «переменчивой», произвольной. Любая цуба имеет отверстие для клинка (*накаго-ана*), но у таких мечей, как *катана*, *вакидзаси* и *танто*, она имеет еще одно или два отверстия (*хицу ана*), полукруглой или трехлепестковой формы. В эти отверстия продевались рукоятки вспомогательных инструментов *кодзука* и *когаи*, находящихся в боковых «карманах» ножен, когда меч вставлялся в них. Мечи же *тати* таковыми инструментами не снабжались, будучи преимущественно оружием парадно-церемониального назначения. Цуба *тати* имели зачастую форму *аои* — четырехлепесткового цветка мальвы — или *ситоги* — сложную фигурную и объемную форму. Отверстие для клинка (*накаго-ана*) в цуба подгонялось к клинку при помощи медных вставок *сэкиганэ*, закрепленных по краям. Редко, но в цуба можно встретить еще, дополнительно, два маленьких круглых отверстия, так называемые *удэнуки ана*, для шнура *удэнуки*, подобия темляка.

Если в период постоянных междуусобных войн в Японии, называемых *сэнгоку дзидай* (вторая половина XV — начало XVII вв.), цуба были достаточно простыми и утилитарными, то в период Эдо (XVII–XIX), когда оружие преимущественно становится элементом костюма и одновременно символом статуса воина, цуба превращаются в настоящие произведения декоративно-прикладного искусства. В разных частях Японии появляются

школы, династии мастеров-ювелиров, складываются различные стили. Поэтому многие цуба имеют подписи мастеров, с указанием имени, а иногда и мастерской или провинции, в которой они были произведены. В этот период также все более разнообразными становятся техники украшения поверхности: рельефная резьба в высоком, низком или среднем рельефе, гравировка, инкрустация золотом, серебром и медью, позолота, обработка поверхности *нанako* («рыбья икра») в виде маленьких, выбитых пуансоном полусфер, располагающихся по поверхности цуба ровными рядами, и др.

Для украшения цуба использовались, например, элементы пейзажа, цветы и растения, животные, сюжеты с мифологическими, историческими персонажами, предметы быта и вооружение самураев. Основной сюжет, как правило, был на лицевой стороне, обращенной к воину, на обратной был лишь небольшой декор на ту же тему. Другие металлические детали оправы, как, например, *фути*, *касира*, наконечник ножен и пр., часто изготавливались в том же стиле, что и цуба, хотя это и было необязательно. Во всяком случае, считалось хорошим тоном, когда все детали меча были подобраны или изготовлены в едином стиле.

После открытия Японии во второй половине XIX в., как на Западе, так и в России, появляется мода на японскую культуру, японское декоративно-прикладное искусство становится предметом коллекционирования. Таким образом, японское оружие и детали его оправ появляются в частных коллекциях и в музеях.

Формирование коллекции японского оружия в Артиллерийском музее началось еще с конца XVIII в., в XIX — начале XX вв. были поступления лишь отдельных немногочисленных предметов. Вторая половина 1920-х — первая половина 1930-х гг. становятся временем наиболее многочисленных поступлений предметов вооружения в целом, в том числе и японских мечей. Появление коллекции цуба также относится к этому периоду. Коллекция состоит из двадцати девяти предметов, приобретенных музеем в 1936 г. из двух разных источников.

В августе 1936 г. четыре цуба были приобретены у некоей Е.Г. Федоровой. В акте приема было указано: «Комиссия, в составе начальника НИО военинженера первого ранга П.Д. Львовского и членов: Маркевича В.Е. и младшего сотрудника Тубьянского, осмотрела предложенные гражданкой Федоровой к приобретению четыре гарды от японских мечей две XVI века и две XVII века

работы японских мастеров-художников». Комиссия считала, что их приобретение необходимо «для экспозиции кабинета восточного оружия, ввиду отсутствия в музейном фонде подобных экземпляров», и оценила их в 150 р.¹ В процессе проведенного автором статьи исследования было уточнено, что эти цуба на самом деле более позднего времени — XVIII–XIX вв.

1. Цуба (ил. 1) с изображением *тануки*, XVIII в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/2).

Железная, круглая, с двумя отверстиями для вспомогательных инструментов. Покрыта патиной коричневого цвета, украшена резьбой и инкрустацией желтым металлом. На лицевой стороне — рельефное изображение дерева и двух сражающихся на палках животных (предположительно, енотовидных собак — *тануки*). С обратной стороны — изображение фрагментов ствола дерева.

Ил. 1. Цуба с изображением *тануки*, XVIII в. ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/2

Размеры: длина 8,1 см, ширина 8,1 см, толщина 0,4 см.

Тануки — енотовидная собака, обитающая на Дальнем Востоке, которой приписывают свойства оборотня. Персонаж японских сказок и мифов, про его проделки рассказывают множество невероятных историй. *Тануки* могут превращаться в людей или неодушевленные предметы и часто, ради шутки, морочат монахов, ночных путников и любителей сакаэ.

2. Цуба с изображением облаков и грибов. XVII–XVIII вв. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/5).

Железная, формы *надэкаку* (скругленный квадрат), покрыта патиной. Имеется два отверстия для вспомогательных инструментов. Поверхность неровная, фактурная, украшена резьбой, насечкой и инкрустацией желтым металлом с изображением облаков и грибов.

Размеры: длина 8,5 см, ширина 7,9 см, толщина 0,4 см.

3. Цуба (ил. 2) с изображением самураев, школа Сотэн (Япония), XIX в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/6).

Цуба из сплава *сякүдо*, имеет овальную форму, с одним отверстием для вспомогательных инструментов. Украшена изображением вооруженных самураев в доспехах, на фоне реки, выполненном в технике резьбы в среднем и низком рельефе, насечки желтым металлом, пуансирования (*нанакю*). С обратной стороны изображены волны, деревья и паруса. В центральной части (на *сэппадаи*) имеется надпись: «藻柄子宗典» («Сохэйси Мунэнори»).

Размеры: длина 6,5 см, ширина 5,7 см, толщина 0,3 см.

Сохэйси Мунэнори был знаменитый мастер XVIII в., также известный как Сотэн I. Он родился в Киото, потом жил в провинции Оми, в Хиконэ, и относился к школе Китагава. Иногда подписывал свои цубы полным именем: «Госю Хиконэ дзю Китагава Сохэйси Нюдо Мунэнори» (Госю — сокращенное название провинции Оми; Хиконэ — местность; *дзю* (житель); *нюдо* — буддийский монах), иногда — просто «Сохэйси Мунэнори», но наиболее известным является его сокращенное имя «Сотэн», [«藻典»], включающее первый и последний иероглифы его имени.

Для Сотэна и его школы были характерны цуба, украшенные изображениями японских и китайских персонажей литературных произведений и легенд, выполненные в технике резьбы, инкрустации цветными металлами². Известен был также и его сын Сотэн II, работавший в том же стиле. Ученики школы также ставили на своих произведениях, выполненных в этом стиле, такую подпись.

Ил. 2. Цуба с изображением самураев. Школа Сотэн. XIX в. ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/6

Сякудо — японский сплав меди и золота, при патинировании приобретает темно-коричневый или черно-фиолетовый цвет. Судя по небольшому размеру, *цуба* была изготовлена для короткого меча *вакидзаси*.

4. Цуба с изображением дракона. XIX в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/7).

Цуба из желтого металла овальной формы, рельефная, прорезная, с двумя отверстиями для вспомогательных инструментов. Украшена рельефным изображением дракона в волнах. Патина поверхности имеет радужный отлив.

Размеры: длина 7,3 см, ширина 6,8 см, толщина 0,4 см.

Дракон — один из значительных персонажей в мифологии Китая и Японии, олицетворяющий мужское начало «янь». Как правило, изображается летящим в облаках или плывущим среди волн.

В октябре 1936 г. Артиллерийским музеем были приобретены еще двадцать пять цуба у Надежды Александровны Квасковой. Имеется следующая запись в учетной документации ВИМАИВиВС: «Цубы от японских сабель XVI, XVII, XVIII, XIX вв. в количестве двадцати пяти штук. Все хорошей сохранности, предполагаются для экспозиции как самостоятельно, так и поставленными на имеющиеся в музее без цуб японские мечи». Комиссия музея оценила эти цуба в 600 р.³ С большой долей вероятности можно утверждать, что Надежда Александровна была родственницей или женою известного коллекционера Петра Петровича Кваскова, поскольку в данном акте указывается адрес ее квартиры, находившейся на Васильевском острове, полностью совпадающий с адресом Кваскова, у которого месяцем ранее музей приобрел колесцовое ружье, кавказский шлем и два кавказских топорика⁴. Известно, что П.П. Квасков (1905–1981) был инженером, потом работал в цирке и во время постоянных поездок по стране и за рубежом собрал великолепную коллекцию оружия, русских и иностранных орденов, наградных медалей и нагрудных знаков, самоваров, а также металлической утвари. Он поддерживал связь со многими музеями страны, был даже внештатным сотрудником Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции⁵.

5. Цуба *гомоку-дзоган* (ил. 3). Школа Сеами. XVIII в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/8).

Железная, круглая, с двумя отверстиями для вспомогательных инструментов. Поверхность с обеих сторон фактурная, имеет углубления неправильной формы (вмятины), украшена в технике *гомоку-дзоган*, украшена инкрустацией в виде беспорядочно расположенных отрезков латунной и медной тонкой проволоки.

Размеры: длина 8,2 см, ширина 8,3 см, толщина 0,4 см.

Поверхность металла со следамиковки, т. е. с углублениями от ударов молота (*цутти*), называлась *цутимэ дзи* — это один из распространенных приемов декора поверхности у японских мастеров, причем не только для цуба, но и для других предметов декоративно-прикладного искусства из металла. *Гомоку-дзоган* (инкрустация мусором) — название техники, в которой короткие отрезки латунной и медной проволоки, являвшиеся как бы отходами основного производства, выкладывались на поверхности нерегулярными группами и укреплялись путем спаивания⁶.

Изначально школа Сеами появилась в Киото, но в период Эдо ее мастера расселились по всей Японии. Цуба Сеами отличались изобилием инкрустации золотом и серебром.

6. Цуба *сукаси*. XVIII–XIX вв. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/9).

Железная, круглая, прорезная, с симметричным орнаментом, выполнена в стиле *сукаси*. Имеет два отверстия для вспомогательных инструментов (*хицу-ана*). Патинирована в темно-коричневый цвет. Отверстие для клинка с медными вставками *сэки-ганэ*.

Размеры: длина 8,2 см, ширина 8,2 см, толщина 0,4 см.

Ил. 3. Цуба *гомоку-дзоган*.
Школа Сеами. XVIII в.
ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/8

Сукаси в переводе с японского — прорезь, просвет (в ажуре, в кружеве), одна из старейших техник украшения цуба в виде сквозных прорезей различной формы.

7. Цуба с изображением дракона. Школа Гото. XVIII– первая половина XIX вв. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/10).

Сделана из медного сплава *сякудо*. Четырехлепестковой формы (*мокко-гата*), имеет два отверстия для вспомогательных инструментов разной формы. Патинована в темно-коричневый цвет, украшена в технике пуансирования. По краю имеется рельефное изображение дракона, выполненное в технике резьбы, гравировки и насечки желтым металлом.

Размеры: длина 7,6 см, ширина 7 см, толщина 0,4 см.

8. Цуба с изображением веток сливы. XVII–XVIII вв. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/11).

Железная, в форме квадрата со скругленными краями (*каку-мокко*), имеет два отверстия для вспомогательных инструментов. Патинована в темно-коричневый цвет, украшена резьбой и инкрустацией белым и желтым металлом в виде веток цветущей сливы.

Размеры: длина 8 см, ширина 7,2 см, толщина 0,4 см.

9. Цуба (ил. 4) в виде птицы. Мастер Нобуизэ (?) XVI в. (?) (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/12).

Ил. 4. Цуба в виде птицы.
Мастер Нобуизэ. (?) XVI в. (?)
ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/12

Железная, выполнена в форме птицы, поверхность неровная, фактурная. Имеются два отверстия для вспомогательных инструментов и небольшое круглое отверстие в виде глаза птицы. С лицевой стороны в центральной части вырезана надпись: «月...珍大掾守...信家» [«Гацу (?)... Дайдзё (но) ками ... Нобуизэ»]. С обратной стороны вырезана дата: «永禄七年 九月日» [«Эйроку сити нэн кю: гацу нити»] — день девятого месяца седьмого года эпохи Эйроку (1564 г. по христианскому летоисчислению). В боковую поверхность

одного из отверстий для вспомогательных инструментов вмонтирована пластинка белого металла.

Размеры: длина 8,2 см, ширина 7 см, толщина 0,4 см.

Нобуиэ I (настоящее имя Ясуиэ) был одним из знаменитых мастеров-изготовителей цуба, школы Метин, работал в первой половине XVI в., датой его смерти называют 1564 г. Цуба его работы были массивными, как правило из железа, отличались высоким качеством исполнения и разнообразием стилей. Имя Нобуиэ II носил мастер Удзиэ, которой тоже принадлежал к этой школе и работал во второй половине XVI в.⁷ Но имя Нобуиэ также использовалось учениками его школы, к тому же существовало множество поделок и копий разного времени, связанных с этим именем.

10. Цуба (ил. 5) с изображением чайного домика и чайных принадлежностей. Школа Акасака. Начало XIX в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/13).

Железная, овальная, прорезная, с двумя отверстиями для вспомогательных инструментов, украшена изображением стены чайного домика с окном и чайных принадлежностей в технике рельефной резьбы *сукаси бори*, *така бори* и гравировки.

Размеры: длина 7,5 см, ширина 7 см, высота 0,3 см.

Акасака являлся районным столичного на тот момент города Эдо. Основателем школы мастеров цубако в Акасака был Седзаэмон Тадамаса

(работал в период с 1624 по 1644 гг.) Для школы Акасака характерны цуба в стиле *сукаси*, с прорезным орнаментом, а также с растительными или пейзажными мотивами. Цуба Акасака славилась своим высоким качеством⁸. Цуба с таким же дизайном хранится в Музее искусств в Бостоне («Tsuba with design of teahouse and tea utensils», инв. № 37.1140).

Ил. 5. Цуба с изображением чайного домика и чайных принадлежностей. Школа Акасака. Начало XIX в. ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/13

11. Цуба с изображением кисти и свитка. XIX в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/14).

Цуба железная, овальная, прорезная, с двумя отверстиями для вспомогательных инструментов, с изображением свитка, кисти и коробочки для кистей *фудэбако*. Покрыта патиной, украшена инкрустацией желтым металлом и медью. На коробочке имеется надпись: «名花香» [«Мэйкако»].

Размеры: длина 7 см, ширина 6,5 см, толщина 0,4 см.

Слово «Мэйкако» дословно может быть переведено как «аромат изысканного цветка», но скорее всего является именем собственным.

12. Цуба с изображением бамбука и *карасиси*. XVIII — начало XIX вв. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/15).

Железная, овальная, прорезная, с двумя отверстиями для вспомогательных инструментов. Украшена рельефным резным изображением бамбука и *карасиси*, небольшой насечкой желтым металлом. Отверстие для клинка с медными вставками (*сэки-ганэ*).

Размеры: длина 8,4 см, ширина 8,2 см, толщина 0,4 см.

Карасиси (*кит.* ши-цзы) «китайский лев» — мифологическое животное, пришедшее в Японию вместе с буддизмом, символизирует на Дальнем Востоке пожелания знатности и богатства.

Ил. 6. Цуба с изображением лошадей. Школа Тесю, Хаги, мастер Кацунага. XIX в. ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/16

13. Цуба (ил. 6) с изображением лошадей. Школа Тесю, Хаги, мастер Кацунага. XIX в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/16).

Цуба железная, овальная, с двумя отверстиями для вспомогательных инструментов. С лицевой стороны имеется изображение купающихся в озере лошадей, гор, в центральной части вырезана подпись мастера: «長州萩勝永» [«Тесю Хаги

Кацунага»]. С обратной стороны изображены озеро и сосны. Выполнена в техниках резьбы, гравировки, патинирования.

Размеры: длина 6 см, ширина 5,5 см, толщина 0,4 см.

Представляет собой классическую цуба школы Тёсю. Цуба этой школы отличались тонкой резьбой и запоминающимся дизайном⁹. Провинция Нагато (長門国), сокращенно Тёсю (長州) в период Эдо (1603–1868), находилась на юго-западе о. Хонсю (территория современной префектуры Ямагути), а Хаги — город в этой провинции.

14. Цуба (ил. 7) с изображением дракона. Школа Дзякуси. XVIII в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/17).

Железная, овальной формы, имеет два отверстия для вспомогательных инструментов. Украшена рельефным изображением дракона, переходящим с одной стороны на другую, покрыта патиной темно-коричневого цвета. Выполнена в технике рельефной резьбы, гравировки, насечки желтым металлом. В центральной части с лицевой стороны вырезана надпись: «崎陽山人若芝» [«Киё сандзин Дзякуси»], с другой стороны: «...國作之».

Размеры: длина 7 см, ширина 6,5 см, толщина 0,4 см.

Династия мастеров Дзякуси проживала в Нагасаки на протяжении нескольких поколений. Ее основатель был монахом и подписывался как Сомон Дзякуси. Он работал в конце XVII — начале XVIII вв., его стиль отличался изысканностью. Его работы встречаются редко. Последующие мастера из этой семьи подписывались так же. Для их стиля были характерны цуба с большей толщиной и детально проработанным декором. Дзякуси четвертого поколения работал во второй половине XVIII в., создал свою школу *цубако* в Нагасаки, основными сюжетами для которой

Ил. 7. Цуба с изображением дракона.
Школа Дзякуси. XVIII в.
ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/17

стали пейзажи в китайском стиле, даосские мудрецы-отшельники сэнинны и драконы. Для этой школы был характерен плоскостной дизайн¹⁰.

15. Цуба с изображением иероглифов. XVII в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/18).

Железная, круглая, с одним отверстием для вспомогательных инструментов. В отверстии для клинка имеется вставка из меди. Покрыта патиной и украшена инкрустацией желтым металлом с изображением растительного орнамента *каракуса*, волн и стилизованных иероглифов, вписанных в круги.

Размеры: длина 6 см, ширина 5,9 см, толщина 0,4 см.

16. Цуба (ил. 8) с изображением дракона. Школа Дзякуси. XVIII в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/19).

Железная, четырехлепестковой формы *аои*, украшена с обеих сторон рельефным изображением дракона, насечкой желтым металлом, покрыта патиной темно-коричневого цвета. Выполнена в технике резьбы, гравировки, инкрустации типа *вакашиба нуномэ дзоган*, или, точнее, *насурицукэру дзоган*. В центральной части с обеих сторон имеются иероглифические надписи, выполненные скорописью: «崎陽山人若芝龍雲軒是高» [«Киё сандин Дзякуси Рюукэн Корэтака»]. Часть поверхности фактурная — типа *хари-дзи* («исколота иглой»), часть сделана под фактуру камня *исимэдзи*.

Размеры: длина 9,5 см, ширина 8,7 см, толщина 0,5 см.

Вакашиба — термин, обозначающий уникальную технологию, так называемую «втирающую инкрустацию», а *насурицукэру дзоган* представляет собой очень тонкую насечку золотом, воспроизводящую текстуру ткани на металле. Надписи написаны

Ил. 8. Цуба с изображением дракона. Школа Дзякуси. XVIII в. ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/19

скорописью в стиле *сосё*, характерном для школы Дзякуси. *Сосё* — буквально «травяное письмо» — быстрое, упрощенное, неразборчивое написание иероглифов, отличающееся при этом особой эстетикой.

17. Цуба *сукаси*. XVII–XVIII вв. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/20).

Железная, круглая, прорезная, с симметричным узором, покрыта патиной. Отверстие для хвостовика меча с медными вставками (*сэкиганэ*).

Размеры: высота 5,6 см, ширина 5,6 см, толщина 0,5 см.

18. Цуба с изображением клематиса. XVIII — первая половина XIX вв. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/21).

Железная, четырехлепестковая, с двумя отверстиями для вспомогательных инструментов. Патинирована в темно-коричневый цвет. По краю украшена рельефным орнаментом с цветами клематиса, в центральной части — резьбой с узором, имитирующим соломенную циновку. С лицевой стороны вырезана подпись мастера: «貞 (?) 兼» [«Садаканэ»] (?) По краям отверстия для клинка имеются вставки из меди (*сэкиганэ*).

Размеры: длина 7,4 см, ширина 6,8 см, толщина 0,4 см.

19. Цуба с изображением птицы Хоо. XIX в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/22).

Железная, четырехлепестковой формы, имеет два отверстия для вспомогательных инструментов. Патинирована в темно-коричневый цвет. По краю имеется широкий ободок с изображением орнамента и цветов, инкрустированных белым металлом. С изнаночной стороны на ободке восемь круглых небольших несквозных отверстий. Центральная часть цуба с обеих сторон украшена резным изображением дракона, переходящим с одной стороны на другую. С лицевой стороны имеется изображение птицы Хоо, с изнаночной — крыши пагоды и облаков, выполненных в технике резьбы, инкрустации желтым и белым металлами.

Размеры: длина 8,5 см, ширина 7,9 см, толщина 0,4 см.

Птица Хоо — мифологическая птица, напоминающая птицу Феникс, в Китае ее назвали «фэнхуан», издревле почиталась как птица счастья, олицетворение благородной личности, идеального правления и миропорядка в целом, а также считалась воплощением женского начала «инь». Как считают китайцы, птица Хоо спереди напоминает лебедя, со спины — единорога цилиня, имеет шею змеи, хвост рыбы, окраску дракона, туловище черепахи,

горло ласточки и петушиный клюв. В Японии она становится символом императрицы. Изображение птицы Хоо часто украшало мечи придворной стражи.

20. Цуба с орнаментом. XVIII в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/23).

Железная, фигурная, с четырьмя маленькими отверстиями в форме сердца по краям и двумя отверстиями для вспомогательных инструментов. Цуба патинирована в темно-коричневый цвет. Поверхность покрыта рельефной резьбой с симметричным орнаментом, напоминающим стилизованное изображение креста. В центральной части с обеих сторон украшена растительным орнаментом, насеченным желтым металлом.

Размеры: длина 8,9 см, ширина 8,4 см, толщина 0,4 см.

21. Цуба (ил. 9) с изображением семи осенних трав. Школа Гото. Конец XVIII – первая половина XIX вв. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/24).

Сделана из сплава *сякудо*. Четырехлепестковой формы *мокко*, с двумя отверстиями для вспомогательных инструментов. С обеих сторон украшена изображением цветочных гирлянд, выполненных в технике рельефной резьбы и инкрустации желтым металлом. Фон выполнен в технике пуансирования *нанак*.

Размеры: длина 6,4 см, ширина 5,8 см, толщина 0,4 см.

Тема «*аки но нанакуса*» («семи осенних трав») – растений, цветущих в

Японии осенью, – играет в религии и культуре Японии большую роль еще с древних времен, и этот мотив принадлежит к числу классических в японском искусстве. Ритуал сезонного сбора трав официально существовал с начала седьмого века. Сбор трав

Ил. 9. Цуба с изображением семи осенних трав. Школа Гото. Конец XVIII — первая половина XIX вв. ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/24

и приготовление из них похлебки (или приправы) должны были обеспечить собирателю здоровье и благополучие в грядущем отрезке сезонного цикла. В число семи осенних трав входят *хаги* (леспедеца двуцветная — декоративный полукустарник, чьи листья напоминают клевер), *кудзу* (пуэрария лопастная — травянистая лиана), *надэсико* (гвоздика пышная), *сусуки* — мискантус китайский, *оминаэси* (японская валериана), *фудзибакама* (посконник прободенный — растение из семейства астровых), *кикё* (китайский колокольчик).

Школа мастеров Гото из провинции Мино была известна своими высококачественными изделиями из сплава *сякудо*, на фоне *нанако* и с рельефными изображениями растений, драконов, различных сюжетов.

22. Цуба с изображением богомолов и цветов. Начало XIX в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/25).

Сделана из сплава *сякудо*. Четырехлепестковой формы *мокко*, с двумя отверстиями для вспомогательных инструментов. Цуба украшена рельефным изображением богомолов и цветов, в технике резьбы, пуансирования, насечки желтым металлом. Край цубы широкий, поднятый, с изображением дракона.

Размеры: длина 7,2 см, ширина 6,5 см, толщина 0,4 см.

23. Цуба с изображением дракона. XIX в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/26).

Сделана из желтого металла (*сэнтoku*). Четырехлепестковой формы, с двумя отверстиями для вспомогательных инструментов разной формы. Поверхность с обеих сторон выполнена в технике рельефной резьбы с изображением дракона, гонящегося за жемчужиной. Усы дракона инкрустированы медью.

Размеры: длина 7,2 см, ширина 6,9 см, толщина 0,4 см.

24. Цуба (ил. 10) с изображением тростника. XVII–XVIII вв. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/27).

Цуба железная круглая, с двумя отверстиями для вспомогательных инструментов. Поверхность покрыта коричневой патиной. Лицевая сторона украшена изображением тростника, выполненного в технике инкрустации медью. На обратной стороне гравировка в виде лучей, исходящих от центра к краям.

Размеры: длина 7,7 см, ширина 7,7 см, толщина 0,4 см.

25. Цуба (ил. 11) с изображением сцены сражения Бэнкэя и Ёсицунэ на мосту. XVIII–XIX вв. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/28).

Ил. 10. Цуба с изображением тростника.
XVII–XVIII вв. ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/27

Ил. 11. Цуба с изображением сцены
сражения Бэнкэя и Ёсицунэ на мосту.
XVIII–XIX вв. ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/28

Цуба железная овальная, с двумя отверстиями для вспомогательных инструментов. С лицевой стороны изображены японские легендарные персонажи Бэнкэй и Ёсицунэ, сражающиеся на мосту.

Обратная сторона украшена изображением веток сосны, части моста и строения в японском стиле. Цуба выполнена в технике резьбы, гравировки, насечки и инкрустации белым и желтым металлами.

Размеры: длина 8,2 см, ширина 7,5 см, толщина 0,5 см.

Бэнкэй и Ёсицунэ — исторические личности и одновременно персонажи японской литературы. Бэнкэй с детства славился буйным нравом и недюжинной силой, был монахом в буддийском монастыре, затем странствовал по Японии в поисках приключений. Прослышав про другого храброго воина Ёсицунэ, молодого аристократа из клана Минамото, решил испытать его и однажды подстерг на мосту.

Как гласит легенда, Ёсицунэ мастерски владел мечом, так как его обучал не кто иной, как лесные духи *тэнгу*. Победа осталась

за Ёсицунэ, и Бэнкэй, признав свое поражение, стал телохранителем и постоянным спутником Ёсицунэ. Оба друга сражались в рядах клана Минамото против другого могущественного рода Тайра в период войны Гэмпэй (1180–1185) и погибли вместе в одном из сражений.

26. Цуба с изображением китайских воинов, сражающихся с драконом. XIX в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/29).

Цуба из медного сплава. Овальной формы, прорезная, с изображением двух китайских воинов, сражающихся с драконом, у моста. Выполнена в технике рельефной резьбы, инкрустации, насечки медью и желтым металлом. У отверстия для клинка имеются вставки *сэкиганэ* из меди, предназначенные для подгонки цубы к клинку.

Размеры: длина 7,3 см, ширина 7 см, толщина 0,5 см.

27. Цуба (ил. 12) с изображением мудрецов в бамбуковой роще. XVIII — начало XIX вв. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/30).

Железная овальная, прорезная, с двумя отверстиями для вспомогательных инструментов, покрыта патиной коричневого цвета. На лицевой стороне изображены рельефные фигуры трех мудрецов в бамбуковой роще, один из которых держит в руках свиток, другой — шест с закрепленной на нем тыквой, третий стоит рядом. Лица и руки фигур инкрустированы желтым и белым металлом. Обод цубы покрыт насечкой желтым металлом.

Ил. 12. Цуба с изображением мудрецов в бамбуковой роще. XVIII — начало XIX вв. ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/30

Размер: длина 7,2, ширина 6,9 см, толщина 0,4 см.

На цубе, вероятнее всего, изображены даосские мудрецы сэнинны, чьи образы стали пользоваться в Японии популярностью начиная с XV в. и особенно в период Эдо (XVII–XIX). Их изображения воспринимались как символ пожелания долголетия,

поскольку одной из главных идей даосизма было достижение бессмертия. Тыкву в Японии традиционно относят к атрибутам мудреца Текаро сэннина (Чжан Голао — *кит.*), который носил в тыкве-горлянке своего волшебного мула, извлекаемого путем дурновения.

28. Цуба с изображением драконов. XVII–XVIII вв. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/31).

Железная, четырехлепестковой формы, имеет два отверстия для вспомогательных инструментов. Поверхность украшена рельефным изображением драконов, выполненным в технике резьбы, насечки и инкрустации желтым металлом. Край цубы поднятый, утолщенный, украшен в том же стиле.

Размер: длина 6,5 см, ширина 5,9 см, толщина 0,5 см.

29. Цуба (ил. 13) с буддийскими символами. XVII в. (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/32).

Железная, формы *каку-мокко* (квадрата со скругленными краями). Поверхность фактурная рельефная, украшена резьбой в низком рельефе, с одной стороны изображение ваджры и санскритского символа *бондзи*; с другой стороны — дракона. Патина утрачена, на поверхности имеются остатки насечки желтым металлом.

Размер: длина 8,4 см, ширина 7,7 см, толщина 0,4 см.

Бондзи («梵字») «буддийские символы» — стилизованные санскритские буквы, означающие в Японии имена буддийских божеств, наносились на предметы, в том числе оружие, в качестве «защиты».

Ил. 13. Цуба с буддийскими символами. XVII в. ВИМАИВиВС 2ИОФ 0131/32

¹ АВИМАИВиВС. Ф. 3 Р. Оп. 9. Ед. хр. 20. Л. 152.

² 若山猛・刀装金工事典- 東京., 1997. (Вакаяма Такэси. Тосо: кинко: дзитэн (Справочник мастеров по металлическим деталям оправы мечей). Токио, 1997. С. 432).

³ АВИМАИВиВС. Ф. 3 Р. Оп. 9. Ед. хр. 20. Л. 111.

⁴ Там же. Л. 95.

⁵ Добровольская М.А. Звезда ордена «Освобождения Сибири» в Эрмитаже // Труды Государственного Эрмитажа. XXXI. Материалы и исследования отдела нумизматики. СПб., 2006. С. 137–142.

⁶ Скраливецкий Е.Б. Мир самурая на оправе меча. СПб., 2018. С. 28.

⁷ Japanese sword guards / by Okabe-Kakuya in co-operation with the Department of Chinese and Japanese Art. Boston: Museum of Fine Arts, 1908. P. 50–51.

⁸ Скраливецкий Е.Б. Указ. Соч. С. 51–52.

⁹ Вакаяма Такэси. Указ. соч. С. 291.

¹⁰ Japanese sword guards. P. 45.

И.В. Бабич (Москва)

«...ОТСТАВЛЕН ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В 1722 Г.»

ОТСТАВКА от военной службы (как прирожденного права и вместе с тем обязанности каждого дворянина), ее регламентация с точки зрения полноты освобождения от востребованных государством повинностей или с возможным привлечением к той или иной гражданской должности, возрастные маркеры, экономическая, социальная, личностная составляющие этой процедуры для офицеров петровской эпохи были рубежом экзистенциальным. Предметом специальных исследований этот феномен стал лишь в последние десятилетия, когда определился в качестве важнейшего их источника круг документов лично-служебного учета командного состава. Самым значимым из таких документов для 1720-х гг. являются «сказки» — традиционные для российского делопроизводства XVII–XVIII вв. записи устных показаний служилых людей, поводом получения которых остались столь же традиционные «смотры» уполномоченными на это учреждениями и лицами. Как наиболее масштабная акция этого рода в историографии со 2-й половины XIX в. известен смотр 1721–1722 гг. Он организовывался особой комиссией стольника С.А. Колычева, в тот же период преобразованной в Герольдмейстерскую контору при Сенате. Впредь именно в ней сосредоточились¹ регистрация и распределение служащих на штатные должности государственного аппарата.

Однако «записью приезда» и подачей сказки будущему герольдмейстеру дело не ограничивалось — явившийся лично представлял перед сенаторами, определявшими степень его «статской» годности, отправлявшими к «свидетельству ранга» в Военную коллегию, назначавшими (если военное ведомство не направляло

его опять «в полк» или «в гарнизон») на гражданский пост или отпускаясь «в дом». Процесс мог растянуться на несколько месяцев (например, за счет требования повторной или даже третьей явки перед сенаторами), но участники запомнили его как единый «сенатский смотр» и именно с ним соотносили дату увольнения из армии. Собственно данное обстоятельство, «открытое» автором настоящей статьи при работе над воссозданием биографий руководителей губерний и провинций 1720–1730-х гг.², стало поводом обратить внимание на данный смотр в контексте офицерских отставок и побудило попытаться дать обобщенную характеристику корпуса отставных образца 1722 г. на основе доступных материалов.

С окончанием двадцатилетней Северной войны, перед лицом насущной необходимости адаптации к мирной жизни, к задачам созидания только что провозглашенной империи во всем многообразии ее институций властная интенция «регулярства» распределения сил и средств воплотилась, в частности, в заключении служилого класса в рамки Табели о рангах (январь 1722). Вертикальное перемещение по табельным клеточкам в соответствии с выслугой обозначало индивидуальные жизненные траектории служащих с фиксацией всех персональных перемещений, при учете определяемых посредством смотров категорий годности (к «лучшим делам», «нужнейшим коллежским делам», «другим делам»). Легитимации этого порядка, который с 1722 г. должен был обеспечиваться Герольдмейстерской конторой, предшествовало и сопутствовало массовое анкетирование наличных кадров. В 1720–1721 гг. кампания по сбору заверенных личной подписью сказок офицеров со сведениями о вступлении в службу, частях ее прохождения, участии в боевых действиях, датах чиновпроизводства и санкционировавших его персонах прошла в армейских полках. Опубликованы сохранившиеся в РГВИА материалы о ней³.

Аналогичные сведения предполагалось собрать и по губерниям, куда в 1720 г. были разсланы формы сказок⁴ для служащих на местах. Именным указом, объявленным из Сената 30 июля 1721 г., предписывалось прибыть на смотр «царедворцам и дворянам всякого звания и отставным офицерам, которые у дел»⁵, кроме Сибири и Астрахани, разделившись пополам: первой половине — в декабре текущего года, другой половине — в марте следующего. Частные данные о возрасте, объеме и локализации

имущественного состояния, служебных назначениях явившихся на смотр лиц широко используются с XIX в. по настоящее время в трудах самой разной проблематики — от биографической и историко-правовой до краеведческой. Усвоены учеными и суждения, высказанные в трудах С.А. Петровского и М.М. Богословского⁶, о значении сенатского смотра 1721–1722 гг. в контексте сословной организации дворянства и государственного управления. В новейшей литературе его рассматривали в аспекте становления системы военного учета⁷, внутривойсковой и социальной стратегии власти, значимой вехи комплектования личного состава структур центральной и областной администрации⁸.

Для настоящей статьи, в частности, весьма важны наблюдения А.В. Захарова⁹ относительно эвристического потенциала материалов смотра с точки зрения просопографического анализа. Намечая перспективы создания информационно-поисковой системы по категории царедворцев, преимущественно интересующей автора, он заключил, что «вряд ли удастся достичь репрезентативной реконструкции смотров» в условиях фактического состояния источниковой базы.

Это заключение применимо и к данным об отставках офицеров, которые рассредоточены в делопроизводстве Сената, Герольдмейстерской канторы, Военной коллегии и выявлены далеко не полностью. Наличие же сведения зачастую трудно интерпретировать однозначно, поскольку к фиксирующим их документам едва ли применима даже известная максима «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Здесь и на бумаге гладко, точнее ясно, было лишь для непосредственных составителей конкретной бумаги. Например, встречаются комментарии вроде «определения» против имени подполковника В.А. Новикова в так называемом Списке военным чинам (далее СВЧ) — «выписать в доклад против пометы, как над сибирским воеводою Хрущевым»¹⁰.

СВЧ был начат, насколько видно из его опубликованного в 1895 г. текста, как обобщение полученных в 1722 г. сказок отставных, в рангах не ниже майора. Сами сказки, по крайней мере в виде сколько-нибудь цельного комплекса, до сих пор не обнаружены. Подлинник же СВЧ в 2000-е гг. был обнаружен М.В. Бабич в фонде Сената¹¹. Продолжался он столь же бессистемно, как и списки офицеров и дворян, составлявшиеся там в разное время по разным конкретным поводам. То есть пометы о конкретных

назначениях, увольнениях, о смерти того или иного лица помещались на полях или в просветах между записями и лишь в единичных случаях снабжались датами. Ориентируясь, главным образом, на единомоментное замещение «потребных» вакансий, герольдмейстерский аппарат обычно не вносил в подобные перечни сведений об отставках представляемых кандидатов. Если же такие сведения запрашивались, то это не отражалось в заголовках «списков статским чином», «списков военным и статским ... у дел и не у дел, соответственно, не попадало в позднейшие архивные описи и обнаруживается лишь при сплошном просмотре герольдмейстерских и сенатских “книг”».

В одной из последних и был найден впервые анализируемый здесь «Список генералитету и штаб-офицерам отставным от службы 1736 году» (далее Список 1736 г.)¹². Он не учитывает участников смотра, умерших ранее, а о тогда еще здравствующих выборочно сообщает, кроме чинов, лишь о ныне занимаемых постах. Информация о судьбе тех, кто считал свою отставку с 1722 г., отложившаяся в разного рода «делах», бесконечно многообразнее формализованных «сказок» и «списков». Однако задача ее систематического поиска среди колоссальных по объему сенатско-герольдмейстерских комплексов едва ли выполнима.

Ситуация с источниковой базой изучения отставок 1720-х гг. качественно изменилась с выходом в свет завершающего масштабную публикацию сказок офицеров полевых и гарнизонных частей корпуса сказок отставных и заполошных (далее СОиЗ). Показания этих двух категорий лиц в издании не разграничены. Как единое целое они рассматриваются и в данной статье: не столько из-за сложности их идентификации, сколько потому, что организаторы смотра воспринимали их в качестве однопорядковых единиц — лиц офицерских рангов вне действующей армии без учета причин, обусловивших этот статус.

Целенаправленно сформированный К.В. Татарниковым из разных «дел» Военной коллегии в РГВИА (по объему все же более скромных, чем современное им наследие в РГАДА) этот корпус состоит из словесных показаний офицеров, представших перед «своим» ведомством в 1716–1728 гг. Поводы их «вызовов», отчасти влиявшие на формуляр и нарратив записей, составителем не оговариваются. В этом массиве выделяются сказки, поданные в рамках «свидетельства ранга», установленного сенатским смотром 1722 г., да и сами тексты сказок пестрят упоминаниями

данного смотра, указа о нем, С.А. Колычева¹³. Будучи частью документального оформления «отставной» акции 1721–1722 гг., СОиЗ¹⁴ содержательно ближе материалам «полевого» анкетирования, чем герольдмейстерского. Здесь часто опущена информация о наличии и возрасте сыновей, о благосостоянии, больше внимания уделено боевому прошлому (если оно было), спорадически возникают сюжеты «обид». Особенностью «коллежской» составляющей документов смотра является преобладание сказок обер-офицеров (915) над штаб-офицерскими (200)¹⁵. Исходя из армейской структуры это кажется закономерно. Но примечательно, что Сенат, насколько можно судить по использованному там до 1740-х гг. на правах итогового акту СВЧ, сосредоточивал внимание исключительно на штаб-офицерах. Информативная наполненность и количественные параметры СОиЗ относительно 1722 г. — 1211 единиц — обеспечивают репрезентативность предпринимаемого в настоящей статье, в первую очередь на их основе, изучения корпуса отставных и рассматриваются как его главный источник.

Конечно, и он не отвечает на все вопросы, не проясняя, оставлен ли данный офицер в армии после смотра, дана ли ему изначально предполагаемая отставка от военной службы с сохранением, повышением или понижением чина. Вопросы эти лишь в 10 % случаев получают ответ благодаря помещению в публикации почерпнутых в делопроизводстве Военной коллегии данных, сведенных в «Результаты разборов заполошных и назначенных к отставке чинов»¹⁶ с пометами «отставлен», «определен в гарнизонные полки» и др. Из учтенных здесь лиц (957) к смотру 1722 г. относятся 143. Среди упомянутых имен две трети составляют обер-офицеры, 7 % чины унтер-штаб и лишь 9 % (при «повышении по одной ранге» уже в качестве отставных) штаб-офицеры. Возможно ли, что такая «специализация» военного ведомства на фиксации обер-офицерских чинов в сочетании с отмеченной фокусировкой Сената на штаб-офицерах возникла из Инструкции герольдмейстеру от 5 февраля 1722 г., вменявшей Военной коллегии в обязанность предоставление ему именных списков «военных сухопутных и морских, которые из шляхетства, также хотя и не из шляхетства, а дослужились обер-офицерского ранга»¹⁷? Этот вопрос остается открытым.

Сведения СОиЗ ощутимо дополняют неоднократно упомянутый СВЧ, в котором за рассматриваемый период учтено

331 лицо от бригадира до майора (и гвардейцев соответствующих рангов). При общепринятом тогда структурировании списка по чинам внутри «чиновных» разделов имена расположены по хронологии явки на смотр. Резюме, составленные по сказкам в Герольдмейстерской конторе, имеют в виду дальнейшее употребление отставных к «делам» и своевременное определение в службу их сыновей. Поэтому здесь систематически отмечаются возраст «отцов и детей», объем и локализация душевладения, опыт исполнения ими к 1722 г. различных гражданских поручений. От военного же прошлого оставались факты ранений (редко), «свидетельство ранга» (иногда), а также (зачастую) указания на пребывание в гражданских должностях уже на положении отпущенных от полков, что подтверждает известную условность датировки отставок 1722 г., лишь оформленных тогда по новым законодательным нормам, а по прежним — полученных несколькими годами ранее.

То же относится и к Списку 1736 г., не идущему ниже штаб-офицеров, аттестуемых по признакам возраста, имущественной состоятельности и ныне занимаемых постов, и составленному исключительно на базе имевшихся в распоряжении составителей бумаг. Составители Списка 1736 г. явно были озабочены правильностью оформления некогда состоявшихся отставок, отмечая источник их предоставления (именной указ, Сенат и др.). Эти пометы позволяют выделить 92 (из общего списочного числа 747) персоны, которые приобрели статус отставных на смотре 1722 г.

Наконец, на основе наличия данных об отставках на этом смотре в качестве источника использовались биографические справки сборника «Областные правители России. 1719–1739 гг.» (далее Областные правители). Содержательно они близки перечисленным документам и основаны на обширном круге данных личнo-учетного характера из делопроизводства и актовoвых материалов данного периода.

Теоретически имена лиц штаб-офицерских рангов в перечисленных комплексах должны совпасть, исключая Список 1736 г., отделенный значительным временным интервалом (где с СОиЗ, Разбором отставных и СВЧ «пересекаются» лишь 6 человек). Между тем полной корреляции не имеют даже СОиЗ и СВЧ, хотя алгоритм акции — явка к С.А. Колычеву, к сенатскому смотрu, в Военную коллегию, фиксация отставки и/или новое

назначение — предполагал тождество данных. В СВЧ помету об отправке в Военную коллегия имеют 167 лиц из 331, явившихся на смотр 1722 г. в штаб-офицерском чине. Из них «потерялись» на какой-то из стадий маршрута 7 человек, назначены по военной части (в гарнизон, в полки) и, соответственно, не вернулись в Сенат 19, были «удержаны» военным ведомством до окончания счетов по прежде исполнявшимся в нем материально ответственным должностям 5. То есть в делопроизводстве Военной коллегии должно было отложиться не более 167 сказок, смотревшихся Сенатом. Опубликовано же таких сказок 198. При этом сказки А.И. Дурова, М.И. Хитрова, И.Б. Яхонтова, чье освидетельствование отмечено СВЧ, в фондах военного ведомства пока не выявлены.

Мотивы освобождения сенаторами от подтверждения ранга более или менее ясны относительно представителей высшего звена управления, вроде коменданта московского гарнизона П.И. Вельяминова-Зернова и обер-коменданта И.П. Измайлова, а также получивших против своего имени отметку «стар». Последнее определение, впрочем, не было решающим. Некоторые офицеры этой категории все же отправлялись к «свидетельству», в том числе В.Л. Залесский 70 лет, Г.И. Коробовский 71 года и даже А.А. Трубченинов — 80 лет. Но более половины отставных, чья участь определялась без Военной коллегии, избежали этой процедуры по не очевидной сегодня логике.

Вместе с тем погружение, с одной стороны, в официальные сводки имен, предназначенные для актуального замещения штатных единиц государственного аппарата, а с другой стороны, в служебные биографии реально занимающих их лиц в 1722 г., уже признанных «старыми» для военных тягот, позволяет, кажется, отчасти постичь упорство высших институтов в запросах на отставных от бригадиров до майоров. Ведь согласно петровским преобразованиям именно те, кто показал себя достойным этих рангов, должны были заполнить коллегии и канцелярии и править в губерниях и провинциях, куда фактически зачастую ехали майоры и капитаны, а за ними поручики и даже прапорщики. То, что умозрительно заданной чиновной планки достичь не удалось, ничего не меняло в идеальных представлениях высших сановников, которые и в 1736 г. выдвигали перед Герольдмейстерской конторой те же требования, что и сенаторы 1722 г. Хотя их похвальные стремления к «доброму порядку»,

скорее, лишь убеждают в сложности его воплощения на практике, позволяя заметить, что 14 человек (согласно Списку 1736 г.) из 92, отметивших свою явку к смотру в 1722 г., в СОиЗ и СВЧ не значатся. Что же касается 144 человек, отставка которых в 1722 г. была зарегистрирована в герольдмейстерском делопроизводстве по фактам их службы в качестве областных «правителей», то из них не фигурируют ни в СОиЗ, ни в СВЧ 29 лиц.

Суммируя сказанное, получаем по рассмотренным источникам, что в конце 1721–1722 гг. на смотр явилось 1387 лиц, на тот момент имевших либо приобретших в его ходе офицерские чины: 1211 лиц представлено в СОиЗ (с параллельными упоминаниями имен в других привлеченных материалах), 133 были отмечены в СВЧ (частично и в других источниках), но не в военном ведомстве, 14 — исключительно в Списке 1736 г., и 29 — лишь в документах, использованных при подготовке «Областных правителей».

Единственной константой источников о смотре 1722 г. предстают имена¹⁸ его выявленных участников. Данные о возрасте, имеющем принципиальное значение для отставки, изменчивы. Сопоставляя дававшиеся под присягой сказки одних и тех же людей, замечаешь, что Д.И. Комарский за четыре года между 1722 и 1726 гг. постарел, как и можно ожидать, с 48 лет до 52, С.М. Воейков же за три года между явками в Военную коллегию с 46 до 51, а И.А. Левицкий за 5 лет и вовсе с 50 до 66. Список же 1736 г., напротив, омолодил В.И. Батурина, И.П. Веселовского, А.П. Заборовского на 3 года, Ф.В. Засецкого и Д.В. Полонского — на 2, С.Н. Болтина — на 5. Причины расхождений здесь могут быть разными, но как общая тенденция и военных, и гражданских служителей (наблюдаемая при реконструкции биографий «правителей») прослеживается прибавление респондентами себе лет по мере продвижения от одной вехи служебного поприща к другой. Что же до колебаний возрастных показателей в Списке 1736 г. и ему подобных, составляемых, по-видимому, не заинтересованными в сроке выхода фигурантов «на заслуженный отдых» канцеляристами, то вопрос, руководствовались ли они сознательно принятой установкой или просто сбивались при механическом перенесении сведений из одних бумаг в другие, приходится оставить без ответа.

Сведения о годах, пусть с вольными или невольными ошибками, сохранились для 1322 человек из 1387. Средний возраст

Возраст	Полковники	Подполковники	Майоры	Капитаны	Поручики	Подпоручики	Прапорщики	Унтерштаб
До 40	4 %	3,6 %	4 %	3,2 %	10,4 %	19 %	14,6 %	11,9 %
40–50	20,4 %	30,4 %	24,7 %	25,7 %	28,1 %	32,4 %	28,3 %	27,3 %
50–60	40,8 %	36,6 %	53 %	46,7 %	37,6 %	35,1 %	34,2 %	32,1 %
60–70	22,4 %	20,7 %	13,6 %	18,6 %	16,6 %	13,5 %	17,9 %	20,2 %
70–80	8,1 %	6,1 %	2,5 %	5 %	5,2 %	0	3,6 %	4,7 %
Свыше 80	4 %	2,4 %	2,1 %	0,6 %	1,9 %	0	1,3 %	3,5 %

на 1722 г. определяется в 53 года при наибольшей доле лиц от 50 до 60 лет (41 %). Следующую по численности группу (27 %) составляли 40–50-летние, которым несколько уступали ветераны в возрасте от 60 до 70 (примерно около 18 %). Затем с большим отрывом следовали люди моложе 40 лет (чуть более 8 %) и от 70 до 80 (около 4%), а встречались и «сказавшие» за собой 80 лет и более (1,6 %).

Располагая достаточно крупной совокупностью данных о возрасте офицеров в определенных чинах, казалось заманчивым узнать, были, например, отставные капитаны петровской армии моложе или старше майоров и т. д. (см. табл.).

Но произведенные подсчеты обнаружили лишь не требующее комментариев некоторое преобладание категории до 40 лет среди подпоручиков. Внутри же остальных чинов и между ними соотношение разных возрастных групп практически одинаково. Тем не менее однозначные выводы по этому поводу сделать нельзя, так как речь идет о людях, признанных отставными в 1722 г., но армию покинувших в разное время (почему в группу капитанов «около 60» попадает и ветеран, в 1705 г. уволенный 40-летним).

Другая, по меньшей мере столь же важная, как возраст, составляющая самосознания и социального восприятия отставных, их чины, безусловно доступнее для

интерпретации. Однако обработка наличных источников по сложившимся в науке канонам установления корреляции этих маркеров жизненного успеха с продолжительностью службы, социальным происхождением, душевладением и так далее не может быть установлена в рамках одной статьи. Поэтому укажем лишь их весьма примечательное распределение между участниками смотра 1722 г.¹⁹ Это 15 (1,1 %) персон бригадирского ранга, чинов комиссариата и инженерного корпуса, 54 полковника (3,9 %), 91 подполковник (6,6 %), 1 гвардии капитан, 202 (14,6 %) майора, 341 (24,6%) капитан, 15 капитан-поручиков (1,1 %), 225 (16,2%) поручиков, 39 (2,9 %) подпоручиков, 313 (22,5%) прапорщиков, 85 чинов унтер-штаб (6,1 %), 1 гвардии солдат, 4 (0,3 %) унтер-офицерских чина, 1 городской дворянин. Приведенные цифры демонстрируют почти тройное преобладание доли персон штаб-офицерских рангов над аналогичной (8,8 %) в материалах анкетирования действительно служащих 1720–1721 гг. Ведь там — хотя буквальное сопоставление этих цифр по референтным полевым полкам допустимо лишь для самого грубого наброска реальной пропорции — видим 239 штаб-, 1964 обер-офицеров и 490 чинов унтер-штаба.

При попытках как-то объяснить обнаруженную деформацию структуры представленного на смотре 1722 г. корпуса отставных первоначальная гипотеза о более высокой жизнеустойчивости людей с природным здоровьем и способностями в сочетании с материальной обеспеченностью и другими факторами успешной карьеры была опровергнута установленным отсутствием прямой зависимости между «летами» и чинами. Предположение о меньшей «исправности» младших по званию в исполнении грозных указов о немедленной явке вследствие действительной «скудости» в недоступных к тому же карающей воле власти отдаленных «деревнишках» и того, что привычно уклонявшемуся от очередной повинности «маленькому человеку» было нечего терять, по существующим источникам не подлежит проверке. Поэтому ссылаться приходится только на самооправдания все же доехавших в 1722 г. до столиц в нынешних задержках или пропусках предшествующих смотров. Стандартные их ответы: не слышал, повестки / высылки не было, болел, не поехал за «убожеством», помешали некие бедствия (пожар, нападение воровских людей, заставы на дорогах по случаю морового поветрия) или находился в «посылках» (исполнял некое служебное поручение).

Организаторы смотра 1722 г. в большинстве просто принимали подобные показания, не открывая по ним особых «дел». Но в Герольдмейстерской конторе есть и материалы о допросе в позднем «приезде» 83-летнего П.И. Баранова, который повлек за собой привлечение названных им свидетелей — сына, О.П. Баранова, и его сослуживцев А. Головина, П. Апрелева, И. Бутакова: «Преображенского полку солдаты сказали под штрафом военного артикула: в 721 году в ноябре месяце велено им наперед полку идти в Москву и идучи дорогою у одного Баранова в доме ночевали и в то число лежал он болен при смерти, а с которого число и по которое число лежал, о том не сведомы»²⁰. Случай этот любопытен не столько колоритностью навсегда оставшегося в истории рассказа, сколько примером соблюдения бюрократического порядка «следования» относительно лица, непреложность отставки которого от военной службы ни у кого не вызывала сомнений. Это относится и к другим старикам на восьмом и даже девятом десятке лет, которых отправляли в Военную коллегию с тем, чтобы, зафиксировав полученное свидетельство, по-прежнему отпустить домой. О том, что такие меры имели воспитательное воздействие на общество, свидетельствовал пример заболевшего в Москве В.Т. Аргамачева²¹. Жена его, «чтоб... не явился указам в противности», добилась указа Военной коллегии в Петербурге московскому вице-губернатору. Большой «послан в Медицинскую канцелярию и чрез дохтурю осматриван, и оный дохтурский осмотр из губернской канцелярии прислан».

Примеры ревностной приверженности букве закона встречаются много реже обратных. Но осознание роли этой «буквы» и символизирующей ее бумаги вполне очевидно. Почти все отставные знают, что их «имя» было «отослано с отпискою», «прислано в Москву ... поручиком», «в списках написано с отставными», «по сказке моей ... и по справке с офицерскими книгами под именем моим отметка “в гварнизоне был”», «на смотре Его Императорского Величества ...помечено над моим именем: “стар”»²².

Подробностей канцелярского и повседневного быта полны ремарки о получаемых подателями сказок указах: копия приложена, а подлинник взял себе; утрачен «пожарным случаем», о чем «в приказной избе челобитье записано»; утрачен «небрежением»; отнят при грабеже, уже после взятия сказки, сохранилась «с

указов копия»²³; не дан на руки, поскольку «иные моя братья такие ж отпущены и им не дано ж»; послана «именная роспись мимо нас» и велено объявить нас в Военном приказе»; не получен «за тем, что за раною ... ходить было некому»²⁴. Очевидно, что порядок определенных законом к письменной фиксации «поступков» военнослужащих был общеизвестен, имена записывались, «бумаги» требовались, но систематичность и автоматизм процесса еще не стали его атрибутом.

В стадии становления находились и определения об отставках в новой терминологии. В одних случаях резолюции «отпущен в дом» и «отставлен» отчетливо разграничены, в других они являются синонимами. Домой возвращались и уже негодные ни к какой службе старцы, и назначенные к внесению в «валовой» список Герольдмейстерской конторы как кандидаты на будущие гражданские должности, и отпущенные «за улишеством» без увольнения из армии. Старость как почти обязательное основание для отставки вплоть до укоренения уже в екатерининское время «вольности дворянства» трактовалась еще произвольнее. Один мог отставляться в 46 лет, потому что «стар», а другой в те же 46 отправлен в Военную коллегию, потому что «молод»²⁵.

Офицер первой четверти XVIII в., независимо от того, был ли у него соответствующий документ и насколько ясно он был составлен, никогда не мог быть уверен, что отставлен он окончательно. И.И. Киреевский, в 1704 г. раненный в правую руку с раздроблением кости, сказал: «В Военном шатре во Пскове дохтур досматривал, и подал за своею рукою письмо, что служить мне за теми ранами невозможно ... по указу Императорского Величества ... отпущен ... и повелено явиться в Военном приказе, ... и раны мои досматриваны, и оный отпуск взят у меня в Военный приказ». До 1710 г. он пребывал у «рекрутных дел», а в 1711–1713 гг. служил «с другими ранеными и отставными офицерами в Белегороде»²⁶. Г.М. Неприцкий отставлялся в 1714 г. «по прошению», прослужив 25 лет, но три года спустя он направлен от Военной канцелярии в Архангелогородскую губернию «в гварнизон или к делам», потом был ассессором по ведомству Берг-коллегии, снова бил челом о «старости и болезни» и получил подполковничий ранг в Военной коллегии, решение которой о его освобождении неизвестно²⁷.

Особняком среди множества подобных историй стоят вызовы на смотры, несмотря на необратимую инвалидность²⁸. Однажды

полученный по ранению или болезни «отставной указ»²⁹ если не гарантировал, то увеличивал шансы на отъезд «в домишко» впредь. Его обладатель хотя бы мог так думать, подробно перечисляя свои «скорби» и докторские «подлинные описания». Достигали ли цели пространные жалобы — на здоровье, на несправедливость перевода со штатного места в гарнизоне «на ваканц», взамен не бывшего (как сам пострадавший) в баталиях, на поименно названных соседей, которые, вторгшись в дом, били смертным боем (имена обидчиков присутствуют среди «смотревшихся») — удастся выяснить, даже предпринимая специальные разыскания, крайне редко.

Сенаторы, герольдмейстер и члены Военной коллегии располагали предварительными показаниями отставных. Однако руководствовались они, главным образом, все же непосредственным впечатлением и не особенно заботились, отправится ли отставленный от полевой части «в гварнизон или к делам» и насколько долгим будет канцелярское разбирательство какого-либо эпизода его служебной биографии³⁰. Все же отставные 1722 г., часто уже имея опыт других смотров, ничем хорошим для них не кончившихся, продолжали воспринимать сам вызов на смотр как «случай» к заявлению своих заслуг и перемене участи, как праведный суд, а отчасти и некий парад, где можно почувствовать себя в ряду всех. Здесь и провоевавший от Нарвы до Полтавы И.Е. Сомов, лишенный подполковничьего места в 1716 г. в Померании ныне покойным фельдмаршалом Б.П. Шереметевым «в месть» за «недружбу» к его брату В.П. Шереметеву и «по се число» так и не получивший «команды», чей крик души не имел отклика. Здесь же и 80-летний новгородский дворянин А.Г. Мордвинов, который, узнав о смотре, «пошел в Петербург пеш», а оттуда вслед за Сенатом «в Москву пеш», дорогой заболел, после «шел на день помалу», но отметить все же успел³¹.

Отставной контингент, собравшийся вместе в 1722 г., пусть не весь сразу и не в одной Москве, — вообще впечатляет пестротой не только лет и чинов, но и опыта, навыков и кругозора образовавших его людей. Кто-то недавно вернулся из походов в Европу, а кто-то еще застал «вора и бунтовщика» С.Т. Разина, всю Северную войну прожив в деревнях как «положенный на деньги». Признания же хотелось и отправлявшему «механическое дело» у Боровицких порогов, и доставлявшему в войска мундир

и провиант и бившемся с кочевниками в Сибири и южных степях, где отражение атак многих тысяч «с одним полком» отнюдь не называлось «викторией».

Однако барабанный бой власть обещала не рассказывавшим о своих геройствах, а тем, кто не явился о них «сказать». По указу от 5 февраля 1722 г. их имена именно под барабан надлежало прибить к виселице, пока отобранные для коллежских «дел» будут ожидать персональной конфирмации, «старые» отправятся по домам, а «должностные» — к должностям. Полгода спустя был объявлен (с вознаграждением доносителей) поиск тех, «которые быв в службе и от полков отпущены на время за болезнями и иными случаями, а иные собою отстали, и определились к статским делам, другие же нигде не явьясь кроются в разных местах», одни, перестав называться офицерскими чинами, а другие, «не быв в офицерстве, своевольно офицерами называются»³². Неясно, смотр ли 1722 г. побудил Петра к таким заключениям или был только предлогом для них. Однако из совокупности рассмотренных документов можно заключить, что постоянные задачи акции были выполнены — бурно развивающийся государственный аппарат получил новые силы, «имена» попали в списки, а всякий, кто законно или нет, «сбрел в домишко свой», мог убедиться, что не забудут о нем еще долго.

¹ Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 284–286.

² Областные правители России. 1719–1739 / сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008.

³ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия: сб. док. В 2 т. / Сост. К.В. Татарников. М., 2015.

⁴ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины: сб. док. В 2 т. / сост. К.В. Татарников. М., 2017. С. 2117 (далее ССнЗ).

⁵ ПСЗ. Т. 6. № 3810. 30 июля 1721. С. 411.

⁶ Петровский С. О Сенате в царствование Петра Великого. М., 1875; Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого: Провинция, 1719–1727. М., 1902.

⁷ Калашников Г.В. Учет офицерских кадров русской армии в 1700–1745 гг. // КЛИО. 2000. № 3. С. 116–124.

⁸ Бабич М.В. Попытки реформирования политики и практики офицерских отставок в конце 1730-х годов // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. СПб., 2006. Ч. 2. С. 13–17; Бабич М.В. Введение // Областные правители России. 1719–1739 / сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008. С. 157–160.

- ⁹ Захаров А.В. Проект информационной системы генерального смотра шляхетства 1721–1722 гг. в контексте изучения массовых источников и регестов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 16 (371). История. Вып. 65. С. 130–139.
- ¹⁰ Список военных чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 687.
- ¹¹ На протяжении XX в. подлинник этого документа считался утраченным. РГАДА. Ф. 248. Кн. 8338. См.: Областные правители России. М., 2008. С. 164.
- ¹² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1155. Л. 1–62 об.
- ¹³ СОиЗ. С. 188, 265, 271, 366 и др.
- ¹⁴ Подавляющее большинство относится к осени 1721 — осени 1722 гг., и лишь единичные за весь период сказки 7 бригадиров и 5 высоких комиссариатских чинов и чинов инженерного корпуса поданы тогда же, но вне связи с общей кампанией.
- ¹⁵ Кроме них и вышеперечисленных бригадирско-комиссариатских, в этот массив входят 84 сказки чинов унтер-штаб, 1 сержанта и одного солдата гвардии, произведенного в офицеры при отставке.
- ¹⁶ СОиЗ. С. 2525–2568.
- ¹⁷ ПСЗ. Т. 6. № 3896. 5 февраля 1722. С. 497.
- ¹⁸ Хотя и здесь не все однозначно. Напр., полковник Грибоедов в «Сказках отставных» именуется Алексеем (Любимом) Андреевым сыном, в СВЧ — Любимом Андреевым сыном, а в Списке 1736 г. Любимом Алексеевым сыном. Достаточно распространенным является чередование отчеств Арсеньевич / Артемьевич и т. п. Отчасти дело в простых описках, но в некоторой степени, как это видно из грибоедовского случая, в отсутствии отчетливости в артикуляции самих подателей сказок.
- ¹⁹ Имея в виду начальный момент акции, так как учесть имевшие место перемены в ее ходе чрезвычайно сложно.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 286. Кн. 48. Л. 502–502 об.
- ²¹ СОиЗ. С. 1331.
- ²² Там же. С. 1890, 1255, 1342, 1286–1309.
- ²³ Ф.С. Тищенко рассказывал, что «в нынешнем 1722 г.» в Москве «приезд записал», а как шел «с потехи ночью, и на Девичье поле напали на меня неведомые воры, и били меня смертно и ограбили, и в то время отняли у меня указ». СОиЗ. С. 2122.
- ²⁴ Там же. С. 1746, 1259, 1386, 836–837.
- ²⁵ Там же. С. 141; СВЧ. С. 637.
- ²⁶ СОиЗ. С. 1344.
- ²⁷ Там же. С. 141.
- ²⁸ Там же. С. 641, 1758.
- ²⁹ Признанный глухим еще в 1703 г. прапорщик В.Н. Мертваго, в 1722 г. отпускавшийся в пятый раз, имел два таких указа. СОиЗ. С. 1758.
- ³⁰ Такие следствия с пересылкой из города в город могли длиться годами. СОиЗ. С. 1305–1306.
- ³¹ Там же. С. 182–183; РГАДА. Ф. 286. Кн. 48. Л. 434–434 об.
- ³² ПСЗ. Т. 6. № 3897. 5 февраля 1722. С. 499; № 3920. 16 марта 1722. С. 516; № 4063. 26 июля 1722. С. 754.

М.В. Бабич (Москва)

ВОЕННЫЙ СУД НАД ГЕНЕРАЛ-МАЙОРОМ С.И. СУКИНЫМ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ «СЧЕТ» НАЧАЛА 1730-х ГОДОВ

ИЗ МНОГОЧИСЛЕННЫХ СЛЕДСТВИЙ и судов над государственными и военными деятелями первой половины XVIII в. затронутый в настоящей статье процесс «бывшего генерал-провиантмейстера» Семена Ивановича Сукина выделяется прежде всего тем, что не выступил в привычной для эпохи роли оформления политической воли верховной власти. Будучи создан 8 января 1733 г. вследствие одобрения Анной Иоанновной доклада Счетной провиантской комиссии о виновности нынешнего сенатора в «преступлении Регламента и в слабой команде», он опроверг эти обвинения, предоставив Сенату основания для оправдания 16 января 1735 г. С.И. Сукина и «требования» высочайшего указа о его восстановлении в правах присутствующего. Эта рекомендация, согласно которой генерал-майор подал соответствующую челобитную, правда, не была принята к исполнению, но он вместо возвращения звания сенатора получил достаточно значимое назначение киевским губернатором¹.

В материалах его так называемого генерального кригсрехта, целиком сохранившихся в сенатском архиве², есть также сведения, небезынтересные для характеристик отдельных представителей генералитета и для изучения провиантского довольствия армии по переводу ее содержания в 1724 г. на подушную подать. С точки зрения расширения понимания взаимосвязи собственно военного строительства и развития государственности периода важен и впервые устанавливаемый ими факт приобретения еще одним сугубо военным судом³ статуса подведомственной Сенату правительственной комиссии. Комиссии, которая в отличие от Воинского суда 1723 г. над членами Военной конторы,

оставшегося малоизвестным свидетельством кампании за повышение административной дисциплины, и Суда над полковником Ф.А. Доригни, чьим приговором Кабинет министров пренебрег⁴, оказала определенное влияние на ход общеимперской акции по ревизии финансово ответственных учреждений и лиц, провозглашенной именованным указом от 30 марта 1732 г. Последний аспект истории органа, чаще всего называвшегося Учрежденной комиссией военного суда⁵, и станет предметом рассмотрения в первую очередь.

Сама заявленная 30 марта 1732 г. попытка «для лучшего порядка и правого исчисления всех государственных денежных, провиантских и прочих приходов и расходов генерально считать все те места, где имелись такие»⁶, довольно согласно трактуется учеными разных школ и поколений. Регулярный финансовый контроль — необходимый элемент правильного хозяйства с ежегодным бюджетом⁷, задачу которого поставил Петр Великий. А поскольку его преемники, вопреки долгим неудачам, не отступались от решения этой задачи, то и аннинскому правительству было присуще стремление преодолеть хаотическое состояние денежной отчетности, активно стимулированное ростом налоговых недоимок и надеждами пополнить казну посредством выявления «непорядков» в распоряжении ею⁸.

Вполне закономерно, добавим от себя, что приоритетное внимание обращалось при этом на штатное обеспечение сухопутных войск, обходившееся почти в 4 млн р. в год, управление которым было недавно (28 октября 1731 г.) реорганизовано. Так что «счет» слитых в результате в Генеральный кригс-комиссариат учреждений, «ведавших» жалованьем и материальным снабжением полевых и гарнизонных частей (Кригс-комиссариата) и их — на около 1,3 млн из общеармейской суммы — провиантом (Провиантской канцелярии), поручили комиссиям под эгидой Кабинета министров, Счетной кригс-комиссариатской и Счетной провиантской⁹. И был чрезвычайно сложен не просто в силу предполагавшегося охвата крупнейших государственных затрат, но и в силу самой существовавшей тогда процедуры «счета» (проверки, равно обозначающейся понятиями «ревизии» и «свидетельства»), при которой «считаемые» должны были доказать «считавшим» правомерность совершенных операций и само их совершение определенными документами и (или) чьими-то показаниями (свидетельствами в буквальном смысле слова).

Провести такую процедуру сколько-нибудь широко с начала XVIII в. еще не удавалось никому — ни обязанной постоянно осуществлять ее в масштабах страны Ревизион-коллегии (а еще раньше Ближней канцелярии), ни другим «коллегиям и канцеляриям», которые обязывались к тому же относительно самих себя, ни контингентам, время от времени специально мобилизуемым на то и другое. Теперь учет дальнейшего казенного оборота от 1732 г. опять «генерально» возлагался на заново переустроенную Ревизион-коллегию. Комиссии же — кроме кабинетских, еще 9 сенатских — должны были «сосчитать» каждая свое центральное «ведомство» с подчиненными ему «местами» между 1732 и 1719 гг. (до которого всякие злоупотребления уже были уничтожены в честь Ништадтского мира 1721 г.).

Причем их шансы на успех сравнительно с предшественниками повышало последовательное внедрение в 1720-е гг. общеобязательных «форм», которые ориентировались на Адмиралтейский регламент от 5 апреля 1722 г.¹⁰ И предписывали довольно простое по сути «сочинение» ежегодных «счетных выписок» (или «счетных списков», тоже именуемых «счетами») в виде хронологических перечней «приемов» и «отпусков» каких-либо средств с отсылками к удостоверяющим их «указам» / «распискам» и итогами по их остатку / будущей «доимке». Теоретически «исправность» этих документов («счетов»-перечней) — составление по заданному образцу и наличие «свидетельствующих» изложенное подписей начальствующего персонала — позволяло ревизиющей инстанции лишь сравнить их с документами первичными (в основном, приходо-расходными книгами) и найти «упущенные» на низовом уровне «несходства».

Но на практике «счетоводство», тем более «исправное», нормой жизни еще не стало, что не было тайной для «верхов», где и десятилетия спустя сетовали на «неизвестность» «многих миллионов государственной казны»¹¹. А в 1730-е гг. из того, что «в ревизию ниоткуда не присылают счетов», выводили чуть ли не главную причину «всем непорядкам и воровству», как писал знаменитый обер-прокурор Сената А.С. Маслов¹². Откуда в значительной степени и отчетливо выраженные при открытии ревизионной кампании ожидания массового вскрытия «начетов, казенных долгов и доимок», и приданные комиссиям «воинского счета» полномочия широкоохватных следствий вплоть до «генералитетских особ».

Другое дело, что данные им с мая до конца 1732 г. распоряжения демонстрируют преимущественно твердость высказанного 30 марта 1732 г. намерения и готовность снабдить его исполнителей неординарно мощными канцеляриями с беспрецедентно высоким субсидированием. Но не конкретные представления сенаторов и «министров», как, за вычетом стандартных «понуждений» к высылке запрашиваемых «ведомостей», названным институтам добиться поставленной цели. Единственным исключением стала инициатива Кабинета министров о ежемесячном рапортовании оттуда (с табличным разнесением «по пунктам») о количестве находящихся в обработке и «решенных» (по которым завершены все предусмотренные законом «справки») «счетов» в их денежном эквиваленте, возвращенных по ним и остающихся к выплатам самими должниками, их начальниками и наследниками суммах, а равно и о комиссиональных входящих и исходящих — указах, промемориях, донесениях, челобитных и определениях.

Проведенный в Кабинете 7 ноября 1732 г. сравнительный анализ рапортов о «счете» Кригс-комиссариата и Провиантской канцелярии по параметрам документооборота, давший цифры в 268 и 608 единиц¹³, показывает, что правительство было склонно искать упорядочения своего финансового положения именно на пути совершенствования оформления «бумаг». Оставляя при этом известную свободу рук и обеим комиссиям, которые воспользовались ею по-разному.

Комиссариатская комиссия, направляемая полковником М.И. Философовым в духе заданной Воинской комиссией 1730 г. установки на налаживание «счетов при полках»¹⁴, сосредоточилась на работе с отвечающими за хозяйственную часть офицерами, «начеты» на которых (обычно за несколько лет службы) колебались от менее одного до около 350 р., а растрат не «явилось» вовсе. Вместе с более «прибыльными» проверками подрядчиков мундира и амуниции она, рассмотрев за два года непрерывных трудов обращение до 3 млн р.¹⁵, признала из них «начетными и штрафными деньгами» менее 9 тыс. р., а собрать сумела всего около 2 тыс.¹⁶

Проблема, стоявшая перед Провиантской комиссией, объективно была уже, ввиду втрое меньшей величины продовольственных расходов относительно прочих, их отдельного исчисления с 1724 (а не с 1719) г. и исключения из поля зрения «управителей

сборов» там, где провиант и фураж не заготавливались. Зато в городах и крепостях, где заготовки постоянно или хотя бы изредка бывали — Провиантская канцелярия зафиксировала их около 80 — к обслуживанию оптовых закупок за наличные выплаты привлекались «купчины», посадские целовальники и городовые дворяне, взыскания с которых были эффективнее, чем с обычно «штрафуемых» из жалованья чиновников и военных. Это, по-видимому, сыграло свою роль в получении комиссией с «ее» должников до 8 тыс. р., истраченных, впрочем, на собственное содержание¹⁷.

Во всяком случае четырехкратное превосходство «провиантских» показателей по восполнению государственных убытков над «комиссариатскими» не было обеспечено тоже кратной частотой отправленных в подконтрольные инстанции «указов». Обращение к донесениям Провиантской комиссии в Кабинет¹⁸ не оставляет сомнений, что сама она «счетов», по которым столь блестяще отчитывалась, не вела, опираясь в своих выкладках лишь на прежде «сочиненные» в Провиантской канцелярии (пусть и непрерывно аттестуемые как неисправные).

Возникает даже впечатление, что ее деятельность только и заключалась в бесконечном тиражировании запросов в ту же канцелярию и в «губернии и провинции» с угрозами за их неисполнение, отчасти воплотившимися в налагаемых на областную администрацию денежных штрафах и мерах, принимаемых командированными в Москву и на места преображенским капитан-поручиком А.И. Лопухиным и восемью рядовыми гвардейцами-«понудителями». Впечатление это, однако, не совсем верно, поскольку как раз в таких запросах комиссия впервые вербализовала целую программу, представшую в перечне «потребных» ей «ведомостей». А именно: о суммах, бывших в централизованном приеме данной структуры против оклада, и их отпуске (если был) в учреждения остальных «ведомств» с росписью «порознь» за каждый год «счета»; об остатке к «считаемому» сроку от прошлых лет и его употреблению; о статьях расхода имевшихся средств деньгами и натурой с аналогичной росписью предметов и объемов всевозможных покупок, поставок и подрядов с ценами, мерами, остатками и «передачами»; об именах и «счетах» всех, как-либо прикосновенных к перечисленным актам, должностных и выборных лиц с их выведенными, погашенными и пребывающими в доимке долгами¹⁹. Другими словами, сформулировано и

сведено воедино все то, что затем с чисто стилистическими изменениями и без оных вошло в Регламент Ревизион-коллегии, Инструкцию Генеральной счетной комиссии и иные «руководства» по выяснению как действительных государственных доходов, так и виновников их «непорядочного» поступления.

Достоверной информации о своих финансовых ресурсах власти в 1730-е гг., по общему признанию, так и не собрали, но в подготовке списков занятого в оперировании ими персонала некоторые успехи были налицо. Как уже приходилось отмечать, усилия по его «приведению в известность», которые в 1736–1739 гг. приняли системный характер относительно центрального аппарата, а также губернских, провинциальных и воеводских канцелярий, были тесно связаны с планами возложения на их служащих прямой материальной ответственности за любые казенные утраты²⁰. Установление Провиантской комиссией по данным Провиантской канцелярии²¹ около 470 человек военных и гражданских, задействованных в 1720–1730-е гг. в продовольственном снабжении армии, позволяет наблюдать начало складывания этих планов²² и соотнести их с фигурой возглавившего Провиантскую комиссию А.Я. Волкова.

В историографии он выступает, во-первых, как начальник канцелярии, а потом и член Военной коллегии, куда попал из личных секретарей кн. А.Д. Меншикова, на пике могущества которого стал генерал-майором и генерал-лейтенантом, а при его «падении» был сослан в свои деревни с лишением чинов и «кавалерии». И, во-вторых, среди авторов преобразовательных проектов середины 1720-х гг. и деятелей денежной реформы 1727 г.²³ Близкое сотрудничество А.Я. Волкова тогда с будущим кабинет-министром А.И. Остерманом, лидером аннинской финансовой политики, и возвращение всех прав с пожалованием в действительные статские советники в феврале 1732 г., накануне открытия всероссийского «счета», обнаруживают неслучайность означенного выбора. А смысловая и текстуальная однородность происходящих из Провиантской комиссии коллегиально подписанных материалов и подписанного одним ее председателем письмом на имя А.И. Остермана с реализованным затем предложением «собрания» уже функционирующих счетных комиссий в одну Генеральную²⁴ бесспорно указывает на него как на еще одного идеолога этой политики, убежденного в благодетельности предпринимаемого для пресечения

«упущений... е. и. в. высокого интереса» «искусством и прилежанием» верных слуг престола²⁵.

Принадлежащие перу А.Я. Волкова «записки» выделяются из других «рассуждений» на сходную тему как будто лишь более последовательным проведением мысли, что «упущениями» являются не только «начеты», доказанные в порядке «счета» как ревизии, но и всякая небрежность в его ведении как процесса. Но это не слишком бросающееся в глаза смещение акцентов превращало в «преступников указов» и добросовестных «казначеев», по разным причинам не справившихся с заполнением нормативных «форм», и оперативно не наказавших их «командиров», которых можно и нужно карать «по государственным правам» наряду со злокозненными «похитителями».

Сквозь призму такого подхода и был составлен доклад Комиссии А.Я. Волкова относительно С.И. Сукина, который в 1724–1731 гг. управлял сформированной им в качестве аппарата генерал-провиантмейстера (став таковым 20 августа 1723 г. по личному приказу Петра) Провиантской канцелярии. В декабре 1732 г. «ревизоры» этой канцелярии вменили ему отступление его «ведомством» от определяющих «счетное дело» артикулов, из-за чего в Комиссию не присланы необходимые документы, а по немногим присланным видны «неисправные статьи» и «слабое содержание» всей провиантской администрации. Поскольку С.И. Сукин, не подвергая своих подчиненных должным штрафам, подавал им якобы повод «к такому же преступлению и упущению и прочим непорядкам» в «счетах», накопив их за восемь лет «к бесчисленному, а многое и к невозвратному убытку». И пусть большая часть текста, давно опубликованного в «Бумагах Кабинета министров», представляет собой пересказ Адмиралтейского регламента и указов против просрочек в доставке уставных рапортов, логика их цитирования, подкрепленная внушительностью оцененных в 186 924 р. «неисправ» и резюме о «важности дела», выносимого на высочайшее усмотрение, до сих пор убеждает историков в нечестности или хотя бы служебной несостоятельности обвиняемого²⁶.

В сложившемся контексте не имеет значения, исходил ли А.Я. Волков при этом из чисто идеологической позиции или личных чувств к генерал-майору, сделавшему не штабную, а боевую карьеру и никак не поплатившемуся за бытность в окружении А.Д. Меншикова²⁷. А может быть, и искал одобрения нового

президента Военной коллегии гр. Б.-Х. Миниха, который тоже успел возмутиться неприсылкой из Провиантской канцелярии нужных его Воинской комиссии донесений (и в своих позднейших мемуарах голословно приписал С.И. Сукину взяточничество)²⁸. Резолюция Анны Иоанновны о предании военному суду и назначение Военной коллегией во главе с тем же Б.-Х. Минихом его презусом (первоприсутствующим) генерала А.И. Ушакова, не только лейб-гвардии подполковника и сенатора, но и начальника Тайной канцелярии, казалось бы не сулило С.И. Сукину ничего хорошего. Но, парадоксальным образом, вручение его «дела» зловещему в глазах потомков хозяину «Бастилии на Заячьем острове», который в действительности сочетал следственный опыт с боевым, командным и административным, а также пользовался доверием и авторитетом у императрицы, и сыграло в судьбе генерал-майора счастливую роль.

Она решилась в сущности в первые две недели существования Учрежденной комиссии военного суда, открывшей свои заседания 24 января 1724 г. Сразу же ознакомив С.И. Сукина, ни на кого не заявившего «подозрений», с докладом Провиантской комиссии, презус и ассесоры²⁹ (генерал-майоры кн. Н.Ю. Трубецкой и Л.-А. фон Бисмарк, полковники Г.-Г. фон Адельсдорф и Т.С. Тишин, подполковники М.П. Салтыков и Ф.В. Норов) при участии коллежского генерал-аудитора Ф. Центарова отказали в предоставлении «списка» с него — по нормам «процесса военного артикула» 1715 г. (обосновав данное отступление от «формы суда» 1723 г. тем, что следствие по ней уже было). Но уже при расписывании текста этого доклада генерал-аудитор-лейтенантом Г.Е. Алферьевым на «пункты», допрос по которым состоялся 29 января, исчез его обличительный пафос. А сами вопросы: всем ли подчиненным давал «от себя инструкции», какие из них «по Регламенту... от вас считаны», для чего «по нынешнюю ревизию свидетельствованы денежные провиантские суммы» всего на 1 819 637 р., а показанные в «счетных списках» этого свидетельства 186 924 р. «начетов, передаточных, штрафных и недочетных денег...оставлены ль без следствия с конечной очисткой»³⁰, — ориентировали ответчика на опровержение выдвигаемых обвинений.

Их мнимость, вероятно, уже на стадии единственного «слушания» была очевидна участникам, довольно искушенным в управлении военным хозяйством вообще и применении «провиантских регул» в частности, чтобы поверить Провиантской

комиссии, будто бы С.И. Сукин должен был последние, т. е. петровскую Инструкцию генерал-провиантмейстеру 1724 г., «пополнять» или знать наизусть имена провинциальных расходчиков и приемщиков хлеба и овса. А полученные разъяснения по организации всей провиантской системы и специфике «счета», из-за которой «неисправности» одного года уменьшаются по мере перевода «в приход», восполнений по ним «в другие разные годы», почему «верность и труды» может «явить» только «счет» полный (или, точнее, для их адекватной оценки нужно видеть динамику процесса), легли в основу последующих занятий Учрежденной комиссии.

Занятия эти начались «приговорами» от 7 и 9 февраля 1733 г. о донесении в Сенат, что «по делу со Счетной комиссией надлежат быть справки», включая вызовы ее членов «к персональному доказательству», и отношения в Военную и Камер-коллегии, Штатс-контору и другие инстанции по «касающимся по делу» фактам. И продолжались, вплоть до возобновления в декабре 1734 г. заседаний по постановлению «сентенции»³¹, сводясь к крайне мелочной на сегодняшний взгляд переписке за подписью одного А.И. Ушакова по неизменным за два года «пунктам».

В реалиях же 1730-х гг., надо думать, как раз методичное, «пункт» за «пунктом» подтверждение наличия в Сенате неисполненных представлений С.И. Сукина об отсутствии канцеляристов, которых бы требовалось определить к «производству счетов», в Провиантской канцелярии — протоколов о рассылке печатных «регул» и «многих указов», а в Адмиралтейской коллегии — о командированиях туда к проведению подрядов строго «по Морскому регламенту» и т. д. позволили Комиссии А.И. Ушакова совершить невозможное. Не просто оправдать подсудимого, посланного вроде бы за вполне предрешенным приговором, и вынести, так сказать, частное определение о «продерзости» Провиантской комиссии, которая «доклад ея императорскому величеству учинила неправильно,.. не произведя, как надлежало, всего счета и не узнав всей правды»³². Но убедить правящие круги для этой «правды» перевести весной 1733 г. из Москвы в Петербург Провиантскую канцелярию с ее архивом, а Анну Иоанновну — отклонить (1 ноября 1733 г.) протесты членов Комиссии А.Я. Волкова против «ответствования» перед не над ними наряженным судом. И, наконец, сенаторов, что вина по «некоторым в счетах неисправностям, которые произошли

от невозможностей (канцелярского недокомплекта. — М. Б.)» не может квалифицироваться как «важное» «преступление указов и Регламента»³³.

В таких условиях Кабинету в лице А.И. Остермана, явно подерживавшего инициативу покойного А.Я. Волкова, оказалось не под силу обратить денежный «счет» в преследование как повредителей государственного интереса тех, кто был изблещен не «в краже чего казенного»³⁴, а лишь в делопроизводственных погрешностях. И хотя впечатляющие итоги коммиссионального следствия — во взаимодействии с которым и Провиантская канцелярия из пресловутых 186 924 р. 162 999 р. «очистила»³⁵ — не заставила изменить самих приемов «нынешней ревизии», ни один из ее органов уже не пытался отступить от принципа налогообложения на непричастных к «краже чего казенного» исключительно материальных «штрафований».

Этот, убеждена, существенный вклад сугубо военной по внешним атрибутам коммиссии в политическую историю первой половины XVIII в., как и восстановление доброго имени С.И. Сукина, не приобрел резонанса в современном ему общественном мнении. Но исследователями впредь должен приниматься во внимание. Как и то обстоятельство, что «воинский счет», давший импульс его «делу», по совокупности усилий перечисленных коммиссий 1732–1734 гг. не охватив более 4 млн р. (вместо около 50), все же был продуктивнее прочих и, главное, не выявил преднамеренного разбазаривания средств, падающих многообразными «тягостми» на всю нацию.

¹ Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Собр. и изд. А.Н. Филипповым. Юрьев, 1898. Т. 2. С. 12–16 (Сб. РИО. Т. 104). (Далее — Бумаги Кабинета. Сб. РИО); РГАДА. Ф. 248. Кн. 2076. Л. 71–72; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 41.

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 498. Л. 1–696.

³ По Воинскому уставу 1716 г., кригсрехтом в ранге генерального — подобно всем неразрывным со следствиями (фергерерами) судам, которым подлежали правонарушения генералитета и штаб-офицеров: Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Первого. СПб., 1878. С. 79–85, 134–160.

⁴ Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII в.: Комиссии петровского времени. М., 2004. С. 343–344; Ее же. Странное «дело» о полковнике Ф.А. Доригни // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Шестая Международн. научно-практич. конф. СПб., 2015. Ч. 1. С. 82–96.

⁵ Другие отраженные в его делопроизводстве наименования: Военная комиссия, Военный суд, Воинский генеральный суд, Генеральный кригсрехт, Дело Счетной провиантской комиссии с генерал-майором С.И. Сукиным, Следствие над генерал-майором С.И. Сукиным, Учрежденный военный суд, Учрежденный военный суд о бывшем генерал-провиантмейстере, что ныне генерал-майор и кавалер, господине С.И. Сукине, Учрежденный генеральный кригсрехт: РГАДА. Ф. 248. Кн. 498. Л. 18, 27, 35, 56, 94, 171, 268 и др.

⁶ ПСЗ. Т. 8. № 6012.

⁷ Бюджет как планомерную смету доходов и расходов в России удалось официально учредить лишь в 1862 г., но фактически аналогичные росписи стали составляться с 1780-х гг.: Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 2008. Т. 1. С. 19; Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 264–265.

⁸ Бочковский Ф.И. Организация государственного контроля в России сравнительно с государствами Западной Европы. СПб., 1895. С. 16, 27–28, 54–58; Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. М., 1913. С. 284–285, 289, 297, 354–362, 369, 376–381; Конаев А. Финансовый контроль в дореволюционной России (Очерки истории). М., 1959. С. 27–31; Троицкий С.М. Указ. соч. С. 23–26.

⁹ Карпеев И.В. Генеральный кригс-комиссариат // Государственность России: Словарь-справочник. М., 1996. Кн. 1. С. 144–145. Следует учитывать, что прежние структуры «бывших» Кригс-комиссариата и Провиантской канцелярии по образовании Генерального кригс-комиссариата несколько лет еще продолжали функционировать, названными средствами (ПСЗ. Т. 43, ч. 1. № 5819, 5864) более официально не распоряжаясь. О создании «считавших» их комиссий см.: ПСЗ. Т. 8. № 6038, 6061, 6063.

¹⁰ «Преступление» которого и приписывала С.И. Сукину Счетная провиантская комиссия.

¹¹ Корчмина Е. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: Недоимки по подушной подати в 1720–1760-х гг. // Российская история. 2013. № 5. С. 88.

¹² Соловьев С.М. История России с древнейших времен / Соч. М., 1993. Т. 20. С. 466.

¹³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1099. Л. 310.

¹⁴ ПСЗ. Т. 8. № 5571, 6003. М.И. Философов участвовал в работе этой комиссии лично: Ф. 248. Кн. 389. Л. 404; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 104. С. 286.

¹⁵ Без учета не переведенной в рубли иностранной монеты и не целиком рассчитанной стоимости материального довольствия.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1099. Л. 201–203 об., 460–462 об.

¹⁷ Там же. Кн. 498. Л. 198–257 об.; Кн. 1099. Л. 463–466 об.

¹⁸ Там же. Ф. 248. Кн. 1099. Л. 284–375.

¹⁹ Там же. Л. 155–159.

²⁰ Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008. С. 9–13.

²¹ Даже в сохранившейся своей части (Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель / Сост. Ю.М. Эскин, М.В. Бабич, Е.Ф. Желоговцева. М., 1992. Т. 2. С. 126–127), кажется, никем еще не изучаемой.

²² РГАДА. Ф. 248. Кн. 498. Л. 374–416 об.

- ²³ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 18. С. 561–564; Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 31–32; Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII века. М., 1983. С. 195–196, 204–215.
- ²⁴ Проекты аннинских времен // Памятники новой русской истории: Сб. историч. статей и материалов / Изд. А.Ф. Базунова. СПб., 1873. С. 278–283.
- ²⁵ О пассивности в этом смысле остальных членов (отозванного в июле 1733 г. в действующую армию полковника П.М. Шипова и оставшегося до конца оберкригс-комиссара И.С. Савельева) говорит то, что с болезнью и смертью (19 мая 1733 г.) А.Я. Волкова его комиссия самостоятельные шаги предпринимать перестала.
- ²⁶ Тургенев А.И. Российский двор в XVIII в. / Пер. с фр., примеч. и указатель имен Д.В. Соловьева. М., 2005. С. 511; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 190.
- ²⁷ Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Полевая армия: Сб. док. / Сост. К.В. Татарников. М., 2015. С. 1832–1833; Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова, 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой, Т.А. Лаптевой. М., 2000. С. 387–388, 390–391, 398–399, 402–403, 406–409.
- ²⁸ ПСЗ. Т. 44, ч. 1. № 5812. § 39; Миних Б.-Х. Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны / Сост. А. Либерман, В. Наумов. М., 1997. С. 303.
- ²⁹ Эти наименования присутствующих подчеркнuto сохранялись относительно членов кригсрехтов как отличие от присутствий прочих «коллегий и канцелярий».
- ³⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 498. Л. 6–13 об.
- ³¹ Между февралем 1733 г. и 10 декабря 1734 г. Комиссия собиралась в полном составе только 22 мая, 11 и 17 июля и 20 сентября 1733 г., с заменой 16–20 декабря 1734 г. отбывших из столицы Л.-А. фон Бисмарка, Г.-Г. фон Адельсдорфа, Т.С. Тишина и М.П. Салтыкова генерал-майором С.Л. Игнатьевым, полковниками С.Я. фон Каркетелем и бар. фон Икскулем, а Г.Е. Алферьева — А. Фливерком: РГАДА. Ф. 248. Кн. 498. Л. 14–26 об., 171–171 об., 267–268, 279–280, 421, 633, 635–636.
- ³² Там же. Л. 685 об.
- ³³ Там же. Кн. 2076. Л. 71–72.
- ³⁴ Цитирование содержащего положение о признании «злодеем» подозреваемого в похищении казны только после изобличения в этом сенатского дополнения к «форме суда» от 3 мая 1725 г. (ПСЗ. Т. 7. № 4713) было отдельно внесено в первый же протокол Комиссии А.И. Ушакова, для чего, возможно, и понадобилось пространное рассуждение о причинах отступления в данном случае от этой «формы»: РГАДА. Ф. 248. Кн. 498. Л. 5–5 об.
- ³⁵ Иначе говоря, подтвердила законность проверяемых действий или доказала имевшие место нарушения финансовой дисциплины с вынесением соответствующих определений в адрес нарушителей.

Л.К. Барышкова (Санкт-Петербург)

**ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ВАЛЕРИЯ ОСИПОВНА ГНАРОВСКАЯ
(К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ).
ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ**

С ОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ памяти о героическом труде представительниц медицинских специальностей на театрах военных действий, об их мужестве, самоотверженности и готовности к самопожертвованию во имя спасения жизни раненых бойцов и командиров является одним из важнейших направлений деятельности Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации. В музее сформированы и постоянно пополняются персональные фонды и специальные библиотечные архивы женщин-медиков — участниц боевых действий, осуществляется популяризация на страницах сборников, монографий и журналов, в докладах на научных конференциях, на передвижных выставках и постоянно действующей экспозиции музея их подвигов на полях сражений, в операционных, во фронтовых и тыловых госпиталях¹.

В выставочном зале музея «Гуманное оружие Победы», экспозиция которого посвящена работе военно-медицинской службы нашей страны в годы Великой Отечественной войны, представлена картина художника И.М. Пентешина «Подвиг Героя Советского Союза санитарного инструктора Валерии Гнаровской», пожертвовавшей жизнью во имя спасения раненых воинов. В зале «Медицина в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.» постоянно действующей экспозиции музея среди многочисленных экспонатов, отражающих работу медиков в годы этой жестокой и кровопролитной войны, внимание посетителей неизменно привлекает небольшой цветной портрет Героя

Советского Союза Валерии Осиповны Гнаровской, мастерски выполненный гладью по шелковому полотну В.В. Якушевой. В фондах бережно хранятся многочисленные материалы, дающие возможность проследить ключевые моменты биографии этой бесстрашной девушки: фотопортрет В. Гнаровской 1939 года, фотографии с родственниками и друзьями, письма с фронта, письма Евдокии Михайловны Гнаровской — матери нашей героини, копии письма Е. Дорониной — подруги Валерии, копии и подлинники статей в газетах о подвиге В. Гнаровской, Грамота (подлинник) Герою Советского Союза, Копия приказа о награждении, наградной лист и другие документы. Фондовые материалы существенным образом дополняют книги и брошюры о В. Гнаровской, находящиеся в научной библиотеке музея.

Валерия Гнаровская родилась 18 октября 1923 г. в деревне Модолицы Плюсского района Ленинградской области (в 1944 г. эта территория вошла в состав Псковской области) в семье почтовых работников. Росла веселой девочкой, любила танцевать под аккомпанемент мандолины, на которой виртуозно играл ее отец, Осип Осипович, и петь. С ровесниками играла в прятки, лапту, чижика, испорченный телефон. Как следует из писем родных, воспоминаний Е. Дорониной (дружба с ней возникла позже, в Бердюжье) и бойцов, с которыми Валерии довелось воевать бок о бок, — повзрослев, она превратилась в веселую, скромную, задорную, жизнерадостную девушку с копной вьющихся рыжеватых волос. Любила песни и цветы. Запом, «...забыв обо всем...», читала книги, «...умела красиво мечтать...» В 1940 г. стала комсомолкой, была пионервожатой. В 1941 г. окончила Подпорожскую среднюю школу имени А. Пушкина. Мечтала поступить в Горный институт, стать геологом и в составе экспедиции «...с рюкзаком, ружьем и теодолитом...» шагать по неизведанным местам².

Но мечтам не суждено было сбыться. Началась война. Отец ушел на фронт. Семья оказалась в прифронтовой полосе. Валерия с матерью, младшей сестрой и бабушкой были вынуждены эвакуироваться. В селе Бердюжье Омской области Валерия вместе с матерью, Евгенией Михайловной, устроилась на работу телефонисткой в районную контору связи. Эту специальность она выбрала не случайно, посчитав, что телефонистки непременно будут востребованы на фронте. По свидетельству коллег, на работе отличалась скромностью и добросовестностью³.

Деревню Модолицы, в которой до эвакуации проживала семья Гнаровских, немцы сожгли дотла, уничтожили школу, медпункт, сельсовет, почту, все жилые дома. Не пощадили немцы и оставшихся в деревне жителей⁴. С болью в сердце воспринимала Валерия сообщения об уничтожении ее любимого села, многих городов, сел и деревень захватчиками, о бомбежках Ленинграда. Понятно ее стремление попасть на фронт... В военкоматах (Бердюжском, а еще раньше в Подпорожском), куда Валерия обращалась с просьбой отправить ее на фронт, постоянно получала отказы. И, наконец, была принята в ряды Красной армии и направлена на курсы медицинских сестер. Как всегда, проявив целеустремленность, она овладела основами санитарного дела⁵.

10 апреля 1942 года вместе с другими девушками-комсомолками была направлена в Ишим для прохождения военной учебы. В лесу под Ишимом из вновь прибывших был сформирован санитарный взвод стрелкового полка. Каждое письмо, написанное Валерией в этот период родителям, было пронизано желанием скорее попасть в действующую армию, сделать все возможное, все зависящее от нее для того, чтобы помочь раненым бойцам и чтобы поскорее изгнать врага с территории родной земли. Закончилась учеба. Предстояла отправка на фронт. «Родной мой папочка! — писала она отцу, - ...до сих пор я делала очень мало для того, чтобы изгнать проклятых извергов... Я говорю себе: “Иди туда, где трудно, если ты советский человек...”». И далее: «...я не брошу раненого, как бы тяжело мне ни было...» Из письма к матери: «...я еду помогать раненым, спасти их. Разве может быть что-нибудь благороднее и полезнее...» (из книги А.Н. Гордиевского «Ласточка»).

В середине июня эшелон, в котором находилась Гнаровская, прибыл к месту назначения. К участию в боевых действиях взвод не привлекался, девушки продолжили санитарную подготовку. В письме домой от 26 июня 1942 г. она писала: «...Вас интересует, чем мы занимаемся? Занимаемся санделом и санпрактикой: перетаскиваем раненых, учимся делать им перевязки, накладывать шины и жгуты...» По окончании спецподготовки была направлена на фронт в 804-й стрелковый полк 229-й стрелковой дивизии. Ни на минуту Валерия не забывала о том, что ее родные беспокоятся, и, заботясь о спокойствии семьи, писала утешительные, полные бодрости письма. «Дорогая моя мамочка! Сообщаю, что жива и здорова. Настроение хорошее. Мамочка, дорогая,

обо мне не беспокойся. Я сумею постоять за себя», - так писала она в письме, датированном 7 июля 1942 года. В другом письме: «Мамочка, не скучай и не беспокойся обо мне. Все будет в порядке. Вернусь скоро домой с победой и славой или же погибну в честном бою, но ты верь, что я вернусь домой целой и невредимой. Пиши, как вы там живете. Как здоровье. Привет всем знакомым. Пока до свидания. Целую всех. В. Гнаровская»⁶.

В июле того же года она оказалась на Сталинградском фронте. И в конце месяца приняла участие в оборонительных боях на этом плацдарме. Стойко переносила нечеловеческое напряжение. Оказывала помощь раненым, выносила их с поля боя, доставляла в медсанроту. Там под Сталинградом раненые любовно прозвали Валерию «Ласточкой» за ее легкость и быстроту, за теплые слова, сказанные каждому раненому бойцу. В какой-то момент во время боя (это был ее первый бой) недалеко от Суровикино, когда невозможно было поднять головы, выйти из укрытия из-за плотного огня противника, Валерия выбежала из окопа и крикнула: «Товарищи! За Родину и умереть не страшно! Пошли!» Воодушевленные примером этой бесстрашной девушки, следуя ее призыву, бойцы, даже пожилые, покинули окоп и пошли в атаку⁷. В канун нового, 1943, года часть 229-й дивизии попала в окружение. Более трех месяцев бойцы скитались по лесам, болотам и снежным сугробам и, выйдя из окружения, соединились со своими. Спустя некоторое время Валерия заболела тифом, долго лечилась, а поправившись, поехала не домой, а в Морозовск Ростовской области со своей новой фронтовой подругой — Марией Нечаевой. В марте вернулась на фронт. Была назначена санинструктором в первый батальон 907-го стрелкового полка 244-й стрелковой дивизии. И снова оказывала первую помощь раненым, выносила их с поля боя в безопасное место. Спасла жизнь не одному десятку воинов. Была награждена медалью «За отвагу»⁸.

Дивизия, в которой служила Валерия, в августе 1943 г. передислоцировалась на левое крыло Юго-Западного фронта. Ее часть вела ожесточенные бои юго-восточнее Изюма у села Голая Долина. Валерия (к этому времени она стала старшиной медицинской службы) получила срочное задание — отправиться на участок большого Славянского залива. Под огнем противника, по истлевшей траве, ориентируясь лишь на всплеск от мин и снарядов, попадающих в реку, Валерия достигла долины, ранее ровной

и покрытой зелеными кустами, а ныне изрытой траншеями, ячейками огневых точек артиллеристов и минометчиков. В этот день она вынесла с поля боя и перетащила к медпункту двенадцать раненых бойцов. В какой-то момент встала к пулемету, заменив раненого пулеметчика и метким огнем уничтожила 16 немцев. «...Так был открыт лицевой счет санинструктора Валерии Гнаровской...» Позже не раз приходилось ей браться за оружие, защищая раненых.

Потерпев поражение в Сталинградской и Курской битвах, ставших переломными, изменивших ход войны, германское командование, пытаясь наверстать упущенное, бросало в бой все новые и новые людские резервы и военную технику. Особенно ожесточенные бои шли летом 1943 года. Валерия, как и прежде, вместе с бойцами своего подразделения была в самых жарких боях, находясь на передовой. Под пулеметным огнем, градом пуль отважная девушка ловко перевязывала раненых бойцов и командиров, «...ласково ухаживала за ними...», перетаскивала их в укрытие. А когда возникала критическая ситуация, вступала в бой и личным примером воодушевляла бойцов своего взвода. Участвуя в боях в августе 1943 года, спасла жизнь 300 раненым бойцам и офицерам, уничтожила 28 немецких солдат и офицеров. Была представлена к государственной награде⁹.

В сентябре 1943 года вместе с о своим полком дошла до села Вербовое Червоноармейского района Запорожской области. Шли жестокие бои в районе реки Северный Донец. Запорожский плацдарм немцев достиг 40 километров по фронту и 20 километров в глубину. Представлял, как пишет в своей книге А.Н. Гордиевский, «Крепкий орешек». Оборонительные рубежи противника, по словам А.Н. Гордиевского, «...имели многочисленные доты, дзоты, подземные убежища, блиндажи. Подходы к рубежам прикрывались огневymi точкам... Вербовое неоднократно переходило из рук в руки...» Бои в этом месте шли ожесточенные. Санинструкторы трудились на пределе своих сил, сутками не смыкая глаз, оказывали медицинскую помощь не только раненым бойцам, но и пострадавшим жителям села Вербовое. Ситуация складывалась критическая. За оружие пришлось взяться всем. 23 сентября 2 танковых соединения гитлеровцев и пехота атаковали расположенную в 150 м от траншеи противника роту капитана Родимова - подразделения, в котором служила В. Гнаровская, и прорвали линию обороны наших войск на узком

участке фронта. Два вражеских танка «Тигр» оказались вблизи укрытий, где находились тяжелораненые, ожидавшие эвакуации в тыл. Поблизости не было никого. Быстро приняв решение, Валерия Гнаровская бросила под гусеницы головного танка две гранаты. Это не спасло ситуацию. Тогда смелая девушка, будучи сама ранена в плечо, превозмогая боль, вложила несколько гранат в санитарную сумку, и с гранатой в руке, поднявшись во весь рост, бросилась под гусеницы танка. Она подорвала его. Именно этот момент отражен на картине художника И.М. Пентешина «Подвиг Героя Советского Союза санитарного инструктора Валерии Гнаровской», о которой упоминалось в начале данной работы. Валерия погибла¹⁰.

В Грамоте Герою Советского Союза, от 26 ноября 1952 г. (ОФ 63081), бережно хранящейся в фондах музея, и в Копии Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза, от 3 июня 1944 г. (ОФ 55684/2), читаем: за бессмертный подвиг, мужество, бесстрашие и самопожертвование, образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм санинструктору 907-го стрелкового полка 244-й стрелковой Запорожской дивизии III Украинского фронта красноармейцу В. Гнаровской посмертно присвоить звание «Герой Советского Союза» «вручением ордена Ленина и медали “Золотая звезда”». Бойцы и командиры, вместе с которыми служила В. Гнаровская, судя по опубликованному в газете «Вперед за Родину» письму капитана Романова к Осипу Осиповичу — отцу Валерии, а также заметке Е. Таранова в газете «Комсомольская правда» и материалам «Блокнота агитатора Красной армии», относились к ней с уважением, любили эту «...молодую жизнерадостную девушку-комсомолку, звали ее “Ласточкой”...» Из того же письма капитана Романова: «...Вали больше нет с нами, но она всегда в наших сердцах. И каждый раз, когда мы идем в бой, помним свою “Ласточку” и боремся с врагом так же отчаянно и храбро, как боролась Ваша дочь Валя...»¹¹

Валерия Гнаровская не забыта. Ее подвиг вписан золотыми буквами в историю Великой Отечественной войны и страны. Село Вербовое носит имя В. Гнаровской. На месте, где был совершен подвиг, и в парке перед клубом Верхне-Свирской ГЭС в Подпорожье установлены памятники. В честь В. Гнаровской названа и одна из улиц Подпорожья¹².

- ¹ Будко А.А., Грибовская Г.А. Женщина — воин, женщина — жертва // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 13-16; Перелом войны. 75 лет победы в Сталинградской битве: Материалы междунар. конф. 13 февраля 2018 г. / Под ред. Д.Ю. Алексева, С.А. Пищулина. СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 12–20; Сатрапинский Ф.В. Подвиги героев медиков в Великой Отечественной войне. Л.: Изд-во Военно-медицинского музея, 1958. 78 с.
- ² Гордиевский А.Н. Ласточка. Кишинев: Изд-во «Картя Молдовеняскэ», 1970. 83 с.; Попова О. Герой Советского Союза — Валерия Гнаровская // Свирская правда. 1946. № 25 (118). С. 2.
- ³ Доронина Е. «Имена их не забудем» // Бердюжская правда. 1959. 9 мая.
- ⁴ Там же; Гордиевский А.Н. Указ. соч. С. 10.
- ⁵ Таранов Е. «Ласточка». Их имена должны знать комсомольцы // Комсомольская правда. 1957. 10 декабря; Доронина Е. Указ. соч.
- ⁶ Сатрапинский Ф.В. Гнаровская Валерия Осиповна // Военные медики — Герои Советского Союза. Л.: Издание ВММ МО СССР, 1975. С. 35-37; Гордиевский А.Н. Указ. соч. С. 25.
- ⁷ Доронина Е. Указ. соч.
- ⁸ Таранов Е. Указ. соч.
- ⁹ Гордиевский А.Н. Указ. соч. С. 41; Попова О. Указ. соч.
- ¹⁰ Гордиевский А.Н. Указ. соч. С. 51; Таранов Е. Указ. соч.
- ¹¹ Славные героини советского народа // Блокнот агитатора Красной армии. М.: Военное Изд-во Народного Комиссариата Обороны СССР. 1945. № 5. С. 12. Романов. Ласточка // Вперед, за Родину. 1944. № 80.
- ¹² Алексеев М. «Она всегда с нами» // Свирская правда. 1960. № 37. С. 2.

*Е.В. Бей (Москва),
А.В. Евдокимов (Нижний Новгород)*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННЫХ МИНИСТРОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ у исследователей растет интерес к изучению событий, связанных с Первой мировой войной и крушением Российской империи. Новые возможности для понимания причин падения самодержавия дает использование инструментария теории элит¹. Среди недавних работ можно привести публикации историков С.В. Куликова² и Ф.А. Селезнева³. Однако значительное число проблем остается малоисследованным. К ним следует отнести изучение деятельности военных министров Российской империи как представителей военной и политической элиты в условиях военного времени.

Проведя сравнительный анализ деятельности генералов В.А. Сухомлинова, А.А. Поливанова, Д.С. Шуваева и М.А. Беляева, мы попытались приблизиться к пониманию причин их успехов и неудач на служебном поприще, выявить тенденции, приведшие к кризису в управлении страной и падению самодержавия.

Вхождение в военную элиту

Начиная с XVI в. слово «элита» (от лат. *eligo* — избранный; лучший) стало употребляться для обозначения определенной, избранной категории людей, занимающих в социальной структуре общества привилегированное положение. Под термином «военная элита» мы в первую очередь подразумеваем группу лиц — профессиональных военных управленцев, обладающих возможностями влияния на действия политической власти в области обеспечения национальной безопасности.

В начале XX в. российская военная элита, основу которой составлял офицерский корпус, традиционно занимала особое место в структуре и иерархии элит российского общества. На ее формирование оказывали влияние социальные, политические и военно-профессиональные факторы, определявшие в дальнейшем социальную природу этой общности людей и ее национально-государственные особенности.

Владимир Александрович Сухомлинов происходил из дворянской семьи. Образование получал в Александровском (Брестском) кадетском корпусе и в 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии, Николаевском кавалерийском училище и Николаевской академии Генерального штаба. Отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В декабре 1908 г., будучи генералом от кавалерии, назначается начальником Генерального штаба, но всего через три месяца занимает пост военного министра (11 марта 1909–13 июня 1915)⁴. Именно при нем Россия вступила в Первую мировую войну.

Алексей Андреевич Поливанов происходил из дворян. Обучался в Николаевском инженерном училище, Николаевской инженерной академии и Николаевской академии Генерального штаба. Тяжелое ранение в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. не позволило продолжать строевую службу. С 1906 по 1912 гг. занимал должность помощника военного министра, получив звание генерала от инфантерии, и только во время Первой мировой войны достиг пика карьеры (13 июня 1915–15 марта 1916)⁵.

Дмитрий Савельевич Шуваев происходил из семьи потомственных почетных граждан. Обучался в Оренбургской Неплюевской военной гимназии, 3-м Военном Александровском училище и Николаевской академии Генерального штаба. Занимал как нестроевые должности (начальник военного училища, начальник Главного интендантского управления, главный полевой интендант), так и строевые (командующий дивизией, командир армейского корпуса). Получил звание генерала от инфантерии и так же, как и его предшественник, достиг вершины карьеры во время Первой мировой войны, на девять с половиной месяцев возглавив Военное министерство (15 марта 1916–3 марта 1917)⁶.

Михаил Алексеевич Беляев происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии. Образование получал в 3-й классической гимназии, Михайловском артиллерийском училище (выпущен по 1-му разряду), Николаевской академии Генерального

штаба (по 1-му разряду). После участия в Русско-японской войне продолжил службу в Главном штабе. С началом Первой мировой войны приступил к исполнению обязанностей начальника Генерального штаба и произведен в генералы от инфантерии⁷. С 3 января 1917 г. и до падения самодержавия возглавлял Военное министерство.

Как видно, социальные факторы оказывали на формирование военной элиты самое прямое воздействие. Типичный пример — дворянский род Беляевых, давший государству немало известных офицеров и генералов. Выбивается же из правила Дмитрий Шуваев, который не был потомственным дворянином (при поступлении в училище ему пришлось столкнуться с определенными трудностями)⁸. С момента поступления любого юноши в кадетский корпус или молодого человека в военное училище исчезало понятие о сословном различии, если оно было привито в семье.

Взаимоотношения элиты и контрэлиты

Необходимо пояснить, что до событий Февральской революции 1917 г. системообразующим элементом российской элиты был император. Под термином «контрэлита» мы подразумеваем политически активную группу лиц, которые стремились влиять на состояние силовых структур, вовлекать их в процессы принятия и исполнения политических решений в интересах определенных сил общества. В нашем случае к контрэлите можно отнести оппозиционно настроенных депутатов Государственной думы, объединившихся в 1915 г. в Прогрессивный блок, и ряд представителей промышленно-финансовых кругов.

Взаимодействие рассматриваемых групп контрастно проявилось уже в годы пребывания генерала В.А. Сухомлинова на посту военного министра — в отношениях между ним, императором и институтом народного представительства.

В предвоенные годы Сухомлинов пользовался особым расположением Николая II, что во многом основывалось на тонком понимании характера самодержца. По словам главы придворной канцелярии, военному министру удавалось удерживать внимание императора «в напряжении в случае надобности часа два подряд»⁹.

Для представителей контрэлиты военный министр представлял собой воплощение «военного деспотизма». Особенно

напряженные отношения у него сложились с лидером либерально-консервативной партии «Союз 17 октября» А.И. Гучковым. Однако Сухомлинова мало интересовала возможность сотрудничества с политическим представительством. Как человеку, получившему свое раннее воспитание в годы царствования императора Александра II, ему было трудно приспособиться к новым порядкам, т. е. посещать Думу, выслушивать зачастую резкие речи депутатов, парировать их, иначе говоря, перейти на роль парламентарного министра. Этому во многом способствовали и политика Николая II. В стремлении поставить Думу «на место» император запрещал ряду министров выступать в ней. «Что Вам с ними спорить — Вы мой министр» — было адресовано Сухомлинову¹⁰. И глава военного ведомства покорно выказывал свое пренебрежение к этому органу высшей власти: демонстративно отказывался посещать думские заседания, присылая для обсуждения военных вопросов своего помощника — генерала А.А. Поливанова.

Начиная с 1906 г. товарищ военного министра генерал Поливанов сблизился с членами комиссии Государственной думы по обороне. Его популярности там способствовали ум, высокая работоспособность, а также блестящие административные навыки. Это значительно облегчало проведение законопроектов, однако в придворных кругах Поливанов пользовался репутацией «левого». Собственно, это обстоятельство и стало потом одной из причин его увольнения. Основным же мотивом послужил скандал, раздутый Гучковым при содействии Поливанова вокруг жандармского подполковника С.Н. Мясоедова с целью пропаганды «заслуг» октябристов в деле государственной обороны, дискредитации военного министра Сухомлинова и последующей его замены на генерала Поливанова.

В 1915 г. выявившийся острый недостаток боевого снабжения и другие просчеты Военного министерства стали предметом усиленной критики думских либералов. Персональная же ответственность возлагалась на военного министра В.А. Сухомлинова, которым императору пришлось «пожертвовать», делая политические уступки общественности.

При поддержке Верховного главнокомандующего — великого князя Николая Николаевича, Поливанов был назначен сначала управляющим Военным министерством, а с 10 сентября 1915 г. военным министром. Подчеркнем, что генерал Сухомлинов всегда был в натянутых отношениях с великим князем Николаем

Николаевичем. В связи с этим предвоенное развитие русской армии проходило на фоне противостояния двух течений, как выразился А.А. Керсновский — «поверхностно-новаторского великокняжеского» и «ретроградно-бюрократического сухомлиновского»¹¹.

Добравшись до «милютинских кресел», генерал Поливанов все дальше углублялся в политику, в то время, когда армии нужен был военный министр — интендант и организатор. Именно таким требованиям, по мнению Николая II, и отвечал генерал Д.С. Шуваев. Император хотел отдать Военное министерство в руки человека, не связанного с теми или иными придворными кругами, т. е. нейтрального, и в то же время знающего военное дело и нужды армии. Так, 13 марта 1916 г. главный интендант «со страхом и смирением» принял пост военного министра.

Генерал Шуваев производил впечатление «человека хотя и не без хитрости, но верного слуги царя и честного солдата»¹². Но, несмотря на безупречную репутацию и нейтральное отношение к нему со стороны Государственной думы (учитывая его «правизну»), представители контрэлиты не стремились к сотрудничеству с военным министром. Лидер кадетов П.Н. Милоков считал Шуваева «стариком рамоликом»¹³, человеком «слишком элементарных понятий и психологии и с слишком малым знанием»¹⁴. Октябрист М.В. Родзянко констатировал, что Шуваев «все более и более обнаруживал свою неспособность к ответственной роли, подпадал под влияние придворных сфер и слепо исполнял приказания, исходившие из Царского Села»¹⁵.

Интересна пророческая мысль генерала Д.С. Шуваева, высказанная им при представлении монарху: «Ваше величество, я могу вас подвести и невольно поставить в неловкое положение. Мне придется и с послами бывать, и быть в такой обстановке, где я могу сделать промах, не желая его делать»¹⁶.

И разочарование при дворе своим протеже пришло очень скоро. «Не блиставший умом, простодушный и по-солдатски прямолинейный Дмитрий Савельевич давал достаточно материала для желавших поглумиться над ним. В первый же месяц стало видно, что дни нового министра сочтены», — вспоминал протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский¹⁷. Выступая 4 ноября 1916 г. с трибуны Государственной думы, военный министр, сильно волнуясь, подчеркнул, что «он как старый солдат верит в доблесть Русской Армии, что Армия снабжена всем

необходимым благодаря единодушной поддержке народа и народного представительства... Закончил он просьбой и впредь поддерживать его доверием»¹⁸. Благодаря информационному удару кадетской печати Шуваев оказался в эпицентре скандала. «Речь», а также «Русские ведомости» акцентировали внимание читателей на том, что военный и морской министры оставили зал заседания «под непрерывный шум аплодисментов»¹⁹, причем Шуваев публично пожал руку П.Н. Милюкову²⁰.

Неудачи, постигшие Д.С. Шуваева во взаимоотношениях с контрэлитой, вылились в его скорую отставку. «Я нахожу, что Григорович и Шуваев не нашли в своих речах настоящих нот, но Шуваев сделал то, что хуже всего, — он пожал руку Милюкову, который только что выступил против нас»²¹. Как бы я хотела, чтобы у нас был Беляев (настоящий джентльмен) на его месте», — писала Александра Федоровна в Ставку Николаю II²². Подобная эпистолярная «атака» царицы на мужа с просьбами о назначении генерала М.А. Беляева — «джентльмена», «честно преданного» и не из тех, «который бы преклонился перед Думой», — на должности военного министра продолжалась в течение всего 1916 г.²³

В начале января 1917 г. генерал Шуваев был заменен на посту военного министра генералом М.А. Беляевым — человеком, как казалось, более верным принятому курсу самодержавной политики. В лагере оппозиции не скрывали своего злорадства. Ее идеалом по-прежнему оставался Поливанов²⁴. Оппозиция также нашла необходимым отметить, что Беляев имел «опыт чисто канцелярского характера», являясь специалистом по выполнению заранее выработанных схем. То есть буквально с первых дней после своего назначения военный министр оказался мишенью для нападок контрэлиты, в результате чего создавалось впечатление «полной несамостоятельности генерала»²⁵.

Как видно, российская верхушка была сильно разобщена. Налицо противоборство между императором, опиравшимся на военную элиту и верную ему часть политической элиты, с одной стороны, и оппозицией, поддерживаемой иной частью политической элиты, а также политически активной буржуазией и либеральной интеллигенцией, — с другой. Не обладая сколько-нибудь значительными властными ресурсами, контрэлита все же расшатывала существовавшую власть, заставляла ее идти на уступки, что, в конце концов, привело к революционному кризису, закончившемуся крушением монархии.

Успехи и неудачи на посту военного министра

Из всех рассматриваемых нами должностных лиц генерал В.А. Сухомлинов занимал пост военного министра империи дольше всех — более шести лет, за которые сделано было немало. Под его руководством проходил второй этап военных реформ 1905–1912 гг., направленных на устранение серьезных недостатков, проявившихся в русско-японскую войну. Реформы подняли боеспособность армии, но из-за недостатка финансовых средств, значительная часть которых была выделена на усиление флота, многие из преобразований не были завершены, а некоторые и вовсе не были осуществлены, особенно в области артиллерии²⁶.

С началом Первой мировой войны в августе 1914 г. военному министру, столь не популярному в кругах контрэлиты, рукопескала Государственная дума, под впечатлением исключительно слаженно проведенной мобилизации²⁷. Но национального единения хватило ненадолго. Первая массированная атака на власть последовала летом 1915 г. В это время русская армия, засыпаемая градом германских и австрийских снарядов, не имея возможности в должной мере отвечать, вынуждена была отступать под натиском противника на всех фронтах.

Дело в том, что вся подготовка мирного времени строилась с учетом сил вероятных противников России — Германии и Австро-Венгрии — и для ведения кратковременной войны с достижением быстрой победы Антанты²⁸. Важно отметить, что определением запасов военного времени занималась Комиссия генерала А.А. Поливанова, созданная при Главном управлении Генерального штаба. В основу ее выводов были положены ошибочные представления о скоротечности войны — не более одного года. Именно на этих данных базировались проводимые в Главном артиллерийском управлении расчеты необходимых предметов артиллерийского вооружения, и в первую очередь боеприпасов, нужных войскам как в мирное, так и в военное время²⁹.

В начале мая 1915 г. председателю Государственной думы М.В. Родзянко удалось добиться от Николая II согласия на создание Особого совещания по обороне под председательством военного министра — по инициативе торгово-промышленных кругов³⁰. Эта инициатива была немедленно поддержана Верховным главнокомандующим — великим князем Николаем Николаевичем.

Создание подобного органа еще более обострило давние противоречия между ним и великим князем. Последний стремился использовать Совещание как связующее звено между фронтом, общественными организациями и тылом армии³¹, и тут фигура ненавистного Сухомлинова была очень некстати. В итоге Верховный главнокомандующий сумел добиться отставки военного министра, скомпрометировав его «шпионским» делом полковника Мясоедова³².

Уже 5 августа подавляющим большинством Дума проголосовала за отдачу экс-министра под суд как главного виновника кризиса вооружения, а следовательно — «Великого отступления». До Февральской революции генерал Сухомлинов шесть месяцев провел в заключении в Петропавловской крепости. Временное правительство вновь арестовало его, чтобы с 10 августа по 12 сентября 1917 г. провести показательный судебный процесс³³. На бывшего военного министра свалили все недостатки подготовки России к войне, объявив его ни много, ни мало как германским шпионом. Суд приговорил экс-министра к полной утрате прав и бессрочной каторге.

1 мая 1918 г. В.А. Сухомлинов был освобожден уже большевиками по «возрастной» амнистии. Сначала он бежал в Финляндию, а оттуда перебрался в Германию. Он скончался 2 февраля 1926 г. «Одиноким, всеми оставленный, в бедственном материальном положении, он умер ... в Берлине в какой-то лечебнице», — вспоминал генерал Ю.Н. Данилов³⁴.

Назначение главой военного ведомства генерала А.А. Поливанова летом 1915 г. ознаменовало новый курс во внутренней политике государства. Принято считать, что за недолгое время его управления Военным министерством острый кризис в армии был в целом преодолен — частично решена проблема пополнения личным составом, улучшены поставки вооружения.

Другой вопрос, какими способами это было достигнуто. Возглавив Особое совещание по обороне, Поливанов сразу же расширил его состав, делая упор на представителях общественности и крупного капитала, в том числе и только что возникшее детище А.И. Гучкова — Военно-промышленном комитете (ВПК).

Сеть ВПК очень быстро распространилась по городам империи, становясь важным инструментом контроля над политической жизнью страны. При этом ожидаемая эффективность Военно-промышленных комитетов, покровительство которым

оказывал военный министр, была гораздо ниже, чем это пытались представить их руководители. ВПК часто не выполняли свои задачи — зато участвовали в противоправительственной политической деятельности, открыто соперничали с официальными государственными организациями, отвоевывая у них технический персонал и без того скудные запасы сырья³⁵. Впоследствии сам Гучков так оценивал, в чем заключалась «работа на фронт», когда в январе 1917 г. была арестована рабочая группа ВПК: «И вот таким образом мы, мирная, деловая, промышленная, хотя и военно-промышленная организация, вынуждены были включить в основной пункт нашей практической программы переворот, хотя бы и вооруженный»³⁶.

Работа собственно Военно-промышленных комитетов, включавших в свои ряды «политически неблагонадежных рабочих делегатов», а также «социалистическое движение в России и за границей», вызванное их деятельностью, и стали основной причиной увольнения столь популярного у контрэлиты А.А. Поливанова³⁷.

Министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов оценивал качества Поливанова как политика очень высоко: «Знающий себе цену и честолюбивый, он с нетерпением ожидал благоприятной минуты, чтобы выдвинуться на первый план и занять подобавшее ему место. По убеждениям своим он примыкал к либеральным партиям»³⁸. В своем исследовании Е.З. Барсуков также говорил об одной из ярких черт генерала Поливанова — «...стремлении угодить “общественным деятелям” Государственной думы, а после февральской революции — временному правительству»³⁹.

Первый военный министр Временного правительства А.И. Гучков предложил А.А. Поливанову должность главного советника, председателя Особой комиссии по построению армии на новых демократических началах. Взяв на себя эту работу и связав свое имя со всеми реформами этого неудачного министра, Алексей Андреевич «поколебал к себе то уважение, которым ... законно пользовался в рядах русской армии»⁴⁰.

После Октябрьской революции А.А. Поливанову не удалось избежать арестов, проводимых ВЧК, бывших царских офицеров и генералов. Однако после череды задержаний Поливанов летом 1920 г. вступил в Красную армию, получив должность члена военно-учебной редакции отдела службы, члена Военно-законодательного совета и особого совещания при главкоме.

Во время советско-польских мирных переговоров, проводившихся в том же году в Риге, Поливанов, назначенный в состав советской делегации военным экспертом, заразился тифом, от которого и скончался 25 сентября 1920 г.

Следующий военный министр — генерал Д.С. Шуваев — во многом проявил свой профессионализм еще до начала Первой мировой войны, успешно проведя интендантскую реформу. За непродолжительный период нахождения в министерской должности ему удалось укрепить прежние достижения по выпуску всего необходимого для фронта. Причем Шуваев продолжил работу и с Военно-промышленными комитетами, уже в условиях действия правительственных указаний о сокращении их деятельности⁴¹. Логика министра была проста и понятна, он заявлял, что «заказы по-прежнему оставил за военно-промышленными комитетами, так как он не имеет в своем распоряжении тысячи чиновников, которые могли бы заменить общественных деятелей, работающих в военно-промышленных комитетах»⁴².

В своем исследовании историк О.Р. Айрапетов справедливо подчеркивает, что на тот момент — в условиях войны — именно кандидатура генерала Д.С. Шуваева как нельзя лучше подходила для должности военного министра⁴³. Однако, судя по воспоминаниям современников, мало кто из них видел в Дмитрие Савельевиче «настоящего» военного министра. Внешний вид генерала, манера говорить и «солдатская прямолинейность» создавали о нем такое своеобразное впечатление, что в светском обществе даже появилась шутка о том, что Шуваев «более годился в каптенармусы, чем в военные министры»⁴⁴. Наиболее объективной на наш взгляд является оценка, данная генералу предшественником В.А. Сухомлинова — А.Ф. Редигером: «... он в мирное время едва ли отвечал бы должности военного министра, но теперь, во время войны, когда общее руководство военным делом принадлежало Ставке, а министру лишь приходилось руководить исполнением ее указаний, главным образом, по заготовлению и доставке армии всего ей нужного, Шуваев вполне отвечал своей должности, и его назначение лишь должно было приветствовать»⁴⁵.

Во время Февральской революции Шуваев не пострадал, но сразу же после большевистского Октября генерал подвергся аресту ВЧК как бывший царский министр. В 1918 г. он — монархист и глубоко верующий человек, еще недавно убеждавший

депутатов с трибуны в том, что не существует такой силы, «которая могла бы одолеть Русское царство»⁴⁶, — добровольно поступил на службу в Рабоче-крестьянскую Красную армию⁴⁷.

До 1926 г. занимал должности главного военного интенданта в Петрограде, начальника штаба Петроградского военного округа РККА, преподавал тактику в Высшей тактическо-стрелковой школе командного состава РККА им. III Коминтерна «Выстрел». С уходом в отставку даже удостоился персональной пенсии союзного уровня, которая назначалась за исключительные заслуги в области революционной, профессиональной и общественной деятельности, советского строительства⁴⁸.

В ходе массовых репрессий в Красной армии в 1937 г. 83-летний Шуваев, проживавший к тому времени с семьей в Липецке, попал в поле зрения НКВД⁴⁹. Несмотря на преклонный возраст и критическое состояние здоровья, «бывший военный министр царского времени» был расстрелян как антисоветчик, пропагандировавший контрреволюционные идеи⁵⁰.

Трудно говорить о каких-то достижениях последнего военного министра Российской империи — М.А. Беляева, ведь даже по признанию самого генерала за столь короткий срок — несколько месяцев в должности — он «никакой работы не сделал»⁵¹. Однако следует отметить то, что перед войной Беляев был одним из помощников начальника Генерального штаба и имел репутацию исполнительного и аккуратного работника. «Очень трудолюбивый, олицетворение чести и совести...» — отзывался о нем французский посол Морис Палеолог⁵². Одним из заслуживающих внимания примеров вклада Беляева в дело повышения военного потенциала государства явилась разработка проекта «Большой программы по усилению армии». Это было одним из важнейших мероприятий Военного министерства, направленных на подготовку к надвигавшейся войне. Работа над проектом программы была начата отделом по устройству и службе войск ГУГШ во главе с генералом М.А. Беляевым в конце 1912 г. и завершилась 22 октября 1913 г., когда Николай II одобрил подготовленный документ⁵³.

Более заметную роль пришлось сыграть последнему военному министру империи в дни Февральской революции. 22 февраля он созвал совещание всех начальников управлений министерства для того, чтобы заявить об опасных для государства волнениях. «В своей речи Беляев выявил себя вполне растерянным

человеком, совершенно не знающим, что предпринять ему самому и что мы должны делать при развивающихся непредусмотренных событиях, — вспоминал В.Н. Ипатьев. — Насколько он был растерян, можно было заключить из того, что он предложил развести мосты, чтобы воспрепятствовать проникновению рабочих ... в центр города; ему тотчас-же заметили, что реки скованы льдом и эта мера не имеет никакого смысла»⁵⁴.

Генерал Беляев пытался собрать войска для борьбы с восставшими; приказал начальнику Петроградского военного округа генералу С.С. Хабалову объявить Петроград на осадном положении и послал телеграмму в Ставку, прося о срочной присылке «действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города»⁵⁵. Но это были уже бесполезные и несвоевременные меры. Время было упущено, и в момент начавшегося революционного выступления в столице фактически отсутствовал управляющий центр, не было твердой власти, которая могла бы принять необходимые меры и отдать грамотные распоряжения. В сложившейся ситуации Беляеву ничего не оставалось, как сжечь все секретные документы и бумаги военного ведомства и дожидаться неминуемого ареста⁵⁶.

2 марта из Ставки сообщалось в Псков, где находился император, что министры старого правительства арестованы, а столица прочно контролируется новым, которому подчинились все воинские части. А уже приблизительно в 16 часов в Могилев и Петроград были отправлены телеграммы о согласии Николая II на отречение⁵⁷.

После волны задержаний нотаблей прежнего режима появились слухи о том, что в дни революции военного министра нашли в Мариинском дворце спрятавшимся под столом⁵⁸. По крайней мере, подобного рода «тактику» укрытия от революционеров — «нас не заметят» — использовали бывший министр иностранных дел Н.Н. Покровский и последний царский министр путей сообщения Э.Б. Войновский-Кригер⁵⁹. В мемуарах последнего, кстати, генерал Беляев аттестуется как «недалекий и бессильный человек, совершенно не понимавший ни существующего положения, ни своих задач»⁶⁰.

Военный историк А.А. Керсновский и вовсе опускается до оскорблений, обзывая Беляева «совершенно ничтожным» человеком, «всю жизнь не выходявшего из канцелярии»⁶¹.

Действительно, он был связан, прежде всего, со штабной службой, т. е. был по преимуществу военным канцеляристом, направлявшим все свое трудолюбие по «бумажному руслу». Естественно, что ни о какой популярности генерала в армии не могло быть и речи, за ним даже прочно установилась кличка «мертвая голова»⁶².

Очевидно, что такой человек, как М.А. Беляев, оказался на посту военного министра лишь благодаря благожелательному отношению к нему членов императорской семьи, в особенности императрицы, ценившей безоглядную личную преданность.

Летом 1917 г. бывший чиновник допрашивался созданной Временным правительством Чрезвычайной следственной комиссией и был привлечен к суду. Содержание в Трубецком бастионе Петропавловской крепости надломило психику Беляева. «На плечах еще генеральские погоны, но от генеральства не осталось и следа», — отмечал следователь ЧСК С.А. Корнев⁶³. Бывший министр плакал на допросах и просил только одного — отпустить его «частным обывателем» с «мундиром и пенсией»⁶⁴.

В отличие от предшественников по должности, генерала Беляева ждала самая незавидная судьба. После Октябрьской революции 1917 г. он был освобожден, но в сентябре 1918 г. в разгар «красного террора», по обвинению «в антисоветской деятельности», был арестован органами ВЧК и расстрелян.

Как можно заключить, в военно-профессиональном отношении все рассматриваемые нами представители военной элиты были подготовлены довольно качественно, у каждого из них за плечами была серьезная военная школа, венчающаяся академией Генерального штаба, часто — немалый боевой и у всех — солидный служебный опыт. Но к влиянию политических факторов многие из них оказались не готовы. В связи с чем слабо прослеживается стремление этих крупных военных чиновников к выполнению своей основной задачи — сохранению и укреплению существующего государственного устройства, пресечению разрушительных действий со стороны контрэлиты.

Трехсотлетняя история династии Романовых завершилась буквально за несколько дней. Решающую роль в принятии решения императора об отречении сыграли телеграммы высшего командного состава армии. В критический момент военная элита — единственный на тот момент оплот политического строя — не поддержала и не защитила ни Николая II, ни сам институт монархии.

- ¹ Подробнее об исторической элитологии как новом разделе исторической науки см.: Евдокимов А.В. Историческая элитология: определение, структура, перспективы развития // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 12-1(40). С. 20–22.
- ² Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
- ³ Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией 1914–1918 гг. СПб., 2017.
- ⁴ Начальники Генерального штаба России. Биографический сборник / Ю.А. Алексеев, В.Т. Иминов и др. М., 2012. С. 109–111.
- ⁵ Залесский К.А. Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 487.
- ⁶ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917 гг. СПб., 2002. С. 760–762.
- ⁷ Залесский К.А. Указ. соч. С. 73–74.
- ⁸ Ширшов Г.М. Красный командарм Д.С. Шуваев // Военно-исторический журнал. 2005. № 10. С. 20.
- ⁹ Мосолов А.А. При дворе последнего российского императора. М., 1993. С. 165.
- ¹⁰ Дегтярев А.П. Военные проблемы в деятельности Государственной думы России (1906–1917 гг.). Исторический опыт и уроки: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 170.
- ¹¹ Керсновский А.А. Указ соч. Т. 3. С. 130.
- ¹² Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 191.
- ¹³ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 418.
- ¹⁴ Показания П.Н. Милюкова 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П.Е. Щеголева. Т. 6. М.–Л., 1926. С. 334.
- ¹⁵ Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 128.
- ¹⁶ Там же. С. 282.
- ¹⁷ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 55.
- ¹⁸ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Жуковский, 2001. С. 239.
- ¹⁹ Русские ведомости. 1916. 5 ноября.
- ²⁰ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 191.
- ²¹ В своей нашумевшей речи на осенней сессии 1916 г. в Государственной думе П.Н. Милюков показал очевидность того, что политика правительства была продиктована «либо глупостью, либо изменой». Такого рода атака на власть стала главной в череде антиправительственных выступлений из стен российского парламента.
- ²² Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Берлин, 1922. Т. 2. С. 232–233.
- ²³ Там же. С. 42, 162, 163, 165, 266.
- ²⁴ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне. 1917 г. Распад. М., 2015. С. 8.
- ²⁵ Там же. С. 9.

- ²⁶ Подробнее см.: Бей Е.В. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов. Жизнь и деятельность. М., 2016.
- ²⁷ Цит по: Добrorольский С. О мобилизации Русской армии в 1914 году // Военный сборник. Белград, 1921. Кн. 1. С. 116.
- ²⁸ Генеральный штаб Российской армии: история и современность / Иминов В.Т., Дайнес В.О. и др. М., 2006. С. 96.
- ²⁹ Первая мировая война 1914–1918 годов / Агеев А.И., Багдасарян А.О. и др. М. 2017. Т. 6. С. 533.
- ³⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 369. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.
- ³¹ В соответствии с утвержденным накануне войны «Положением о полевом управлении войск в военное время», Верховный главнокомандующий был подчинен исключительно императору, а военный министр — председателю правительства, и в его ведении находились все войска в тылу, Главные артиллерийское и интендантское управления, в силу чего он отвечал за все вопросы материального и прочего обеспечения. Налицо было организационное противоречие, не позволявшее в условиях войны обеспечить единое командование фронта и тыла.
- ³² Об этом см.: Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103–116; Айрапетов О.Р. «Дело Мясоедова». XX век начинается... // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2009. № 3. С. 110–129; Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
- ³³ Подробнее о судебном процессе по «делу Сухомлинова» см.: Евдокимов А.В. Политическая борьба вокруг «дела Сухомлинова» (1915–1917 гг.): дис. ... канд. ист. Наук. Нижний Новгород, 2017. 197 с.
- ³⁴ Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской монархии. М., 1992. С. 13.
- ³⁵ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 193–201; Фуллер У. Указ. соч. С.237–238.
- ³⁶ Гучков А.И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике 1908–1917. Пг., 1917. С. 114.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 61. Л. 12.
- ³⁸ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 356.
- ³⁹ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). М., 1948. Т. 1. С. 25
- ⁴⁰ Алексей Андреевич Поливанов // Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 г. / под ред. Зайончковского А.М. М., 1924. Т. 1. С. 14.
- ⁴¹ Монархия перед крушением, 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы / сост. Семенников В.П. М.-Л., 1927. С. 145.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015. С. 81.
- ⁴⁴ Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 53.
- ⁴⁵ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 418–419.
- ⁴⁶ Стенограмма заседания Государственной думы // Нива. № 47. 1916. 19 ноября.
- ⁴⁷ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы гражданской войны. М., 2009. С. 382.

⁴⁸ Декрет СНК РСФСР «О персональных пенсиях лицам, имеющим Исключительные Заслуги Перед Республикой» от 16 февраля 1923 г.

⁴⁹ Поляков В.Б. И стал министр липчанином... // Липецкая газета. 2014. № 199. 11 октября.

⁵⁰ Д.С. Шуваев надуманно обвинялся по ст. 58-10 (пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений) и ст. 58-8 (террористические акты, направленные против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций) Уголовного кодекса РСФСР и был расстрелян 19 декабря 1937 г. Решением президиума Липецкого областного суда от 22 декабря 1956 г. посмертно полностью реабилитирован. См.: Помнить поименно. Книга памяти жертв политических репрессий Липецкого края с ноября 1917 года / Петелин Б.Н., Разбирин С.А. и др. Липецк, 1997. Т. 1.

⁵¹ Допрос ген. М.А. Беляева 19 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 247.

⁵² Палеолог М.С. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 136.

⁵³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 50. Л. 2.

⁵⁴ Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Т. II: 1917–1930. Нью-Йорк, 1945. С. 9.

⁵⁵ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1962. Кн. 3. С. 174.

⁵⁶ По распоряжению Временного правительства 2 апреля 1917 г. генерал М.А. Беляев был официально уволен с должности (считая со 2 марта 1917 г.) и заключен под стражу, но вскоре освобожден. См.: Шилов Д.Н. Указ. соч. С. 77.

⁵⁷ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 129.

⁵⁸ Ферро М. Николай II. М., 1991, С. 224.

⁵⁹ Покровский Н.Н. Последний в Марининском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М., 2016. С. 219–220.

⁶⁰ Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции. М., 1999. С. 89.

⁶¹ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 252.

⁶² Головин Н.Н. Указ. соч. С. 239.

⁶³ Корнев С.А. Чрезвычайная Комиссия по делам о бывших Министрах // Архив русской революции. Берлин, 1922. № 7. С. 17.

⁶⁴ Падение царского режима. С. 247.

О.А. Белозерова (Санкт-Петербург)

ГЕНЕРАЛ КУРОПАТКИН О ГРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 2018 г., ВПЕРВЫЕ после революционных событий начала XX в., отмечалась дата, связанная с генерал-адъютантом Алексеем Николаевичем Куропаткиным (17 марта 1848 — 16 января 1925). Исполнилось 170 лет со дня его рождения. Наиболее важными мероприятиями стали выставка, подготовленная Отделом рукописей Российской Национальной библиотеки (РНБ)¹ при участии Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС МО РФ), и презентация в РНБ первой коллективной монографии²; научно-краеведческие чтения, состоявшиеся на «малой» родине Куропаткина в Торопце³; круглый стол в Военно-исторической библиотеке Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации в Санкт-Петербурге⁴; а также создание при Комитете им. К.П. Победоносцева Общества имени генерала и учреждение серебряной медали «За верность Отечеству. Памяти генерала А.Н. Куропаткина».

На протяжении десятилетий, занимая высокие государственные и военные посты, А.Н. Куропаткин оказывал большое влияние на ход многих важных событий в отечественной истории конца XIX — начала XX вв. Четырежды раненный боевой офицер, он видел «своими глазами больше военных действий, чем какой-то бы ни было русский генерал нашей эпохи» — отдавая дань справедливости, писал один из его критиков историк М.Н. Покровский⁵, с «легкой руки» которого в советское время был создан идеологизированный образ этого человека.

С уходом в прошлое стереотипов XX в. и благодаря новым источникам, а также отечественным и зарубежным историческим

и краеведческим исследованиям последних двух десятилетий, постепенно расширяется наше представление об этом выдающемся государственном и военном деятеле и его заслугах перед Российской империей.

Один из малоизвестных источников, раскрывающий деятельность генерала А.Н. Куропаткина как военного теоретика и геополитика, — это его труд, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации — «Границы России в результате войны 1914–1915 годов (Соображения к требованиям России при заключении мира)», в двух частях. Часть первая называется «Границы с Пруссией и Австро-Венгрией» и вторая — «Границы с Турцией, Персией и Китаем». Они были представлены императору Николаю II 28 февраля и 6 марта 1915 г., их общий объем составил 342 машинописных листа с приложением карт⁶.

Цель данной статьи — показать, что геополитические концепции генерала последовательно формировались на протяжении более 50 лет, были глубоко им продуманы и проработаны, отражали военно-политические реалии времени и были направлены на укрепление могущества России и населявших ее народов, а также явились в большой степени верным прогнозом тенденций геополитических устремлений и борьбы государств за сферы влияния в XX в. Как отмечал А.Н. Куропаткин, ряд возможностей пересмотра границ для обеспечения безопасности России и установления долгосрочного мира с соседними государствами были не раз упущены в прошлом, и решение этого вопроса при подписании мирного договора после победы в Первой мировой войне (ПМВ) явилось бы своевременным. Впервые публикуются выдержки из данной работы А.Н. Куропаткина, свидетельствующие в пользу вышесказанного.

Впервые этот труд был обнаружен в ГАРФ историком Омского государственного университета А.В. Ремневым. В 2004 г. в журнале «Родина» вышла его статья о геополитических взглядах и проекте предложений по пересмотру границ бывшего военного министра А.Н. Куропаткина в связи с ПМВ⁷, в которой историк опубликовал полный текст «Заключения» и дал в примечании библиографическое описание. В своих работах А.В. Ремнев⁸ впервые раскрыл деятельность генерала как имперского идеолога и геополитика. Ученым было предложено новое видение региональной административной политики самодержавия. Его работа была продолжена, в частности, Н.Г. Суворовой и И.В. Белоконь.

Обе исследовательницы справедливо отмечали, что рекомендации А.Н. Куропаткина по сохранению и укреплению позиций Российской империи в Центральной Азии и на Дальнем Востоке были выработаны через призму геополитических критериев, как то: безопасность границ, экономические перспективы края, стратегия укрепления обороноспособности, этническая политика, выстраивание международных отношений в регионе и подчеркивали его приверженность таким жизненным принципам, как патриотизм, верность присяге и долгу, преданность монархии, стремление к служению, целью которого было благо и усиление мощи России. Руководствуясь ими, А.Н. Куропаткин «работал над стратегией укрепления могущества Российской империи и формированием системы безопасности ее границ», при этом он являлся «последовательным сторонником и идеологом концепции прекращения гонки вооружений», чей проект снижения расходов на военные цели в расширенном виде был обнаружен в Гааге в 1899 г.⁹ Отмечая, что главной особенностью российского варианта интеграции азиатских территорий являлась преимущественно не экономическая, а стратегическая мотивация, и считая, что «взгляды современных историков и политологов во многом перекликаются с выводами и прогнозами, озвученными А.Н. Куропаткиным», Н.Г. Суворова и И.В. Белоконов, вслед за А.В. Ремневым, также пришли к выводу, что генерал «все еще остается недооцененным как представитель геополитической науки»¹⁰.

С началом ПМВ в дипломатических и военных кругах Российской империи возникла необходимость проработки *вопроса послевоенного переустройства границ*, поскольку была не только надежда на победу, но — и у многих уверенность в ней. В Генеральном штабе всесторонне занимались этим вопросом. Уже на склоне лет, но оставаясь верным себе в стремлении быть полезным Отечеству, А.Н. Куропаткин в очередной раз взялся за работу, пользуясь материалами богатой военно-исторической библиотеки в своем родовом имении Шешурино. На тот момент генерал-адъютант свиты Его Императорского Величества (несмотря на его ходатайства) не мог принять участие в военных действиях, в силу имевших место давних и сложных отношений¹¹ с великим князем Николаем Николаевичем, с которым А.Н. Куропаткин, находясь на посту военного министра, еще до Русско-японской войны (1904–1905 гг.) разрабатывал совместно

военные планы «на случай войны на западных границах» и не раз расходился во мнениях.

Следует признать, сделав небольшое отступление, что в вопросе послевоенного переустройства границ А.Н. Куропаткин был одним из наиболее сведущих военных и государственных деятелей в Российской империи: к этому времени вопросами политики, безопасности границ, а также статистики, географии, демографии, экономики генерал занимался около полувека, не говоря уже о его многочисленных работах по военной тематике. Еще в начале своей военной карьеры А.Н. Куропаткин получил серебряную и золотую медали Императорского Российского географического общества за работы «Алжирия»¹² (военно-статистический очерк и письма из Алжирии) и «Кашгария»¹³ (историко-географический очерк о стране, ее военной силе, промышленности и торговле, основанный на собранных сведениях за время посольства его к правителю Кашгарии Якуб-беку). Известно, что весной 1878 г. А.Н. Куропаткин получил два предложения: от начальника Главного штаба графа Ф.Л. Гейдена занять пост заведующего Азиатской частью Главного штаба и из Академии Генерального штаба на замещение должности адъюнкт-профессора на кафедре военной статистики вместо ушедшего Н.Н. Обручева — на что он дал согласие.

Позднее под руководством генерала Г.А. Леера А.Н. Куропаткин принял активное участие в коллективной работе над пособием для изучения военной истории в военных училищах «Обзор войн России от Петра Великого до Наполеона»¹⁴ совместно с офицерами Генерального штаба Н.Ф. Дубровиным, П.К. Гудим-Левковичем, Н.Н. Сухотиным и А.К. Пузыревским. В учебнике анализировались главные идеи и мотивы решений военных деятелей и особое внимание уделялось подвигам русской армии и достигнутым ею результатам в ведомых Российской империей войнах. Важнейшей в формировании А.Н. Куропаткина как военного теоретика и геополитика стала его многолетняя работа, под руководством генерала Н.Н. Обручева, посвященная военно-стратегическому планированию. Вышеперечисленные вопросы были также в центре его внимания на посту начальника Закаспийской области¹⁵. Широко были известны его позиция и проекты как военного министра по северной части Маньчжурии и по делимитации китайской границы¹⁶ в целях сокращения ее протяженности (которые были обусловлены необходимостью

обеспечения надежной охраны КВЖД, событиями, связанными с русско-японской войной и развернувшейся дискуссией по так называемой «желтой опасности») и по Туркестану¹⁷.

Еще в 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин в своем Всеподданнейшем докладе от 14 марта 1900 г.¹⁸, переданном «на вечное хранение» в Центральный архив РСФСР 27 февраля 1923 г., сделал попытку определить военные задачи России на XX столетие. (В 1910 г. генерал обобщил свой опыт и подвел итоги в ряде других своих работ, посвященных русской армии¹⁹). В советской историографии военный историк П.А. Зайончковский первым обратил внимание на важность этого доклада²⁰ для изучения истории русской армии.

Сложная международная обстановка и большая протяженность границ обязывали военного министра сделать военно-исторический обзор, основанный на сравнительном и статистическом анализе деятельности русской армии в 1700–1900 гг., более пристально рассмотрев основные преследуемые цели и задачи в эти столетия, а также сделать военно-стратегический обзор границ и оценить силы России и ее противников на различных театрах военных действий (в том числе, дать прогноз в военном и экономическом отношениях) и выдвинуть предложения по дальнейшему усилению русской армии и ее боевой готовности. В этом докладе А.Н. Куропаткин рассмотрел военное положение России исходя из ресурсов страны, государственных границ, состава вооруженных сил, а также исторических и военных задач времени и политических целей. Он пришел к заключению, что в XIX в. боевая сила армии увеличилась более чем в шесть раз и что с успехом для русского оружия закончился 81 % всех дел — «войны истекших столетий привлекли к бою около 10 млн людей, из них около $\frac{1}{3}$ части потеряно для народа (и в том числе в боях, а также по болезни почти 1 млн чел.)»²¹. Им выделялся качественный и численный рост армии, а именно, изменение в качестве комплектования войск (воинская повинность вместо рекрутских наборов). С Восточной войны, в 1855 г., впервые стала резко заметна разница между составами войск мирного и военного времени, что стало обыкновением явлением со времени введения всеобщей повинности. Генерал отмечал, что, при относительно слабом росте мирного состава, военный состав армии особенно возрос за время царствования императора Александра III. Объяснялось это накоплением прошедшего службу в армии обученного запаса,

«соответствующим приспособлением войсковых штатов мирного времени» и особенно «мероприятиями минувшего царствования по развертыванию второлинейных войск».

В качестве примера из этого доклада 1900 г. можно привести один из выводов военного министра в отношении крепостей: «Сравнительная медленность (по сравнению с Германией и Австро-Венгрией. — *Авт.*) нашего сосредоточения на западной границе, предоставляя противнику все выгоды предупреждения в боевой готовности, принуждает нас в начале войны держаться оборонительного образа действий, что придает нашим сухопутным крепостям чрезвычайно важное, большее, чем в других государствах, значение. Не менее важны для нас и приморские крепости, вследствие относительной слабости нашего боевого флота. Столь важное значение наших крепостей, могущих тотчас же по открытии военных действий подвергнуться атаке противника, требует от них постоянной готовности как в инженерном, так и в артиллерийском отношении»²². Далее он разбирал вопросы полевых железных дорог и пр.

Исходя из сделанных выводов, А.Н. Куропаткин выделил две главные задачи: 1) охрана целостности границ и 2) поддержание силой оружия внутреннего спокойствия на окраинах России. Относительно границ общий вывод А.Н. Куропаткина состоял в том, что России невыгодно вступать в вооруженную борьбу с целью изменения существовавших границ. Считая, что Россия в целом не готова к ведению боевых действий (особенно на два фронта — на западе и на востоке), он принимал меры, которые являлись наиболее обоснованными в конкретном «фазисе» развития событий и других условий с учетом возможностей русской армии. А.Н. Куропаткин полагал первостепенным поддержание долгосрочного и стабильного мира с соседними державами, в связи с чем, наряду с повышением обороноспособности и боеготовности русской армии, делал акцент на дипломатическое посредничество.

Тем не менее, в 1915 г., будучи уверенным в победе России и ее союзников в ПМВ, при будущем подписании мира, как он считал, Россия вправе получить границы, которые наиболее отвечают ее интересам с учетом требований ее союзников.

Известно, что передел границ и появление новых государств согласно статьям Версальского мирного договора обусловили положение дел и ход истории в XX в. Озабоченный

предотвращением военных конфликтов в будущем (после победного для России окончания войны), в первой части своего труда по переустройству европейских границ А.Н. Куропаткин придавал *вопросу Восточной Пруссии* первостепенное значение. Он предлагал «достаточно радикально решить судьбу Восточной Пруссии, и его соображения хорошо согласовывались с официальной точкой зрения по этому вопросу. Однако непредсказуемое развитие мирового военного конфликта оставило нереализованным этот геополитический проект». Генерал считал, что таким образом исчезала угроза, нависавшая с севера над так называемым польским выступом. Новая граница России «в военном отношении, вместо открытой нападения, охватываемой территорией противника местности, представит очень выгодную в военном отношении линию, на правом фланге которой будет лежать сильная крепость Кенигсберг, а на левом - сильная позиция, образуемая Мазурскими озерами²³ с крепостью Летцен»²⁴. Это и ряд других предложений Куропаткина, в частности по Дальнему Востоку, оказались в большой степени востребованными после Второй мировой войны.

А.Н. Куропаткин полагал, что, «в случае победы Германии, эта держава задалась бы целью уничтожить влияние России в Китае и приняла бы меры подготовить из Китая противника России, послушного голосу Германии, подобно тому, как она поступила с Турцией»²⁵. Задаваясь вопросом, «какие же надлежит принять меры и продиктовать условия, чтобы поразить милитаризм Германии и Австро-Венгрии и освободить Европу от «вооруженного мира» и опасности быть снова атакованными воинствующим германизмом?», он давал следующий ответ: «Прежде всего необходимо довести войну до полной победы над армиями наших противников и занять все их укрепленные пункты и столицы». Важным условием он считал лишение Германии и Австро-Венгрии права содержать военный флот. При этом некоторые из предложенных им мер должны были носить лишь временный характер, а срок их действия следовало определить временем окончания уплаты контрибуции России и союзным с нею державам»²⁶.

Другой рассмотренный им вопрос был: «Как покрыть по войне 1914–1915 гг. расходы России и ее союзников?» Он писал: «Военные расходы в настоящую войну колоссальны. За первые 5 месяцев войны расходы собственно военного ведомства

в России по некоторым авторитетным сведениям уже превысили 2 миллиарда рублей, что составляет ежедневный расход около 13 000 000 рублей. Если война продлится еще 7 месяцев, то расходы на войну военного ведомства могут дойти до 5 миллиардов, а с расходами по другим ведомствам и с предстоящими расходами на возобновление военного имущества, израсходованного или требующего замены, или исправления, вероятно, дойдут до 10-12 миллиардов рублей. (Расходы по войне с Японией составили 2482 миллиона рублей). Если война продлится более года, что более чем вероятно, то увеличится и размер контрибуции)»²⁷.

Развивая свои концепции и теоретические выкладки в 1915 г. в Главе III Первой части по пересмотру границ с Германией и Австро-Венгрией, Алексей Николаевич приводил следующие данные: «Наша армия по военному времени к 1800 году составляла 400 тыс. человек. В течение 18 и 19 веков участвовало во всех войнах (с Германией и Австро-Венгрией. — Авт.) около 4 000 000 чел., и наши войска потеряли убитыми и ранеными 955 000 человек и больными (не вернувшимися в строй) 1827 тыс. чел. Для оценки напряжения усилий России в борьбе за выходы к морям Балтийскому и Черному укажем, что за два столетия войны для борьбы со Швецией выставлено 1840 тыс. чел., и из них убыло убитыми, ранеными и больными 700 тыс. чел.; для борьбы с Турцией — 3520 тыс. чел. И из них убыло — 746 тыс. чел. В 20-й век Россия вступила <...> с населением в 132 млн душ. Бюджет перевалил за 2 миллиарда рублей, а армия по военному составу дошла до 2500 тыс. чел. За два столетия пространство России возросло до 66 %, население увеличилось в 11 раз; войско увеличилось в 17 раз, а бюджет в 200 раз (рубли при Петре Великом стоил в 20 раз более, чем ныне.) При неизбежном, в результате войны 1914-1915 годов, пересмотре границ России необходимо будет иметь в виду предстоящий рост России, во всех отношениях, в течение XX века. Так, население России по скромным подсчетам в последних годах XX века достигнет при благоприятных условиях 400 млн душ. Границы России должны быть таковы, чтобы обеспечить размещение, питание и развитие этой массе жителей. (Менделеев в своем труде “К познанию России” считает, что в России к 1950 г. будет 282 млн жителей, а в 2000 — 592 млн жителей)»²⁸.

Генерал указывал, что общая протяженность сухопутных государственных границ России в 1900 г. составляла в целом

17 300 верст²⁹, а «протяженность сухопутных границ с тремя державами, находящимися ныне в войне с Россией, составляла: с Германией — 1107 верст, и Австро-Венгрией — 1142, и с Турцией — 488 верст. Всего Россия вызвана была вести борьбу на сухопутных границах общим протяжением 2737 верст».

А.Н. Куропаткин считал, что «пересмотр границ должен быть произведен прежде всего по отношению к границам России с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Но военные действия распространились также на территорию Персии и Китая. Если, начатая не Россией, война развязывает ей руки к пересмотру и где-то окажется необходимым изменение границ с тремя воюющими с ней державами, то события в течение последних лет в Персии и Китае повелительно диктуют необходимость для России в результате великой войны сделать также пересмотр границ России с Персией и Китаем». По мнению генерала не требовалось «пересмотра границ со Швецией, Румынией, Афганистаном, если эти страны до конца войны сохранят нейтралитет»³⁰.

Возвращаясь к рассмотрению границ России с Германией и Австро-Венгрией, он отмечал: «Во многих отношениях эти границы невыгодны для России, но несмотря на представлявшиеся в течение столетия случаи изменить их к выгоде России, она не пользовалась этими случаями. Несмотря на все неудобства нашей сухопутной границы, России невыгодно было начинать войну для ее изменения с какою-либо из пограничных с Россией держав. В особенности невыгодно было начинать такую войну с Германией»³¹.

Таким образом в первой части и в приложениях А.Н. Куропаткин привел данные, позволившие ему установить тенденции и динамику развития событий и прийти к конечным выводам, дал ретроспективный анализ, рассмотрел, помимо Восточной Пруссии, вопросы пангерманизма, автономной Польши, полонизации, Восточной Галиции, положения русских в Венгрии и Буковине (Угорская Русь), при этом он подчеркивал сложность предлагаемых им мер, нацеленных не просто на колонизацию и расширение, а на выживание и создание «хороших» условий для «сохранения территории России и ее населения».

Во второй части труда «Границы России в результате войны 1914–1915 годов» рассмотрены сначала границы России с Турцией включая вопрос Босфора и Дарданелл, задачи в Малой

Азии, армянский вопрос и др. Глава VIII была посвящена границам сфер влияния России и Персии и проектируемым изменениям границы России с Персией в районах Муганском и Гюргенском, сделаны выводы. Затем рассмотрены границы России с Китаем, Монголией и Маньчжурией, а также граница с Китаем в Синьцзянской провинции, заключение по китайской границе и границе с Японией; рассмотрен вопрос выхода России к морям с последующим общим заключением по второй части.

В отношении Босфора и Дарданелл генерал, отмечая на тот момент «слабое правительство» в Турции, полагал, что «Россия не может допустить, чтобы эти проливы попали в руки какой-либо другой державы, даже ныне дружественно расположенной к ней, или стали нейтральными. Ход всей истории России за последние 200 лет указывает, что настало время для России заявить свои права на эти проливы и есть основание надеяться, что на этот раз ни Англия, ни Франция не загородят ей свободный выход в Средиземное море. Таким образом, при предстоящем, по окончании великой войны 1914–1915 годов, решении так называемого “Восточного вопроса”, Россией должны быть выдвинуты для решения в интересах ее населения в XX веке следующие главные вопросы: 1) о проливах Босфорском и Дарданельском и судьбе Константинополя, неразрывно с этими проливами связанного; 2) о русской сфере влияния в Малой Азии в связи с необходимостью для России сделать Черное море в возможной степени русским, внутреннем морем; 3) об обеспечении спокойствия пограничной с Россией территории, населенной враждующими между собой племенами — армянским, курдским, турецким и другими племенами; 4) о лучшем, чем ныне, обеспечении от нового нападения турецких войск и турецкого населения приграничного с Турцией русского населения; 5) о приведении в исполнение проектов реформ для армянского населения»³². Далее А.Н. Куропаткин писал: «В 1871 году последовал разрыв не почетного для России Парижского договора 1856 года, лишившего ее права иметь на Черном море военный флот. С этого времени и с назначением нашим послом в Константинополе Н.П. Игнатьева значение России на берегах Босфора снова поднялось, и благодаря энергичной и умелой деятельности высокодаровитого представителя России в 1874-1876 годах русское влияние стало первенствующим. К сожалению, между взглядами наших послов в Стамбуле и в Вене Н.П. Игнатьевым и Е.П. Новиковым

существовало резкое разногласие по восточному вопросу. Новиков был сторонник соглашения с Австрией и совместных с нею действий на Балканском полуострове в целях умиротворения начавшегося на Балканском полуострове брожения и восстановления народностей сербской и болгарской. Игнатьев признавал Австрию главным врагом России на пути ее жизненным интересам на Босфоре и боролся против привлечения Австрии к умиротворению народов Балканского полуострова», подчеркивая при этом, что граф Игнатьев еще в декабре 1877 г. горячо доказывал необходимость для России занять позицию на среднем Босфоре³³.

Характерен взгляд А.Н. Куропаткина на результат Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: «Главной причиной незанятия нашими войсками Босфора была демонстрация нескольких британских судов, вошедших в Безинскую бухту. Опасались, что Англия, объявив войну нам, может прорваться через Босфор даже в том случае, если мы его минирuem. Но заграждение минами Босфора представляло и тогда настолько легко выполнимую задачу, что займи мы Босфор, англичане не рискнули бы на войну с нами, особенно в виду нашей позиции в Средней Азии против Индии. В Самаркандской области под начальством ген. Кауфмана уже был собран отряд для вторжения в Афганские пределы, если бы Англия открыла против России военные действия. В результате нашей неудачи с Босфором в 1878 году, нашим войскам, вместо возвращения морем, пришлось проходить дефиле по враждебно настроенной Румынии между морем и австрийскими пределами. Начав войну без определенных планов, не имея союзников и одного открытого врага - турок, мы победно окончили войну, разгромив все силы турок, но вместо побежденных явных врагов очутились, без союзников, перед враждебной коалицией из Англии, Австрии, Турции и Румынии. В это тяжелое время нам оказала услугу Италия, посоветовав Румынии не бряцать оружием. Честный маклер Бисмарк играл двойную игру: под видом дружеского совета он гнал нас от Константинополя, а англичан от Дарданелл. Прибавим, что скоро после войны в планы, уже не наши, а немцев, вошло движение германской расы к проливам, Константинополю и далее в Малую Азию до Персидского залива»³⁴.

Один из выводов А.Н. Куропаткина заключался в следующем: «Для России необходимо, чтобы Балканские государства

не составляли и в будущем угрозу европейскому миру, как составляют в настоящее время. Горький опыт учит, что основываться в политических расчетах на племенном или религиозном родстве России не следует. Если России нужно спокойное развитие балканских государств и их дружественное отношение к России, то ей надо занять такую позицию, чтобы этим государствам: Болгарии, Сербии, Румынии и Греции было выгодно дружиться с Россией и опасно становиться в ряды ее врагов»³⁵.

По вопросу границы России с Китаем (глава IX), которому А.Н. Куропаткин уделял пристальное внимание с момента вступления на пост военного министра в связи со строительством КВЖД и присоединением Ляодунского полуострова, он отмечал: «По обширности всей территории Приамурского края, с присоединенной к нему северною Маньчжурией, участки выгодные для переселения окажутся, при исследовании, огромными. Вполне возможно предположить, что уже в середине XX века в Приамурье, в новых границах, будет проживать русское население не менее 20 мил душ. Тогда окраина эта усилит положение России на Дальнем Востоке и даст возможность русскому населению принять деятельное участие в сношениях между собою народов на берегах Великого Океана»³⁶. В заключении по китайской границе он писал: «Краткий обзор положения России на китайской границе приводит к заключению о необходимости, ввиду образа действий Китая в последние 35 лет по отношению к России, изменить нашу границу с Китаем. Такое изменение желательно в русских интересах произвести по линии: гора Хан-Тенгри — порт Владивосток»³⁷.

По границе с Японией рекомендация была следующей: «В результате великой войны можно надеяться закрепить дружеские отношения с Японией, ныне нашею союзницей. Представляется желательным поддержать Японию в ее требованиях относительно удовлетворения ее интересов в Китае и на берегах Великого океана, возвратиться к границе с нею до войны 1904–1905 годов. Оставление в руках Японии южной части Сахалина составит для великой России и препятствие к установлению действительно дружественных между двумя державами отношений»³⁸.

Общее заключение было следующим: «Результаты, достигнутые Россией в первый период войны, огромны. Россия спокойна, трезва, уверена в победе. Все национальности России без различия политических партий слились, по призыву Царя,

с русским населением, и все самоотверженно жертвуют жизнью и достатком для достижения победы <...> Неразрывная связь Царя с народом и армией и мощное командование ею Верховным Главнокомандующим делают Россию непобедимой. Главные союзники наши: французы и англичане успешно остановили нашествие германских ратей на Францию и неустанно, день за днем, готовятся к решительному переходу в наступление. Основной план австро-германцев быстрым наступлением разбить Францию и затем обрушиться всеми силами на Россию потерпел решительную неудачу. Германия перешла к активной обороне своих пределов. Австрийская армия потерпела ряд поражений, потеряла большую часть Галиции, и армия ее сильно расстроена. Сотни тысяч пленных австрийцев и потерянные тысячи орудий служат тому явным доказательством. Германцы сражаются с отчаянным упорством и проявляют, пользуясь развитою сетью железных дорог, огромную активность, но расстройство в германской армии начинает с каждым месяцем войны обозначаться все сильнее. Рознь между союзниками: германцами и австрийцами усиливается. Потребные для ведения войны и для жизни населения средства Германии, Австро-Венгрии и Турции, блокированных союзными армиями и флотами, истощаются. Страшный призрак голода уже висит над нашими противниками. Переход турок в наступление на Кавказской границе окончился для них полною неудачею. При таких условиях твердая решимость Русского Царя и представителей союзных с Россией держав продолжать войну до окончательной победы над врагами, несомненно, приведут к самой полной победе над Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Как велики были планы Императора Вильгельма II, начавшего войну, как велики были жертвы, принесенные за время войны Россией и союзными державами, так велики будут и требования, предъявленные при заключении мира побежденным: Германии, Австро-Венгрии и Турции»³⁹.

Еще в первой части своего труда генерал отмечал, что «Япония сражается против Германии, как наша союзница. Есть основания предполагать, что ввиду роли, которую Япония намерена играть в XX веке на берегах Великого океана, она готова искать прочного соглашения, если не союза, с Россией. Такое соглашение возможно и желательно, если Япония исправит ошибку, сделанную ею в результате русско-японской войны, возвратив России, на тех или иных условиях, южную часть острова Сахалина. Япония

должна сознать, что великая Россия ранее, чем вернется к границам 1903 года, не может искренно пойти на путь прочного соглашения с Японией. Поэтому, в результате великой войны 1914–1915 гг. желателен пересмотр и нашей границы с Японией»⁴⁰. Подводя итоги во второй части, А.Н. Куропаткин подчеркивал, что: «Возвращение при благоприятной политической обстановке от Японии Южной части о-ва Сахалина должно исправить ошибки вождей войск и дипломатов в 1904–1905 годах»⁴¹.

В отношении выхода России к морям его вывод был следующим: «Открытие свободного выхода России из Балтийского моря в Атлантический океан, с обращением канала Вильгельма в международный путь, обеспечит нужды России в выходах к открытым морям и составит завершение задачи, начатой 450 лет тому назад Иваном IV Грозным и энергично продолженной Петром Великим по выходу к Балтийскому морю»⁴². В первой части генералом указывалось следующее по Тихоокеанскому региону: «В XX веке огромное значение будут иметь события на берегах Великого океана. Главный товароборот держав всего мира будет происходить именно там, ибо к берегам Великого океана будет тяготеть большая часть населения всего мира. Ввиду грядущих в XX веке событий на берегах Великого океана, России надо принять меры, чтобы укрепить свое положение на Дальнем Востоке, без чего эта окраина может быть для России потеряна. Настоящая война частью велась и на китайской территории. В Китае идет до сих пор революционное движение. Монголия отложилась. По всем этим причинам необходим в результате войны 1914–1915 гг. пересмотр и границы России с Китаем»⁴³.

В настоящее время появилось много работ по затрагиваемым А.Н. Куропаткиным темам с привлечением новых материалов. Тем не менее исторический анализ процессов, выстроенная автором перспектива, а также изложенные факты и детали безусловно представляют научный интерес. При существующей тенденции в мире «переписывать историю» ретроспектива и прогнозы А.Н. Куропаткина приобретают особенный вес, несмотря на то что его рекомендации не были воплощены в жизнь после ПМВ. Как было отмечено выше, позиция и взгляды А.Н. Куропаткина были обусловлены военно-стратегическими целями и задачами обороны государства и установления прочного, долговременного мира, и основывались на всестороннем глубоком анализе с заботой о судьбе России и населяющих ее народов. Этот

монументальный труд является важным военно-историческим источником. Многие выводы А.Н. Куропаткина оставались актуальными на протяжении XX века и представляют несомненный интерес сегодня.

¹ Российская Национальная библиотека. Выставка «К 170-летию со дня рождения военного министра Алексея Куропаткина». URL: <http://nlr.ru/manuscripts/ob-otdele/novosti-otdela/10599-01-marta-2018>

² Генерал Куропаткин — государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Белозерова О.А. и др. СПб., 2018.

³ Научно-краеведческие чтения, г. Торопец, 18 мая 2018. URL: <http://toropcedadm.ru/sostoyalis-kraevedcheskie-chteniya-posvyashcennnye-170-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-general-a-prosvetitel'ya-uchenogo-kraeved-a-alekseya-nikolaevicha-kuropatkina.html>

⁴ Видеозапись круглого стола 25 мая 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=P7nmEX0KL38>

⁵ Куропаткин А.Н. Дневник А.Н. Куропаткина / предисл. М.Н. Покровского. Нижний Новгород, 1923. С. 3.

⁶ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 751.

⁷ Ремнев А.В. Как обустроить Россию. Геополитические прогнозы бывшего министра Куропаткина // Родина. 2004. № 9. С. 32–34.

⁸ Ремнев А.В. 1) Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004; 2) Двинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX — начала XX вв. // *Ab imperio*. 2003. № 3. С. 135–158; и др.

⁹ Николаев Н.Ю. А.Н. Куропаткин и Гагская мирная конференция 1899 г. // Генерал Куропаткин... С. 48–70.

¹⁰ Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск, 2013; Белоконь И.В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А.Н. Куропаткина: дис... канд. ист. наук. Омск, 2012.

¹¹ Среди предложенных военным министром А.Н. Куропаткиным кандидатур командующего Маньчжурской армией в русско-японскую войну были: Н.П. Линевиц, Н.Н. Сухотин, В.А. Сухомлинов, В.В. Сахаров, А.А. Бильдерлинг, А.К. Пузыревский, А.В. Каульбарс, Н.И. Гродеков, О.-Ф.К. Грипшенберг; последней была его собственная. Кандидатура великого князя Николая Николаевича была вычеркнута им из начального списка.

¹² Куропаткин А.Н. Алжирия. СПб., 1877.

¹³ Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.

¹⁴ Обзор войн России от Петра Великого до наших дней / под общ. ред. Г.А. Леера. СПб., 1885–1896.

¹⁵ Куропаткин А.Н. Туркмения и туркмены. СПб., 1879; Его же. Сведения о Персии и Афганистане. СПб., 1902.

¹⁶ Служебная записка А.Н. Куропаткина Николаю II. 3 августа 1900 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 218; Куропаткин А.Н. Записка по Маньчжурскому вопросу и

о необходимости занять и присоединить к России северную часть Маньчжурии. Приложения и карты. 1903 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 182; Его же. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. См. также: Белозерова О.А. Позиция и взгляды военного министра А.Н. Куропаткина в связи с решением Маньчжурского вопроса накануне русско-японской войны (1904–1905) // Генерал Куропаткин... С. 183–199.

¹⁷ После 1917 г. А.Н. Куропаткин почти два года работал, даже находясь некоторое время под арестом в Великих Луках, над научным трудом (законченным им в его имени Шашурине в 1918 г.), который считал наиболее важной из последних своих работ — «Население Семиреченской области, его деятельность, нужды и способы к их удовлетворению», состоявшей из 9 глав с приложением и картой, и выполненной им по первоисточникам, в том числе дневникам, которые он вел при посещении Семиречья в 1876, 1879, 1880 и 1916 гг. Поиски этого труда продолжаются. Частично эта работа была опубликована в виде статьи «Семиречье: из дневников А.Н. Куропаткина» в журнале «Военная мысль» (в сентябрьском выпуске, 1920), издававшемся в Ташкенте. Первый раз А.Н. Куропаткин посетил Семиречье в чине поручика в 1870 г.; последний — в качестве Туркестанского генерал-губернатора в разгар Среднеазиатского восстания 1916 г. В вышеупомянутом труде он преследовал две главные задачи: «1) примирить русское население в 300 тысяч душ с киргизами (1 млн душ) и 2) освободить трудовое русское и киргизское население от кабалы со стороны многочисленных хищников, ставших между производителями и потребителями».

Упомянем следующие малоизвестные, не введенные в научный оборот, работы А.Н. Куропаткина, где его знания и опыт применены к древним городам России. Это «История вольных городов Великого Новгорода и Пскова. Учебное пособие для учительского персонала школ I ступени»: 12 глав, 25 печатных листов (закончено в начале 1920 г. и отослано генералом в Псковский губернский отдел народного образования) и «Очерк экономического быта вольных городов Великого Новгорода и Пскова». Статья была напечатана в 1920 г. в июньском (шестом) выпуске журнала «Новая жизнь», издававшемся в Пскове, и передана в Петроград в Центральный Географический музей, при котором генерал состоял ученым корреспондентом.

¹⁸ Всеподданнейший доклад военного министра Куропаткина А.Н. Николаю II. 14 марта 1900 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445.

¹⁹ Куропаткин А.Н. Задача русской армии: [в 3 т.]. СПб., 1910.

²⁰ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий, М., 1973. С. 8, 25–27.

²¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445. Л. 9 об.–11 об.

²² Там же. Д. 445 (2). Л. 68 об.–70.

²³ Город Летцен в Восточной Пруссии был опорным пунктом мощной обороны в системе Мазурских озер. В период с 1844 по 1855 гг. на перешейке между двумя Мазурскими озерами, в юго-западной части этого города, была построена крепость Бойен (Feste Boyen). После Второй мировой войны — г. Гжицко, Польша, расположенный в 200 км к северо-востоку от Варшавы и в 140 км к юго-востоку от Калининграда. Во время Первой мировой войны в нем находилась штаб-квартира Гинденбурга. Непосредственно перед началом Второй мировой войны крепость Бойен стала одним из сборных пунктов гитлеровской армии, которая впоследствии с территории Восточной Пруссии вошла в Польшу. Бригада форта

«Летцен», в составе группы армий «Норд», наступающей на Млаву и Модлин, принимала участие во многих боях, в том числе и под Визной. С 1945 г. крепость Бойен перешла в собственность Войска Польского, которое пользовалось ею только частично. См.: URL: <https://www.castle.lv/teuton/loetzen.html>

²⁴ Панченко А.А. Восточная Пруссия в геополитических проектах Российской империи в начале Первой мировой войны // Великая и забытая: материалы международн. научно-практич. конф. / Ред.-сост. К.А. Пахалюк. Калининград — Гусев, 2013. С. 68–72.

²⁵ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 751. Т. 1. Л. 44.

²⁶ Там же. Л. 48–50.

²⁷ Там же. Л. 50.

²⁸ Там же. Л. 54–57.

²⁹ В настоящее время суммарная протяженность (включая речную и озерную) сухопутной границы РФ с сопредельными странами — 22 293 км. Собственно сухопутная — 14 518 км, при этом наибольшая длина собственно сухопутных границ (по убыванию) следующая: с Казахстаном (5936,1 км), Монголией (2878,6 км), Украиной (1508,7 км) и Финляндией (1091,7 км). Собственно сухопутная граница с Китаем — 650,3 км, а суммарная сухопутная — 4209,3 км. Наибольшая длина (суммарная сухопутная плюс морская границы) — с Казахстаном (7598,6 км), Китаем (4209,3 км) и Монголией (3485 км). См.: URL: <https://ru.wikipedia.org> [Государственная граница России (см. ссылки на разные источники)].

³⁰ Там же. Л. 57.

³¹ Там же. Л. 59.

³² Там же. Л. 11.

³³ Там же. Т. 2. Л. 21-23.

³⁴ Там же. Л. 25–26.

³⁵ Там же. Л. 36–37.

³⁶ Там же. Л. 157.

³⁷ Там же. Л. 168.

³⁸ Там же. Л. 170.

³⁹ Там же. Л. 172.

⁴⁰ Там же. Т. 1. Л. 45.

⁴¹ Там же. Т. 2. Л. 176.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Т. 1. Л. 45.

*В.Л. Бельтюков, С.Ю. Окунев,
П.В. Чернов (Санкт-Петербург)*

ИЗ ИСТОРИИ РАКЕТНЫХ ВОЙСК СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ

О СУЩЕСТВИВ В АВГУСТЕ 1945 г. атомную бомбардировку японских городов Хиросима и Нагасаки, США показали миру, что не останутся перед применением ядерного оружия для достижения своих внешнеполитических целей. По сути дела это был первый шаг к «холодной войне». Став за годы Второй мировой войны экономическим и политическим центром западного мира, США воспринимали Советский Союз как главную угрозу «существования западной демократии».

В декабре 1945 г. президент США Гарри Трумэн публично заявил: «Русские скоро будут поставлены на свое место, и тогда Соединенные Штаты возьмут на себя руководство движением мира по тому пути, по которому его надо вести». А годом позже на митинге в американском городе Фултоне прозвучала печально известная речь бывшего премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля с призывом готовиться к третьей мировой войне — войне против СССР. Эти выступления обнажили суть политики США и Великобритании, породившей агрессивные военные доктрины «массированного возмездия», «гибкого реагирования», «реалистического устрашения». Основная ставка в этих доктринах делалась на нанесение ядерного удара по странам социалистического блока и, в первую очередь, по Советскому Союзу.

В такой военно-политической обстановке Советский Союз был вынужден вести разработки собственного ядерного оружия. В труднейших условиях ликвидации последствий войны с фашизмом и восстановления обескровленного народного хозяйства руководство страны приняло важнейшие постановления

об интенсивном развитии отечественного атомного производства и ракетостроения.

В декабре 1946 г. в нашей стране был запущен первый атомный реактор. Меньше чем через год после этого события советское правительство в специальном сообщении объявило, что для нашей страны секрета атомной бомбы не существует. В августе 1949 г. СССР осуществил атомный взрыв. Это означало ликвидацию опасной для мира монополии США в области ядерного оружия. В 1953 г. в Советском Союзе был произведен взрыв одного из видов водородной бомбы. Вооруженные силы СССР получили новый тип оружия, которое еще больше укрепило обороноспособность страны¹.

Одновременно с разработкой ядерного оружия шел процесс создания средств его доставки. В их создании к объектам на территории противника ракетостроение нашей страны шло собственным путем, хотя для изучения опыта немецкого ракетостроения еще в июле 1945 года в Германию была командирована группа ведущих специалистов по ракетам, двигателям, наземному оборудованию, электронике. В составе группы были видные ученые, занимавшиеся проблемами ракетостроения еще до войны: С.П. Королев, В.П. Глушко, В.П. Бармин, А.М. Исаев, Н.А. Пилюгин, М.К. Тихонравов, также в составе группы были известные военные специалисты-ракетчики: А.И. Соколов, В.И. Вознюк, Н.Н. Кузнецов, А.Г. Мрыкин. Коллектив провел большую работу по восстановлению технической документации немецкой ракеты А-4, а также лабораторные и стендовые испытания ее узлов. Для отработки технологии сборки в 1947 году на заводах нашей промышленности была собрана небольшая опытная партия ракет и комплект наземного оборудования².

13 мая 1946 г. для осуществления непосредственной подготовки и пусков ракет было начато формирование Государственного центрального полигона Министерства Вооруженных сил СССР (4 ГЦП МО СССР). Местом его дислокации был определен район села Капустин Яр Астраханской области. Начальником полигона был назначен генерал-лейтенант В.И. Вознюк. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 13 мая 1946 г., которым определились мероприятия по развитию ракетного оружия, было сформировано первое ракетное соединение в составе ВС СССР — бригада особого назначения Резерва Верховного Главнокомандования. Формирование бригады проводилось

на базе 92-го гвардейского минометного Гомельского ордена Ленина, Краснознаменного, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого полка, входившего в состав группы Советских войск в Германии. Первым командиром бригады был гвардии генерал-майор артиллерии А.Д. Тверецкий³.

Принципиально новое средство доставки боеприпасов, обладающее неограниченной дальностью, большой скоростью полета и неуязвимостью для средств ПВО — баллистические ракеты, — становилось особенно эффективным лишь при наличии ядерных зарядов, пригодных по своим габаритам и весу для размещения в головных частях. Успешное решение отечественными конструкторами этой задачи способствовало быстрому развитию ракетно-ядерного оружия.

В 1952–1956 гг. был разработан и испытан ракетный комплекс Р-5М с проектной дальностью стрельбы 1200 км. Первый пуск ракеты с головной частью, снаряженной ядерным зарядом, был произведен в феврале 1956 г., а 21 июня 1956 г. комплекс был принят на вооружение⁴. Успешные испытания ракетного комплекса Р-5М с ядерным боевым зарядом и принятие его на вооружение явилось основой дальнейшего развития первых ракетных бригад.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 мая 1954 г. конструкторским и научно-исследовательским организациям была поставлена задача разработать баллистическую ракету с межконтинентальной дальностью полета, которая могла бы обеспечить поражение стратегических целей в любых условиях обстановки на любых театрах военных действий. Необходимо отметить, что уже в начале 50-х гг. в связи с наметившимся распространением ядерного оружия происходили существенные изменения и в военном искусстве. В частности, проявилась тенденция к возрастанию размаха военных операций, а также к изменению задач, решаемых в них. Все это предъявляло свои требования и к ракетному вооружению. Потребовались ракеты, способные доставлять ядерные заряды на значительно возросшую дальность.

Работая над созданием мощного и надежного отечественного ракетно-ядерного оружия, его создатели внимательно следили за развитием стратегических средств нападения у вероятного противника. В первые послевоенные годы это развитие шло преимущественно по пути использования авиации в качестве средств доставки ядерных зарядов. Тактико-технические характеристики

авиационных средств противника позволяли рассчитывать на эффективное противодействие им со стороны противовоздушной обороны нашей страны, вследствие чего имелась возможность при создании первых ракетных комплексов стратегического назначения не исходить из требований военного искусства, а сосредоточиться над «внутренними проблемами» ракетостроения, решение которых вело к совершенствованию создаваемых систем. Все это сказалось на тактико-технических характеристиках комплексов межконтинентальных ракет (МКР) Р-7 и Р-7А.

После завершения испытаний первого комплекса с ракетой Р-7 встал вопрос об организации воинских частей, вооруженных этим мощным оружием, способным поражать противника практически в любой точке земного шара. Первым соединением, вооруженным межконтинентальным ракетным комплексом Р-7, была войсковая часть, носившая условное наименование объект «Ангара» (во исполнение Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 января 1957 г.). Командиром соединения был назначен полковник М.Г. Григорьев.

Первый пуск МКР Р-7 серийного производства был осуществлен 30 июля 1959 г. А 13 декабря 1959 г. государственная комиссия подписала акт о приемке в эксплуатацию первого в Советском Союзе боевого комплекса МКР, приступившего к несению боевого дежурства по охране и обороне нашей Родины.

Опыт формирования и строительства первого в стране объекта, предназначенного для межконтинентального ракетного комплекса Р-7, был использован при формировании ракетных частей и соединений, вооруженных ракетными комплексами Р-16 и Р-9А.

Одновременно с формированием частей и соединений МКР, которым занимался Штаб реактивных частей, в течение 1956–1959 гг. в составе ВВС было сформировано более десяти ракетных полков, вооруженных ракетными комплексами средней дальности. Эти части были подчинены заместителю командующего дальней авиацией.

Таким образом, к началу 60-х гг. в составе ВС СССР было соединение (объект «Ангара»), вооруженное межконтинентальными ракетными комплексами, формировались еще несколько соединений МКР и более двух десятков ракетных полков, вооруженных ракетными комплексами средней дальности.

Ракетные соединения и части были подчинены разному командованию, что затрудняло их эффективное использование

для решения стоящих задач. Поэтому возникла необходимость в централизованном управлении, едином планировании боевого применения соединений и частей, организации боевой и технической подготовки, а также материально-техническом обеспечении. 17 декабря 1959 г. ЦК КПСС и советское правительство приняли решение о создании нового вида вооруженных сил — Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Главнокомандующим РВСН — заместителем министра обороны СССР был назначен Главный маршал артиллерии М.И. Неделкин⁵, первым заместителем главнокомандующего — генерал-лейтенант танковых войск В.Ф. Толубко.

В состав РВСН включались инженерные полки и бригады РВГК, подчиненные заместителю министра обороны по специальному вооружению и реактивной технике, ракетные полки и три управления авиационных дивизий из ВВС, а также военно-учебные заведения, научно-исследовательские и испытательные учреждения по ракетной технике, арсеналы ракетного оружия, базы и склады специального вооружения.

В целях обеспечения управления соединениями и частями, вооруженными ракетными комплексами средней дальности, в 1960 г. на базе воздушных армий дальней авиации формируются ракетные армии. Командующими ракетными армиями были назначены генерал-полковник авиации Г.Н. Тупиков и генерал-лейтенант авиации Ф.И. Добыш.

В 1960–1961 гг. все ранее созданные инженерные полки РВГК реорганизовываются в ракетные полки, а инженерные бригады — в ракетные дивизии. В 1961 г. стали создаваться отдельные ракетные корпуса и ракетные дивизии МКР. Командирами корпусов были назначены гвардии генерал-майор Д.А. Медведев, генерал-майор авиации Г.П. Карих, генерал-майор артиллерии И.Т. Шмелев и генерал-майор артиллерии П.Т. Губарев⁶.

В числе задач первостепенной важности в начале 60-х гг. выдвигалось существенное повышение защищенности боевых ракетных комплексов (БРК). Впервые такая задача была сформулирована в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании ракетных комплексов подземного базирования для ракет Р-12 («Двина») и Р-14 («Чусовая»)

Ракеты Р-12 и Р-14, доработанные для пусков из шахт, получили шифры Р-12У и Р-14У. Стартовая позиция для ракет Р-12У имела четыре подземные пусковые установки, расположенные

по углам прямоугольника размером 80 на 70 м, а для Р-14У — три, расположенные по углам прямоугольного треугольника с катетами 80 и 70 м. 9 января 1964 г. БРК с шахтными пусковыми установками (ОС) были приняты на вооружение⁷.

Автоматизация работ при подготовке ракет к пускам, совершенствование тактико-технических характеристик БРК способствовали значительному сокращению численности личного состава полков ОС. Так, например, если на первых БРК Р-7А в расчете на одну пусковую установку приходилось более полутора тысяч человек, то на одну шахтную пусковую установку — не более 30 человек.

К 1970 г. основу боевой мощи РВСН стали составлять соединения ОС, которые входили в состав отдельных ракетных корпусов МКР.

Приказом министра обороны СССР от 19 марта 1970 г. отдельные ракетные корпуса МКР были реорганизованы в ракетные армии. Командующими новыми ракетными армиями были назначены генерал-лейтенанты В.М. Вишенков, И.А. Шевцов, А.И. Холопов, генерал-майор Ю.П. Забегайлов⁸.

В последующем вместо первоначально предусмотренных наземных и шахтных пусковых установок с групповым расположением стали разрабатываться рассредоточено располагавшиеся автоматизированные безлюдные шахтные пусковые установки в составе БРК с командным пунктом и системой дистанционного управления и контроля. При создании этих комплексов особое внимание было обращено: на максимальное упрощение стартовых позиций при повышении их боеготовности и надежности, исключение из пускового цикла заправки ракет (ампулизация и длительное хранение заправленных ракет), дистанционный контроль всех основных параметров ракеты и систем в процессе дежурства и подготовки к пуску, обеспечение дистанционного пуска ракет.

В 1975 г. на вооружение РВСН стали поступать ракетные комплексы, вооруженные самоходными пусковыми установками (ПУ). Высокая боеготовность, особенности боевого применения, организации боевого дежурства и эксплуатации новых комплексов потребовали создания принципиально новой организационно-штатной структуры ракетных полков и других частей и подразделений дивизий. Развертывание новых подвижных комплексов осуществлялось на базе снятых с боевого дежурства и

переформированных ракетных полков и дивизий, вооруженных ракетными комплексами Р-12, Р-14 и Р-16У.

Развитие подвижных грунтовых комплексов осуществлялось путем создания и совершенствования комплекса РСД-10 «Пионер» с ракетой средней дальности. К третьему поколению БРК относятся также первые комплексы с подвижными ПУ и твердотопливными МКР «Темп-2С»⁹.

В ходе модернизации комплекса РСД-10 повысилась точность попадания и возросла площадь разведения боевых блоков, обеспечивалась возможность рассредоточения подразделений от пусковой установки и проведение пуска ракет с любой точки маршрута боевого патрулирования. Проводились также мероприятия по повышению боеготовности комплекса и увеличению неуязвимости ракет от систем противоракетной обороны. Однако в связи с заключением договора о ликвидации ракет средней дальности в 1988 г. все работы с комплексом «Пионер» были прекращены.

Развитие подвижных грунтовых ракетных комплексов стало осуществляться только применительно к межконтинентальным ракетам.

В декабре 1988 г. на вооружение был принят комплекс РТ-2ПМ «Тополь». Он не имел аналогов в мировом ракетостроении. Автономная пусковая установка комплекса могла обеспечить пуск как по запланированным, так и по внезапно назначенным целям с любой точки маршрута боевого патрулирования. При этом средства установки позволяли по исходным данным самостоятельно рассчитать полетное задание.

Также большое внимание уделялось разработке боевых железнодорожных ракетных комплексов (БЖРК). Их создание считалось одним из важных направлений повышения живучести стратегических ракетных систем за счет организации боевого дежурства в позиционных районах с развитой железнодорожной сетью методом патрулирования с периодической сменой мест стоянки.

Первая попытка создать такой комплекс с ракетой РТ-23 не увенчалась успехом. При экспериментальной отработке предложенной конструкции были выявлены существенные недостатки, исключавшие возможность принятия комплекса на вооружение. Вместе с тем работа над первым вариантом БЖРК позволила его создателям приобрести опыт, необходимый для успешного решения поставленной задачи.

9 августа 1983 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании теми же коллективами нового БЖРК с ракетой РТ-23 УТТХ «Молодец». Этот комплекс под индексом 15П961 с октября 1987 г. начал ставиться на боевое дежурство¹⁰.

В целом во второй половине 80-х гг. у нас в стране было создано несколько различных ракетных комплексов, по основным тактико-техническим характеристикам превосходившим стратегическую ракетную систему США «Минитмен-3М». Однако некоторые из них в этом отношении все еще уступали перспективному американскому комплексу МХ.

Достигнутый баланс ядерных сил, технологический и научный паритет в ракетостроении, изменения военно-политической обстановки в конце 80-х гг. позволили по-новому осмыслить и оценить бесперспективность гонки вооружений, пойти на обоюдные сокращения ядерных вооружений. Это был исторический рубеж общественного развития XX в., и роль РВСН в его достижении первостепенная.

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 1992 г., № 466, были образованы Вооруженные силы Российской Федерации и в их составе Ракетные войска стратегического назначения, первым главнокомандующим которых был назначен генерал-полковник И.Д. Сергеев¹¹.

На пути своего становления российским Ракетным войскам стратегического назначения пришлось пережить сложный этап раздела единых стратегических сил бывшего СССР. В результате его распада группировка РВСН оказалась на территории четырех суверенных государств: России, Белоруссии, Казахстана и Украины. В 1992 г. в Лиссабоне руководителями этих государств и США был подписан протокол к Договору о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). В соответствии с протоколом Белоруссия, Украина и Казахстан стали участниками Договора и одновременно взяли на себя обязательство присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия от 1 июня 1968 г. как безъядерные державы. Также участники подтвердили право России на единое централизованное управление и контроль за ядерным оружием бывшего СССР¹². Таким образом, единственным государством, унаследовавшим ядерный статус от Советского Союза и сохранившим его в соответствии с международными договорами и соглашениями, стала Россия.

- ¹ Ракетным войскам стратегического назначения 40 лет: военно-исторический очерк. СПб.: ВКА им. А.Ф. Можайского, 1999. С. 12.
- ² Ивкин В.И. Ракетное наследство фашистской Германии // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 31.
- ³ Свири́н С.А., Симановский Р.В., Ушаков В.В. История создания и развития Военно-космических сил Российской Федерации: учебное пособие. СПб.: ВИКА им. А.Ф. Можайского, 1998. С. 7.
- ⁴ Ракетным войскам стратегического назначения... С. 15.
- ⁵ Военный энциклопедический словарь / Председатель Главной редакционной комиссии Н.В. Огарков. М.: Воениздат, 1983. С. 622.
- ⁶ Ракетным войскам стратегического назначения... С. 17.
- ⁷ Там же. С. 18.
- ⁸ Там же. С. 19.
- ⁹ Карпенко А.В. Российское ракетное оружие 1943–1993 гг. Справочник. СПб.: Пика, 1993. С. 8.
- ¹⁰ Ракетным войскам стратегического назначения... С. 21–22.
- ¹¹ Свири́н С.А., Симановский Р.В., Ушаков В.В. Указ. соч. С. 24.
- ¹² Ракетным войскам стратегического назначения... С. 8.

В.Н. Бенда (Санкт-Петербург)

ВКЛАД ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА КОРЧМИНА В РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В ОДНОЙ ИЗ СВОИХ предыдущих публикаций¹ мы указывали на тот факт, что деятельность одного из «бомбардиров Петра Великого», выдающегося русского артиллериста и конструктора, талантливого военного инженера XVIII столетия Василия Даниловича Корчмина, достаточно подробно освещена в отечественной историографии². Однако, на наш взгляд, тот вклад, который на протяжении первой половины XVIII в. внес В.Д. Корчмин в процесс формирования и развития отечественной военной науки и конструирование новых артиллерийских систем, требует дополнительного изучения и освещения.

Многогранность талантов Василия Даниловича — одного из ближайших сподвижников Петра Великого, изумляла его современников и вызывает уважение у современных историков и исследователей. Корчмин как один из пяти волонтеров Великого посольства прошел обучение «бомбардирскому искусству» сначала в Кенигсберге, а затем для «...усовершенствования в науке» переехал в Берлин³. 29 марта 1698 г. он так писал Петру I о своей учебе в Берлине: «О учении ...выучили марта по 20 день фейерверк и всю артиллерию, а что в артиллерии есть какие науки, и то известно милости твоей, а ныне учим тригонометрию. Мастер наш человек добрый и знает много, и нам указывал хорошо, только нам в том не полюбился, что просит с нас за ученье денег, а без платы перестал было и учить, и мы у него просили сроку о ведомости платежа за нас...»⁴

В.Д. Корчмин как «главный царский инженер» внес существенный вклад в развитие инженерного дела, строя в начале XVIII столетия новые и совершенствуя старые инженерные укрепления

и сооружения для защиты и обороны русских городов и крепостей. Например, в 1707 г. возникла необходимость усовершенствовать инженерно-артиллерийскую оборону Москвы, чтобы в случае надобности столица смогла выдержать длительную осаду неприятельских войск. Решение этой задачи было возложено на поручика Преображенского полка В.Д. Корчина⁵, являвшегося на тот момент обер-комендантом Украины, под руководством которого в 1706 г. была организована оборонительная линия между Смоленском и Брянском и произведено укрепление Брянска⁶.

Следует отметить, что, выполняя распоряжение царя о подготовке Москвы к обороне от шведов, В.Д. Корчин проявил не лучшие черты характера. Напомним лишь о том, что, пользуясь доверием Петра I, Корчин стал вмешиваться в управление Приказом артиллерии и, более того, даже пытался подчинить себе Я.В. Брюса, исполнявшего на тот момент обязанности главного начальника русской артиллерии. Корчин мотивировал свои поступки тем, что он якобы был уполномочен на такие действия специальным указом царя, что не соответствовало действительности⁷. Возник острый конфликт с Я.В. Брюсом, который был огорчен и оскорблен поведением В.Д. Корчина. Строительство Корчинным новых фортификационных укреплений обусловило настоящее разорение Нового пушечного двора, на котором, по его приказу, были снесены постройки, предназначенные для артиллерийско-инженерной школы и хранения артиллерийских и других припасов⁸. Я.В. Брюсу совместно с дьяком Приказа артиллерии Н.П. Павловым пришлось предпринимать довольно энергичные меры, чтобы восстановить Пушечный двор. Этот вопрос освещался в ранее опубликованной работе⁹.

В литературе и архивных документах имеется информация о многих других сферах деятельности Василия Дмитриевича, где он более послужил своему отечеству. В первую очередь, следует отметить его плодотворные занятия в области конструирования новых и совершенствования старых образцов артиллерийского вооружения и боеприпасов. Так, на начальном этапе Северной войны возникла необходимость создания более легких, чем имелись на вооружении, но в то же время мощных орудий полковой и полевой артиллерии. Предпосылкой этому послужил анализ потерь, понесенных русской армией в ходе отступления из-под Гродно в сторону Киева. Трудности совершения этого маневра — пересеченная местность, бездорожье, а также громоздкость

артиллерийских орудий — привели к тому, что из 103 артиллерийских орудий к Киеву сумели доставить только 40¹⁰. Стало очевидно, что усилия военно-технической мысли следует направить на создание более облегченных артиллерийских систем. Сравнительное улучшение весовых характеристик полевых артиллерийских орудий иллюстрирует таблица 1.

Табл. 1

Сравнительные данные веса полевых орудий 1701 и 1706 гг.¹¹

Пушки	Вес орудий с лафетами (пуд)	
	1701 г.	1706 г.
3-фунтовая (≈ 76 мм)	48	24
6-фунтовая (≈ 96 мм)	76	66
8-фунтовая (≈ 107 мм)	94	90

Более легкие артиллерийские орудия имели лучшие возможности для маневра на поле боя, что позволяло своевременно оказывать огневую поддержку пехоте и коннице. Как раз в решении данных технических вопросов нашел применение выдающийся талант русского инженера и артиллериста Корчмина.

Василий Дмитриевич руководил артиллерийской лабораторией в селе Преображенском, где в то время усовершенствовались старые орудия и лафеты и изобретались новые¹². Используя боевой опыт, приобретенный им в период Азовских походов в качестве бомбардира и в первые годы Северной войны, в 1706 г. В.Д. Корчмин предложил новую конструкцию 3-фунтовой полковой пушки с двумя 6-фунтовыми мортирками, расположенными на оси лафета между станинами и колесами¹³. Новая пушка была наполовину легче старой, несмотря на то что к ней были добавлены две 6-фунтовые мортирки. Из мортирок вели огонь гранатами, чем дополнялось картечное действие пушки. Как видно из таблицы 1, ее вес в боевом положении вместо 48 пудов составлял 24 пуда.

Для перевооружения полковой артиллерии новыми пушками повышенной огневой мощности было приказано изготовить 150 3-фунтовых пушек конструкции Василия Корчмина¹⁴. Из первых 30 пушек 20 отправили в Смоленск и 10 — в Петербург, для проведения испытаний их боевых качеств. Стрельбы показали хорошие результаты, поэтому в 1707 г. изготовили еще

51 пушку, эти орудия поступили на вооружение полков, расположенных в Киеве.

Обратим внимание на один немаловажный факт, касающийся изготовления лафетов к вновь отлитым пушкам. В данном вопросе имелись существенные разногласия между В. Корчиным и его давним оппонентом. Я.В. Брюса как исполняющего обязанности генерал-фельдцейхмейстера беспокоила проблема надежности и прочности артиллерийских лафетов, качество изготовления которых вызывало справедливые нарекания у артиллерийских чинов. Повышенные требования к качеству и надежности изготавливаемых на Пушечном дворе артиллерийских лафетов и станков неоднократно высказывались Я.В. Брюсом дьяку Приказа артиллерии Н.П. Павлову. Внимание последнего обращалось на то, что лафеты к пушкам изготовлены по образцам, которые были присланы в Москву из Киева в конце 1706 г., а не по чертежам В.Д. Корчина. Главный недостаток изобретения Корчина — значительно более низкие колеса¹⁵. В одном из писем Брюса на имя Павлова по этому поводу прямо сказано, что Корчин дал указание, чтобы на Московском Пушечном дворе «...колеса у станков делались ниже. И ты оного отнюдь чинить не вели, а делать вели так, как начаты по присланному образцу из Киева...»¹⁶

Л.К. Маковская и С.В. Ефимов обращают внимание на тот факт, что спор между В.Д. Корчиным и Я.В. Брюсом по поводу размеров колес лафетов был обусловлен их различным подходом к проблеме повышения боеспособности русской артиллерии. Первый из них стремился всеми способами облегчить вес системы для того, чтобы сделать артиллерию более маневренной. А второй, человек широко образованный, прекрасно разбиравшийся в вопросах артиллерийского искусства, безусловно понимавший необходимость увеличения маневренности артиллерии на поле боя, на тот момент считал главным надежность материальной части¹⁷.

В.Д. Корчин предложил новую конструкцию 6-фунтовой медной мортирки, которая предназначалась для вооружения гренадерских и драгунских полков с целью усиления ружейного огня пехоты и конницы¹⁸. В 1706 г. было отлито и отправлено в Смоленск для испытания 20 таких мортирок. Проверка их боевых качеств показала хорошие результаты, и они нашли себе широкое применение. В 1706 г. было изготовлено для действующей

армии 96 мортирок. В осаде Выборга использовалось 190 мортирок, и в Прутском походе 1711 г. — 93 мортирки. Они применялись как на станках, так и на легких переносных треногах — для ведения огня из траншеи, во время осады крепостей или из укрепленного лагеря в полевом бою¹⁹.

В 1707 г. при участии исполняющего обязанности генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса и поручика В.Д. Корчмина проводились опыты по отысканию наилучшей формы зарядной каморы орудийного ствола, направленные на повышение дальности стрельбы артиллерийских орудий и в особенности ½-пудовой гаубицы, состоявшей на вооружении конной артиллерии. Короткая ½-пудовая гаубица (примерный аналог современного артиллерийского орудия калибра 152 мм) с цилиндрической каморой и весом в 76 пудов обладала навесной траекторией, ввиду чего действие снаряда по войскам, расположенным в линейном боевом порядке, было не всегда эффективным. Кроме того, эта гаубица имела небольшую дальность стрельбы. Необходимо было создать такое орудие для конной артиллерии, которое бы обладало сравнительно большой дальностью стрельбы, могло стрелять всеми видами снарядов и имело более настильную траекторию. В результате проведенных опытов была сконструирована чугунная гаубица длиной 10 калибров (соотношение длины с калибром, т. е. результат деления длины орудия на его калибр), зарядной каморой в виде так называемой «бутель камора» (полость в задней (казенной) части ствола артиллерийского орудия, куда при зарядании помещался снаряд и пороховой заряд). Камора имела овальное дно и к казенной части была шире, а к вертлюжной — уже. Однако, продолжение опытов показало, что «бутель камора» имела тот недостаток, что при стрельбе узкая часть каморы у вертлюжной части ствола (на вертлюжной части артиллерийских орудий располагались цапфы, с помощью которых ствол орудия соединялся с лафетом) быстро выгорала и камора постепенно становилась цилиндрической, т. е. такой же, какой она была у коротких ½-пудовых гаубиц. Опыты убеждали, что наилучшей формой зарядной каморы для гаубиц будет коническая или, как указывал Я.В. Брюс, «...частью из цилиндрической и частью же из конуса или пораболы составленная»²⁰.

В орудиях с цилиндрической зарядной каморой и безкаморных, имевшийся зазор между ядром и стенками канала ствола не обеспечивал максимальное использование силы пороховых газов.

Орудия же с конической зарядной камерой имели то преимущество, что они были просты в зарядании и позволяли снаряду лучше центрироваться в канале ствола. При этом зазор между снарядом и стенками канала ствола был меньше. Этим предотвращался прорыв пороховых газов во время воспламенения порохового состава в зарядной камере и повышалась кучность боя орудий.

Было решено заменить у длинной чугунной десятикалиберной гаубицы зарядную камору в форме «бутель каморы» на коническую. В новой ½-пудовой гаубице длиной 10 калибров, имевшей коническую зарядную камору, удачно сочеталась рациональная длина канала ствола с конической зарядной камерой. В результате удлинения ствола гаубица стала тяжелее на 10 пудов, но она обладала более настильной траекторией, имела большую дальность стрельбы, чем короткая ½-пудовая гаубица, и более мощное картечное действие. Артиллеристы драгунских полков и бомбардирской роты гвардейского Преображенского полка высоко оценили ее боевые качества²¹.

Следует отметить, что производство длинных гаубиц с конической зарядной камерой в то время являлось довольно сложным, что ограничивало их выпуск. На вооружении армии состояло небольшое количество таких систем. Потребности в длинных ½-пудовых гаубицах с конической зарядной камерой на первых порах удовлетворялись за счет рассверливания старых 6-фунтовых пушечных стволов образца 1706 г. весом 30 пудов и длиной 17 калибров до ½-пудового калибра. Цилиндрическая зарядная камора в пушечных стволах переделывалась на коническую.

На опытных стрельбах рассверленная длинная 6-фунтовая пушка (длиною 23 калибра) при стрельбе ядрами и картечью показала лучшие результаты, чем 6-фунтовая короткая пушка. Так, например, предельная дальность стрельбы картечью из короткой 6-фунтовой пушки была 850 м, из длинной рассверленной — 1007 м, а при стрельбе ядрами рассверленная длинная пушка стреляла «гораздо далее»²². Сложность изготовления длинных гаубиц, а также большой их вес (86 пудов ≈ 1400 кг) стали причиной того, что вскоре эти системы были вытеснены 3-фунтовыми полковыми пушками конструкции В.Д. Корчмина, удачно сочетавшими в себе действие ядрами, картечью и гранатами и весившими всего 24 пуда (≈ 390 кг).

Другие опытные разработки В.Д. Корчмина в конструировании новых образцов артиллерийских систем также не пропали

даром. Например, достижения русской военно-технической мысли в производстве и боевом применении длинных гаубиц с конической зарядной камерой в сухопутных войсках могли стать достоянием Военно-морского флота. На это указывает в своем труде А.В. Кирюхин, который пишет, что спустя какое-то время длинная гаубица поступила на вооружение Военно-морского флота. Инициатором этого являлся сам Петр I. Сохранились фрагменты переписки царя с генерал-фельдцейхмейстером Я.В. Брюсом в начале 1709 г. В одном из своих писем Я.В. Брюс докладывал, что «...о начертании параболической каморы, таже о переложении каморы цилиндрической, которое управлю, как буду в постоянном месте, и пришло к Вашему Величеству»²³. По всей видимости, Петр I в результате своих размышлений о лучшей конструкции эффективной каморы пришел к выводу, что лучшая ее форма — коническая. По решению Петра, длинная гаубица использовалась как фальконет (тип артиллерийского орудия на флоте калибром от 45 до 65 мм) на флоте (длина ее оставалась прежней, а зарядная камера делалась конической). Эти орудия, отличавшиеся хорошим боем, поставлялись на галеры и малые фрегаты²⁴.

Этот факт может свидетельствовать о том, что наряду с Я.В. Брюсом и В.Д. Корчминым созданием новых артиллерийских орудий и усовершенствованием их конструкции занимался и сам Петр I. На наш взгляд, подтверждением этому может служить донесение Я.В. Брюсу, направленное ему в январе 1711 г. обер-комиссаром Приказа артиллерии подполковником Е.П. Зыбиным, в котором он сообщал об отливке в Москве 12-фунтовой пушки, изготовленной по чертежу, присланному от Петра I²⁵. Царь живо вникал в другие технические детали производства артиллерийского вооружения. Например, он был очень доволен полученным в начале 1712 г. от Я.В. Брюса сообщением о том, что тому удалось приобрести в Нюрнберге рецепт литья иковки стали²⁶. Это позволяло улучшить технические возможности изготовления металла, используемого не только для производства вооружения, но и для удовлетворения других нужд государства.

Следует отметить, что конструкция длинной гаубицы с конической зарядной камерой представляет интерес потому, что в последующем большое сходство в конструкции с ней имели русские единороги («шуваловские единороги»), принятые на вооружение отечественной артиллерии в конце 50-х гг. XVIII в.

Данный факт свидетельствует о преемственном и творческом подходе русской военно-технической и военно-теоретической мысли к усовершенствованию отечественного артиллерийского вооружения и боеприпасов к нему.

Напомним лишь некоторые примечательные факты из дальнейшей служебной деятельности В.Д. Корчмина. В 1714 г. он назначен вместо Г.Г. Скорнякова-Писарева капитаном бомбардирской роты Преображенского полка, которая принимала активное участие в боевых действиях против шведов на территории Финляндии. В то время в состав металла, из которого отливались стволы артиллерийских орудий, входила так называемая «красная медь», которая очень высоко ценилась и в которой ощущалась острая нужда. Подтверждением тому, что красная медь высоко ценилась, служит интересный факт, как раз связанный с личностью самого В.Д. Корчмина. В январе 1715 г. в соответствии с указом Петра I генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс приказал: «...Преображенского полка бомбардиров капитан-поручику Василию Корчмину выдать за взятую в шведской крепости Нейшлоте медь с пушками» денежную премию в 300 р., а потом еще 50 р.²⁷

Помимо этого Василий Дмитриевич руководил командой артиллеристов бомбардирской роты, насчитывавшей более 140 человек²⁸, которые занимались подготовкой и проведением колоссального фейерверка, произведенного в Петербурге 22 октября 1721 г. в течение двух часов — в честь окончания Северной войны и провозглашения Петра I императором.

28 января 1725 г., после кончины Петра Великого, был обнародован манифест от Синода совместно с Сенатом и генералитетом «О кончине императора Петра I и о вступлении на престол императрицы Екатерины I»²⁹, который среди прочих 19 сановников и духовных лиц подписал и Василий Корчмин. Однако вскоре он отошел от дел. В постпетровское время нельзя найти никаких упоминаний о его служебной деятельности. Это произошло по его собственной воле или нет, мы можем судить лишь по некоторым косвенным данным.

Имеется несколько личных обращений Василия Дмитриевича к «набиравшему тогда силу» генерал-лейтенанту Б.Х. Миниху. В октябре 1726 г. бригадир (воинский чин, введенный Петром I, который был выше полковника, но ниже генерал-майора) В.Д. Корчмин, как нам кажется в уничижительной

форме — «Превосходительный господин, господин генерал-лейтенант, мой особливый благодетель...»³⁰, обратился к Миниху по поводу одного из своих родственников, некоего Александра Хлопова. Напомним, что В.Д. Корчмин — это офицер и ветеран Северной войны, сподвижник Петра I, человек, имевший огромные и неоспоримые заслуги перед Отечеством. Б.Х. Миних к тому моменту находился на русской службе около пяти лет, ни одного дня не принимал участия в Северной войне и пока еще ничего существенного не сделал для пользы Российского государства — разве что начал руководить строительством Ладожского канала — но уже имел чин генерал-лейтенанта.

В связи с этим обратим внимание на изменение поведения В.Д. Корчмина по отношению к вышестоящим должностным лицам. Вспомним его конфликты и даже ссоры с Я.В. Брюсом, которые очень усложняли и без того трудную обстановку, в которой Я.В. Брюсу приходилось управлять артиллерийским ведомством и решать вопросы снабжения армии необходимым вооружением, боеприпасами и другим снаряжением в самый разгар Северной войны. Довольно дерзкое и вызывающее поведение Корчмина по отношению к Я.В. Брюсу иллюстрирует, например, такой факт. В мае 1707 г. Я.В. Брюс информировал А.Д. Меншикова о том, что Корчмин — по его словам — якобы назначен главным (в документе «высшим») офицером при артиллерии и поэтому требует подчинения себе как Приказа артиллерии, так и передачи ему дел от Я.В. Брюса. На другой день Корчмин уже в приказном порядке потребовал от Брюса, чтобы тот прислал к нему кого-нибудь из дворян — ответственного за артиллерийских лошадей³¹. Ну и, конечно же, совсем уж мелкой мстостью исполняющему обязанности генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюсу, сумевшему отстаивать свои права, выглядит распоряжение В.Д. Корчмина «отломать» крыльцо у Приказа артиллерии по самый «рундук, что у генных дверей»³². Л.К. Маковская и С.В. Ефимов по этому поводу иронично замечают, что, вероятно, таким образом «талантливый фортификатор» намеревался превратить Приказ артиллерии в неприступную для шведов крепость³³.

Конечно же, вышеприведенные факты не красят Василия Дмитриевича и характеризуют его как склочного и мелочного человека. В то же время В.Д. Корчмин являлся не только конструктором новых артиллерийских систем, но и одним из основателей отечественного ракетостроения, изобретателем огнемета,

участвовал в создании отечественного военно-морского флота и в его боевом оснащении (например, создание «плутонга» для галер). Тот факт, что заслуги Корчмина перед российским государством не были достойно оценены его современниками, вызывает только чувство сожаления.

В заключение скажем, что в конце ноября 1726 г. Василию Дмитриевичу был присвоен чин генерал-майора, и мы уже наблюдаем совершенно другой тип обращения Корчмина все к тому же Миниху, и опять же по поводу его родственника — Александра Хлопова. Теперь уже письмо Миниху в марте 1727 г. начинается со слов: «Превосходительный высокоблагородный господин»³⁴, а в конце декабря 1728 г. Василий Дмитриевич обращается к Миниху уже просто как «ваше высокоблагородие», но заканчивает свое письмо фразой, что за удовлетворение его просьбы «...вашему высокоблагородию со всей моей покорностью отслужить обещаюсь»³⁵. Кстати, из вышеизложенного видно, что А.В. Кирюхин в своем труде допустил неточность, указав, что, якобы, звание (чин) генерал-майора В.Д. Корчмину присвоил Петр I после завершения так называемого Персидского похода русской армии (1722–1723)³⁶.

¹ Бенда В.Н. Деятельность В.Д. Корчмина по осуществлению комплекса мероприятий инженерно-артиллерийской обороны Москвы в 1707 г. // Альманах современной науки и образования. 2014. № 10. С. 33–48.

² Азанчевский М.П. История Лейб-гвардии Преображенского полка. М.: Тип. Каткова и Ко, 1859. С. 68, 127, 133–135, 208; История отечественной артиллерии. Т. I. Кн. 2. М.: Центральная типография МО, 1960. С. 24–28; Кирюхин А.В. Бомбардир Петра Великого: историко-литературный розыск о деяниях одного из «птенцов гнезда Петрова», выдающегося русского артиллериста, конструктора и военного инженера XVIII века Василия Корчмина. М.: АГРАФ, 2001. 445 с.

³ Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Прил. к I т. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1900. С. 206.

⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Том первый (1688–1701). СПб.: государственная типография, 1887. С. 715.

⁵ Журнал, или Поденная записка блаженной и вечно достойной памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадского мира. Ч. I. СПб.: при императорской академии наук, 1770. С. 158.

⁶ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. III. Письма Я.В. Брюса (1707 год). СПб.; Щелково, 2006. С. 240.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. 1 (Приказ артиллерии). Д. 33. Л. 629 об.

- ⁹ Бенда В.Н. Указ. соч. С. 33–48.
- ¹⁰ История отечественной артиллерии. Т. I. Кн. 2. С. 24.
- ¹¹ Там же. С. 25.
- ¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 197.
- ¹³ Там же. Д. 9. Л. 375, 419.
- ¹⁴ Там же. Л. 436.
- ¹⁵ Там же. Д. 33. Л. 743–744.
- ¹⁶ Там же. Л. 732.
- ¹⁷ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. III. С. 19–20.
- ¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 288–289.
- ¹⁹ История отечественной артиллерии. Т. I. Кн. 2. С. 26.
- ²⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 8–9.
- ²¹ Гишпиус В.И. Лейб-гвардии бомбардирская рота в царствование императора Петра Великого. Исторический очерк. СПб.: Государственная типография, 1883. С. 156.
- ²² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 453.
- ²³ Кирюхин А.В. Указ. соч. С. 332.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 131. Л. 335.
- ²⁶ Там же. Д. 147. Л. 71.
- ²⁷ Там же. Д. 179. Л. 7.
- ²⁸ Азанчевский М.П. Указ. соч. С. 133–135.
- ²⁹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. 1-е собр. Т. 7 (1723–1727). СПб.: типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. № 4643. С. 410.
- ³⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 47. Л. 13.
- ³¹ Там же. Оп. 1. Д. 33. Л. 31–32.
- ³² Там же. Л. 695 об.
- ³³ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. III. С. 23.
- ³⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 47. Л. 21.
- ³⁵ Там же. Л. 341.
- ³⁶ Кирюхин А.В. Указ. соч. С. 441.

*Л.А. Бобров (Новосибирск),
Вс.Н. Образцов (Санкт-Петербург)*

ШЛЕМ-«СУБУРГАН» ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В КОЛЛЕКЦИИ ОТДЕЛА «Арсенал» Государственного Эрмитажа хранится оригинально оформленный железный шлем (инв. № В.О.-1237), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных оружейников, археологов и военных историков (ил. 1)¹. Шлем поступил в Императорский Эрмитаж в составе собрания Царскосельского Арсенала в 1885–1886 гг. К сожалению, источник поступления наголовья в коллекцию Николая I не известен. Однако данный артефакт уже находился в собрании Арсенала на момент публикации первого каталога в 1840 г.

С самого начала своей «музейной» жизни шлем определялся как монгольский. Именно таким образом он был атрибутирован в каталоге первого хранителя коллекции ЦСА К. Сэджера². Так же этот предмет значится и в последующих описях и инвентарных книгах 1860-х гг., 1874–1876 гг., рубежа XIX–XX вв., 1950 г. До сегодняшнего дня он не становился объектом специального научного исследования.

Целью настоящей статьи является введение наголовья с инв. № В.О.-1237 из ГЭ в научный оборот, описание его конструкции и системы оформления, а также датировка и атрибуция.

По материалу изготовления шлем (инв. № В.О.-1237) относится к классу железных, по конструкции тульи — к отделу клепанных, по форме купола — к типу сфероцилиндрических. Общая высота наголовья — 26 см, диаметр лобно-затылочный — 20,5 см, диаметр височный — 21,5 см. Толщина пластин тульи колеблется от 0,63 мм до 1,01 мм. Вес шлема (вместе с наушами и назатыльником) — 1,075 кг.

Тулья шлема склепана из четырех пластин-секторов, имеющих S-образное сечение. Благодаря подобному технологическому приему шлем, в собранном виде, приобретает характерный сфероцилиндрический силуэт. Стыки секторов тульи прикрыты узкими накладками с ровным краем и ярко выраженным продольным ребром жесткости, выполненным в виде невысокого уплощенного валика. В месте изгиба пластин тульи накладки резко сужаются, доходя почти до края ребра. Ширина накладок в нижней части колеблется от 1,4 см до 1,7 см; в центральной части — от 1,2 до 1,6; в верхней части составляет 0,7–0,8 см. Толщина ребер жесткости — 0,36–0,46 см. Накладки крепятся к шлему с помощью двух пар заклепок, расположенных в нижней и верхней части железной полосы.

Ил. 1. Шлем, инв. № В.О.-1237, ГЭ
(фотография К.В. Синявского)

Конструктивно накладки выполняют двойную функцию. С одной стороны, они прикрывают стыки пластин тульи — наиболее уязвимые места купола шлема (при этом рельефные валики играют роль ребер жесткости). С другой стороны, накладки соединяют и фиксируют пластины тульи между собой. Плоскости накладок и пластин-секторов снабжены симметричными сквозными отверстиями, в которые вставлены заклепки, головки которых расклепаны на поверхности накладок и внутренней стороне купола шлема соответственно, что обеспечивает всей конструкции необходимую жесткость.

Дополнительным фиксатором пластин тульи выступает комбинированное навершие, состоящее из подвершия,

трубки-втулки для плюмажа и четырех гвоздеобразных штырей (ил. 2).

Составное подвесье (пластина-основание наверхия) имеет «крышкообразную» форму. Высота подвесья — 1,18 см, диаметр — 3,68 см. Поверх вертикального железного бортика приклепан обрuch из медного сплава (ширина — 0,65 см). Четыре заклепки с округлыми шляпками соединяют подвесье, декоративный обрuch и пластины тульи между собой. По центру подвесья пробито сквозное отверстие, в которое вставлена граненая трубка-втулка для плюмажа (высота — 4,3 см, диаметр в нижней и верхней части: 0,68 см). Примерно по центру втулки расположено шаровидное «яблоко» (диаметр — 0,67 см) в обрамлении двух выпуклых «валиков» (ширина — 0,18 см). Наряду с втулкой, в плоскость подвесья вставлены четыре гвоздеобразных штыря (длина — 3,4 см, диаметр — 0,45 см).

Еще одним фиксатором пластин тульи служит узкий выпуклый железный обод, опоясывающий шлем по его нижнему краю (ширина обода на разных участках колеблется от 0,61 до 0,7 см). Особо отметим, что обод является составным и проходит по всему периметру шлема, включая пространство под козырьком. Элементы обода приклепаны к тулье с помощью железных заклепок.

К налобной части шлема прикреплен «коробчатый» козырек, состоящий из горизонтальной полукруглой «полки» и вертикального «щитка» (ил. 3). Козырек крепится к тулье с помощью железных заклепок, вбитых в боковые лопасти «щитка». Длина козырька — 13,2 см, ширина — 2,1 см.

Ил. 2. Наверхие шлема, инв. № В.О.-1237, ГЭ (фотография К.В. Синявского)

Защита ушей, щек и шеи состоит из пары массивных железных наушей и назатыльника.

Науши представляют собой кованые пластины подпрямоугольной формы со слабовыпуклым профилем (высота — 14 см, ширина — 10 см). Верхний край наушей — ровный, нижний — ок-

Ил. 3. Козырек шлема, инв. № В.О.-1237, ГЭ (фотография К.В. Синявского)

руглый. В нижней части пластин пробиты сквозные отверстия, возможно служившие для крепления подбородочных ремней или матерчатой подкладки. В настоящее время науши крепятся к тулье с помощью металлических заклепок и полос кожи.

Назатыльник шлема представляет собой цельнокованую слабовыпуклую железную пластину трапециевидной (почти квадратной) формы. Высота — 11,6 см, ширина — 11,3 см в верхней и 11,9 см в нижней части. Как и науши, назатыльник крепится к тулье с помощью заклепок и полосы выделанной кожи.

Вдоль нижнего края тульи шлема (несколько выше обода) пробиты восемь сквозных отверстий, в четырех из них сохранились петли из медного сплава. Пропущенные сквозь отверстия «усики» расклепаны по плоскости внутренней стороны купола шлема. Наличие отверстий и петель позволяет предположить, что шлем мог иметь альтернативную систему защиты ушей и шеи в виде бармицы с кольчатой, пластинчато-нашивной или иной структурой бронирования. Не исключено, что науши и назатыльник представляют собой позднейшие добавления, подвешенные к шлему на завершающих этапах его эксплуатации в качестве боевого наголовья или даже позднее, в период его нахождения в собрании Царскосельского Арсенала.

Наголовье, инв. № В.О.-1237, из собрания ГЭ может быть датировано и атрибутировано на основании особенностей конструкции и системы оформления тульи и шлемовых элементов.

Клепанные сфероцилиндрические («кувшинообразные», «вазообразные») шлемы с четырехчастной тульей³ являются достаточно популярной разновидностью боевых наголовий номадов

Центральной Азии эпохи позднего средневековья и раннего Нового времени. Для более ранних исторических периодов подобные шлемы, в целом, нехарактерны⁴.

Наряду с тульей, важным датирующим признаком шлема является «коробчатый» козырек, состоящий из «полки» и «щитка». Подобные козырьки представляют собой одну из основных форм защиты лица на боевых и парадных наголовьях состоятельных кочевников Центральной Азии XV–XVIII вв.⁵

Часто встречающимся элементом конструкции монгольских и ойратских шлемов позднего средневековья и раннего Нового времени также являются железные трубки-втулки для плюмажа, украшенные шаровидным «яблоком» в обрамлении выпуклых поясков⁶. Подобный тип держателя плюмажа является типичным для сфероцилиндрических шлемов указанного исторического периода⁷.

По совокупности признаков, наголовье из Государственного Эрмитажа может быть отнесено к особой группе шлемов, которая в настоящее время насчитывает 14 экземпляров, хранящихся в музейных и частных коллекциях России, Казахстана, Монголии, Китая, США и других стран⁸. Отличительной особенностью данных наголовий является характерная сфероцилиндрическая туля, склепанная из S-образных в сечении пластин-секторов. Стыки последних прикрыты широкими или (реже) узкими накладками с ровным краем. Практически обязательным элементом оформления является более или менее широкий обруч, а также «коробчатый» козырек. В тех случаях, когда шлем сохранил навершие, оно всегда состоит из плоского крышкообразного основания (подвершия), трубки-втулки для плюмажа и ряда дополнительных элементов (как правило, стилизованных изображений бутонов восьмилепесткового лотоса). Все сфероцилиндрические шлемы данного типа соотносятся с комплексом вооружения ойратов XVI – середины XVIII вв.⁹

Отмечая несомненную «генетическую» близость рассматриваемого наголовья из ГЭ к другим шлемам указанной серии, фиксируем некоторые особенности его конструкции и системы оформления.

В отличие от большинства других сфероцилиндрических наголовий, стыки пластин тульи шлема В.О.-1237 прикрыты узкими рельефными накладками с ребрами жесткости. Вместо широкого и плоского обруча, его тулью опоясывает узкий и выпуклый

обод, склепанный из нескольких элементов. «Щиток» козырька шлема В.О.-1237 — гладкий и лишен вертикального ребра жесткости по центру, благодаря чему козырек имеет полуовальную, а не подтреугольную, или пятиугольную форму, характерную для классических «кувшинообразных» наголовий¹⁰. Декоративное оформление навершия шлема из Эрмитажа, по сравнению с его аналогами, более лаконично: на бортике крышковидного подвершия и по краю раструба втулки отсутствуют остроугольные фестоны, число «яблоч» уменьшено до одного. А вместо более или менее тщательно выполненных объемных бутонов, символизирующих восьмилепестковый лотос, в подвершие шлема вставлены остроугольные «гвозди». В то же время навершие шлема В.О.-1237 имеет ряд дополнительных украшений, которые отсутствуют у других наголовий «серии»: его плюмажная трубка покрыта продольными гранями, а поверх бортика подвершия приклепан обруч из медного сплава. Также отметим, что по сравнению со многими классическими «кувшинообразными» шлемами из собраний ММК, ТГИАМЗ, ЦГМРК, Музея искусств Метрополитен и других цилиндрическая часть тульи шлема В.О.-1237 отличается зауженными укороченными пропорциями¹¹. Эти и другие особенности конструкции и системы оформления позволяют предположить, что шлем из ГЭ несколько моложе большинства своих сфероцилиндрических аналогов. Наиболее вероятной датой его изготовления следует считать вторую половину XVII — середину XVIII вв.

Эпоха позднего средневековья и раннего Нового времени являлась важным этапом в истории развития комплекса защитного вооружения монголоязычных народов Центральной Азии. Правители Ойратии и Халхи XVI — середины XVIII вв. прикладывали значительные усилия для увеличения количества конных латников в своих войсках. Данная задача решалась за счет комплексного подхода, когда продукция местных мастеров «куяшно-го дела» дополнялась массовым импортом панцирей и шлемов с территории Южной Сибири. Кроме того, в 1640 г., по результатам съезда монгольской и ойратской знати, на податное кочевое население была наложена новая повинность по изготовлению защитного вооружения. Две семьи из каждой общины в 40 кибиток должны были «делать латы». Даже частичное внедрение подобной меры существенно увеличивало количество панцирей, поставляемых в войска. Так, например, только номады Джунгарии

(численность населения 200 тыс. «кибиток») могли передавать в армию своего правителя-*хунтайджи* до 10 тыс. панцирей в год. В первой половине XVIII в. в той же Джунгарии были созданы государственные оружейные мануфактуры, на которых трудились местные и иностранные мастера, а также мобилизованные для отработки государственной барщины рядовые кочевники¹².

Проводимая политика дала свои результаты. На протяжении рассматриваемого периода фиксируется постепенный рост числа панцирников-«куяшников» в войсках центральноазиатских правителей. Согласно данным письменных источников, численность всадников в доспехах в армиях кочевников региона обычно колебалась от 10 до 50 % от общего числа воинов. Для повышения устойчивости войск в ближнем бою конные латники нередко сводились в отдельные ударные («куяшные») отряды, насчитывавшие от нескольких сотен до нескольких тысяч панцирников¹³.

Важное значение имел и тот факт, что количественные изменения сопровождались качественным сдвигом. На XVI — первую половину XVIII вв. приходится расцвет центральноазиатского панцирного комплекса, отличного как от дальневосточных, так и от среднеазиатских образцов. По своему видовому и типовому разнообразию он значительно превосходил комплексы защитного вооружения кочевников региона в другие исторические периоды¹⁴. Яркой оригинальной разновидностью боевых наголовий ойратских кочевников указанного периода следует считать и сфероцилиндрические шлемы, в том числе и рассматриваемый в настоящей работе.

Здесь необходимо, хотя бы кратко, остановиться на причинах появления шлемов столь необычной формы в комплексе вооружения ойратских (джунгарских, калмыцких и др.) воинов эпохи позднего средневековья и раннего Нового времени.

Как показали экспериментальные испытания, сфероцилиндрическое наголовье не имеет каких-то ярко выраженных функциональных преимуществ перед своими сфероконическими или полусферическими аналогами. Более того, сильные рубящие горизонтальные удары по вытянутой цилиндрической тулье создавали дополнительные риски для хозяина «кувшинообразного» шлема¹⁵. Тем не менее, сфероцилиндрические наголовья продолжали активно применяться состоятельными ойратами, воевавшими на территории Восточной Европы, Средней и Центральной Азии¹⁶. В чем же причина данного военно-исторического феномена?

В первую очередь необходимо отметить, что основное функциональное преимущество сфероцилиндрического шлема является оборотной стороной его главного технологического недостатка. Шлем с высокой вытянутой тульей, увенчанной длинной трубкой-втулкой с плюмажом из лент или перьевого султана, был хорошо заметен на поле боя. В ходе динамичного конного сражения подобный шлем помогал воинам подразделения быстро определить местоположение своего командира, что, вероятно, облегчало управление войсками во время битвы¹⁷.

Однако, на наш взгляд, факт появления шлемов сфероцилиндрической формы был обусловлен не только (а возможно, и не столько) технологическими и функциональными, но и культурно-религиозными причинами. Во второй половине XVI — начале XVII вв. среди монголоязычных кочевников Центральной Азии стремительно распространяется буддизм, что приводит к важным изменениям как в духовной жизни, так и в материальной культуре номадов¹⁸. Буддийской символикой начинают все чаще дополняться не только повседневный и парадный костюм, но и предметы защитного вооружения кочевников. До нашего времени дошли многочисленные монгольские и ойратские шлемы и панцири, покрытые буддийскими мантрами, символами «Триратна» («Три драгоценности»), изображениями Будды, докшитов, цветка лотоса, ваджр, свастики, буддийских ступ и др.¹⁹ В некоторых случаях отдельные конструктивные элементы наголовий и корпусных доспехов также изготавливались в виде буддийских символов. Так, например, фиксаторы бармицы на ойратском шлеме ГИН 148 из собрания Акмолинского областного историко-краеведческого музея (Кокшетау, Республика Казахстан) выполнены в форме А-образных пластинок, символизирующих санскритский слог «та»²⁰. Схожим образом были оформлены и сотни металлических накладок панцирных пластин джунгарского доспеха из собрания МАЭС ТГУ²¹. Крайним проявлением данной тенденции стало стремление придать боевому наголовью форму головного убора буддийского священнослужителя. В. Бехаймом был опубликован клепаный ойратский шлем, хранящийся в Музее Польди-Пеццоли (Милан, Италия), изготовленный в виде колпака буддийского ламы²².

Нам представляется, что феномен сфероцилиндрических шлемов следует рассматривать именно в этом «религиозно-оружейном» контексте. Проведенный анализ показал, что

Ил. 4. Буддийские ступы, XVIII в., монастырь Эрдэни-Дзу, г. Хархорин, аймак Уверхангай, Монгольская Народная республика

силуэт сфероцилиндрических наголовий в значительной степени повторяет контур традиционной буддийской ступы (монг. «субарга(н)», «суварга», калмыц. «субурган») — одного из важнейших символов «желтой веры» (ил. 4). В буддийской иконографии ступа символизирует «созидательную способность и незыблемость Учения», а также служит «...одним из семантических заместителей образа Будды»²³. При подобной интерпретации полусферическая часть тульи будет соответствовать полусферической части ступы, так называемой «вазе», символизирующей семь ветвей Пробуждения: глубокой внимательности, глубокому распознаванию явлений, глубокому усердию, глубокой радости, глубокому навыку, глубокой медитации и глубокой уравновешенности. В то же время цилиндрическая часть тульи будет соответствовать «Древу жизни», символизирующему различные аспекты мудрости Будды.

Первичное сопоставление декоративного оформления поверхности ступ (в частности, «ступы лотоса») с узорами и орнаментами на поверхности некоторых сфероцилиндрических шлемов подтвердило данное предположение. Весьма вероятно, что необычный для боевых наголовий сфероцилиндрический купол

шлема, напоминающий форму буддийской ступы, должен был защитить его владельца как от оружия противника, так и от вражеского магического воздействия.

Данное предположение позволяет уточнить наиболее вероятные хронологические рамки времени изготовления большинства сфероцилиндрических шлемов рассматриваемой серии. Возможная нижняя граница изготовления шлема локализуется временем распространения буддизма среди ойратов, т. е. 10-ми гг. XVII в.²⁴, а верхняя — серединой XVIII в., когда ремесленные мастерские Джунгарии были разрушены цинскими, кокандскими и казахскими войсками, а традиция массового изготовления оригинального защитного вооружения в Волжской Калмыкии сошла на нет²⁵.

В то же время, отметим, сфероцилиндрические шлемы могли применяться и позднее указанной даты. Так, например, их могли использовать ойратские воины, включенные в состав дружин казахских и узбекских правителей после разгрома Джунгарии и откочевки большей части волжских калмыков в Центральную Азию в 1771 г.²⁶ В пользу данной версии свидетельствует изображение изображения сфероцилиндрического шлема в качестве купола одного из казахских (?) мавзолеев с территории Западного Казахстана²⁷.

Таким образом, проведенный типологический анализ позволил уточнить датировку и атрибуцию шлема В.О.-1237 из собрания Государственного Эрмитажа. Установлено, что шлем входит в состав большой группы ойратских сфероцилиндрических («кувшинообразных», «вазообразных») наголовий, датированных периодами позднего средневековья и раннего Нового времени. Весьма вероятно, что при изготовлении шлемов столь необычной формы ойратские мастера вдохновлялись образом буддийской ступы (калмыц. «субурган»). Особенности конструкции и системы оформления позволяют предположить, что рассматриваемый образец защитного вооружения был изготовлен калмыцкими или джунгарскими оружейниками во второй половине XVII — середине XVIII вв. В качестве боевого наголовья шлем мог применяться и в более поздний период.

Список сокращений

ГЭ — Государственный Эрмитаж

МАЭС ТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета

ММК — Музеи Московского Кремля

ТТИАМЗ — Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

ЦГМРК — Центральный государственный музей Республики Казахстан

ЦСА — Царскосельский Арсенал

¹ Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

² Каталогъ редкаго, стариннаго и восточнаго оружія, хранящагося въ Собственноѣ Его Императорскаго Величества Арсеналъ въ Царскомъ Селе: В 2-х ч. СПб., 1840. Ч. I. С. 165, № 163.

³ Накладки, прикрывающие стыки пластин тульи классических сфероцилиндрических шлемов, настолько широки, что по своим размерам практически не уступают основным пластинам-секторам, образующим купол наголовья. По данной причине тулья сфероцилиндрических шлемов нередко определяется как восьмипластинчатая (Бобров, Худяков, 2003: 144, 145; Бобров, Худяков, 2008: 440–445).

⁴ Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // *Islamic Arms and Armour*. L., 1979. P. 52–59; Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 262; Его же. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. С. 187–194; Его же. Армии монголо-татар X–XIV вв. Военское искусство, снаряжение, оружие. М.: «Вост. горизонт», 2002. С. 75–78; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI — начала XVIII вв. // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т; Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. С. 144; Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкитап, 2007. С. 153, рис. 131, 7; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика... С. 440–445, 459–461.

⁵ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Боевые наголовья кочевников... С. 145; La Rocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: Yale University Press, 2006. P. 73–79, 88, 91; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика... С. 418, 426, 432, 440–444, 446, 447, 450–452; Анисимова М.А. Оружие Востока XV — первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. С. 276, 277; Ахметжан К.С. Указ. соч. С. 51, 53; Bobrov L.A., Kushkumbayev A.K., Salnikov A.V. Oirat Helmet of the XVII — mid-XVIII centuries from the Akmola Regional History Museum [Ойратский шлем XVII — середины

XVIII вв. из Акмолинского областного историко-краеведческого музея] // Былые годы. 2018. Т. 48. № 2. С. 443–452.

⁶ La Rossa D. Op. cit. P. 73, 88, 89; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика... С. 418, 440, 441, 444, 445, 460, 461.

⁷ La Rossa D. Op. cit. P. 88, 89; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика... С. 440, 441, 444, 445, 460, 461.

⁸ К данной группе примыкают еще четыре шлема, выполненные в подражание своим сфероцилиндрическим аналогам, но имеющие несколько иной силуэт, конструкцию и систему оформления.

⁹ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Боевые наголовья кочевников... С. 144, 145; Их же. Вооружение и тактика... С. 459, 460.

¹⁰ Там же. С. 440, 441, 443, 444, 460, рис. 190, 2, 3; 461, рис. 191, 1, 2.

¹¹ Еще одной важной особенностью шлема из ГЭ является нестандартный для сфероцилиндрических шлемов тип защиты ушей и шеи в виде кованых гомогенных наушей и назатыльника, вместо традиционной пластинчатонашивной бармицы (Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика... С. 441, 442, 449, 464, 465; Бобров Л.А. «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник НГУ. Серия «История, филология». 2009. С. 251–254). Однако, как уже отмечалось выше, наушы и назатыльник могут являться позднейшими добавлениями, подвешенными к шлему на завершающих этапах его эксплуатации в качестве боевого наголовья или даже позднее.

¹² Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв. Автореферат дис... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011. С. 16, 42; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 327–356.

¹³ Бобров Л.А. Основные направления эволюции... С. 16, 17; Бобров Л.А., Рюмшин М.А. «...И против них не ставили они ни где и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 370, 371.

¹⁴ Бобров Л.А. Основные направления эволюции... С. 43.

¹⁵ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Боевые наголовья кочевников... С. 144; Худяков Ю.С., Бобров Л.А., Филиппович Ю.А. Опыт экспериментальной реконструкции и функционального анализа защитного вооружения воинов Центральной Азии эпохи позднего Средневековья // Вестник НГУ. Серия «История, филология». 2005. Т. 4. Вып. 5. С. 98–100.

¹⁶ Значительный интерес представляет тот факт, что весьма схожие (а иногда даже аналогичные) по конструкции и системе оформления сфероцилиндрические шлемы происходят из разных регионов Евразии, ставших объектом ойратской экспансии (Поволжье, южные районы Западной Сибири, Юго-Восточный Казахстан, Тибет, Западная Монголия и др.).

¹⁷ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Боевые наголовья кочевников... С. 144. Декоративное оформление и конструкция сфероцилиндрических шлемов свидетельствуют в пользу того, что владельцами подобных наголовий были состоятельные

ойратские воины, в том числе представители командного состава калмыцких и джунгарских армий.

¹⁸ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 98–103; Бобров Л.А., Орленко С.П. Монгольский шлем конца XVI — первой трети XVII вв. из собрания Оружейной Палаты Московского Кремля // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4. 2017. С. 127–135; Bobrov L.A., Kushkumbayev A.K., Salnikov A.V. Oirat Helmet of the XVII — mid-XVIII centuries from the Akmla Regional History Museum [Ойратский шлем XVII — середины XVIII вв. из Акмолинского областного историко-краеведческого музея] // Былые годы. 2018. Т. 48. № 2. С. 449, 451, 452.

¹⁹ La Rocca D. An approach to the study of arms and armour from Tibet // Royal Armouries Yearbook. 1999. Vol. 4. P. 115, 116; La Rocca D. Warriors of the Himalayas... P. 75–78, 80, 81, 83, 84, 88–91; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика... С. 433, 440–446, 452, 454, 460–462; Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Материалы и исследования Древней, Средневековой и Новой истории Северной и Центральной Азии. Томск: Томский гос. ун-т, 2010. Т. III. Вып. 1. С. 16–20, 30, 33, 34, 36, 38, 40, 42–45, фото 1, 2, 5–10; Бобров Л.А., Орленко С.П. Указ. соч. С. 127–135; Bobrov L.A., Kushkumbayev A.K., Salnikov A.V. Op. cit. С. 449, 451, 452.

²⁰ Ibid. С. 449, 451, 452.

²¹ Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Указ. соч. С. 16–20, 30, 33, 34, 36, 38, 40, 42–45, фото 1, 2, 5–10.

²² Первоначально наголовье было ошибочно атрибутировано как «простой татарский шлем» (там же). См.: Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб.: «Санкт-Петербург оркестр», 1995. С. 47, рис. 43.

²³ Кравцова М. Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб.: Лань. TRIADA, 2004. С. 466.

²⁴ Что, конечно, не исключает возможности того, что отдельные наголовья серии могли быть изготовлены несколько раньше — во второй половине XVI — начале XVII вв.

²⁵ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 98–103; Бобров Л.А., Орленко С.П. Указ. соч. С. 127–135; Bobrov L.A., Kushkumbayev A.K., Salnikov A.V. Op. cit. С. 452.

²⁶ Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 25; Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова (Сб. док.). Алматы: Гылым, 1996. С. 399; Bobrov L.A., Kushkumbayev A.K., Salnikov A.V. Op. cit. С. 452.

²⁷ Ахметжан К.С. Указ. соч. С. 78, рис. 32, 4.

М.Ю. Бородин (Москва)

**ГЕНЕРАЛ ХАНЖИН —
«НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ МАСТЕР
ФОРТИФИКАЦИЙ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ»**

Б УДУЧИ БЛЕСТЯЩЕ образованным, генерал М.В. Ханжин к началу Первой мировой войны уже относился к интеллектуальной элите русской армии и имел опыт и навыки, которые можно отнести к числу уникальных.

В 1913 г. Ханжин возвращается из Франции, где в течение двух лет обменивался опытом со специалистами по французской полевой артиллерии. По итогам выполнения миссии он — единственный из членов миссии — награжден офицерским крестом ордена Почетного легиона.

По приезде в Россию назначается на должность начальника Киевского полигона при штабе Киевского военного округа. Здесь под его командованием 6 рот и 39 отрядов, имевших на вооружении 236 аэропланов. В 11-м авиаотряде — знаменитые русские асы Ткачев, Нестеров, Крутень, Казаков. Ханжин отрабатывает взаимодействие артиллерии и авиации. Самым трудным был вопрос обеспечения связи с ведущей огонь батареей. Полковник Ханжин определил средства связи, способы целеуказания и сигналы для корректировки стрельбы. Летчик должен был выполнить малый круг над целью, а артиллеристы в это время — засечь крайние правое и левое положения аэроплана, чтобы определить направление ведения огня. На «Ньюпорте» это не получалось, а на «Фармане» результаты были отличные! Остановились на двух способах целеуказания: первый — сброс с высоты порядка 200 м в район расположения батареи карты крупного масштаба с нанесенными на ней целью и местами разрывов снарядов и второй — наведение огня по аэроплану, летящему в направлении батареи — цель на высоте 400 м.

Полковник Ханжин участвует и в первом групповом полете Киев — Остер — Нежин — Киев. Как написал впоследствии В.М. Ткачев, «...первый в мире групповой полет закончился парадно в Киеве. Во главе с Ханжиным мы пролетели над городом на глазах у многочисленной публики, восторженно приветствовавшей нас».

На Гатчинском аэродроме под Санкт-Петербургом в режиме строжайшей секретности проходили испытания российского самолета-разведчика, оснащенного камерой нового типа. Военный инженер подполковник Владимир Потте создал первый в мире полуавтоматический пленочный аэрофотоаппарат. И 10 августа 1913 г. с Сырецкого аэродрома летели три самолета, в одном из них было размещено фотооборудование.

Генерал Ханжин стал новатором и в деле артиллерийской разведки. С помощью ведения провокационных обстрелов Ханжину удавалось точно установить места нахождения всех батарей и даже отдельных орудий. Его подчиненные — наблюдатели — могли определить дальность до цели по одной вспышке выстрела, ведя расчеты в уме. Делали это так — считали, сколько секунд пройдет с момента вспышки до появления звука выстрела, и умножали это число на показатель скорости распространения звука в воздухе. Узнав об этом, противник стал вешать на стволы орудий холщовые мешки, выполнявшие роль пламегасителей.

Тогда Ханжин придумал другой способ — сопряженное наблюдение. Для определения расстояния до цели этим способом использовали сразу два наблюдательных пункта — основной и боковой. При помощи артиллерийской буссоли разведчики определяли дирекционный угол по цели, передавали на командный пункт батареи. Офицер наносил данные на карту. Точка пересечения линий и была местом положения цели. Артиллеристы определяли координаты и открывали огонь на поражение. В переводе с французского буссоль — это компас. Мореплаватели пользовались им несколько столетий. А применять буссоль в сухопутных войсках предложил Дмитрий Иванович Менделеев. Ханжин установил на прибор шкалу угломера, фиксатор, защищающий чувствительную стрелку от поломки на марше, разработал компактную раздвижную треногу. Прибор в войсках полюбился, а в артиллерии и вовсе стал незаменим. С его помощью вычисляли координаты позиций, цели, ориентировали орудия. Усовершенствованная ПАБ-перископическая артиллерийская буссоль в белорусской армии применяется до сих пор.

Недостатка в средствах разведки русская армия не испытывала. И даже когда заводы фирмы «Шейс» полностью прекратили поставки, под Петербургом на Обуховском заводе, в селе Александровском, было начато массовое производство оптических приборов: прицелов, стереотруб, панорам, призматических биноклей, артиллерийских буссолой. Выпускались массово. В разведке личными биноклями были экипированы даже низшие чины.

Рассматривая позиции неприятеля сквозь обуховские линзы высокого разрешения, наблюдатели установили, что с начала русского обстрела артиллерийские команды противника скрываются в укрытиях. Тогда Ханжин изменил интервалы обстрела с тем, чтобы бить тогда, когда противник начнет их занимать после первого обстрела.

Во время Первой мировой войны разведчиков уважительно называли на флотский манер впередсмотрящими. Войсковые части, до командиров батальонов и батарей включительно, снабжались соответствующими схемами (в масштабе 500 м в дюйме) укреплений противника, разграфленными на квадраты. Непрерывное наблюдение за полем боя днем и ночью делало артиллерию монополистом в вопросах поиска и определения местоположения целей.

Еще одно предложение Ханжина — огневой вал: постепенный перенос огня вглубь обороны противника и наступление пехоты сразу после обстрела его первой линии. Эту тактику отработали пехотинцы 8-й армии, которой командовал генерал на момент атаки.

Связь осуществлялась посредством телефона, оптической сигнализации и установки передовых наблюдательных пунктов. Телефонная связь в позиционной войне имела двойную конфигурацию: шла от дивизионов (батарей) в штаб пехотного полка и от батареи через передовой наблюдательный пункт — к командиру пехотных батальона или роты. Сигналы передавались с помощью цветных ракет, фонарей (ночью) или флагов (днем). С их помощью предупреждали о внезапной атаке, в том числе газовой, о пределах продвижения своей пехоты во время наступления. В некоторых случаях применялись гелиографы и прожектора. Аэропланы связи общались с пехотой с помощью ракет.

Во время Луцкого прорыва фронт лопнул сразу на 13-ти участках, прорыв расширяли в сторону флангов и в глубину. Наступавшая пехота делилась на «волны атаки». Каждый полк образовывал четыре волны, идущие одна за другой на

дистанции 150–200 шагов, интервал между бойцами — 5 шагов. Вооруженные гранатами, пулеметами, дымовыми шашками, ножницами для резки проволоки первые две волны брали первый окоп, не задерживались, атаковали второй, где и закреплялись. В каждой роте была штурмовая группа из наиболее ловких солдат. Идя во главе атаки под гранатами и массированным ружейно-пулеметным огнем, ликвидировали огневые точки, расчищая путь наступающим товарищам. Третья и четвертая волны быстро перекатывались через первые две, свежими силами брали третий окоп и артиллерийские позиции. Этот метод стал широко использоваться под названием «атака перекатами». И это тоже — Ханжин.

Именно Ханжин, гениальный артиллерист, впервые предложил одновременное наступление четырех армий. Прорыв на нескольких участках фронта одновременно был полной противоположностью немецкой схеме. Разработка плана атаки Луцкого прорыва была поручена генерал-майору М.В. Ханжину. Лучшей кандидатуры и не было. Все, что разработал Ханжин, было новаторским.

Наступление Юго-Западного фронта во главе с Верховным Главнокомандующим царем Николаем II стало крупнейшим достижением русского военного искусства — открывая новую форму прорывов позиционного фронта. В военной среде генерала Ханжина называли непревзойденным мастером фортификаций артиллерийских, а разработанный им план — образцом воинского искусства.

Генерал Ханжин во многом определил развитие артиллерии в России в XX в. Все, что он разработал, будет востребовано при планировании наступательных операций советских войск во время Великой Отечественной войны на Курской дуге, под Сталинградом, в операции «Багратион».

-
1. Бородин М.Ю. Генерал от артиллерии М.В. Ханжин: Луцкий прорыв // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Седьмой Международной научно-практической конференции. СПб., 2017. С. 341–349.
 2. Ткачев В.М. Крылья России. Совместная работа с артиллерией // Авиация и космонавтика. 1992. № 9.
 3. Военный инженер Владимир Потте // Википедия.
 4. Впередсмотрящие // Во славу Родины. 2017. 18 августа.
 5. (Электронный ресурс): <https://topwar.ru/114493-na-svyazi-s-caricey-poley.html>

А.А. Будко, Г.А. Грибовская (Санкт-Петербург)

**ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПЕНИЦИЛЛИНА
НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ)**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ таких известных ученых, как Николай Нилович Бурденко и Зинаида Виссарионовна Ермольева, была напрямую связана с изобретением и практическим применением пенициллина для лечения раненых и больных воинов в действующей армии и в тыловых лечебных учреждениях страны, а после войны — созданием заводов по изготовлению антибиотиков уже широкого спектра действия.

Главная цель научной и практической деятельности этих ученых, особенно в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — как можно больший процент выздоровления и возвращения в строй раненых и больных воинов Красной армии.

З.В. Ермольева (1898–1974) — создатель первого отечественного антибиотика, выдающийся микробиолог и эпидемиолог, академик АМН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии СССР.

Родилась в семье казака на хуторе Фролов Донской губернии. После окончания гимназии в Новочеркасске поступила на медицинский факультет Северо-Кавказского университета в Ростове-на-Дону (1917–1921). Исследовательской работой начала заниматься еще студенткой, увлекшись биохимией микробов. Сравнительно недолгий период педагогической и научной деятельности Зинаиды Виссарионовны в Ростове-на-Дону был необыкновенно плодотворным. Здесь она начала свои исследования по микробиологии холеры и, чтобы опытным путем

подтвердить свои выводы относительно этиологии кишечных заболеваний холерных и холероподобных вибрионов, поставила опасный для жизни эксперимент на себе.

С 1925 г. она возглавляла отдел биохимии микробов в Биохимическом институте им. А.Н. Баха в Москве (с 1934 г. — в составе Всесоюзного института экспериментальной медицины). С 1945 по 1947 гг. З.В. Ермольева — директор Института биологической профилактики инфекций. С 1947 г. заведовала отделом экспериментальной терапии Всесоюзного научно-исследовательского института пенициллина (в последующем — Всесоюзный научно-исследовательский институт антибиотиков)¹.

Какими бы исследованиями ни занималась Зинаида Виссарионовна, изучение холеры оставалось одним из важных направлений ее научной деятельности в течение всей жизни. Характерно, что практически все результаты апробированы ею на практике. В 1942 г. Ермольевой и ее сотрудниками во Всесоюзном институте эпидемиологии и микробиологии был выделен первый отечественный пенициллин — крустозин².

В 1942 г. вышла в свет монография З.В. Ермольевой «Холера», в которой были даны новые методы лабораторной диагностики, лечения и профилактики этого заболевания. По результатам этой работы в 1943 г. З.В. Ермольевой и Л.М. Якобсон была присуждена Государственная премия СССР, которую они передали в Фонд обороны страны³. Особенно большую роль работы талантливого исследователя сыграли в период Великой Отечественной войны в осажденном Сталинграде. Холера была занесена в город немецкой армией и угрожала распространением по путям эвакуации.

Выдающийся ученый-новатор, Н.Н. Бурденко (1876–1946) — генерал-полковник медицинской службы (1944), академик АН СССР (1939), академик АМН СССР (1944), заслуженный деятель науки РСФСР (1933), лауреат Сталинской премии (1941), Герой Социалистического Труда (1943). Принадлежит к тем представителям научного сообщества, чья многогранная деятельность на протяжении многих десятков лет была направлена на развитие и совершенствование научной отечественной медицины.

Николай Нилович окончил духовную семинарию, а в 1906 г. — медицинский факультет Юрьевского университета. Будучи студентом, работал фельдшером в земских больницах, участвовал

в Русско-японской войне 1904–1905 гг. в качестве помощника врача. К началу Первой мировой войны (1914–1918) был уже высококвалифицированным профессором-хирургом. Участвуя в боевых действиях, Бурденко принял на себя руководство всеми медицинскими силами и средствами на значительном участке фронта. Но подлинным его призванием была практическая деятельность хирурга, в 1915 г. он был назначен на должность хирурга-консультанта при армиях Западного фронта. Опыт фронтового хирурга убеждал его в важности совершенствования организационно-штатной структуры военно-медицинской службы.

Спустя 5 дней после отречения Николая II, 7 марта 1917 г., Временным правительством на должность главного военно-санитарного инспектора был назначен Н.Н. Бурденко. Свои взгляды этого времени на реформирование военной медицины в русской армии Николай Нилович изложил в брошюре «К вопросу об устройстве управления в военно-санитарном ведомстве». Одной из трудных задач, которую пришлось решать Н.Н. Бурденко, возглавляя Главное Военно-санитарное управление, была ведомственная раздробленность лечебно-эвакуационного дела. В своих автобиографических записях он вспоминал: «Когда я принял дела Военно-санитарного управления, пришлось поставить вопрос о ликвидации этих разрозненных организаций и об объединении их вокруг Главного военно-санитарного управления, т. е. об единой организации медицинской помощи в русской армии...» Позднее эта идея была воплощена в единой военно-полевой медицинской доктрине, созданной под руководством начальника Главного военно-санитарного управления РККА Е.И. Смирнова.

Научное наследие Н.Н. Бурденко велико и разнообразно. С 1924 г. и до конца своей жизни он занимал кафедру факультетской хирургической клиники 1-го Московского медицинского института, воспитав несколько поколений врачей и плодотворно разрабатывая проблемы общей хирургии по лечению ран, легочной хирургии, хирургического лечения туберкулеза, хирургии суставов, проблему шока. С 1934 г. возглавлял основанный им институт нейрохирургии, который стал центром всех аналогичных учреждений в стране.

Круг деятельности Н.Н. Бурденко быстро приобрел общегосударственный масштаб. С 1929 г. — председатель Московского хирургического общества, с 1932 г. — председатель правления

Общества хирургов РСФСР, с 1931 г. — заместитель, а с 1937 г. — председатель ученого совета Наркомздрава СССР, депутат Верховного Совета СССР нескольких созывов, с 1939 г. — действительный член Академии Наук СССР, с первых дней Великой Отечественной войны и до своей кончины — Главный хирург Красной армии.

В 1944 г. была учреждена Академия медицинских наук СССР, в организации которой Николай Нилович принял самое деятельное участие. Он определял структуру научно-исследовательских институтов, предусматривая в каждом из них создание экспериментального отделения. Залог успешного развития советской медицины он видел в том, чтобы объединить работу лучших представителей советской науки, установить действительный и постоянный контакт между теоретическими и практическими медицинскими дисциплинами под руководством авторитетного органа, который возьмет в свои руки государственное планирование научной медицинской работы в целом. Эти положения Николай Нилович развивал в своих докладных записках правительственным органам, это были его концепции и мысли, высказанные им на сессии при открытии Академии медицинских наук СССР. Не случайно он был избран президентом АМН СССР, став руководителем всей научной медицинской жизни нашей страны. Способность объединять людей вокруг общей задачи, целеустремленность, умение видеть и оценить полезность для народа и государства того или иного научного замысла, организовать труд научного коллектива — все эти качества в полной мере проявились в его деятельности на посту президента АМН СССР.

Внимание Николая Ниловича привлекало все новое. То, что имело ценность, он внедрял в практику. Особый интерес он проявлял к тому, что могло пригодиться в практике военно-полевой хирургии, потому что обязанности Главного хирурга Красной армии он всегда ставил на одно из первых мест в своей деятельности⁴.

Николай Нилович одним из первых оценил огромное значение антибиотиков, особенно в военно-полевой хирургии. Первые испытания проводили хирурги нескольких клиник Москвы под руководством профессора И.Г. Руфанова в 1943 г. В начале 1944 г. в Яузской больнице Москвы было произведено сравнение эффективности нашего и английского пенициллина, который

привез один из его создателей знаменитый доктор Г. Флори из Оксфорда.

Лечение проводили у двух групп воинов Красной армии, чьи ранения были осложнены сепсисом, находившихся в одинаково тяжелом состоянии. Наш пенициллин-крустоцин был менее очищен и применялся в меньших дозах, но эффект лечения им был не хуже, чем при применении английского препарата, о чем гласит письмо З.В. Ермольевой Николаю Ниловичу Бурденко⁵.

В ноябре 1944 г. Главный хирург Красной армии Бурденко возглавил работу бригад (групп), выехавших в лечебные учреждения 1-го Прибалтийского фронта для применения пенициллина в целях предупреждения осложнений при тяжелых ранениях (определил состав бригад (групп), в плане исследовательской работы акцентировал внимание на ближайший контроль, поздний контроль и исходы). В состав подразделений входили хирурги, бактериологи, патологоанатомы, к ним была прикреплена бактериологическая лаборатория, работавшая под непосредственным руководством Зинаиды Виссарионовны Ермольевой. В план работы бригад для лечения раненых и больных воинов Красной армии были включены различные методики использования пенициллина как с профилактической, так и лечебной целью. Большое значение имели выбор дозы и способа введения антибиотика⁶.

На научной конференции, состоявшейся 4–5 ноября 1944 г. в Двинске, были обсуждены начальные итоги этой деятельности. Академик Н.Н. Бурденко, говоря о результатах проделанной работы, отметил недостаток освещения динамики процесса выздоровления, но это связано с кратким сроком воздействия пенициллина и грамицидина на воспалительное осложнение у раненых⁷.

В докладе начальнику Главного Военно-санитарного управления Красной армии генерал-полковнику медицинской службы Е.И. Смирнову от 19 февраля 1945 г. Главный хирург Красной армии проанализировал лечение разных групп раненых пенициллином, указал на недостатки работы членов бригад, в том числе профессора З.В. Ермольевой, которая не смогла в указанное время предоставить полный отчет⁸.

При поддержке выдающихся ученых-медиков и при непосредственном участии Ермольевой в конце 1944 г. в Москве был открыт экспериментальный цех, который начал выпуск жидкого

концентрированного пенициллина. Многогранный опыт работы по этой проблеме был обобщен ею в известной монографии «Пенициллин»⁹.

А 26 марта 1945 г. Николай Нилович Бурденко представил отчет об отдаленных результатах у раненых, леченных пенициллином в октябре — декабре 1944 г. в лечебных учреждениях 1-го Прибалтийского фронта, и в январе — феврале 1945 г. — в московских учреждениях (Центральном нейрохирургическом институте и клинике Н.И. Гращенкова¹⁰).

В целом же работа, проведенная по использованию пенициллина для лечения раненых¹¹, была обобщена и оформлена как научное исследование «Письма хирургам фронтов о пенициллине». В ней Н.Н. Бурденко пишет о том, какие дозы антибиотика следует употреблять для внутримышечных введений, для введения в полости суставов или плевры, в вены или артерии, в спинномозговой канал и желудочки мозга¹².

Даже после окончания Великой Отечественной войны, в июне 1945 г. Зинаида Виссарионовна Ермольева очень внимательно изучала и вносила все поправки Николая Ниловича Бурденко в инструкцию Наркомздрава по лечению пенициллином хирургических больных, а также письменно советовалась с ним о наиболее результативном применении доз и формы (капсулы, пилюли или жидкость) пенициллина при разных заболеваниях¹³.

До конца жизни основатель и первый президент Академии медицинских наук СССР Н.Н. Бурденко, который заложил основу для новых, грандиозных успехов советского здравоохранения, помогал З.В. Ермольевой словом и делом. А с ее именем связаны не только поисковые работы по антибиотикам, но и создание первых заводов биологически активных веществ природного происхождения. Под руководством Зинаиды Виссарионовны получены новые препараты антибиотиков: бициллин, стрептомицин, тетрациклин и др., противовирусные препараты, такие как интерферон, который применяется по настоящее время. Главная цель у этих двух выдающихся ученых была одна — вернуть здоровье и радость жизни миллионам людей в военное и мирное время.

¹ Зинаида Виссарионовна Ермольева // Клиническая медицина. 1987. № 12. С. 128–129.

- ² Зинаида Виссарионовна Ермольева (к 45-летию научно-общественной деятельности) // Там же. 1969. № 5. С. 3–4.
- ³ Зинаида Виссарионовна Ермольева // Там же. 1974. № 3. С.3.
- ⁴ Будко А.А., Грибовская Г.А. Николай Нилович Бурденко: от главного военно-санитарного инспектора русской армии до первого президента академии медицинских наук СССР // Медицинская профессура СССР. Краткое содержание и тезисы докладов научн. конф. 16 марта 2007 г. М., 2007. С. 27–29.
- ⁵ Военно-медицинский музей, персональный фонд Н.Н. Бурденко, КОФ 46123.
- ⁶ Там же. КОФ 55287.
- ⁷ Там же. КОФ 55285/3.
- ⁸ Там же. КОФ 55270, КОФ 55277.
- ⁹ Ермольева З.В. Пенициллин. М.: Медгиз, 1946. 157 с.
- ¹⁰ Военно-медицинский музей, персональный фонд Н.Н. Бурденко, КОФ 55266.
- ¹¹ Там же. КОФ 46290.
- ¹² Бурденко Н.Н. Письма хирургам фронтов о пенициллине. М.: Воениздат, 1945. 68 с.
- ¹³ Военно-медицинский музей, персональный фонд Н.Н. Бурденко, КОФ 45290.

А.В. Вахтеров (Москва)

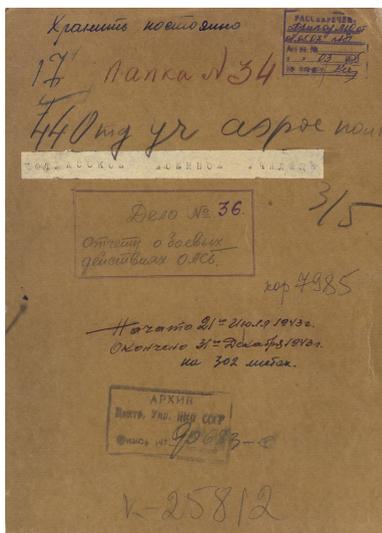
**ОСОБЕННОСТИ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ
39 ОТДЕЛЬНОГО АЭРОСААННОГО БАТАЛЬОНА
КРОНШТАДТСКОГО МОРСКОГО РАЙОНА
ОБОРОНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО
АРХИВА МО РОССИИ)**

ЗАНИМАЯСЬ ПОИСКОВОЙ работой и изучением истории прошедшей войны, трудно сказать, что сложнее: искать человека, жившего и воевавшего (погибшего, пропавшего) много лет назад, или выяснять обстоятельства создания и деятельности отдельной части¹. Сведения о том или ином человеке часто дают случайно сохранившиеся материалы в архивных фондах воинских частей, но иногда происходит обратное: судьбы отдельных людей помогают прояснить историю воинского подразделения.

Что-то подобное произошло и в деле изучения истории 39 отдельного аэросанного батальона (далее — оасб). Само по себе использование аэросаней в период Великой Отечественной войны — малоизученная страница Великой Отечественной войны². По 39 оасб пока не удалось обнаружить архивных материалов непосредственно самого батальона.

Основными источниками информации по его истории стали отчеты о боевых действиях аэросанных батальонов, сохранившиеся в архивных фондах 44 отдельного учебного аэросанного полка (ил. 1)³, материалы о формировании и комплектовании оасб из фондов Соликамского танкового училища (далее — Соликамское ВУ)⁴, наградные материалы военнослужащих и учетные послужные карточки офицеров батальона.

В отношении вопроса основания батальона достоверно установлено:

Ил. 1. Отчеты 44 оуасп

I состав сформирован по директиве НКО СССР (от 20 ноября 1941 г.) 31 января 1942 г. в Соликамском ВУ и отправлен в Москву⁵, доукомплектование осуществлено по прибытии в марте Кронштадт⁶;

из 70 подобных формирований это единственная аэросанная часть, сформированная Военно-морским флотом и большую часть времени действовавшая под непосредственным военноморским командованием и в интересах флота⁷;

II формирование батальона осуществлялось в Кронштадте⁸.

Это не единственные отличительные особенности батальона. По всем документам 39 оасб значится как транспортный⁹. Разница между транспортными аэросанными батальонами и боевыми состояла в следующем:

по штату № 010/313 (ил. 2), в транспортном батальоне 93 чел., вместо 118 чел. в боевом;

вместо боевых аэросанных рот основу штата транспортного батальона (ил. 3) составляли роты транспортных аэросанных рот (либо роты транспортных аэросаней);

комплектовались транспортными аэросанями НКЛ-16 (ил. 4); не вооружались пулеметами¹⁰.

В отчетах о боевых действиях аэросанных батальонов (ил. 5)¹¹ указан ряд особенностей 39 оасб.

1. Батальон вооружался пулеметами «ШКАС» и «ДА» (ил. 4)¹². По штату № 010/313 пулеметами ДТ вооружались боевые аэросани, вооружение пулеметами транспортных аэросаней не предусматривалось.

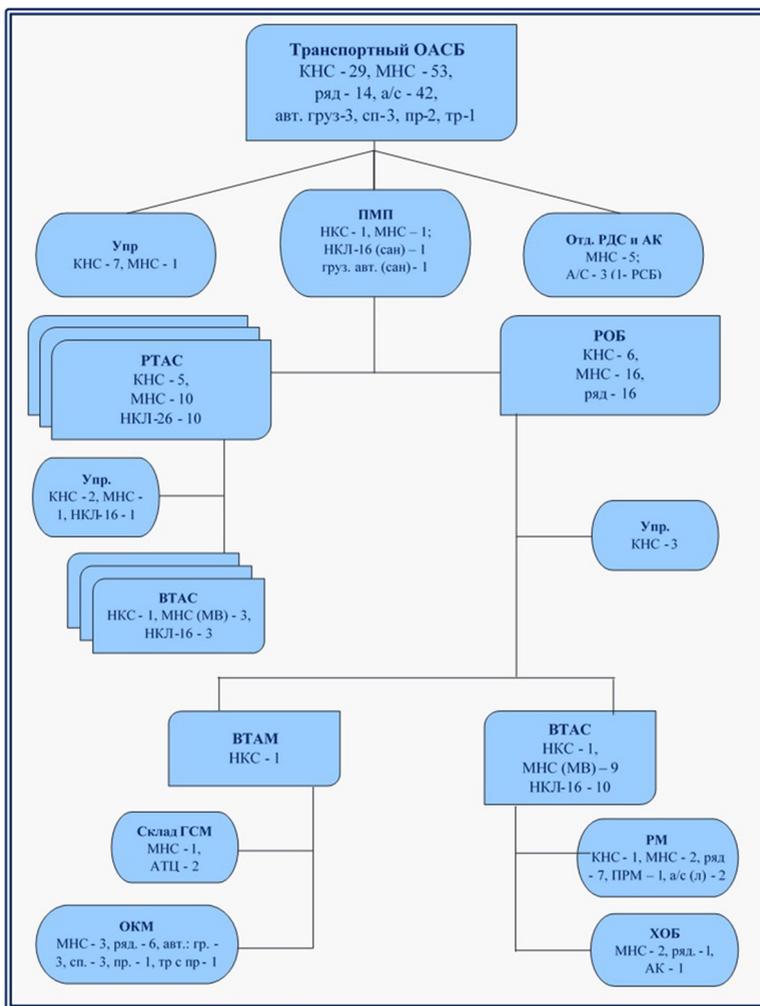
2. В батальоне кроме 49-ти НКЛ-16 (ил. 4) имелось 24 НКЛ-26 (ил. 6)¹³, всего 73 единицы.

Т. е. превышение штатной численности аэросаней — почти вдвое (для боевого батальона — 32 НКЛ-26 и 11 НКЛ-16 (всего 43 единицы), для транспортного — 43 НКЛ-16)¹⁴. Превышение

Секретно
Зка. № 25

Наименование должностей, матчасти и транспорта	Военное звание	ЛИЧНЫЙ СОСТАВ					
		Число должностей		№№ военно-учет. специальностей	Территориальный разряд	Могут быть сверхсрочной службой	Удлинены сроки службы в вооруженных силах
Военно-служащих	Военно-наемных						
Штат № 010/313							
отдельного транспортного авиационного батальона							
Управление:							
Командир батальона	Капитан-Майор	1		200	950		н/к
Зенитный комиссар батальона	Ст. Политрук-Батальонный комиссар	1		4	950		н/к
Командир батальонной технической части	Инженер-Капитан	1		13	850		н/к
Командир батальонной хозяйственной части	Капитан интендантской службы	1		1	850		н/к
Командир старший	Ст. лейтенант-Капитан	1		200	850		н/к
Связь батальона	Ст. лейтенант	1		150	675		н/к
Будеопроизводство авиационной казармы	Техник-Интендант	1		1	600		н
Механик старший	Ст. сержант-Службы	1			123		
Итого:		8					
Отделение радиосвязи и взвешивания самолета							
Командир отделения: Начальник связи батальона	Ст. сержант	1					
Начальник радиостанции	Сержант	1		44			н/к
Радиотелеграфист	Радиотелеграфист	1		44			н
Механик-водитель авиационной старший	Ст. сержант-тех. службы	3	✓	350			н/н
Каждая из авиационных радиостанция РСВ авиационных транспортных							1 3
Итого:		5					
Транспортная авиационная рота							
<i>(в батальоне 2)</i>							
Командир роты транспортных авиационных	Ст. лейтенант-Капитан	1		200	775		н/к
Командир роты по технической части	Техник-Лейтенант	1		13	700		н/к
Механик-водитель авиационной	Ст. сержант-тех. службы	1		350			н/н
Авиационные транспортные							1
Итого:		3					

Ил. 2. Штат 010-313

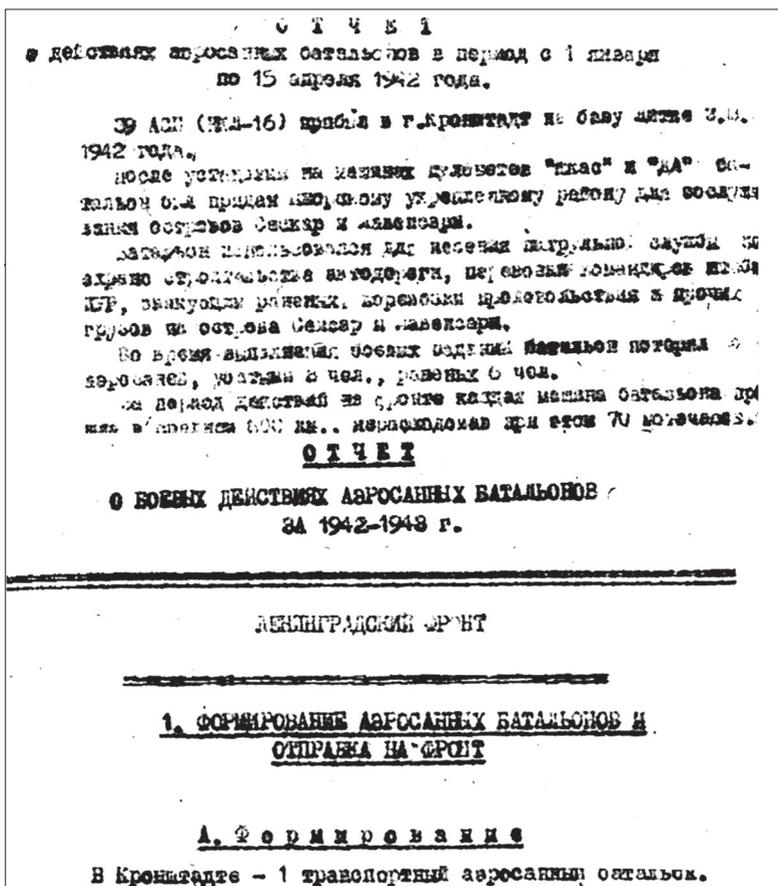

Ил. 3. Оргштатная схема транспортного батальона

штатной численности аэросаней сохранялось в течение всего периода существования батальона, что подтверждается соответствующими донесениями о численном и боевом составе: в течение 1943 г. – НКЛ-16 – 42 ед. (в том числе 17 принадлежали КМОР КБФ), НЛ-26 – 21 ед. (все – КМОР КБФ), то же самое на 1 января 1944 г.¹⁵

Ил. 4. НКЛ-16. Кронштадт, 1943 г.

Ил. 5. Выдержки из Отчетов о боевых действиях аэросанных батальонов

Двойной комплект аэросаней подтверждается строками в наградном листе на помощника командира батальона по технической части капитана Петра Михайловича Михайлова: «Обеспечил бесперебойную работу 83 единиц аэросаней, вместо положенных по штату 42 единиц» (ил. 7)¹⁶.

Ил. 6. НКЛ-26

Основной особенностью батальона была организация его боевой деятельности. С первых дней формирования 39 оасб явил собой образец высокой эффективности и результативности.

Согласно «Отчету о действиях аэросанных батальонов в период с 1 января по 15 апреля 1942 года» 39 оасб «прибыл в г. Кронштадт на базу Литке 3.3.1942 года.

После установления на машинах пулеметов “ШКАС” и “ДА” ... придан Ижорскому укрепленному району для сослуживанию¹⁷ островов Саскар и Лавенсари.

Батальон использовался для несения патрульной службы по охране строительства автодороги, перевозки продовольствия и прочих грузов на острова Семсар и Лавенсари.

Во время выполнения боевых заданий ... потерял 4 аэросаней, убито 3 чел., раненых 6 чел.

За период действий на фронте каждая машина батальона прошла в среднем 600 км, израсходовав при этом 70 моточасов¹⁸.

Применение аэросанных подразделение в начальный период войны не везде было удачным и эффективным. По результатам анализа опыта, полученного в ходе первой зимней кампании, определены основные принципы, направления и порядок использования аэросанных частей¹⁹, что нашло юридическое закрепление в распоряжении Главного автобронетанкового управления Красной Армии (далее – ГАБТУ КА) от 7 декабря 1942 г. № 731380с (ил. 8)²⁰, которым предписывалось организовывать выполнение боевых задач в составе взвода или роты.

Основой тактики 39 оасб стало боевое применение и использование аэросаней группами, а не в составе взвода или роты, как

435

Вх. № _____
 30 июля 1943 г.
 Отд. Штаба КМОР

Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Михайлов Петр Михайлович
2. Звание Копирист
3. Должность, часть помощник командира

39 отдельного Аэросднного батальона по технической части
Тринад командирского
КМОР № 16 от 17.07.43

Представляется к награде ордену «Красной Звезды»

4. Год рождения 1907
5. Национальность русский
6. Партийность член ВКП(б)
7. Участие в гражданской войне и в последующих боевых действиях по защите СССР (где, когда)
на Ленинградском фронте с марта 1942 года
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне ранений не имеет
9. С какого времени в Красной Армии с 1929 года
10. Каким РВК призван
Горьковичах с/р. Казани
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) ранее награжден не имел
12. Постоянный домашний адрес (представляемого к награждению или его семья)

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

т. Михайлов работал помощником командира батальона по технической части выполнил возложенные на него все обязанности по ремонту и восстановлению материальной части. Своими небольшими силами ремонтных мастерских обеспечил бесперебойную работу 83 единиц аэросаней, вместе положенным по штату 42 единицу. Подготовил за короткий срок водителей аэросаней чем обеспечил работу матчасти батальона. За весь период действий батальона матчасть не имела ни одного случая отказа по техническим неисправностям. Систематически контролировал на рубежах групп ездозвонки техники обеспечил выполнение боевых операций.

т. Михайлов заслуживает правительственной награды

Командир (подпись) майор Горбунев / Горбунев
 Военный комиссар
 (звание) _____ (звание) _____
 26 апреля 1943 г.

Ил. 7. Наградной лист на П.М. Михайлова

определялось распоряжением ГАБТУ КА от 7 декабря 1942 г. № 731380с (ил. 8)²¹, что обуславливалось спецификой выполняемых задач (ил. 9).

Копия

Вх. №1

С.С.С.Р.
Военный Комиссариат
Обороны Союза ССР
АВТО-БРОНЕТАНКОВОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
Красной Армии.

ЗАМЕСТИТЕЛЯМ КОМАНДУЮЩИХ ФРОНТАМИ
ПО ТАНКОВЫМ ВОЙСКАМ

№ *Ассаль* 1942 г.
№ *731890*

Только ЗАМ. КОМАНДУЮЩЕГО
ФРОНТОМ ПО ТАНКОВЫМ ВОЙСКАМ.

В боевом применении аэросанных батальонов зимой 1941-42 г. имелось ряд крупных недостатков.

Главные из них:

1. Боевые аэросанные батальоны дробились и подразделениями силой от взвода до роты придавались для совместных действий со стрелковыми и лыжно-десантными частями, чем снижалась их ударная боевая мощь по противнику.
2. Взаимодействие боевых аэросанных батальонов с пехотой организовывалось и осуществлялось на практике плохо, а с танками и авиацией отсутствовало.
3. Личный состав боевых аэросанных батальонов использовался в качестве стрелков в обороне общевойсковых соединений, в результате чего материальная часть батальонов отрывалась от экипажей, а ценные квалифицированные кадры бойцов аэросанников превращались в обычных пехотинцев.
4. Транспортные аэросанные батальоны в ряде случаев использовались для перевозки различных грузов: фуража, тары и т.д. в армейском и, даже, фронтовом тылу.
5. Имели место случаи безцельных перебросок не нагруженных аэросаней с места на место, что привело к непроизводительному износу материальной части.

Заместитель Народного Комиссара Обороны Генерал-лейтенант танковых войск тов. ФЕДОРИНКО

П Р И К А З А М:

В целях правильного использования боевых и транспортных аэросанных батальонов зимой 1942-43 года руководствоваться следующими указаниями:

1. Боевые аэросанные батальоны.
Боевые аэросаны типа НКЛ-26 и РЭ-8 с мотором И-11 использовать:

 1. Для внезапного нападения на войска противника, находящегося в движении в колоннах или не успевшего развернуться в боевые порядки и закрепиться на местности.
 2. Для атаки во фланг и тыл боевых порядков развернувшегося противника.
 3. Во взаимодействии с лыжными десантом на транспортных аэросанях, для преследования противника при его отходе.
 4. В качестве боевого охранения аэросанных десантов.
 5. Для усиления разведорганов, перевозимых на транспортных аэросанях.
 6. Для разведки степных районов, озер, рек и побережья моря.
 7. Для патрулирования в целях предотвращения попыток противника прорваться в тыл наших войск при обороне частей и соединений на широком фронте.

Ил. 8. Распоряжение ГАБТУ, 1942 г.

Ил. 9. Кронштадт, 1943 г.

По приказу командира Главной военно-морской базы Краснознаменного Балтийского флота (далее — ГВМБ и КБФ), группам ставились следующие задачи.

«1. Группа по постановке дымовых завес в составе 7 машин НКЛ-16.

2. Группа по обеспечению связи и ведению разведки при 260 отдельной Бригаде Морской Пехоты, в составе 7 машин НКЛ-16 и 6 машин НКЛ-26.

3. Группа по обеспечению связи на трассе Шепелев маяк — остров Сескар в составе 6 машин НКЛ-16.

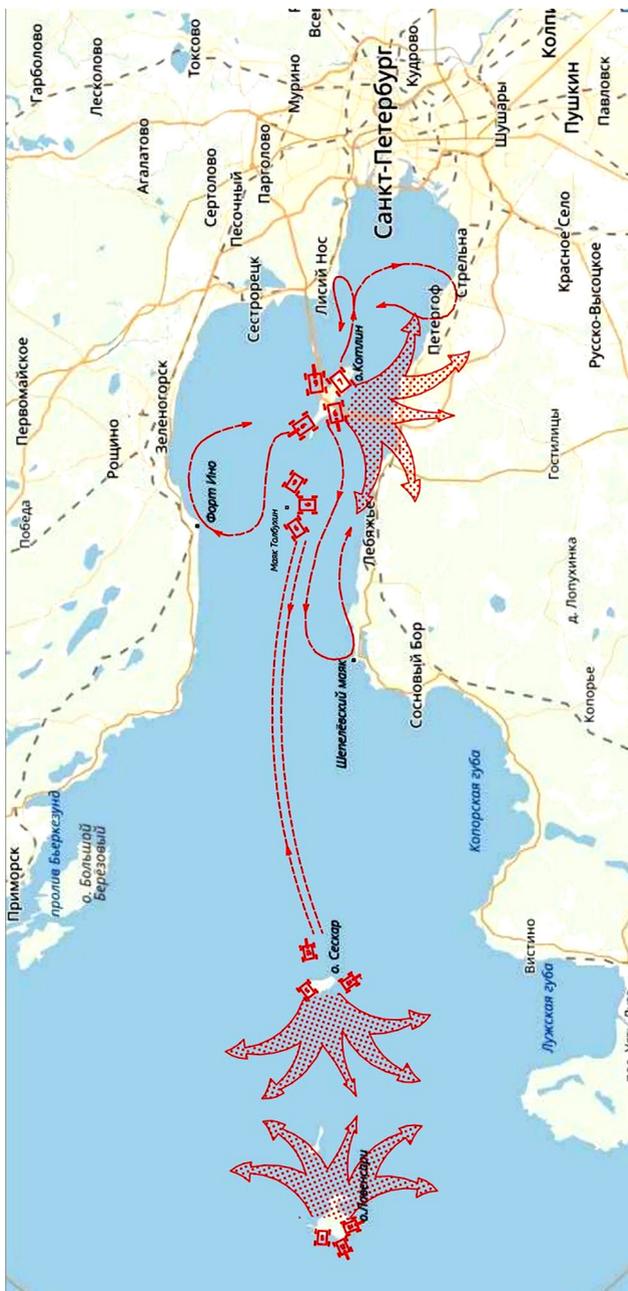
4. Группа по обеспечению связи и ведению разведки при Кронштадтском Укреплённом секторе в составе 7 единиц НКЛ-16 и 6 единиц НКЛ-26.

5. Группа по обеспечению связи на участке острова Сескар и острова Лавенсари в составе 5 единиц НКЛ-16 и 12 единиц НКЛ-26.

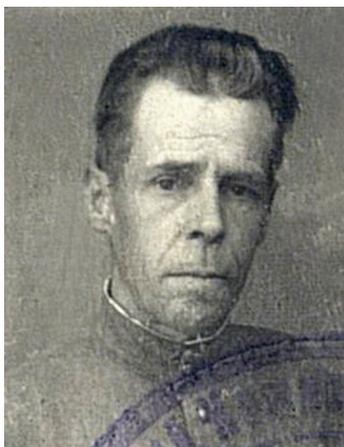
6. Группа по выполнению особых заданий по разведке при МПС-2 Разведотряда Штаба Краснознаменного Балтийского флота в составе 3 НКЛ-16.

7. Резервная группа при Кронштадтском Морском Оборонительном районе в составе 14 единиц НКЛ-16»²².

Составленная по материалам отчетов о боевой деятельности, учетных послужных карточек офицеров и наградных материалов

Ил. 10. Карта района действий 39 оасб

Ил. 11. Вячеслав Николаевич Горбунов

карта (ил. 10) позволяет представить себе географию применения и использования подразделений батальона: часть Финского залива от о. Котлин в сторону о. Готланд (о-ва Сескар и Лавенсари) — с востока на запад; от форта Ино, Лисий Нос в Ленинградской области на северном побережье Финского залива. До Шепелевского маяка, Знаменки, Нового Петергофа, Стрельни — на южном побережье залива.

Анализ отчетов об опыте применения аэросанных частей указывает на высокую результативность и эффективность боевого применения 39 оасб.

В докладе заместителя начальника Управления бронепоездов и бронемашин ГБТУ Красной армии полковника Есина на сборе командиров аэросанных частей, проведенного 23–24 июля 1943 г. в Котласском военном училище, отмечавшего хорошую работу командира 39 оасб В.Н. Горбунова (ил. 11), в частности, указано: «...командир батальона не аэросанист (назначен был из танкистов), но действовал умело...»²³

Боевой опыт применения аэросанных батальонов на ленинградско-новгородском направлении и на Карельском фронте²⁴ лег в основу тактики боевого применения и использования аэросанных частей.

Свою страничку вписал 39 оасб: «...выслана разведка — отряд разведчиков в составе 100 человек-бойцов.

Для обеспечения отряду быстрого передвижения по льду Финского залива после выполнения задания было предназначено шесть аэросаней, двое из них — оборудованные дымопусками.

20 марта 6 аэросаней под командованием капитана Левина (ил. 12) вышли из района маяка Шепелевский...

Группа аэросаней двигалась в условиях темноты и наличия больших торосов.

Движение по компасу было затруднено, т. к. приходилось делать зигзаги для обхода непроходимых торосов.

Большую помощь при движении аэросаней оказали два маяка... каждые 10 минут, давали условные лучи в направлении заданной точки.

...связь в колонне при движении ... держалась при помощи цветных фонарей.

Перед рассветом командир группы выслал двое аэросаней на розыск разведчиков ... обнаружили разведчиков и поставили дымзавесу, обеспечив выход разведчиков с вражеского берега.

Поставленная завеса послужила сигналом для остальных аэросаней группы ... аэросани выступили в район своей разведгруппы.

Разведчики оказались в тяжелом положении и не могли оторваться от берега и двигаться по заливу, т. к. были обнаружены врагом. Имелись легко и тяжело раненные...

После постановки дымзавесы ... разведчики оторвались от противника и вышли на залив за дымзавесу.

На одни аэросани ... немедленно размещены тяжело и легко раненные и отправлены на пункт медпомощи...

Противник из глубины обороны вел артиллерийский огонь... благодаря задымлению огонь не приносил ущерба...

Двое аэросаней продолжали ... ставить дымзавесу.

Остальные трое аэросаней под прикрытием завесы производили переброску разведчиков по льду Финского залива на 5–6 км в каждый рейс.

На каждые аэросани размещалось по 20 чел. ..., отступая от установленных норм загрузки аэросаней (разведчики размещались в кабине, на крыше и на лыжах), и аэросани по льду с большой перегрузкой двигались безостановочно.

Итак, в несколько рейсов под прикрытием завесы и воздействием артогня противника, аэросанями вывезли 100 человек разведчиков...

Разведывательную операцию поддерживала артиллерия форта Красная Горка, которая вела огонь по батареям противника...

Ил. 12. Михаил Иосифович Левин

Пример действия группы аэросаней 39 аэросанного батальона по прикрытию дымами отхода разведгрупп с вражеского берега ... и переброски ее по льду Финского залива... показывает слаженность работы экипажей аэросаней в условиях торосистых участков и зеркальной поверхности залива при движении ночью»²⁵.

Об эффективности действий батальона говорят следующие результаты.

К марту 1943 г. батальон произвел 744 боевых выхода, пройдено 27 тыс. км. В том числе:

группа № 1 — выполнила 37 боевых заданий под огнем противника по прикрытию ГВМБ КБФ и трасс зимних дорог от артобстрелов (ил. 9), пройдено 1200 км;

группа № 2 — 36 боевых выходов для обеспечения связи между огневыми точками и КП, переброски командного состава, эвакуации раненых, обеспечения разведопераций 260 ОБМП, пройдено 1300 км;

группы № 3 и 5 — 217 боевых выходов для установления зимней трассы для автотранспорта и боевого охранения автоколонн, перевозки грузов и личного состава, пройдено 8,5 тыс. км;

группа № 4 — 179 боевых выходов для обеспечения связи между фортами, разведки и боевого охранения, пройдено 6000 км;

группа № 6 — 60 боевых выходов, пройдено 4000 км;

группа № 7 — произвела 201 рейс для перевозки грузов и личного состава в период окончания навигации и отсутствия зимней трассы, разведки ледовой дороги для трассы, выполнения особых заданий. Перевезено 35 т грузов, 1380 чел. личного состава, пройдено 5,5 тыс. км²⁶.

На основании изложенного можно предположить, что высокая результативность применения 39 оасб во многом обусловлена *двойным комплектом аэросаней*. Вероятно, использование последних было следующим.

Аэросани размещались в пунктах, откуда совершались непосредственные действия. В свою очередь это позволяло решить несколько задач:

обеспечить экономию горючего — не было необходимости перегонять технику к месту выполнения задач;

соблюсти маскировку — винты аэросаней создавали сильный шум, что предоставляло противнику возможность их обнаружения — поэтому запуск двигателя в месте выполнения задачи увеличивал живучесть и техники, и экипажей;

повысить работоспособность экипажей за счет доставки их к месту выполнения задачи, вместо совершения изнурительных маршей на технике.

Насколько последнее было актуально, становится понятным при ознакомлении с приведенными в боевых документах условиями, в которых личному составу батальона приходилось действовать.

«28 февраля 1943 года группа аэросаней ... получила задачу закрыть дымзавесой боевые корабли КБФ...

На лед Финского залива вышло трое аэросаней, оборудованные аппаратами для дымопуска ...

Противник перенес массивный прицельный огонь по аэросаням ... Снаряды рвались в непосредственной близости от аэросаней, воронки диаметром до 4-х метров затрудняли выполнение задачи. Осколками льда и снарядов пробивались корпуса и ломались винты аэросаней...

Требовалось максимум упорства, хладнокровия и умения, чтобы, маневрируя среди воронок и разрывов снарядов, продолжать выполнение задачи... Объекты, подлежащие маскировке, растянулись ... до 5-ти километров, а дымзавесу ... ставить в 3-4 раза больше длины объекта...

Экипаж аэросаней, доставлявший дымовые шашки с базы ... несмотря на то что механик-водитель ФЕДОРОВ был ранен в руку, а старшина 2й статьи АКИМОВ получил сильный ожог, не прекращал своей работы...

Шесть часов противник вел огонь... Выпустив свыше тысячи снарядов, и не нанеся никакого ущерб»²⁷.

«...в 8.00 11.3.43 г. взвод аэросаней ... отправился на огневую точку с целью доставки боеприпасов...

...Штормовая погода: ветер дул порывами силой до 8 баллов, лед ... в большинстве ... покрытый водой глубиной до 20–30 см, трещины во льду, промоины, полыньи.

Нужна была тщательная разведка пути ... Высланные для разведки бойцы не могли двигаться по льду, так как порывами ветра их безостановочно несло по гладкому льду.

В таких условиях единственным способом передвижения являлось переползание по льду. Несмотря на то, что ползти приходилось в ледяной воде, бойцы метр за метром разведывали состояние льда...»²⁸

Успешные действия батальона высоко оценивались руководством КБФ и ГАБТУ КА. В некоторых документах указывается на

ходатайство контр-адмирала Левченко о представлении батальона к званию «Гвардейский»²⁹.

Отсутствие архивных фондов непосредственно батальона несколько компенсируется наличием наградных материалов на военнослужащих батальона, анализ которых подтверждает вывод о высокой результативности 39 оасб.

По 5 приказам и одному акту произведено 101 награждение орденами и медалями при штатной численности 93 чел.

1943

По приказу Командующего Кронштадтского района обороны — 21 награждение³⁰;

по акту о вручении медали «За оборону Ленинграда» — 60 человек³¹.

1944

По 2-м приказам КМОР — 19 награждений³².

1945

Награждены 2 человека³³.

Для примера: на Карельском фронте за зимнюю кампанию 1942–1943 гг. в четырех аэросанных батальонах награждено 28 человек (в 1-м — 12 чел.; в 3-м — 2; 4-м — 8; в 8-м — 6)³⁴.

Несколько слов в заключение. Картину боевой деятельности 39 оасб удалось восстановить фрагментарно, но даже собранные при подготовке настоящей статьи отрывочные сведения позволяют отметить его особенности:

наличие двойного комплекта аэросаней;

смешанный состав (наличие и боевых и транспортных машин), не позволяющий отнести подразделение к транспортному оасб; высокая результативность.

Все это, с большой долей вероятности, указывает на то, что Кронштадтским 39 батальоном аэросаней впервые в боевых условиях использована тактика и принципы двойного базирования.

Сокращения:

АБТ, АБТВ, АБТУ — автобронетанковая (-ый), автобронетанковые войска, автобронетанковое управление

ГАБТУ КА — Главное автобронетанковое управление Красной армии

КБФ — Краснознаменный Балтийский флот

КМОР или КронМор КБФ — Кронштадтский морской район обороны КБФ

НКО, НКО СССР — Народный комиссариат обороны СССР

ОАСБ, оасб — отдельный аэросанный батальон

¹ При подготовке статьи использованы материалы и фотографии из фондов Центрального архива МО России (ЦАМО), за исключением фотографий 4, 6, 9 — они предоставлены Музеем истории Кронштадта; оргштатная схема для ил. 3 и карта (ил. 10) подготовлены М.А. Кремневой.

² Более подробно см.: Вахтеров А.В. Аэросанные части и подразделения Красной армии // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Седьмой Международн. научно-практич. конф. (Санкт-Петербург, 18–20 мая 2016 г.). В 4-х ч. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. Ч. II. С. 3–25.

³ ЦАМО. Ф. 4824 (44 ОУАСП). Оп. 90683. Д. 17. Дело № 36. Отчеты по боевым действиям ОАСБ, 1943 г. 302 л.

⁴ Там же. Ф. 60128 (Соликамское ТУ). Оп. 35365. Д. 17. Приказы по комплектованию ОАТ батальонов, 1942 г. 69 л.

⁵ Приказ Соликамского ВУ от 1.02.1942 г. № 044 // ЦАМО. Ф. 60128 (Соликамское ТУ). Оп. 35365. Д. 17. Приказы по комплектованию ОАТ батальонов, 1942 г. Л. 16–19.

⁶ Отчет о действиях аэросанных батальонов в период с 1 января по 15 апреля 1942 года // Там же. Ф. 4824 (44 ОУАСП). Оп. 90683. Д. 17. Дело № 36. Отчеты по боевым действиям ОАСБ, 1943 г. Л. 140 об.

⁷ Более подробно см.: Вахтеров А.В. Из истории 39 батальона аэросаней (по архивным материалам Центрального архива МО России) // Цитадель. 2017. № 23. С. 45–54.

⁸ Отчет о боевых действиях аэросанных батальонов за 1942–1943 гг.: Управление бронепоездов и бронемашин Главного бронетанкового управления Красной армии // ЦАМО. Ф. 4824 (44 ОУАСП). Оп. 90683. Д. 17: Дело № 36. Отчеты по боевым действиям ОАСБ, 1943 г. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ О различии боевых и транспортных батальонов см.: Вахтеров А.В. Аэросанные части и подразделения Красной Армии. С. 3–25.

¹¹ ЦАМО. Ф. 4824 (44 ОУАСП). Оп. 90683. Д. 17. Дело № 36. Отчеты по боевым действиям ОАСБ, 1943 г.

¹² Отчет о действиях аэросанных батальонов в период с 1 января по 15 апреля 1942 года. Л. 21–22.

¹³ Там же.

¹⁴ О различии боевых и транспортных батальонов см.: Вахтеров А.В. Аэросанные части и подразделения Красной армии. С. 3–25.

¹⁵ Донесение о численном и боевом составе 39-го отдельного аэросанного батальона на 1-е ноября 1943 года // ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 2221. Л. 23; То же. На 15-е ноября 1943 года // Там же. Д. 3083. Л. 100; То же. По состоянию на 01.01.44 г. // Там же. Д. 3806. Л. 154.

¹⁶ Приказ КронМОР КБФ от 17.10.1943 г. № 10 // ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 586, 626. № записи 50966517.

¹⁷ Так в тексте оригинала. — *Авт.*

¹⁸ Отчет о действиях аэросанных батальонов в период с 1 января по 15 апреля 1942 года. Л. 140 об.

¹⁹ Более подробно см.: Вахтеров А.В. Организация защиты арктических рубежей на начальном этапе Великой Отечественной войны (из опыта применения аэросанных частей Красной армии на Карельском фронте) // Безопасность социума:

гуманитарный аспект коммуникаций современности. Материалы Всероссийск. научно-практич. конф. с международным участием (Тюмень, 15–16 июня 2017 г.). Тюмень: ТВВИКУ, 2017. Разд. I. С. 38–52.

²⁰ Распоряжение ГАБТУ КА от 7.12.1942 г. № 731380с // ЦАМО. Ф. 60163 (Котласское ВУ). Оп. 35241. Д. 6. Директивные указания Главного автобронетанкового управления Красной армии и 7 управления. Л. 197–199.

²¹ Там же.

²² Отчет о боевых действиях аэросанных батальонов за 1942–1943 гг. Л. 21–22.

²³ Справка о деятельности ОАСБ на фронтах. Доклад зам. нач. Управления бронепоездов и бронемашин ГБТУ Красной армии полковника Есина: Материалы сбора начсостава аэросанной специальности, проводившегося при Котласском военном училище 23–24 июля 1943 г. // ЦАМО. Ф. 60163 (Котласское ВУ). Оп. 35241. Д. 6. Директивные указания Главного автобронетанкового управления Красной армии и 7 управления. Л. 131, 210.

²⁴ Более подробно см.: Вахтеров А.В. Организация защиты арктических рубежей... С. 38–52; Его же. Из истории 39 батальона аэросаней... С. 45–54.

²⁵ Действие аэросаней в Финском заливе по обеспечению выхода разведгруппы с вражеского берега. Боевое применение и использование аэросанных частей в Отечественной войне зимой 1943–1944 гг. // ЦАМО. Ф. 44 оуасп. Оп. 90685с. Д. № 24а: Дело № 37. Обзор боевых действий аэросанных частей в Отеч. войне 1943–1944 гг. Л. 15–17.

²⁶ Управление бронепоездов и бронемашин Главного бронетанкового управления Красной армии ... Л. 21–22.

²⁷ Боевое применение аэросаней зимой 1942–1943 года в борьбе с немецкими оккупантами // ЦАМО. Ф. 60163 (Котласское ВУ). Оп. 35241. Д. 6. Директивные указания Главного автобронетанкового управления Красной армии и 7 управления. Л. 185–187.

²⁸ Там же.

²⁹ Справка о деятельности ОАСБ на фронтах... Л. 131, 210.

³⁰ Приказ КронМОР КБФ от 17.10.1943 г. № 10.

³¹ Акт от 26.7.1943 г. вх. № 5595с // ЦАМО. Ф. 88. Оп. 21. Д. 1.

³² Приказы КронМОР КБФ: от 8.6.1944 г. № 13 // Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 781, 883; от 19.7.1944 г. № 19 // Там же. Д. 781, 886.

³³ Приказ КронМОР КБФ от 2.12.1945 г. № 45 // Там же. Д. 1340.

³⁴ Вывод зам. командующего БТиМВ Карельского фронта по действиям аэросанных батальонов за зимний период 1942–43 гг. // Отчет о боевых действиях аэросанных батальонов за 1942–1943 гг. Управление бронепоездов и бронемашин Главного бронетанкового управления Красной армии // ЦАМО. Ф. 4824 (44 ОУАСП). Оп. 90683. Д. 17: Дело № 36. Отчеты по боевым действиям ОАСБ, 1943 г. Л. 16.

В.С. Великанов (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РЕГУЛЯРНОЙ ПОЛЕВОЙ ПЕХОТЫ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В 1700–1712 ГОДАХ

В ОПРОС ОРГАНИЗАЦИИ регулярной полевой пехоты российской армии в годы Великой Северной войны 1700–1721 гг. до сих пор недостаточно изучен в отечественной историографии. Отдельные сведения общего характера, не дающие деталей об изменении организации пехотных полков в указанный период, приведены в работах А.В. Висковатова¹, Л.Г. Бескровного² и др. Из последних исследований необходимо отметить соответствующие разделы в монографии К.В. Татарникова, посвященной российской полевой армии в 1700–1730 гг.³, и книге В.А. Молтусова о Полтавском сражении⁴, однако обе работы содержат целый ряд неточностей и требуют значительного дополнения. Также необходимо упомянуть нашу статью 2007 г., в которой мы впервые специально рассмотрели вопрос организации солдатских полков российской армии в 1700–1709 гг.⁵ В настоящее время введение в научный оборот новых источников позволяет значительно расширить и дополнить сведения об организации регулярной полевой пехоты российской армии в 1700–1712 гг.

В конце XVII в. пехотные (солдатские) полки «нового строя» российской армии состояли из 10 рот, от практики прежних усиленных «генеральских» полков в 1690-х гг. уже отказались. В составе полков могли быть гренадеры (например, во Втором московском выборном солдатском полку П. Гордона), но отдельные гренадерские роты не создавались. Армия была организована по милиционному принципу, и численность рот и полков зависела от количества конкретных военно-служилых страт, из которых они формировались (полк мог насчитывать от 800 до 1800 чел.).

В мирное время милиционные полки распускались, и единственными постоянными полевыми пехотными частями (за исключением гарнизонов), оставшимися на службе, были выборные солдатские полки (три в Москве, два в Белгороде и один в Севске; всего около 7 тыс. чел.) и полки московских стрельцов (9 полков, около 7 тыс. чел.). Полки могли сводиться по территориальному принципу в разрядные полки либо во временные воеводские полки произвольного состава, какие-либо дополнительные звенья военного управления и устойчивые воинские соединения (дивизии, бригады и др.) отсутствовали⁶.

При подготовке к войне со Швецией российским правительством осенью 1699 г. было принято решение отказаться от сбора прежних милиционных полков и вместо этого сформировать из вольницы и даточных новые постоянные полки. На основе опыта Азовских походов 1695–1696 гг. новые полки было решено сводить в «генеральства» (дивизии), которые должны были состоять из одного «старого» Московского выборного полка (Преображенский и Семеновский полки на тот момент официально числились 1-й и 2-й «тысячами» Третьего выборного полка), 8 новых солдатских полков и одного драгунского. Весной-летом 1700 г. в Москве было сформировано 16 солдатских и два драгунских полка, составивших два генеральства генералов А.М. Головина и А.А. Вейде. Новоприборные солдатские полки состояли из 12 рот общей численностью 1238 чел.: «...а начальных людей в те полки (в дополнение к полковникам. — *Авт.*) довелось подполковник, майор (в генеральстве А.А. Вейде по два майора. — *Авт.*), 9 капитанов, капитан-поручик, 11 поручиков, 12 прапорщиков, полковой обозный, полковой писарь, 36 сержантов, 12 каптенармусов, 12 подпрапорщиков, 48 капралов, 12 ротных писарей, 46 денщиков; и то число в сержанты и нижние чины 168 чел полковникам велено выбрать из рядовых солдат, и затем в остатке будет по 986 чел в полку. Да в те полки велено дать из вольных 24 сиповщиков, 24 барабанщика, а всего будет в полку, опричь начальных людей, 1200 чел.»⁷ Пикинер и гренадер «московские» полки не имели. В реальности полки насчитывали в августе 1700 г. от 1011 до 1322 нижних чинов. В кампанию 1700 г. они были разделены на три батальона по 4 роты, «а в роте было обор-офицеров капитан, поручик, прапорщик (а в иных полках за излишеством офицеров было у роты и по другому поручику заротному), 2 сержанта [по штатам — 3], 1 подпрапорщик,

1 каптенармус, 1 писарь, 2 барабанщика, курииров не было, капралов 3 [по штатам — 4], рядовых по 23 в капральстве, ... 4 капралство определено было в роте рядовым полным числом»⁸. В полку Федора Балка было 9 рот вместо 12, «понеже оной полк собран был после вольницею»⁹.

Полки третьего генеральства, Н.И. Репнина, были сформированы в июле-августе 1700 г. в низовых городах. Первоначально, вероятно, они также должны были состоять из 12 рот, но 20 (9) августа 1700 г. последовал указ о формировании двух дополнительных полков, которые должны были быть отправлены на службу в Белгород¹⁰. В результате оставшиеся 9 солдатских полков состояли из 9 рот, в том числе одна гренадерская, и насчитывали 10 771 урядника и рядового: 198 сержантов, 9 полковых писарей, по 99 ротных писарей, квартирмейстеров и каптенармусов, 90 подпрапорщиков, 396 капралов, 216 барабанщиков, 144 сиповщика, 9 профосов и 9412 рядовых (10 573)¹¹. Также в состав этого генеральства был включен Второй (Бутырский) московский выборный солдатский полк.

В Нарвский поход в конце августа 1700 г. «московские» полки выступили в составе своих генеральств, но уже в середине сентября четкая организационная структура «генеральств» оказалась нарушена. Два солдатских полка, А. Гордона и А. Девсона, вошли в состав отдельного генеральства новгородского губернатора И.Ю. Трубецкого, составленного из войск Новгородского разряда, и в его составе приняли участие в осаде Нарвы и сражении 30 ноября 1700 г.¹² А в начале 1701 г. от прежнего использования генеральств в качестве устойчивых воинских соединений было решено отказаться, и войска на северо-западном направлении были разделены на две группировки, псковскую (получившую название «Большого полка») под командованием Б.П. Шереметева и новгородскую А.И. Репнина. Основу новгородской группировки составили полки низового генеральства А.И. Репнина, а московские полки генеральств А.А. Вейде и А.М. Головина были разделены между обеими группировками. При формировании весной 1701 г. вспомогательного корпуса А.И. Репнина, который должен был быть отправлен под Ригу на помощь саксонцам, в его состав вошли полки всех генеральств: 5 солдатских полков — Репнина, 8 — Головина, 2 — Вейде, новгородский солдатский Х. Абрама и псковский стрелецкий полк Ю. Вестова¹³. По возвращении корпуса А.И. Репнина из Рижского похода, войска

были разделены осенью 1701 г. на три самостоятельные группировки, вновь «Большой полк» Б.П. Шереметева во Пскове, корпус А.И. Репнина в Новгороде и отдельный отряд ладожского воеводы П.М. Апраксина. При этом полки всех трех генералств были распределены между всеми отрядами, но большая часть полков генеральства А.И. Репнина обычно оставалась под его командой. Необходимо отметить, что каждый из трех корпусов (Б.П. Шереметева, А.И. Репнина, П.М. Апраксина) был полностью самостоятельным соединением. Их командующие были независимы друг от друга и подчинялись только напрямую царю, несмотря на то что Б.П. Шереметев формально имел чин фельдмаршала. Это приводило ко множеству проблем с координацией и воинской дисциплиной. Георг Бенедикт Огильви, поступивший на российскую службу в чине фельдмаршала и назначенный летом 1704 г. командующим осадной армией под Нарвой, отмечал, что на полковом уровне солдаты и офицеры слушали команды только своих непосредственных полковых командиров и даже в боевой обстановке не подчинялись указаниям старших офицеров из других полков и генералам («должного послушания не показывают... повинной должности против неприятеля не исполняют»)¹⁴.

На полковом уровне организация пехотных полков также претерпела значительные изменения. Начиная с зимы 1700–1701 гг. количество рот в полках начало изменяться в зависимости от фактической численности. Например, в полку Н. Балка одна рота была «разобрана» в 1702 г., и еще по одной — в 1703 и 1704 гг.¹⁵ Солдатские полки под командой П.М. Апраксина имели в мае 1703 г. от 5 до 9 рот¹⁶, а в сентябре 1704 г. — от 9 до 12 рот¹⁷ (полк И. Бильса в 1703 г. — 7 рот, в 1704 г. — 12; полк Ю. Инглиса — 5 и 9 соответственно). В Большом полку Б.П. Шереметева к лету 1703 г. была введена единая 10-ротная структура, и каждый полк должен был насчитывать по 1056 «начальных людей, урядников и рядовых»¹⁸. При этом начиная с 1701 г. в московских солдатских полках начинают появляться гренадеры и пикинеры. К зиме 1702–1703 гг. гренадеры, видимо, были учреждены во всех солдатских полках «Большого полка». Шереметев жаловался Петру на отсутствие финансирования закупок амуниции для гренадер: «...и по письмам из полков на покупку меди в гранодерския роты на трубки денег Псковские Бурмистры без памятей с Москвы из Ратуши ... не дают»¹⁹. В 1704 г. гренадерская амуниция

упоминается среди потерянных при штурме Дерпта и Нарвы вещей у восьми из 13 полков Большого полка²⁰. В некоторых случаях есть прямые указания на сведение гренадер в отдельные роты. Полк Болобонова (с 1708 г. — Ярославский) в 1703 г. насчитывал 1 гренадерскую («1703: было... 96 гренадерских сум с перевязями <...> 1704: сделано 96 шапок гранодерских») и 9 мушкетерских рот, всего 33 офицера и 1007 нижних чинов²¹.

Новые полки, формировавшиеся после 1700 г., имели, как правило, 10-ротную структуру. Пять солдатских полков, сформированных зимой 1700–1701 гг. в низовых городах (Ф. Толбугина, А. Шарфа, Ф. Кара, Г. Янковского и И. Тыртова), состояли из 10 рот. Такую же организацию имели 5 полков, сформированных Разрядным приказом летом 1703 г. (И. Спешнев, М. Кобелев, Б. Батурин, С. Норов и И. Бернер), и 5 солдатских полков Севского разряда (И. Сак, Е. Верден, А. Рагозин, Я. Рагозин и И. Хотунский), набранных в начале 1705 г.²² Четыре полка, набранные Военным приказом в 1703 г. (И. Канищев, С. Нелидов, И. Нелидов и Е. Гулиц), имели различную организацию, три полка состояли из 10 солдатских рот, а полк С. Нелидова — из гренадерской и 10 солдатских рот²³.

Полки, вошедшие весной 1704 г. в состав российского вспомогательного корпуса на польско-саксонской службе, в августе 1704 г. были переформированы в 9-ротные полки, состоявшие из одной гренадерской и 8 мушкетерских рот, численностью по 100 чел. в роте²⁴. Позднее, в августе 1705 г. в частях корпуса были введены новые штаты по образцу саксонских, и роты должны были состоять из 78 чел. (в гренадерских ротах — 76): капитан, лейтенант, прапорщик (только в мушкетерских ротах), 2 сержанта, каптенармус, фурьер, старший капрал (только в мушкетерских ротах), 3 капрала, 2 барабанщика, 65 рядовых²⁵. Тогда же гренадерские роты всех восьми полков корпуса были сведены в один сводный гренадерский батальон под командованием подполковника Матиаса фон Карпа. В ноябре один из полковых командиров, полковник П. Левинстон, получил отставку, а его полк добавлен 2-м батальоном в полк И.Р. Паткуля. Также к этому полку в конце ноября был добавлен и сводный гренадерский батальон²⁶. После разгрома под Фрауштадтом 13 февраля 1706 г., остатки российского корпуса были сведены в один сводный полк под командованием подполковника С. Ренцеля, состоявший из 13 рот (в том числе одна гренадерская)²⁷. Позднее летом 1707 г.,

уже после возвращения в Россию, остатки полка были переформированы в стандартный 9-ротный полк, получивший название Саксонского, или Ренцелева.

На основе опыта и информации, полученных в ходе летней кампании 1704 г., осенью того же года Г. Огильви был сделан целый ряд предложений по реорганизации российской армии²⁸. В первую очередь он предлагал определить состав полевой армии, расписать полки на бригады и дивизии и ввести в полках единые штаты. Согласно представленному Г. Огильви 12 октября 1704 г. проекту полевая армия должна была состоять из 30 пехотных (66 батальонов) и 16 драгунских полков (96 эскадронов), разделенных на 2 дивизии (в боевом порядке — линии) под командованием генерал-лейтенантов, каждая по 4 бригады (3–5 полков) под командованием генерал-майоров²⁹. За основу для данного «генерального расписания» Г. Огильви взял табель осадной армии под Нарвой 15 августа 1704 г. В том же письме Г. Огильви были также предложены и новые штаты пехотных полков, согласно которым полк должен был состоять из одной гренадерской и 8 фузилерных рот, каждая по 150 чел. (включая 119 рядовых), сведенных в два батальона, общей численностью 1364 чел.³⁰

Предложения Г. Огильви были в целом одобрены, и переход на новые штаты произошел весной 1705 г., когда войска главной армии находились в восточной Литве. Однако в предложенные им штаты были внесены незначительные изменения: пехотный полк должен был насчитывать по полным штатам 1300 строевых и состоять из гренадерской (100 чел.: капитан, поручик, сержант, фурьер, ротный писарь, 2 барабанщика, 2 ротных денщика, 4 капрала, 8 ефрейторов, 79 рядовых гренадеров) и 8 мушкетерских (150 чел.: капитан, поручик, прапорщик, сержант, подпрапорщик, фурьер, ротный писарь, 3 барабанщика, 3 ротных денщика, 6 капралов, 12 ефрейторов, 119 рядовых) рот³¹. Исключение составляли лишь Преображенский (четыре батальона), Семеновский, Ингерманландский и Огильви пехотные полки (последние три состояли из одной гренадерской и 12 мушкетерских рот)³². Данная полковая организация осталась практически неизменной до 1711 г., единственное изменение было связано с появившейся в конце 1705 г. практикой сведения гренадерских рот в сводные батальоны и полки.

Первые сводные гренадерские батальоны в составе главной армии появились осенью 1705 г. Согласно составленному

Г. Огильви новому расписанию полевой армии (озаглавленному «Учреждение пехоты») пехота (45 батальонов, включая 4 сводно-гренадерских) была разделена на 3 дивизии (генерала А.И. Репнина, генерал-поручиков Л.Н. Алларта и В. Венедигера), состоявшие из 7 бригад (генерал-майоров З. Арнштедта, О. Бирона, В. Швейдена, И. Чамберса, Ф. Беллинга, И. Риддера и бригадира Б. Повиша)³³. Временные сводно-гренадерские батальоны состояли из 5 рот каждый и были сведены в отдельную бригаду Повиша. По состоянию на 21 июля 1706 г. в этих четырех батальонах в Киеве насчитывалось 2093 чел. включая больных и до полных штатов в них не хватало 525 чел.³⁴ В апреле 1707 г. 22 гренадерские роты пехотных полков главной армии уже были сведены в 6 сводных батальонов³⁵. При этом административно и в хозяйственном плане (финансирование, снабжение амуницией, пополнение личного состава и др.) гренадерские роты продолжали оставаться в составе своих прежних полков. Необходимо также отметить, что сами пехотные полки в хозяйственных документах в 1701–1706 гг. продолжали учитывать по прежним «генеральствам», что помогало учитывать преемственность при очередной смене полкового командира и вести подсчет доходов и расходов по ведомствам (часть полков главной армии финансировались не Военным приказом, а иными ведомствами, например Московский полк — из доходов Новгородского приказа и др.)³⁶.

В дальнейшем практика формирования временных сводных гренадерских батальонов и полков сохранилась, однако их организация и состав зависели от изменений в организации пехоты главной армии. В августе 1707 г. пехота главной полевой армии была разделена на два корпуса, так называемую «виленскую пехоту» под командой А.И. Репнина и «минскую пехоту» под командой Б.П. Шереметева. В каждой из этих двух группировок гренадерские роты их полков были сведены в отдельные сводные гренадерские полки. «Виленская пехота» Репнина состояла из гренадерского (7 рот, полковник Тейлор) и 9 пехотных полков (19 батальонов), общей фактической численностью около 10 тыс. чел.³⁷ «Минская пехота» Шереметева состояла из гренадерского (10 рот, полковник Бук) и 10 пехотных полков (21 батальон), также фактической численностью около 10 тыс. чел.³⁸

В марте 1708 г. пехота главной полевой армии была разделена на 3 дивизии (фельдмаршала Б.П. Шереметева, генералов Л.Н. Алларта и А.И. Репнина), каждая из которых состояла

из одного гренадерского и 7-8 пехотных полков (всего 3 гренадерских и 22 пехотных полка)³⁹. Гренадерский полк был сводным и состоял из гренадерских рот, временно откомандированных от пехотных полков дивизии. При этом административно и в хозяйственном плане гренадерские роты продолжали оставаться в составе своих полков. Каждая из дивизий состояла, в свою очередь, из 3 бригад по 2-3 полка. Таким образом, организация новых дивизий в чем-то была похожа на генеральства образца 1700 г.: один элитный (выборный) полк и 8 обычных. Оба гвардейских полка (Преображенский и Семеновский), а также Астраханский и Ингерманландский были сведены в отдельную бригаду. Воинские отряды, действовавшие на самостоятельных направлениях, составили отдельные соединения. В районе Полоцка — Дерпта — Пскова находился корпус генерал-поручика Р.Х. Боура, состоявший из его драгунской дивизии и пехотной дивизии (4-й) генерал-майора Н. фон Вердена, в составе которой также был сформирован сводный гренадерский полк полковника Ю. Буша⁴⁰. Полевые и гарнизонные войска, размещенные в Ингерманландии, составили отдельный Ингерманландский корпус под командованием Ф.М. Апраксина.

В декабре 1708 г. из состава главной армии в южную Польшу был направлен отдельный корпус (в ряде документов упоминаются названия «Заднепровский корпус» или «дивизия») под командой генерал-лейтенанта фон дер Гольца. В его состав вошли 6 пехотных полков (12 батальонов), отобранных из состава всех четырех дивизий, а также сводный 6-ротный гренадерский полк, насчитывавший 741 чел.⁴¹ Оставшиеся полки главной армии Б.П. Шереметева (22 полка без учета гвардейской бригады) в апреле 1709 г. были по новой расписаны по 3 дивизиям (А.Д. Меншикова, Л.Н. Алларта и А.И. Репнина), в каждой из которых было сформировано по сводному гренадерскому полку⁴². В дальнейшем состав дивизий оставался условно-постоянным во время всей Великой Северной войны 1709–1721 гг. Таким образом, к лету 1709 г. было сформировано 4 сводно-гренадерских полка (три в главной армии и один в корпусе Гольца), из которых в Полтавском сражении приняли участие три. В работе Н.П. Поликарпова (а позднее, с ссылкой на данную работу, и в справочнике М.Д. Рабиновича) на основании нарративных источников упоминается участие гренадерского полка де Боа⁴³, однако данный факт не подтверждается документальными

источниками. Также весной 1709 г. встречаются первые упоминания о централизованном снабжении новых гренадерских полков комплектами униформы и амуницией, в частности Квашнин-Самарин сообщал, что в мае 1709 г. в полевую армию были поставлены: «...шапок гренадерских на 3 полка 3 манеров — 2920, сум гренадерских с перевезями и с портупейми лосинными и с лядунки на 2 полка полное число»⁴⁴.

Гренадерский полк в составе Ингерманландского корпуса Ф.М. Апраксина под командованием полковника И. Лутковского был сформирован в 1710 г., при этом 12 откомандированных от пехотных полков гренадерских рот были переформированы в 8⁴⁵. Таким образом, к началу Прутского похода в 1711 г. в составе российской армии имелось 5 сводных гренадерских полков: Т. Юнгора (дивизия А.Д. Меншикова, с 1711 г. А.А. Вейде), П. Ласси (дивизия А.Н. Репнина), А. Фрезера (дивизия Л.Н. Алларта), А. Аданова (дивизия Н. Эндберга, ранее Гольца) и Д. Бильса (корпус Ф.М. Апраксина). В 1709–1712 гг. в составе дивизий могли происходить незначительные изменения, и один-два полка могли передаваться из одной дивизии в другую. К сожалению, отсутствие сохранившегося полного массива полковых документов гренадерских полков на период до 1712 г. не позволяет достоверно установить, сопровождалась ли эти изменения переводами гренадерских рот соответствующих полков.

Окончательно организация пехотных полков была определена в 1711–1712 гг. Согласно новым штатам, утвержденным 19 февраля 1711 г., пехотный полк должен был состоять из 8 фузилерных рот, гренадерская рота в штат полка уже не входила. По «примерной табели» пехотный полк должен был насчитывать 1483 чел., в том числе: полковой штаб — 11, служащих ротного штаба — 1264, неслужащих — 208⁴⁶. Каждая рота насчитывала 158 служащих: капитан, поручик, подпоручик, прапорщик, сержант, подпрапорщик, каптенармус, фурыер, 6 капралов, 144 рядовых. Гренадерские полки (в количестве пяти) изначально в феврале 1711 г. оказались за штатом армии, и источники расходов на них определены не были. В течение того же года гренадерский полк Ингерманландского корпуса «был положен на расходы» С.-Петербургской губернии вместо одного из гарнизонных полков. Остальные 4 полка были включены в штат армии 29 января 1712 г.: «7 (трех конно-гренадерским и четырем гренадерским. — *Авт.*) гренадерским полкам, которые ни на какую

губернию не были положены, быть в том же числе в 75-ти полках, а вместо них из положенных на губернии 7-мь же полков снять из новых... и разобрать в комплект по полкам». Тем же «приговором» Сената гренадерским полкам были положены единые с пехотными полками 8-ротные штаты и «быть... по 1487 человек»⁴⁷. Все гренадерские полки были приведены к новым единым штатам в течение первой половины 1712 г. В частности, гренадерский полк Мегдена (Алларта) в 1712 г. получил мундир по новым 8-ротным штатам на 1296 нижних чинов (включая нестроевых): «прибыло 1296 гренадерских шапок, 1296 галстуков, 1296 кафтанов, 1296 пар чулок, 1296 епанеч, 16 пистолетов, 8 фурьерских значков, 48 капральских ночников, 16 деревянных барабанов с чехлами»⁴⁸.

Таким образом, в период 1700–1704 гг. в российской полевой армии отсутствовали единые штаты пехотных полков. Полки насчитывали от 8 до 12 рот, штатная численность рот также была различной и зависела от обстоятельств формирования полка. Гренадерские роты появились уже осенью 1700 г., однако практика их создания не была повсеместной. Весной 1705 г. по предложению Г. Огильви были введены общие полковые штаты, по которым каждый полк (за несколькими исключениями) состоял из гренадерской и 8 солдатских (фузилерных) рот, общей численностью 1300 строевых чинов. Осенью того же 1705 г. в российской армии была внедрена практика формирования сводных гренадерских батальонов и, позднее, полков. Их состав и численность были переменными и зависели от состава соединений (корпусов и дивизий). Сами гренадерские роты считались временно откомандированными и административно и хозяйственно продолжали вестись в составе своего прежнего пехотного полка. «Генеральства», созданные летом 1700 г. как постоянные воинские тактические соединения, уже с зимы 1700–1701 гг. трансформировались в учетно-административные группы в ведении Военного приказа. В военно-организационном плане армия вернулась к прежней модели воеводских полков, и лишь начиная с 1702–1703 гг. начинает появляться термин «бригады» в отношении соединений более или менее постоянного состава. Осенью 1704 г. Г. Огильви была предпринята первая попытка упорядочить организацию армии, разделив ее на дивизии и бригады. Однако фактически это было реализовано лишь осенью 1705 г. на зимних квартирах в Гродно. В 1706–1707 гг. армия вновь

состояла из корпусов (воеводских полков) и бригад переменного состава, и лишь в марте 1708 г. пехота главной армии была разделена на 3 дивизии. Дивизионная организация сохранилась практически до конца Великой Северной войны, при этом состав дивизий неоднократно менялся. В составе каждой дивизии формировался сводный гренадерский полк, однако, как изменялся его состав при изменении состава дивизий, в настоящий момент достоверно не установлено. В феврале 1711 г. были утверждены новые штаты пехотных полков, по которым они состояли только из 8 фузилерных рот. Вопрос содержания имевшихся на тот момент 5 сводных гренадерских полков определен не был, и потребовался год на принятие окончательного решения: все имевшиеся гренадерские полки были включены в штат армии в качестве самостоятельных постоянных полков и получили стандартную 8-ротную организацию. В таком виде полевая пехота российской армии просуществовала до конца Великой Северной войны.

¹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 2. СПб., 1889. С. 7.

² Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. (очерки). М., 1958. С. 39–41.

³ Татарников К.В. Русская полевая армия 1700–1730: обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 17–34.

⁴ Молтусов В.А. Полтавская битва: уроки военной истории. 1709–2009. М., 2009. С. 243–251.

⁵ Великанов В.С. Русская пехота от Нарвы до Полтавы: Развитие структуры и организации полевых солдатских полков в 1700–1709 // Воин. № 4. 2007. С. 22–29.

⁶ Подробнее об организации российских вооруженных сил в 1699 г. см.: Великанов В.С. К вопросу об организации и численности российских вооруженных сил в 1699 г. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международн. научно-практич. конф., 15–17 мая 2013 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 335–350; Его же. Росписи русской армии по разрядным полкам в 1650–1680 гг.: попытка создания военно-окружной системы // Военно-исторический журнал. 2018. № 12. С. 16–21; Его же. Участие стрелецких полков в боевых действиях на начальном этапе Великой Северной войны (1700–1706 гг.) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международн. научно-практич. конф., 13–15 мая 2015 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. С. 396–409.

⁷ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Отд. III. Обзорения и описания док. Кн. 5. М., 1888; Отд. II. С. 21; Татарников К.В. Указ. соч. С. 31. См. также: Северная война 1700–1721 гг. Сб. док. Т. 1. 1700–1709. М., 2009. С. 25. № 16. 1700 г. марта 19. — Память из Поместного приказа на Генеральный двор в Преображенском о назначении в полки офицеров, сиповщиков и барабанщиков.

⁸ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (сост. Т.С. Майкова). Вып. 2. М., 2004. С. 349.

⁹ Там же.

¹⁰ Попов Н.Н. История 2-го гренадерского Ростовского полка. Т. 1 (1700–1762). М., 1902. Прил. С. 16–17.

¹¹ Там же.

¹² Gordon A. The history of Peter the Great. V. 1. Aberdin, 1715. P. 144; Hallart L.N. Das Tagebuch des Generals von Hallart über die Belagerung und Schlacht von Narva, 1700. / Her. von Dr. Fr. Bienemann jun. Reval, Berlag von Franz Kluge, 1894. S. 24.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Дела разных городов. № 90. Л. 89–103; ВПЖ. Стлб. 69–70.

¹⁴ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 2. № 3. Л. 429–429 об.

¹⁵ Татарников К.В. Указ. соч. С. 20.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Смотровые списки. № 77. Л. 43–48 об.

¹⁷ Там же. № 78. Л. 51–65.

¹⁸ Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника малтийского, с. апостала Андрея, Белого орла и прусского ордена кавалера, графа Бориса Петровича Шереметева. Ч. 1. М.: Изд-во Императ. Ун-та, 1778. С. 187–188. № 58 от 24 июня 1703 от Ям.

¹⁹ Там же. С. 141. № 36 от 23 февраля 1703. См. также: Там же. С. 151, письмо Шереметева от 7 марта 1703 г.: «Ныне же вновь делают медные трубки в чем Гранодеры фитиль носят»

²⁰ Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск Шведского короля // Материалы Военно-ученого архива. Вып. 1. СПб., 1871. Стлб. 166–169, 171–172.

²¹ Татарников К.В. Указ. соч. С. 251.

²² РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Дела разных городов. № 61. Л. 223; Великанов В.С. Формирование и службы севских полков набора 1705 г. // *Studia internatinalia: Материалы IV международн. научн. конф. «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»* (1–3 июля 2015 г.). Брянск, 2015. С. 95–102.

²³ РГАДА. Ф. 145. Приказ Великого княжества Смоленского. Оп. 1. 1704 г. № 31. Л. 2–29; Великанов В.С. Русский вспомогательный корпус на польско-саксонской службе в 1704–1707 гг. и сражение при Фрауштадте. М.: Фонд «Русские Витязи», 2018. С. 14.

²⁴ Там же. С. 22–23.

²⁵ Там же. С. 45–46; РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. 1705. Дела Паткуля. № 2. Л. 80.

²⁶ Там же. С. 48.

²⁷ Там же. С. 70.

²⁸ Подробнее см.: Великанов В.С. Инициативы генерал-фельдмаршала Г.Б. Огильви по реформированию русской армии в 1704–1705 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2015. № 5. С. 49–50.

²⁹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1863. С. 486.

³⁰ Там же. С. 478–481. Исключение должны были составить Преображенский, Семеновский и Ингерманландский полки из 1 гренадерской и 16 фузилерных рот, сведенных в 4 батальона.

³¹ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Д. 4. Л. 731–732 об. и 734–734 об. См. также: Зезюлинский Н. К родословию 34-х пехотных полков Петра I. Петроград, 1915. С. 94–95. Указанную организацию (гренадерская рота — 100 чел., 8 мушкетерских по 150 чел.) подтверждает также британский посланник Ч. Витворт (Сборник императорского русского исторического общества. Т. 39. СПб., 1884. С. 61–66).

³² РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Д. 4. Л. 735.

³³ Там же. Л. 720.

³⁴ Письма и бумаги Петра Великого (далее — ПиБ). Т. IV (1706 г.). СПб., 1900. С. 308. № 1288. Памята на табели, сколько нужно добавить урядников и солдат в пехотных полках. Находившихся в Киеве (21 июля 1706 г.).

³⁵ ПиБ. Т. V. СПб., 1907. С. 183. Резолюция на докладных пунктах князя А.И. Репнина от 23 апреля 1707 г.: «...быть гренадерским батальонам... по прежнему особливо... их в 22 ротах надлежит быть 6 батальонов»; Сборник военно-исторических материалов. Вып. 5: Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (под ред. А.З. Мышлаевского). СПб., 1893. С. 334–335. Прил. № 7. (Далее — Сборник ВИМ).

³⁶ См., напр.: ПиБ. Т. IV (1706 г.). СПб., 1900. С. 341–346. № 1326. Роспись жалования пехотным и драгунским полкам (1706 августа 17); Сборник ВИМ. Вып. 5. С. 332–333. Прил. № 6.

³⁷ Сборник ВИМ. Вып. 1: Северная война: документы 1705–1708 гг. (под ред. Д.Ф. Масловского). СПб., 1892. Прил. С. 12–13. № 6.

³⁸ Там же. Прил. С. 6–7. № 3; См. также: Там же. Прил. С. 4–5. № 2.

³⁹ Мышлаевский А.З. Северная война 1708. От р. Уллы и Березины за р. Днепр. СПб., 1901. С. 4–5.

⁴⁰ Письма к государю императору Петру Великому от ... графа Бориса Петровича Шереметева. Ч. 2. М., 1778. С. 49–50; также см: Труды Императорского Русского Военно-исторического общества. Т. 1. СПб., 1909. С. 13.

⁴¹ Северная война 1700–1721 гг. Т. 1. С. 515–516. № 467. 1709 г. сентябрь. — Табель его царского величества кавалерии и инфантерии, ныне в Польше обретающиеся сентября по ... число 1709.

⁴² Сборник ВИМ. Вып. 5. С. 350–351. Прил. № 13.

⁴³ Поликарпов Н.П. О некоторых войсковых частях, принимавших участие в «Генеральной баталии» под городом Полтавой 27-го июня 1709 года. (По архивным изысканиям) // Военный сборник. СПб., 1909. № 6. С. 223–224. № 35; Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698–1725 гг. Краткий справочник. М., 1977. С. 66. № 291.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. № 2. Л. 830 об.

⁴⁵ Татарников К.В. Указ. соч. С. 209.

⁴⁶ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 4. СПб., 1830. № 2319. С. 595–611.

⁴⁷ Доклады и приговоры Правительствующего сената. Т. II. Год 1712-й, кн. 1 (январь — июль). СПб., 1882. С. 58–63. № 91. Приговор Правительствующего Сената от 29 января 1712.

⁴⁸ Татарников К.В. Указ. соч. С. 208.

А.В. Витол (Санкт-Петербург)

КРИТСКАЯ ВОЙНА (1645–1669) — ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПОБЕД ОСМАНСКОГО ОРУЖИЯ

В СВЯЗИ С СОВРЕМЕННЫМИ событиями в Сирии значительно усилилось внимание к Ближнему Востоку в мировой и отечественной историографии. Начало XXI в. — время очередного осмысления итогов Первой мировой войны, когда прекратили существование крупнейшие мировые империя — Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская. Вновь становится очевидным, что последствия этих событий еще далеко не определены для России. Отголоски их, так или иначе, проявляются до настоящего времени в виде войн и военных конфликтов на Ближнем Востоке. В последние годы Россия вновь подверглась жесткому испытанию на прочность. Постоянный, как сейчас выражаются, «партнер» (скорее, конечно, «противник», но тоже с существенными оговорками) Турция вновь привлекает к себе внимание как государственное образование. С этой страной у России много общего, многочисленные русско-турецкие войны прошлого, а также периоды кратковременного сближения.

В настоящее время заметно общее противостояние обоих государств по отношению к Западу (заметим, что во второй половине XIX в. под «Западом» подразумевалась, конечно же, Европа, а ныне — не только европейские страны, но и США). Несмотря на постоянные попытки как России, так и Турции, стать «своей» на Западе (Турция после Крымской войны 1853–1856 гг. стала членом «Европейского концерта» держав, а теперь — НАТО; Россия была основным участником создания «Венской системы» после 1815 г. и воевала на стороне Антанты против Тройственного союза в Первой мировой войне), оба государства постепенно «отторгаются» Западом.

Имеются регионы, где столкновение интересов Турции и России, казалось бы, неизбежно — Балканы, Кавказ, Крым, Причерноморье. Однако в реальности все обстоит не так однозначно. На рубеже XVII и XVIII вв. России в коалиции с Австрией, Польшей и Венецией удалось потеснить Турцию в Азовском регионе. Войска Петра I вместе с молдавским господарем Дмитрием Кантемиром потерпели поражение в Молдавии (Прут, 1711). Затем, вслед за неопределенностью середины XVIII в.¹, в истории России наступил новый период — эпоха Екатерины II.

Унаследованную от правления Петра I «турецкую» проблему пытались теперь решать на новом уровне. Средневековую идею «Москва — Третий Рим» можно было положить в основу проектов о превращении берегов Черного моря в русские владения². Борьба с Крымом, который полагал себя наследником Золотой Орды, отразилась на «мегаполе» российской большой политики. Для России это означало противостояние с Польшей за возврат утраченных в Смутное время земель и борьба со Швецией за выход к Балтийскому морю. Не случайно события в Польше, борьба за возвращение русских земель, а также за покровительство над «диссидентами»³ совпали с идеями защиты православных в Турции.

Затяжной характер конфликтов с Польшей, а в 1768 г. и с Турцией, вынудил Екатерину II «поделиться» с Пруссией и Австрией и пойти на первый «раздел» Польши в 1772 г. Как и предлагал Фридрих II, Пруссия заняла низовье Вислы (так называемую Западную Пруссию с г. Торн), а Россия получила территорию по Западной Двине⁴ и Среднему Днепру, Австрия — Галицию.

Одновременно с событиями в Польше велась война с Турцией, которая, как и Польша, рассчитывала на ослабление позиций Петербурга из-за крестьянской войны под руководством Пугачева.

Швеция, на выступление которой очень рассчитывала Порта (память о Карле XII еще сохранялась), намеревалась напасть на русский флот у Кронштадта, с дальнейшей целью овладеть Петербургом. Война была непопулярна среди шведских, а также особенно финских офицеров. Екатерина II называла ее «дурацкой», и закончилась она с «ничейным» результатом (1790) при Густаве III, которого острая на язык Екатерина II назвала

«фуфлыгой». Впрочем, как пишет наш известный полигистор А.Б. Широкоград, в Санкт-Петербурге осознали, что столица империи слишком уязвима как с моря, так и с суши⁵.

Для России события в Польше после не такой давней, с исторической точки зрения, польской агрессии и «казацкого царства» (Смутного времени) — польские войны («разделы») — были своего рода компенсацией за временное ослабление и за абсурдность противостояния близких славянских народов. Война с Османской империей — расставление акцентов татарско-славяно-турецкой борьбы за территорию и наследие Римской империи, которая в XVIII в. все чаще именовалась «Византией». XVII–XVIII вв. — время больших перемен и подъема России. Это проявлялось не только на военных театрах в Азии и Европе, но и было заметным в усилении церковных и иных связей Русского государства с той частью бывшей Византии, которую относили к ближневосточному христианству, хотя на этой территории и сохранялось османское доминирование.

Явные признаки усиления России в XVIII в. вдохновили христиан Ближнего Востока на поиск путей избавления от туркокрации (греческий термин обозначения эпохи правления турок). К.А. Панченко считает, что выдающуюся роль в истории России сыграл иерусалимский патриарх Паисий (1645–1661)⁶. Он принадлежал к довольно редким типам православных лидеров, активно стремившихся работать на «опережение» современной ему ситуации. Паисий был одержим идеей создания «неовизантийской» империи, объединяющей православный мир. Он участвовал в переговорах с Б. Хмельницким. «Проект» Паисия (вернее, один из его вариантов) предусматривал создание московско-запорожско-молдавской коалиции⁷, которая смогла бы воспользоваться тем, что османы были заняты на Венецианском и других европейских фронтах.

Конечно, православные «проекты» — сравнительно редкая «экзотическая» вещь. Поэтому они не особенно и упоминаются в историографии, а некоторым историкам просто неизвестны.

После упоминания выдающегося православного грека Паисия наступило время перейти к турецко-венецианской войне 1645–1669 гг. Имеют ли к этой войне отношение греки Византийской империи? Несомненно! Дело в том, что связанное с Венецией венецианское владычество наложило

отпечаток на судьбу греков с XV в., но можно датировать и более ранним временем. Вспомним, что IV Крестовый поход, который иногда называют «Венецианским», привел к трагедии 1204 г. — падению Византийской империи. Как известно, удар Запада был настолько силен, что Византии уже никогда не удалось восстановить свое могущество вплоть до окончательного падения в 1453 г. Византия после 1204 г. разделилась на несколько частей, и основной частью, «империей», была Никейская, а другие части именовались Трапезундская, Фессалоникская и Латинская.

Венецианский дож стал называться «господином четверти и трех восьмых от Римской империи». На Востоке возникла венецианская колониальная держава; ей принадлежали пути от самого города до Константинополя. Она контролировала Проливы и подходы к Константинополю с моря, в самой столице — $\frac{3}{8}$ территории и Святую Софию. Эта Венецианская империя и называлась «венетократией». Остальная бывшая территория Византии именовалась «латинократией»⁸. «Венетократия» (от названия Венеции в Средиземном море — «veneto») — необходимое дополнение к общей картине Средиземноморья (прежде всего — Восточного; подобное разделение существовало еще, например, в период борьбы между Римом и Карфагеном).

Иногда полагают, что османы захватили все острова Восточного Средиземноморья, но все было сложнее. На этих территориях шла непрерывная венециано-турецкая война. Во время шестой из таких войн⁹ османы решили дать серьезное сражение венецианским войскам и флоту. Повод для войны был нешуточным: захват мальтийцами крупного турецкого галеона с паломниками, направлявшимися в Египет. Турецкий султан Ибрагим I (1640–1648), который в очередной раз вернул Турции Азов, считал себя единственным законным преемником византийской династии Палеологов, потребовал от Венеции вернуть Крит, населенный в основном греками, турками, арабами.

В Кандийской войне победили османы. Флоты Турции и Венеции, поддержанной европейскими державами, воевали с переменным успехом. Греки участвовали в партизанской борьбе как на Крите, так и на материке. Венецианское (католическое) правление не вызывало у греков восторга, тем более, что турки приняли меры по возвращению Православной церкви Критской

митрополии и семи епископатов. Жесткие меры по предотвращению грабежей мирного населения в значительной мере удались османам (свою «имперскую» ответственность они с себя не снимали).

Кандийская война запомнилась в истории Европы таким печальным событием, как грандиозный взрыв порохового склада в Парфеноне, в который попало раскаленное венецианское ядро. Современники и историки обратили внимание, что Кандийская война длилась около 25 лет, т. е. больше, чем Троянская. Кандийская война — одна из самых кровопролитных в истории Европы (до наполеоновских войн). Криту оказывали помощь (правда, в небольших количествах) войска папские, испанские, французские, брауншвейг-люнебургские, баварские, имперские (австрийские), войска епископа Страсбургского, сборные дружины с островов Корфу, Кефалонии, Занте и др. Одним словом, это противостояние с Западом османы выиграли. Однако в эти же годы состоялась война Турции с Австрией. При перевале Сент-Готхард австрийцы победили. Интересно, что войны, проходившие в это время в Европе, получили изящное название «кружевных». По-видимому, это отражало и удивление турок от высокой боеспособности французских отрядов, которых суровые янычары называли «юными девами» из-за бритых лиц и кружевных воротников. Впрочем, шпаги оказались не менее смертоносными, чем ятаганы, а кружева не снижали мужественности европейцев. Серьезное поражение турок под Веной в 1683 г. (Ян Собесский, война 1683–1699) знаменовало начало «эпохи отступления» для Порты, хотя в обороне турки были сильны, как всегда.

Упомянем еще раз Кандийскую войну: она подтвердила высокую способность турок к траншейной (минной) войне, напомнившей взятие Родоса в 1523 г., когда в главных операциях надежды тоже возлагались на мины и артиллерию.

Двухсотлетний период греческих мучений под турецким игом заканчивался. После прихода к власти реформатора Махмуда Второго началось восстание греческого населения за независимость. Начало событий сопровождалось резней греческого, турецкого и еврейского населения в Османской империи. Однако 31 марта 1833 г. последний турецкий гарнизон покинул Афины. При помощи войск России, Англии и Франции Греция добилась независимости и даже побед на море:

вспомним о знаменитых атаках греческих брандеров — своего рода морских камикадзе.

Несмотря на теснейшую связь России с Грецией, история сложилась таким образом, что Греция оказалась в зоне влияния Запада. В войне 1919–1922 гг. между Грецией и Турцией Советская Россия выступила на стороне Турции: Ленин поддерживал Ататюрка. Именно этот период стал «золотым фондом» взаимоотношений России и Турции. После Второй мировой войны Греция оказалась под английским и американским влиянием, хотя умонастроения населения были на стороне России — СССР. О греках, проживавших в СССР, так называемых понтийских греках, разговор должен быть отдельный¹⁰.

¹ По сути дела Белградский мирный договор (1739) остановил продвижение России к Черному морю. На время Санкт-Петербург перестает опаривать у турок их крымско-татарских вассалов (ногайцев и др.) и южные степи. К этому вопросу вернулись только через 30 лет — Б.Э. Нольде. История формирования Российской империи. СПб., 2013. Ч. 1. С. 1 — из издания, размещенного в Интернете.

² Несмотря на постоянные упоминания о том, что Русь обязана Византии (а также Болгарии и Сербии) своей православной религией, русские люди как бы присвоили себе «монополию святости» и не очень желали выслушивать укоры многочисленных греков — даже таких высокоученых, как Максим Грек — о том, как надо «правильно» отправлять религиозные обряды. См.: Любавский М. Русская история от Скифии до Московии. М., 2012. С. 367.

³ Это слово, возродившееся в XX в., имело особое историческое значение. Диссидентами (т. е. «отделившимися», на латинском языке) поляки называли не католиков (за исключением анабаптистов, социан и квакеров), т. е. лютеран и православных. Защита православных (т. е. православных украинцев, русских и белорусов) и лютеран (жителей Пруссии, в частности) объединила таких государственных деятелей, как Екатерина II и Фридрих II, т. е. Россию и Пруссию. С ними связаны «разделы» польских владений. Фридрих II, по мнению многих исследователей, поспешил заинтересовать в разделе Польши своих союзников — Россию и Австрию. Образовались три конфедерации — протестантская, русская и польская — Барская (по названию г. Бар, в 60 верстах к западу от Винницы). Барская конфедерация оказалась жизнеспособной, ее участников называли гайдамаками.

⁴ Т. е. то, что называли Инфлянтами Польскими.

⁵ Широкоград А.Б. Финляндия. Через три войны к миру. М., 2009. С. 49. Петр I, конечно, понимал уязвимость новой столицы, но сознательно обострил ситуацию для активного вовлечения России в мировой исторический процесс.

⁶ Паисий проживал в разных местах, и основное место его пребывания — не Иерусалим, а столица османов — Стамбул, место нахождения константинопольского патриарха.

⁷ Панченко К.А. Османская империя и судьбы православия на арабском Востоке (XVI– начало XIX в.). М., 1998. С. 84.

⁸ Острогорский Г. История Византийского государства. М., 2011. С. 514. (Латинское государство и восстановление Византийской империи (1204–1261)). О Латинской Греции, или Латинской Греции, лучшей монографией до сих пор является труд крупнейшего немецкого историка Ф. Грегоровиуса (1821–1891) «История города Афин в Средние века». М., 2009. Подзаголовок «От эпохи Юстиниана до турецкого завоевания» в русском переводе не соответствует содержанию, которое гораздо шире. К сожалению, работа Ф. Грегоровиуса по разным причинам недостаточно известна отечественным исследователям, хотя была издана на русском языке в 1900 г. и переиздана в 2009 г.

⁹ Некоторые острова представляли собой самостоятельные владения: например, о. Наксос — предшественник Израиля, а крупнейший остров Кипр стал английским только в 1878 г.

¹⁰ Чичкин А. Друзья и враги за Кавказским хребтом. М., 2013. (Серия «Военный архив»).

Н.А. Власов (Санкт-Петербург)

МОГ ЛИ МАРШАЛ БАЗЕН СПАСТИ ФРАНЦИЮ? ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОРЫВА РЕЙНСКОЙ АРМИИ ИЗ МЕЦА В СЕНТЯБРЕ 1870 ГОДА

МОЛНИЕНОСНЫЙ РАЗГРОМ французов стал в 1870 г. полной неожиданностью для большинства наблюдателей. Активные боевые действия начались в первых числах августа, а уже 2 сентября половина императорской армии во главе с Наполеоном III капитулировала в Седане, а вторая половина была блокирована в Меце без какой-либо надежды на помощь извне. Эти успехи ошеломили даже победителей. «Кто бы мог поверить, что столь высоко перевозносимую французскую армию удастся так быстро победить! — писал граф Гатцфельдт жене с театра военных действий. — Они не одержали ни одной победы, даже ни одного успеха! Если бы кто-нибудь предсказал подобное, ему бы не поверили»¹.

Однако Франко-германская война на этом не завершилась. 4 сентября в Париже произошла революция. Революционное правительство заявило о готовности продолжать сопротивление и начало принимать энергичные меры по созданию новой, республиканской армии. В этой ситуации блокированные в Меце французские корпуса вновь приобретали важное стратегическое значение.

До войны Мец считался одной из самых мощных крепостей, какими располагала Франция. Город был окружен цепочкой фортов с тяжелой артиллерией — правда, строительство некоторых из них к лету 1870 г. не было завершено. После первых приграничных сражений в начале августа именно к Мецу отходила северная группировка французской армии. 12 августа Наполеон III назначил главнокомандующим маршала Франсуа Ашиля Базена — народного любимца, начинавшего свою военную

службу рядовым и участвовавшего во всех войнах, которые вела Франция в середине XIX в. Хотя формально маршалу подчинялась вся императорская армия, фактически в его распоряжении находились только пять корпусов (2-й, 3-й, 4-й, 6-й и гвардия) в районе Меца.

13 августа император приказал Базену отступить на запад, чтобы впоследствии соединиться с остальными корпусами, сосредотачивавшимися в районе Шалона. Отступление, однако, развивалось медленно, и в ходе трех последовательных сражений 14–18 августа 1-й и 2-й немецким армиям удалось преградить французам путь отхода из Меца. Базен в этих битвах действовал крайне вяло и пассивно, больше всего опасаясь быть отрезанным от крепости и разгромленным в чистом поле. В результате он раз за разом упускал шанс нанести своему противнику чувствительное поражение, что впоследствии заставило многих подозревать его в сознательной измене. В последних числах августа пять корпусов Рейнской армии численностью более 170 тыс. человек оказались заперты в Меце. Их блокировали семь немецких корпусов, примерно равные им по численности.

Естественно, перед командованием Рейнской армии со всей остротой встал вопрос о дальнейших действиях. Создавшееся положение рассматривалось как сугубо временное, и 26 августа была предпринята первая попытка прорыва. Однако операция по ряду причин была отменена, даже толком не начавшись. 31 августа была сделана более серьезная попытка — Рейнская армия пошла в наступление по правому берегу Мозеля на север, в направлении Тьонвиля. Битва, получившая название сражения при Нуасвиле, началась вечером и продолжилась утром следующего дня. Несмотря на значительное численное превосходство и локальные успехи, французы так и не смогли прорвать немецкую оборону — во многом потому, что командование опять действовало не слишком энергично. После получения известий о капитуляции при Седане маршал Базен и вовсе занял выжидательную позицию. В течение следующих шести недель французы предпринимали лишь отдельные вылазки, чтобы тревожить неприятеля. Только в середине октября, когда продовольствие в Меце стало подходить к концу, на повестке дня оказался вопрос о том, не следует ли ради спасения чести армии предпринять последнюю отчаянную атаку на вражеские позиции. 10 октября на военном совете было принято компромиссное решение: начать

с немцами переговоры, а в случае их провала идти на прорыв. Однако в конечном счете все командиры корпусов высказались против бессмысленного кровопролития.

26 октября командование Рейнской армии приняло принципиальное решение о капитуляции. Три дня спустя ее солдаты сдались на тех же условиях, что и их товарищи под Седаном: они отправлялись в плен в Германию, офицерам было разрешено сохранить шпаги. Базен отказался от предложения немцев организовать почетную церемонию выхода войск из крепости с оружием; он не хотел показываться на глаза своим солдатам и после подписания капитуляции сразу же отправился к немцам². Этот поступок окончательно поставил крест на его репутации. Всего в плен сдались 173 тыс. солдат и офицеров³. Что было еще важнее, немецкая блокадная армия высвободилась для действий против новых республиканских корпусов — как раз вовремя для того, чтобы добиться окончательного перелома в ходе войны.

В этой ситуации неудивительно, что в послевоенной Франции маршал Базен был назначен на роль одного из главных виновников катастрофы. Его обвиняли в сознательной измене; его действия стали предметом парламентского расследования, а в 1873 г. маршал предстал перед военным судом. В итоге обвинение в сознательной измене с Базена было снято, однако он был признан виновным в нарушении воинского долга, лишен всех званий и приговорен к смертной казни. Последняя была решением президента республики — маршала Мак-Магона, попавшего в плен при Седане — заменена двадцатилетним тюремным заключением. Впрочем, уже в следующем году Базен бежал из заточения и до самой смерти в 1888 г. проживал в Мадриде.

Во французской военной истории маршалу Базену было уготовано столь же незавидное место, что и впоследствии маршалу Петэну. Его имя надолго стало символом позора и некомпетентности. Насколько оправданным является этот строгий приговор? Безусловно, действия Базена не несут на себе ни малейшего отпечатка полководческого таланта. Тем не менее, находившаяся под его командованием Рейнская армия принесла Франции заметно больше пользы, чем Шалонская армия, капитулировавшая при Седане. Нанеся противнику значительные потери в сражениях 14–18 августа, блокированные в Меце войска на протяжении двух месяцев сковывали почти 200-тысячную немецкую группировку, держа ее в постоянном напряжении и оставаясь

для нее практически неуязвимыми. В результате в сентябре — октябре 1870 г. германская армия во Франции оказалась фактически разделена между двумя городами, которые она блокировала — Мецем и Парижем. У германского командования не было свободных сил для того, чтобы помешать формированию в неоккупированной части Франции новых массовых армий. Очевидно, что группировка Базена сыграла хоть и пассивную, но важную роль в военных действиях этого периода. Как справедливо отмечает современный немецкий исследователь, «каждый день, в течение которого Рейнская армия продолжала держаться в Меце, (...) был днем, выигранным для Парижа»⁴.

Однако действительно ли сковывание немецких сил было оптимальным вариантом действий Рейнской армии? Могла ли она, прорвав блокадное кольцо, нанести противнику гораздо больший ущерб? Этими вопросами исследователи — в первую очередь, военные — стали задаваться практически сразу после завершения войны. Князь Гогенлоэ-Ингельфинген в своих «Письмах о стратегии» сообщал, что в прусской армии прорыв Базена из Меца стал предметом масштабной военно-штабной игры, показавшей его принципиальную выполнимость⁵. В дальнейшем альтернативный сценарий событий в районе Меца в той или иной степени рассматривался практически каждым, кто писал историю Франко-германской войны. А в 1896 г. известный военный писатель Г. Кунц опубликовал целую книгу под названием «Мог ли маршал Базен в 1870 году спасти Францию?»⁶ На свой вопрос он отвечал «утвердительно с определенными ограничениями»⁷, а нежелание Базена рисковать приписывал в первую очередь политическим соображениям — стремлению сохранить армию в качестве важного козыря на возможных мирных переговорах.

На наш взгляд, было бы интересно ответить на поставленный Кунцем вопрос с позиций современной исторической науки, в том числе с учетом сложившихся методов изучения исторических альтернатив⁸. В данном случае имеет смысл опереться на принципы, сформулированные исследователем Р.Н. Лебоу в его работе «Запретный плод»⁹. Первым из них является реализм: изменения, необходимые для получения альтернативного результата, должны быть реалистичными и по возможности минимальными. Мы не можем всерьез исходить из предположения о том, что французская армия была способна претерпеть мгновенные и радикальные изменения, которые кардинально отразились бы

на ее боеспособности. Следовательно, нужно учитывать, что все реальные достоинства и недостатки, которые она демонстрировала в августовских боях, будут свойственны ей и в процессе гипотетического прорыва.

В первую очередь следует задаться вопросом о том, что могло заставить командование Рейнской армии пойти на прорыв. Изменилась бы, к примеру, ситуация, если бы в бою 16 августа Базен был убит шальной пулей, и его место занял один из корпусных командиров — Лебёф или Канробер? На основании имеющейся информации можно сформулировать практически однозначный вывод о том, что это не сделало бы французское командование более энергичным. Командиры корпусов Рейнской армии неоднократно проявляли ту же пассивность и осторожность, что и их командующий; это особенно хорошо заметно в сражении 16 августа, где маршал Лебёф (3-й корпус) и генерал Ладмиро (4-й корпус) имели прекрасную возможность разгромить левый фланг значительно уступавшей им немецкой группировки, однако не воспользовались этим. На военных советах в Меце, где обсуждались вопросы прорыва, участники также практически единогласно высказывались в пользу того, чтобы остаться в крепости, выдвигая при этом самые различные аргументы — от нехватки артиллерийских снарядов до низкого боевого духа солдат. Раз за разом генералитет Рейнской армии предпочитал временную безопасность внутри укрепленного лагеря риску прорыва.

Это ясно показывает, что главная проблема Рейнской армии заключалась не в ее командующем. Базен был типичным представителем офицерского корпуса Второй империи. Безынициативность, осторожность, склонность к пассивному ожиданию приказов раз за разом демонстрировалась французскими офицерами всех рангов в августовских сражениях. «Разумному, смелому, хотя впрочем подчас едва ли не заносчивому почину частных немецких начальников, — писал К.М. Войде, — французы как в общем, так и в частности умели противопоставить только рутинную пассивность, всегда выжидавшую толчка извне»¹⁰. Скорее всего, только «толчок извне» — поступивший в Мец категорический приказ о прорыве — заставил бы командующего Рейнской армией атаковать немцев.

Однако предположим, что такой приказ — или некое иное обстоятельство, сделавшее прорыв настоятельной необходимостью — действительно имел бы место. Присутствовали у Рейнской

армии шансы на успех? Отвечая на этот вопрос, нужно помнить, что для успешного прорыва необходимо было не только проделать брешь в обороне окружавших Мец немецких корпусов, но и провести через эту брешь всю армию, оторваться от преследования и достичь района, где французские части могли бы в безопасности отдохнуть и перегруппироваться.

В связи с вышеизложенным очевидно, что такой прорыв не мог быть предпринят в последние недели перед капитуляцией. Поголовье лошадей в Рейнской армии к октябрю снизилось настолько, что не позволяло полноценно использовать кавалерию и артиллерию, не говоря уже об обозе. Да и сами солдаты были в значительной степени истощены в результате недоедания, и их способность выдержать форсированные марши с боями была под вопросом. В результате единственной целью атаки на немецкие позиции мог стать не прорыв, а спасение чести Рейнской армии, славная гибель с оружием в руках и максимальным ущербом для противника. Таким образом, свои размышления о возможном прорыве мы должны ограничить хронологическими рамками конца августа — начала октября 1870 г.

Вторым аспектом, который необходимо учитывать, были природные условия. Мец расположен на обоих берегах реки Мозель; соответственно, обеим армиям для сосредоточения сил приходилось активно пользоваться мостами. Хотя и немцы, и французы строили дополнительные переправы, эта ситуация давала явное преимущество Рейнской армии. Несколько мостов в самом Меце позволяли французам осуществлять маневр силами быстрее, чем это делал их противник. С другой стороны, расположение города в речной долине позволяло немецким наблюдателям с окружающих возвышенностей достаточно хорошо видеть передвижения французских войск. Однако помешать этим передвижениям немцы не могли — форты крепости удерживали их полевую артиллерию на почтительном расстоянии, обеспечивая корпусам Рейнской армии достаточное пространство для развертывания. Еще одним фактором, влиявшим на действия обеих армий, были постоянные дожди, шедшие в сентябре в районе Меца. «Ты не представляешь себе, какая здесь погода, — писал прусский майор Кречман жене 9 сентября. — Канавки для стока воды превратились в бурлящие потоки; лошади с трудом вытаскивают ноги из глубокой глины. При этом холод такой, что хочется затопить печь»¹¹. Французы, имевшие возможность укрыться в городских

постройках, страдали от непогоды несколько меньше, чем их противники. Однако стремительному прорыву дожди, размывавшие все окрестные дороги, явно не способствовали.

В каком направлении мог быть осуществлен прорыв Рейнской армии? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, в первую очередь, рассмотреть дислокацию немцев. В состав блокадных сил вошли 1-я и 2-я немецкие армии под общим командованием принца Фридриха Карла (I–III, VII–X корпуса); их численность составляла первоначально около 150 тыс. человек и постепенно была доведена до 180 тыс. Общая протяженность блокадного кольца составляла около 50 км¹². Как уже было сказано выше, запертые в Меце французские силы также насчитывали около 180 тыс. солдат и офицеров, однако в это число входило около 25 тыс. больных и раненых¹³. Немецкое командование исходило из несколько меньшей численности Рейнской армии, но понимало необходимость концентрации сил на решающем направлении. Пока под Парижем оставалась боеспособная армия Мак-Магона, таким направлением, безусловно, являлось западное. В связи с этим Мольтке 19 августа приказал сосредоточить на левом берегу шесть корпусов, оставив на правом лишь один корпус и резервную дивизию, которые должны были в случае наступления противника уклониться от боя¹⁴. После Седана была произведена перегруппировка немецких сил, сделавшая их распределение по фронту более равномерным: во второй половине сентября на правом берегу находились семь с половиной пехотных и две кавалерийские дивизии, на левом — восемь пехотных дивизий. Однако поскольку протяженность блокадного фронта на правом берегу была существенно больше, плотность войск по-прежнему была выше к западу от крепости¹⁵. Немедленно после начала блокады немецкие солдаты приступили к строительству обширной системы полевых укреплений, которая в течение сентября становилась все более мощной.

В этой связи прорыв непосредственно на запад практически не рассматривался французским командованием. В основе планов наступательных действий 26 и 31 августа лежала идея прорыва на север по правому берегу Мозеля в направлении крепости Тьонвиль, остававшейся в руках французов. Оттуда предполагалось двинуться вдоль бельгийской границы на соединение с Мак-Магоном. Сам по себе этот план был крайне рискованным — вероятность того, что преследователи попросту прижмут

растянувшуюся на марше Рейнскую армию к границе и заставят принять бой в невыгодных условиях, оказывалась очень велика. Ряд авторов, в том числе Войде, даже писали о том, что немцам следовало выпустить Базена из Меца на север: «Стоило только немцам не препятствовать движению Базена к Тионвиллю, чтобы покончить с ним в ближайшие дни»¹⁶.

Как бы то ни было, после Седана прорыв в северном направлении окончательно утратил всякий смысл. Столь же бессмысленным был бы прорыв на восток — навел бы хаос в немецком тылу, Рейнская армия оказалась бы в стратегическом тупике и была бы обречена на гибель. Наиболее многообещающим оказывалось южное направление — в сторону неоккупированной части Франции и формирующихся там новых армий.

Именно такой прорыв — на юг по правому берегу Мозеля — Кунц считал вполне выполнимым как минимум в период с 27 августа по 1 сентября. По его мнению, французы могли сковать боком части I-го и VII-го прусских корпусов и отойти основными силами в направлении на Шато-Сален. Французская кавалерия могла держать на почтительном расстоянии прусских конников, а сильные пехотные арьергарды — задерживать преследователей достаточно долгое время. Большие потери при этом были, разумеется, неизбежны, однако до 100 тыс. человек могли прорваться на Луару и сформировать там ядро новой армии, значительно более боеспособной, чем созданные в реальности вооруженные силы республики. При этом в Меце остался бы сильный гарнизон, который продолжал бы сковывать значительную немецкую группировку¹⁷.

Нельзя сказать, что немецкое командование не осознавало этой опасности. 7 сентября ставка принца Фридриха Карла была перенесена в район к югу от Меца, а уже упомянутая выше перегруппировка сил в течение сентября сделала прорыв, по мнению Кунца, бесперспективным. Однако насколько высоки были шансы на успех в конце августа?

Сам Кунц признает, что для достижения успеха от французских войск потребовались бы «большие марши» протяженностью 40–50 км в день¹⁸. Однако именно с организацией маршей дела в императорской армии обстояли весьма печально. Даже без какого-либо воздействия со стороны противника передвижение войск происходило весьма медленно. Помимо плохого управления со стороны командных инстанций и постоянных заторов

на дорогах, одной из главных проблем было снабжение. Как писал Н.П. Михневич, «французские войска в течение всей войны голодали, воюя в своем отечестве»¹⁹ — система реквизиций была налажена из рук вон плохо. Возможность снабжения прорывавшейся армии боеприпасами также вызывала вопросы — было очевидно, что большие обозы и быстрый темп движения несовместимы. Железные дороги в данном случае не могли служить подспорьем: из Меца на юг Франции вела лишь одна линия через Нанси и Эпиналь; она проходила по территории, уже занятой противником, и нет никакого сомнения, что немцы постарались бы вывести ее из строя при приближении Рейнской армии.

Если исходить из реальных возможностей французских войск, наиболее вероятным представляется вариант, при котором преследователи смогли бы настичь Базена до того, как его армия оказалась бы в безопасности. При приближении немцев перед французским командующим встал бы непростой выбор: либо прекратить отступление, чтобы успеть сосредоточить Рейнскую армию для боя, либо пожертвовать значительной частью своих солдат, чтобы дать спастись хоть кому-то. Именно такой точки зрения придерживался Михневич: «Если прорыв сделать удастся, то далеко от крепости прорвавшаяся армия не уйдет и ей на следующий день предстоит бой с сосредоточившейся блокадной армией, и только при условии полной победы в этот день прорвавшаяся армия получит свободу для движения»²⁰. Учитывая упомянутые выше особенности французского командования и более высокий боевой дух немцев, вероятность «полной победы» представляется более чем сомнительной.

С каждым днем блокады перспективы прорыва на юг становились все более туманными. «Мог ли Базен надеяться разбить немцев или, по меньшей мере, одержать какой-нибудь начальный крупный успех, который послужил бы для него исходною точкою к дальнейшим операциям? Ответ будет утвердительный» — писал Войде²¹. Однако за «начальным успехом» следовало самое сложное — долгий и трудный марш под постоянным воздействием противника. В этой ситуации едва ли не самым мудрым решением со стороны Базена было бы разделение прорвавшихся сил на несколько частей, которые отходили бы в разных направлениях; это позволило бы существенно ускорить движение и затруднило бы немцам преследование, однако в то же время повысило бы вероятность дезорганизации и распада. Вполне возможным

представляется вариант, при котором до бассейна Луары добрались бы осколки Рейнской армии, которые могли быть использованы при создании новых формирований, но не имели непосредственной боевой ценности.

Это, конечно, было бы предпочтительнее бесславной капитуляции. Однако нужно иметь в виду, что вместе с прорывом Базена у немцев автоматически исчезала необходимость держать в районе Меца мощную блокадную армию. Даже если бы в крепости остался в полном составе один из французских корпусов, для наблюдения за ним вряд ли было бы оставлено больше четырех-пяти пехотных дивизий. Основная часть группировки принца Фридриха Карла была бы готова к операциям к югу от Парижа — причем, в отличие от остатков Рейнской армии, в совершенно боеспособном состоянии.

Конечно, теоретически был возможен энергичный прорыв блокадного кольца на одном участке, разгром сосредоточенными силами части блокадной армии и последующий стремительный отход на юг. Однако для этого нужна была другая армия, с другими командующими, офицерским корпусом и системой снабжения. Реальная Рейнская армия в сентябре 1870 г. практически не имела шансов на сколько-нибудь успешный прорыв из Меца. К началу октября даже пробить брешь в немецком блокадном кольце стало практически невыполнимой задачей.

Разумеется, нельзя говорить о том, что пассивное выжидание было лучшей стратегией для Базена. Проблема в том, что хороших вариантов у французского командующего после боев 14–18 августа и капитуляции Шалонской армии просто не было. Говоря словами современного историка, «катастрофа при Седане определила судьбу Базена»²². Маршал Базен не мог спасти Францию, и обвинять в этом лишь его одного было бы несправедливо.

¹ Hatzfeldt P. Briefe des Grafen Paul Hatzfeldt an seine Frau. Leipzig, 1907. S. 43.

² Howard M. The Franco-Prussian War. L., 2005. P. 223.

³ Scherff W.v. Kriegslehren in kriegsgeschichtlichen Beispielen der Neuzeit. H. 4. Berlin, 1896. S. 282.

⁴ Steinbach M. Abgrund Metz. Kriegserfahrung, Belagerungsalltag und nationale Erziehung im Schatten einer Festung 1870/71. München, 2002. S. 57.

⁵ Hohenlohe-Ingelfingen K. zu. Letters on strategy. Vol. 2. L., 1898. P. 6.

⁶ Kunz H. Konnte Marschall Bazaine im Jahre 1870 Frankreich retten? Berlin, 1896.

⁷ Ibid. S. 168.

⁸ См., напр.: Virtual history: alternatives and counterfactuals / Ed. by N. Ferguson. N.Y., 1997.

⁹ Lebow R.N. Forbidden fruit. Counterfactuals and international relations. Princeton, 2010. P. 54–57.

¹⁰ Войде К.М. Победы и поражения в войне 1870 года и действительные их причины. Опыт критического описания Франко-германской войны до Седанской битвы включительно. Т. 1. Варшава, 1889. С. 7.

¹¹ Kretschman H. Kriegsbrieft aus den Jahren 1870/71. Stuttgart, 1904. S. 91.

¹² Steinbach M. Op. cit. S. 57.

¹³ Barry Q. The Franco-Prussian War 1870–71. Vol. 2. Solihull, 2007. P. 85.

¹⁴ Moltkes Militärische Werke. Т. I. Moltkes Militärische Korrespondenz. Bd. 3. Aus den Dienstschriften des Krieges 1870/71. Berlin, 1897. S. 236.

¹⁵ Scherff W.v. Op. cit. S. 247.

¹⁶ Войде К.М. Указ. соч. Т. 2. Варшава, 1890. С. 132.

¹⁷ Kunz H. Op. cit. S. 147.

¹⁸ Ibid. S. 141.

¹⁹ Михневич Н.П. Значение Германо-Французской войны 1870–71 г. в истории военного искусства. Ч. 1. Стратегия. СПб., 1892. С. 398.

²⁰ Там же. С. 439.

²¹ Войде К.М. Указ. соч. Т. 2. С. 120.

²² Ascoli D. A day of battle. Mars-la-Tour 16 August 1870. Edinburgh, 2001. P. 303.

В.В. Галкин (Санкт-Петербург)

БРОНЗОВАЯ ПИЩАЛЬ «ВОЖДЯ ВСЕХ МЕДВЕДЕЙ»: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ОРУДИЯ 1615 ГОДА ИЗ СОБРАНИЯ ВИМАИВиВС

В 1861 ГОДУ на страницах Артиллерийского журнала была опубликована статья Ф.Ф. Павленкова «О старых нарезных орудиях»¹. Работа эта была посвящена исследованию приоритета изобретения нарезных артиллерийских стволов. Автор изучил и описал образцы древней нарезной артиллерии, *«так долго остававшиеся забытыми в старом арсенале»*. Вероятно, именно тогда были впервые обнародованы данные об отечественных нарезных орудиях XVII–XVIII вв., хранившихся в Достопамятном зале. Тогда же было выявлено орудие, которому впоследствии будет присвоен статус древнейшей сохранившейся нарезной пищали.

Речь идет о бронзовом орудии 1615 г., ВИМАИВиВС МЧА 9/59, которое ныне находится в Фонде материальной части артиллерии Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Это уникальный, во многих отношениях примечательный образец (ил. 1 и 2).

Бронзовый литой ствол длиной 155,6 см и весом 315,6 кг имеет сквозной канал калибром 69 мм с десятью полукруглыми винтовыми нарезами (ил. 3), делающими в канале $\frac{1}{4}$ оборота.

Ил. 1. Пищаль 1615 г. (ВИМАИВиВС МЧА 9/59), вид справа

Ил. 2. Пищаль 1615 г. (ВИМАИВiBC MЧA 9/59), вид сверху

Ил. 3. Дульный срез и нарезы (ВИМАИВiBC MЧA 9/59)

Ил. 4. Торель и зарядная камера (ВИМАИВiBC MЧA 9/59)

Ил. 5. Зарядная камера (ВИМАИВiBC MЧA 9/59)

В казенной части канал расширяется, образуя цилиндрическую гладкостенную зарядную камеру (ил. 4, 5), запираемую поперечным призматическим клином, для которого в казенной части предусмотрено поперечное сквозное отверстие соответствующей формы*. Вокруг клинового отверстия на левой стороне ствола просверлено 8 круглых отверстий, служивших, вероятно, для фиксации

* Ф.Ф. Павленков пишет о том, что поперечное клиновое отверстие наглухо залито медью. В 1877 г. Н.Е. Бранденбург сообщает о том, что эта медная заливка была извлечена, дабы лучше изучить конструкцию камеры. Опись Артиллерийского музея 1882 г. свидетельствует, что извлеченная заливка хранилась вместе с орудием, ныне она утрачена.

клина. Клиновые отверстия слева и справа имеют разные размеры, при этом прорублены неаккуратно (ил. 6).

Длина нарезной части ствола 135 см, глубина и ширина нарезов неодинакова (ширина 6–9 мм, глубина 3–4 мм). В канале ствола, на расстоянии примерно одного калибра от камеры нанесена круговая нарезка, перпендикулярная нарезам канала, примерно той же глубины и ширины, что и нарезы.

Диаметр ствола в торельном поясе 27 см, диаметр ствола у дульного среза 17,5 см.

Ствол имеет цапфы и фигурные дельфины. На казенной части орудия три затравочных отверстия, два из которых заклепаны. По разные стороны от оригинальной запальной раковины имеются следы наличия в прошлом петель — на таких петлях, как правило, крепилась крышка запальной раковины.

Орудие богато украшено орнаментами: здесь и флористические мотивы, и маски, и мифические существа (антропоморфные крылатые фигуры женского пола, вместо нижних конечностей имеют переплетающиеся ветви растений с цветами и плодами), торель украшена орнаментом в виде листьев (ил. 7, 8).

Ил. 6. Казенная часть и отверстие для призматического клина (ВИМАИВиВС МЧА 9/59)

Ил. 7. Орнамент возле дульной части (ВИМАИВиВС МЧА 9/59)

Ил. 8. Орнамент перед дельфинами (ВИМАИВиВС МЧА 9/59)

Ил. 9. Герб Московского государства на казенной части пищали (ВИМАИВиВС МЧА 9/59)

На казенной части орудия, позади дельфинов, изображен герб Московского государства (двуглавый орел без скипетра и державы с тремя коронами и щитом на груди; на щите изображен всадник, поражающий копьём крылатого змея) (ил. 9), чуть ниже, по разные стороны герба, обозначен год отливки — 1615, а на торельном поясе, кругом ствола, надпись на латинском языке «MAGNO DOMINI

TZARI ET MAGNO DVCI MICHAELI FOEDROWITS OMNIVM VRSORVM». Надпись эту можно было бы перевести как официальный титул московского государя в дательном падеже «Великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Русии», если бы не орфографическая ошибка в последнем слове: вместо «OMNIVM RVRSORVM» — «всея Русии», на стволе красуется «OMNIVM VRSORVM» — «всех медведей»* (ил. 10).

* Ф.Ф. Павленков переводит надпись не как официальный титул, а дословно: «Великому господину царю и великому предводителю всех медведей Михаилу Федоровичу»; ту же неточность допускает в 1877 г. и Н.Е. Бранденбург. В последующей историографии, как правило, перевод надписи представлен именно в таком виде.

Помимо литых надписей и изображений имеются чеканные надписи. На торельном поясе указан вес — «19 пу[дов] 10 фу[нтов]», на торце правой цапфы указан другой вес — «20 пу[дов] 5 фу[нтов]». На дульном срезе, вероятно, указание калибра «2 ½ [фунта?]». Возле одного из затравочных отверстий чеканная буква «В», рядом с гербом чеканный инвентарный номер, относящийся, судя по всему, к первой половине XX в.: «358», на торели чеканная надпись — вероятно, также один из прежних инвентарных номеров: «№ 47».

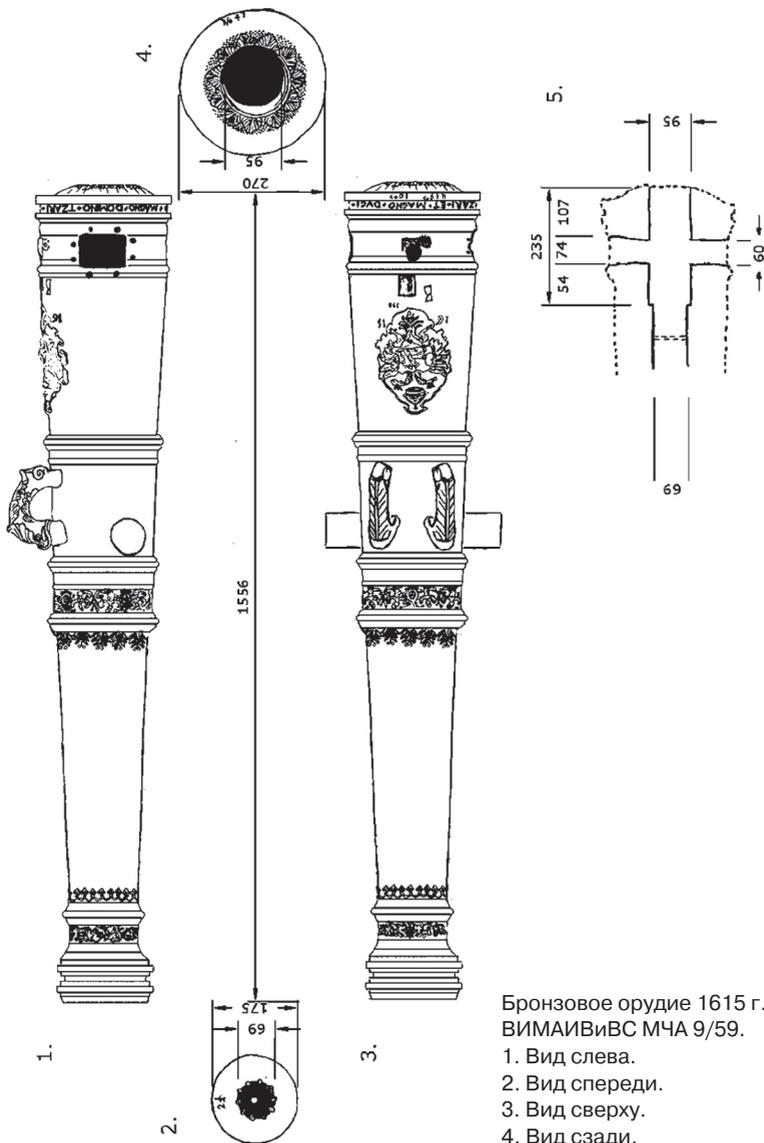
Ил. 10. Часть надписи на торельном поясе (ВИМАИВиВС МЧА 9/59)

На стволе имеется множество царапин и прочих дефектов, полученных, вероятно, в процессе эксплуатации, особенно много повреждений расположено в казенной части.

Орудие поступило на хранение в Достопамятный зал в 1778 г. (см. чертеж 1).

Таким образом, в 1861 г. перед Ф.Ф. Павленковым предстало орудие, с одной стороны, идентифицированное им как древнейшее нарезное, а с другой стороны, имеющее весьма неоднозначную латинскую надпись, затрудняющую его атрибуцию. Наличие государственного герба и посвящения московскому царю позволяло бы атрибутировать орудие как отечественное, однако выполнение надписи на латинском языке делало справедливым предположение о том, что орудие могло быть подарком *«иностранной державы»*.

Для работы, главный вопрос которой был сформулирован фразой — *«Кому же принадлежит честь инициативы в деле нарезных орудий?»*², такая неопределенность была неуместна. Поэтому Ф.Ф. Павленков предложил свою аргументацию в пользу того, что орудие было создано отечественными мастерами. Доказательство опирается исключительно на факт наличия курьезной ошибки, и логика весьма проста: есть вероятность, что ошибку *«по малой грамотности и плохому знанию латинского*

Бронзовое орудие 1615 г.
ВИМАИВиВС МЧА 9/59.

1. Вид слева.
2. Вид спереди.
3. Вид сверху.
4. Вид сзади.

Казенная часть орудия
в разрезе.

Чертеж автора

языка» допустил русский мастер, и в таком случае *«очень может быть, что отливка этого орудия принадлежит нам, и тогда честь инициативы в деле изобретения орудийных нарезов будет нашею полною и нераздельною собственностью, если только не найдется в других европейских арсеналах и музеумах подобных же орудий, относящихся к более раннему времени»*³. При этом автор несколько раз подчеркивает, что выдвинутая гипотеза — не более чем предположение, и вопрос остается открытым.

В общем и целом аргументацию Ф.Ф. Павленкова в 1877 г. повторяет Н.Е. Бранденбург на страницах Каталога Артиллерийского музея: «Дело может объясняться проще, если на описываемый экземпляр взглянуть как на наше собственное домашнее произведение: полуграмотный мастер, желая блеснуть ученостью, украсил его посвящением на латинском языке, не разобрав или не доглядев своей ошибки, придавшей всей надписи весьма колкий смысл. ...В пользу подобного предположения может служить и то, что сами нарезные орудия в Европе являются, как известно, значительно позже»⁴.

Современному специалисту подобные доводы могут показаться спорными и недостаточными. Да и сам Н.Е. Бранденбург понимал, что проведенного анализа явно мало для того, чтобы поставить точку в вопросе происхождения занятого ствола: *«...все это одни догадки, более или менее вероятные, но не разрешающие фактически самого дела»*⁵.

К чести Ф.Ф. Павленкова и Н.Е. Бранденбурга следует отметить, что они как исследователи добросовестные избегают прямых утверждений и не делают определенных выводов в вопросе, не изученном ими системно и комплексно, повсеместно оговаривая, что сформулированные положения являются не более чем догадками.

Происхождение орудия — не единственный вопрос, занимавший обоих исследователей. Обращаются они и к конструктивным особенностям зарядной камеры. Оба отмечают, что размеры зарядной камеры ограничены, *«заряд вместе со снарядом поместиться в ней не могут»*⁶, из чего следует логичное предположение: снаряд мог иметь выступы и помещался в стволе перед камерой, а возможно, даже имел мягкую кольцеобразную оболочку, останавливающуюся перед нарезами. Однако оба варианта требуют удовлетворения главного условия: снаряд в таком случае должен был иметь продолговатую форму. Однако этому

противоречит «довольно прочно утвердившееся мнение, что история последних [продолговатых снарядов] не заходит в такое раннее время»⁷. Допускают авторы и иной вариант конструкции, при котором снаряд имел сферическую форму, но заряд в таком случае помещался в специальном углублении в самом запирающем клине. Здесь, как и в случае с рассуждениями о происхождении орудия, имеют место оговорки о том, что на данном этапе изучения пиццали делаются лишь предположения.

Оба автора выдвигают догадку о том, что пиццаль применялась в боях — на это указывает тот факт, что имеются три запальных отверстия, два из которых заклепаны. Помимо прочего, по мнению Н.Е. Бранденбурга, сплошная заливка медью поперечного клинового отверстия является следствием переделки орудия в заряжаемое через дуло.

К достоинствам работы Ф.Ф. Павленкова следует отнести также наличие подробных чертежей всех описанных им орудий, включая и бронзовую пиццаль 1615 г. На чертеже корректно переданы пропорции и конструктивные особенности орудия, однако декоративные особенности, орнаменты и даже государственный герб — весьма условно.

Н.Е. Бранденбург упоминает орудие в еще одной, более поздней, своей работе, посвященной 500-летию русской артиллерии⁸. Сегодня мы бы назвали подобный текст научно-популярным очерком. Этот жанр не требовал от автора излишней детализации, скрупулезности при описании отдельных образцов древнего вооружения, а также не предполагал пространных рассуждений и допущений. Упоминание здесь орудия 1615 г. отличается краткостью и конкретикой. Нельзя назвать развернутым и упоминание орудия в очерке истории артиллерии, посвященном 100-летию Главного артиллерийского управления (ГАУ), опубликованном в 1902 г.⁹ Целесообразно процитировать здесь эти публикации, поскольку, как будет показано далее, их формулировки оказали значительное влияние на последующую историографию пиццали. Влияние, пожалуй, большее, чем исходные научные тексты Ф.Ф. Павленкова и Н.Е. Бранденбурга.

1889 г.: «Что касается до другого памятника, то он представляет еще больший интерес для истории русской артиллерийской техники и, в частном случае, — нарезных заряжающихся с казенной части орудий, так как несомненно свидетельствует о знакомстве наших предков с подобной системой и при том

значительно ранее, чем в Западной Европе. Наш экземпляр представляет бронзовую пищаль 3-дм. калибра, имеющую 10 крупных спиральных нарезов и заряжающуюся с казенной части, при чем закрывание последней производится посредством клина, помещающегося в специальном клиновом отверстии. На орудии вылиты: год — 1615, посвящение (на лат. языке) Царю Михаилу Федоровичу и русский государственный герб, так что оно является на целое полу столетие опередившим все древнейшие образцы нарезных орудий в Западной Европе, не восходящие ранее конца XVII столетия»¹⁰.

Практически идентичен по смысловой нагрузке и ряду формулировок текст описания орудия в изданном в 1902 г. «Очерке истории Главного артиллерийского управления»: «В том же музее (имеется в виду Музей артиллерии. — *Авт.*) находится пищаль 3-дюймового калибра, имеющая 10 крупных спиральных нарезов в канале, заряжающаяся с казенной части, причем запираение последней производилось посредством клина, помещавшегося в поперечном клиновом отверстии. На орудии помещены: год — 1615, государственный герб и посвящение на латинском языке Царю Михаилу Федоровичу; обстоятельство, указывающее на русское происхождение этого ценного памятника. Принимая во внимание, что в Западной Европе нарезные орудия стали известны только в конце XVII столетия, следует заключить, что в разрешении этого вопроса русская артиллерия шла на полу столетие вперед»¹¹. В этом же издании можно увидеть фотографию пищали 1615 г., позже эта фотография будет помещена на страницах «Военной энциклопедии» 1911–1915 гг.¹²

В приведенных выдержках можно выделить несколько основных смысловых компонентов и их деталей:

1. Факт наличия орудия и его характеристики: калибр 3 дюйма, нарезное (при этом указывается число нарезов в канале — 10), заряжается с казны, запирающейся посредством поперечного клина.

2. Отдельно указано наличие надписей и изображений: 1615 г., русский государственный герб и посвящение царю Михаилу Федоровичу на латинском языке (причем во втором случае этот факт «указывает» на русское происхождение орудия).

3. Вывод о том, что отечественная артиллерия шла впереди Западной Европы в вопросе создания первых нарезных артиллерийских орудий. При этом в обоих случаях говорится о «полу столетии» опережения.

О ценности орудия говорит тот факт, что в **1900** г. оно было отобрано Н.Е. Бранденбургом в числе прочих экспонатов музея для Всемирной выставки в Париже. Упоминание пищали встречаем на страницах описания российского представительства на выставке: «Медное орудие, нарезное, заряжающееся с казенной части, XVII столетия. Орудие это является наиболее древним из всех известных нарезных орудий, заряжающихся с казенной части»¹³.

Другое упоминание пищали встречаем в «Военной энциклопедии». Приведенные в ней сведения указывают на то, что источником данных послужило научное описание 1877 г. В этом тексте интересную интерпретацию получили доводы Н.Е. Бранденбурга о происхождении орудия. Вначале приводится текст надписи, указывается на курьезную ошибку, а далее делается вывод: «...предполагать, что это — шуточное посвящение подарка от какого-нибудь государя Зап. Европы нельзя, т. к. на западе еще не были известны в то время нарезные орудия»¹⁴.

Энциклопедический формат требует краткости и конкретики. В силу законов жанра энциклопедический словарь не может оперировать гипотезами и допущениями. Судя по всему, именно после этой публикации создание древнейшего нарезного орудия на Руси в 1615 г. окончательно стало историческим (даже более — энциклопедическим) фактом.

Особняком в дореволюционной историографии стоит упоминание орудия 1615 г. в фундаментальном труде А.А. Нилуса «История материальной части артиллерии» (**1904**). Оно не дает каких-либо новых сведений, указываются метрические данные, приведенные Н.Е. Бранденбургом, и резюмируется: «Экземпляр имеет редкое археологическое, но никакого практического значения, так как очевидно представляет собою, как и несколько других ей подобных, лишь исключительный, а не нормальный образец — слишком преждевременную выдумку досужего мастера, напоминающую “винтовальные карабины” С. Реми и немецкие нарезные орудия, помещенные в “Quellen zur Geschichte”». Кроме того, в переводе надписи, данном А.А. Нилусом, «*предводитель всех медведей*»* превращается в «*вождя всех медведей*», что вполне корректно с точки зрения грамматики латинского языка и, безусловно, более звучно. Здесь автора вообще

* Так у Ф.Ф. Павленкова и Н.Е. Бранденбурга.

не беспокоит вопрос о происхождении орудия, поскольку он скептически смотрит на подобные артефакты, «опережающие» ход истории¹⁵.

Большая же часть последующей историографии орудия 1615 г., судя по представляемым в ней фактам, опирается на краткие упоминания в «Очерке истории ГАУ» и очерке к 500-летию русской артиллерии. Собственно, историографией это можно назвать с большой натяжкой, чаще всего это краткие упоминания в научно-популярной литературе, однако, необходимо дать общий обзор того, как описание орудия Ф.Ф. Павленковым и Н.Е. Бранденбургом, лишенное более поздними исследователями деталей и анализа, превратилось в источник не только исторического факта, но и мифов.

В первую очередь следует отметить то, что пищаль благополучно пережила события Гражданской войны и уже в 1930-е гг. ее можно было увидеть на экспозиции музея. Путеводитель по Ленинграду **1930** г. называет ее среди наиболее интересных экспонатов Музея артиллерии, при этом помещая в хронологическом списке вторым номером: между железными пищалями XIV в. и парадными пищалями XVII в. Из этого можно вывести предположение, что орудие 1615 г. воспринималось чуть ли не как важнейший экспонат среди предметов XV — начала XVII вв.

Одно из первых упоминаний пищали 1615 г. в советский период появляется в очерке Е. Болтина «Первые русские артиллеристы», опубликованном в сборнике статей «Артиллеристы» в **1939** г.:

«Уже в 1615 году неизвестным русским мастером была построена бронзовая пищаль, имевшая клиновы́й затвор — предшественник принятых теперь во всех армиях затворов. Эта пищаль, сохранившаяся поныне, имеет на стенках канала ствола 10 спиральных нарезов и заряжается с казенной части. В Западной Европе подобное орудие с нарезами изготовили только к концу XVII века, — стало быть, русская техническая мысль опередила в этом случае заграничную по крайней мере на полстолетия. Что же касается клинового затвора, то он в Европе появился значительно позже»¹⁶.

Как видим, из описания выпал структурный компонент текстов образца 1889 и 1902 гг., посвященный изображению герба и наличию надписи. А это, между прочим, основной факт, на котором изначально строились выводы о происхождении орудия.

С другой стороны, перечень фактических данных и сохранившиеся «*полстолетия*» опережения позволяют говорить о сохранении преемственности текста.

Упрощенный вариант упоминания встречаем у Н.Г. Павленко в 1940 г.: «В артиллерийском музее РККА сохранились несколько замечательных экземпляров нарезной “винтовальной” артиллерии (среди них находится пицаль, отлитая в 1615 г.). Подобные нарезные орудия на Западе появились спустя 50 лет, т. е. в конце XVII столетия»¹⁷. Как правило, связь таких упоминаний с текстами 1889 и 1902 гг. можно установить по маркерам: не позаимствовав деталей описания предмета, автор позаимствовал деталь выводов — 50 лет опережения русской артиллерией артиллерии Западной Европы.

Своеобразное восхождение к научным первоисточникам фиксируется в работе В.В. Данилевского «Русская техника» (1949). Об этом говорит развернутое рассуждение о грамотности древнего мастера, а также упоминание трех заклепанных запальных отверстий:

«В Артиллерийском историческом музее в Ленинграде хранятся древние пушки, вносящие ясность в этот спорный вопрос. Здесь хранится медная пушка с нанесенными на ней при отливке датой — 1615 г. и надписью на латинском языке, точный перевод которой гласит: “Великому господину царю и великому предводителю Михаилу Федоровичу всех медведей”.

Русский пушкарь, отливавший пушку, силен был своим мастерством, но не силен в латыни и назвал царя не предводителем “всех русских” (*russorum*), а предводителем “всех медведей” (*ursorum*). Самая эта ошибка исключает возможность поступления из-за рубежа пушки со столь издевательски звучащей надписью. А о мастерстве ее творца говорит то, что это — казнозарядная нарезная пушка, имевшая клиновый затвор. В канале пушки десять винтовых нарезов. Из трех запалов два заклепаны — эта нарезная пушка бывала в боях»¹⁸.

Однако и здесь мы видим, как аргументация Ф.Ф. Павленкова и Н.Е. Бранденбурга, построенная на допущениях и догадках, трансформируется в систему утверждений. Взять, к примеру, предположение о причине наличия трех запальных отверстий, два из которых заклепаны. У Н.Е. Бранденбурга: «...*обстоятельство, указывающее на его боевую практику*», у В.В. Данилевского: «...*эта нарезная пушка бывала в боях*».

Ближе остальных к текстам 1889 и 1902 гг. — работа Н.И. Фальковского «Москва в истории техники» (1950):

«Другая бронзовая пищаль, калибром в 3 дюйма, с 10 крупными спиральными нарезами, делающими четверть оборота канала, для закрепления казенника имеет клин, входящий в сквозное горизонтальное отверстие. Так как на орудии отлиты русский государственный герб, посвящение царю Михаилу Федоровичу и год (1615), то это совершенно бесспорно устанавливает мировой приоритет Москвы в изготовлении нарезных казнозарядных орудий. В Западной Европе самые древние из них появились только в конце XVII века»¹⁹.

Безусловно, здесь повторены пояснения дореволюционных исследователей, примечательно то, что *«обстоятельство, указывающее на русское происхождение»* (1902) трансформируется в: *«...совершенно бесспорно устанавливает мировой приоритет Москвы»*. Вместе с тем, из ряда фактов об орудии исчезает тот, что посвящение выполнено на латинском языке.

С другой стороны, в отличие от упоминаний 1889 и 1902 гг., есть дополнение, что нарезки делают *«четверть оборота канала»*, что может говорить о том, что автор был знаком с исходными научными текстами, а возможно, видел предмет и его описание в музее. Что интересно, он делает примечание: ныне пищаль находится в зале № 1 Музея артиллерии в Ленинграде²⁰.

Это указание достоверно. Пищаль 1615 г. описана как минимум в трех путеводителях по музею, изданных в 1950-е гг.²¹, причем в одном из них можно увидеть орудие на фотографии экспозиции — оно располагается за мортирой 1605 г. (так называемой мортирой Самозванца)²². В этих книгах орудию отведена роль одного из важнейших среди экспериментальных орудий допетровской эпохи. И это один из ключевых предметов экспозиции. Однако, тогда же, в 50-е гг. отношение исследователей к орудию в корне меняется.

Сложно сказать, кто и когда впервые усомнился в доводах Ф.Ф. Павленкова и Н.Е. Бранденбурга, однако в материалах архива ВИМАИВиВС содержатся указания на то, что уже в начале 50-х гг. в рядах научных сотрудников музея велись оживленные споры о пищали 1615 г. В архиве музея хранится дело с пометкой «Материалы о пищали 1615 г.», документы которого охватывают период с конца 1950-го и до конца 1951 г. Большая часть документов этой папки объемом в 305 страниц (преимущественно

машинописных) представляет собой стенограммы заседаний ученого совета музея, на которых велась дискуссия об орудии²³.

Как следует из материалов дела, 10 ноября 1950 г. состоялось заседание ученого совета, на повестке которого был вопрос о пищали 1615 г. Причина, которая побудила руководство музея дать ход обсуждению вопроса — требование части научного коллектива снять орудие с постоянной экспозиции и перевести на закрытое хранение. Требование это опиралось на два ключевых пункта:

1. Догадки Н.Е. Бранденбурга о происхождении орудия 1615 г. не подкреплены весомыми аргументами, ряд признаков указывает на то, что пищаль могла быть изготовлена в другой стране. При этом *«ясно, что она может быть на нашей экспозиции только в том случае, если она русская»*.

2. Ряд особенностей конструкции указывает на то, что орудие переделывалось, поэтому есть основания сомневаться в том, что изначально оно было нарезным.

На первом совещании выдвигались самые разные доводы, однако участники дискуссии констатировали, что орудие исследовано недостаточно и, по сути, единственные материалы, на которые опираются все докладчики — это сам музейный экспонат и характеристика, данная ему Н.Е. Бранденбургом.

Группу сотрудников, сомневавшихся в достоверности сведений о пищали 1615 г., на заседании представлял старший научный сотрудник инженер-полковник К.Е. Дмитраков. Общим решением заседания ему было поручено начать детальную проработку вопроса и поиск источников, которые смогут вывести обсуждение на более высокий предметный уровень. Вместе с тем, было принято решение оставить орудие на экспозиции до тех пор, пока сомнения не будут подкреплены вескими доводами. Изучение пищали было обозначено как одно из приоритетных направлений научной работы музея в 1951 г.

В определенный момент в дискуссию были вовлечены руководители Академии артиллерийских наук (ААН). В архиве музея сохранилось, в частности, письмо от 30 июля 1951 г. академика-секретаря 7-го отделения ААН генерал-лейтенанта артиллерии Четкова, которым предписывалось снять пищаль 1615 г. с экспозиции до окончания изысканий К.Е. Дмитракова, а также запрашивалось предоставлять отдельные сведения в печать без разрешения 7-го отделения ААН. Вместе с этим письмом хранится другое, разрешающее временно оставить орудие на экспозиции²⁴.

Изыскания К.Е. Дмитракова длились более года, за это время вопрос о пищали поднимался на научных советах еще несколько раз, причем к обсуждению привлекались и сторонние исследователи, в том числе лингвисты, анализировавшие надпись.

В декабре 1951 г. в течение двух (!) дней было проведено собрание, на котором были представлены итоги работы К.Е. Дмитракова. Он предложил рассмотреть несколько письменных источников XVII и XVIII вв., опираясь на которые он делал вывод о том, что орудие является подарком иностранной державы. Изначально оно не было нарезным и казнозарядным, а переделано в XVIII в. Участниками дискуссии было признано, что К.Е. Дмитракову, несмотря на привлечение новых данных, не удалось подкрепить эти положения весомыми доводами.

Более того, этот исследователь допустил серьезную оплошность, которая настроила многих участников дискуссии против него, а также дала его оппонентам серьезный козырь. В своих выводах К.Е. Дмитраков говорил о том, что судя по всему пищаль 1615 г. была подарена Михаилу Федоровичу шведами. Этот довод встретил достаточно бурную реакцию и возражения — в 1615 г. шведский король Густав II Адольф вел войну с Россией и осаждал Псков, а соответственно, предположение ошибочно, а сам К.Е. Дмитраков некомпетентен...

Постановлением собрания сотрудников музея К.Е. Дмитраков был осужден за *«стремление опорочить пищаль 1615 г.»*, его методы признаны *«антипатриотическими и антинаучными»*. Возможно, именно этот эпизод стал причиной того, что в 1952 г. он был переведен из музея на службу в Тамбов на должность начальника опытно-исследовательской части Артиллерийского технического училища. Вопрос о происхождении пищали оставался открытым, дискуссия продолжалась.

Мы не можем пока детально реконструировать дальнейший ход дискуссии, проходившей в стенах музея. При этом следует подчеркнуть, что руководство музея требовало не выносить дискуссию на широкую публику и на страницы научной печати. Однако, опираясь на ряд косвенных свидетельств, можно предположить, что в ходе дискуссии произошло своеобразное развенчание статуса «первой нарезной пищали».

В 1959 г. выходит в свет первая книга многотомного издания «История отечественной артиллерии», пожалуй крупнейшего на сегодняшний день обобщающего исследования как материальной

части, так и боевого применения русской артиллерии. К работе над изданием привлекались и сотрудники АИМ. О масштабе проделанной авторами работы говорит не только размах исследования, но и глубина проработки каждой отдельной темы. Свидетельство этому можем найти и в том, как авторами были пересмотрены устоявшиеся взгляды на хронологию возникновения в России нарезной артиллерии и на орудие 1615 г. в частности.

Раздел, посвященный опытам по созданию нарезных орудий в XVII в., открывает следующая фраза: «Задача повышения дальности и точности стрельбы решалась путем создания нарезных орудий. Если в XVI в. этому было положено только робкое начало, то в XVII в. уже были разработаны и изготовлены довольно совершенные для этого времени образцы нарезных артиллерийских орудий.

Первые достоверные сведения о наличии в России таких образцов артиллерийских орудий относятся к началу 60-х годов XVII в.»²⁵

Из этого утверждения вытекает вывод — авторы не считают орудие 1615 г. источником «*достоверных сведений*». Можно было бы предположить, что это орудие каким-то образом выпало из поля зрения авторов, но далее, в одном из примечаний, дается пояснение: «В Артиллерийском музее в Ленинграде хранится интересный экземпляр нарезных орудий — пицаль 1615 г. Она имеет 10 полукруглых нарезов глубиною 0,2 дм и шириною 0,9 дм, которые идут справа налево и делают в стволе 0,25 оборота. Ряд признаков, хорошо сохранившихся на пицали (следы наличия винграда, заклепанные запальные отверстия, грубо вырубленное отверстие в казенной части для клина и др.), заставляют предполагать, что первоначально пицаль эта была с глухой казной и без нарезов и что только позднее она была переделана в казнозарядную нарезную. Установить время этой переделки до сих пор не удалось»²⁶.

Что касается вопроса о происхождении орудия, то он либо не был решен в 50-е гг., либо было обосновано положение о том, что орудие изготовлено за границей. В вышедшем в 1961 г. «Каталоге материальной части отечественной артиллерии АИМ» орудие 1615 г. вообще не упоминается²⁷.

На данный момент мы не можем говорить определенно, произошло ли обоснованное понижение статуса предмета или вопрос был оставлен открытым и нуждающимся в дополнительной

проработке, однако во второй половине 50-х гг. пищаль 1615 г. была выведена с постоянной экспозиции.

На рубеже 50-х — 60-х гг. происходит крупномасштабная реструктуризация музея, появляются новые тематические экспозиции, посвященные, в частности, послевоенному периоду. В жертву хронологическому расширению приносит часть экспозиции, повествовавшей о вооружении «эпохи феодализма». В путеводителях 50-х гг. показано, что этому периоду было посвящено два зала музея: № 1 и № 2, однако уже в 1964 г. все предметы этой эпохи были сосредоточены в зале № 1²⁸.

Вместить в одном зале все предметы было физически невозможно, поэтому многие экспонаты были выведены за пределы экспозиции зала № 1: на улицу или в фонды. Наиболее крупногабаритные (в частности, несколько стенобитных пищалей Андрея Чохова) были перемещены на внешнюю экспозицию, в то время как знаменитая пищаль 1615 г., одна из любимиц Н.Е. Бранденбурга, в 1900 г. свидетельствовавшая на Всемирной выставке в Париже о технологическом превосходстве древней русской артиллерии, оказалась на закрытом хранении Фонда материальной части артиллерии. Примечательно, что в фондовом формуляре орудия, составленном в 1946 г., позже была перечеркнута пометка «Первый».

В 1960-е гг. орудие не публикуется ни в одном путеводителе по музею²⁹, сводятся к минимуму упоминания о нем в научной и научно-популярной литературе. Можно сказать, что пищаль была в какой-то степени забыта и сотрудниками музея. Сегодня для молодых коллег наличие такого орудия в коллекции становится откровением.

Тем не менее, факт существования древнейшего отечественного нарезного орудия оказался востребован в историографии современной России. Понижение (или сомнение в его достоверности) статуса орудия в середине XX в. не помешало «сведениям» о первой нарезной пищали перебраться на страницы различных изданий.

Большая часть сегодняшних упоминаний об орудии 1615 г. опирается на формулировки публикаций 1939, 1940 и 1950 гг., авторы доводят их до определенного уровня совершенства. В рамках данного исследования не представляется возможным процитировать все имеющиеся упоминания орудия, хотя, безусловно, каждое из них представляет ценность с точки зрения исследования

эволюции текста. По большому счету «путь развития» формулировок можно изобразить в виде дерева, в котором каждая новая ветка-цитата представляет собой лишь слегка видоизмененную предшественницу. Генеральная же линия в этой эволюции текста представляет собой оптимизацию и упрощение текста вкупе с адаптацией стилистики к речевой моде своего времени.

Среди современных упоминаний орудия 1615 г. в литературе по истории артиллерии можно указать несколько характерных образцов, определенно повторяющих с некоторыми видоизменениями тексты первой половины XX в.

«В Артиллерийском историческом музее хранятся нарезные орудия, изготовленные русскими мастерами еще в XVI и XVII вв. Некоторые из этих орудий заряжались не с дульной, а с казенной части. Для запирания канала ствола от прорыва пороховых газов назад у них были сделаны особые устройства — затворы. У нарезной пищали был сделан винтовой затвор, а у пищали 1615 г., имеющей 10 полукруглых спиральных нарезов, — клинковой. Следовательно, русские пушкарки знали о выгодах нарезных орудий намного раньше “изобретения” их иностранцами»³⁰. Здесь видны основные маркеры, отмеченные в анализе формулировок 1889 и 1902 гг., в то же время заметны вкрапления и из других источников, лексика претерпела ряд изменений.

В формулировке из другого исследования факт наличия артефакта вообще не важен, имеет значение только «определенность» первенства: «Так, например, русским мастерам принадлежит идея заряжания артиллерийских орудий с казенной части, и в России первые образцы нарезных артиллерийских орудий появились в 1615 г., в то время как появление артиллерийских орудий подобного типа в Западной Европе произошло не ранее конца XVII в.»³¹

Из научных и научно-популярных изданий сведения о «древнейшем» нарезном орудии закономерно «просочились» и на страницы современной учебной литературы. «В 1615 г. русский мастер изготовил первую пушку с винтовой нарезкой»³² — эта формулировка обнаружена в одном из современных учебных пособий. Здесь коротко и емко зафиксирован псевдофакт — русский мастер в 1615 г. отлил первую нарезную пушку. Не древнейшую датированную, не наиболее раннюю из известных и не древнейшую из сохранившихся, а именно первую. Наиболее ранняя публикация, содержащая эту формулировку, относится

к 1989 г. В подобном виде упоминания орудия 1615 г. встречаются и во многих справочных изданиях, и на Интернет-ресурсах*.

Отдельно следует упомянуть о наличии «апокрифов» (преимущественно в научно-популярных изданиях сомнительного качества), в которых исходные данные подвергаются искажению, вплоть до самой сути «факта». Одной из характерных тенденций здесь является перенос утверждения о создании в 1615 г. первого нарезного артиллерийского орудия на огнестрельное оружие вообще. Можно привести следующий пример: «Впервые нарезные каналы стволов появились у русских оружейников. Еще в 1615 г. они изготовили медную пищаль с десятью винтовыми желобками в канале ствола. Это и была первая винтовка. За границей винтовки появились 15 лет спустя»³³.

В качестве примера миграции искаженного факта в достойный, в целом, текст можно привести выдержку из описания вооружения гарнизона Белоярской крепости со страницы проекта музеефикации этого памятника: «Винтовка, именовавшаяся также “винтовальной пищалью” или штуцером, отличалась от гладкоствольного оружия наличием винтовой нарезки в канале ствола (отсюда и название). Первая “винтовальная пищаль” была изготовлена в 1615 г. Однако широкого распространения нарезное оружие не получило ни в XVII, ни в XVIII вв.»³⁴ Судя по формулировке, факт был извлечен из какого-то справочного издания. Здесь мы видим вариант крайне емкой и конкретной формулировки: в 1615 г. была изготовлена первая винтовальная пищаль.

На страницах данной работы не представляется возможным дать обзор всему многообразию упоминаний орудия 1615 г. (и упоминаний возникновения нарезной артиллерии в 1615 г., безотносительно музейного предмета) в современной научно-популярной литературе, однако следует указать, что всего было выявлено несколько десятков различных формулировок. Более или менее оптимизированных и более или менее искаженных. Так или иначе, осторожное предположение, сделанное авторами

* Здесь можно привести в качестве примера статью «1615 год в России» сетевой энциклопедии «Википедия». Среди событий 1615 г. указывается «*Отливка первой пушки с винтовой нарезкой ствола*». Читателя отсылают к справочнику: Дайнес В. История России и мирового сообщества, 2004. В этой книге под 1615 г. фигурирует запись «*Русские мастера отлили первую пушку с винтовой нарезкой ствола*». В таком виде этот «факт» продублирован во множестве изданий и сетевых публикаций.

второй половины XIX в., трансформировалось в лишенный деталей и пояснений «исторический факт» и воспроизведение его продолжается до сих пор, несмотря на сомнения, сформулированные в середине XX в.

Следует, однако, отметить и одно исключение. Из общей массы современных публикаций с упоминанием орудия 1615 г. выделяется работа 2016 г. А.Н. Лобина³⁵. Работа, в целом, посвящена различным аспектам производства артиллерии на Руси в конце XVI — первой половине XVII вв., и орудие 1615 г. упоминается в нем вскользь. Рассказом об этом орудии открывается раздел с заголовком «Голанки — голландские пушки»: «Самые ранние сведения о приобретенных европейских орудиях в период царствования Михаила Федоровича относятся к 1615 г. В XIX в. в Артиллерийском музее хранилась медная казнозарядная нарезная пищаль калибром в 2 фунта. Поверхность орудия была украшена литым орнаментом в виде маскаронов и мифических фигур, а в стволе, запираемом клиновым затвором, имелось “...10 полукруглых нарезок” (далее приводится цитата из текста 1877 г. в той ее части, где фиксируется орнамент, литой герб и надписи. — *Авт.*). Скорее всего, эта необычная пищаль в XVII в. стояла на вооружении Архангельска. В “Двинском росписном списке” можно найти описание этого орудия».

Следует отметить то, что А.Н. Лобин вводит в научный оборот новые данные об орудии 1615 г. — указание на письменный источник XVII в., в котором содержится описание орудия. Однако, следует пояснить — в данном источнике упоминаются два орудия 1615 г. с посвящением царю Михаилу Федоровичу на латинском языке. Одно из них, весом в 21 пуд 15 фунтов находилось в Архангельске, а другое, весом 19 пудов 10 фунтов, состояло на вооружении Холмогор. Учитывая тот факт, что на пищали из собрания ВИМАИВиВС имеется чеканная надпись «19 пудов 10 фунтов», можно предположить, что данное орудие в 1683 г. находилось в Холмогорах.

Описания этих двух орудий в источнике 1683 г. практически идентичны. Приведем выдержку с описанием холмогорского: «Пищаль медная полковая, немецкого литья, в станку на колесах, длиною 2 аршина 2 вершка, весом 19 пуд 10 фунт; а на той пищали, промеж ушей и запалу, вылит Московского государства герб: орел двоеглавой, а над главами коруна, и в том орле воображен человек на коне, копьём колет змия; а пониже

запалу, кругом пищали, вылита подпись по латыне: “Царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии”; а у орла под ногами подпись же: “1615 году”; а по кружалу к той пищали прибрано 200 ядер, по 2 фунта без четверти ядро»³⁶. В качестве небольшого отступления: служилый XVII в., составлявший описание орудия, был куда более сведущ в латыни, чем некоторые авторы более поздних эпох, и перевел латинскую надпись правильно — как официальный титул московского государя, не обозвав «великого князя» «предводителем» или «вождем», а также правильно исправив курьезную оплошность литейщика: не «всех русских», а «всея Руси». В описании не содержится никаких указаний на наличие нарезов и зарядание с казны.

Упоминание А.Н. Лобиним орудия 1615 г. является самостоятельным анализом текста Н.Е. Бранденбурга 1877 г. В отличие от многих авторов, выдержки из работ которых приводились ранее, А.Н. Лобин не повторяет предположения исходного текста, а делает свои выводы, опираясь на собственный багаж знаний об истории русской и зарубежной артиллерии.

С другой стороны, следует отметить, что для А.Н. Лобина истории о древнейшей русской нарезной пищали как бы и не существует. Он не приводит рассуждений Н.Е. Бранденбурга о происхождении орудия, не спорит с ним и последующими авторами, по большому счету даже не приводит своих доводов. Возможно, его выводы основаны на анализе объекта, однако никаких аргументов, обосновывающих гипотезу о европейском происхождении орудия, он не приводит.

Скажем прямо: в 1877 г. скрупулезный профессионал Н.Е. Бранденбург, опираясь на свой багаж знаний, в современной ему системе фактов делает определенные выводы, а спустя 149 лет другой профессионал, со своим багажом и системой ориентиров, делает абсолютно противоположный вывод, опираясь на те же самые данные. И оба они делают этот шаг, не предварив его комплексным и системным анализом предмета (по крайней мере, не представив его общественности).

Подводя итог данному обзору упоминаний орудия 1615 г. в отечественной научной и научно-популярной литературе, следует сформулировать несколько общих тезисов.

Во второй половине XIX в. Ф.Ф. Павленковым и Н.Е. Бранденбургом было исследовано орудие 1615 г., при этом выводы и предположения, которые сделали оба автора, опирались

исключительно на те данные, которые давал непосредственный осмотр предмета, данные письменных источников, и сопоставление с другими предметами не проводилось.

Со временем упоминания об орудии 1615 г. (восходящие к описаниям орудия в XIX в.) потеряли большую часть фактической информации, содержащейся в исходных текстах. Удивительно, но в первую очередь забвению были преданы факты, на которых строилось обоснование отечественного происхождения орудия. А в свою очередь предположения, сделанные исследователями XIX в., со временем трансформировались на страницах научной и научно-популярной литературы в утверждения.

Следующий этап — вытеснение самого факта о наличии орудия из текстов. Ряд упоминаний оперирует производным фактом: в 1615 г. в России появились нарезные орудия, либо первое нарезное орудие, либо впервые создано нарезное орудие. Тот факт, что это утверждение опирается на наличие материального исторического источника, уже не важен. То, что полтора столетия назад было выводом, теперь для многих публицистов является фактом. Примечательно, что тот же процесс редуцирования исходного факта и выход на первый план факта производного можно отметить и в апокрифе о «первой винтовке».

Что касается апокрифических формулировок, здесь предположения их возникновения видятся не только в случайных искажениях и ошибках авторов, но и в сокращении количества фактических данных в исходных формулировках. Сложно представить, что современные авторы могли сделать выводы о «первой винтовке», ознакомившись с исходным набором данных об орудии. Возникновение упрощенных формулировок, лишенных конкретики, порождает разночтения и домысливание, что приводит к возникновению новых фактов.

Отдельно следует отметить живучесть «предания», на которое не повлияло то, что орудие было выведено с постоянной экспозиции музея, а также и то, что научным коллективом музея была подвергнута сомнению достоверность извлекавшихся из орудия сведений. Факт о «первом отечественном нарезном орудии 1615 г.» оказался востребованным и нашел свое место в современной литературе.

Что же касается научной разработки темы, она, безусловно, нужна. Орудие 1615 г. — это поистине ребус из мира истории оружия. Большое количество уникальных деталей и особенностей,

порой курьезных, рождает множество вопросов. Для того чтобы хоть в малой степени дать объективную оценку этому удивительному артефакту, необходимо провести комплексное и всестороннее исследование. Нельзя исключать того, что в 50-е гг. такое комплексное исследование было проведено, однако результаты его опубликованы не были.

Первоочередной задачей предстоящего исследования орудия 1615 г. видится выявление и детальная проработка тех материалов, которые были привлечены исследователями в 1950-е гг. и которые, возможно, хранятся ныне в документах делопроизводства музея. Интерес представляют и материалы о самой дискуссии. Не только как источник сведений об орудии, но и как источник по истории Музея артиллерии в середине XX в.

¹ Павленков Ф.Ф. О старых нарезных орудиях // Артиллерийский журнал. 1861 г. № 1. С. 86–112.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 101.

⁴ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 1. СПб., 1877–1889. С. 166–169.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 168.

⁷ Там же. С. 169.

⁸ Бранденбург Н.Е. 500-летие Российской артиллерии (1389–1889). СПб., 1889. С. 14.

⁹ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 6. Ч. 1. Кн. 1: Главное артиллерийское управление: Ист. очерк / Сост. кап. Д.П. Струков; Гл. ред. ген.-лейт. Д.А. Скалон. СПб., 1902. С. 8.

¹⁰ Бранденбург Н.Е. 500-летие Российской артиллерии. С. 14.

¹¹ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 6. Ч. 1. С. 8

¹² Нитроглизерин — Патруль // Орудия древней Руси // Военная энциклопедия. СПб., 1914. С. 178.

¹³ Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. СПб., 1900. С. 50.

¹⁴ Нитроглизерин — Патруль. С. 182.

¹⁵ Нилус А.А. История материальной части артиллерии. Т. 1. СПб., 1904. С. 179.

¹⁶ Болтин Е.А. Первые русские артиллеристы // Артиллеристы. Сб. статей и рассказов. М., 1939. С. 7.

¹⁷ Павленко Н.Г. Русская артиллерия: Очерки по истории русской артиллерии 1389–1812 гг. М., 1940. С. 11.

¹⁸ Данилевский В.В. Русская техника. Л., 1949. С. 134.

¹⁹ Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М., 1950. С. 68.

²⁰ Там же.

²¹ Артиллерийский исторический музей. Краткий путеводитель / Под общ. ред. И.П. Ермошина. Л., 1954. С. 16–17; Артиллерийский исторический

- музей. Краткий путеводитель / Под общ. ред. И.П. Ермошина. Л., 1955. С. 23; Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею / под ред. И.П. Ермошина. Л., 1957. С. 27.
- ²² Артиллерийский исторический музей. Краткий путеводитель / Под общ. ред. И.П. Ермошина. Л., 1954. С. 16.
- ²³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 2. Д. 66.
- ²⁴ Там же. Д. 67.
- ²⁵ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 1: Артиллерия русской армии в период возникновения и развития феодализма (IX–XVII вв.) / Отв. ред. маршал артиллерии С.С. Варенцов; Научно-исследовательский артиллерийский институт № 1. М., 1959. С. 299–300.
- ²⁶ Там же. С. 301.
- ²⁷ Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961.
- ²⁸ Военно-исторический музей артиллерии и инженерных войск. Краткий путеводитель / Под ред. А.А. Бумагина. Л., 1964.
- ²⁹ Там же; Военно-исторический музей артиллерии и инженерных войск. Краткий путеводитель / Под ред. А.А. Бумагина. Л., 1966, 1968 (переиздания).
- ³⁰ Ионин С.Н. Русская артиллерия. От Московской Руси до наших дней. М.: Вече, 2006. С. 27.
- ³¹ Бенда В.Н. Предпосылки реформ в области артиллерии и инженерного искусства в начале XVIII в. // Альманах современной науки и образования. 2014. № 8 (86). С. 35.
- ³² См. учебные пособия: Боханов А.Н., Горинов М.М. История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2001; Буганов В.И. Мир истории: Россия в XVII столетии. М., 1989. Эта формулировка без правок воспроизведена многократно в различных пособиях последних десятилетий.
- ³³ Штейнгольд Э.В. Все об охотничьем ружье. М., 1978. С. 8.
- ³⁴ Проект «Реконструкция и музеефикация Белоярской крепости»: Вооружение гарнизона белоярской крепости. [Электронный ресурс]. <http://fond-serdolik.ru/proekt-rekonstrukciya-i-muzeefikaciya-beloyarskoj-kreposti/vooruzhenie-garnizona-beloyarskoj-kreposti/>
- ³⁵ Лобин А.Н. Производство русской артиллерии на Пушечном дворе в 1584–1645 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный вып. VI: Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. II. С. 97–157. [Электронный ресурс]. http://www.milhist.info/2016/02/09/lobin_7 > (Дата обращения: 09.02.2016).
- ³⁶ ДАИ. СПб., 1867. Т. X. С. 299–300. № 70.

П. Ф. Гёзалов (Баку, Азербайджанская республика)

ГЕОРГИЕВСКИЕ ЗНАМЕНА 1833 И 1877–1878 ГОДОВ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ

В КОНЦЕ XVIII в. и начале XIX столетия, в результате внешних политических процессов и геополитической стратегии Российской империи, завершился процесс включения Азербайджанских ханств — независимых государственных образований — в состав России. Одна часть азербайджанских ханств, такие как Бакинское, Иреванское, Гянджинское, Ленкоранское и Шекинское, были завоеваны путем крупных сражений, другая часть передавалась посредством дипломатических договоров — Кюрекчайского, Георгиевского и Туркменчайского.

Территория современного Азербайджана была подчинена Российской империей в начале XIX столетия. В этот период на территории Южного Кавказа существовало более 20-ти независимых и полунезависимых азербайджанских государств — ханств и султанств. Это Ардебильское, Бакинское, Гянджинское, Дербентское, Карабахское, Карадагское, Кубинское, Макинское, Марагинское, Нахичеванское, Сарабское, Тальшинское, Тебризское, Шекинское, Шемахинское, Урмийское, Хойское и Эриванское ханства, Илисуйское (Елисуйское) султанство и Джаро-Белоканские вольные общества, а также зависимые от своих сильных соседей Джаватское ханство, Арешское, Борчалинское, Казахское, Куткашинское, Памбакское, Сальянское, Шамшадильское и Шурагельское султанства. В результате двух русско-персидских войн в первой четверти XIX столетия территория исторического Азербайджана была разделена между Россией и Персией на южную и северную части. Таким образом, зажатые с севера и юга более сильными соседями, азербайджанские государственные образования потеряли свою

самостоятельность, а азербайджанский народ в результате этого оказался расколотым на две части. Более того, с подчинением Северного Азербайджана Российской империей в официальный обиход последней вошли искаженные этнические названия азербайджанцев, которых называли либо «закавказскими татарами» или «адербейджанскими татарами», либо «персами», либо просто по конфессиональной принадлежности — «мусульманами». Необходимо отметить, что самоназвание народа — это «турки» или азербайджанские турки, и также назывался язык — тюркский (азербайджанско-тюркский). Собственно же этноним «азербайджанцы» в различных формах стал использоваться в русской академической литературе с XIX столетия.

Итак, первые иррегулярные полки, сформированные из азербайджанцев, появились в России в самом начале царствования императора Николая I (1825–1855). В кампании 1877 г. на Кавказе приняли участие следующие иррегулярные части, полностью или частично сформированные из азербайджанцев: Бакинский, Елисаветпольский, Закатальский, Шурагельский и Эриванский конно-иррегулярные полки, а также Александропольский конный дивизион и Борчалинская конная сотня. Особо отличившийся в русско-турецкой войне Закатальский конно-мусульманский иррегулярный полк высочайшим приказом в октябре 1878 г. был пожалован Георгиевским знаменем с надписью: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов». Этим же приказом 3-й сотне полка были также пожалованы знаки отличия на головные уборы с надписью: «За дело под Баязетом в 1877 году». По Гюлистанскому (1813) и Туркменчайскому договорам Азербайджан был разделен между Российской империей и Иранским государством каджаров. Аннексия как Южного, так и Северного Азербайджана сопровождалась ликвидацией государственности и ее атрибутов. И если ханы в Южном Азербайджане пусть номинально, но сохраняли власть на своих родовых землях, а также атрибуты своей власти, в Северном Азербайджане царизм проводил целенаправленную политику уничтожения или изгнания ханских родов. Преследуя далеко идущую политику замены азербайджанской знати российским дворянством, царизм ликвидировал все атрибуты государственности и символы власти. Даже титул «хан» можно было носить только после подтверждения прав на этот титул, что было чрезвычайно редко (например, Аббасгулу ага Бакиханов,

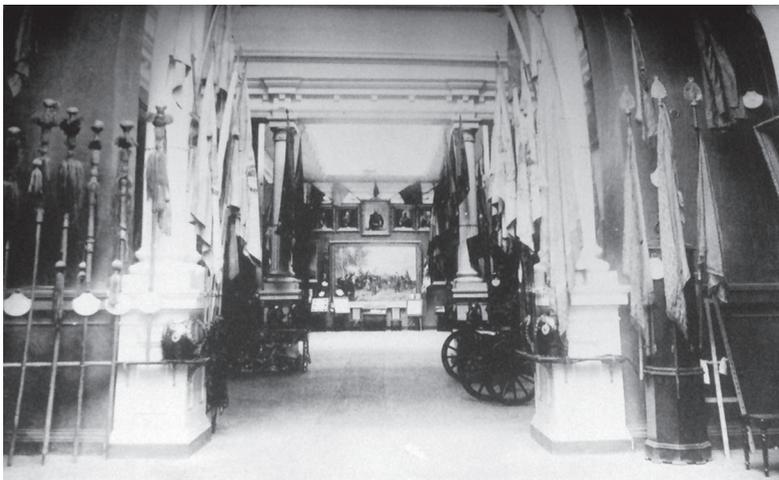

Ил. 1. Кавказский Военно-исторический музей (он же Храм Славы). 1885 г.

происходивший из рода бакинских ханов, так и не смог получить подтверждения своих прав на ханский титул, хотя верой и правдой служил России, был удостоен звания полковника русской армии, награжден орденами и медалями империи). С ликвидацией ханств Северного Азербайджана их знамена превратились лишь в исторический памятник, в качестве трофея подтверждающий могущество Российской империи.

Основатель советской вексиллологии П.И. Белавенец указывает, что знамена, поступившие с Кавказа, были переданы в Царскосельский дворцовый арсенал. Естественно, там они не экспонировались и вообще были скрыты от глаз публики. О знаменах вновь вспомнили в 1888 г., когда в Тифлисе был открыт Кавказский военно-исторический музей (КВИМ) он же Храм Славы (ил. 1). Предполагалось привезти в музей трофейные кавказские знамена, а также трофеи русско-персидских и русско-турецких войн.

Открытие музея было приурочено к посещению Кавказа императором Александром III и его семьей, поэтому второпях была подготовлена экспозиция, состоявшая только из батальных картин. После отъезда императора об идее привезти из Санкт-Петербурга знамена забыли. Как указывают авторы указателя,

Ил. 2. В зале Кавказского военно-исторического музея

«первые 18 лет своего существования музей не имел ни правильной организации, ни настоящего хозяина... и потому находился в полном забвении».

В марте 1906 г. КВИМ был подчинен Военно-историческому отделу при Штабе Кавказского военного округа. В том же году Царскосельский дворцовый арсенал был ликвидирован, а его материалы переданы в три музея: Эрмитаж, Артиллерийский исторический музей и КВИМ. В КВИМ поступили штандарт Джавад хана Гянджинского и 8 знамен Гянджинского ханства, одно знамя Бакинского ханства, 6 знамен Нухинского ханства, два знамени, взятые в боях за Иревань (указаны как персидские), три знамени, взятые в бою под Асландузом (также указаны как персидские) и два знамени, добытые при штурме Ленкорани. Передача именно этих знамен объясняется, на наш взгляд, направленностью КВИМ как музея, призванного отразить могущество русской армии в боях за Кавказ. 11 февраля 1907 г. состоялось торжественное открытие экспозиции с участием наместника императора на Кавказе и Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа графа И.И. Воронцова-Дашкова (ил. 2, 3).

В условиях развала Российской империи азербайджанский народ получил шанс освободиться от гнета царизма и восстановить свою государственность. 28 мая 1918 г. Азербайджанский

Национальный совет принял Декларацию о независимости. За короткий период своего существования (23 месяца) республика добилась очень многого. Преобразования в области государственного строительства, экономики, образования, военного строительства были направлены на укрепление независимости страны. Одним из первых мероприятий было принятие атрибутов государственности. 21 июня 1918 г. был принят Государственный флаг Азербайджанской республики, с изображением

Ил. 3. Граф И.И. Воронцов-Дашков

белого полумесяца и белой восьмигранной звезды на красной материи. 9 ноября 1918 г. флаг был заменен трехцветным, состоявшим из зеленого, красного и голубого цветов с белым полумесяцем и восьмигранной звездой. Упрочение основ государственности требовало пропаганды истории и традиций государственности. При содействии правительства началось создание музея «Истиглал» — первого азербайджанского музея широкого профиля. Усилиями первопроходцев музейного дела в Азербайджане Гусейн Мирза-Джамалова и Мамеда Ага оглы начался сбор исторических реликвий. Был поднят вопрос о передаче Азербайджану предметов — символов государственности, хранящихся в Музее Славы. Однако последовавшие военно-политические события и оккупация Азербайджанской республики не позволили довершить задуманное. В годы революции 1917 г. на территории России не удалось полностью сохранить музейные коллекции, в том числе знаменные. Так, во время эвакуации

Артиллерийского музея в Ярославль в результате пожара погубило 2 тысячи знамен. Отметим, что в составленном в 1927 г. Кратком указателе коллекций Артиллерийского исторического музея сообщалось, что в собрании помимо прочих имеется свыше 1000 турецких и вообще мусульманских знамен. Как писал автор-составитель указателя П.И. Белавенец, «в числе этих знамен масса уников, даже не известных на родине, так как они не были зарисованы своими соотечественниками».

В июне 1920 г. в городе Баку был создан Азербайджанский государственный музей, и вопрос о необходимости возвращения в музей исторических атрибутов государственности был поднят вновь. В марте 1922 г. и Азербайджан, и Грузия вошли в состав единого государства — Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики. В сентябре 1924 г. в Баку начал

Ил. 4. Директор Азербайджанского государственного музея Давуд Шарифов

работу Всеазербайджанский краеведческий съезд. В заключительной резолюции съезда было отмечено, что Народный комиссариат АзССР должен предпринять шаги по возвращению в Азербайджан азербайджанских исторических предметов, хранящиеся в музеях союзных республик. В январе 1925 г. Коллегия Наркома АзССР заслушала доклад директора Азербайджанского государственного музея Давуда Шарифова (ил. 4) о необходимости передачи республике исторических материалов из центральных музеев СССР и союзных республик, а затем приняло поста-

тановление о командировании специалистов Азербайджанского государственного музея в центральные музеи. Наиболее удачной оказалась командировка Д. Шарифова: в Азгосмузей были переданы и запрашиваемые материалы из КВИМ, и некоторые археологические материалы. Среди них оказались и исторические

Ил. 6. Георгиевское знамя Закатальского иррегулярного конно-мусульманского полка. 1877–1878-е гг. (Азербайджан)

Вторая реликвия — Георгиевское знамя, врученное Закатальскому иррегулярному конно-мусульманскому полку за проявленную отвагу в годы русско-турецкой войны. Подразделение было сформировано в 1877–1878 гг. из мусульманского населения Закатальского округа. С той поры знамя хранится в знаменной коллекции Азербайджана, Музея истории Азербайджана, инв. № 470. Также в собрании имеются четыре знамени сотенных батальонов, входивших в состав вышеотмеченного полка. Знамя представляет собой одноцветное полотно бордового цвета с бахромой с трех сторон и надписью «ЗАК. ПОЛ. 2 СОТНЯ».

Ил. 7. Навершие
Георгиевского знамени
иррегулярного конно-
мусульманского полка

Ил. 8. Знамя 2-й сотни
Закатальского
конно-мусульманского иррегулярного полка

Вниманию читателей представляем краткое описание Георгиевских знамен. Первое полотно (ил. 5) четырехугольной формы, по центру в медальоне (венке) с короной на желтом фоне изображен двуглавый орел, увенчанный одной короной, на груди размещен герб Москвы. На полотне зеленого цвета от центрального медальона к углам проходят красно-белые полосы, образуя на полотне георгиевский крест. На зеленой части четырех сторон полотна по частям размещена надпись «За отличие въ 1807 году Противъ Французовъ и за Варшаву 25 и 26 августа 1831 года». В углах полотна изображен венок с короной, в котором размещен вензель императора Николая I. Навершие знамени имеет пикообразную форму, с размещенным внутри Георгиевским крестом.

Второе полотно имеет четырехугольную форму, размеры 150 на 135 см. Полотно двухстороннее, все изображения и надписи одинаковы на обеих сторонах. Древко прикреплено к полотну знаменными гвоздями. Навершие пикообразное, простой формы, сохранность полотна, древка и навершия хорошие (ил. 6–9).

По центру в медальоне (венке) с короной изображен двуглавый орел, увенчанный двумя малыми коронами и одной большой, соединенными между собой синей лентой. В когтях орел

Ил. 9. Георгиевское знамя Закатальского иррегулярного конно-мусульманского полка. 1877–1878-е гг. (Азербайджан). Фрагмент

держит символ монархической власти, в правой лапе — скипетр и в левой — державу. На крыльях у орла изображены восемь гербов крупных царств и княжеств в составе Российской империи. На правом крыле размещены гербы Царства Астраханского, Польского, Херсонеса Таврического и соединенные гербы Киевского, Владимирского, Новгородского великих. На левом крыле изображены гербы царства Казанского, Сибирского, Грузинского, Великого княжества Финляндского. На груди орла изображен герб Москвы. От центра к краям полотна проходят черные и белые полосы, образуя крест. На четырех сторонах полотна, по частям размещена надпись «ЗА ОТЛИЧИЕ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877 И 1878 ГОДОВЪ». В углах полотна изображен венок с короной, в котором размещен вензель императора Александра II.

- Вилинбахов Г.В. Государственный герб России-500. СПб., 1997. 167 с.
- Артиллерийский исторический музей. Знаменный отдел. Краткий указатель коллекций // Сост. П.И. Белавенец. Л.: АИМ, 1927. 51 с.
- Указатель по Кавказскому Военно-историческому музею. Военно-исторического отдела при Штабе Кавказского военного округа. Тифлис: типография Штаба Кавказского военного округа, 1907.
- Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Законодательные акты (сб. док.). Баку, 1998. 423 с.
- РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 3793.
- АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 366, 393.
- АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 811.
- ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XIV. Отд. 1. 1839. СПб., 1840. С. 202–203. № 12098.
- ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XV. Отделение 1. 1840. СПб., 1841. С. 59. № 13155.
- Гизетти А.Л. Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Тифлис, 1901. Ч. II: Знаки отличий за боевые подвиги, пожалованные Кавказским войскам. С. 21, 55, 87.

А.В. Громов (Санкт-Петербург)

БОЛЬШИЕ ПУШКИ ИМПЕРАТОРА КАНСИ. ОРУДИЯ УЧЭНЬЮНГУ ДА ЦЗЯНЬЦЗЮНЬ В СОБРАНИИ ВИМАИВ_иВС

В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВ_иВС) хранится уникальное (и самое большое в России) собрание артиллерийских орудий производства Китая эпохи Цин. Среди них особенно выделяется небольшая группа орудий, захваченных как трофей русским отрядом во время штурма цитадели Пекина 14–15 августа 1900 г., в том числе изготовленных в конце XVII столетия при участии миссионеров-иезуитов для императора Канси¹.

Одно из *четырёх* таких орудий (№ МЧА 02/33), доставленных в Петербург еще в 1904 г. (ил. 1), сохранилось до наших дней. Три остальных сейчас известны, увы, только по фотографиям, сделанным в 1901 г. представителями Трофейной комиссии ГАУ на артиллерийском складе Квантунской крепостной артиллерии (ил. 2–4). Эти орудия выделяются характерным внешним дизайном, большим калибром (127, 135 и 155 мм), и потому они очень четко — почти идеально — прослеживаются во всех фондовых документах Артиллерийского исторического музея, отражающих передвижения предметов в том числе и *внутри* музейной коллекции. Лишь с конца 50-х гг. XX в. три из четырех уникальных трофейных пушек внезапно «теряются» со страниц архивных источников.

Подлинная история создания, применения, а впоследствии — и музейного бытования этих пушек являлась основной целью проведенной автором исследовательской работы.

Итак, орудие с № МЧА 02/33 представляет собой следующее. Это пушка литая бронзовая дульнозарядная, на лафете.

Ил. 1. Трофейные орудия учэньюнга да цзяньцзюнь (127-, 135- и 155-мм) на внешней экспозиции АИМ (1904). ЦГАККФД СПб. П447. Сн. 50

Калибр: 127 мм.

Длина ствола: 316 см.

Вес: 2880 кг.

На поверхности — шесть литых орнаментированных фриз. Запальное отверстие на особом приливе. В торельной части гравировкой нанесены надписи на маньчжурском и китайском языках.

Благодаря любезной помощи коллег из Международного фонда им. Ф. Вербиста — профессоров В. Кудениса (Wim Koudenis) и Н. Голверса (Noel Golvers) из г. Лёвен (Бельгия) — эти надписи были переведены, а их содержание конкретизировано.

Надписи на стволе (на китайском языке):

大清康熙二十八年

鑄造

武 [月戈] (成) 來 (永) 固大將軍用

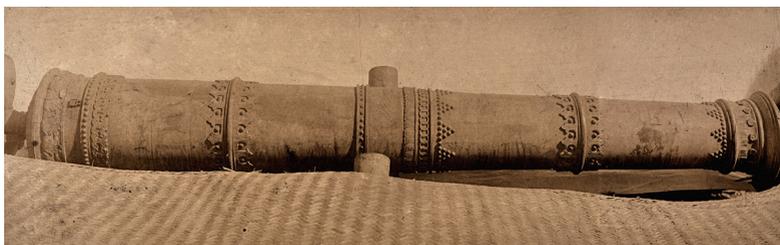
藥五筋 (觔 / 斤)

生鐵砲 (炮) 子十觔 (斤)

星高一寸五釐

製法官南懷仁

監造官佛保

Ил. 2. Пушка малой пропорции. Фотография Трофейной комиссии (1901). АВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 58. Л. 56

Ил. 3. Пушка средней пропорции. Фотография Трофейной комиссии (1901). АВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 58. Л. 58

Ил. 4. Пушка большой пропорции. Фотография Трофейной комиссии (1901). АВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 57. Л. 59

碩思泰
作官王之臣
匠役李文德
顏四

Перевод:
Да Цин Канси эр ши ба нянь — В 28 году царствования импера-
тора Канси Великой [династии] Цин [1689]
чжуцзао — отлита [эта пушка, поименованная]

учэньюнгу да цзяньцзюнь; юн — «Воинственный совершенный [и] всегда непоколебимый великий полководец»; использовать
яо у цзинь — заряд пять цзинь [пороха и] — 3,016 кг
шэнь те пао цзы ши цзинь — [и] ядро из железа в десять цзинь — 6,032 кг

син гао и цунь у ли — высота прицела один цунь пять ли — 33,6 мм

чжифагуань Нань Хуайжэнь — мастер, ответственный за изготовление: Нань Хуайжэнь

Цзяньцзаогуань: Фо Бао — чиновники, ответственные за отливку: Фо Бао (имя),

Шо Сытай (имя)

цзогуань Ван Чжичэнь — начальник мастеровых: Ван Чжичэнь (имя)

цзянньи Ли Вэньдэ — работники мастерской: Ли Вэньдэ (имя),
Янь Сы (имя)².

Маньчжурский текст гласит:

Daicing gurun-I Elhe Taifin-I orin jakūnci anya. hungkerene horon sanggara enteheme akdun amba jiyanggiyūn.

baitalara okto suntja gin.

eshun selei muhaliyan juwan gin.

sing ni den emu cun suntja li.

durun ilibuha hafan Nan Hūwai-jin. tuwame weilehengge hafan Foboo. Sostai. zoguwan Wang J'i-cin: faksi da Li Wen-de: Yan Se.

Перевод:

«В 28 году правления Канси Великой (династии) Цин (1689) эта (пушка, поименованная) “Воинственный совершенный [и] всегда непоколебимый великий полководец” была отлита.

Пороху использовать 5 цзинь (2984,08 г).

Для стрельбы чугунным ядром весом 10 цзинь (5968,16 г). Прицел — 1 цунь 5 ли (33,6 мм — так как 1 цунь = 3,2 см, 1 ли = 0,32 мм).

Чиновник, надзиравший за изготовлением формы — Нань Хуайжэнь. Чиновники, надзиравшие за работами — Фобу и Состай. Начальник мастеровых — Ван Цзичен. Мастера — Ли Вэньдэ и Янь Сэ».

Винград орудия — грушевидный с шейкой для хомута, соединяющего ствол с подъемным механизмом.

Ствол установлен на лафет, верхний станок которого деревянный, с двумя короткими станинами, имеющими гнезда под цапфы. Станок на железном однохоботовом лафете с проушинами для передка; подъемный механизм с горизонтальным винтом и поворотной рукояткой; от конца хобота к боевой железной оси идут две цилиндрические тяги, закрепленные концами под деревянными ящиками лафета.

По документам из архива ВИМАИВиВС, пушка в числе остальных прибыла в музей 16 марта (ст. стиля) 1904 г. И по имеющимся данным была взята у ворот Пекина 9-м Восточно-Сибирским стрелковым полком 1–6 августа (ст. стиля) 1900 г.

Однако, самое интересное — это надписи на стволе сохранившегося орудия. Они донесли до нашего времени имя мастера, отлившего за отливку — Нань Хуайжэнь (南懷仁), и именно этому человеку император Канси был обязан созданием современной, даже по меркам Европы XVII в., бронзовой артиллерии.

Нань Хуайжэнь — он же фламандский иезуит Фердинанд Вербист — великий астроном, миссионер и ученый. Родился в 1623 г. в г. Питтем, во Фландрии. Известно, что уже в юном возрасте он обучался математике и философии в г. Лёвен — где в наши дни основан знаменитый фонд его имени (*Sankt Augustin and Ferdinand Verbiest Foundation, Leuven*) — после чего поступил на службу в орден иезуитов (ил. 5).

В 1658 г. Ф. Вербист был направлен из Лиссабона в Китай в сопровождении отца Мартино Мартини и тридцати пяти других миссионеров, с целью проповеди христианской веры среди подданных Цин и недопущения проникновения туда протестантской «ереси» — в лице голландцев и англичан.

В итоге, по прибытии, он занимает свой первый пост в провинции Шаньси, возглавляя миссию до 1660 г.

Он, разумеется, не был первым миссионером в Китае. Еще задолго до него там работали основатели миссии — итальянцы Маттео Риччи (1552–1610) и Микеле Руджиери (1543–1607), занимавшиеся помимо всего и вопросами долговременной фортификации³. Так что к моменту прибытия в Пекин Ф. Вербиста само начало военно-техническому сотрудничеству между Китаем и Западом было уже положено.

В этот период будущий теоретик и практик производства артиллерийских орудий в державе Цин был призван стать помощником, а позднее и сменить на посту знаменитого немецкого

Ил. 5. Изобретатель Ф. Вербист (1623–1688)

миссионера-иезуита — отца Иоганна Адама Шаль фон Белля (1592–1666)⁴. Который, кстати, успел прославиться участием в обороне Макао от голландских «еретиков»⁵. Но на момент прибытия Ф. Вербиста сам Шаль фон Белль под именем Тан Жована (汤若望) уже занимал пост главного директора в Пекинской обсерватории и руководителя математического совета при императоре. И по стечению обстоятельств именно иезуит Шаль фон

Белль и его ближайший преемник дали возможность державе Цин сделать очередной важный шаг в совершенствовании и развитии артиллерии.

Известен, в частности трактат этого времени «Хо гун це яо» (火攻擊要 — «Все важнейшие сведения об огнестрельном оружии»), записанный первоначально под диктовку самого Шаль фон Белля в 1643 г.⁶ Этот трактат имел также второе название — «Цзэ кэ лу» (則克录 — «Правила обороны»). Он был записан небезызвестным ученым конца эпохи Мин и специалистом по огнестрельному оружию Цзяо Сюем.

Хотя, по мнению Цзяо Сюя, технические стандарты китайских пушек и другого огнестрельного оружия в целом не уступали западным, и в принципе уже в эпоху династии Мин в Китае были свои собственные работы по военному делу, они уже не вполне удовлетворяли потребностям того времени.

С учетом появления в регионе новой военной силы — сперва португальцев, потом голландцев с их артиллерией современного европейского образца, нужны были корректировки в стратегиях и в оружейном деле. Меж тем, работы, которые упоминал Цзяо Сюй — «У цзин цзун яо» («Полные основные сведения о военных орудиях») и «Цзи сяо синь шу» («Новая книга об эффективной дисциплине»), уже значительно устарели.

Кроме того, Цзяо Сюй отмечал, что все классические китайские работы по военной тематике имели мистическую окраску и по этой причине не подходили для практического применения в условиях современной войны. Единственной заслуживавшей внимания работой была «Хай вай хо гун шэньци тушо» (海外火攻神器图说 — «Иллюстрированная работа о волшебном артиллерийском оружии за рубежом»), автором которой был живший в эпоху Мин изобретатель Чжао Шичжэнь (1552–1611).

Стремясь исправить эту ситуацию, Цзяо Сюй обратился за консультацией к Шаль фон Беллю, который и продиктовал ему данную работу. В книге рассказывалось об истории военных действий с использованием огнестрельного оружия, о производстве пушек и стрелкового оружия, о способах изготовления ружей и пушек, о материалах, из которых изготавливались ружья, пушки и мины, а также приводились общие сведения о западной системе весов и размеров, использовавшейся в производстве. После того как влияние западных миссионеров уменьшилось, эта работа была отчасти забыта. Ей не уделялось

особого внимания вплоть до 40-50-х гг. XIX века, когда между Западом и Китаем вспыхнули конфликты и китайцы по-новому оценили важность этой работы.

Сам фон Белль к вопросам артиллерии, ее производства в дальнейшем больше не возвращался, а с его смертью изготовление пушек по современному европейскому образцу было поручено его непосредственному преемнику. Им и оказался в итоге Нань Хуайжэнь (отец Ф. Вербист). Приказ об изготовлении пушек европейского образца был отдан Ф. Вербисту в 1673 г. в связи с тем, что в провинции Юннань начался грандиозный мятеж, охвативший впоследствии полстраны и получивший в Китае название «восстания трех принцев»⁷.

Орудия голландского образца, поставленные в 1604 г. из Голландии, так называемые *хуньпао* (紅夷炮 — «пушки рыжих варваров»), были весьма малочисленны для того, чтобы подавить восстание. Вербист и его рабочие поначалу просто копировали имеющиеся орудия, изготовив серию из 20-ти таких пушек в течение всего 28 дней⁸. Однако эта артиллерия была малоприспособна для боевых действий в горно-лесистой местности — стволы слишком тяжелы, а лафеты весьма громоздки и неудобны. Впоследствии эта серия тяжелых осадных орудий была снята с производства. Другая серия орудий представляла собой легкую разновидность полевых пушек, скрепленных деревом и имеющих кованный из железа канал ствола с запальным отверстием на казенной части⁹. Всего в период с 1674 по 1676 гг. Вербистом и его мастерами были изготовлены 132 орудия голландского образца и упомянутых легких пушки, скрепленных деревом.

На севере, в Приамурье, в этот период начинается активизация русских землепроходцев, с которой западные исследователи склонны также связывать принятие мер по усовершенствованию артиллерии Цин¹⁰. За время своей карьеры Ф. Вербист отлил не менее 566 орудий разных типов¹¹. По-видимому, часть изготовленных им орудий из ранних серий принимала участие и во взятии Албазинского острога в 1685 и 1686–1687 гг.¹²

Отливки артиллерии, полевой и осадной, были продолжены и в дальнейшем. Ближе к концу жизни Вербист изготовил 61 пушку типа *учэньюнгу да цзяньцзюнь* (заказ пришел в 1687 г., и как раз к этому типу принадлежит и орудие № МЧА 02/33 из собрания ВИМАИВиВС) и еще 80 орудий типа *шэньюн*. Хотя, как это видно из надписей на орудии № МЧА 02/33, последние пушки

из этих серий были отлиты уже без его участия. По-видимому, он успел сделать лишь отливочные формы и подготовить материалы для изготовления новой партии. Кроме того, незадолго до своей смерти (предположительно в 1682 г.) им была издана работа, озаглавленная «Шеньвэй тушо» («神威图说») — «Разъяснения и иллюстрации (пушки), именуемой чудесной (и) внушающей страх»¹³. Однако это произведение на сегодняшний день утрачено, из него известно всего два листа, перерисованных в свое время по разрешению иезуита отца Е. Ламалля, которому в свое время этот трактат и был посвящен¹⁴.

Что до орудий *учэньюнгу да цзяньцзюнь*, то кроме пушки № МЧА 02/33 из собрания ВИМАИВиВС на сегодняшний день известно лишь несколько таких образцов, находящихся в разных музеях мира. Это орудия «большой» (калибр 155 мм, длина ствола 340 см), «средней» (калибр 135 мм, длина ствола 315 см) и «малой пропорции» (калибр 127 мм, длина ствола 295 см).

Два орудия аналогичной отливки находятся сейчас в *Museum für Deutsche Geschichte* (Берлин), одно «средней пропорции» — в *Bayerisches Armeemuseum* (Ингольштадт) и одно «малой пропорции» — в *Kunstsammlung der Veste Coburg* (Кобург)¹⁵ (ил. 6). Последнее из них (музейный № G9) было опубликовано в Германии в 1988 г.¹⁶

Кроме того, одно орудие «малой пропорции» находится сейчас в музее г. Берн (Швейцария), куда было передано из Германии в 1936 г.¹⁷ И одна пушка «большой пропорции» — в музее Пекина, куда она была передана из здания немецкого посольства по окончании Второй мировой войны, в 1946 г.¹⁸ По два орудия аналогичной отливки находятся также в Вене, в *Heeresgeschichtliches Museum* (инв. № 81446 и 81447), и в Будапеште¹⁹ (ил. 7). Как минимум одно — средней пропорции — в г. Фукуока, Япония (ил. 8). И еще ряд вербистовских пушек

Ил. 6. Дульная часть пушки малой пропорции из *Kunstsammlung der Veste Coburg* (inv. №: G9)

из разных серий (отнюдь не только — *учэньюнгу да цзяньцзюнь*) хранится в нескольких музеях Европы и США.

Остается невыясненным один очень важный момент, о котором почти нет сведений в документах ВИМАИВиВС. Это судьба еще трех пушек такого типа, что поступили в АИМ в 1904 г. Исследование в 2017–2018 гг. архивных документов ВИМАИВиВС показало следующее.

Впервые наличие орудий зафиксировано в накладной № 8648/7 на имущество, отправленное Квантунской крепостной артиллерией в Артиллерийский исторический музей²⁰. Это два орудия «средней» и по одному — «большой» и «малой пропорции». Затем они, все четыре, периодически встречаются в «Красных»²¹ и «Черных»²² книгах музейных описей. Эти орудия уникальной «иезуитской» отливки также вполне отчетливо фигурируют в эвакуационной описи 1917 г. Так, все четыре орудия этой серии значатся в списке на «барже Демина» (*не тонула*)²³ и, соответственно, они были еще в наличии.

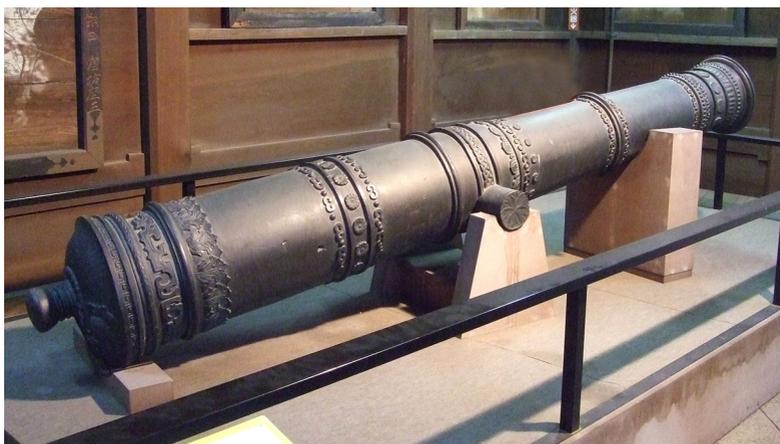
Затем три орудия исчезают из описей основного фонда АИМ, и на сегодняшний день в коллекции музея остается только одно такое орудие — 127-мм «малой пропорции» (№ МЧА 02/33). Дальнейшее изучение дало обескураживающий результат: в описи из Книги учета имущества, *прибывшего из Германии в АИМ в 1945–1947 гг.* (sic!), эти три орудия ошибочно внесены в общий список. При этом без замеров и атрибуции они все записаны как 125-мм бронзовые китайские, а напротив одной из пушек есть пометка: «расчленена»²⁴.

Поскольку два орудия записаны «на деревянных лафетах», а сохранившееся в фонде АИМ орудие (№ МЧА 02/33) стоит на *железном* лафете, то в наиболее ранних документах было высказано мнение, что это именно те два орудия «иезуитской» отливки, что экспонируются сейчас в музее Берлина. То есть они будто бы были вывезены в СССР и впоследствии возвращены обратно. Но переписка с музеем Берлина позволила выяснить, что орудия, находящиеся у них, оставались в «западной зоне» и на территорию СССР *не перевозились*. Кроме того, невозможно было бы объяснить, куда делись два совершенно аналогичных орудия этой серии из коллекций АИМ.

Впоследствии эта ошибка периодически попадала еще в документы учета АИМ, хотя в действительности ее влияние и последствия оказались довольно скромными. В документах

Ил. 7. Пушка малой пропорции из Будапешта. Фотография из коллекции автора

Ил. 8. Пушка средней пропорции. Храм Хакодзаки, префектура Фукуока, Япония

середины 1946 г. эти орудия благополучно отражены²⁵, и они все вновь на месте.

В более поздней описи 1947 г. все они также легко прослеживаются²⁶. Причем в ней нет ни слова о том, что указанные орудия типа *учэньюнгу да цзяньцзюнь* (или хотя бы какая-то часть из них) были привезены в АИМ из Германии в 1945–1947 гг.

Что до так называемых «деревянных лафетов», то эта путаница возникла лишь потому, что деревянные детали в этих лафетах и в самом деле присутствуют, несмотря на преобладание металлических. Так что при описании одних и тех же предметов в разное время и разными лицами их отражения в документах АИМ могли быть на удивление субъективными, а иногда и *противоречащими друг другу*.

В итоге долгих архивных поисков само время исчезновения трех уникальных китайских пушек «иезуитской» отливки удалось сузить до 1949–1954 гг. Так, в 1949 г. их наличие (всех четырех) в последний раз отражено на страницах музейных описей. А уже в списке китайских пушек, хранящихся в тот момент в Артиллерийском фонде, как и в Отделе новых поступлений АИМ за 1954 г.²⁷, три из них почему-то отсутствуют.

Дальнейшие попытки выяснить участь этих пушек «иезуитской» отливки работы мастера Нань Хуайжэня (Ф. Вербиста) позволили, тем не менее, узнать следующее.

Можно уже считать вполне установленным, что документом от 8 июня 1948 г. из имущества артиллерийских фондов АИМ для передачи их в ОФИ ЛВО²⁸ (а фактически — *для списания*) были выделены:

пункт 77: «мортиры-стволы гладкостенные, XVIII–XIX столетия разные. 20 ед. 71-й склад. Не представляющие ни исторической, ни технической ценности, имеющие аналогичные образцы в фондах»;

пункт 78: «стволы отдельные пушечные и гаубичные, XVIII–XIX столетия (иностранные). 3+9+50 ед. Складированные на внутреннем и наружном дворе, 71-й склад. Не представляющие ни исторической, ни технической ценности, имеющие аналогичные образцы в фондах»;

пункт 81: «мортиры мелкие на станках, XIX столетия. 13 ед. Аналогично п. 77. То же»²⁹. Подписано: «8 июня 1948 г. Пред. комиссии инженер-полковник Львовский; нач-к отд. Истории артиллерии, полковник Чернов; уч. хранитель фондов, Рыскин»³⁰.

Кроме того в имуществе, не состоящем на инвентарном учете АИМ, подлежащем списанию, оказалась еще одна, достоверно китайская, пушка, в итоге списанная по акту от 19 апреля 1949 г.³¹

Сколько из намеченного было в итоге действительно передано в ОФИ ЛВО (т. е. *списано*) и сколько из переданных орудий были китайскими — на сегодняшний день проследить, увы, невозможно.

Так как орудия уходили в ОФИ ЛВО общим как списком (без описаний и атрибуции), то, к сожалению, никакой информации об орудиях, изготовленных под руководством Ф. Вербиста в 1888–1689 гг., в Архиве ВИМАИВиВС нет.

Удалось выяснить, что среди артиллерийской матчасти, в том числе — пушек, мортир и лафетов, ушедших по реституции в ГДР в 1958 г., ничего из восточных (т. е. японских или китайских) пушек также не числится³². Это, к сожалению, означает, что упомянутые три орудия «иезуитской отливки» эпохи Цин, по-видимому, должны были находиться среди предметов полностью *списанных* и впоследствии переданных в ОФИ ЛВО для утилизации. В более поздних ведомостях, в том числе на списание артиллерийских предметов фонда за 1951 г., никаких восточных (японских или китайских) пушек *не обнаружено*³³.

Но, несмотря на то что потеря этих великолепных пушек работы Ф. Вербиста стала серьезным ударом для коллекций АИМ, судьба «китайской» части его собрания могла сложиться еще ужасней. Так, в 1954 г., по поручению тогдашнего начальника музея полковника И.П. Ермошина был составлен специальный список китайских пушек, еще оставшихся в Артиллерийском фонде АИМ, с целью последующей передачи этих орудий правительству КНР и «дружескому китайскому народу»³⁴.

К счастью, у руководства ГАУ эта идея немедленной передачи правительству КНР таких объемов музейных ценностей не встретила немедленного согласия, а резолюция начальника ГАУ генерал-полковника артиллерии С.С. Варенцова была резко отрицательной. Было рекомендовано, в частности, аргументировать передачу таких орудий Китаю «более солидными данными» (что означало долгую и планомерную работу с архивными документами и самими орудиями), а также исключить в письме противоречивые, политически ангажированные моменты³⁵.

Ил. 9. Пушка средней пропорции у моста Балицяо, Пекин (1860)

Как показали дальнейшие события, это решение ГАУ повременить оказалось мудрым. Пока шла вся подготовительная работа в фондах музея по углубленному изучению наличествующих предметов (т. е. артиллерийских стволов и пр.), советско-китайские отношения постепенно вступили в глубокий затяжной кризис. Так что предметы (а среди них оказались не только китайские, но частично даже японские образцы орудий) в итоге остались в фонде АИМ.

Меж тем, огромное количество памятников (в том числе и старинных орудий эпохи Цин) были попросту переплавлены в КНР, в ходе так называемой культурной революции. Соответственно, большинство экспонатов, в случае передачи из АИМ в Китай в 50-х гг. XX в., могло быть утрачено безвозвратно. Стоит напомнить, что очень многие из образцов китайских орудий, представленных сейчас в музеях Китая, в том числе и в Пекине — это всего лишь современные копии. Поэтому единственное в музеях России орудие *учэньюнгу да цзяньцзюнь*, работы замечательного фламандского мастера и миссионера отца Фердинанда Вербиста (№ МЧА 02/33) — это предмет уникальный и с исторической, и с художественной точки зрения.

Ил. 10. Орудия малой пропорции на выставке китайских трофеев (1901)

Кроме того, хотя орудия такого типа и не успели поучаствовать в боях с русскими на Амуре, часть из них использовалась во время так называемых Опиумных войн XIX столетия. Благодаря известной фотографии, сделанной почти сразу после этих событий, можно с уверенностью утверждать, что как минимум несколько пушек типа *учэньюнгу да цзяньцзюнь* участвовали в бою у моста Балицяо 21 сентября 1860 г. (ил. 9). На фото четко идентифицируются два орудия, принадлежащие к этому типу, средней пропорции, на китайских традиционных лафетах.

По-видимому, они оставались боеспособны и на момент занятия Пекина войсками восьми держав в ходе так называемого Боксерского восстания (1899–1901). В этот момент они уже имели современные металлические крепостные лафеты и в таком виде были захвачены наступающими частями Российской императорской армии (ил. 10).

Таким образом, пушка № МЧА 02/33 из собрания ВИМАИВиВС представляет собой настоящий памятник военной истории и оружейного дела Китая эпохи Цин и историческую реликвию трагических и не всегда однозначных событий конца XIX — начала XX вв.

Список сокращений:

АВИМАИВиВС — Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

АИМ — Артиллерийский исторический музей (название ВИМАИВиВС до 1963 г.).

BEZG — Berner Zeitschrift zur Geschichte.

Источники

АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 182. Л. 187–197.

Там же. Ф. 3Р. Оп. 9. Д. 93. Л. 23, 24, 27.

Там же. Оп. 10. Д. 9. Л. 10, 11, 14.

Там же. Д. 2. Л. 39, 44, 46.

Там же. Оп. 112. Д. 5. Л. 4, 9.

Там же. Ф. 22. Оп. 111. Д. 7. Л. 23 об.–24.

¹ «Канси» (康熙) означает дословно «Прорцвеающее и лучезарное» — девиз правления императора Сюаньэ (1661–1722) династии Цинь.

² Дословно — «Янь Четвертый».

³ [Denis de Lucca]. Jesuits and Fortifications. The Contribution of the Jesuits to Military Architecture of Baroque Age // History of Warfare. Vol. 73. Boston: Brill, 2012. P. 174–175.

⁴ Shu Liguang. Ferdinand Verbiest and the Casting of Cannons in the Qing Dynasty // Ferdinand Verbiest: (1623–1688) Jesuit Missionary, Scientist, Engineer and Diplomat / jointly publ. by Institut Monumenta Serica, Sankt Augustin and Ferdinand Verbiest Foundation, Leuven. Ed. by John W. Witek. — Nettetal: Steyler Verl., 1994. P. 227.

⁵ [Denis de Lucca]. Op. cit. P. 175.

⁶ Jesuits... P. 178.

⁷ Ibid. P. 228–229.

⁸ Ibid. P. 231.

⁹ Ibid. P. 230.

¹⁰ Ibid. P. 233.

¹¹ Ibid. P. 234.

¹² Аюшин Н.Б. Артиллерия в борьбе за Албазинский острог // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования. Т. 3. Владивосток, 1998. С. 108–109.

¹³ Giovanni Stary. The «Manchu cannons» cast by Ferdinand Verbiest and the hitherto unknown title of his instructions // Ferdinand Verbiest (1623–1688)... P. 224.

¹⁴ Ibid. P. 222.

¹⁵ Ibid. P. 218–220.

¹⁶ Kaufleute als Kolonial herren: Die Handeswelt der Niederländer vom Kap der Guten Hoffnung bis Nagasaki 1600–1800 / E. Schmitt, Th. Beck (eds.). Bamberg, 1988. P. 213–215.

- ¹⁷ Maria Khayutina. Eine chinesische Kanone aus der Ära des Kangxi-Kaisers (regierend 1661–1722) im Bernischen Historischen Museum // Berner Zeitschrift zur Geschichte. № 2 / 15. P. 35.
- ¹⁸ Ibid. P. 38.
- ¹⁹ György Kara. «Sur deux canons chinois des Ts'ing» // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. X. 1960. P. 249–253.
- ²⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 182. Л. 187–197.
- ²¹ Там же. Ф. 22. Оп. 111. Д. 7. Л. 23 об.–24. № 72–75.
- ²² Там же. Ф. 3Р. Оп. 112. Д. 5. Л. 4, 9. № 813, 814, 827, 828.
- ²³ Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 115. Л. 349–350 об.
- ²⁴ Там же. Ф. 3Р. Оп. 10. Д. 2. Л. 39, 44, 46.
- ²⁵ Там же. Оп. 9. Д. 93. Л. 23, 24, 27. — Приходные акты на предметы из Отдела новых поступлений. Начато: 22 августа 1946 г.; Окончено: 31 января 1949 г. (всего 438 листов).
- ²⁶ Там же. Оп. 10. Д. 9. Л. 10, 11, 14. — Приемо-сдаточная ведомость по Отделу Новых Поступлений. Начато: 28 января 1947 г.; Окончено: 30 декабря 1947 г.
- ²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 149. Л. 60–64.
- ²⁸ Особый фонд имущества Ленинградского военного округа.
- ²⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 9. Д. 93. Л. 80–84.
- ³⁰ Там же. Л. 84.
- ³¹ Там же. Д. 146.
- ³² Там же. Д. 234.
- ³³ Там же. Д. 148. — Приложение к акту от 30 марта 1951 г. (комиссия по списанию фондового имущества АИМ).
- ³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 149. Л. 58–59.
- ³⁵ Там же. Л. 55.

С.В. Гуров (Тула)

ОЦЕНКА ПРОЕКТОВ ПО РАКЕТНОЙ ТЕХНИКЕ И.В. ВОЛОВСКОГО

В СТАТЬЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ текстовые и иллюстративные данные обо всех проектах Ивана Валентиновича Воловского по ракетной технике, предложенные им в 1912 г. Автором статьи дана оценка, с точки зрения дальнейшего случайного или не случайного практического применения, предложенных идей в доработанных формах в мировой практике разработки вооружения и военной техники. Изучение ранее предлагавшихся проектов необходимо для исключения ошибок при создании современных изделий и в патентно-лицензионной деятельности.

Первыми теоретическим работами в России по возрождению идеи стрельбы ракетами, в том числе из многозарядных установок, с расширением потенциальной сферы их применения в XX в. можно считать проекты бывшего вице-директора Путиловского завода, отставного поручика Ивана Валентиновича Воловского. В письме военному министру от 19 апреля 1912 г. он дал описание следующих проектов¹:

– «тип ракеты для военных целей, предназначенный для выбрасывания разрывных снарядов против неприятеля»;

– «метательный аппарат в виде ракетной батареи для установки на автомобиль, дающий возможность производить стрельбу на полном ходу автомобиля»;

– «метательный аппарат в виде митральезы ракетной, для установки на аэропланах, дающий возможность производить стрельбу во время полета по аэропланам и по неприятельской позиции»;

– «автомобиль с установленной на нем ракетной батареей, для производства стрельбы из-за прикрытий»;

– «описание устройства ракеты»².

В конструкции ракеты для военных целей предлагалось вместо деревянного хвоста использовать металлический хвост (трубу) с 3-мя радиально расположенными ребрами, установленными под небольшим углом к оси трубы для придания вращательного движения под давлением истекающих продуктов сгорания, что сохраняло бы правильность и устойчивость самого полета. Это решение можно считать прообразом дефлекторов для соплового блока ракеты³. Благодаря замене деревянного хвоста металлическою трубой достигалась замена истечения газов из ракеты в свободное пространство — истечением через трубу хвоста, где вследствие трения о стенки трубы и о направляющие ребра упругость газов увеличивается, что безусловно способствует увеличению скорости полета.

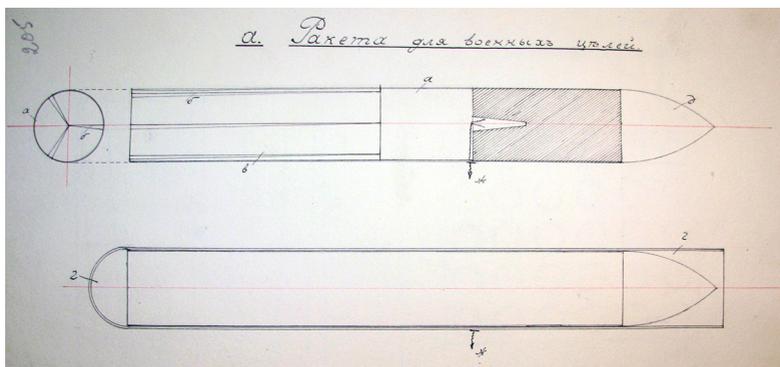
Спусковой аппарат, в котором размещалась бы ракета и из которого производился бы пуск, состоял из металлической трубы с глухим дном. Подобное применение было весьма существенным, так как газы, образующиеся при спуске ракеты, устремляясь внутрь хвоста ракеты и не находя свободного выхода, усиленным напряжением преодолев инерцию ракеты, выбрасывают ракету со значительной силой. Благодаря этому приспособлению в момент вылета ракета обладает значительно увеличенной скоростью, что в свою очередь сильно влияет на увеличение дальности полета.

Конусная металлическая головка ракеты с находящимся в ней разрывным зарядом должна была укрепляться (т. е. крепиться) к телу (корпусу) ракеты особым приспособлением.

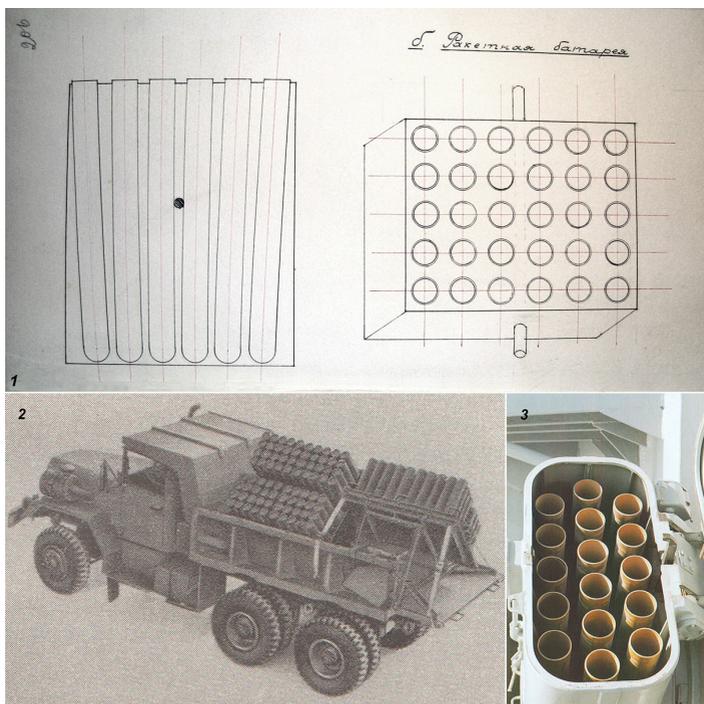
Пуск ракеты производился бы посредством электрической искры. Помещенный внутри ракетной гильзы запал должен был соединяться с наружной поверхностью ракетной оболочки. Это решение можно считать прообразом электровоспламенителя⁴ (ил. 1⁵). После помещения ракеты в спусковой аппарат имеющийся на ней контакт должен входить в плотное соприкосновение со вторым контактом, находящимся на спусковом аппарате. Только после этого можно было производить выпуск (т. е. пуск) ракеты.

Управлял выпуском ракеты заведующий батареей⁶.

Ракетная батарея представляла собой пакет направляющих (ПН) прямоугольной формы с трубчатыми направляющими с глухим дном, смонтированными под углом друг к другу⁷. Ее конструктивную схему можно считать прообразом ПН для опытной машины минирования Volcano (США)⁸, пусковой

Ил. 1. Ракета для военных целей (проект И.В. Воловского)

Ил. 2. 1 — ракетная батарея (проект И.В. Воловского);
 2 — система Volcano (опытная, США);
 3 — пакетная пусковая установка корабельного комплекса
 выстреливаемых помех ПК-16 (Россия)

установки корабельного комплекса выстреливаемых помех ПК-16 (Россия)⁹ (ил. 2¹⁰).

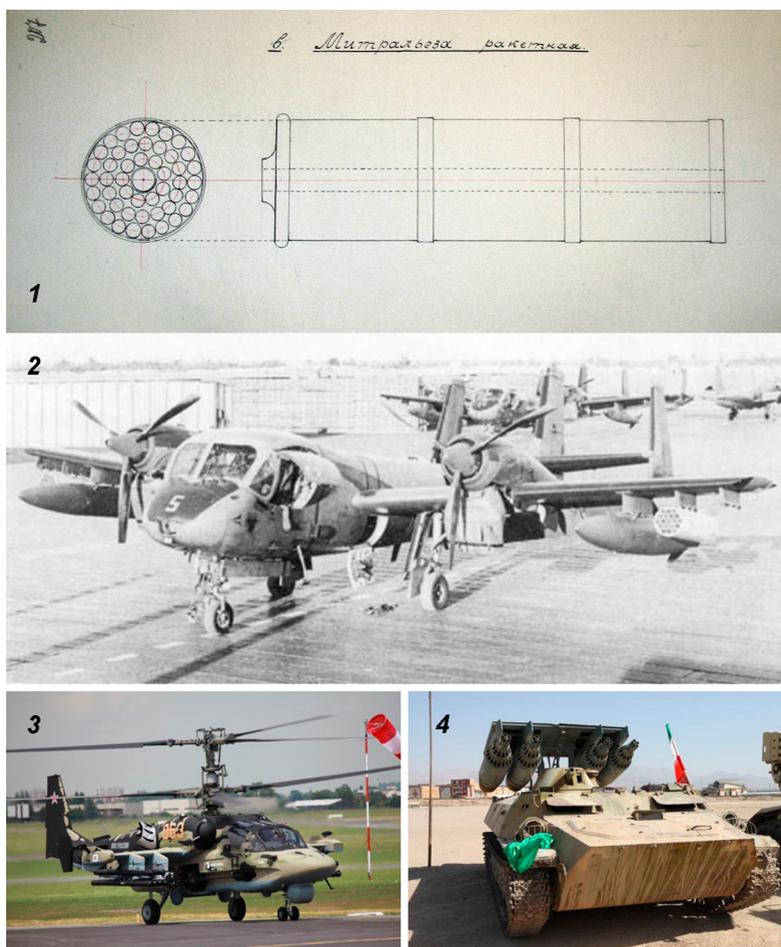
Митральезу ракетную можно считать прообразом современного блока (блока орудий) для неуправляемых авиационных ракет¹¹. Анализ эскиза (рисунка) не позволяет точно установить количество направляющих. В основном, блоки применяются в авиации¹², но известно их использование в конструкциях наземных пусковых установок, боевых машин (БМ) и морской установки¹³ (ил. 3¹⁴).

Автомобиль с установленной на нем ракетной батареей можно считать прообразом БМ реактивной артиллерии¹⁵ (ил. 4¹⁶).

Согласно Журналу Артиллерийского комитета от 8 ноября 1912 г.¹⁷, И.В. Воловский также предложил усовершенствованные варианты вращающихся ракет для военных целей. Для первоначально спроектированной ракеты было предложено соединение тела ракеты с хвостом в одной общей металлической трубе, внутри которой были радиально расположены 3 ребра, установленные под небольшим уклоном к оси трубы для придания как поступательного, так и вращательного движения с ущербом для поступательного движения из-за вращения. Для устранения этого недостатка была предложена ракета № 2, в конструкции которой работа газов была бы разделена на две категории, работающие каждая самостоятельно. Решение этого вопроса было достигнуто укреплением внутри гильзы, концентрически, второй трубы меньшего диаметра, составляющей хвост ракеты. Между собой эти трубы крепились бы 4-мя распорками, установленными под небольшим углом к оси ракеты.

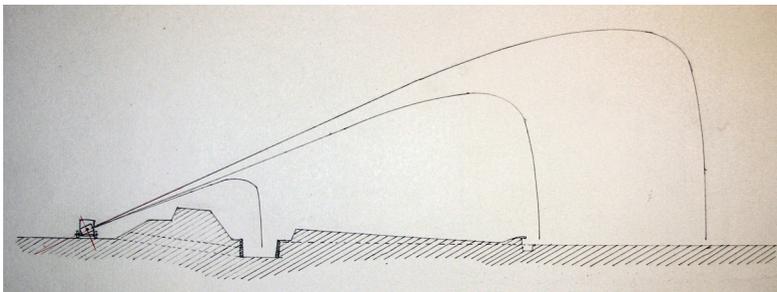
Назначение ракеты № 3 — настильная стрельба с аэропланов против кавалерии. Внутренняя труба ракеты была заменена деревянным стержнем, который должен был быть покрыт слоем вара или соляной пеньки. Во время полета ракеты смола должна была воспламеняться и создавать большое количество густого черного дыма, а в результате падения в место расположения кавалерийской части наводить на лошадей панический страх. Взрыв разрывного снаряда головной части дополнял бы расстройство кавалерии (ил. 5¹⁸).

К чертежам ракет были приложены чертежи: 1. Спускового прибора (ракетной пушки) с контрольным аппаратом, указывающим, что контакты, находящиеся в головной части ракеты, входят в соприкосновение с контактами, находящимися в спусковом

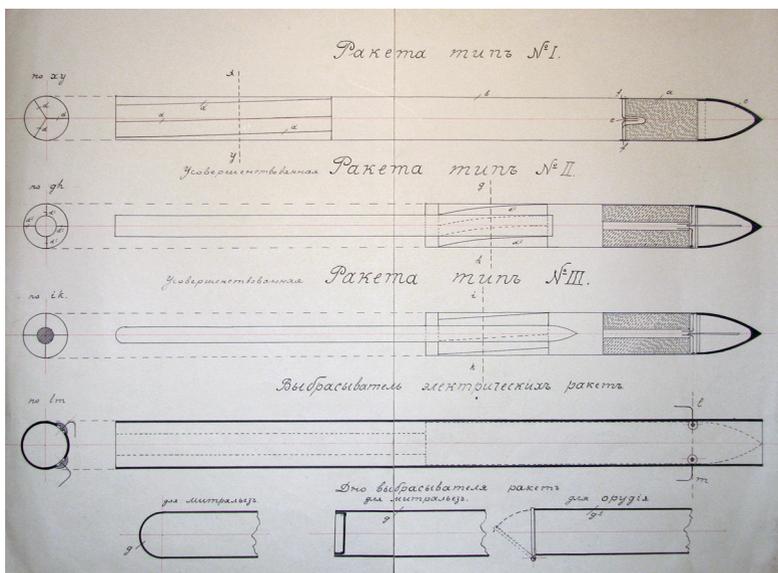

Ил. 3. 1 — митральеза ракетная (проект И.В. Воловского);
 2 — самолет, вооруженный неуправляемыми ракетами «Мохawk»
 из 131-й роты на выложенной перфорированными металлическим
 листами ВПП авиабазы Фу Бай, Южный Вьетнам, 1970 г.;
 3 — разведывательно-ударный вертолет К-52 «Аллигатор»;
 МТ-ЛБ с 4 блоками УБ-32-57 для 57-мм НАР С-5 на экспозиции
 в иранском городе Семнан, посвященной ирано-иракской войне

приборе. 2. Поворотного лафета и 3. Ракетной митральезы. Устройство этих приборов было видно из приложенных к переписке чертежей¹⁹.

Ил. 4. Стрельба из-за укрытия (проект И.В. Воловского) (в документе подриснуочной подписи нет)

Ил. 5. Ракета, тип I; усовершенствованная ракета, тип II; усовершенствованная ракета, тип III, выбрасыватель электрических ракет, дно выбрасывателя ракет (проекты И.В. Воловского)

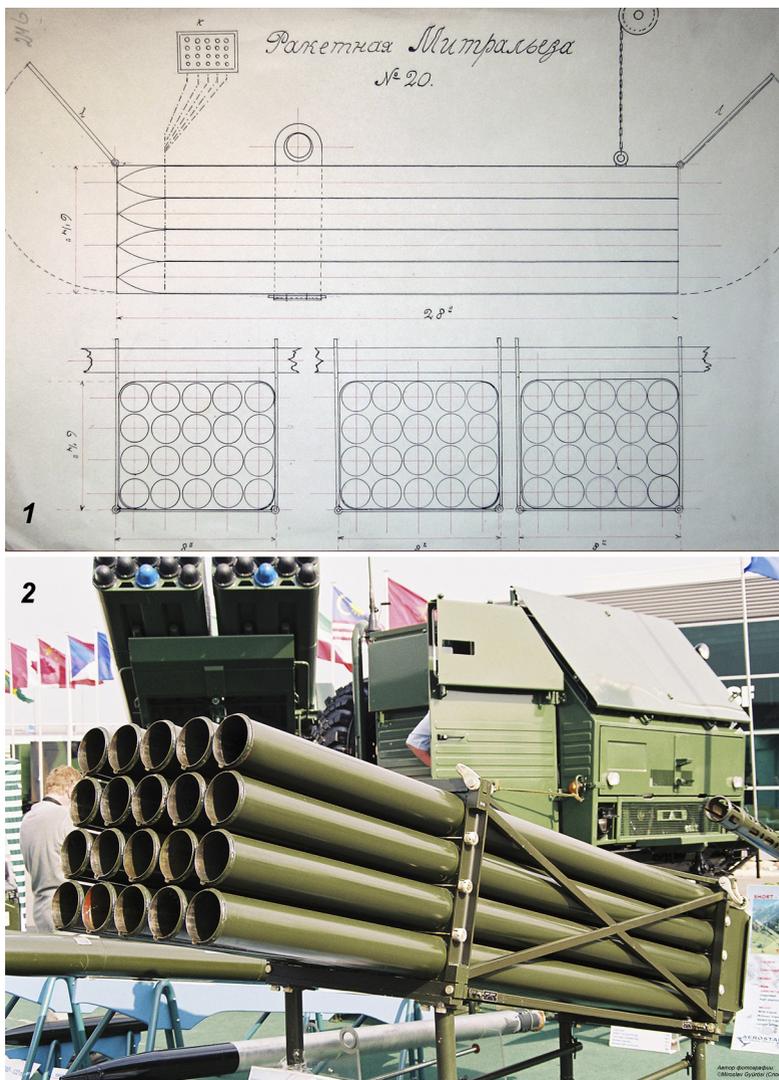
Ракетные пушки могли быть различных размеров, в зависимости от назначения, и образовывались бы из определенного количества выбрасывателей, равного числу ракет, положенных для данной пушки, уложенных правильными рядами в форме квадрата и заключенных в общую оболочку (кожух). Пространства между выбрасывателями предлагалось заполнять легким

несгораемым материалом. Каждый выбрасыватель должен был снабжаться двумя контактами на внутренней поверхности переднего контакта (дула), соединенными проводниками с элементом, помещенным в промежуток между двух установленных на одной оси пушек. Каждое орудие должно было иметь свой элемент и полную сеть проводников, соединяющих каждую ракету с соответствующей кнопкой контрольного аппарата, помещенного на самом орудии²⁰. Это решение можно считать прообразом цепи стрельбы (электроцепи) БМ²¹.

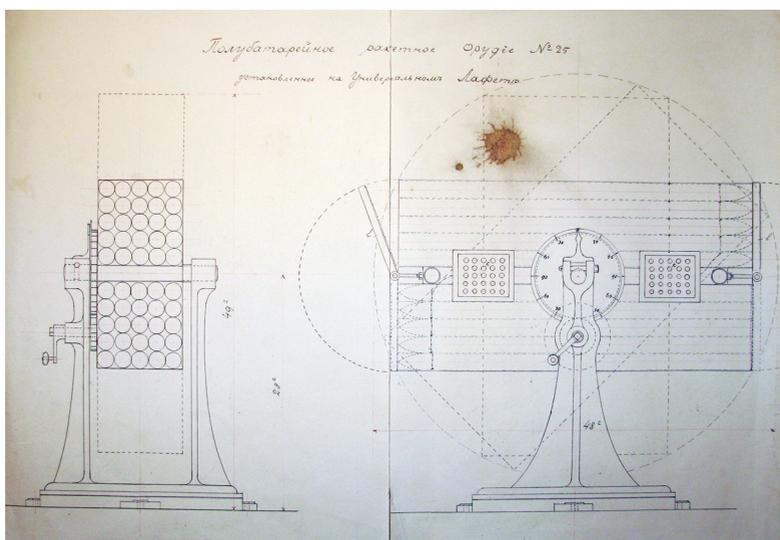
В конструкцию контрольного аппарата должно было войти число кнопок, равное числу ракет. Данное решение можно отнести к прообразу токораспределителя цепи стрельбы²². Контрольный аппарат с числом кнопок, равным числу ракет, служил бы для командира основным и существенным прибором, «дающим ему возможность в каждую данную минуту иметь полную картину состояния орудия»²³. Этот аппарат можно считать прообразом пульта управления огнем, а также при дословном понимании фразы «полная картина состояния орудия» прообразом системы диагностики артиллерийской части боевой машины²⁴. Также эта идея была использована украинскими специалистами при создании опытной боевой машины для стрельбы неуправляемыми реактивными снарядами калибра 122 мм РСЗО «Берест»²⁵.

В момент заряжания орудия контакты, находящиеся на головке ракеты, входили бы в соприкосновение с контактами, находящимися в спусковом приборе (выбрасывателе) и тем самым вступали бы в соединение с соответствующими кнопками контрольного аппарата. Правильно соединенные контакты должны были обозначаться в контрольном аппарате освещением соответствующих кнопок. После каждого выстрела контакт ракеты нарушался бы и соответствующая ему кнопка гасла бы. Та же откидная доска, перекинута в другую сторону, прижатая вплотную к противоположному концу пушки, служила бы глухим дном выбрасывателей во время стрельбы²⁶.

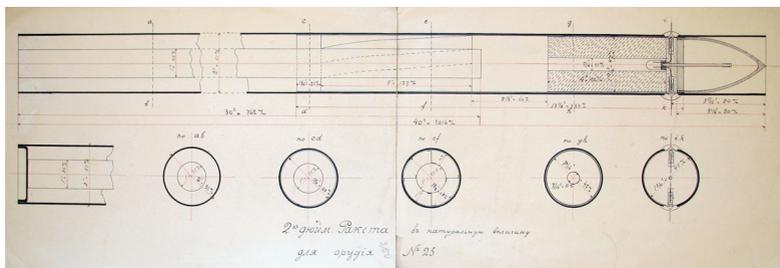
Устройство предлагавшейся ракетной митральезы (ракетная митральеза № 20) для стрельбы с аэропланов, преимущественно для настольной стрельбы, было совершенно аналогично устройству ракетной пушки, но для нее не требовалось сложных приспособлений в виде лафета. Представляя из себя род магазина с известным числом легко выбрасываемых разрывных снарядов, она должна была быть портативна по габаритно-массовым

Ил. 6. 1 — ракетная митральеза № 20 (проект И.В. Волковского);
2 — демонстрационный образец транспортно-пускового контейнера
для боевой машины РСЗО LAROM (Румыния — Израиль).
Автор фотографии: ©Miroslav Gyürösi (Словакия). Дата съемки в данных
фотографии: 03.03.2008 г.

Ил. 7. Полубатарейное ракетное орудие № 25, установленное на универсальном лафете (проект И.В. Воловского)

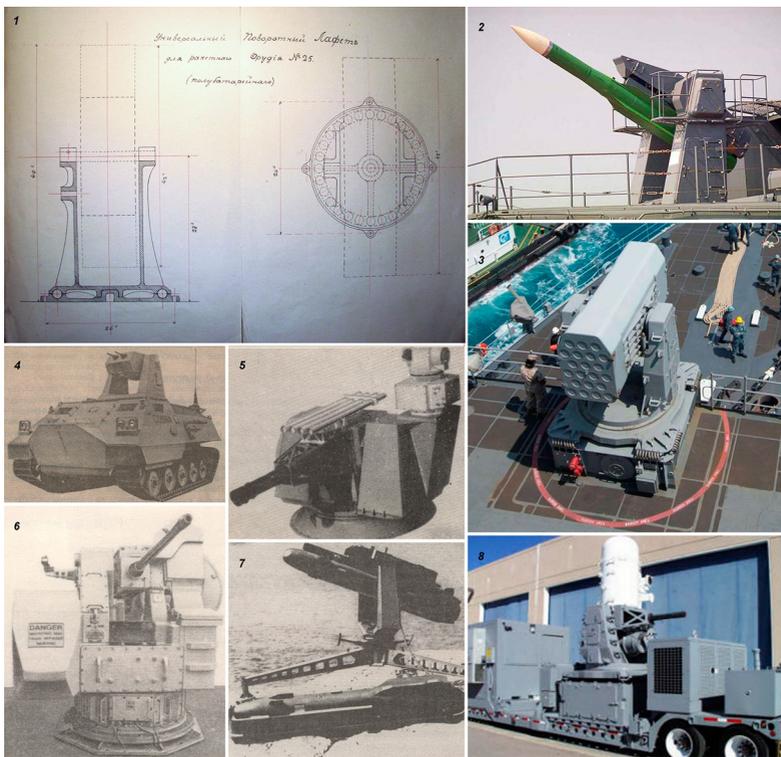

Ил. 8. 2-дюймовая ракета в натуральную величину для орудия № 25 (проект И.В. Воловского)

характеристикам²⁷. Конструкцию магазина можно отнести к прообразу конструкций транспортно-пусковых контейнеров²⁸ (ил. 6²⁹).

Из-за отсутствия в то время в эксплуатации снарядов, предназначенных для указанной цели, тип этой митральезы был разработан теоретически, с соблюдением условий, необходимых для выполнения предстоящей ей задачи³⁰.

Универсальный поворотный лафет для установления сдвоенной ракетной пушки полубатарейного орудия № 25 состоял

Ил. 9. 1 — универсальный поворотный лафет для ракетного орудия № 25. (полубатарейного) (проект И.В. Воловского); 2 — пусковая установка зенитно-ракетного комплекса М-22 «Ураган» (СССР); 3 — пусковая установка зенитно-ракетного комплекса SeaRAM (США — Германия); 4 — опытная пулеметная (или пушечная) установка на базе бронетранспортера Cobra-41 (Бельгия); 5—30-мм семиствольная ЗКУ SAMOS (фирма SAGEM); 6 — опытный образец ЗКУ на лафете DS 30 В (Великобритания); 7 — пусковая установка опытного комплекса RBS-70 (Hellfire) береговой обороны (Швеция — США) в развернутом положении; 8 — орудие С-РАМ, или Counter-РАМ (США)

из нижней неподвижной и верхней поворотной частей. Орудие должно было быть размещено на оси лафета и при помощи рукоятки и двух шестерен описывать полный круг вокруг оси (360°), что давало бы возможность производить стрельбу 2-дюймовыми ракетами в любом направлении, не меняя положения, и обеспечивать навесную стрельбу при различных углах в любую сторону.

Эти свойства лафета были бы весьма важны при стрельбе из укрытия³¹ (ил. 7³², 8³³).

Проект лафета с установленной сдвоенной ракетной пушкой можно считать прообразом артиллерийской части (метательной установки)³⁴ БМ³⁵ пусковой установки зенитно-ракетного комплекса М-22 «Ураган» (СССР)³⁶, опытных морских установок для пуска зенитных управляемых ракет (Великобритания)³⁷, опытной пулеметной (или пушечной) установки на базе бронетранспортера Cobra-41 (Бельгия)³⁸, пусковой установки опытного комплекса RBS-70 (Hellfire) береговой обороны (Швеция — США)³⁹, ракетно-артиллерийской ЗКУ SAMOS (фирма SAGEM)⁴⁰, пусковой установки зенитно-ракетного комплекса SeaRAM (США — Германия)⁴¹ и ее китайского аналога ЗРК HHQ-10 (FL-3000N)⁴², орудия С-РАМ, или Counter-РАМ⁴³ (ил. 9⁴⁴).

Автор выражает благодарность заместителю директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи Светлане Васильевне Успенской за возможность работы с архивным делом с проектами И.В. Воловского, а также заведующей Научно-технической библиотекой АО «НПО «СПЛАВ»» Нелли Николаевне Гулаковой за сохранение и предоставление материалов, ранее относившихся к материалам с ограниченным доступом, по технике и вооружению сухопутных войск капиталистических государств.

Фотоколлажи подготовлены автором статьи.

¹ О проектах бывшего вице-директора Путиловского завода отставного поручика Ивана Валентиновича Воловского (1912 год) (Часть первая). [Электронный ресурс]. URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/o-proektah-otstavnogo-poruchika-iv-volovskogo-1912-god-chast-pervaya/> (дата обращения: 25.11.2018 г.).

² Докладная записка его высокопревосходительству господину военному министру бывшего вице-директора Путиловского завода отставного поручика Ивана Валентиновича Воловского от 19 апреля 1912 г. (Подлинник) // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее — ВИМАИВиВС). Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 704. Л. 203.

³ Murray Hammick. Shoot and scoot the evolution of battlefield rocket systems // International defense review. 1990. Vol. 23. № 11. P. 1244–1245.

⁴ Реактивный снаряд 9М528. Руководство по эксплуатации 9М528.00.000 РЭ-ЭЗ. 16-50-10. С. 19.

⁵ Ракета для военных целей // Докладная записка... Л. 205.

⁶ Описание устройства ракеты // Там же. Л. 204–204 об.

⁷ Ракетная батарея // Там же. Л. 206.

- ⁸ Соколовский Е.В. Система минирования VOLCANO (США) // Техника и вооружение сухопутных войск капиталистических государств (по данным открытой зарубежной печати). Экспресс-информация. Вып. 8 (80). 1987. С. 17.
- ⁹ Вооружение и военно-морская техника России. М.: «Военный Парад», 2003. С. 131.
- ¹⁰ Ракетная батарея. Л. 206; Соколовский Е.В. Указ. соч. С. 17; Вооружение и военно-морская техника России. С. 131.
- ¹¹ Митральеза ракетная // Докладная записка... Л. 207.
- ¹² Szabo S., Gyűrösi M., Stolár M. J. SLOVENSKÉ VOJENSKÉ LETECTVO V OBRAZOCH 15. výročie (1993–2008). SLOVAK AIR FORCE IN PICTURES – 15th Anniversary (1993–2008). Magnet Press, Slovakia, 2008. P. 8, 50–53, 88, 89, 103, 104, 117, 125, 130, 165–167.
- ¹³ Гуров С.В. Блоки, неуправляемые авиационные ракеты для блоков и их составляющие для наземного и морского применений. [Электронный ресурс]. URL: <http://rbase.new-factoria.ru/pub/aviationforground.shtml> (дата обращения: 25.11.2018 г.).
- ¹⁴ Митральеза ракетная. Л. 207; Иванов С.В. OV-1 «Mohawk». [Электронный ресурс]. URL: <https://military.wikireading.ru/28816> (дата обращения: 04.05.2017 г.); Ка-52 «Аллигатор» разведывательно-ударный вертолет. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianhelicopters.aero/ru/helicopters/military/ka-52.html> (дата обращения: 04.05.2017 г.); МТ-ЛБ с блоками УБ-32-57. [Электронный ресурс]. URL: <http://shushpanzer-ru.livejournal.com/1785445.html> (дата обращения: 15.01.2017 г.).
- ¹⁵ Боевая машина БМ-8-48. Руководство службы. М.: Военное изд-во, 1947. С. 3–5; Боевая машина БМ-24 (индекс 8У31). Руководство службы. М.: Воениздат, 1985. С. 3; Боевая машина БМ-21. Техническое описание и инструкция по эксплуатации. Изд. 2-е, доп. М.: Воениздат, 1982. С. 6–7.
- ¹⁶ Рисунок без надписи // Докладная записка... Л. 206 об.
- ¹⁷ О проекте вращающейся ракеты, предлагаемой отставным поручиком Воловским // Журнал Артиллерийского комитета. 8 ноября 1912 г. № 1254 (Подлинник) // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 704. Л. 241–243 об.
- ¹⁸ Ракета тип № I. Усовершенствованная ракета тип № II. Усовершенствованная ракета тип № III. Выбрасыватель электрических ракет. Дно выбрасывателя ракет для митральезы, для орудия // Там же. Л. 245.
- ¹⁹ Там же. Л. 241–242об, 243об.
- ²⁰ Ракетная пушка (Подлинник, подписанный И.В. Воловским) // Там же. Л. 251, 252.
- ²¹ Прибор управления огнем с МУ 132. НИИ № 3 НКБ лаборатории № 8. 1939 год. Документ подписал инженер Пивоваров С. [19 или 29]/1-1940 г. [Основная часть числа выбита при прошивке листов архивного дела] (Подлинник) // Архив ГНЦ ФГУП «Центр Келдыша». Инв. 327. Оп. 1. Ед. хр. по описи 18. Л. 71, 72, 74; Боевая машина БМ-21. Техническое описание и инструкция по эксплуатации... С. 73.
- ²² Там же. С. 75–79.
- ²³ Журнал Артиллерийского комитета 8 ноября 1912 г. № 1254 // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 704. Л. 251–252.
- ²⁴ Гуров С.В., Петрухина М.И. Реактивная система залпового огня MLRS. [Электронный ресурс]. URL: <http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/mlrs/mlrs.shtml> (дата обращения: 16.12.2017 г.).

- ²⁵ Гоголев Ю. РСЗО Берест на шасси КраЗ придет на замену БМ-21 Град (видео). (Электронный ресурс). URL: <https://www.autocentre.ua/kommercheskie/voennaaya-tehnika/rszo-berest-na-shassi-kraz-pridet-na-zamenu-bm-21-grad-video-754917.html> (дата обращения: 15.02.2019).
- ²⁶ Ракетная пушка. Л. 251–251 об., 252.
- ²⁷ Ракетная митральеза № 20 // Журнал Артиллерийского комитета... Л. 246.
- ²⁸ Демонстрационный образец транспортно-пускового контейнера для боевой машины РСЗО LAROM (Румыния — Израиль). Автор фотографии: ©Miroslav Gyuřösi (Словакия). Дата съемки в данных фотографии: 03.03.2018 г.
- ²⁹ Ракетная митральеза № 20. Л. 246; см.: Сокольский В.Н. Ракеты на твердом топливе в России. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 181. Изображение № 1 опубликовано в сокращенном (отредактированном) виде с подрисуночной надписью: «Проект ракетной митральезы для стрельбы с самолетов»; Демонстрационный образец транспортно-пускового контейнера...
- ³⁰ Ракетная митральеза. Л. 251 об.–252.
- ³¹ Универсальный поворотный лафет для ракетного орудия № 25 (полубатарейного) // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 704. Л. 248; Универсальный поворотный лафет для установления сдвоенной ракетной пушки полубатарейного орудия № 25 // Там же. Л. 253.
- ³² Полубатарейное ракетное орудие № 25, установленное на универсальном лафете // Там же. Л. 247; См.: Сокольский В.Н. Указ. соч. С. 179. Изображение № 1 опубликовано в сокращенном (отредактированном) виде с подрисуночной надписью: «Проект ракетной батареи для стрельбы с автомобилей».
- ³³ 2-дюймовая ракета в натуральную величину для орудия № 25 // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 704. Л. 250.
- ³⁴ Боевая машина М-13. Краткое руководство службы. М.: ГАУ КА, Военное изд-во НКО, 1945. С. 6.
- ³⁵ Боевая машина БМ-21. Техническое описание и инструкция по эксплуатации. Альбом рисунков. Изд. третье, стереотип. М.: Вооружение. Политика. Конверсия, 2002. С. 5; Гуров С.В. Реактивные системы залпового огня. Обзор. Изд. 1. Тула: Изд. дом «Пересвет», 2006. С. 76; Князьков В.С. Боевая техника (Беседы с призывника-ми). М.: ДОСААФ, 1986. С. 94. (Молодежи — о Вооруженных Силах).
- ³⁶ Комплекс М-22 Ураган. [Электронный ресурс]. URL: <http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/uragan/uragan.shtml> (дата обращения: 27.03.2017 г.).
- ³⁷ Карпинский Г.Д. Успешно проведены испытания одного из двух опытных образцов ЗКУ на лафете DS 30 В // Техника и вооружение сухопутных... Вып. 9 (81). 1987. С. 18.
- ³⁸ Шелин В.А. Бронетранспортер COBRA-41 и боевые машины на его базе (Бельгия) // Там же. Вып. 5 (77). 1987. С. 10.
- ³⁹ Протасов Н.Г. Завершение испытаний ракетного комплекса Hellfire в Швеции // Там же. 8 (80). 1987. С. 9.
- ⁴⁰ Карпинский Г.Д. Опубликованы некоторые сведения о 30-мм семиствольной ЗКУ SAMOS // Там же. Вып. 21 (93). 1987. С. 24.
- ⁴¹ Raytheon's SeaRAM intercepts target for the first time with a RAM Block 2 missile — Additional details of the system. [Электронный ресурс]. URL: <https://thaimilitaryandasianregion.wordpress.com/2016/01/12/raytheons-searam-intercepts-target-for-the-first-time-with-a-ram-block-2-missile-additional-details-of-the-system/> (дата обращения: 27.03.2017 г.).

⁴² Зенитный ракетный комплекс HHQ-10 (FL-3000N). [Электронный ресурс]. URL: <http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/fl-3000n/fl-3000n.shtml#> (дата обращения: 10.12.2018 г.).

⁴³ Counter Rocket, Artillery, and Mortar. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Counter_Rocket,_Artillery,_and_Mortar (дата обращения: 27.03.2017 г.).

⁴⁴ Универсальный поворотный лафет для ракетного орудия № 25 (полубатарейного) // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 704. Л. 248; См. ссылки 35–40, 42.

С.В. Гуров (Тула)

О РАБОТАХ ПО СРЕДСТВАМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЛПОВОЙ СТРЕЛЬБЫ РАБОТНИКАМИ РНИИ И НИИ № 3 В 1933–1940 ГОДАХ

31 ОКТЯБРЯ 2018 г. исполнилось 85 лет со дня основания Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ), позже переименованного в Научно-исследовательский институт № 3. В 1930-х гг. работники этих организаций провели различные виды работ по созданию образцов реактивной техники. Со временем предприятие стало одним из основных по созданию изделий для ракетно-космической отрасли в нашей стране. Ныне это Государственный научный центр Федеральное государственное унитарное предприятие «Центр Келдыша» (ГНЦ ФГУП «Центр Келдыша»)¹. Статья написана по архивным данным ГНЦ ФГУП «Центр Келдыша».

21 сентября 1933 г. выходит приказ Революционного военного совета СССР № 0113 (гриф неизвестен), в котором ставилась задача о формировании в Москве Реактивного научно-исследовательского института РККА. Формирование института должно было проходить в период с 25 сентября по 1 ноября 1933 г.⁵

На основании постановления Совета труда и обороны (СТО) от 31 октября 1933 г. за № 104сс и приказа Наркома тяжелой промышленности от 4 ноября 1933 г. за № 198сс был организован Реактивный научно-исследовательский институт⁶ (будущий научно-исследовательский институт № 3 (НИИ № 3) на базе двух организаций, именуемых ранее Газодинамической лабораторией Управления военных изобретений⁷ (Наркомвоенмора⁸) и Московской группой изучения реактивного движения (ГИРД) при ЦС ОСО (ЦС ОСОАВИАХИМа)⁹. Первая из этих организаций существовала с 1928 г., а вторая — с 1931-го. Работники Газодинамической лаборатории занималась, главным образом,

**Из истории переименования и реорганизации Реактивного
института в 30-х — начале 40-х гг. XX в.**

Наименование организации и ведомственная принадлежность	Дата реорганизации	Руководители организации
РНИИ (НКТП)	31.10.1933– 11.01.1937	Клейменов Иван Терентьевич — начальник
НИИ-3 (НКОП)	11.01.1937– 01.1939	<i>(в документах указывался и как директор²)</i> (1933–1937) Слонимер Борис Михайлович — начальник
НИИ-3 (НКБ)	01.1939– 15.07.1942	<i>(в документах указывался как директор³)</i> (1937–1940) Монаков Н.А. — начальник (1941) Фоменко А.Н. — начальник (1941) ⁴

разработкой ракет, использующих как движущую силу энергию пороха, а работники ГИРД разрабатывали ракеты на компонентах жидких топлив (бензин, спирт+жидкий кислород)¹⁰.

Согласно проекту тематического плана оборонных работ РНИИ на 1935 г., в этом году должны были выполняться мероприятия по пункту 8:

номер объекта — 37,

наименование темы — реактивный химический 132-мм и 152-мм снаряд и станок к нему,

целевое назначение — вооружение стрелковых частей средством массового химического нападения,

чье задание — ВОХИМУ РККА,

чем завершается работа в 1935 г. — опытный образец и отчет¹¹.

В течение 1934–1935 гг. работники Реактивного института выполнили работы, к которым относилось и обеспечение ведения огня из многозарядных установок. Были проведены работы по трехорудийному агрегату на самолете Р-5, трехорудийному агрегату для 132-мм снарядов под крылом самолета Р-6 (вес агрегата без снарядов — 27 кг), трехорудийной установке для стрельбы

Ил. 1. Общий вид 6-орудийной 132-мм установки на самолете Р-5. Агрегаты по 3 орудия в каждом подвешены под нижними крыльями

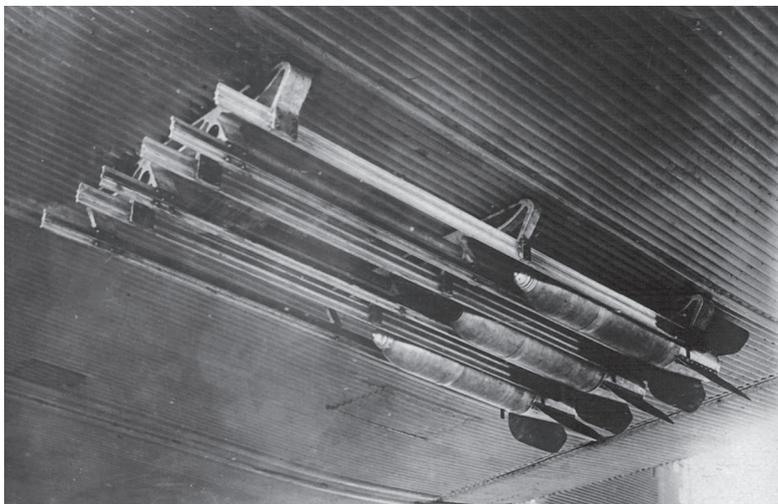
132-мм ракетными снарядами с торпедного катера. По последнему образцу были проведены заводские испытания стрельбой на море пробного образца орудия, давшие хорошие результаты. В 1935 г. были закончены полигонные испытания трехорудийной установки на том же катере¹² (ил. 1¹³, 2¹⁴, 3¹⁵, 4¹⁶).

Проводились работы по ведению стрельбы вовсе без станка. Считалось, для этого достаточно было опереть хвостовую часть снаряда в землю, поддерживая его в средней части деревянной крестовиной. Существовало мнение, что этот способ стрельбы весьма удобен для ведения химической стрельбы, так как позволил бы на небольшом участке сосредоточить огромное количество выстрелов, обеспечив быстроту и скрытность подготовки¹⁷ (ил. 5¹⁸, 6¹⁹). Данные о дальнейшем применении этого способа в России не установлены, однако в ходе афганской войны (25 декабря 1979 — 15 февраля 1989²⁰) для пуска штатных 122-мм НУРС афганская сторона использовала самодельные установки, которые представляли собой скрещенные и соединенные друг с другом сучья деревьев²¹.

В 1936–1939 гг. работники РНИИ и НИИ № 3 проводили работы по вооружению самолетов ракетными снарядами калибров

Ил. 2. 3-орудийный агрегат на самолете P-5. Заряжение орудия

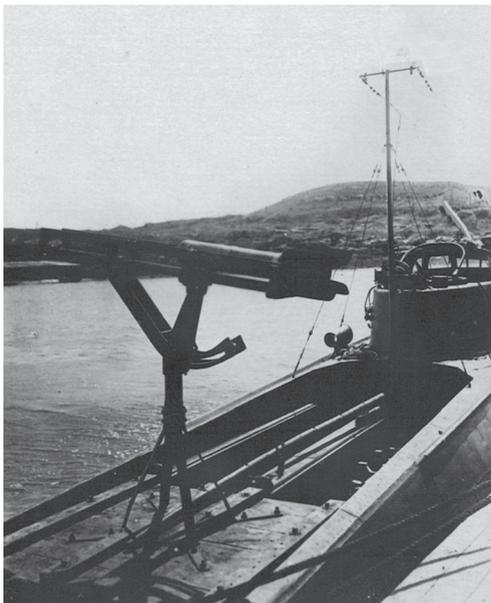
Ил. 3. 3-орудийный агрегат для 132-мм снарядов под крылом самолета P-6

82 и 132 мм. По итогам проведенных работ истребительная и скоростная бомбардировочная авиация получили возможность

стрельбы с самолетов ракетными снарядами по воздушным и наземным целям, как одиночным, так и залповым огнем. Боекомплект самолетов И-16 и И-153 составлял 8 шт. ракетных снарядов калибра 82 мм, а самолета СБ — 10 шт. ракетных снарядов калибра 132 мм. Изготовление ракетных снарядов в промышленности было освоено на заводах НКБ № 70, 68, 6, 12 и 59.

Авторами работ по 82-мм и 132-мм осколочно-фугасным ракетным снарядам были Л.Э. Шварц, В.А. Артемьев, Ф.Н. Пойда, А.С. Пономаренко (в документе первоначально было напечатано Ю.А. Победоносцев, а затем зачеркнуто и написано от руки А.С. Пономаренко)²².

В 1937 г. прошли войсковые испытания, и в ноябре 1938 г. по постановлению правительства проводились работы по подготовке к широкому войсковым учениям ракетных фугасно-осколочных

Ил. 4. Установка для стрельбы 132-мм ракетными снарядами с торпедного катера (пробный образец)

Ил. 5. 132 мм. Стрельба ракетными снарядами без помощи орудия

Ил. 6. 245 мм. Стрельба ракетными снарядами без помощи орудия

снарядов калибра 82 мм и установки для ведения прицельного как одиночного, так и залпового огня (1-2-4-6 и 8 снарядами одновременно) как по воздушным, так и наземным целям с самолетов И-15 и И-16. Изготовление снарядов было сдано на валовое производство заводу № 70, а вооружение ста самолетов И-15 и И-16 ракетными установками в 1938 г. согласно Постановлению КО было передано 1-му Главному управлению НКОП.

Спроектирована и прошла заводские испытания и по данным на ноябрь 1938 г. была подготовлена к широким испытаниям на полигоне АУ ракетная механизированная установка. Она была предназначена для обеспечения химического налета ракетными химическими снарядами (СОВ и НОВ) 132 мм с емкостью в 7 л. Установка позволяла вести огонь по площадям как одиночными выстрелами, так и залпами в 2-3-6-12 и 24 выстрела. Установки, сведенные в батареи по 4–6 машин, представляли из себя весьма подвижное и мощное средство химического нападения на дистанции до семи километров²³.

В первом полугодии 1938 г. работниками института проводились работы по проектированию сооружения специальной химической моторизованной команды на залповую стрельбу в 72 выстрела²⁴.

В 1938–1940 гг. работники НИИ № 3 провели работы по ракетной автоустановке для внезапного мощного артиллерийского и химического нападения на противника с помощью ракетных снарядов. В результате проведенных работ с тактической стороны

было создано принципиально новое, чрезвычайно мощное в огневом отношении и подвижное средство военной техники, посредством которого можно обеспечивать внезапный массированный обстрел площадей противника осколочно-фугасными и химическими снарядами на дистанциях до 8,5 км. Работы были выполнены в срок. Принципиально новый образец вооружения обладал следующими данными. Боекомплект — 16 РОФС-132 мм; скорость — шквальная, за время 5 сек.; время для производства повторного шквала из 16 снарядов — 3 мин.

Авторами по заявочному свидетельству ГБПРИ № 3338 9.II.40 г. на ракетную автоустановку для внезапного, мощного артиллерийского и химического нападения на противника с помощью ракетных снарядов были А.Г. Костиков, И.И. Гвай, В.В. Аборенков, тактико-техническим обоснованием схемы и конструкции автоустановки занимались конструкторы А.П. Павленко и В.Н. Галковский, а вопросами отработки ракетных осколочно-фугасных и химических снарядов калибра 132 мм занимались Л.Э. Шварц, В.А. Артемьев, Д.А. Шитов²⁵.

Согласно данным от 19 июля 1939 г., были проведены работы по прибору управления огнем РС различных калибров. Этот прибор был спроектирован на основании тактико-технических требований, утвержденных врид начальника 4-го отделения 1-го отдела 3 управления ВВС РККА военинженером 2 ранга Мироновым.

При серийной стрельбе прибор должен был допускать интервал от выстрела до выстрела в 0,3 с²⁶ (ил. 7)²⁷.

В сводном отчете по объекту 801 — «Прибор управления огнем РС различных калибров» — указаны основные пункты тактико-технических требований к прибору:

- прибор предназначался для установки на самолет любого типа, для производства стрельбы РС различного калибра;

- прибор должен был позволять производить стрельбу РС одиночными выстрелами, серией и залпом по 2, 4, 6, 8 выстрелов в залпе;

- после каждого выстрела прибор должен был фиксировать количество выстреленных снарядов (подобная идея предлагалась И.В. Воловским в 1912 г. в проекте конструкции контрольного аппарата²⁸) — см. данные о проекте в статье Гурова С.В. «Оценка проектов И.В. Воловского по ракетной технике» в данном сборнике;

Ил. 7. Элементы прибора управления огнем РС различных калибров

- прибор должен работать при всех условиях, независимо от высоты, температуры и различного положения самолета;
- прибор должен удовлетворять удобству и простоте обращения с ним;
- источником тока для прибора должен служить авиационный аккумулятор напряжением в 12 В;
- для обеспечения безопасности в особых аварийных летных условиях при данном приборе должно быть предусмотрено специальное аварийное приспособление, позволяющее производить залп полным запасом РС;
- для проверки исправности электроцепи (источника тока и пиропатрона²⁹) необходимо надежное, а главным образом абсолютно безопасное приспособление в виде контрольного прибора или лампочки.

Проведение данных работ было необходимо по той причине, что не существовало специальных приборов для управления огнем РС ввиду новизны данного вооружения.

Используемый для этих целей электросбрасыватель бомб, типа ЭСБР-3, не подходил по целому ряду причин. Основными среди них были:

- невозможность полностью решать задачу производства одиночного и залпового огня;
- отсутствие контроля исправности цепи;
- отказ в работе при низких температурах.

В результате проектирования в соответствии с ТТУ была найдена принципиальная схема нового прибора управления огнем. Схема была рассчитана на выпуск 12-ти РС в порядке одиночного выстрела и залпом по 2, 4-6 и 8 шт. при равномерной разгрузке самолета от РС.

Полигонные испытания прибора проводились с 9 августа по 17 августа 1939 г. на НИПАВ»е.

Для проведения испытания прибора работникам был предоставлен самолет И-16 № 262, оборудованный 8-ю флейтами для РС.

В ходе испытания было выявлено следующее:

- низкие температуры предела -45°C не влияли на работу прибора;
- вибрация самолета не влияла на работу прибора;
- управление прибором было удобным;
- отказов по вине прибора не было;
- отказы в стрельбе были за счет плохого контакта в пиропистолетах;
- контроль при помощи миллиамперметра позволял производить безопасную и удобную проверку электроцепи.

Воздушные испытания с РС были произведены два раза на высотах 5500 м. В ходе испытаний была продемонстрирована безотказная работа прибора. Все РС были сброшены при желаемых порядках стрельбы. За все время проведения испытаний прибор ни разу не снимался и не ремонтировался.

Основными недочетами прибора нужно считать его вес и габариты, которые не были выдержаны в большую сторону. Ввиду наличия добавочного сопротивления в канале пиропистолета, образуемого за счет нагара после выстрела, миллиамперметр, воспринимая малые токи, показывал исправность прибора, на самом же деле, при пропускании тока большой силы, во время нажатия гашетки, сопротивление от нагара сгорало, образуя изоляцию, в результате чего пиропатрон не воспламенялся. Этот недостаток стоило всецело отнести на счет недоброкачества пиропистолета, а не на счет качества прибора управления.

Отмеченные полигоном недостатки прибора носили принципиальный характер и могли быть легко устранены. Было мнение, что основные требования, указанные в ТТТ на прибор управления, были учтены, т. е. в результате проведения работ был получен прибор, работавший надежно и безотказно при всех порядках стрельбы и при всех условиях летной практики, а также был удобен и прост в обращении³⁰.

Согласно данным второй половины января 1940 г., были проведены работы по объекту 802 — прибор управления огнем с МУ-132. По заданию АУ и 2-го отдела НИИ-3 предлагалось провести работы по разработке и изготовлению прибора управления

огнем РС, пускаемых при помощи механизированной установки 2-го отдела.

Тактико-технические требования сводились, в основном, к следующему:

- прибор должен позволять производить одиночную стрельбу 16 шт. РС с интервалом от 0,3 до 1 с между выстрелами;
- прибор должен позволять производить стрельбу непосредственно из машины и с дистанции до 50 м от машины;
- после каждого выстрела прибор должен фиксировать количество выстреливаемых РС;
- прибор должен работать при любых метеорологических условиях;
- прибор должен удовлетворять требованиям удобства и простоты обращения с ним;
- источником тока для прибора должны служить щелочные аккумуляторы, общим напряжением в 30V и емкостью 40/А/4;
- для проверки исправности электроцепи (источник тока — пиропатрон ПП-1) необходимо надежное, и, главным образом, абсолютно безопасное приспособление, в виде контрольного прибора³¹.

В документе от 7 июля 1939 г. — «Отчете о выполнении плана по НИИ № 3 НКБ за первое полугодие 1939 года» (Раздел сверхплановые работы для заказчика — РК ВМФ) — указывается объект № 111/112. Это пятиствольный залповый станок для 152-мм осветительных и сигнальных РС³². В кратком отчете по объектам, выполненным в 1939 г., указано, что пятиствольный пусковой станок на тумбе пушки 21К для стрельбы РС калибров 132–152 мм был спроектирован, построен и испытан. Было получено заключение РК ВМФ о годности станка и о принятии с некоторыми переделками для вооружения береговой обороны³³. В упомянутом кратком отчете также упоминается объект № 204 — залповая самоходная установка на прицепе для стрельбы РС 203-мм, которая была спроектирована и построена. Объект был сдан заказчику. Сверх плана был «изготовлен проект переделки установки для стрельбы РС калибров от 140 мм до 170 мм»³⁴.

Согласно подготовленной планово-учетной карточке на тему № 18 — Полевая механизированная установка для стрельбы 132-мм РС — по заказу АУ РККА должны были проводиться работы по разработке многозарядной залповой ракетной установки на трехосной автомашине, предназначенной «для внезапного

огневого нападения путем ведения огня РХС, РОС, РСФОД калибра 132–150 мм как залпами, так и очередями по 3-5-8 снарядов с интервалом в 1 сек». Работы по теме должны были заканчиваться сдачей чертежей, технических условий и описаниями опытного образца для обеспечения серийного производства³⁵.

Согласно подготовленной планово-учетной карточке на тему № 19 — Полевая механизированная установка для стрельбы 203-мм РС — по заказу АУ РККА должны были проводиться работы по разработке механизированной залповой ракетной установки на трехосной автомашине, предназначенной «для внезапного огневого нападения путем ведения огня РХС, РОС, РСФД калибра 203 мм как залпами, так и очередями по 2-4-6 снарядов в очереди с интервалом в 1 секунду». Работы по теме должны были заканчиваться сдачей чертежей, ТУ и описаниями опытного образца для проведения в 1940 г. широких войсковых испытаний³⁶.

Согласно данным от начала апреля 1940 г., в 1939 г. работники Научно-исследовательского института № 3 НКБ разработали и предъявили на вооружение Красной армии новые образцы, среди которых механизированная установка (на ЗИС-6) для пуска химических и осколочно-фугасных снарядов калибра 132 мм. Ее боекомплект состоял из 16-ти ракетных снарядов. Система ведения огня предусматривала возможность стрельбы как одиночными снарядами, так и залпом всего боекомплекта. Время, потребное для производства залпа из 16 ракет — 3,5-6 с. Время, потребное для перезарядки боекомплекта — 2 мин, командой в 3 человека. Вес конструкции с полным боекомплектом был равен 2350 кг, что составляло 80 % от расчетной нагрузки автомашины.

В документе приведены следующие сравнительные данные механизированной автоустановки с гаубичной артиллерией:

а) осколочно-фугасный вариант. Приняв кратковременную скорострельность гаубицы калибра 122 мм и 152 мм 2 выстрела в 5 с, получим, что в течение 5 с автоустановка выпускает 16 снарядов, по мощности равных 75 кг тротила и 395 кг полезного металла. В то же время 122-мм гаубица выбрасывает 8 кг тротила и 33 кг полезно используемого металла, а 152-мм гаубица выбрасывает 12,6 кг тротила и 67 кг полезно используемого металла.

Таким образом, один залп автоустановки по мощности равен мощности 9,4 гаубиц 122-мм и 6 гаубиц 152-мм;

б) химический вариант. За один залп в течение 3,5–5 с с автоустановки выбрасывается 160 кг ОВ, в то время как 122-мм

гаубица выбрасывает 4 кг ОВ за два выстрела, а 152-мм гаубица выбрасывает 8 кг ОВ за два выстрела.

Отсюда следует, что залп автоустановки по своей мощности равен мощности 40 гаубиц 122-мм и 20 гаубиц 152-мм.

Для выброса 1000 кг ОВ с ракетной установки потребуются 2400 кг металла. Из 122-мм гаубиц потребуется 10 000 кг. Из 152-мм гаубицы потребуется 8000 кг³⁷.

Рамками подготовленного Тематического плана научно-исследовательских и опытных работ на 1940 г. предусматривалась тема № 20 «Механизированные ракетные установки».

Первым целевым назначением темы было проведение работ по усовершенствованию конструкции и эксплуатационных качеств механизированных установок на автомобилях и несамоходных залповых установках на прицепах для калибров 132 мм и 203 мм, с целью:

- увеличения надежности и срока службы;
- упрощения технологического процесса изготовления;
- обеспечения полной безопасности и надежности ведения огня;
- улучшения эксплуатационных качеств (сокращение времени на подготовку к открытию огня и перезарядку боекомплекта, упрощение технологии ремонта в полевых условиях, обеспечение удобных мест для команды в походе).

Основными этапами этих работ должны были быть:

- изучение обобщения опыта промышленности и службы в войсках (срок: 1 января — 28 февраля 1940 г.);
- изготовление проекта усовершенствованных установок на прицепе (срок: 1 марта — 29 мая 1940 г.);
- разработка рабочих чертежей, изготовление и монтаж одной установки на прицепе (срок: 1 мая — 29 августа 1940 г.);
- производство широких испытаний (срок: 1 октября — 29 ноября 1940 г.);
- составление сдаточных чертежей (срок: 1 ноября — 29 декабря 1940 г.).

В 1940 г. работы должны были заканчиваться сдачей усовершенствованного варианта механизированной установки и зарядных прицепов на войсковые испытания, чертежей, ТУ и описаний для внедрения в промышленность.

Вторым целевым назначением темы была разработка и испытание зарядных ящиков-прицепов с максимальным вмещением

РС, для транспортировки последних с базы на огневую позицию, обеспечивающих удобство и быстроту перезарядки.

Основными этапами этих работ должны были быть:

- изготовление проекта (срок: 1 января — 29 марта 1940 г.);
- изготовление рабочих чертежей (срок: 1 марта — 29 апреля 1940 г.);
- изготовление деталей установки и монтаж (срок: 1 мая — 29 июля 1940 г.);
- производство испытаний (срок: 1–29 августа 1940 г.);
- изготовление сдаточных чертежей (срок: 1 августа — 29 сентября 1940 г.).

В 1940 г. работы должны были заканчиваться сдачей транспортирующего приспособления с отчетом об испытаниях, сдаточных чертежей, ТУ и описаний³⁸.

Согласно данным на конец января 1940 г., в частности инженер И.И. Гвай (2-й конструкторский отдел) брал на себя следующее социалистическое обязательство: спроектировать, изготовить и испытать подвижную установку для зенитной залповой стрельбы ракетными снарядами, снабженную синхронной связью, приборами дистанционной наводки и управления огня, а также автономным источником электрической энергии. Срок окончания работ — 1 августа 1940 г.³⁹

Отделу 2н НИИ № 3 в 1940 г. предлагалось выполнить работы по следующим объектам:

- 214 — установка на 2-осном прицепе с 16-ю направляющими длиной 6 м для РС калибров 140–165 мм (переделка и приспособление объекта 204). Заказчик — АУ РККА;
- 218 — зенитная движущаяся установка на 12 шт. РС калибра 140 мм с электрическим приводом. Заказчик — УПВО РККА;
- 219 — зенитная стационарная установка на 50–80 РС калибра 140 мм. Заказчик — УПВО РККА⁴⁰.

Согласно данным от 20 марта 1940 г., директор НИИ № 3 НКБ Слонимер подписал Программу испытаний, которая не была утверждена Народным комиссаром боеприпасов Союза ССР Сергеевым, или мы имеем дело с вариантом документа НИИ № 3. Согласно этой программе, должны были проводиться работы по испытаниям следующих объектов для залповой стрельбы — см. табл. 2.

Другие данные по изученному вопросу и вопросу работ в РНИИ-НИИ № 3 в 1933–1940 гг. опубликованы в пополняемой

Данные из Программы испытаний (объекты для залповой стрельбы)

№	Объект	Цель испытания	Место испытания	Количество	Примечание
1	Испытание РОС-82 с самолета И-15 или И-16	Поражение движущейся и воздушной цели (шары-пилоты) с дистанции 1000–1100 м	Стрельба с горизонтального полета самолета на высоте 800–1000 м. Первый заход-залп 2 снаряд. Второй заход-залп 2 снаряд. Третий заход-залп 4 снарядами установкой трубки шкалой	РОС-82 8 шт.	
2	Испытание РОС и РБС-82 с самолета И-15 или И-16	Поражение наземной цели (рота в походной колонне с танком)	Стрельба с пикирующего полета самолета с высоты 1000–1500 м = 60–65°. Первый заход-залп из 4 осколочно-фугасных снарядов. Второй заход-залп из 4 бронебойных снарядов	РОС-82 4 шт. РБС-82 4 шт.	РБС в серном снаряжении
3	Испытания БЕТАБ-150ДС с самолета ДБ-3	Поражение площади = 50 м	Бомбометание с горизонтального полета с высоты 1500–2000 м. Залп из 2-х бомб	БЕТАБ-150 2 шт.	В серном снаряжении

4	Испытание РОФС-132 из убирающейся в бомбовый отсек кассетницы, смонтированной в макете фюзеляжа самолета САБ	Стрельба с разрывами в воздухе на дистанции 1500–1700 мт	Установка наземная. Угол установки 20–30°. Очередь 8–10 шт. Трубка устанавливается шкалой	РОФС-132 8-10 шт.	
5	Испытание РС-50 с макета фюзеляжа самолета СПБ	Фанерный щит 10×10 мт на расстоянии 100 мт	Стрельба 2-мя сериями по 10 шт.	РС-50 20 шт.	В серном снаряжении
6	Испытания РОФС-132 с ракетной автоустановки	Стрельба РОФС-132 с разрывом в воздухе на дистанции 2500–3000 мт	Угол установки 4 ч. 40°. Стрельба серий 16 шт. за время 5–6 с	РОФС-132 16 шт.	
7	Испытания РХЗ-132 с ракетной авто-установки	Стрельба РХМ-132 с разрывом в воздухе на дистанции 2500–3000 мт (головная часть заполнена жидким красящим веществом)	То же, что в номере 6		
...					

10	Испытания РАС-132 с ракетной автоустановки	Листопадение площади в глубину от 1500–2500 мт	Угол установки = 30°. Стрельба серий 8 шт. за время 2–4 сек. установка трубки шкалой	РАС-132 8 шт.	
11	Испытание РЗС-132 с ракетной зенитной автоустановки	Обстрел РЗС-132, падающей (вероятно падающей. — Авт.) с парашюта цели на высоте 2500–3000 мт	Угол установки 65–70°. Стрельба серий с промежутком времени в соответствии с временем падения цели. Установка трубки шкалой	РЗС-132. 16 шт.	
12	Испытание ракетной фугасной мины М-1000 с подвижной установки	Обстрел площади на дистанции 2000–2300 мт	Угол установки = 40°. Стрельба серий полным боекомплектом установки с интервалом между выстрелом 0,5–0,8 с	М-1000 4 шт.	В серном снаряжении ⁴¹
...					

статье автора «О работах в РНИИ и НИИ № 3 в 1933–1940 годах»⁴².

¹ Центр Келдыша отмечает 85-летие. [Электронный ресурс]. URL: <http://kerc.msk.ru/blog/2018/10/19/центр-келдыша-отмечает-свое-85-летие/> (дата обращения: 12.12.2018 г.); Воробьев Е.З. Москва: Близко к сердцу. Рассказ-хроника. Страницы героической защиты города, 1941–1942. М.: Политиздат, 1986. С. 2. (Города-герои).

² Письмо А 780с от 14.11.1936 г. директора РНИИ НКТП И. Клейменова зам. народного комиссара тяжелой промышленности тов. Пятакову. (Подлинник). Отп. 13.11.1935 г. // Архив ГНЦ ФГУП «Центр Келдыша». Инв. 97. Оп. 1. Ед. хр. по описи 1. Л. 146,155; Письмо исх. № 854с/10.12.1935 г. директора РНИИ И. Клейменова тов. Орджоникидзе. (Копия). 10 декабря 1935 г. // Там же. Л. 177.

³ Письмо исх. № 688с от 08.08.1938 г. начальнику 13-го Главного управления НКОП тов. Тольскому от директора НИИ № 3 НКОП Слонимера. (Ксерокопия подлинника). 07.08.1938 г. // Там же. Ед. хр. по описи 8. Л. 55–57, 61; Пояснительная записка К итогам деятельности НИИ № 3 НКОП за 1938 г. директора НИИ № 3 НКОП Слонимера и начальника планового отдела Родина. (Неполностью подписанный подлинник — подписал только Родин). 28.01.1939 г. // Там же. Инв. 225. Оп. 1. Ед. хр. по описи 12. Л. 95, 104; Письмо исх. № 24ос от 14.02.1939 г. директора НИИ № 3 Слонимера и зам. директора НИИ № 3 военинженера I ранга Костикова в ВПК Комитета обороны при Верховном Совете СССР тов. Матвееву (Копия) // Там же. Инв. 291. Оп. 1. Ед. хр. по описи 14. Л. 53, 64; Письмо исх. № 622с от 8/IV 40 г. директора НИИ № 3 Слонимера в Кремль. Комитет обороны СССР тов. Осипенко. (Подлинник). 1.IV.40 г. // Там же. Инв. 348. Оп. 1. Ед. хр. по описи 19. Л. 21–23.

⁴ История переименования и реорганизации ГНЦ ФГУП «Центр Келдыша». (Электронный документ) // Личный архив Гурова С.В.

⁵ Электронный облик копии Приказа Революционного военного совета СССР Республик № 0113 от 21 сентября 1941 года. Гриф документа не указан в связи с соблюдением правил рассекречивания архивных документов // Личный архив Гурова С.В.

⁶ Письмо исх. № 552с от 17.08.1935 г. от начальника РНИИ народному комиссару тяжелой промышленности СССР тов. Орджоникидзе. (Подлинник). 17.08.1935 г. // Архив ГНЦ ФГУП «Центр Келдыша». Инв. 97. Оп. 1. Ед. хр. по описи 1. Л. 135,139; Письмо исх. А 705сс от 19.10.1935 г. от директора РНИИ И. Клейменова в ЦК ВКП(б), отдел науки тов. Горохову. (Подлинник). 17.10.1935 г. // Там же. Л. 140, 141; История переименования...

⁷ Письмо исх. № 24ос от 14.02.1939 г. Л. 53, 64.

⁸ Пояснительная записка... Л. 95, 104.

⁹ Письмо исх. № 24ос от 14.02.1939 г. Л. 53, 64; Пояснительная записка... Л. 95, 104; Электронный облик копии постановления № 104 Совета труда и обороны «Об организации Реактивного института» от 31 октября 1938. Гриф документа не указан в связи с соблюдением правил рассекречивания архивных документов // Личный архив Гурова С.В.

¹⁰ Письмо исх. № 24ос от 14.02.1939 г. Л. 53, 64.

- ¹¹ Проект «Тематический план оборонных работ РНИИ на 1935 год». (Подписал начальник института И. Клейменов. 22.10.1934 г., копия) // Архив ГНЦ ФГУП «Центр Келдыша». Инв. 97. Оп. 1. Ед. хр. по описи 1. Л. 9, 10, 12.
- ¹² Письмо А 780с от 14.11.1936 г. Л. 146–148, 150, 153, 155.
- ¹³ Там же. Л. 152.
- ¹⁴ Там же. Л. 153.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 155.
- ¹⁷ Боевое применение ракет. (Материал за подписью начальника РНИИ-НКТП И. Клейменова. 4/XI 35. Подлинник) // Там же. Л. 161–166, 172–174, 176.
- ¹⁸ Там же. Л. 173.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Военно-политическая спецоперация СССР в Афганистане (25 декабря 1979 – 15 февраля 1989 гг.). Словарь-справочник. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Межрегиональный издат. центр «Мединформ», 2007. 452 с.
- ²¹ Medieval Weapon Destroys Jet Age Jets. Brits Lose One Harrier Destroyed, One Damaged. By Aero-News Senior Correspondent Kevin R.C. «Hognose» O'Brien. (Электронный ресурс). URL: <http://www.aero-news.net/subscribe.cfm?do=main.textpost&id=eb7a4830-1ff6-460a-a6ed-2abf4ee07448> (дата обращения: 22.01.2018 г.).
- ²² Перечень тем и научно-исследовательских работ, выполненных в НИИ № 3 НКБ на протяжении 1935–1940 гг., имеющих основание быть представленными в КВШ ПРИ СНК СССР для присуждения по ним Сталинских премий. (Подлинник). 26.XII.40 г. // Архив ГНЦ ФГУП «Центр Келдыша». Инв. 348. Оп. 1. Ед. хр. по описи 19. Л. 218, 220.
- ²³ Письмо № 1093сс от 20.11.1938 г. от начальника 13 Главного управления НКОП Тольского народному комиссару оборонной промышленности тов. Кагановичу М.М. (Данные о Тольском зачеркнуты. Документ можно отнести к рабочему варианту письма). 17.11.1938 г. // Там же. Инв. 227. Оп. 1. Ед. хр. по описи 8. Л. 94, 96, 98.
- ²⁴ Письмо исх. № 688с... Л. 55–57, 61.
- ²⁵ Перечень тем и научно-исследовательских работ... Л. 218, 220.
- ²⁶ Описание прибора управления огнем РС различных калибров. Научно-исследовательский институт № 3 НКБ, группа № 8. 1939. (3-е Упр. ВВС РККА к исх. № 1199с 26/VIII 39 г.). (Подписанный, но не утвержденный документ). 19.07. // Архив ГНЦ ФГУП «Центр Келдыша». Инв. 327. Оп. 1. Ед. хр. по описи 18. Л. 34, 35, 50.
- ²⁷ Там же. Л. 41, 42.
- ²⁸ О проекте вращающейся ракеты, предлагаемой отставным Поручиком Воловским // Журнал Артиллерийского комитета. 8 ноября 1912 г. № 1254. (Подлинник) // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 704. Л. 241–243 об.; Контрольный аппарат. (Подлинник) // Там же. Л. 251, 251 об., 252.
- ²⁹ В документе (источник тока и пиропатрона).
- ³⁰ Прибор управления огнем РС различных калибров (сводный отчет по объекту 801). НИИ № 3 НКБ лаборатория. № 8. 1939 год. Отчет составил инженер Пивоваров. (Подлинник). 19.01.40 г. // Архив ГНЦ ФГУП «Центр Келдыша». Инв. 327. Оп. 1. Ед. хр. по описи 18. Л. 78, 79, 81–83.

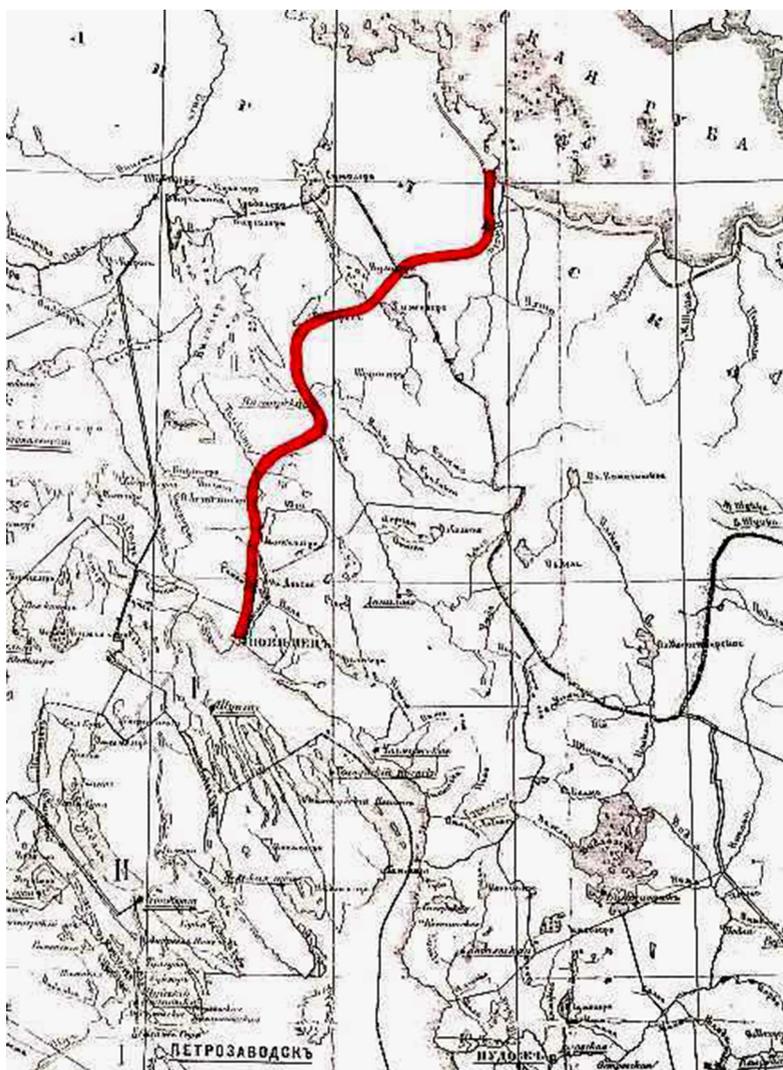
- ³¹ Прибор управления огнем с МУ 1 3 2. НИИ № 3 НКБ. Лаборатории № 8. 1939 г. (Документ подписал инженер Пивоваров. Подлинник). 19 или 29/1-1940 г. (основная часть числа выбита при прошивке листов архивного дела) // Там же. Л. 71, 72, 74.
- ³² Отчет о выполнении плана по Научно-исследовательскому институту № 3 НКБ за I-е полугодие 1939 г. 07/VII-39 г. (Подлинник) // Там же. Оп. 1. Ед.хр. по описи 13. Инв. 273. Л. 98, 104, 112.
- ³³ Краткий отчет по объектам, выполненным в 1939 г. 26/XII-39 (Подлинник) // Там же. Л. 199, 201.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Тематический план по НИИ № 3 НКОП на 1939 г. Планово-учетная карта на тему № 18 (Не полностью подписанный документ) // Там же. Инв. 337. Оп. 1. Ед. хр. по описи 11. Л. 55–56.
- ³⁶ Тематический план по НИИ № 3 НКОП на 1939 г. Планово-учетная карта на тему № 19 (Не полностью подписанный документ) // Там же. Л. 57–58.
- ³⁷ Письмо исх. № 622с... Л. 21–23.
- ³⁸ Тематический план научно-исследовательских и опытных работ на 1940 год. Четвертое Главное управление НКБ НИИ № 3 (Не полностью подписанный документ). 29.IX.39 г. // Там же. Инв. 376. Оп. 1. Ед. хр. по описи 16. Л. 129, 140 об., 141, 159 об., 160.
- ³⁹ Письмо № 176сс от I/II 40 г. от начальника 4 конструктор. отдела профессора Победоносцева, начальника 2 конструктор. отдела инженера Гвая заместител. Народного комиссара боеприпасов Союза ССР тов. Ходякову. (Подлинник). 25.I.40 г. // Там же. Инв. 348. Оп. 1. Ед. хр. по описи 19. Л. 12, 13.
- ⁴⁰ Перечень объектов, предполагаемых к выполнению в 1940 г. в отд. 2н. Рукопись. (Подлинник). 3/I-40 г. // Там же. Инв. 273. Оп. 1. Ед. хр. по описи 13. Л. 228.
- ⁴¹ Программа испытаний. Подписана директором НИИ № 3 НКБ Слонимером. Не утверждена народным комиссаром боеприпасов Сергеевым «...» марта 1940 г. (Подписанный, но не утвержденный документ) // Там же. Инв. 348. Оп. 1. Ед. хр. по описи 19. Л. 19, 20.
- ⁴² Гуров С.В. О работах РНИИ-НИИ № 3 в 1933–1940 годах. [Электронный ресурс]. URL: <http://rbase.new-factoria.ru/pub/nii-3.shtml> (дата обращения: 11.12.2018 г.).

М.Ю. Данков, Д.А. Проц (Петрозаводск)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПУТИ ТРАНСПОРТИРОВКИ БЕЛОМОРСКОЙ СОЛИ В МЕТРОПОЛИЮ И АРМЕЙСКАЯ ТРАССА ЦАРЯ ПЕТРА 1702 ГОДА

МАЛООБУСТРОЕННЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ торговые пути в центр континента при внимательном рассмотрении оказываются связаны с армейским маршем царя Петра. Осенью 1702 г. пять батальонов лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков преодолели новопостроенный, но ранее «многократно хоженный» путь от берега Белого моря к шведской цитадели Нотебург (Орешек с 1323 г.) на Ладогe. В результате неожиданной для неприятеля войсковой экспедиции Петр I одержал первую крупную победу в Северной войне (1700–1721)¹. Успешный поход привел к новациям XVIII столетия и признанию России мощной европейской державой² (ил. 1).

Между тем, начальные военно-торговые маршруты от «закрытого внутреннего моря Ледовитого океана» в центр страны стали формироваться с XII–XIII столетий. Новгород, рано исчерпавший собственные ресурсы в погоне за морской солью, пушниной, рыбой и жемчугом, положил начало массовому проникновению русских на Север. Система коммуникационных коридоров позволяла от берега Белого моря через «карельский» водораздел выходить по рекам Кемь, Шуя, Выг, Сума и Нюхча к Онежскому озеру и далее к Ладогe и Балтийскому побережью³. Однако «волочки» помогали благополучно передвигаться лишь зимой на санях и иногда летом на легких «лойвах» и волокушах, когда на окоемах болот первопроходцы укладывали гать и укрепляли ее специальными деревянными конструкциями с «тягловыми воротками». На суходоле и на крутых отрогах Ветреного пояса солепромышленники преодолевали маршрут с помощью грузовых волокуш⁴. При этом, встречаясь с водными преградами и

Ил. 1. Маркировка трассы «Осударева дорога» 1702 г. на карте 1879 г.

на «переволоках», они тащили груз волоком, попеременно подкладывая под «лоды» и волокуши заранее подготовленные бревна-катки. Сохранились свидетельства иноземцев о тяготах езды по более цивилизным, чем на Севере, лесным дорогам. Скажем,

П. Алеппский, участник посольства антиохийского патриарха Макария в 1654–1656 гг., отмечал: «Одному ... Богу известно, до чего трудны и узки здешние дороги: мы, проезжая ... от своей страны ... не встречали таких затруднений и таких непроходимых путей, как здешние, от которых бы поседели и младенцы»⁵.

И все-таки, анализируя архивные источники, попытаемся воссоздать азимутные направления транспортировки «соли бела» с Белого моря внутрь континента. Считается, что с XVI–XVIII вв. транспортные пути надежно связали бассейны Балтийского и Белого морей и объединили северную зону включая землю Кольского полуострова⁶. В этом смысле целесообразно выделить три коридора для вывоза «выпаренной» поморской соли в центр страны. Имеются в виду: сухопутно-водный маршрут «западного волока» к Кексгольму на Ладожском озере, «срединный путь» на Повенецкий рядок на Онежском озере, а также «восточный маршрут» через Повенец к Великому Новгороду⁷ (ил. 2).

Наиболее «архаическим» известием о «западном» транспортном коридоре является «Краткое описание пути, по которому русские едут из Кексхольма...» из рукописной книги «Регистр жалоб против дворянства в Финляндии 1556 г.»⁸ Автор агентурного донесения Я. Тейт составил документ по требованию шведского короля Густава I Ваза для фогта г. Або (Турку) С. Туоманпойка⁹. Тайнственное свидетельство, после «прилежно учиненного» допроса, было записано со слов одного из жителей Корельского уезда, по имени Нуосио Венялейнен и прозвищу Рюся¹⁰. В донесении автор сгруппировал сведения о населенных пунктах, об озерах и реках, о расстоянии в милях между селами. Текст отмечает стратегическую информацию о «западной» коммуникации от «Кексхольма в России» до «Западного моря», называемого Студеным, позже — Белым, морем. Документ, построенный в форме вопросника, повествует о заповедной территории Севера и, скорее всего, соотносится с военными событиями 1555–1556 гг. на юго-восточной границе Шведского королевства. «Регистр» фиксирует топографию «западного» пути к беломорскому побережью. От Ладоги (Navajarvi trask) трасса по «песчаным холмам» направлялась к Пехейерви (Pohejervi) и Оривеси (Oriwasi). Затем от Пиелисьярви (Pelistenjervi) перепроходцы по р. Льекса (Lieha), оз. Панкаярви (Pangajervi) и Тулос (Tulejerff) «волоком» попадали в оз. Колвасозеро (Korvasjerff), Реболы (Repula) и Ровкулы (Roukula) и выходили

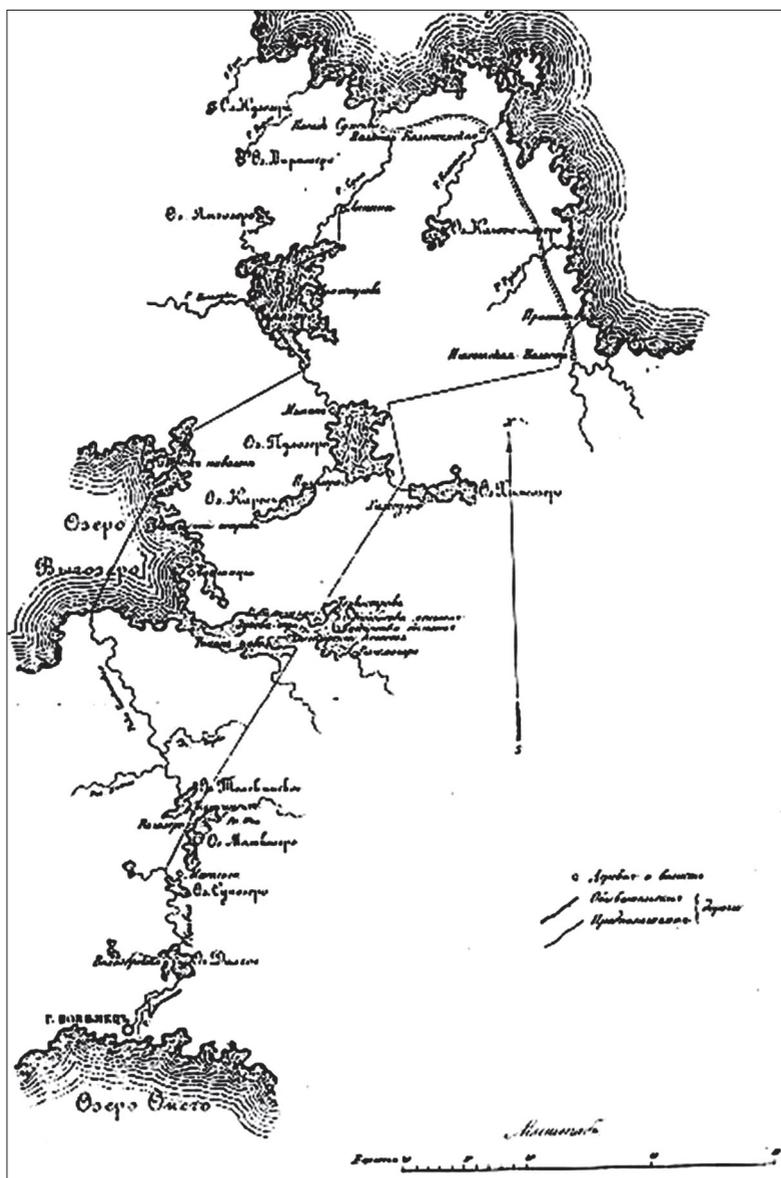
и Онежского берегов Белого моря. Через полтора столетия, в 1694 г. посыльщики Шуерецкой волости А. Иродионов «с товарищами» и староста Керетской волости Р. Куккоев «с мирскими людьми» окончательно договорились «новой дорого» обустроить для ямской гоньбы «ис Керети до Калгалакши»¹².

Между тем, на полях рукописи, хранящейся в шведском Каммархиве, обнаружена приписка, что от с. Шуя (Suikujäki) существовал «другой выход в Россию»¹³. Сообщение допускает обустройство государственной дороги на юг, где «лежат большие болота»¹⁴. Позднее этот маршрут преосвященный А. Холмогорский отметил в трактате «Описание трех путей из державы царского Величества из Поморских стран, в Швецкую землю и до столицы их»¹⁵. В 1702 г. «Преображенского полка солдат»¹⁶ М. Щепотев именно его избрал для устройства легендарной «Осударевой дороги» к Балтике¹⁷. Позднее Э. Трэйман на литографической «Карте дороги, по которой изволил следовать государь...»¹⁸, указал месторасположение этого пути¹⁹. Документ, снятый с «ветхого» листа 1784 г. в масштабе 20 верст в дюйме, отметил топонимы маршрута: Пристань — Нюхотская волость — оз. Пулозеро — Вожмосалма — оз. Телекинское — Волозеро — Масельга — оз. Долгое — г. Повенец²⁰ (ил. 3).

Возвращаясь к рассказу Венялейнена, записанного в 1556 г., подчеркнем, «русские ... парщики соли ... что живут у Белого моря», снабжали морским продуктом «почти большую часть России». Однако источник не конкретизировал топографию соляного пути, а лишь утверждал, что «груз в Ногорд (Новгород)» можно доставить «лошадьми... легко за три дня пути». Информатор оговаривает, что основной способ доставки соляных обозов строился на сезонном принципе: «...зимой на бесчисленных лошадях», а летом через «великие болота» и по «многим рекам и озерам»²¹.

В этой связи выскажем предположение, что «дорожное» донесение Тейта помогло отряду шведа С. Педерсена в сентябре 1591 г. «проникнуть сквозь пустыни и леса» к беломорскому побережью и до основания сжечь Сумский острог, называемый «Staden». В Вирме, Сухом и Шижне захватчики также пожгли солеварни, промысловые избы и «анбары», а «порубежные волости повоевали ... и людей секли»²².

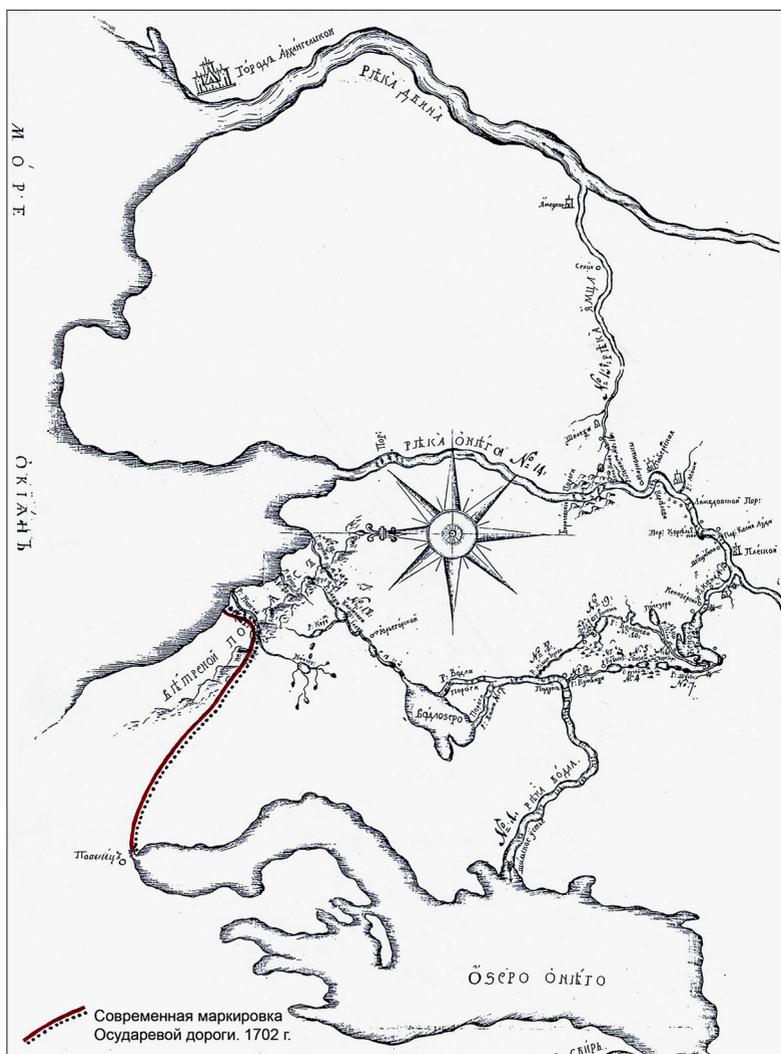
Что касается маршрута от Белого моря через «Кенозерские и Илецкие волочки», отметим документ XVIII в. с архаическими

Ил. 3. Карта-схема дороги, по которой «изволил следовать государь...» 1784 г.(?)

переволоками с рукописной вставкой «Описание и черчения Олонецкого Выгорецкого обывателя Мануила Петрова от границы Олонецкого (так в рукописи. — *Авт.*) моря водою к Санктпетербургу»²³. Автором документа является старообрядец Петров, один из самых известных «большаков» Даниловского монастыря. Карта, переданная в Сенат «1747 год ноября 9 дня», отразила ландшафтные и топографические представления о «восточном направлении» маршрута²⁴. План зафиксировал на Кенозерском водоразделе, между реками Онега и Северная Двина, дорожную сеть, состоящую из 21 волока «с порожками малыми», где «соймами провозят по 300 пудов и больше» поморской соли и рыбы. К тому же, автор отразил и менее известную Илецкую «переволоку» от морского побережья²⁵. Предприимчивые новгородцы с успехом продвигались труднопроходимыми маршрутами как от Белого моря в метрополию, так и на север. «Описание и черчения...» Петрова подробно указывают географию путей, где «из Заволоцкие земли в Ноугородские земли водяным путем в судах» великого князя крестьяне «через тот волочек товар волочат»²⁶. Отправляясь к морю, ватаги пересекали Онежское озеро и от Шальского устья р. Водла направлялись к «р. Мышьи Черева», где была обустроена «воротковая» переволока. Здесь, «соймы перевоза лошадьми», перемещались в «оз. Волочко» (Волоцкое)²⁷, где до сих пор существует с. Заволочье. Топонимика пути оговаривается в Писцовой книге 1563 г.: «...на Мышьих Черевах волочек Кемский, а через тот волочек, торговые люди из Ноугорецкие земли ходят с товаром в Заволоцкую землю»²⁸. Предприимчивые купцы по «р. Волошева» добирались до оз. Кенозеро, откуда р. Кеной попадали в полноводную Онегу и выходили в «Море окиан»²⁹. Одновременно житель Выговской обители отметил и «Илецкий» маршрут. Из Онежского озера «купецкие» артели по р. Водла отправлялись к «р. Вама» и вскоре попадали в Водлозеро. Затем по «р. Илеха» (Илекса) следовали к «р. Куша» (Кушрека) или «р. Шуйка», реке к «р. Нюхча», и через водораздел Ветреного пояса выходили в Белое море (ил. 4).

Создается впечатление, что к концу XVI в. «срединный» коридор оказался основным при переходах из Поморья в Московию. Этот взгляд подтверждается европейцами, владеющими конфиденциальной информацией о географии «соляных» маршрутов в метрополию³⁰. В 1566 г. английская «Компания для торговли»,

Ил. 4. Маркировка маршрута «Осударевой дороги» 1702 г. на карте-схеме М. Петрова 1746 г.

выросшая из общества «The Mistery», командировала в акваторию Белого моря Т. Соутэма и Д. Спарка для проводывания стабильного пути к «Нову городу»³¹. Иноземцы склонялись к мысли избрать местом старта морские «Великие Сумы», где недостатка

в «соляных анбарах» и складах с европейским товаром «ждать нельзя»³².

Однако в реальности экспедиция началась от с. Сорока, откуда англичане 3 августа 1566 г. по р. Выг начали движение через с. Парандово и с. Койкиницы на Выгозере, а далее минуя с. Телекино и Маткозеро уже по «мостовой настилке» к «Повенецкому рядку». «Дневник» англичан сообщает, что путь до Онежского озера в 230 верст купцы преодолели за 8 суток и в Новгород въехали 30 августа 1566 г. Однако «крайняя бедность жителей пройденной местности» не позволила им ничего продать, поэтому от маршрута пришлось отказаться.

В это же время коммерческое общество из Антверпена приняло очередную попытку монополизировать торговлю на Белом море³³. С этой целью в «Кемском градке», Суме и Шуге голландцы организовали соляные конторы с «анбарами», а «не чистый на руку» авантюрист Симон ван Салинген «изъездил всю страну, осенью и весной на лодках, зимою же на санях». На средства общества в 1573 г. была организована новая экспедиция из центра на север. Путь также пролегал от «Повенецкого рядка» через Выгозеро на Сороку, но, учитывая пересеченный рельеф местности, «скудость» сел, маршрут был забракован³⁴.

Позднее, в конце XVIII в., средневековую трассу отметил русский инженер-подпоручик Я.В. Васильев в топографической рукописи «Маршрут от Санкт-Петербурга ... до города Кеми зимним и летним трактом...»³⁵ Водно-сухопутная трасса длиной в 230 верст начиналась у Выгоострова в Сорокской губе Белого моря и заканчивалась у Повенца. Путь стартовал от южного рукава р. Сев. Выг и пролегал по р. Сорока, где преодолевалось 8 порогов, в том числе «Нос Морской и Дубинин, Левиттей, Русский, Чоботок, Золотец и Шокрукша». Далее от Выгозера по р. Телекинская, минуя пороги «Сиговец, Олоховец, Попов и Осиновец», поморы шли к оз. Торос, реке по р. Маткозерке к оз. Телекинскому, и через водораздел к оз. Маткозеру. На завершающем этапе солепромышленники, используя волокна от Узких озер и Волозеро, попали в р. Повенчанку и выходили в северо-западный угол Онежского озера. Очевидно одно, новгородцы не сразу обрели навыки ориентации в «арктической зоне», но даже «смутное время» начала XVII столетия, совпавшее с падением беломорской торговли, не смогло разрушить северную дорожную инфраструктуру (ил. 5).

Ил. 5. Офорт «Новгородская мостовая дорога» XVII в.

После шведов, англичан и голландцев путь на Повенец в 1700–1702 гг. пытливно исследовал архиепископ Афанасий Холмогорский³⁶. Идея сочинения «Описание трех путей из державы царского Величества из Поморских стран, в Швецкую землю и до столицы их»³⁷ заключалась в военно-прикладном описании существовавших и предполагаемых маршрутов через карельские земли в шведские владения. Для этого архиепископ использовал и агентурные сведения, полученные от торговых «ведущих» людей, «многократне купчески шествовавших» в пограничных землях и в далеких «провинциях». Уместно упомянуть о «допросе», записанном Афанасием от «корелянина Сенки Зотикова», о путях «зело лесных немалым местом», где его отец «ездил в Свею для торгового своего промысла»³⁸.

Отметим, что «первый путь» от «Сумского городка» до «Повенетского посада», по нашему мнению, «более чем наполовину совмещается с топографией маршрута, разработанного летом 1702 г. авантажным сержантом М. Щепотевым»³⁹. Он начинался в «Сумском городке» и шел на «Повенетский посад», а затем «через Онег езеро» и «езеро Ладужское» к Орешку и далее мимо Нарвы, Ивангорода и Ревеля «через море Варяжское до Королевской столицы Стеколны»⁴⁰.

Архиепископ Афанасий уверенно использует верстовую индикацию и сообщает, что от «Сумски градка, деревянного, рубленного», в котором стрельцы «караулы держат зело опасные, (а) пушек и всякого оружия, во отмщение шведов имеет(ся) премного», путь идет в направлении «Соловецкой Пасезерской волости 30 верст». Далее Афанасий указывает, по тракту до «Выгезерского погоста 75 верст», который «стоит на Выг езером». А «из того езера течет река Выг (мимо Сорозкую волость), и входит в море Соловецкое

(так в тексте. — *Авт.*)», а «...от Выгозерского погоста до Волости Маселги значение верст у нас в ней не обретется... а от Маселги до Повенецкого посаду 30 верст». Однако тут же архиерей уточняет: «Из того езера от Выгозерского погоста чрез Волость Маселгу до Повенетского посаду 65 верст»⁴¹. Суммируя данные о расстоянии сухопутного тракта, духовный пастырь подтверждал: «Всего от Сумского городка до Повенца 170 верст»⁴².

Любопытно, что с конца XVII столетия «реверсный» азимут на Сороку и Суму стали предпочитать старообрядцы Даниловского и Лексинского монастырей, сыгравшие до сих пор малооцененную роль в сближении культуры и экономики Беломорья и Московии⁴³.

И все-таки отметим, хотя для современного исследователя интерес представляют все «соляные» пути в метрополию, сложившиеся задолго до петровского времени, наибольшее любопытство все-таки вызывает «срединный» азимут. Реальная репутация средневекового маршрута на «Повенецкий рядок» сыграла неоспоримую стратегическую роль в событиях начавшейся Северной войны. Войсковая трасса начиналась у м. Вардегорский на Белом море и через Нюхчу Волостную шла к Онежскому озеру. В коридоре этого пути почти полностью отсутствовали населенные пункты, что соответствовало «государеву замыслу» тайного перемещения войск в Ингрию. Азимутное направление также пришлось по душе царю, любителю «амстердамских першпектив». Используя первый вариант маршрута архиепископа, петровские гвардейцы «черными лесами, суземком, горами и мхами»⁴⁴ добрались до Онежского озера за 8 ходовых дней⁴⁵. Акция подтвердила географический, но скорее национально-государственный, вектор развития будущей России⁴⁶. Дорогу в пустынных местах, где «дремучие леса сплошь, чертово место, одно слово сюземка»⁴⁷, возвели в июне — июле 1702 г. «с товарищи десяти человек»⁴⁸ сержант бомбардирской роты Преображенского полка «писавый слуга»⁴⁹ М. Щепотев и писарь И. Муханов, называющий себя «раб Муха»⁵⁰. Наказ «Для описи ... ближайшего способного водяного и сухого пути...» и «Статьи для ведома...» были подписаны в Архангельске 8 июня 1702 г. — «своею рукою» — боярином А.Ф. Головиным. Документы требовали от устроителей волока М. Щепотева, И. Муханова, А. Головкина и М. Волкова определить «переволоки от урочища до урочища в дальнем же расстоянии, и на скольких верстах»⁵¹.

Давая задание на разработку военного маршрута, царь Петр и руководитель Посольского приказа, генерал-фельдмаршал Ф.А. Головин интересовались рельефом местности, топографией пути, но главное, возможностью негласно переместить войска, дипломатический корпус, любителей «марсовых потех», армейский обоз и артиллерию в Ингрию (ил. 6). В этом смысле поражает скорость обустройства волока расстоянием 176 верст. На это потребовалось три рабочих недели. Кроме пробивки «блиского» маршрута, урядникам вменялось в обязанность выяснить, «не будет ли через те перволоки, каких непроходимых болот и топей и великих грязей»⁵².

Под угрозой для ослушавшихся «смертной казни, безо всякие пощады» М. Щепотеву предоставлялось «великое» право «в грязных местах, и на реках, и на речках, и на ручьях, и на всяких переправах, велеть расчистить [путь, чтобы] во время проходу Великого Государя служилым людям нигде ни за какие остановки и препоны отнюдь не было»⁵³.

Находясь в Архангельске и не представляя себе настоящий ландшафт предстоящего маршрута, царь Петр, тем не менее, просчитывал, «возможно ли тою дорогою без росчистки проехать конным с телегами и не будет ли где на переправах чрез реки и болота какие остановки за мостами»⁵⁴? На что бомбардир в июле 1702 г. доносил монарху: «...если дорога не вскоре надобна, можно сделать лучше Новгородской, а если для поспешания телеги в две». В этой же реляции «услужник» добавлял: «...а ныне я делаю мосты телеги в три и больше, а дорогу чистят сажен по 5 и по 6-ти»⁵⁵. Пять батальонов Преображенского и Семеновского полков в августе 1702 г. скрытно преодолели едва подготовленный для этой цели «сухов путь» к истоку Невы⁵⁶.

Недавно в фонде «Приказные дела новых лет» РГАДА были обнаружены и опубликованы важные для понимания петровской акции уникальные эпистолярные источники строителей «Осударевой дороги»⁵⁷. Речь идет о походных корреспонденциях М. Щепотева, И. Муханова, А. Головкина и М. Волкова, отправленных в июле 1702 г. с места работ в Архангельск на имя государя и Ф.А. Головина, которые существенно корректируют представления о топонимике и географии пути. Строители «Осударевой дороги» в донесениях из карельской тайги употребляют «тутошние» ориентиры и топонимы: «из-за Ветренных гор», «Из Сум», «Нюхоцкая пристань», «Салавецкаго монастыря

Именем царя к работам в Олонецком уезде летом 1702 г. одновременно было привлечено около 5000 мужиков, которые с лошадьми, подводами, телегами и инструментом прибывали к местам строительства трассы из Нюхчи, Сумского посада, Колежмы, Сороки, Кемь, Усть-Онежского погоста, Каргополя, Пудожа и Повенца⁵⁸.

Помимо «рабочих» крестьян, посадских «мирских людей» и выговских общинников⁵⁹, значительная роль в возведении дороги и ее обслуживании принадлежала монахам Соловецкого и Крестного Онежского (Кийостровского) монастырей⁶⁰.

Между тем, современный исследователь П.А. Кротов обнаружил и опубликовал текст «Челобитной крестьян Нюхоцкой волости...» в Соловецкую обитель от 15 сентября 1702 г. Документ подтверждает: «...тогда и их нюхоцких, лошадей в подводы и с людьми побрали ... а людей, что в волосте, всех, головами болши ста человек взяли»⁶¹.

Другой документ от 24 июля 1709 г. — «Сказка» крестьян Нюхоцкой волости, упоминаемая в XIX в.⁶², — также повествует о географии набора строителей для возведения пути. «...А в прошлые годы 702 и 703-й годы, к работе тое дороги и к мощению работные люди браны были с Каргопольского и с Олонецкого уездов, и с Лопских погостов, и с Соловецкой вотчины, и со всего Поморья. И мосты построены были крепкие»⁶³. Судя по всему, «бонбардирской роты салдат Михайло Щепотев»⁶⁴ умело оценил своеобразие крестьянских строительных навыков и творчески осмыслил местные приемы ориентации на некартированной местности. К тому же он охотно использовал ранее существующие участки дорог, в том числе кусок Усть-Онежского тракта и тропы нюхоцких солепромышленников, соловецких богомольцев и выгозерских пустынников.

Археологические исследования по НИП «Осударева дорога» (Петрозаводск)⁶⁵, созданному для комплексного изучения и картирования исторического памятника в районе м. Вардегорский, выявили участок Усть-Онежского тракта, представляющий «вымостку из стволов молодых хвойных деревьев диаметром 10–20 см, шириной 5,25 м, ориентированных поперек трассы в меридианальном направлении» (ил. 7). Обнаруженные стволы различной длины оказались перекрыты «моховой подушкой мощностью от 10 до 25 см» и сопрягались друг с другом, хотя не всегда составляли единую поверхность. В результате

Ил. 7. Фрагмент гати у м. Вардегорский. НИП «Осударева дорога». 1999 г. Фотография М.Ю. Данкова

исследований было обнаружено, что поверх поперечного мощения — «продольные лаги, которые служили элементом скрепа гати»⁶⁶, и деревянные колья, которые в качестве бордюра вбивались по ее периметру и походили на «мостовую» гать с офорта Гетериса из собрания П.Я. Дашкова⁶⁷. Не вызывает сомнения, что «бомбардирский сержант» М. Щепотев летом 1702 г. включил готовый участок поморской трассы, известный как минимум с середины XVI столетия, в проект «Осударевой дороги»⁶⁸.

Теперь о топографии и строительной стратегии. Мы считаем, что трасса возводилась силами нескольких автономных «бригад», двигающихся навстречу друг другу. От Вардегорского мыса в Онежском заливе Белого моря, где «служник Михайла Щепотев»⁶⁹ в 20 км к северо-западу от с. Нюхча Волостная возвел «корабельное пристанище», путь, минуя ручьи Ким и Кам, шел к «Аленкиной горе». Вскоре по Усть-Онежскому тракту трасса обходила «Большую Св. гору» и направлялась к береговой террасе р. Нюхча, где Гавручей впадает в реку. Далее по пожням дорога шла вверх по р. Нюхча к водопаду «Падун», «Собачьему ручью», «Государеву клочу», урочищу «Кунопочи», «Щепотевой

горе» и «Патрикеевой Сюръге». На этом участке армия по гатям проходила отроги Ветреного пояса и по мостовым переправам пересекала реки Илеменза (Воронья) и Илоза (Сума). Затем преодолевались низинные зоны с «мостовой настилкой» и переправы на «клетках» через реки Перьма, Кукша-Мокса и Нела. От Коросозера (легендарное «Колосьозеро») просека рубилась до с. Вожмосалма («Вожмосова») на берегу Выгозера. Расстояние северного плеча «Осударевой дороги» составило 96 «петровских» верст⁷⁰. Далее войска по «наплавному мосту», подготовленному французским армейским инженером Ламбер де Герэном⁷¹, форсировали залив оз. «Выгозеро-Боброво» и р. Южный Выг, где в урочище обустроили стационарный пункт отдыха для армии, названный «Петровский Ям». Затем царский экспедиционный корпус двигался в направлении оз. Телекино и Маткозеро, где преодолел Масельгский кряж. Вскоре, используя конструкции на «ряжах», гвардейцы пересекли «бедовые», но не полноводные реки Ладыг, Муром, Мянгорскую и Чарень. И наконец, двигаясь маршем по пожням вдоль Волозера, Узких и Долгих озер, батальоны лейб-гвардии перешли на левый берег р. Повенчанка и 28 августа 1702 г. вышли на береговую террасу Онежского озера к старообрядческой пристани Пигматка⁷². Расстояние от с. Вожмосалма на берегу Выгозера до «Повенецкого рядка», финальной точки «мостового» пути, составило около 80 верст.

Последующее продвижение армии к шведской цитадели Нотебург осуществлялось «водным ходом» на 85 купеческих парусниках, собранных стараниями М. Щепотева и И. Муханова из бассейнов Ладожского и Онежского озер⁷³. Речь идет о 20 карбасах и 65 соймах, которые в основном были оснащены «по-яхтному»⁷⁴. В этой связи лишь отметим одну интригу армейского похода 1702 г. Традиционно считается, что войска по «мостовой настилке» организовали волок двух крупных кораблей⁷⁵. Однако единичные летописные и отрывочные фольклорные сведения о волочении от моря к морю малых фрегатов «Сошествие Св. Духа» и «Скорый гонец», возведенных весной 1702 г. на верфи голштинца И.Э. Избранта, сейчас подвергаются сомнению⁷⁶.

Между тем, месторасположение «Осударевой дороги», возведенной в коридоре средневековых «соляных» путей, требует не только архивных, но и серьезных полевых изысканий. К сожалению, историческая трасса впоследствии почти не эксплуатировалась, и сегодня этот путь, как суммарный

ландшафтно-археологический объект, не определен. Рассуждая о судьбе армейского маршрута, укажем, что в августе 1703 г. по «Осударевой дороге» совершил марш и волок двух «галанских» буеров архангельский полк М.М. Бордовика⁷⁷. После виктории под Нотебургом А.Д. Меншиков, уже губернатор «новозавоеванного края», приписал в «ведомство Олонецких Алексеевских железных заводов» принадлежавшие Соловецкой обители Сумский и Кемский остроги, а также Нюхоцкую волость с поморскими усолями и слюдяными Керецкими промыслами⁷⁸. В 1714 г. светлейший князь, государем названный «гениальным мошенником»⁷⁹, оформил с архимандритом Фирсом договор на поставку в имперскую столицу морской соли⁸⁰. Одновременно маршрут являлся транзитной артерией по перевозке артиллерии⁸¹. К 1821 г. относится малоизвестная инициатива восстановления «Осударевой дороги»⁸², связанная с возможным проездом кортежа императора Александра I⁸³.

Однако, активное вмешательство в ландшафт и частичное уничтожение объекта петровского времени, находящегося в удаленной зоне, относится к 1859–1865 гг. По воле начальника Архангельской губернии князя С.П. Гагарина на территории Восточной Карелии приступили к реализации прямого дорожного сообщения с. Нюхча — г. Повенец⁸⁴. Фрагмент трассы от Нюхчи до Пулозеро — Хижозеро, исключая зону высоты 63,5, так называемой Щепотевой горы, попал под нивелировочные работы⁸⁵. Позже, в 1874–1879 гг., на деньги Олонецкой губернской земской управы, в коридоре маршрута царя возвели почтовый тракт Повенец — Сумский посад. Южный фрагмент от г. Повенец до с. Коросозеро с населенными пунктами Морская Масельга, Телекино, Петровский Ям и Вожмосалми совместился с легендарной «Осударевой дорогой».

И все-таки, наибольшие утраты объекта связаны со строительством в начале 1930-х гг. Беломорско-Балтийского канала им. И. Сталина. Южный участок трассы, более 120 км, от Повенца до Телекино, был затоплен. Ситуацию усугубили концентрированные рубки леса заключенными ГУЛАГа, затем рабочими Сумпосадского, Валдайского и Надвоицкого леспромхозов⁸⁶. Из сохранившихся участков петровской дороги наибольший интерес, помимо фрагментов Усть-Онежского тракта с поперечной вымосткой у м. Вардегорский, представляют объекты, обнаруженные в среднем течении р. Нюхча. Это инженерно-строительный комплекс на высоте 63,5 м, народом названный Щепотевой горой,

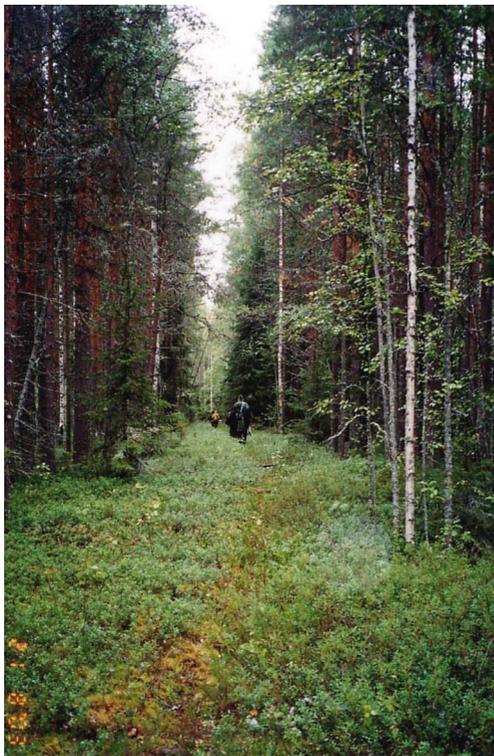

Ил. 8. Придорожный тур на Щепотевой горе (высота 63.5).
НИП «Осударева дорога». 1995 г. Фотография М.Ю. Данкова

Ил. 9. Фрагмент гати у с. Коросозеро. НИП «Осударева дорога». 1996 г.
Фотография А.М. Шелехова

в честь сержанта М. Щепотева. Участники НИП «Осударева дорога» на нижней горизонтали высоты выявили гать с продольной вымосткой и любопытную каменную конструкцию, названную «придорожным туром» (ил. 8). В ходе инструментального поиска в 10 км от высоты, на береговой террасе р. Нюхча был зафиксирован не менее интересный природный холм с «подрезкой», известный в фольклорной традиции как «Государев клоч». По преданию, царь в августе 1702 г. на нем обедал и отдыхал⁸⁷. В междуречье рек Сума и Нела, к северо-востоку от нежилого с. Коросозеро, под моховой подушкой, исследователи зафиксировали 7 фрагментов гати шириной до 5 м (ил. 9). Здесь же, на стволе неживой сосны возрастом 340 лет был обнаружен тесаный знак, напоминаю-

Ил. 10. Гать у с. Коросозеро. НИП «Осударева дорога». 1996 г. Фотография А.М. Шелехова

щий крест св. Андрея Первозванного⁸⁸. На правом берегу р. Южный Выг, напротив урочища Петровский Ям, участники экспедиции также зафиксировали просеку с подрезанным полотном, откапанными валунами и «придорожными турами» (ил. 10).

В завершение отметим, один из исконных «соляных» маршрутов новгородцев и карел, от беломорского побережья в Московию, на протяжении столетий культивируемый в землях «Лаппи», в начале XVIII в. приобрел общенациональную значимость. Армия Петра I, энергично преодолев стратегический путь,

«на аккорд» атаковала Нотебург, и «счастлием град той» был «взят и победа преславная даровася на шведов»⁸⁹. Стремительная войсковая акция привела к основанию весной 1703 г. в дельте Невы деревоземляной крепости и Адмиралтейства, которые переросли в имперский «Питербурх». Русский государь «перехватил» у шведского короля Карла XII инициативу действий в восточной Балтике, Карелии и Приневье. Перемещение оружейной базы к новой столице, возведение посадов, промышленных мануфактур и верфей, формирование устойчивых торговых путей в Европу стало реальностью после преодоления войсками пути от Белого моря.

¹ Данков М.Ю. «Осударева дорога» в контексте геополитики Нового времени // Приневье до Петербурга: Сб. науч. статей. СПб., 2006. С. 85–93; Его же. Балтийская идея России в начале XVIII столетия (О стратегическом проекте 1702 года) // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник: Материалы междунаrodn. научн. конф. (Великий Новгород, 4–7 октября 2005 г.). СПб., 2007. С. 301–306.

² Данков М.Ю. Тайный марш по «Осударевой дороге» 1702 года и современная дискуссия вокруг нее // Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Междунаrodn. Конгресса петровских городов. СПб. 9–11 июня 2010 г. СПб., 2011. С. 202–211.

³ Сакса А.И. Карелы в системе международной торговли в Восточной Прибалтике в Средние века // У истоков русской государственности. С. 335, 338.

⁴ Kalima J. Die ostseefinnischen lehnroorter im Russischen. Helsingfors, 1914. P. 147.

⁵ Рябцев Ю.С. Хрестоматия по истории русской культуры. Художественная жизнь и быт XI–XVII вв. М., 1998. С. 503.

⁶ Kirkinen H. Karjala idan ja lannen valissa I. Venajan Karjala renessanssiajalla (1478–1617). Helsinki, 1970. P. 34–35.

⁷ В реальности существовал и более известный — четвертый, так называемый Двинский, путь по р. Северная Двина на Холмогоры и далее к Вологде и Москве.

⁸ Kammar-archiv in the State Archive of Sweden. Jacob Teittis klagomalsregister emot adeln i Finland ar 1555–1556. Utg. См. также: Шаскольский И.П. Финляндский источник по географии Северной России и Финляндии середины XVII в. // История географических знаний и открытий на Севере Европы: Сб. статей / Отв. ред. И.П. Шаскольский. Л., 1973. С. 109–131.

⁹ Lukkarinen J. Eras muinainen kulkutie Laatokan ja Oulunsuun valilla // Suomen Museo 24. Helsinki, 1917. P. 1–7.

¹⁰ Сакса А.И. Указ. соч. С. 337.

¹¹ Шаскольский И.П. Указ. соч. С. 109–131.

¹² Карелия в XVII веке. Сб. док. / Сост. Р.Б. Мюллер, под ред. А.И. Андреева. Петрозаводск, 1948. С. 352–353.

¹³ Там же.

¹⁴ Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого и отражение их на русской карте середины XVII в. // Вопросы географии. Сб. М., 1950. С. 299–300.

¹⁵ Верюжский В.М. Афанасий Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви. С прил. СПб., 1908. С. 656–657; Дмитриев Л.А. Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского // Археографический ежегодник за 1958 год. М.: АН СССР, 1960. С. 337–338.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1195 (Крестный Онежский монастырь). Оп. 1. Д. 650. Л. 10 об. См. также: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011. С. 236.

¹⁷ Данков М.Ю. Об интерпретации одной карты XVIII столетия // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России. Материалы межрегиональн. научно-практич. конф. 20–21 марта 2003 г. Котлас, 2003. С. 55–59; Его же. О картографических представлениях района «Осударевой дороги» // Защитники Отечества: Материалы XI областных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2002. С. 96–97.

¹⁸ Иванов А.И. Петр Великий на Олонце в 1702 году // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год. СПб., С. 98.

¹⁹ Данков М.Ю. Об интерпретации одной карты XVIII столетия. С. 55–58.

²⁰ Данков М.Ю. «Осударева дорога» и Г.Р. Державин // Державинский сборник. Петрозаводск, 2004. С. 103–111.

²¹ Шаскольский И.П. Финляндский источник по географии Северной России... С. 109–131.

²² О походе шведов к Белому морю в 1590–1591 гг. / пер. А.А. Чумикова // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 3. М., 1894.

²³ РГАДА. Ф. 16 (Внутреннее управление). Оп. 1. Ед. хр. 275. Л. 1–2.

²⁴ Данков М.Ю. О месторасположении «Осударевой дороги» 1702 года в контексте современных полевых исследований // Двинская земля: Материалы межрегиональн. общественно-научн. историко-краеведч. Стефановских чтений. Котлас, 2002. С. 42–53.

²⁵ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 275. Л. 1–2.

²⁶ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 177; См. также: Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 41.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. (ПКОП). Л., 1930.

²⁹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 275. Л. 1–2.

³⁰ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925. С. 3–181.

³¹ Томас Соутэм и Джон Спарк 1556 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Отв. ред. Н.Л. Рубинштейн. Л., 1937. С. 81–88.

³² Гостев И.Г. Опыт графической реконструкции укреплений Сумского острога по письменным и графическим источникам // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2. Статьи и материалы III и IV междунаrodn. конф. «Памятники фортификации: история, реставрация, использование». Архангельск, 20–22 сентября 2012 г. Архангельск, 15–17 сентября 2016 г. Архангельск, 2016. С. 173.

³³ Платонов С.Ф. Прошлое русского севера. Петроград, 1923. С. 58.

- ³⁴ Филиппов А.М. Русские в Лапландии. Сообщение Симона-ван-Салингена // Литературный вестник Русского библиографического общества. Т. 1. Кн. 3. СПб., 1901. С. 300–301.
- ³⁵ РГБ ОР. Ф. 178 (Музейное собрание [русская часть]). Д. 4302. Л. 75 об.–77. Васильев Я.В. «Сокращенное историческое описание Соловецкого монастыря. О острове Соловецком с чертежами» // «Маршрут от Санкт-Петербурга до Петрозаводска и от Петрозаводска до города Кеми зимним и летним трактом, и от Соловецкого острова до Петрозаводска водным путем». 1790 г. Авторы выражают признательность В.А. Бурову за предоставленную информацию.
- ³⁶ Данков М.Ю. Архиепископ Афанасий — автор проекта «Осударевой дороги» // Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международного научной конф., посвященной 90-летию со дня учреждения Архангельского общества изучения Русского Севера (1908). Архангельск, 1999. С. 242–247.
- ³⁷ Верюжский В.М. Афанасий Холмогорский ... С. 65–66.
- ³⁸ Тревожные годы Архангельска. 1700–1721. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого // «Допросы крестьянина Сенки Зотикова о шведах 1701 г. января 21». Архангельск, 1993. С. 44–46.
- ³⁹ Данков М.Ю. Архиепископ Афанасий — автор проекта «Осударевой дороги». С. 246; Беспятовых Ю.Н. Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Ю.Н. Беспятовых. СПб., 1997. С. 46.
- ⁴⁰ Верюжский В.М. Афанасий Холмогорский ... С. 656.
- ⁴¹ Там же. С. 657.
- ⁴² Дмитриев Л.А. Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского. С. 339.
- ⁴³ Данков М.Ю. Карельский транспортный коридор к Белому морю в XV–XVIII вв. // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010. С. 453–463.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 1195 (Крестный Онежский монастырь). Оп. 1. Д. 650. Л. 7. Подлинник; См. также: Кротов П.А. Указ. соч. С. 234.
- ⁴⁵ Игнатий. Воспоминание о Высочайших пришествиях Великого Государа Петра Первого, коими осчастливлен край, составляющий ныне Олонецкую губернию. Петрозаводск, 1841. С. 7–10, 15; Данков М.Ю. Загадки «Осударевой дороги» // Север. № 7. С. 106; Кротов П.А. Указ. соч. С. 197.
- ⁴⁶ Данков М.Ю. Архиепископ Афанасий. С. 242–247.
- ⁴⁷ Максимов С.В. Год на Севере. Т. 1: Белое море. Гл. X. СПб., 1859. С. 599–600.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 70. Л. I, 1–9. Черновик. Здесь и далее сохраняется графологическое прочтение подлинника.
- ⁴⁹ РГАДА. Там же. Л. 22–23. См. также: Кротов П.А. Указ. соч. С. 222.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Д. 53. Л. 336–336 об. См. также: Кротов П.А. Указ. соч. С. 223.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 70. Л. I, 1–9. К наказу «для описи и проведывания ближайшего способного водяного и сухого пути от города к Олонцу и к Нову городу» от 8 июня 1702 г. прилагаются «Статьи для ведома и что чинить Преображенского полку порутчику Афонасью Головкину да Семеновского полку адъютанту Михайлу Волкову».
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Азанчевский М.П. История Преображенского полка. Прил. М., 1859. С. 38.

⁵⁶ Данков М.Ю. О некоторых аспектах строительства «Осударевой дороги» 1702 г. // Изучение памятников морской археологии. Вып. 3. Археологические изыскания № 58. СПб., 1998. С. 201–209; Кротов П.А. Осударева дорога 1702 г. // Русский Север и Западная Европа: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Ю.Н. Беспятых. СПб., 1999. С. 178–220.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109. Л. 2–8, 12–23. См. Кротов П.А. Осударева дорога 1702 г...1999. С. 178–220, Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга... С. 211–223; Данков М.Ю. Донесения строителей «Осударевой дороги» 1702 года // Двинская земля: Материалы пятых межрегиональных общественно-научн. историко-краеведч. Стефановских чтений. Вып. 5. Котлас, 2007. С. 8–21; Данков М.Ю. Таинственный архив мегапроекта XVIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // «Петровское время в лицах – 2007». Труды Государственного Эрмитажа. XXXVIII. Материалы научн. конф. СПб., 2007. С. 76–89; Данков М.Ю. Таинственный архив мегапроекта XIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // «Петровское время в лицах – 2008». Труды Государственного Эрмитажа. XLIII. Материалы научн. конф. СПб., 2008. С. 83–87; Данков М.Ю. Письма с Осударевой дороги // Чело. № 1. 2008. С. 26–35.

⁵⁸ Пушкирев И.И. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Т. 1. Тетр. 2. Архангельская губерния. СПб., 1845. С. 16.

⁵⁹ Неволин К.А. О пятинах и погостах Новгородских в XVIII веке // Записки РГО. Кн. VIII. СПб., 1853. С. 167; РГАДА. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109. Л. 11–11 об. Письмо воеводы Олонецкого уезда И.Я. Яковлева дьяку Посольского приказа М.И. Родостамову от 9 июля 1702 г. сообщает, что люди Выгозерского погоста «на работе у мостового дела».

См. также: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. С. 214–215.

⁶⁰ Кротов П.А. Царская дорога 1702 г.: Исторический опыт взаимодействия центра и регионов // Центр и регионы в истории России. Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия. СПб., 2010. С. 222–251.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 1704. Л. 43–43 об. См. Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. С. 227–229; Его же. Новые материалы об Осударевой дороге 1702 г. (Пролог основания Санкт-Петербурга) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Сб. статей // Материалы 8-й ежегодн. Международн. научн. конф. СПб., 2007. С. 298.

⁶² Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 154.

⁶³ РГАДА. Ф. 160 (Письма и прошения разных лиц на высшее имя и к высоким особам на русском языке). Оп. 1. 1709 г. Д. 10. Л. 21–22. Подлинник; См.: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. С. 260.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 650. Л. 30. Подлинник; См. также: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. С. 246.

⁶⁵ Данков М.Ю. «Некое ухищрение». Исследовательский проект «Осударева дорога» // Защитники Отечества. Материалы XXIII региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Вып. 11. Архангельск, 2008.

С. 485–493; Его же. Историко-краеведческий проект «Осударева дорога» // Первые Всероссийские краеведческие чтения. История и перспективы развития краеведения и москovedения. М., 2009. С. 306–310.

⁶⁶ Сорокин П.Е. Отчет о проведении археологических исследований в районе мыса Вардыгора на Белом море в 1999 году // РА ИИМК РАН (Рукописный Архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук). Ф. 35. Оп. 1. Д. 47. 1999. Л. 1–21; Сорокин П.Е. Отчет о проведении археологических исследований в районе мыса Вардыгора на Белом море в 1999 году // Вестник Национального музея Республики Карелия. Вып. 7. Петрозаводск, 2016. С. 261–267; Данков М.Ю. О месторасположении «Осударевой дороги». С. 47.

⁶⁷ Данков М.Ю. Таинственная символика похода Петра I в 1702 г. // История в подробностях. № 3. Сентябрь. 2010. С. 34–40; Его же. Об интерпретации артефактов «Осударевой дороги» 1702 г. // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематич. научн. конф. СПб., 2008. С. 274.

⁶⁸ Данков М.Ю. Материалы к биографии: М.И. Щепотев — сержант бомбардирской роты Преображенского полка // Защитники Отечества: Материалы XVII региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2005. С. 15-33.

⁶⁹ РГАДА. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109. Л. 6–6 об. См. также: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. С. 214.

⁷⁰ В петровское время 1 верста составляла 700 сажен. См.: [Игнатий]. Указ. соч. С. 7–10, 15. «Но он пред лицом Помазанника Господня некоснительно уготовлялся... на 160-ти семисотна тогдашних верстах».

⁷¹ Данков М.Ю. Судьба фортификатора Ламбера де Герэна // Архиепископ Афанасий и религиозно-культурное пространство Нижнего Подвинья (конец XVII–XX вв.). Материалы III Афанасьевских чтений (с. Холмогоры, 9 сентября 2006 г.) / Под общ. ред. Л.Д. Поповой. Архангельск, 2008. С. 121–135; Его же. «Первоклассный офицер, дуэлянт, придворный шут, дезертир» в России // «История в подробностях». № 7 (13). 2012. С. 30–37; Его же. «Шер ами» на карельской земле // Север. № 1+2. 2017. С. 75–80.

⁷² Данков М.Ю. Трасса «Осударева дорога» // Петровские памятники России. Свод исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени. Ч. 1. СПб., 2010. С. 294–296; См. также: ОГВ. Об устройстве между Белым морем и Онежским озером усовершенствованного пути. Гл. 7. Данные для устройства сухопутной дороги между Повенцом и Сумским посадом. № 10. 1875. С. 107.

⁷³ Данков М. Ю. Сержант бомбардирской роты Преображенского полка // Чело. № 2. 2005. С. 44; Его же. Материалы к биографии... С. 20.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 44; Его же. Л. 395. См. также: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 г...1999. С. 206.

⁷⁵ Там же. С. 178–220; Кротов П.А. Новые материалы об Осударевой дороге 1702 г...2007. С. 288–303; Его же. Царская дорога... С. 222–251; Его же. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга... 2011. С. 309.

⁷⁶ Данков М.Ю. Тайный марш по «Осударевой дороге» 1702 года и современная дискуссия... 2011. С. 202–211; Его же. Архангельские фрегаты 1702 г. // Выборг и морская археология. Вып. 2: Археологические изыскания. Вып. 45. СПб., 1997. С. 80; Его же. О картографических представлениях... С. 95–107; Его же. Трасса

«Осударева дорога»... 2010. С. 294–296; Его же. О транспортных путях к Белому морю по землям Карелии в XV–XVIII вв. // Двинская земля. Материалы вторых межрегиональн. общественно-научн. историко-краеведч. Стефановских чтений. Котлас, 2003. С. 16–29; Его же. Мифы и реальность волока фрегатов по «Осударевой дороге» 1702 года // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. Материалы I Международн. научно-практич. конф. 27–30 октября 2010 г. СПб., 2010. С. 151–153.

⁷⁷ Данков М.Ю. Об организации по «Осударевой дороге» таинственного волока «буйар» полковником М. Бордовиком в 1703 году // Изучение памятников морской археологии. Вып. 5. СПб., 2004. С. 121–132; Его же. Матвей Бордовик и поход по «Осударевой дороге» в 1703 году // Знаменитые люди Севера: от М.В. Ломоносова до наших дней. Материалы Международн. научн. конф., посвященной 295-летию со дня рождения великого российского ученого Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765). Архангельск, 2006. С. 57–59.

⁷⁸ Андреева Е.А. Первый губернатор и строитель Петербурга // Александр Данилович Меншиков — первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга. Каталог выставки. СПб., 2003. С. 11; [Досифей]. Географическое, историческое и статистическое описание Ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. С. 181.

⁷⁹ Валишевский К. Петр Великий. Воронеж, 1993. С. 106.

⁸⁰ [Досифей]. Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. М., 1833. С. 103–104. См. также: Данков М.Ю. «Осударева дорога» и архимандрит Фирс // Защитники Отечества. Материалы XV региональн. общественно-научн. чтений по военно-историч. тематике. Архангельск, 2004. С. 63–78; Его же. Карт-бланш царя на Карельский поход 1702 года // «Петровское время в лицах–2005». Материалы научн. конф. СПб., 2005. С. 112–121.

⁸¹ Петр Великий на Севере. Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / Под ред. Ф.Ф. Шидловского. Архангельск, 1909. С. 133–134; [Досифей]. Летописец Соловецкий на четыре столетия... С. 103–104.

⁸² Мегорский В.П. Осударева дорога // Военный сборник. № 8. 1903. С. 237.

⁸³ Данков М.Ю. Олонецкие секреты человека «у принятия челобитень» (О малоизвестном проекте графа А.А. Безбородко) // Державинский сборник. 2010. Петрозаводск, 2010. С. 36–44.

⁸⁴ Беседы о Севере России // III Отделение Императорского Вольного Экономического общества. СПб., 1867. С. 248.

⁸⁵ Данков М.Ю. О предполагаемом фрагменте Петровского волока // Историко-географические исследования и краеведческая работа в вузе и школе. Программа и тезисы научн. конф. Петрозаводск, 1996. С. 23–25.

⁸⁶ Данков М.Ю. Об интерпретации артефактов... С. 274.

⁸⁷ Криничная Н.А. Предание Русского Севера. СПб., 1991. С. 195, 203, 209.

⁸⁸ Там же. С. 277.

⁸⁹ ОРК НБРК (Отдел редкой книги Национальной библиотеки Республики Карелия). «Соловецкий летописец» — рукописный список. 45614р. Л. 28 об. См. также: <http://library.karelia.ru/rus/infres/rucopis/solovruk.php>; Кутькова Е.Н. Комментарии к переводу «Соловецкого Летописца».

А.М. Егоров, И.А. Егоров (Псков)

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ СТЕФАНА БАТОРИЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

РАСПАД В УСЛОВИЯХ раннего Нового времени архаичной Ливонской конфедерации, совпавший с процессом усиления соседних централизованных государств, к середине XVI в. создал на территории Восточной Прибалтики своеобразный геополитический вакуум, втянувший соседние Россию, Литву, Польшу и Швецию в активную борьбу за контроль над ней¹.

Особое значение эта борьба приобрела на завершающем этапе Ливонской войны, имевшем важные последствия для дальнейшего развития русского централизованного государства, когда основным его противником стал новый король Речи Посполитой Стефан Баторий (1575–1586)².

В качестве короля и верховного главнокомандующего, Баторий начал проводить значительные организационные и тактические реформы, обратив внимание на укрепление неаристократической пехоты (так называемая избранная пехота), в которую требовал отправлять и обеспечивать оружием каждого десятого из крестьян, проживавших на королевских землях. Выбранный воин освобождался особым свидетельством от феодальных повинностей и других платежей, за что раз в год обязан был по вызову являться в определенное время на военные сборы для обучения.

В части тактических изменений за образец вполне мог быть взят достаточно передовой для XVI в. опыт русской стрелецкой пехоты. Стрельцы представляли воинское подразделение современного для того времени типа, так как почти полностью зависели от огневой силы и в источниках практически не зафиксировано ни одной попытки вооружить их пиками, еще широко распространенными в западноевропейских армиях. Согласно

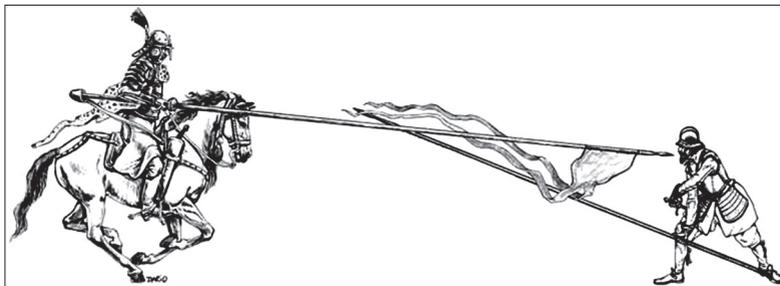

Ил. 1. Стрелецкий бой

сведениям польско-литовских очевидцев Ливонской войны, стрельцы и другие подразделения русской пехоты постоянно демонстрировали способность к упорному сопротивлению, особенно во время осад.

Основное внимание при создании «избранной» пехоты Стефана Батория, как и у стрельцов Ивана IV Грозного, уделялось огневой силе. Соответственно было уменьшено число подразделений, вооруженных холодным оружием (пиками, алебардами и боевыми топориками). В связи с тем, что реализовать проект создания постоянной армии путем набора солдат в королевских имениях полностью не удалось, нехватку пехотных контингентов Стефан Баторий старался компенсировать вербовкой немецких и других западноевропейских наемников.

Хотя реформирование пехоты, проводившееся польским королем, было важным мероприятием его военной политики, но все же по вышеуказанной причине основное различие в развитии армий России и Речи Посполитой в данный период было связано в большей степени с конницей. К июню 1579 г. задокументированная численность армии Речи Посполитой достигла 56 000 человек, из которых 25 500 были из Польши и 30 500 — из Литвы. При этом 29 741 человек служили в коннице и 11 973 бойца числились в пехоте. Таким образом, подавляющее большинство регулярной армии Батория состояло из подразделений гусаров (до 75 % от всей кавалерии), которые дополнялись казачьей конницей, литовскими татарами, венгерскими и немецкими всадниками, а также легкой конницей шляхетского ополчения.

Ил. 2. Схема атаки летучего гусара

Как показал опыт предшествующих кампаний Ливонской войны, тяжелая кавалерия западного типа³ была слишком медленной и неповоротливой по сравнению с маневренной легкой татарской конницей и дворянским конным ополчением, находившимся в распоряжении царя Ивана IV. Поэтому главную ставку в развитии своей конницы король сделал на гусар (так называемая гусария, или крылатые гусары), которые представляли собой, по сути, среднюю кавалерию. Он отказался от неповоротливых воинов в тяжелых латах, которые еще во времена Сигизмунда II Августа (великий князь литовский с 1529 г., король польский с 1530 по 1572 гг.) составляли одну треть от роты гусар.

Гусарские подразделения отличала способностью осуществлять быстрые маневры. При этом, будучи более тяжелоэкипированными и вооруженными легкими, но необычайно длинными пиками (до 6 м), они были способны на серьезные концентрированные удары в галопе по сравнению с традиционной легкой конницей. С 1576 г. в качестве вспомогательного средства летучие гусары начали снабжаться короткоствольным и длинноствольным огнестрельным оружием.

Стефан Баторий довел развитие реформированных гусарских подразделений в металлических доспехах до логического конца, сделав их ядром своей ударной полутяжелой конницы. Можно утверждать, что относительного преимущества в период своих походов против русских войск в 1579–1581 гг. король пытался достичь, прежде всего, с помощью этой конницы. В других родах войск особыми преимуществами польско-литовская армия не обладала. Русская артиллерия во время всех трех походов Батория оставалась явно сильнее, чем его собственная. Развитие пехоты противоборствующих сторон происходило в одном направлении,

с определенным опережением по численности у русской армии. К 1600 г. в русской армии насчитывалось 20 000–25 000 стрельцов, из которых 2800 служили в двадцати восьми элитных ротах, располагавшихся в Москве.

Поместная русская конница оказалась меньше затронута военными преобразованиями царя Ивана IV, хотя после 1550 г. ее вооружение и обмундирование немного улучшились. Тем не менее, по своему содержанию она по-прежнему тяготела к татарскому типу легкой конницы, которая была вооружена луками, маленькими копьями и саблями. Отличительной чертой ее тактики являлись в основном быстрые налеты и неожиданные нападения, а не крупные сражения. Единственный крупный бой в ходе торопецкой операции показал неспособность помест-

Ил. 3. Гусар. Художник Ю. Брандт, 1890 г.

ной конницы противостоять более дисциплинированным и тяжеловооруженным гусарам Стефана Батория в случае прямого боестолкновения на открытой местности.

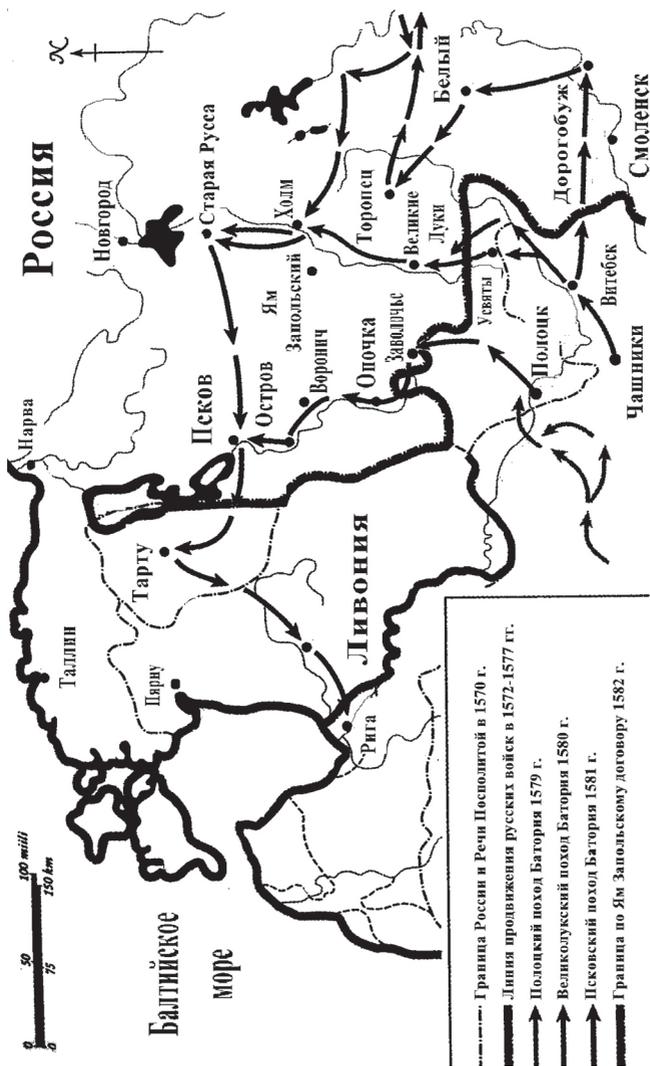
В 1579–1580 гг. русская конница предпринимала многочисленные вылазки в Литву, но кроме локальных налетов и погромов местного значения существенных результатов не достигла и ретировалась при приближении крупных сил неприятеля. Когда после падения Великих Лук русские войска готовились контратаковать Батория от Торопца силами в 4000 человек (включая одно подразделение стрельцов), он послал навстречу последним 2000 своих гусар и венгерских конников. И 20 сентября 1580 г. те, несмотря на встречный огонь стрельцов, вынудили русские силы отступить.

Ил. 4. Поход москвитян. XVI век. Художник С.В. Иванов, 1903 г.

В период Ливонской войны на боевые действия мало влияла и смена сезонов года. Хотя отдельные иностранные наблюдатели иногда пребывали в полной растерянности, не понимая, как в такой обстановке вообще можно вести войну. Например, изумленный посол Турции, оказавшийся в польском лагере под Псковом осенью-зимой 1581 г., советовал султану ни в коем случае не выводить свои войска и не испытывать их морозом. Но в период Ливонской войны такие операции для противоборствующих сторон были уже обычным делом.

Кавалерия при этом была незаменима для охраны и снабжения армии продовольствием. Осенью 1581 г. коронный гетман Ян Замойский приказал каждой гусарской роте направить на эти цели пятую часть своего состава и создать для поиска провианта группы из 120 конников. Несмотря на серьезные трудности, им регулярно удавалось снабжать провизией армию Стефана Батория, стоявшую в течение пяти месяцев под Псковом. Если бы эту осаду вела только пехота, то его люди просто бы умерли от голода. В сентябре 1581 г. в своих рейдах за фуражом польская конница проходила 40–70 км в одном направлении, подобные вылазки длились 4–6 дней. К октябрю дальность таких экспедиций достигала уже 210–280 км. В январе некоторые конные польские подразделения удалялись от стен Пскова на расстояние в 350 км и отсутствовали в лагере почти месяц. Их маршруты доходили до Пярну на западе, Нарвы и Копорья — на севере, Новгорода — на северо-востоке, Тороща и Полоцка — на юге.

Ил. 5. Походы Стефана Батория 1579—1582 гг.

Однако даже хорошо организованная конница не могла в одиночку выиграть войну, что ярко продемонстрировала героическая оборона Пскова в 1581–1582 гг. Псковский гарнизон включал по разным оценкам от 2500 до 7000 стрельцов и около 2000 конников, к которым присоединилось ополчение примерно в 10 000 человек из числа местного мужского населения. Крепостная артиллерия псковичей в ходе всей осады города постоянно беспокоила врага регулярными обстрелами, против которых гусары Стефана Батория были бессильны. Один из участников польской осады Пскова в 1581 г. так комментировал это обстоятельство: «Наши наездники подъезжали под самые стены крепости, выманивая русских, но те не хотели выходить из-под выстрелов. Стояло их у самой стены несколько сот конных и пеших; когда их теснили, они отступали к стенам и старались отстреливаться из ручниц и самопалов; а когда наши отступали, они гнались за ними, но всегда так, что оставались под защитой крепостных орудий. Пушки у них отличные и в достаточном количестве; стреляют ядрами в сорок полновесных фунтов, величиной с голову: достанется нашим батареям и насыпям»⁴.

Польскому королю удалось привести под стены Пскова не более 20 единиц тяжелых артиллерийских орудий. Пехоты у Батория также было мало, и значительная ее часть состояла из наемных иностранных наемников. Поэтому его коннице частично пришлось спешиться и спуститься в окопы и осадные траншеи для участия в штурмах крепости вместе с пехотой. Когда в декабре 1581 г. большая часть немецких наемников-пехотинцев отошла от стен Пскова, от каждой конной роты численностью 150 человек в пехоту было отправлено по семь конников, а от конных рот численностью 100 человек на службу в качестве пехотинцев перевели по пять человек. В таких условиях королю оставалось довольствоваться только блокадой⁵, которая хотя и не привела к падению города-крепости, но все же вынудила московское правительство пойти на заключение в январе 1582 г. достаточно сурового Ям-Запольского перемирия с Речью Посполитой, с условием отказа от всех русских завоеваний в Ливонии.

Тем не менее, героическая оборона Пскова сорвала более широкие завоевательные планы польского короля. Эти события хорошо известны, давно получили должную оценку как в отечественной, так и в зарубежной историографии, и не требуют дополнительных комментариев в рамках данной скромной статьи. Достаточно вспомнить замечание Н.М. Карамзина, считавшего, что своей

Ил. 6. Стрельцы. Художник С.В. Иванов, 1907 г.

героической обороной Псков «спас Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится в нашей истории, доколе мы не утратим любви к отечеству и своего имени»⁶.

Таким образом, можно вполне объективно констатировать, что результаты военной реформы Стефана Батория, ориентированной на подготовку к наступательной войне против России с использованием мобильных, хорошо вооруженных и дисциплинированных конных формирований, были в значительной степени нейтрализованы отечественной стратегией обороны, опиравшейся на широкое использование огневой силы пехоты и артиллерии.

¹ См.: Пенской В.В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. М.: Центрполиграф, 2017. С. 11–12.

² Егоров А. «Господи, какой большой город! Точно Париж!» Военно-политическая миссия Пскова в XVI–XVII веках // Российский исторический журнал «Родина». 2012. № 2. С. 51.

³ Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1990. P. 149.

⁴ Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.). Псков, 2005. С. 322.

⁵ См.: Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2.) М.: Языки русской культуры, 2000. С. 263.

⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX–XII. Калуга, 1993. С. 142.

Н.В. Ермакова (Москва)

ТРОФЕЙНЫЕ ЗНАМЕНА ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЫ 1804–1813 ГОДОВ

В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ музее (ГИМ) хранится персидское знамя¹, находившееся до начала XX в. в Казанском соборе Санкт-Петербурга вместе с трофейными знаменами Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Изучение материалов архивов и публикаций позволило обнаружить сведения о событиях, связанных с его историей.

В документах, отложившихся в Научно-ведомственном архиве (НВА) ГИМ, есть описание знамени: «Размер: 110 x 60 см. История памятника: из В.И.М.² (из Казанского собора) <...> Ткани сохранилось очень мало, цвет ее светло-коричневый. Форма знамени: полотнище с утраченными углами. Остатки ткани наклеены на тюль. В верхнем углу вышит пряжен. серебром и золоч. серебром треугольник, верхние стороны которого имеют форму арки , в которой расположены арабские письмены <...> Навершие железное, в виде западноевропейской алебарды XVII в.»³

В 1909 г. генерал-майором А.И. Геккелем были опубликованы рисунки знамен, хранившихся в Казанском соборе. Подпись под рисунком знамени с атрибутами, близкими реставрировавшемуся экспонату, следующая: «Персидское знамя с надписями взято в 1812 г. при военных действиях в Закавказье. Полотно выцвело и порвано»⁴. Кроме того, в издании указана длина его навершия — 65 см. В предисловии к труду А.И. Геккеля говорится, что первоначально в соборе находилось «8 персидских знамен, присланных генерал-лейтенантом Ртищевым, взятых при штурме Ленкорани и в сражениях тому предшествовавших.

Ныне их осталось пять, а три переданы в Тифлисский военный музей»⁵. А.И. Теккель опубликовал и другие трофейные знамена Персидской войны 1804–1813 гг., однако на их полотнищах «изображен масляной краской золотой лев»⁶.

Сведения об истории взятия персидских трофейных знамен, помещенных в Казанский собор, выявлены в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), где отложились документы Трофейной комиссии, образованной в 1911 г. при Военно-походной канцелярии его императорского величества. В «Перечне русских и трофейных знамен, учтенных Трофейной комиссией», отмечено: «229/ <...> ПЯТЬ знамен | 11 пушек взял КОТЛЯРЕВСКИЙ Петр Степанович генер. лейт. с отрядом при взятии кр. Асландузи 20 октября 1812 г. Нагр. орд. Св. Георгия 3 степени»⁷ и «351/ ДВА знамени | 8 орудий и 1 булава | взял КОТЛЯРЕВСКИЙ генерал-лейтенант с отрядом при взятии кр. Ленкорани 31 декабря 1812 г. Там же упомянут 17 Егерский п.»⁸

Трофейная комиссия подробно описала персидские знамена, взятые Котляревским. Формуляры знамен практически полностью повторяют друг друга, поэтому приведем только один из них:

«К № 106. Негатив № 2150.

Формуляр: Знамени.

Какого государства: Персии.

Какой части: —

Место хранения: Казанский собор.

- 1) Навершие: железное, кованое, с длинным четырехгранным острием. В основании острия алебарда с вырезанными сквозными рисунками. Насажено на древко, усиленное согнутой железной полосой, раздвоенной железной вилкой, и скреплено 4 железными гвоздями с каждой стороны.
- 2) Древко: длина — 225 см. Толщина — 3 см. Разрез — круглый. Окраска — . Материал — сосна.
- 3) Скоба: нет.
- 4) Подток: медный, длинный, слегка конический, насажен без прикрепления гвоздями.

5) Полотнище: было четырехугольное. В настоящее время сохранился верхний угол, ближайший к древку. Знамя одиночное. Размеры: ширина (вышина) — 102 см, длина — 90 см. Материал — шелковая материя, очень плотная. Цвет — желтый, теперь грязно-желтый. Изображения и надписи: в сохранившемся правом углу рисунок с надписью на персидском языке с одной и другой стороны. С одной вышит непосредственно серебряными нитками на полотнище, с другой вышит на пришитой к полотнищу шелковой материи. Способ прикрепления к древку: при реставрации остатки материи наклеены на коленкор; коленкор прибит рядом из 8 железных гвоздей с пирамидальными шляпками.

6) Знаки отличия и украшения: нет»⁹.

К описанию знамени приложен чертеж наверхия с указанием длины (643 мм).

Идентичность атрибутов знамени, хранящегося в ГИМ, и знамен, описанных в РГВИА, а также персидского знамени, опубликованного А.И. Геккелем, позволяет утверждать, что знамя инв. № 11487(106) является трофеем, взятым во время Русско-персидской войны 1804–1813 гг.

Изучение архивных опубликованных и неопубликованных документов позволило раскрыть историко-культурное значение знаменного экспоната.

В 1810–1811 гг. Наполеон, подчинив себе значительную часть Европы, создал непосредственную угрозу России, а на сделанные Александром I протестующие представления ответил: «Я заставлю Россию раскаиваться, и тогда, быть может, ей придется потерять не только польские области, но и Крым»¹⁰. Уверенность Наполеона основывалась на его предположениях о том, что Россия не найдет поддержки ни в Австрии, потерявшей из-за России триста тысяч душ в Галиции, ни в Пруссии, у которой Александр «отнял» Белостокский округ, ни в Швеции, утратившей в 1809 г. Финляндию. «Такие обиды не забываются, — заявил Наполеон русскому послу Куракину 15 августа 1811 г. — Весь континент будет против вас!»¹¹ Положение России усугублялось тем, что она вела военные действия против Турции и Персии на своих южных границах. Однако русская

дипломатия провела перед началом войны 1812 г. успешные переговоры.

«Не оправдал надежд Парижа» бывший маршал Франции Ж. Бернадот (с 1810 г. шведский наследный принц), недовольный «бесцеремонным вмешательством Наполеона в политику Швеции, которое ставило под угрозу его будущее в этой стране»¹². Занятие в январе 1812 г. французскими войсками шведской Померании и острова Рюген «Стокгольм трактовал как фактическое начало военных действий против Швеции»¹³. Переговоры России и Швеции закончились подписанием 24 марта (5 апреля) договора, который позволил обеспечить северный фланг действующей русской армии¹⁴.

16 мая был подписан Бухарестский мирный трактат, завершивший русско-турецкую войну, продолжавшуюся с 1806 г.

Значительную роль в военной кампании 1812 г. сыграли отношения России и Австрии. Венский кабинет «за спиной Бонапарта пошел на заключение тайного соглашения с Россией»¹⁵, которое, сузив фронт наступления Великой армии и ограничив территорию военных действий, позволило освободить 3-ю Западную армию от защиты границы в Дунайских княжествах¹⁶.

После вторжения Великой армии в пределы Российской империи, 6 (18) июля 1812 г. русскому правительству удалось подписать мирный договор с Англией, который устанавливал, что «если бы, вопреки теперешнему замирению и восстановлению доброго согласия между обоими государствами, какая держава вела войну или против Его Императорского Величества, или против Его Величества Великобританского: то оба договаривающиеся Государя, для сохранения и безопасности обоюдных их государств, обязываются защищать один другого»¹⁷.

И все же Россия, вступившая в войну с Наполеоном, не могла сосредоточить все свои силы только на западном направлении, поскольку продолжалась русско-персидская война и переговоры о мире с Персией затягивались.

В тяжелый для России момент Тегеран рассчитывал использовать в своих интересах не только войну на западе России, но и начавшееся в Кахетии восстание, вызванное последствиями эпидемии чумы 1810 г. и голодом из-за неурожая 1811 г., «от которого только в Имеретии вымерло около 12 тыс. семейств (32 750 человек)»¹⁸. Голодали и русские войска. По мнению главнокомандующего в Грузии маркиза Пауллуччи, войска во вверенных ему

провинциях помогло спасти только «благорасположение» к нему ханов, и в особенности ширванского Мустафы-хана, доставившего необходимое количество зерна, что спасло русские войска, которые «должны б были погибнуть здесь с голоду»¹⁹. Властям, столкнувшимся с вспыхнувшими в конце января 1812 г. беспорядками, для подавления восстания в Кахетии «пришлось отозвать часть сил из Карабаха»²⁰. Этим воспользовался тегеранский двор, заявив «свои притязания на все мусульманские провинции» Закавказья²¹.

Таким образом, в 1812 г., помимо боевых действий в западных областях Российской империи, существовал и «второй фронт» — Закавказский.

В апреле 1812 г. маркиза Паулуччи сменил в Грузии генерал-лейтенант Ртищев. Управляющий военным министерством князь Горчаков, пересылая новому главнокомандующему на Кавказе бумаги, подготовленные маркизом Паулуччи, писал: «... на счет заключения мира с Персией, в долге себя нахожу присовокупить, что ваше превосходительство главнейше обязаны устремить все внимание к достижению столь важной цели»²².

Н.Ф. Ртищев мог выставить против персиян только три небольших отряда, «первый со стороны Эривани под начальством генерал-майора Лисаневича, второй под начальством генерал-майора барона Клодта фон-Юргенсбурга для хранения Елисаветпольской дистанции, а третий в Карабахе под командованием Котляревского»²³.

Переговоры с Персией о мире, по мнению генерала Ртищева, были «только хитростью, дабы выиграть время», поскольку в августе 1812 г. к пограничному Араксу стали приближаться войска Аббас-Мирзы, в составе которых было 13 тыс. регулярной пехоты «с английскою артиллериею» и большим числом конницы, к которой могли присоединиться еще 8 тыс.²⁴

9 августа персидские войска в составе нескольких тысяч под командой Эмир-Хана, «при котором состояли английские инструкторы с майором Гаррисом во главе, подошли к Ленкорани» (главному городу Талышинского ханства) и быстро овладели ею. Защитники города (четыре сотни человек под начальством майора Повалишина) укрылись на косе Гамушеван, находившейся под прикрытием русских военных судов. Персияне под руководством англичан начали осаду этого укрепления²⁵. Взятие неприятелем Ленкорани и поддержка Персией «беглого грузинского

царевича Александра», возмущавшего Кахетию, заставили генерала Ртищева прервать мирные переговоры²⁶.

4 сентября Н.Ф. Ртищев сообщил английскому послу в Персии о том, что «при нападении персидских войск на Ленкорань английские офицеры начальствовали регулярно персидскою пехотою», и просил разъяснить, не имеет ли представитель английского двора каких-нибудь «предписаний поддерживать оружием участие Англии в пользах Персидского правительства против России»²⁷.

Напряжение на границе с Персией возросло к концу сентября 1812 г. Донося об этом канцлеру Румянцеву, генерал Ртищев сообщает, что персиянам известно о тяжелой войне между Российской империей и Францией, поэтому они утверждают «в той мысли, что им предстоит теперь самый удобный случай приобрести мир с Россией не иначе, как настояв в возвращении себе завоеванных нами у Персии владений», доказательством тому был ввод персидских войск в Тальшинское ханство²⁸, находившееся «в покровительстве России еще со времен императрицы Екатерины Великой» и почитавшееся «важным для нас пунктом, особенно же для нашей Каспийской флотилии»²⁹. Ведя переговоры о мире, персияне требовали, чтобы Россия уступила Дербенскую, Кубинскую и Бакинскую провинции, Карабахское, Ширванское и Шекинское ханства, а также Елисаветпольскую и Шурагельскую области³⁰.

Противостоять армии Наполеона, не заключая невыгодного мирного договора с Персией и не отвлекая дополнительные силы от главного театра военных действий, позволили успешные операции в Закавказье отряда под командованием генерала П.С. Котляревского.

Несколько слов о личности Петра Степановича Котляревского (1782–1851), военная карьера которого с самого начала проходила на Кавказе в 17-м егерском полку под командованием таких военачальников, как И.П. Лазарев и П.М. Карягин. В 1810 г. он стал шефом Грузинского гренадерского полка. В 1811 г. за взятие крепости Ахалкалаки П.С. Котляревский получил чин генерал-майора³¹. В марте 1812 г. на Араксе он разбил персидские войска, вторгшиеся «в Карабахское владение», и взял Кыч-Калу, за что был награжден орденом св. Анны 1-го класса³².

Действиями П.С. Котляревского в конце 1811 – начале 1812 гг. руководил маркиз Паулуччи, считавший, что для скорейшего заключения мира с Персией необходимо «переправиться

с войсками через Аракс и действовать военной рукою в самых персидских владениях, дабы принудить неприятеля поспешать к защите собственных своих земель»³³, однако генерал-лейтенант Ртищев, сменивший маркиза Паулуччи, предписывал П.С. Котляревскому действовать только на территории, принадлежавшей Российской империи, и «не переходить Аракс»³⁴. Возможно, указания нового главнокомандующего были связаны с опасением нарушить мир с Англией, которая, согласно англо-персидскому договору, была обязана при вторжении в Персию какой-либо европейской державы «предоставить шаху свои вооруженные силы или вместо них субсидию и оружие»³⁵.

Несмотря на предписание главнокомандующего, действия отряда Котляревского, предпринятые осенью 1812 г., напрямую были связаны с планом, предложенным маркизом Паулуччи, поэтому «донесение о выступлении войск за Аракс [было] отправлено к главнокомандующему» с курьером, «которому было приказано не торопиться»³⁶.

Среди множества свидетельств о действиях, предпринятых П.С. Котляревским в Закавказье, особый интерес представляет его письмо редактору «Русского инвалида». Оно было написано после публикации книги П.П. Зубова «Подвиги русских воинов в странах Кавказских», в которой Петр Степанович обнаружил «ошибки, неясности и даже выдумки», возможно сделанные «с добрым намерением», поэтому, «уважая мнение соотечественников и дорожа честью», он считал долгом сделать некоторые пояснения, отметив, что при описании Асландузского сражения (19–20 октября) «в числе взятых трофеев пропущено пять знамен; но прежде сражения приписана мне речь <...> которой я не говорил». Далее он приводит слова, сказанные им своему отряду при выступлении из лагеря при Аг-Улане: «Братцы! Нам должно идти за Аракс и разбить персиян; — их на одного десять, — но каждый из вас стоит десяти; а чем больше врагов, тем славнее победа. Идем, братцы, и разобьем!» Свое решение атаковать неприятеля он объясняет не своей «дерзостью», а требованием военной науки, поскольку «действие происходило в 1812-м году, когда Наполеон с двадцатью язык был в России и, по сведениям, Аракса достигавшим, в Москве», а «в Грузии находилось весьма мало войск, рассеянных на обширном пространстве закавказских владений и сикурса [поддержки] из России получить не могших», при этом войска Аббас-Мирзы, пройдя через Шекинское

владение, могли соединиться с царевичем Александром, на стороне которого против России выступили лезгины, кахетинцы и грузинские татары, и «вредные следствия сего были бы неисчислимы»³⁷.

19 октября отряд Котляревского, состоявший из 1422 человек пехоты (два батальона Грузинского и один батальон Севастопольского полков, 17-й егерский полк и 485 казаков при 6 орудиях), переправился через Аракс в 15 верстах выше Асландузского брода³⁸ и «разбил персиян, бывших под начальством наследника Персии Аббас-Мирзы и состоявших большей частью из регулярной пехоты», за что Котляревский был «произведен в генерал-лейтенанты». 20 октября, атаковав персидские войска близ укрепления Асландуз, отряд Котляревского «взял штурмом оное укрепление»³⁹.

31 октября 1812 г. в рапорте императору генерал Ртищев, описывая Асландузское сражение, отмечал: «Бог, отличный подвиг начальника и храбрость воинов, бывших под его командою, даровали при сем случае оружие Вашего Императорского Величества знаменитую победу. Скорое отступление неприятеля последовало за быстротою атаки <...> генерал-майор Котляревский, не оставляя пораженного им врага, 20-го числа пред рассветом вновь атаковал персидские войска и разбил их совершенно. Самое место Асландуз, укрепленное по правилам фортификации английскими инженерами, устроенное на горе <...> и окруженное двумя глубокими рвами, штурмовано и взято мгновенно <...> Четыре батальона отборнейшей персидской регулярной пехоты совсем почти уничтожены»⁴⁰. 21 ноября Ртищев отправил в Петербург 3 знамени, «из коих одно главное самого Аббас-Мирзы»⁴¹.

Генерал Ртищев за одержанную при укреплении Асландуз «совершенную победу» и взятие «11 орудий, 36 фальконе-тов и всего неприятельского лагеря» был «пожалован орденом Св. Александра Невского»⁴².

П.С. Котляревский, удостоенный за взятие Асландуза ордена св. Георгия 3-го класса⁴³, об одержанной победе писал так: «В два удара совершенно [был] уничтожен враг сильный и страшный в тогдашнем положении края; Грузия спасена от великих бедствий, ей угрожавших, и во всех Закавказских владениях водворено спокойствие»⁴⁴.

Одновременно с действиями под Асландузом русские войска под командою генерал-майора барона фон Юргенсбурга

атаковали передовой персидский корпус, подступивший к Елисаветпольской крепости, и очистили от персидских войск Шекинское владение⁴⁵.

Описывая одержанные победы, генерал Ртищев доводит до сведения графа Румянцева, «что при сем сильном поражении персидских войск, регулярно их пехотой и всеми военными действиями управлял английский майор Криссати, который за дерзость свою и за нарушение прав союзных наказан смертью, будучи убит на месте сражения; а английскою артиллерию, отбитой у персиян, управлял также английской службы артиллерийский капитан Линдсей»⁴⁶. Комментируя участие британских офицеров, майора Кристи и капитана Линдсея, в Асландузском сражении, английский исследователь Дж. Баделли замечает, что после открытия военных действий между Россией и Францией в 1812 г. «Англия все еще стремилась поддерживать дружеские отношения с Персией, но более не могла открыто помогать последней в ее спорах и конфликтах с Россией, а британским офицерам на службе шаха было запрещено участвовать в военных действиях», но «нет смысла отрицать, что Россия неоднократно получала повод для недоверия и гнева в связи с действиями в Персии английских агентов»⁴⁷.

Действия русских отрядов в Закавказье и успехи российского оружия против Наполеона позволили начать освобождение Тальшинского ханства. В ноябре было улучшено положение гарнизона, оставшегося под Ленкоранью в Гамушеване. Сюда удалось переправить на лодках 2 роты, которые, соединившись с морским батальоном, защищавшим укрепление, стали действовать против персиян «наступательно». Неприятель был вынужден укрыться в новой Ленкоранской крепости, построенной и укрепленной на берегу Каспийского моря «по планам английских инженеров» и «по всем правилам европейской фортификации»⁴⁸.

Отряду Котляревского было приказано «выступить из Карабаха в Талыши», взять Ленкоранскую крепость и «очистить Тальшинское владение от неприятеля»⁴⁹. Отряд, состоявший из полутора тысяч пехотинцев и четырехсот семидесяти казаков при шести орудиях, выступил 17 декабря. Пройдя «без дороги, без воды и без дров» замерзшую Муганскую степь, он овладел крепостью Аркеван, находившейся на границе с Тальшинским ханством, и 26 декабря организовал блокаду Ленкоранской

крепости. После нескольких дней осады Котляревский получил сведения о движении из Тавриза войск Аббас-Мирзы⁵⁰, поэтому 31 декабря его отряд приготовился к штурму крепости. В трех штурмующих колоннах находилось 1300 человек. 1-я колонна была сформирована из шести рот Грузинского гренадерского полка (600 чел.) под командой подполковника Ушакова. 2-я в составе 350 чел. Троицкого пехотного полка и Морского каспийского батальона действовала под командой майора Повалишина. 3-я в составе 350 чел. Грузинского гренадерского и 17-го егерского полков находилась под командой майора Терешкевича. Крепость защищали четыре тысячи человек. Перед штурмом, как пишет П.С. Котляревский, «когда устроились колонны, я был в каждой из них, сказал все, что мог и как умел к воспламенению духа, объявил, что отступления не будет и что нам должно взять крепость или всем умереть, видел готовность на сие и, приказав выступать в пять часов, остался на ближней батарее»... Однако, когда он увидел, что подполковник Ушаков и многие офицеры первой колонны, сбитой со штурмовых лестниц и остановившейся во рву, убиты, то он «принял лично команду над первою колонною». «... упорная оборона была такая жестокая, что большая часть [защитников] положила живот свой на месте с их знаменитым предводителем», «известным храбростью сардарем Садык-Ханом, имевшим повеление Аббас-Мирзы защищать крепость до последнего человека»⁵¹. Успешный штурм, завершившийся водружением «знамени победы на стенах Ленкорани», дорого стоил русскому отряду: убито и ранено было более 900 человек, среди них оказался и генерал Котляревский, раненный тремя пулями (одной в голову). В крепости было взято два знамени и 8 орудий»⁵².

28 января 1813 г. генерал Ртищев отправил в Петербург «2 знамени и булаву сардаря, также и другие 2 знамени регулярных персидских войск, взятых карабахскими татарами при первом поражении ген.-л. Котляревским персидской армии за Араксом»⁵³.

«В воздаяние благоразумных распоряжений и храбрости», проявленных под Ленкоранью, генерал-лейтенант Котляревский был «пожалован кавалером ордена Святого Георгия второго класса»⁵⁴.

Письмо редактору «Русского инвалида» с описанием Асландузского сражения и взятия Ленкорани П.С. Котляревский заканчивает словами: «Сим штурмом достойно запечатлен 1812 год, и при воспоминании сего незабвенного для России года,

всякий россиянин возвысится духом <...> Подвиги во славу отечества должны оцениваться по достоинствам их, а не по частям света, в коих происходили. Кровь русская, пролитая в Азии на берегах Аракса и Каспия, не менее драгоценна пролитой в Европе на берегах Москвы и Сены. — Пули галлов и персов причиняют одинакие страдания. — Не наша воля лишила нас счастья участвовать в священной войне и действовать в защиту отечества внутри оно: мы исполнили долг служить там, где Государю угодно, и, сражаясь в отдаленном краю на земле персидской, не посрамили земли русские»⁵⁵.

Память о Петре Степановиче Котляревском сохранена в названии станицы. 16 декабря 1840 г., по представлению командира Отдельного Кавказского корпуса, Николай I приказал «устроить новое поселение на Кавказе между Пришибскою станицею и селением Александровским, у поста Погорелодубского, именовать *селением Котляревским* в память славных подвигов на Кавказе генерала Котляревского»⁵⁶.

¹ Инв. № 11487 (106).

² ВИМ — Военно-исторический музей.

³ Протокол реставрации № 160 // НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 487. Л. 74–75.

⁴ Геккель А.И. Трофеи войн 1812–1813–1814 г., хранящиеся в Казанском Соброре. СПб., 1909. С. 38. Табл. LXXXV.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 38. Табл. LXXXIII, LXXXIV.

⁷ Перечни русских и трофейных знамен, учтенных Трофейной комиссией // РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 355. Л. 106.

⁸ Там же. Л. 123.

⁹ Формуляры иностранных трофейных знамен, хранящихся в Казанском соброре // РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 372. Л. 213–213 об.

¹⁰ История дипломатии / под ред. В.А. Зорина и др. Т. 1. М., 1959. С. 482.

¹¹ Там же.

¹² Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. Т. 1: Внешняя политика императора Александра I, 1801–1825. М., 2017. С. 148, 155.

¹³ Там же. С. 149.

¹⁴ Казаков Н.И. Внешняя политика России перед войной 1812 года // 1812 год: К столетию десятилетия Отечественной войны: Сб. ст. / Ред. колл.: Л.Г. Бескровный (отв. ред.) и др. М., 1962. С. 30.

¹⁵ Крылова Н.Б. Русско-австрийские отношения накануне и в начале Отечественной войны 1812 г. (1810 — июль 1812 г.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2002. С. 21.

¹⁶ Попов А.Н. Сношения России с европейскими державами перед войною 1812 г. СПб., 1876. С. 417; Крылова Н.Б. Указ. соч. С. 19–20.

- ¹⁷ Трактат 06(18).07.1812 «О заключении мира между Россией и Англией» // ПСЗ-1. Т. 32. № 25177. СПб., 1830. С. 388–390.
- ¹⁸ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 243.
- ¹⁹ Отношение маркиза Паулуччи от 07.04.1812 // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 83. Л. 17 об.
- ²⁰ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 243.
- ²¹ Штурм и взятие крепости Ленкорани 31-го декабря 1812 года // Боевые подвиги Кавказских войск: Альбом картинной галереи Кавказского военно-исторического музея / Сост. Б.С. Эсадзе. Тифлис, 1899. С. 1.
- ²² Письмо князя Горчакова генерал-лейтенанту Ртищеву от 04.05.1812 // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 83. Л. 63.
- ²³ Соллогуб В.А. Биография генерала Котляревского. Тифлис, 1856. С. 96.
- ²⁴ Донесение генерала Ртищева графу Румянцеву от 20.08.1812 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. V. С. 662, 663.
- ²⁵ Ленкорань // Военная энциклопедия / Под ред. полк. В.Ф. Новицкого и др. Т. 14. СПб., 1914. С. 577, 578.
- ²⁶ Всеподданнейший рапорт генерала Ртищева от 28.01.1813 // АКАК. Т. V. С. 700–701.
- ²⁷ Письмо генерала Ртищева английскому послу в Персии от 04.09.1812 // АКАК. Т. V. С. 664.
- ²⁸ Донесение генерала Ртищева графу Румянцеву от 25.09.1812 // АКАК. Т. V. С. 671.
- ²⁹ Письмо генерала от инфантерии Петра Степановича Котляревского к неперемному редактору «Русского инвалида», статскому советнику А.Ф. Воейкову // Русский инвалид. 1837. № 26.
- ³⁰ Соллогуб В.А. Указ. соч. С. 103.
- ³¹ Формулярный список генерал-лейтенанта Котляревского // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 497 об.
- ³² Там же. Л. 501.
- ³³ Отношение маркиза Паулуччи от 07.04.1812 ... Л. 15 об.
- ³⁴ Потто В.А. Кавказская война. В очерках, эпизодах, легендах и биографиях. М., 2014. С. 204.
- ³⁵ Содержание важнейших статей Предварительного англо-иранского договора, подписанного в Тегеране 12 марта 1809 г. // Новая история Ирана: Хрестоматия. М., 1988. С. 71.
- ³⁶ Соллогуб В.А. Указ. соч. С. 115.
- ³⁷ Письмо генерала от инфантерии Петра Степановича Котляревского...
- ³⁸ Асландуз // Военная энциклопедия / Под ред. полк. В.Ф. Новицкого и др. Т. 3. СПб., 1911. С. 178.
- ³⁹ Формулярный список генерал-лейтенанта Котляревского... Л. 501, 501 об.
- ⁴⁰ Всеподданнейший рапорт генерала Ртищева от 31.10.1812 // АКАК. Т. V. С. 684–686.
- ⁴¹ Всеподданнейший рапорт генерала Ртищева от 21.11.1812 // Там же. С. 691.
- ⁴² Формулярный список генерала от инфантерии Ртищева. 11.07.1828 // РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 41920. п/с 373-856. Л. 8.
- ⁴³ Формулярный список генерал-лейтенанта Котляревского... Л. 501 об.
- ⁴⁴ Письмо генерала от инфантерии Петра Степановича Котляревского...
- ⁴⁵ Всеподданнейший рапорт генерала Ртищева от 31.10.1812... С. 685.

⁴⁶ Донесение генерала Ртищева графу Румянцеву от 31.10.1812 // АКАК. Т. V. С. 686–691.

⁴⁷ Баделли Дж. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М., 2011. С. 143.

⁴⁸ Всеподданнейший рапорт генерала Ртищева от 28.01.1813 // АКАК. Т. V. С. 700, 701.

⁴⁹ Там же. С. 701, 702.

⁵⁰ Всеподданнейший рапорт генерала Ртищева от 28.01.1813... С. 702.

⁵¹ Письмо генерала от инфантерии Петра Степановича Котляревского...

⁵² Формулярный список генерал-лейтенанта Котляревского... Л. 501 об.

⁵³ Всеподданнейший рапорт генерала Ртищева от 28.01.1813... С. 703.

⁵⁴ Северная почта. 29.03.1813. № 26.

⁵⁵ Письмо генерала от инфантерии Петра Степановича Котляревского...

⁵⁶ Приказ по войскам на Кавказской линии и в Черномории от 09.01.1841 // РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 128. Л. 1–3.

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

В ПАМЯТЬ О БРАЧНЫХ СОЮЗАХ И ЮБИЛЕЯХ. ПАРАДНОЕ ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ XVII ВЕКА

В ОРУЖЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ музеев мира хранится и древковое оружие различных эпох. Оно не так репрезентативно, как восхищающие своей статью и блестящие позолотой доспехи, щиты или рыцарские мечи... Часто это оружие (алебарды, копья, рунки, глефы, гизармы, кузы, протазаны, спетумы, рогатины и пр.) также украшено гербами, девизами, мифологическими сюжетами, отмечено цифрами. Однако редко кто задумывается, что скрывается за ними и какую информацию несут нам эти памятники далекого прошлого. Трем предметам длиннодревкового оружия из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) посвящена эта статья.

Алебарда трабантов саксонского курфюрста Кристиана II

Боевой наконечник алебарды (ВИМАИВиВС 2 ИОФ 0125/256) состоит из четырехгранного копьеца с утолщенным ребром на средней линии, длинного топора с двойным изгибом и загнутого вниз крюка. Наконечник насажен на древко конической трубкой с двумя длинными прожилками и скреплен с ним гвоздями. Топор, крюк и основание копьеца украшены травлением с изображением растительного орнамента и гербов. На топоре с одной стороны вырезана дата — «1602». На клюве с двух сторон аббревиатура — C D A H Z S C. Под наконечником укреплена кисть с бахромой. Древко цилиндрическое. Нижний конец древка срезан. Общая длина алебарды 2343 мм, длина наконечника

Алебарда трабантов
саксонского курфюрста
Кристиана II. Герб Саксонского
курфюршества, монограмма
Кристиана II и дата — 1602 г. —
на наконечнике алебарды.
ВИМАИВиВС 2 ИОФ 0125/256

с прожилками 1168 мм, без прожилок 655 мм. Длина копыца 470 мм, ширина 54 мм. Длина топора 203 мм.

Алебарда поступила по акту № 7 от 25 марта 1977 г. из Музея антропологии и этнографии АН СССР. Дело в том, что во второй половине 1970-х гг. между музеями Советского Союза Министерством культуры был инициирован обмен «непрофильными» музейными предметами. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи имелось собрание этнографических материалов. Их было предложено передать, соответственно «профилю», в Музей антропологии и этнографии.

В свою очередь, в этом музее хранилось оружейное собрание, имевшее весьма отдаленное отношение к этнографии и антропологии народов мира. 19 мая 1976 г. состоялся обмен. На основании распоряжения Председателя музейного совета при Президиуме АН СССР академика Б.А. Рыбакова «из состава коллекций Музея антропологии и этнографии АН СССР как непрофильные» были исключены и переданы ВИМАИВиВС сто тридцать шесть предметов¹.

Среди них были крепостное фитильное ружье XVII в., колесцовый карабин 1585 г., трехствольный колесцово-кремневый карабин XVII в., фитильно-колесцовое ружье XVI в., немецкое трехзарядное фитильное ружье XVI в., французское трехзарядное барабанное ружье XVII в., комбинированные пистолеты (пистолет-пернач, пистолет-топорик) XVI–XVII вв., арбалет, ворота различного типа для заряжания арбалетов, мечи, протазаны, алебарды, охотничьи рогатины и др.² Это было последнее крупное поступление западноевропейского оружия в состав музейного собрания в его современной истории.

На основании аббревиатуры на алебарде ее отнесли к эпохе правления саксонского курфюрста Иоганна (Ганса) Георга I (1611–1656)³. Однако с этим невозможно согласиться.

На сохранившейся алебарде Иоганна Георга как саксонского герцога и администратора епископства Мересбург из собрания музея Метрополитен (Нью-Йорк), датируемой 1609 г., сохранилась монограмма H G H Z S (Hans Georg Herzog zu Sachsen)⁴. На протазане из того же собрания, изготовленном около 1625 г., присутствует аббревиатура H G H Z S I C V B C (Hans Georg Herzog zu Sachsen Jülich Cleve und Berg Churfürst) — Иоганн Георг герцог, Саксонии, Юлиха, Клеве и Берга курфюрст⁵. Аналогичная

надпись имеется и на двух алебардах (относящихся к 1611 и 1617 гг.) из собрания Оружейной палаты в Дрездене⁶.

Так что же в таком случае обозначает аббревиатура на алебарде из собрания ВИМАИВиВС? В качестве подсказки могут служить надписи на еще одной алебарде — из собрания музея Метрополитен⁷. Она датируется 1601 г., и ее декор, изображения гербов и прочее повторяют аналогичные характеристики алебарды из собрания Артиллерийского музея. На ее крюке выгравировано — C D A N Z S C, что означает Christian der Andere Herzog zu Sachsen Churfürst (Кристиан Второй герцог Саксонии курфюрст).

Сравнение этих двух предметов позволяет абсолютно уверенно утверждать, что алебарда из ВИМАИВиВС бы-

ла изготовлена не при Иоганне Георге, а при его старшем брате Кристиане II (1583–1611). Он был старшим из трех сыновей курфюрста Саксонии Кристиана I (1560–1591) от его брака с Софией (1568–1622), дочерью бранденбургского курфюрста Иоганна Георга. Кристиан I скоропостижно скончался на охоте от воспаления желудка. Злые языки говорили, что оно было спровоцировано переизбытком металла в организме. В курфюрста якобы угодил арбалетный болт. Однако эти слухи ничем

Алебарда трабантов саксонского курфюрста Кристиана II. The Metropolitan Museum of Art. № 14.25.280

Курфюрст Кристиан II.
Художник Захариус Вехм. 1601–1606 гг.
Дрезденская картинная галерея

не подтверждались. Зато всем было известно, что правитель Саксонии отличался слабым здоровьем и часто недомогал.

После смерти отца восьмилетний Кристиан стал новым курфюрстом Саксонии. Поскольку самостоятельно править он не мог, по воле покойного курфюрста его опекуном и регентом страны стал герцог Фридрих Вильгельм I Саксен-Веймарский (1562–1602), получивший титул «администратор Саксонского курфюр-

шества». Мать курфюрста воспитывала сына в строгой лютеранской вере. К самостоятельному правлению Кристиан II приступил в 1601 г. Оставаясь искренним лютеранином, во внешней политике он поддерживал императора-католика Рудольфа II Габсбурга⁸.

Кристиан II обладал внушительной, поистине геркулесовской, фигурой. Подданные отмечали его добродушие и называли «das gute Herz» («Доброе сердце»). Однако умственными способностями и трудолюбием молодой правитель не отличался. Его больше интересовали развлечения и удовольствия, турниры, балы и охоты. Быстро располневший курфюрст был склонен к алкоголизму. На государственные дела он предпочитал смотреть глазами своих придворных советников. Непрерывная череда дорогостоящих развлечений при дрезденском дворе медленно, но уверенно толкала курфюршество к тяжелому финансовому кризису, который впоследствии будет усугублен Тридцатилетней войной (1618–1648).

На тополе алебарды указана дата — 1602 г. Этот год вдвойне был памятен для курфюрста.

12 сентября 1602 г. Кристиан II женился на своей двоюродной сестре Гедвиге Датской (1581–1641). Принцесса родилась в замке Фредериксборг и была седьмым ребенком и четвертой дочерью Фредерика II, короля Дании и его жены Софии Мекленбург-Гюстровской. Она приходилась сестрой принцессе Анне Датской, будущей королеве Англии и Шотландии (супруге Якова I Стюарта), и принцу Кристиану, ставшему позднее королем Дании. Большая часть детства Гедвиги прошла на родине ее матери в Мекленбурге.

Курфюрстина Гедвига Датская.
Замок Фредериксборг. Начало XVII в.

Свадьбу пышно отпраздновали в Дрездене, куда невесту сопровождал один из братьев — Ульрих, герцог Голштинский, и мать — вдовствующая королева София. На Эльбе было устроено великолепное представление. По речной глади двигалась баржа в виде огромного кита, которым управлял Нептун. Водную процессию сопровождали на богато декорированных лодках сирены, морские кони, тритоны и прочие существа, напоминавшие о морском могуществе Дании. После венчания молодых в придворной часовне состоялся рыцарский турнир с элементами карнавала (одни рыцари были одеты «римлянами», другие — «татарами», третьи — «маврами» и т. п.) и фейерверк. Участники празднества были наряжены в роскошные костюмы пилигримов, моряков, цыган, монахов, дикарей и охотников. Однако пышные торжества при дрезденском дворе не принесли счастья молодым. Брак оказался бездетным и недолговечным⁹.

22 июня 1611 г. курфюрст принимал участие в очередном конном турнире, который проходил в главной резиденции в Дрездене. На сильной жаре, разгоряченный скачками, тучный Христиан залпом выпил кружку ледяного пива. Спустя

некоторое время его хватил апоплексический удар. Врачи были бессильны. Средний брат Иоганн Георг находился в это время со своим двором на охоте во Фрайберге (Южная Саксония), где и получил печальное известие¹⁰.

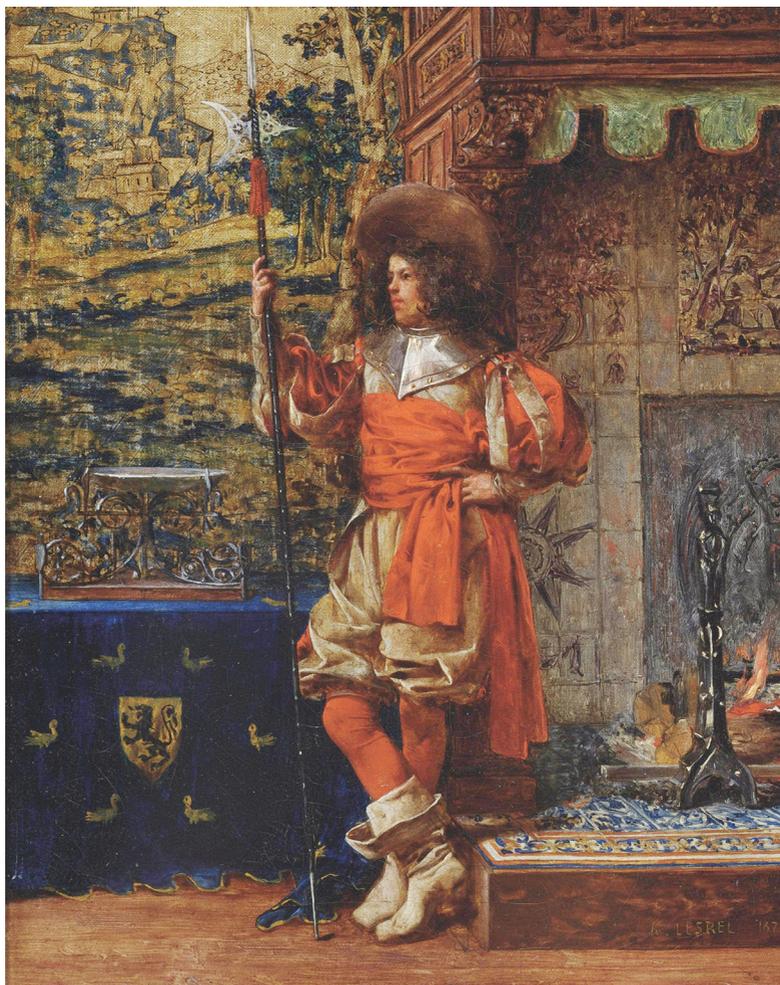
После смерти супруга Гедвига в качестве вдовствующей курфюрстины Саксонии осталась при дворе, где пользовалась большим авторитетом. Она поддерживала власть нового курфюрста, Иоганна Георга I, но придворные считали ее своей государыней. Гедвига сохранила за собой право курировать торговые отношения в государстве. Полученные от этого средства она тратила на строительство церквей и помощь бедным, больным и инвалидам.

Гедвига, будучи сестрой короля Дании и снохой короля Англии, помогала деверю, курфюрсту Иоганну Георгу I, в решении важных дипломатических задач. Она организовала браки пяти из семи его детей. Во время Тридцатилетней войны дипломатический талант помог ей защитить свои владения от военных действий.

После смерти мужа Гедвига жила в замке Лихтенбург. Еще дважды она посетила Данию: в 1631 г. во время похорон своей матери и в 1634 г. во время свадьбы племянника — наследного принца. Гедвига Датская умерла 26 ноября 1641 г., оставив после себя в Саксонии добрую память¹¹.

В качестве небольшого отступления от темы отметим, что младший брат Гедвиги принц Иоганн (Ганс) Шлезвиг-Гольштейнский (1583–1602) оставил свой небольшой след в русской истории. Он был тем самым «Иоанном-королевичем», приехавшим в Москву в качестве жениха царевны Ксении Годуновой. Принц внезапно заболел и скончался. Его тело было погребено в лютеранской церкви святого Михаила в Немецкой слободе. В годы Смуты гробница Иоганна была разорена и разграблена «польскими и литовскими людьми». В 1637 г. брат Иоганна король Кристиан IV обратился к царю Михаилу Федоровичу с просьбой отправить останки брата для перезахоронения на родину, для чего прислал корабль в Нарву (Ругодив). Останки, найденные в могиле в присутствии датского посла, были по царскому приказу собраны в новый гроб и отправлены в сопровождении русского дворянина в Нарву, о чем царь известил короля в грамоте¹².

В 1602 г. курфюрст Кристиан II вместе с братом Иоганном Георгом чудом избежал смерти. Летом этого года братья чуть

Страж дворца. Художник А.А. Лесрель. 1872 г. Частное собрание

не стали жертвами огненной потехи, которую обожали с детства. На Эльбе был устроен праздник. Когда ладья с братьями огибала излучину реки возле Пильница, искра от одной из ракет, запущенных во время фейерверка, попала в ящики с петардами, находившимися на борту. Оглушительным взрывом оба молодых человека, вместе с придворными и слугами были выброшены за борт. Неизвестно, смогли бы в суматохе и неразберихе курфюрст

и его брат спастись, если бы не крестьянин Якоб Зорбик, вовремя оказавшийся поблизости. Он вытащил братьев на берег. Кристиан был сильно обожжен, а Иоганн Георг чуть не захлебнулся. Возможно, что дата на алебарде напоминала не только о бракосочетании, но и о чудесном спасении курфюрста в водах Эльбы¹³.

Алебарды входили в комплект вооружения трабантов (драбантов, нем. — телохранителей) саксонских курфюрстов. Подобные подразделения существовали при дворах европейских правителей. Во второй половине XVI в. такой отряд (*Trabantenleibgarde*) был сформирован и в Саксонии. Первоначально его численность составляла около 100 чел., задача которых была обеспечивать личную безопасность курфюрста и его семьи, а также его резиденции. Трабанты находились при курфюрсте и во время его поездок на имперский сейм, который чаще всего проходил в Регенсбурге, сопровождали во время путешествий и охот. Отряд телохранителей набирали из дворян Саксонии, Мейсена и Тюрингии, высокого роста, опытных в военном деле и обладавших большой физической силой и выносливостью. Трабанты должны были великолепно владеть холодным и огнестрельным оружием.

При Кристиане I и Кристиане II численность трабантов была увеличена. Для них было изготовлено специальное однотипное вооружение (колесцовые мушкеты и пистолеты, фуркеты — подставки под мушкеты, пороховницы, шпаги, алебарды и т. п.). По штату в курфюршеском дворце в 1590 г. числилось 215 гвардейцев, еще 97 чел. находились в Кенигштайне и цитадели Лейпцига — Плейссенбурге. В 1603 г. их число несколько сократилось: 179 — в Дрездене, и 49 — за его пределами¹⁴.

Заметим, что даже монархи не могли позволить себе содержать большое число телохранителей. Например, у шведского короля Карла IX (1604–1611) их насчитывалось всего 200 чел.¹⁵

Как уже отмечалось выше, на алебарде наряду с растительными узорами изображены два герба. На щите в черно-золотую полосу (это самая старая часть герба, восходящая еще к XII в.) расположен зеленый рутовый веноч, стилизованный под корону. На белом металле алебарды, цвета, естественно, не отражены.

Согласно легенде Бернхард III из рода Асканиев (их родовые земли находились в восточной Саксонии) в 1180 г. был удостоен титула герцога Саксонского и предстал перед императором

Фридрихом I Барбароссой, держа в руках свой родовой щит, украшенный золотыми и черными полосами. Стояла летняя жара, император принимал Бернгарда не в тяжелой короне, а с венком из руты на голове. Он снял венок и водрузил его на верхний правый угол щита герцога. Так якобы и появился саксонский герб.

Герб Саксонского курфюршества. Начало XVII в.

Второй герб представляет собой скрещенные красные мечи на черно-белом поле. Он связан с изданием Карлом IV Люксембургским в 1356 г. «Золотой буллы», регламентирующей выборы императора Священной Римской империи германской нации.

Согласно этому документу были определены 7 правителей (курфюрстов) — три церковных и четыре светских, имевших

Курфюрст Кристиан II (второй слева). Фрагмент «Шествия князей» — знаменитого настенного плиточного панно из мейсенского фарфора, одной из достопримечательностей Дрездена. 1904—1907 гг.

наследственное право избирать главу империи. В их числе был и герцог Саксонии. После смерти императора и до избрания нового он назначался эрцмаршалом, на церемонии коронации должен был нести имперские мечи. В связи с этим и появился новый курфюршеский герб. Очень часто его объединяли с гербом герцогства¹⁶.

Куза телохранителей пфальцского курфюрста Карла Людвига

Еще одна разновидность достаточно редкого древкового оружия хранится в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Это массивный наконечник кузы (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0125/289), который имеет ножевидную форму. Трубка четырехгранная, с волнистыми вырезами в ребре. На одной из граней выбито, предположительно, клеймо — три якоря. Клинок с обеих сторон украшен травлением с гравировкой: орнамент и изображение герба Пфальца под короной. С левой стороны в ленте надпись «ANNO», с правой — «1678». Общая длина наконечника 679 мм, длина клинка 605 мм, ширина 94 мм. Масса кузы 2080 г.¹⁷ Наконечник кузы поступил в музей до 1889 г.

Куза (фр. *Couteau* — нож, польск. *kosa*) имела наконечник в форме огромного ножа, насаженного на древко с помощью втулки. Он соединялся с древком длинными железными прожилками и заклепками. В отдельных случаях на древке ниже втулки находился диск для защиты руки. Из конструкции явствует, что кузу применяли скорее для рубки, чем для укола, и что она совсем несущественно отличалась от глефы. Куза была рассчитана на то, чтобы мощным ударом прорубить латы противника.

В начале XV в. куза появляется во Франции. После битвы при монастыре Санкт-Якоб на Бирсе в пригороде Базеля 26 августа 1444 г. она начинает пользоваться такой популярностью, что швейцарцы, служившие в качестве дворцовой гвардии французского короля, вооружались ею практически поголовно¹⁸.

В начале XVI в. куза становится оружием лейб-гвардии испанского короля Филиппа I Красивого. С этого времени ее используют при габсбургском и большинстве немецких дворов. Одно из старейших изображений кузы как оружия телохранителей имеется на фреске Доменико Брузасорци во Дворце Ридольфи

Наконечник кузы телохранителей пфальцкого курфюрста Карла Людвига. На наконечнике кузы герб Пфальцкого курфюршества. ВИМАИВиВС 2 ИОФ 0125/289

(Верона). Она изображает торжественный въезд императора Карла V и папы Климента VII в Болонью в 1530 г. Эта же процессия с телохранителями воспроизведена на гравюре Ганса-Леонгарда Шойфеляйна «Триумфальная процессия Карла V», напечатанной в 1537 г.

В Польше куза, вероятно, оказалась вместе с телохранителями короля Генриха Валуа, недолго находившегося на польском престоле.

Поскольку куза чаще всего была оружием придворной стражи или телохранителей, ее богато украшали гравировкой, травлением и позолотой, изображали гербы и девизы.

Куза гвардейцев Фердинанда, эрцгерцога Тироля и Передней Австрии. Около 1556 г. The Metropolitan Museum of Art. № 14.25.268

Например, в собрании Государственного Эрмитажа хранится куза придворной стражи императора Фердинанда II (1619–1637) с изображением герба и девиза монарха. Еще в юности Фердинанд придумал воинственный девиз «*Legitime certantibus согопа*» («Корона причитается законному победителю»). На кузе выгравирован сокращенный вариант «*Legitime certantibus*» («Законному победителю»)¹⁹.

В музее Метрополитен представлена парадная куза телохранителей того же правителя, но еще в качестве эрцгерцога Австрийского. На кузе изображена цепь ордена Золотого Руна, что позволяет датировать оружие 1596 г., когда эрцгерцог получил эту награду. Там же присутствует его герб и монограмма — «F»²⁰. Две аналогичные кузы хранятся в собрании Уоллеса²¹.

Схожее оформление имеется на кузе гвардейцев Фердинанда, эрцгерцога Тироля и Передней Австрии (1529–1595), изготовленной около 1556 г. На ней изображены герб Тироля, орден Золотого Руна и монограмма эрцгерцога²².

Наконечник кузы из собрания Артиллерийского музея был изготовлен для телохранителей пфальцского курфюрста Карла I Людвига (1648–1680). Хотя Н.Е. Бранденбург приписывал ее телохранителям баварского курфюрста Фердинанда Марии (1651–1679)²³.

Согласно Золотой булле в 1356 г. пфальцграфы Рейна были включены в число семи имперских выборщиков, а их владения стали называться курфюршество Пфальц (нем. *Pfalz* — дворец) или (сокращенно) Курпфальц (нем. *Kurpfalz*, в старинных источниках «*Churpfalz*» или «*Wahlpfalz*»). До 1559 г. Пфальцем правила старшая линия Виттельсбахов, но после того как она пресеклась, правление перешло к младшей (зиммернской) линии.

Куза телохранителей императора Максимилиана II. 1564 г. Аукцион Peter Finer. 2017 г.

Куза телохранителей императора Леопольда I. 1666 г. Аукцион Hermann Historica (Мюнхен). 2018 г.

С обеих сторон кузы выгравирован герб — щит, разделенный на четыре части. В верхней правой и нижней левой изображен так называемый Пфальцкий лев (нем. *Pfalzer Löwe*), который первоначально был частью семейного герба рода Виттельсбахов.

Левая верхняя и нижняя правая части герба представляют поля, состоящие из ромбов. После получения пфальцграфства Рейнского герцог Оттон II Светлейший унаследовал в середине XIII в. графство Боген и его герб с бело-голубыми ромбами. На протяжении столетий золотой лев на черном поле, а также синие и белые ромбы использовались в качестве семейного герба старо-баварских и пфальцских Виттельсбахов. Только в XVI в.

началось медленное размежевание между львом для Пфальца и ромбами для Баварии. О том, что этот герб принадлежит именно пфальцским Виттельсбахам, свидетельствует императорская держава в центре. Наряду с королем Богемии пфальцграф рейнский считался старшим из всех светских курфюрстов. Он носил титул пфальцграф (нем. *Pfalzgraf*), или граф-палатин (лат. *Comes palatinus*, буквально *граф дворца*), в средневековье отвечал за резиденцию императора и был хранителем имперской регалии — державы.

Карл Людвиг был вторым из тринадцати детей пфальцкого курфюрста Фридриха V (1596–1632) и его супруги Елизаветы Стюарт (1596–1662) — старшей дочери английского короля Якова I. Этот брак был счастливым исключением на фоне династических браков той эпохи. Познакомившись в шестнадцатилетнем возрасте, Фридрих и Елизавета всю жизнь по-настоящему любили друг друга.

Фридрих унаследовал Пфальц от своего отца, но оказался втянут как лидер немецких протестантов (он возглавлял Евангелическую унию) в противостояние с императором-католиком Фердинандом II. В 1618 г. вспыхнуло чешское восстание против императора, начавшееся второй пражской дефенестрацией (от лат., буквально — выбрасывание из окон). Имперские советники и часть дворян-католиков были изгнаны, а император лишен богемской короны. Чешские сословия предложили корону пфальцскому курфюрсту, на что он опрометчиво согласился. В Праге состоялась коронация. В борьбе с императором Фридрих надеялся на поддержку немецких протестантов и своего английского тестя. Однако помощь оказалась скорее символической. Более того, саксонский курфюрст Иоганн Георг I, бывший также протестантом, открыто поддержал Фердинанда. 8 ноября 1620 г. чешско-пфальцская армия Фридриха была разбита в сражении у Белой Горы (в окрестностях Праги) войсками католической лиги. В военном отношении кампания еще не была проиграна, но деморализованный король не смог организовать оборону своей столицы и в спешке бежал из города. И хотя Фридрих был королем дольше, чем одну зиму (примерно год в общей сложности), тем не менее за ним в истории закрепилось нелестное прозвище «Зимний король».

Католические войска вторглись в его основные владения — Пфальц. Имперским эдиктом в 1623 г. он был лишен своих

Курфюрст Фридрих V. Художник Геррит ван Хонтхорст.
1634 г. Рейксмюсеум. Амстердам

владений, титул курфюрста перешел к герцогу Максимилиану Баварскому. До конца жизни Фридрих с семьей находился в изгнании в Нидерландах, где и скончался от чумы в 1632 г.²⁴

Тридцатилетняя война полностью разорила пфальцские земли. По условиям Вестфальского мира 1648 г. наследник Фридриха V – Карл Людвиг – получил часть владений отца (без Верхнего Пфальца) и курфюршеский титул. Он стал

новым, восьмым курфюрстом, однако теперь пфальцское курфюршество было по достоинству ниже семи других.

Детство Карл Людвиг провел с родителями в Гааге, где обосновался двор «Зимнего короля» в изгнании. После трагической гибели старшего, 15-летнего, брата (он утонул во время крушения парома в Гарлеме, во время которого чуть не погиб и сам Фридрих V) он стал наследником с туманными перспективами получения Пфальца. Карл Людвиг учился в Лейденском университете, где приобрел довольно глубокие познания в науках, живо интересовался новейшими достижениями в медицине.

После скоропостижной кончины отца он уже в качестве главы семьи присоединился к армии своего дяди Фридриха Генриха Оранского, сражавшегося со своей армией против испанцев в Южных Нидерландах. Затем вместе с младшими братьями Рупергом и Морицем будущий курфюрст перебрался в Англию к другому своему дяде — королю Карлу I Стюарту, в надежде, что тот поможет решить «пфальцкий» вопрос на континенте. Но королю было не до проблем племянника, он вел затяжную войну против собственного парламента. Тогда Карл Людвиг перешел

Принц Карл Людвиг, граф Палатинский.
Художник Антонис ван Дейк (мастерская)
Около 1637 г. Национальная галерея.
Лондон

на сторону Оливера Кромвеля, в то время как братья воевали в рядах роялистов. Руперт, например, стал одним из самых известных полководцев Карла I.

Благодаря Вестфальскому миру Карл Людвиг вернулся в родной Пфальц. Некогда цветущая провинция империи представляла собой ужасное зрелище: виноградники были вырублены, поля заросли, города и деревни обезлюдели, Гейдельбергский замок — родовая резиденция курфюрстов, которую заботливо обновляли и расширяли поколения предков Карла Людвига, стоял разоренным... Лишь пятая часть населения Пфальца пережила ужасы и лишения Тридцатилетней войны²⁵.

При Карле Людвиге начался долгий и трудный процесс восстановления государства. Молодой курфюрст, который сам был по вероисповеданию лютеранином, признал право жителей Пфальца равным образом исповедовать как лютеранство, так и кальвинизм. Венцом его веротерпимой политики стало решение построить в Маннгейме церковь Согласия, которая могла служить одновременно лютеранам, кальвинистам и католикам. Карл Людвиг вновь открыл в 1652 г. Гейдельбергский университет, распущенный в 1626 г. баварскими оккупационными властями. Курфюрст заботился о том, чтобы привлечь в университет самых авторитетных ученых. Так, в лице Самуэля Пуфендорфа (1632–1694) Гейдельберг получил одного из выдающихся теоретиков немецкого естественного права. Специально для

Курфюрст Карл Людвиг.
Гравюра второй половины XVII в.

Пуфендорфа в Гейдельберге в 1661 г. была создана первая в немецком университете кафедра естественного права и права народов. Карл Людвиг пригласил к себе знаменитого голландского философа Бенедикта Спинозу (1632–1677), но тот отклонил предложение перебраться в Гейдельберг. Так как курфюрсту Карлу Людвигу безотлагательно нужны были деньги на восстановление Пфальца после войны, курфюршество Майнц смогло в 1649 г. выкупить у него Лорш, Хеппельхайм и Бенсхайм (эти монастыри еще в 1460 г. Майнц заложил пфальцскому курфюрсту Фридриху I)²⁶.

Карл Людвиг был трижды женат. 12 февраля 1650 г. он сошелся браком с Шарлоттой Гессен-Кассельской (1627–1686). Романтический, но в то же время деспотичный курфюрст даже не предполагал, что ему окажется проще восстановить из руин разоренный Пфальц, чем жить с женой в счастливом браке по примеру своих родителей. Шарлотта не отличалась ни хорошим воспитанием, ни тем более образованием. Она была поверхностной, заносчивой и глупой. Ее интересовали новые платья, развлечения. Спустя много лет, когда она умерла, одна из современниц, курфюрстина София Ганноверская (та самая, которая объясняла молодому царю Петру, танцевавшему с ней на балу, почему у немецких дам такие жесткие ребра) писала: *«Когда ее тело обряжали в последний путь, это был первый случай, когда она ни на кого не кричала и никому не дала оплеуху»*.

Шарлотта родила троих детей, но брак трещал по швам. Придворные и заезжие гости все чаще становились свидетелями отвратительных сцен. Однажды гостивший в Гейдельберге маркграф Баден-Дурлахский стал невольным свидетелем очередного скандала между супругами. Карл Людвиг при всех закатил Шарлотте оглушительную пощечину. Маркграф робко заметил: *«Это уж слишком»*, на что курфюрст ответил: *«А она сама этого хотела!»*

Шарлотта пыталась делать шаги к «завоеванию» своего супруга. Однажды она подарила ему породистого неаполитанского жеребца. Карл Людвиг сухо ответил: *«Дорогая, не нужно делать такие дорогие подарки, они больно ударяют по нашему бюджету»*. Курфюрстина была вне себя от ярости и унижения оттого, что ее подарок отвергли. Вскоре Карл Людвиг влюбился в придворную даму своей супруги — девятнадцатилетнюю баронессу Марию Луизу фон Дегенфельд. После чего на протяжении

пяти лет (1653–1658) в Пфальце происходила настоящая любовная мелодрама с участием всех членов семьи.

В марте 1657 г. Карл Людвиг составил и обнародовал странный по содержанию документ, в котором он отвергал Шарлотту как жену. Причинами он называл ее «злонамеренный отказ в исполнении супружеского долга», «омерзительное поведение», упрямство, строптивость и постоянную раздражительность. Далее весьма неопределенно курфюрст заявлял о намерении жениться

на Луизе Дегенфельд, чтобы *«с чистой совестью вести безупречную жизнь»*.

6 января 1658 г. состоялась скромная свадьба курфюрста и баронессы. Шарлотта осталась жить во дворце, ей выделили отдаленное крыло, но сократили содержание и ограничили право переписки, делали все, чтобы вынудить ее дать развод. Но она оказалась крепким орешком.

Вся Европа потешалась над гейдельбергским двором, где курфюрст проживал с двумя женами. В то время уже зарождалось некое подобие желтой прессы, благодаря чему активно распространялись памфлеты и карикатуры, высмеивающие двоеженца Карла Людвига. Сохранилась копия «Прошения Шарлотты императору», где описываются пикантные сцены и семейные дразги в семье курфюрста. А книга «Любовная жизнь Карла Людвиг курфюрста Пфальца» стала бестселлером и выдержала несколько изданий.

Курфюрстина Шарлотта
Гессен-Кассельская.
Гравюра второй половины XVII в.

В 1663 г. Шарлотта к огромному облегчению Карла Людвига наконец-то вернулась в Кассель к брату. Ландграф был не в восторге по поводу прибытия сестры, но он не был готов из-за оскорбленной семейной чести развязать новую тридцатилетнюю войну.

Мария Луиза родила правителю Пфальца тринадцать детей. Перед Карлом Людвигом стояла дилемма — многочисленных потомков от его второго брака требовалось наделить соответствующими титулами, но его второй

Мария Луиза фон Дегенфельд. Неизвестный художник второй половины XVII в.

брак не был признан ни соседями, ни императором. Одни считали брак законным, но морганатическим, другие считали этот брак вообще незаконным, а детей — бастардами, так как была жива первая жена курфюрста. Так или иначе, но принцами и принцессами дети от этого брака называться не могли.

Тут вспомнили о старом титуле «*раугграф*». Его некогда носил живший в Пфальце и давно вымерший дворянский род. С разрешения императора с 1668 г. Мария Луиза и ее дети стали носить титул раугграфов.

Жизнь Марии Луизы с Карлом Людвигом была нелегкой. С годами он превратился в настоящего домашнего тирана. Достаточно было Марии Луизе перекинуться с кем-то фразой или поступить не так, как хотелось мужу, он изводил ее придирками, сценами ревности и подозрениями. Годы жесткой экономики, направленной на восстановление Пфальца, оставили след в характере Карла Людвига. В нем развилась болезненная

педантичность и скупость, о которых ходили легенды. Он лично вел книги расходов, считал каждую вязанку хвороста, каждое полено, каждого цыпленка, отвешивал сахар для придворной кухни.

18 марта 1677 г., будучи беременной 14-м ребенком, рауграфиня Мария Луиза в возрасте 42 лет заболела и умерла.

Судьба большинства детей Карла Людвига от второго брака (пятеро умерло во младенчестве) оказалась несчастливой. Они не только не имели прав наследования пфальцских земель, но и не получили никакого имущества. Карл Людвиг (1658–1688) и Карл Эдуард (1668–1690) погибли, сражаясь против турок. Карл Мориц (1670–1702) спился, Карл Август (1672–1691) был убит на войне французами, Карл Казимир (1675–1691) пал на дуэли. Луиза (1661–1733) и Амалия Элизабета (1663–1709) остались старыми девами. Лишь Каролина Элизабета (1659–1696) вышла замуж за герцога Мейнхардта Шомберга (1641–1719), и потомки ее живут до сих пор.

За год до смерти Карл Людвиг женился в третий раз — на Элизабет Голландер фон Беау (1659–1702). Она была дочерью бургомистра швейцарского Шафхаузена Тобиаса Голландера, которому незадолго до этого был пожалован дворянский титул — фон Беау. Естественно, что и этот брак был тоже морганатический или вообще незаконный.

Сын Карл Людвиг (1681–1734) от этого брака родился через несколько месяцев после смерти отца. Он не имел вообще никакого титула и носил фамилию Голландер. Он дожил до взрослого возраста, и эта линия рода продолжилась до наших дней²⁷.

Лето 1680 г. Карл Людвиг по привычке проводил в крепости Фридрихсбург близ Маннгейма. 28 августа по дороге назад в Гейдельберг процессия вынуждена была остановиться, так как 63-летний курфюрст стал задыхаться. На носилках его вынесли из кареты. Офицеры, чиновники, третья (беременная) жена Элизабет и четверо из его «*рауграфских*» детей (Каролина, Луиза, Амалия и Карл Эдуард) молча стояли вокруг него. Курфюрсту стало немного лучше, и процессия двинулась дальше. Но между деревнями Зекенхайм и Эдинген у него случился очередной сердечный приступ. Ему устроили ложе в саду под ореховым деревом, а лейб-медик делал все, что было в его силах, но тщетно. Философ, реформатор, один из образованнейших людей своего времени, приверженец религиозной свободы в эпоху яркого фанатизма, Карл Людвиг ушел из жизни на закате дня²⁸.

Новым курфюрстом стал его сын от первого брака Карл II (1651–1685). Он получил хорошее образование, достаточно упомянуть, что его наставниками были известные ученые Иезекиэль Спанхейм и Самуэль Пуфендорф. Болезненный и хилый, он с детства был запуган строгими домашними воспитателями, духовными наставниками и деспотичным отцом. Карл вырос настоящим ипохондриком-ханжой. Он был женат на Вильгельмине

Герб Пфальцкого курфюршества.
Вторая половина XVII в.

Эрнестине Датской (1650–1706), но этот брак так, по-видимому, и не был consummated. К жене Карл чувствовал физическое отвращение, одна мысль о близости с ней вызывала у него тошноту. Он был уверен, что все ее тело нездорово, и он может заразиться от одного лишь прикосновения к ней. Карл почему-то был уверен, что жена скоро умрет (на самом деле она переживает его на 20 лет).

Его правление было неудачным. Карл был ярким кальвинистом и притеснял лютеран, хотя к этому вероисповеданию принадлежала и его

жена. Он испытывал серьезные финансовые трудности, с которыми не мог справиться даже путем повышения налогов.

Карл жил в созданном им мире, и только в нем он был более или менее счастлив. Он тратил большие суммы (из состояния отца) на инсценировку войн, битв, упивался своим «*мужеством*» при взятии «*вражеских*» крепостей. Во время «штурма» османской крепости (под которую на самом деле был замаскирован замок Айхельсхайм близ Маннгейма) у курфюрста поднялась температура, и его привезли в Гейдельберг. Следующие несколько месяцев его сотрясали лихорадка и мучили кошмары, в бреду ему казалось, что враги напали на Пфальц. В возрасте 34 лет он скончался.

Поскольку у Карла не было детей, а его сводные братья — рауграфы — были лишены права наследования, то после него Пфальц должен был перейти к Пфальц-Нейбургам — католической ветви Виттельсбахов. Карлу удалось договориться со своим наследником о компромиссе в религиозных вопросах,

Торжественный въезд императора Карла V и папы Климента VII в Болонью в 1530 г. Гравюра Ганса-Леонгарда Шойфеляйна. 1537 г. (фрагменты)

но после его смерти претензии на Пфальц предъявил французский король Людовик XIV. Дело в том, что Елизавета Шарлотта Пфальцская (1652–1722), сестра покойного курфюрста и дочка Карла Людвига, была замужем за братом короля Филиппом Орлеанским (1640–1701). От имени своих племянников король потребовал Пфальц, хотя Елизавета Шарлотта, уезжая во Францию, от наследственных прав отказалась. Новый курфюрст — католик Филипп Вильгельм не намерен был уступать свои владения. Началась «война за пфальцское наследство», в ходе которой дважды — в 1689 и в 1693 гг. — с таким трудом восстановленный Карлом Людвигом Пфальц был разорен. По приказам наихристианнейшего короля Людовика французские войска прибегали к тактике «выжженной земли». Это была месть Людовика за поддержку немецкими землями протестанта Вильгельма Оранского, свергнувшего в Англии с трона своего тестя-католика Якова II. Именно тогда курфюршеская резиденция в Гейдельсберге была разрушена второй раз и больше не была восстановлена²⁹. Но всего этого ужаса Карл Людвиг уже не видел...

На кузе телохранителей курфюрста Карла Людвига стоит дата — 1678 г. Чем памятен был для пфальцкого правителя этот год? Вторая супруга умерла, брак с третьей еще не предполагался. Важных событий в этот год в курфюршестве не произошло... Однако есть дата, о которой Карл Людвиг не мог забыть. Тридцать лет назад, в 1648 г. был подписан Вестфальский мир и ему был возвращен отеческий престол, которого он так долго добивался. Три десятилетия его правления превратили разоренный войной край в цветущий регион Германии. Эта дата была достойна, чтобы ее увековечить на оружии телохранителей. Такая традиция существовала во второй половине XVI–XVII вв. в германских землях.

На кузе из собрания Уоллеса (Wallace Collection), изготовленной для придворной охраны эрцгерцога Фердинанда Австрийского (будущего императора), выгравированы заключительные слова одного из самых известных католических гимнов «Ave Maria» — «Mater Dei, memento mei» (лат. «Матерь Божья, помни меня (помни обо мне)!») — и дата — 1551 г. В этот год он был провозглашен правителем Венгрии и Трансильвании³⁰.

На аукционе Peter Finer в 2017 г. была продана куза телохранителей императора Священной Римской империи германской

На клинке выгравирован двуглавый австрийский орел, над ним монограмма императора «LI» и дата — 1666 г.

Заметим, что при австрийском и баварском дворах лейб-гвардейцы продолжали носить кузы до второй половины XIX в. Они были важным элементом парадного вооружения. Даты, девизы и символы на них имели еще и мемориальное значение. Они напоминали о важных политических событиях в жизни императоров и курфюрстов.

Протазан *Garde de la porte* короля Людовика XIV

В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится наконецник протазана дворцовой стражи французского короля Людовика XIV (1643–1715).

Наконечник (ВИМАИВиВС 2ИОФ 0125/294) состоит из пламеобразного широкого пера с ребром на средней линии в верхней части и симметричного основания в виде полумесяца. С обеих сторон он украшен воронением, травлением и золочением. С одной стороны — изображение Солнца под короной поверх скрещенных ключей и шпаги (клинком вверх). На другой стороне — орден Святого Духа (фр. *Ordre du Saint-Esprit*), высший орден Французского королевства, учрежденный в 1578 г. королем Генрихом III Валуа. Концы креста ордена в виде ласточкиных хвостов украшены изображением военной артиллерии (пушек, знамен, барабанов и пр.). В центре ордена — щиток с тремя

Протазан *Garde de la porte*. ВИМАИВиВС 2 ИОФ 0125/294

королевскими или бурбонскими лилиями (флер-де-лис; фр. *fleur de lys* — цветок лилии). На цепи ордена — восьмиконечная звезда, внутри которой изображение голубя головою вниз (символ Святого Духа).

С обеих сторон наконечника в ленте над коронами надпись на латыни: «*Custodes Antiquiores*» (лат. «Стражи более древние»). Девиз относился к «*Garde de la porte*» (фр. «Гвардия ворот»). О том, что эта стража охраняла именно ворота, напоминают скрещенные ключи. Это подразделение было выделено из числа королевских гвардейцев еще во времена Карла VIII. При Людовике XIV численность роты *Garde de la porte* составляла пятьдесят охранников, четыре лейтенанта и одного капитана. Их обязанности состояли в том, чтобы обеспечить день и ночь

Протазан Garde de la Manche. The Metropolitan Museum of Art. № 04.3.65

охрану внешних и внутренних дверей в резиденции короля. Вместе с телохранителями короля они несли дежурства по половине суток. Смена караула происходила в шесть часов утра и в шесть часов вечера. В армейской пехоте простые гвардейцы были приравнены к чину подполковника, а лейтенанты и капитан — к чину полковника. В 1787 г. *Garde de la porte* была распущена, затем восстановлена в 1814 г. и через год окончательно упразднена³².

Согласно указам Людовика XIV это подразделение получило великолепное обмундирование и вооружение, что соответствовало блеску двора «Короля-Солнце». Учитывая, что протазан был знаком офицера, а таковых в *Garde de la porte* было пять человек, то из образцов этого древкового оружия должны были сохраниться считанные единицы.

В нижней части наконечника — клеймо мастера «*Morizeau arquebusier rue des sts. Peroos*» («Моризо аркебузир с улицы Святых Отцов»). Сведений об этом мастере не сохранилось. В самом подробном справочнике клейм ручного огнестрельного оружия упомянут парижский оружейник Шарль Этьен Маризо

Протазан *Garde de la Manche*.
The Metropolitan Museum of Art.
№ 14.25.454

(Maurizeau, около 1750–1794), также живший на улице Святых Отцов. Скорее всего, он является потомком изготовителя протазана³³.

Общая длина наконечника 503 мм, ширина 182 мм, длина пера 397 мм, ширина пера 112 мм. Масса 880 г. Наконечник протазана поступил в музей до 1889 г.³⁴

Можно предположить, что автором оформления протазана был Жан Берейн Старший (1637–1711). Он был известным рисовальщиком, живописцем, декоратором и гравером, занимался созданием различных проектов для двора — от празднеств до похорон. Им были разработаны великолепные эскизы придворной обстановки для дворцов Людовика XIV и французской знати в стиле, ставшем предшественником рококо.

Именно этот декоратор создал проект протазанов для *Garde de la Manche* (фр. буквально «Гвардия Манжета (Рукава)») — т. е. для телохранителей, находившихся непосредственно в покоях монарха и сопровождавших его, следуя бок о бок (рядом с королевским манжетом, как тогда говорилось).

Таких протазанов сохранилось несколько штук. Они имеются в Государственном Эрмитаже, музее Метрополитен, Музее Армии (Париж), Оружейной палате Тауэра (Лондон), коллекции Уоллеса и Туринском арсенале.

Один из протазанов из Метрополитен-музея украшен изображением солнца, вокруг которого в ленте девиз короля «*Nec pluribus impar*» (лат. «Не многим равный»). Ниже богиня Славы венчает лавровым венком Аполлона³⁵.

Такой же протазан имеется в собрании Музея Армии в Париже³⁶.

На двух других протазанах из Метрополитен-музея выгравирован девиз короля и солнце над коронованными гербами Франции и Наварры, которые окружены цепями королевских орденов Святого Духа и святого Михаила. На одном из протазанов сохранилось имя его изготовителя, вероятно *Bonaventure Ravoisie* (Бонавентуре Равузье), королевского оружейника, работавшего между 1678 и 1709 гг.³⁷

Похожий по оформлению протазан, но без упоминания имени мастера, имеется в собрании Уоллеса. Там же хранится протазан с изображением Аполлона и Геркулеса в лучах дневного светила. Оба экземпляра украшены упомянутым выше девизом «*Nec pluribus impar*»³⁸.

Garde de la porte короля Людовика XIV. Гравюра XIX в.

На протазане из фондов Эрмитажа также изображена фигура Геркулеса, над которым помещен солнечный диск и упомянутый выше девиз³⁹.

Символ дневного светила в качестве своей эмблемы Людовик XIV выбрал не случайно. В восприятии подданных король предстает либо лоцманом, управляющим кораблем-государством, либо врачом, который перевязывает раны и лечит болезни, либо солнцем, которое светит и греет. Этот последний образ, наиболее яркий и универсальный, получает наибольшее развитие. Королевское солнце — совсем не языческий символ, а в первую очередь образ божественного права, божественной передачи власти. Солнце освещает так же, как разум просвещает, солнце греет, символизируя заботу о благосостоянии, заботу о счастье народов.

Мария Луиза Орлеанская. Художник Луи Фердинанд Элле (Старший). 1679 г. Версаль

Используя эмблему солнца, монарх, опираясь на мощное воздействие пропаганды, утверждал символику своего государства.

Самого короля часто сравнивали с античными богами. Художники изображали его в одеяниях и в позах древних героев или олимпийских богов. То он Тезей, Геркулес или Персей, то изображен Аполлоном. Изучив отчеканенные в честь Людовика XIV медали, исследователи пришли к выводу, что из 318 медалей семнадцать связывают его с Аполлоном, двести восемнадцать — с Марсом, восемьдесят восемь — с Юпитером и пять — с Меркурием⁴⁰.

Изображение солнца, античных богов и героев на протазанах также служило для возвеличивания и прославления монарха.

Считается, что эта небольшая группа протазанов была создана Жан Берейном для торжеств, связанных с бракосочетанием французской принцессы и испанского короля.

Герцог Филипп Орлеанский с портретом любимой дочери Марии Луизы. Художник Пьер Мигнар. Около 1670 г. Версаль

В 1679 г. король Людовик принял решение выдать свою племянницу Марию Луизу Орлеанскую (1662–1689) замуж за испанского короля Карла II (1661–1700). Это был чистой воды политический брак, направленный на сближение двух монархий.

Мария Луиза была дочерью младшего брата короля — герцога Филиппа Орлеанского и Генриетты Анны Стюарт, дочери английского монарха Карла I.

Очаровательная, прелестная и грациозная Мария Луиза была любимой дочерью отца, хотя Филипп Орлеанский не скрывал своих гомосексуальных пристрастий и предпочитал проводить время с фаворитами-миньонами. При дворе ходили упорные слухи, что отцом принцессы был сам король Людовик XIV.

В 1669 г. у Марии Луизы родилась сестра, названная Анной Марией (будущая герцогиня Савойская, королева Сицилии и Сардинии). В следующем году умерла их мать, и герцог вновь женился, на сей раз на Елизавете Шарлотте Пфальцской, дочери

Король Карл II. Художник Хуан Карреньо де Миранда. 1681 г. Прадо. Мадрид

курфюрста Карла Людвига, о котором рассказывалось выше. Новая герцогиня была хорошо образована. При дворе ее называли уменьшительно-ласкательным прозвищем *Лизелотта*, она фактически заменила девочкам мать. Мария Луиза на долгие годы сохранила добрые отношения со своей мачехой и вела с ней доверительную переписку.

Узнав о предстоящей свадьбе, будущая невеста плакала навзрыд. Всею Европе было известно, что король, над державой которого никогда не заходило солнце⁴¹, был плодом вековых близкородственных браков своих предков — австрийских и испанских Габсбургов. Как установлено сейчас, Карл II страдал

синдромом Кляйнфелера — патологией структуры ДНК⁴².

С рождения он был инвалидом, страдавшим целым букетом разнообразных заболеваний. В то время как обычный человек в пятом поколении имеет 32 различных предка, у Карла II по причине близкородственных браков их было только 10, и все 8 прадедов и прабабок произошли от Хуаны I Безумной. Он имел врожденные уродства — сильно выступающая нижняя челюсть мешала зубам смыкаться. Карл не мог членораздельно говорить

и жевать пищу. Он вынужден был глотать ее кусками. Карл II имел непропорционально большую голову, при этом король был очень высок, его рост достигал 1,92 м. По утверждениям современников, кроме золотухи, лихорадки, размягчения костей и эпилепсии, также страдал от диареи, частой рвоты, преждевременной эякуляции и импотенции. Как утверждают современные исследователи, четвертая часть генома монарха была гомозиготной, что делало короля более уязвимым к болезням.

В четырехлетнем возрасте он потерял отца — Филиппа IV. Два старших брата Карла II скончались до его рождения: Бальтазар Карлос (1629–1646) от перитонита, а Фелипе Просперо (1657–1661) от эпилептического припадка.

Его мать, Марианна Австрийская, ставшая регентшей, и придворные заботились только о том, чтобы следить за здоровьем короля-ребенка. Это сводилось не столько к лечению, сколько к экзорцизмам (снятию порчи). Короля держали в изоляции, старались не перетруждать, до десяти лет с ним обращались как с младенцем и затем еще долго ничему не обучали, что плохо сказалось на его умственном развитии. Очень поздно научился ходить, говорить и писать. Современники отмечали, что король был очень «деликатного темперамента». Чаще всего он проводил целые дни в своем дворце, играя в бирюльки или какие-нибудь детские игры со своими карликами. У него не было никаких других забот, кроме соблюдения дворцового этикета и механического исполнения религиозных обрядов. Единственное, чем Карл восхищал окружающих, это была копна золотисто-рыжеватых волос на его уродливой голове. «Золотом Австрии» называли его густую шевелюру, намекая на то, что мать Карла была австрийской принцессой. Его пугала европейская мода на сбривание волос и ношение париков. Периодически, во время болезней Карлу их состригали, но в молодости волосы быстро вырастали снова⁴³. В Испании за королем закрепилось прозвище «el Hechizado» (испан. Околдованный, Зачарованный, Одержимый).

И за этого человека должна была выйти замуж Мария Луиза. Людовик XIV, утешая ее, заявил: *«Я не мог бы сделать большего для собственной дочери»*. *«Да, сир, но Вы могли бы сделать большее для своей племянницы»*, — сквозь слезы отвечала ему принцесса Орлеанская.

30 августа 1679 г. во дворце Фонтенбло состоялась брачная церемония «по доверенности». Жениха замещал кузен невесты Луи

Король Людовик XIV. Художник Клод Лефевр. Около 1670 г. Версаль

Арман I принц Конти. До середины сентября проводились официальные мероприятия в честь новой королевы Испании. Перед отъездом на свою новую родину Мария Луиза посетила аббатство Валь-де-Грас, где покоилось сердце ее матери.

Отправляя убитую горем племянницу в Испанию, Людовик напутствовал ее словами: *«Самым большим несчастьем для Вас будет, если Вы когда-либо снова увидите родину».*

19 ноября 1679 г. настоящая свадебная церемония состоялась в Кинтанапалье близ Бургоса в Испании. Это стало началом ее очень одинокого пребывания при испанском дворе.

Карл II до безумия влюбился в Марию Луизу, чьи красота и очарование были общепризнаны, и оставался верен своей страсти до конца своих дней. Но, несмотря на поклонение мужа, веселая и жизнерадостная Мария Луиза бесконечно страдала от строжайшего соблюдения придворными церемониала (когда никто не смел даже прикоснуться к королеве) и от невозможности зачать ребенка. Вездесущий французский посол доносил в Париж, что королева уже не девственница, но иметь детей она никогда не сможет. Очень скоро Мария Луиза стала выказывать признаки депрессии.

В отличие от праздничных и веселых Версаля, Пале-Рояля (резиденции ее родителей), замка Сен-Клу, где она провела юные годы, испанский двор был чопорным, темным и удручающим. Строгий придворный ритуал, темные мрачные наряды, засилие религиозных догм делали ее жизнь невыносимой. Вместо балов и театральных постановок она вынуждена была присутствовать на аутодафе. Отдушиной для королевы были визиты в Буэн-Ретиро, где ей было позволено держать французских лошадей. Но любимым местом в Мадриде для нее стал Королевский дворец в Аранхуэсе.

При дворе шел перманентный процесс поиска виновных в болезнях короля заговорщиков, колдунов и отравителей. Французская прислуга королевы попала под подозрение и была обвинена в заговоре против короля и его семьи, а одна из личных горничных Марии Луизы даже подверглась пыткам на допросе. Нелюбовь и недоверие двора к молодой французской принцессе подкреплялись народным отвержением. У стен мадридского дворца, где жила Мария Луиза, даже проводили антифранцузские выступления.

После мучительных десяти лет брака у Марии Луизы и Карла так и не появилось детей. Стресс от невозможности забеременеть, враждебная атмосфера во дворце, постоянные мысли о семье, оставшейся во Франции, привели к тому, что Мария Луиза стала очень много есть. К 26 годам королева набрала изрядный избыточный вес.

11 февраля 1689 г. после прогулки верхом Мария Луиза почувствовала после удара о луку седла сильную боль в животе.

Королева Мария Луиза на смертном одре. Художник Себастьян Муноз. 1689 г.

Она пролежала весь вечер в постели, а на следующий день скончалась. По словам свидетелей на смертном одре королева сказала своему мужу: *«Ваше величество может снова жениться, но никто не будет любить Вас, как люблю я»*⁴⁴.

Кончина жены была сильнейшим ударом для Карла II. Во дворце строили предположения, что могло послужить причиной ее внезапной смерти. Ходили слухи, что королева была отравлена Олимпией Манчини графиней де Суассон (племянницей кардинала Мазарини) по приказу свекрови, якобы из-за невозможности подарить королю наследника⁴⁵. Однако это не соответствовало действительности — Марианна Австрийская также тяжело переживала потерю снохи. Более правдоподобным объяснением смерти Марии Луизы является острый приступ аппендицита, перешедший в перитонит.

Вскоре после похорон испанское правительство приступило к поискам второй жены для короля. Основными кандидатками считались итальянская принцесса Анна Мария Луиза Медичи, немецкая принцесса Мария Анна Пфальц-Нейбургская. Когда

королю показали портреты претенденток, он сказал: «*Дама из Тосканы хороша, и дама из Нюрнберга недурна собой*». Но потом Карл отвернулся и, глядя на портрет Марии Луизы, закончил: «*Но эта дама была прекрасней всех*».

В последний год перед смертью Карл II в очередной раз посетил усыпальницу своих предков в Эскориале и плакал у гроба первой жены Марии Луизы⁴⁶. Он также целовал ее забальзамированное тело и говорил: «*Бог на небесах, Мария Луиза тоже там, и я скоро буду с ней*». 1 ноября 1700 г. Карл умер от апоплексического удара. Последними его словами были: «*Теперь я ничто*». Несмотря на то что новая супруга Мария Анна Пфальц-Нейбургская требовала от короля написать завещание в пользу эрцгерцога Карла Австрийского, Карл II не послушал ее и завещал трон своему внучатому племяннику Филиппу Анжуйскому — внуку Людовика XIV. Австрийцы оспорили это завещание, и началась кровопролитная «Война за испанское наследство» (1700–1714), в результате которой в Мадриде воцарилась династия Бурбонов⁴⁷.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 9/1. № 2. Л. 89.

² Там же. Л. 81–87.

³ Кулинский А.Н. Немецкое холодное оружие. СПб., 2007. Т. II. С. 253 (№ 334), 364.

⁴ The Metropolitan Museum of Art. № 14.25.294.

⁵ Там же. № 14.25.393.

⁶ Müller H.; Kölling H. Europäische Heib- und Stichwaffen. Berlin, 1981. S. 257, 392.

⁷ The Metropolitan Museum of Art. № 14.25.280. Отметим, что аналогичная, судя по описаниям, алебарда была продана на аукционе «Кристис» (Christie's) 16 июля 1997 г. (Lot 31). К сожалению, фотография не была представлена.

⁸ Nicklas Thomas. Christian II (1591–1611) // Die Herrscher Sachsens: Markgrafen, Kurfürsten, Könige 1089–1918. München: Verlag C.H. Beck, 2004. P. 133–134; Schille Ch. Christian II // Neue Deutsche Biographie. Berlin: Duncker & Humboldt, 1957. Bd. 3. S. 231–232.

⁹ Mara R. Wade. Widowhood as a space for patronage — Hedevig, Princess of Denmark and Electress of Saxony (1581–1641) // Forum for Renaissance Studies. Vol. 4. 2008. P. 7–8.

¹⁰ Nicklas Th. Op. cit. P. 136.

¹¹ Mara R. Op. cit. P. 21–22.

¹² Ксения Борисовна Годунова // Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцова. СПб., 1905. Т. 12. С. 509–510.

¹³ Прокопьев А.Ю. Иоганн Георг I. Курфюрст Саксонии (1585–1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011. С. 252.

¹⁴ Там же. С. 359–360.

- ¹⁵ Беспалов А.В. Последняя дружина викингов. Корпус лейб-драбантов Карла XII до 27 июня 1709 г. // Армии и битвы. № 12. 2009. С. 28.
- ¹⁶ Lepsius K.P. Kleine Schriften, Beiträge zur thüringisch-sächsischen Geschichte und deutschen Kunst und Alterthumskunde. Dritter b. Creutz, Magdeburg, 1855; Zur Geschichte des sächsischen Wappens. S. 174–181.
- ¹⁷ Кулинский А.Н. Европейское холодное оружие. СПб., 2008. С. 445, 538. № 494.
- ¹⁸ Бехайм В. Энциклопедия оружия / Пер. с нем. А.А. Девель, В.В. Демидова, В.А. Кондрашева и др. СПб., 1995. С. 218–220.
- ¹⁹ Старинное оружие в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 41. № 71.
- ²⁰ The Metropolitan Museum of Art. № 04.3.97.
- ²¹ Mann J. Wallace Collection Catalogue. European Arms and Armour. Vol. II (Arms). London, 1962. P. 446–447. A939, A938.
- ²² The Metropolitan Museum of Art. № 14.25.268.
- ²³ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. СПб., 1889. Ч. III. С. 186. № 353.
- ²⁴ Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648 гг. СПб., 2002. С. 285–288.
- ²⁵ Moers-Messmer W., von. Heidelberg und seine Kurfürsten. Die grosse Zeit der Geschichte Heidelbergs als Haupt- und Residenzstadt der Kurpfalz. Weiher Verlag Regionalkultur, 2001. S. 110–112.
- ²⁶ Fuchs P. Karl I Ludwig // Neue deutsche Biographie. Bd. 11. Berlin: Kafka-Kleinfelcher, 1977. S. 247–248.
- ²⁷ Семейные перипетии Карла Людвига подробно описаны в книге: Cruysse D. van der. Madame sein ist ein ellendes Handwerck. Liselotte von der Pfalz. Eine deutsche Prinzessin am Hof des Sonnenkönigs. Piper, München, 1997.
- ²⁸ Hauck K. Karl Ludwig, Kurfürst von der Pfalz (1617–1680). Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1903. S. 332.
- ²⁹ Press V. Kriege und Krisen: Deutschland, 1600–1715. Neue Deutsche Geschichte. Bd. 5. Munich: C.H. Beck, 1991. S. 424–425.
- ³⁰ Mann J. Wallace Collection Catalogue. European Arms and Armour. Vol. II (Arms). P. 446. A938. Pl. 153.
- ³¹ Müller H., Kölling H. Op. cit. S. 245, 389.
- ³² Blin M. Les Gardes de la porte du roi. Étude institutionnelle et sociale. Dictionnaire biographique. Paris: L'Harmattan, 2016. 424 p.
- ³³ Heer E. Der neue Stöckel. Internationales Lexikon der Büchsenmacher, Handfeuerwaffen-Fabrikanten und Armbrustmacher van 1400-190. B. 3. Schwabisch Hall, 1978–1982. S. 775.
- ³⁴ Бранденбург Н.Е. Указ. соч. С. 189–190. № 365.
- ³⁵ The Metropolitan Museum of Art. № 14.25.454 Не вдаваясь в подробности, отметим, что есть еще один вариант перевода девиза: «И для многих равный» (См.: Малов В.Н. Психологический портрет Людовика XIV // Европейские монархи в прошлом и настоящем. XVIII–XIX вв. СПб., 2001. С. 138).
- ³⁶ L'Haridon, O. Penguilly. Catalogue des collections composant le Musee d'artillerie. Paris, 3 de Mourgues Freres, Successeurs de Vinchon, 1862. P. 478. K189.
- ³⁷ The Metropolitan Museum of Art. № 04.3.65.
- ³⁸ Mann J. Op. cit. P. 470–472. № A 1008, A 1009; Laking G.F. A Record of European Armour and Arms. London, 1920. Vol. 1921. IV. P. 344–345. Fig. 1414.

³⁹ Ленц Э. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Ч. I (Собрание оружия). СПб., 1908. С. 263; Старинное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 42. № 77.

⁴⁰ Блюш Ф. Людовик XIV / пер. Л.Д. Тарасенковой. М., 1998. С. 182–183.

⁴¹ В состав империи испанских Габсбургов входили огромные территории: Испания, Балеарские острова, Сардиния, Королевство двух Сицилий, укрепления на побережье Тосканы, Маркизат Финаль на берегу Неаполитанского залива, испанские Нидерланды, Мексика, Центральная Америка, самые большие острова Антильской гряды, вся Южная Америка, кроме Бразилии. Испанские короли владели также Филиппинскими и Марианскими островами. В Африке им принадлежали Канарские острова и укрепленные пункты Оран (порт в Алжире), Лараш (порт в Марокко) и др. Во второй половине XVII в. испанская империя переживала период затяжного упадка. Государственный долг составлял фантастическую сумму. Король был настолько беден, что не мог выехать в собственной карете. Ему не хватало средств на ее ремонт. 60 конюхов, длительное время не получавших зарплату, одновременно взяли расчет. Приходилось нанимать бродяг на улицах в качестве кучеров на одну поездку. Нужда проглядывала повсюду. Испанская армия к 1670 г. насчитывала не более 2–3 тыс. солдат в Каталонии. Даже при напряжении всех своих сил Испания в случае войны не могла выставить более 8 тыс. солдат, не получавших к тому же ни продовольствия, ни денег и живших за счет награбленного у местного населения. Некогда знаменитый испанский флот уже не представлял собой серьезной военной силы. Если в начале правления Карла II у него было 18 военных кораблей, то в последние годы жизни он имел в Испании только 2 судна, в Италии — 12, причем 7 из них были наняты у Генуэзской республики. Львиная часть доходов от Западных Индий (от 60 до 80 %), и прежде всего драгоценных металлов, не поступала в государственный бюджет. Она доставалась колониальной знати, иностранным купцам и наконец пиратам, промышлявшим на атлантических торговых путях (Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М.: Международные отношения, 1991. С. 272; История Испании. С. 578)

⁴² Ceballos Francisco C., Álvarez Gonzalo. La genética de los matrimonios consanguineos // *Dendra Médica. Revista de Humanidades* 2011. № 10 (2). P. 160–176; История Испании. Т. 1 (С древнейших времен до конца XVII века). М., 2012. С. 572.

⁴³ Грин В. Безумные короли. Личная травма в судьбе народов. Ростов-на-Дону, 1997. С. 255–256; Калнейн А. фон. Карл II (1665–1700) // *Испанские короли. Ростов-на-Дону, 1998. С. 172.*

⁴⁴ Gamazo Maura. Gabriel. María Luisa de Orléans, Reina de España: leyenda e historia. Madrid: Saturnino Calleja. 1943; Borgognoni Ezequiel. *The Royal Household of Marie-Louise of Orleans, 1679–1689: The Struggle over Executive Offices.* 2018. 166–181.

⁴⁵ Альтамира-и-Кревера Рафаэль. История Испании. М., 1951. Т. 2. С. 124.

⁴⁶ Обычай посещать гробницы предков был давней традицией в доме Габсбургов. При этом сами гробы открывались, а посещающий их монарх целовал останки своих предшественников и беседовал с ними.

⁴⁷ Иволина Л.И. Испанская проблема в европейской политике второй половине XVII в. // *Вестник Удмуртского университета. История и филология.* 2009. Вып. 2. С. 130–137.

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

ДАНЦИГСКАЯ КОНТРИБУЦИЯ. ИЗ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1700–1721)

О ДНИМ ИЗ МАЛОИЗУЧЕННЫХ вопросов истории Северной войны являются взаимоотношения Петра I с Данцигом (Гданьском). За исключением кратких упоминаний в общих исследованиях и небольшой статьи история противостояния русского царя с вольным городом практически не освещена в историографии¹.

Данциг был важнейшим польским портом и торговым центром на Балтийской море. Он контролировал устье Вислы и выход из нее в Балтику. После падения Риги (1710) Данциг стал крупнейшим центром хлебной торговли. Зерно поступало из внутренних областей Польши в данцигский порт, откуда отправлялось в Швецию, Голландию и Англию. Данцигская хлебная торговля была особенно важна для Шведского королевства, не обеспечивавшего себя зерном. С началом Северной войны прекратились поставки зерна из России, и Данциг занял лидирующие позиции в поставках ржи и пшеницы на шведский рынок. Кроме того, данцигские купцы торговали лесом, дегтем, поташем, льном, коноплей, селитрой, кожей, сукном, тканями и др. В свою очередь из Швеции везли железо и медь. За год в данцигский порт заходило до 1000 торговых кораблей.

После Альтраншtedтского мира² данцигский магистрат занял откровенно враждебную позицию по отношению к России. Город признал польским королем шведского ставленника Станислава Лещинского, оказывал ему помощь деньгами и вербовкой солдат. В 1706 г. в Данциге был основан шведский двор, при котором находились иностранные послы.

Союз трех королей (слева направо: Август II , Фридрих-Вильгельм I и Фредерик IV). Художник С.Т. Гернике. Замок Шарлоттенбург. 1709 г.

Неопределенная ситуация, вызванная шведским вторжением в русские пределы, дала Данцигу небольшую передышку. Все изменилось после Полтавской победы в 1709 г. Началось победоносное шествие русской армии в шведские владения в Прибалтике и Финляндии. В 1710 г. пали Ревель, Рига, Пернов, Дюнамюнде,

Выборг, Кексгольм и Эльбинг. Вся Эстляндия и Лифляндия оказались в руках Петра I. Русские войска вошли в Польшу.

В ноябре 1710 г. русский государь вновь обратился к данцигскому магистрату с многочисленными претензиями. Основной была по-прежнему поддержка городом Станислава Лещинского и финансовая помощь ему и поставка рекрутов. Городу вменялись «замешательства и обиды», чинимые генерал-фельдмаршалу на русской службе барону Г. Гольцу, русскому резиденту в Гамбурге И.-Ф. Беттигеру, а также русским купцам⁶. В Данциг был отправлен русский посол в Польше, действительный тайный советник князь Г.Ф. Долгорукий⁷, который должен был потребовать уплаты контрибуции в 300 000 ефимков. В противном случае князь должен был угрожать магистрату осадой и бомбардировкой города русскими войсками, стоявшими под Эльбингом⁸.

В грамоте данцигскому магистрату, подписанной царем, уклончиво говорилось, что Долгорукий объявит о «некоторых делах и желаниях наших»⁹.

Самому Г.Ф. Долгорукому была дана подробная инструкция, как поступать и как вести себя с данцигскими властями. В качестве сатисфакции город должен был уплатить Петру I в качестве подарка уже упомянутые 300 тыс. Подчеркивалось, что эти деньги нужны не самому русскому монарху, а королю датскому Фредерику IV¹⁰ для организации союзных десантов на шведскую территорию. При отказе Данцига в выплате сатисфакционных денег, бригадирам П.И. Яковлеву и Ф.И. Балку¹¹ с войсками, направлявшимися в Данию, надлежало следовать к Данцигу, осадить город и подвергнуть артиллерийскому обстрелу¹². Однако в последний момент из-за надвигающейся войны с Турцией Г.Ф. Долгорукий был отозван («во Гданьск тебе от нас комиссию... отложить»)¹³.

Тем не менее, царь советовал князю А.Д. Меншикову, сетовавшему на недостаток продовольствия для русских войск в Польше: «Приблизиться вам к Данциху, и с оных лехко возможно тысяч триста или больше взять»¹⁴. Хитроумный Меншиков, понимая, что получить столь большую сумму с жителей Данцига будет очень сложно, обратился к Петру с предложением ограничиться 100 тыс., а еще столько же взять с города польскому королю Августу II. Царь отвечал резолюцией: «Быть по сему предложению». Кроме того, А.Д. Меншиков предлагал в случае полного отказа в выплате денег конфисковать весь скот

Г.Ф. Долгорукий.
Неизвестный художник начала XVIII в.

и другое имущество, «что найдется» в окрестностях города¹⁵.

Вместо отозванного Долгорукова решать вопрос с данцигской контрибуцией был назначен опытный дипломат, начальник всей русской артиллерии, генерал-лейтенант Я.В. Брюс¹⁶. Инструкцией от 3 января 1711 г. ему предписывалось: «Совершенно того города не бомбардировать, разве что для постраху кинуть некоторое малое число бомб». Брюсу также вменялось требовать от жителей Данцига половину суммы контрибуции, с уп-

латой оставшейся части после войны. Срок погашения контрибуции при этом растягивался до двух — четырех месяцев. Петр подчеркивал, что взыскиваемая сумма пойдет на нужды войны, и прежде всего в помощь союзной Дании, поскольку королю Фредерику IV «из своей казны для собственных иждивений оному вспомочь и денег перевести... невозможно, а особливо при нынешней начинающейся войне с Турцией». В феврале 1711 г. Брюс прибыл в Данциг, но никакой контрибуции или даже ее части не получил.

В мае — июне того же года русское командование стало получать известие о готовящемся шведском десанте. Наиболее вероятным местом его высадки назывался дружественный Швеции Данциг. Так, А.Д. Меншиков в письме Я.В. Брюсу от 10 мая указывал, что Карл XII¹⁷ писал в Стокгольм, «дабы выступить в Польшу от 16 до 20 000 войска и для того сильной транспорт готовитца; и еже ли то вправде, то кроме Гданска ниде пристать им негде». Брюс, отрицавший сначала возможность похода неприятельских кораблей к Данцигу, передавал 23 июня Меншикову:

«Разглашают, что шведский транспорт скоро прибудет к Гданску и с Лещинским». Поэтому туда было решено направить саксонскую артиллерию. Ситуация усугублялась и тем, что основные русские силы во главе с самим Петром были задействованы в Прутском походе¹⁸.

К решению данцигской проблемы были подключены и иностранные дипломаты. В частности голландский резидент при русском дворе Я. де Би получил указания от своего правительства всячески способствовать скорейшему освобождению Данцига от постоя русских войск и ограждения города в дальнейшем от каких-либо притязаний русского царя. Де Би должен был также обеспечить торговые интересы голландских купцов¹⁹.

Аналогичным образом должен был действовать английский посланник в России Чарльз Уитворт. Проезжая через Данциг, он встретился с двумя городскими депутатами и спросил у них, почему город не направит к Петру посольство для урегулирования всех спорных вопросов. Тем более, что царь находится недалеко — в Эльбинге. На это депутаты холодно отвечали, что магистрат еще не принял никакого решения. Действительно, отцы города предпочитали вести закулисную игру с Августом II, обещая ему 200 тыс. талеров под гарантии защиты города от претензий Петра I²⁰.

В сентябре Брюс вынужден был покинуть город и отправиться к войскам в Мемель, а затем в Эльбинг. Иностранный дипломат

А.Д. Меншиков.
Гравюра Ж. Симона. После 1709 г.

отмечал, что генералу Я.В. Брюсу «дважды поручалось указать Данцигу на... ряд обид и предложить примирение на условиях разумного удовлетворения за обиды, но его указания оставались безуспешными»²¹.

Новь Я.В. Брюс приехал в Данциг в апреле 1712 г. Он настойчиво добивался от магистрата исполнения требований Петра. Уполномоченные Брюса имели несколько бесед с бургомистром и депутатами, но «прямого их намерения» так и не удалось выяснить. Меншиков инструктировал в своем письме Брюса, чтобы тот соглашался на уплату 100 тыс. талеров из 200 тыс., но требовал выплаты оставшейся суммы королю Августу, «когда оный от них их потребует». В другом письме предлагалось соглашаться на 50 тыс., а оставшуюся часть взять продовольствием, столь необходимым для русских войск²².

Я.В. Брюс.
Неизвестный художник начала XVIII в.

5 мая Брюс с огорчением сообщал, что данцигские власти его «только маннами до комплиментами кормят»²³. В другой своей депеше, выражая недовольство по поводу нерешительных действий в отношении Данцига, он писал: «Ежели ныне намерения нет их бомбардировать, то не для чего посылать к ним, понеже довольное число воинов царского величества и артиллерия, которая им вред зело учинить возможно»²⁴. Яков Вилимович также отмечал, что подход к Данцигу сухопутных войск будет затруднен многочисленными протоками и каналами, в которых при необходимости горожане могли регулировать уровень воды²⁵.

Меншиков советовал Брюсу при отказе магистрата вообще от всяких выплат немедленно отправляться навстречу к князю

В.В. Долгорукому. Тот же в свою очередь должен немедленно следовать с войсками к непокорному городу²⁶. Однако, военных действий он предпринимать не должен. Следовало ограничиться акцией устрашения²⁷.

Данцигские власти заявили, что для принятия решения необходимо собрать Большой совет города. Сбор членов совета откладывался на несколько дней из-за праздника Святой Троицы. Наконец, обсуждение русских требований состоялось на совещании ста данцигских старейшин. Через депутатов они объявили, что Данциг из-за нужды и оскудения не имеет намерения выплачивать контрибуцию. Получив ответ, 13 мая Брюс покинул город²⁸.

Из писем того же Брюса становится понятно, почему Данциг с таким упорством и смелостью отстаивал свои интересы, несмотря на угрозу военных действий и предложение о снижении требуемой суммы до 100 тысяч. Отцы города так и не пошли на соглашение с русским генералом. Дело в том, что данцигский магистрат уповал на помощь и поддержку Августа II, который собственноручными письмами обнадеживал горожан в противостоянии с русскими («и не имеют они какова страху, чтоб им что то учинилось, ибо имеют от королевского величества польского за рукою и печатью его письмо»)²⁹.

Желая получить дипломатическую поддержку в своем желании наказать Данциг, русский государь обратился с подробным изложением вины города к другому своему союзнику, прусскому королю Фридриху Вильгельму I³⁰. Петр высказывал надежду, что король «по высокопохвальному своему правдушию не токмо сию мою справедливую претензию за благо примет, но крепким увещанием оной (город. — *Авт.*) туды склонить изволит, чтоб мне для престережения вящих следованей без дальняго отлагателства справедливую сатисфакцию учинил»³¹.

Однако выяснилось, что союзник тоже ведет двойную игру. Покинув Данциг, Брюс получил новые известия от своих уполномоченных, что и прусский король подговаривает магистрат не платить контрибуцию и обещает свою помощь. Об этом говорили во всех городских кофейнях («кофейных домах»)³².

Слухи эти получили такое распространение, что сам король Фридрих Вильгельм вынужден был успокаивать русского посланника в Берлине А.Г. Головкина, что не имеет

никакого намерения поддерживать Данциг в противостоянии с Петром I. Об этом сообщал Брюсу отец дипломата — канцлер Г.И. Головкин³³.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, в 1713 г. Петр рассматривал Гданьск как место для переговоров представителей противоборствующих в Северной войне сторон для переговоров о мире³⁴.

14 августа 1713 г. Меншиков доносил Петру, что после заключения мира между Россией и Турцией, данцигский магистрат добровольно не выплатит контрибуции, поскольку по условиям договора русские должны были вывести свои войска из Польши. «И для того, за пристойнее рассудил я, — писал князь, — чтоб ныне чрез доброй способ из к тому склонить, чтоб хоть малое число нам добровольно дали..., чтоб хоть тысяч 50 взять добрым способом без всякого насилия, нежели ничего или великое число чрез силу»³⁵.

Светлейшему князю было вдвойне обидно за неудачу с Данцигом, тем более что ему в начале июня 1713 г. удалось заключить соглашение о выплате контрибуции Гамбургом на сумму 200 тыс. талеров³⁶. Спустя несколько дней, 15 июня 1713 г., Меншиков подписал еще одну выгодную конвенцию, на сей раз с Любеком, и получил с города 33 333 талеров контрибуции³⁷. Оба «вольных города» обвинялись в торговле со шведами и их поддержке военными припасами и продовольствием.

Для того чтобы разрубить данцигский «гордиев узел», необходимы были решительные действия. Русская армия под командованием князя А.Д. Меншикова начала движение к Данцигу. Понимая, что на сей раз не помогут обещания ни польского, ни прусского короля, магистрат согласился на безотлагательные переговоры. 27 октября 1713 г. в Мариенвердере была заключена конвенция между Россией и Данцигом на условиях, выдвинутых Петром I³⁸.

Казалось бы, в данцигском вопросе можно было бы поставить точку. Однако все еще было впереди.

В 1714 г. при европейских дворах стал активно распространяться пасквиль, составленный в виде письма одного друга из Данцига другому в Голландию. В нем русский царь обвинялся в несправедливой войне против Швеции, в попытках установить полное господство над Балтикой и захватить балтийские порты. Имеется предположение, что тираж этого письма был напечатан

шведами кириллическим шрифтом в захваченной типографии близ Данцига при непосредственном участии или попустительстве городских властей³⁹. Кроме того, город не спешил выплачивать русским контрибуцию согласно Мариенвердерской конвенции, как всегда ссылаясь на обнищание и разорение.

В феврале 1716 г. Петр предъявил очередные претензии непокорному городу. Поскольку Данциг не прекратил торговлю со Шведией и не вооружил четыре капера для военных действий против шведских торговых кораблей, царь требовал допустить в город русского комиссара с 20 солдатами для досмотра всех кораблей у Миденшанца и выплаты контрибуции. Не дожидаясь решения магистрата, Петр приказал поручикам Мясникову и Мурзину устроить заставу в устье Вислы и задерживать для осмотра все корабли, следующие в данцигский порт. Надлежало арестовывать все суда, где находились шведские товары, невзирая на страну принадлежности. Исключение делалось для голландских и английских кораблей. Кроме того за постоянные торговые контакты со шведами (на момент приезда царя в порту находились 4 шведских судна) на город налагался еще один штраф в 150 000 ефимков⁴⁰.

Удивительно, но город, с которым были столь сложные отношения (практически на грани военного столкновения), был избран русским государем местом для бракосочетания его племянницы с мекленбургским герцогом. В конце зимы 1716 г. Петр I с царицей Екатериной Алексеевной и племянницей царевной Екатериной Ивановной прибыли в Данциг, где находилась главная квартира русского генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева⁴¹. Туда же приехал герцог Карл Леопольд, а также польский король Август II Сильный.

Пышная свадебная церемония состоялась 8 апреля 1716 г. Герцог нацепил на себя — по шведской моде — здоровенную шпагу, при этом забыв надеть манжеты, что вызвало недоумение даже у простолюдинов. Выходя из кареты, Карл Леопольд зацепился париком за обивочный гвоздь и должен был стоять несколько минут с непокрытой головою посреди народа, откуда гофмаршал Эйхгольц не снял парик с гвоздя и не надел ему на голову⁴².

Свадьба совершилась в четыре часа дня в присутствии российского государя, его супруги, польского короля, министров и придворных. Венчание по православному обряду совершил архимандрит Александро-Невского монастыря в Санкт-Петербурге и

любимец царя Феодосий Яновский. Закончилось все фейерверком, во время которого царь лично поджигал ракеты⁴³.

В день свадьбы между Россией и Мекленбургом был подписан союзный договор, в который вошли и все пункты брачного соглашения.

Спустя несколько дней польский король устроил для высоких гостей прием с развлечениями и забавами: «Мясники, езда на лошадях, рвали голову от живого гуся, который был повешен за ноги на протянутой веревке; також плотники корабельные с топорами танцевали, да на высоком столбе положено было несколько денег и мундиру, на который лазил старик без лестницы и достал все»⁴⁴.

В Данциге с Петром произошел курьезный случай. Царь въехал в город 18 февраля 1716 г., в воскресный день перед полуднем. Крепостные ворота чуть было не закрылись перед ним. Его поразило отсутствие людей на городских улицах. Прибыв на квартиру, Петр спросил у хозяина гостиницы, где же жители? Тот отвечал, что в соборе проходит богослужение и все горожане находятся там, а на время службы закрываются крепостные ворота. Русский монарх попросил проводить его в собор, где при входе его уже встречал бургомистр, предупрежденный городской стражей. Царя сопроводили к первому ряду скамей, где сидели самые знатные горожане. Он занял кресло бургомистра, посадив его рядом с собой. Служба закончилась, и началась проповедь, которую царь слушал с большим вниманием. Многочисленное собрание же не столько внимало проповеднику, сколько не спускало глаз с царя. В огромном соборе Девы Марии (базилике Вознесения Пресвятой Девы Марии) гуляли сквозняки. Самый большой кирпичный храм тогдашней Европы не отапливался. Почувствовав, что непокрытой голове становится холодно, Петр снял парик с бургомистра и надел его себе на голову. По окончании проповеди он вернул имущество на место, поблагодарив владельца кивком головы.

В тот же день городская депутация с выражением почтения посетила квартиру царя. Некий придворный из царской свиты разъяснил отцам города, что в действиях русского монарха нет ничего удивительного. Петр мало внимания уделяет таким мелочам, как этикет. Когда во время богослужения ему становится холодно, он часто снимает парик с князя А.Д. Меншикова или кого-нибудь другого, стоящего рядом, и надевает на себя⁴⁵.

Один из первых публикаторов этого исторического анекдота академик Я. Штелин сообщал, что услышал его от данцигского синдика⁴⁶ Валя и бургомистра Элерса, приехавших в Санкт-Петербург ко двору Анны Иоанновны после взятия Данцига русскими войсками в 1734 г. в ходе войны за «польское наследство»⁴⁷.

Интересна судьба человека, чьим париком так беззастенчиво воспользовался русский царь. Габриэль фон Бёмельн (Gabriel von Bömeln, 1658–1740) был сыном данцигского бургомистра Георга фон Бёмельна и Иустины Габриэль (по первому мужу — Сальманн). С 1672 г. он учился в Кенигсбергском университете (знаменитой Альбертине), затем в Познани изучал польский язык, а затем совершил образовательную поездку в Нидерланды, Англию и Францию. В 1682 г. он приехал в Варшаву для изучения права и политических наук. Спустя десять лет он стал одним из известных в Данциге адвокатов. В 1692–1699 гг. он служил в данцигском магистрате в качестве присяжного заседателя, а затем стал советником (в 1700–1707). С 1708 г. и до самой смерти в 1740 г. Бёмельн находился на посту бургомистра.

Бёмельну приходилось выполнять и сложные дипломатические миссии. В 1700 г. он был отправлен во главе посольства ко двору Людовика XIV для урегулирования сложных отношений, возникших после 1697 г., когда Данциг не поддержал французского ставленника на польский престол Франциска Людовика Бурбона принца де Конти. Француз прибыл в Данциг, но вынужден был спешно ретироваться, после того как Россия и Бранденбург поддержали кандидатуру саксонского курфюрста Фридриха Августа I. В 1703 г. Бёмельн вел переговоры со шведским генералом Магнусом Стенбоком, в результате которых удалось отстоять город, которому грозила оккупация со стороны северных соседей. В 1705–1706 гг. бургомистру удалось довести до удовлетворительного завершения переговоры с Англией по вопросу правового статуса английских купцов в Данциге.

В годы войны «за польское наследство» (1733–1735) Данциг поддержал избранного польского короля Станислава Лещинского, чему активно противостояли Россия и Саксония. Во время осады города русско-саксонскими войсками 76-летний Габриэль Бёмельн лично возглавил оборону города. Из-за отсутствия обещанной помощи со стороны Франции и предательской позиции Пруссии, после длительной осады Данциг

Габриэль фон Бёмельн. Гравюра начала XVIII в.

капитулировал. Станислав Лещинский бежал во Францию к своему зятю королю Людовику XV. Бургомистру Бёмельну удалось

добиться от русского генерал-фельдмаршала Б.Х. Миниха более мягких условий сдачи, чем того хотели саксонцы. Город вынужден был признать польским королем Августа III Саксонского.

В последние годы жизни Габриэль фон Бёмельн, несмотря на то что сохранял пост бургомистра, остался фактически не у дел. Но ему удалось добиться, чтобы королевским комиссаром в Гданьске был назначен Констанций Унруг, муж его дочери Агаты Юстины⁴⁸.

По словам историка А.Г. Брикнера, в Данциге Петр распоряжался, как у себя дома. Он был встречен русскими генералами, в городе и его окрестностях было много русских войск, около Данцига находился русский флот. Король Август производил на современников скорее впечатление вассала, угождавшего своему ленному владельцу, нежели хозяина дома, принимавшего у себя почетного гостя. Видя, с какой надменностью Петр в Данциге обращался с королем Августом, современники в Западной Европе ужасались. Прусские министры представляли своему королю опасность, грозившую ему со стороны Петра. Устраиваемые Петром в Данциге военные смотры казались демонстрациями, имевшими целью внушить союзникам «высокое понятие о значении России»⁴⁹.

Предполагаемая высадка союзных войск на территории Швеции требовала огромного напряжения всех ресурсов. Петр не мог оставить в тылу Данциг, занимавший недружественную по отношению к России позицию. Кроме того, царь надеялся использовать данцигские корабли для перевозки армии и артиллерии. В своей декларации он объявил Данциг неприятельским городом. При этом указывалось, что город является частью Речи Посполитой, но не участвует в войне со Швецией и фактически не выполняет требования своего сюзерена — короля Августа. Более того, выступает против интересов Северного союза и оказывает шведам «всякое вспоможение».

В апреле 1716 г. Петр вознамерился окончательно решить вопрос с непокорным Данцигом. Для этого необходимо было применить военную силу. Царя раздражал и тот факт, что его союзник Август II ведет за его спиной тайные переговоры с данцигскими магистратами и всячески их обнадеживает в противостоянии с российским монархом. В переписке с генерал-фельдмаршалом Б.П. Шереметевым государь высказывал недоумение относительно польского монарха. В частности он предложил, чтобы Август

сам решил данцигскую проблему. Это было бы только на пользу Северному союзу. Петр писал в афористичном, как всегда, духе: «А буде того не изволит учинить, то я подлинно от сей правой претензии не отстану, и сей город ежели не склонится, чрез хургацию (т. е. хирургическую операцию. — *Авт.*) вылечим, для чего уже привезены и пилюли сюда». Под пилюлями подразумевалась 45-галерная эскадра, находившаяся в Либау⁵⁰.

Ситуация была настолько серьезной, что в ожидании подхода русских кораблей, как отмечалось в «Походном журнале» Петра I: «Гданчане город заперли, опасаясь»⁵¹.

27 апреля 1716 г. русская эскадра, на одной из галер которой находился и сам царь, подошла к Данцигу. Неизвестно, как

сложилась бы дальнейшие события. Возможно, что Петр выполнил бы свое обещание и приступил бы к хирургической операции — бомбардировке города с моря. Однако вместе с царем находился и польский монарх со своими министрами. Скорее всего, им были даны некие гарантии по решению данцигской проблемы. 30 апреля флот отправился дальше, в Мекленбург. Бастионы города салютовали царю выстрелами из 151 пушки. Все русские галеры стреляли из бортовых пушек в знак ответного приветствия⁵².

В.В. Долгорукий.
Неизвестный художник начала XVIII в.

Летом 1717 г. Петр I направил для «очередного окончательного» решения данцигской проблемы генерал-поручика князя В.В. Долгорукова. Под угрозой применения военной силы в сентябре магистрат Данцига вынужден был подписать с Долгоруким

конвенцию из 11 пунктов, по которым город отказывался от обмена корреспонденцией и от коммерции со шведами, до окончания войны. В городе должен был находиться русский агент. Городские власти должны были за свой счет вооружить три фрегата-капера под польским флагом. Команда на кораблях должна была быть русско-польская. Город обязался выплатить царю 140 000 ефимков сатисфакции и давать убежище русским кораблям. В свою очередь Петр обещал забыть все бывшие обиды, гарантировал Данцигу вольности и привилегии, позволял данцигским купцам беспрепятственно торговать в России. Конвенция была ратифицирована в Данциге в присутствии Петра I 20 октября 1717 г.⁵³

В помощь Долгорукому был направлен Василий Никитич Татищев (1686–1750), будущий историк, организатор горнозаводского дела и дипломат. Ему было поручено получить с города долгожданную контрибуцию, а также заставить Данциг прекратить торговлю и прочие сношения со Швецией. Узнав, что в соборе Девы Марии хранится картина «Страшный Суд», якобы написанная просветителем славян св. Мефодием, Петр I готов был снизить контрибуцию на 50 тыс. ефимков. Однако бургомистр Данцига добивался снижения выплаты на 100 тыс. Татищев осмотрел картину и определил подделку (картина, доскать, не старая и не может быть написана святым), благодаря чему Петр отказался от своего намерения⁵⁴.

В данном случае речь идет о знаменитой картине «Страшный Суд», или «Алтарь Якопо Тани» (около 1461–1473) — триптихе Ганса Мемлинга. В 1473 г. картина, отправленная на галерею из Фландрии заказчиком во Флоренцию, была захвачена пиратами, нанятыми Ганзейским союзом. Предводитель морских разбойников Пауль Бенеке передал захваченное полотно в собор Девы Марии в Данциг. Одна из величайших картин человечества могла быть получена для России, но искусствоведческие «talанты» В.Н. Татищева не позволили этого сделать.

Шедевр все же побывал в России. В 1945 г., при отступлении немецких войск, триптих по приказу Геринга был отправлен в Тюрингию. Позднее уже советскими войсками вывезен в Ленинград и хранился в Эрмитаже до 1956 г. По распоряжению Н.С. Хрущева он был возвращен польской стороне. В настоящее время картина хранится в Гданьске, в Поморском музее, расположенном в средневековом монастыре Святой Троицы⁵⁵.

«Страшный суд», или «Алтарь Якопо Тани».
Триптих Ганса Мемлинга (около 1461—1473)

По-видимому, в Гданьске Татищев присутствовал на пиру у Петра и воспроизвел позднее в «Истории» любопытный разговор. Речь шла о польских делах. Граф И.А. Мусин-Пушкин⁵⁶ расхваливал царя, противопоставляя его самодержавное правление царствованию отца — Алексея Михайловича, который доверялся своим советникам. Петр, однако, увидел в этом «брань» и обратился к Якову Федоровичу Долгорукому (1639—1720), отличавшемуся независимым и открытым характером, с требованием оценить отцовские и его собственные дела. Я.Ф. Долгорукий начал служить еще при Алексее Михайловиче и мог дать такую оценку. «Недолго по повадке великие свои усы разглаживая и думая, — пишет Татищев, — князь предпочтение явно отдал отцу». «Дела разные, — деликатно заметил он, — в ином отец твой, в ином ты больше хвалы и благодарения от нас достойны». Князь выделил три круга обязанностей государей: правосудие, военные дела, дипломатические — отдавая приоритет первому. Долгорукий считал, что в правосудии «отец твой более времени свободного имел, а тебе есче и думать времени о том не достало, а тако отец твой более, нежели ты, зделал; но когда ты о сем прилежать будешь, то может превзойдешь, и пора тебе о том думать». И по второму кругу обязанностей государя князь отметил, что именно

Алексей указал путь к устройению регулярных войск, а после него при Нарышкиных (в конце XVII в.) все это было расстроено, так что Петру все пришлось начинать заново. Ответить на вопрос, «кого более похвалить» в этой связи, князь полагал возможным после окончания шедшей войны. Преимущества же Петра князь видел в дипломатической активности и в создании флота⁵⁷.

Согласно заключенной конвенции в Данциг был назначен русский агент в качестве дипломатического представителя. Первым русским резидентом в вольном городе в начале 1718 г. стал польский дипломат на русской службе Людвиг Ланчинский⁵⁸. Его сменил Георг Эрдман (Эртман), вначале в должности агента, а затем — резидента⁵⁹.

В верительной грамоте от 9 мая 1718 г. Петр I указывал: «Того ради мы желаем, дабы... оному нашему обер-аудитору не токмо свободно и с надлежащим почтением и повольностью в Гданьске впред до нашего указа пребывать позволили, но что он вам от времени до времени по нашим указам о приключаящихся делах, а особливо о исполнении вышеупомянутой учиненной о нас с вами конвенции объявлять и представлять станет».

Эрдман непосредственно занимался размещением представительства в городе. Русский военный аудитор Павел Готовцев в 1719 г. приобрел в Гданьске «три подряд лежащие дома» близ Langgarten Thor и по именному указу Петра I передал их Г. Эрдману.

Заметим, что и после заключения конвенции 1717 г. политика Данцига практически не изменилась, магистрат воздерживался от выполнения пунктов договора, купцы продолжали оживленную торговлю со Швецией, изыскивая при этом новые обходные пути. Данциг широко использовал активные торговые связи Пруссии со Швецией для приобретения шведских товаров. Ланчинский сообщал о новых партиях железа, поступающего в данцигский порт из Швеции. Товар перегружался в портах Пруссии на корабли данцигских купцов и под видом прусского доставлялся в город. Русский дипломат требовал наказать шкиперов Ф. Берга и Я. Блюма, а также купцов Эхмана и Сведке. Городской магистрат действительно опубликовал указ о запрете торговли со шведами под угрозой ареста и тюремного заключения, но исполнять его как всегда не спешил.

Видя очередную проволочку данцигского магистрата с исполнением пунктов конвенции, Петр снова вынужден был

прибегнуть к демонстрации военной силы. 21 апреля 1718 г. генералу князю Н.И. Репнину⁶⁰ было приказано «отправиться с войсками в Данциг, для принуждения магистрата силой оружия исполнить данного им письменного обязательства». Репнин, рас-

Н.И. Репнин.
Неизвестный художник начала XVIII в.

положив русские войска в Хельминском, Плоцком, Мазовецком и Любельском воеводствах Польши на квартирах, в начале июля 1718 г. вошел с одной из своих дивизий в предместья города и принудил его магистрат выдать большую часть обещанных царю денег. Русские войска вышли из Данцига лишь в декабре 1718 г. после усиленных просьб польского короля к Петру.

Тогда же в данцигский порт был отправлен капитан-поручик Н.П. Вильбоа⁶¹ с флотилией. Он имел инструкции наблюдать за движением данцигских кораблей в Швецию и обо всех нарушениях сообщать Л. Ланчинскому. Вильбоа строго придерживался полученных указаний, чем вызвал недовольство данцигских властей. Ведь теперь за их действиями пристально следили не только в городе, но и на море.

Данцигские власти направили в Ревель (а затем и в Санкт-Петербург) к Петру депутацию во главе с секретарем магистрата Константином Бонгорстом, задачей которого было добиться отвода русских войск от стен города, отказа от «жесточкого осмотра кораблей» и разрешения выплаты оставшейся части контрибуции в два срока. В конце 1718 г. Вильбоа покинул данцигские воды, но в следующем году русские галеры захватили в шведских шхерах несколько данцигских кораблей, которые нарушали конвенцию. Суда были нагружены хлебом, солью, а также амуницией

и необходимыми для шведского флота припасами. Георг Эрдман получил приказ уведомить власти Данцига о конфискации кораблей. Экипажи были захвачены как военнопленные. Им грозили переводом на каторжные работы, если данцигские купцы еще раз посмеют возобновить торговлю со шведами.

Борьба Вильбоа против контрабандной торговли была настолько упорной, что летом 1719 г. на городском рейде даже произошло сражение между русским фрегатом и двумя шведскими судами, прибывшими за продовольствием. 30 октября 1719 г. данцигский магистрат скрепя сердце вынужден был полностью запретить торговлю со Швецией хлебом и встал, таким образом, на сторону Вильбоа⁶².

С окончанием Северной войны в 1721 г. ограничения на свободу торговли Данцига со Шведским королевством были сняты.

Так закончилась многолетняя затяжная эпопея с выплатой Данцигом контрибуции России и ограничением его торговли со Швецией. Обе стороны проявляли чудеса упорства и настойчивости в достижении своих целей. Это была настоящая война нервов, в которой были задействованы дипломатические усилия, факторы устрашения и убеждения. В конечном итоге самодержавная воля Петра и его упрямство в достижении своих целей сломали непокорный город и продемонстрировали Европе, что русское влияние на Балтике с каждым годом только усиливается.

¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 2 (Германия и Италия). М., 1896. С. 165–173; Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 142; Павленко Н.И., Дроздова О.Ю., Колкина И.Н. Соратники Петра. М., 2001. С. 446–447; Муравьева Л.Л. Из истории политических отношений России с Гданьском (Данцигом) в период Северной войны // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX в. М., 1969. С. 279–289.

² Альтранштедтский мир (Альтранштадтский мир) — мирный договор между Швецией и Саксонией, по которому Саксония признала свое поражение в первый период Северной войны. Мир был заключен 13 (24) сентября 1706 г. в саксонском местечке Альтранштедт (Altranstadt) шведским королем Карлом XII и польским королем и саксонским курфюрстом Августом II Сильным. К тому времени шведские войска заняли значительную часть Речи Посполитой и вторглись в пределы Саксонии. По условиям мира Август Сильный разрывал союз с русским царем Петром I и отказывался от польской короны в пользу Станислава Лещинского. После поражения шведов в Полтавском сражении 27 июня 1709 г. Август объявил Альтранштедтский договор недействительным, восстановил союз

с Петром I (Торунский договор 1709 г.) и с помощью русских войск вернул себе польский престол.

³ Август II Сильный (1670–1733) — курфюрст саксонский (1694–1733), король польский (1697–1733); Станислав I Лещинский (1677–1766) — король польский и великий князь литовский в 1704–1709 гг. и в 1733–1734 гг.

⁴ Ренне (Рёнене, Рен, Рени) фон Карл-Эвальд Магнусович (1663–1716) — барон, курляндец по происхождению, хорунжий при дворе шведского короля (1675–1685), капитан голландской армии, участвовал в войнах с французами. Капитан саксонской армии (с 1697), участвовал в осаде Риги (1700). Принят на русскую службу по рекомендации И.-Р. фон Паткуля в чине кавалерийского полковника с 1702 г. Командир драгунского полка в составе корпуса генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева (с 1703), первый петербургский военный комендант (1703–1704), генерал-майор (1704), генерал-лейтенант (1705), генерал-аншеф (1709), генерал от кавалерии (1709). Участвовал в походах в Лифляндию и Эстляндию (1703–1705), военных действиях на территории Украины и Польши, в Полтавской битве (1709) и Прутском походе (1711).

⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 165.

⁶ Генрих фон дер Гольц (1648–1725) — генерал-фельдмаршал, участник Северной войны. По рекомендации Августа II в 1707 г. принят на русскую службу в чине генерал-фельдмаршал-лейтенанта, со старшинством над всеми русскими генералами (подчинялся только генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву). Участник сражения при Головчине (1708). В 1708–1709 гг. действовал против сторонников Станислава Лещинского в Польше и на Украине. В 1710 г. из-за конфликта с А.Д. Меншиковым предан военному суду, приговорен к смертной казни, замененной высылкой за границу (1711). О дальнейшей судьбе Гольца мало что известно. Вероятно, он скончался в Польше; Бёттигер Иоганн Фридрих (1659–1739) — выходец из Саксонии. До 1697 г. дипломатический агент Саксонии в Данциге, позднее представлял там интересы Речи Посполитой. В 1709 г. перешел на российскую службу и был назначен в качестве коммерческого советника и резидента России в Гамбург. Занимал этот пост с небольшим перерывом до 1731 г. Автор 18 пропагандистских и панегирических памфлетов, написанных с целью формирования положительного образа России в Северной Германии. В 1721 г. получил российское, а в 1731 г. германское дворянство.

⁷ Долгорукий (Долгоруков) Григорий Федорович (1656–1723) — князь, стольник (с 1668), капитан Преображенского полка (с 1695). Участвовал в Азовских походах 1695 и 1696 гг. С 1697 г. обучался за границей. Комнатный стольник, ростовский наместник и генерал-адъютант. В 1700 г. отправлен с дипломатической миссией в Польшу. Чрезвычайный и полномочный посол в Польше (1701–1706 и 1709–1721). Действительный тайный советник (с 1709), сенатор (с 1721). В 1723 г. за вынесение неправомерного сенатского приговора о жалованье М.П. Шафирову лишен чинов и приговорен к штрафу и домашнему аресту, но вскоре прощен Петром I. Умер в Кронштадте.

⁸ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 166; Пиб. 1710. № 4113.

⁹ Пиб. М., 1956. Т. X (январь — декабрь 1710 г.). № 4110. С. 412–413.

¹⁰ Фредерик IV (1671–1730) — король Дании и Норвегии с 1699 г.

¹¹ Яковлев Петр Иванович (около 1670–1718) — русский военачальник, генерал-майор (1711), один из верных и преданных слуг Петра I. После Полтавской битвы разгромил Запорожскую Сечь. Во время Северной войны назначен

командовать экспедиционным корпусом в Польше, который должен был высадиться в Швеции; Балк Федор (Фридрих) Николаевич (1670–1738) — полковник (с 1699), дерптский комендант (с 1704), бригадир (с 1708), генерал-майор (с 1710), эльбингский комендант (1713–1714), генерал-поручик. В 1734–1738 гг. — губернатор Москвы.

¹² ПИБ. Т. X. № 4113. С. 413–416.

¹³ Там же. С. 778.

¹⁴ Там же. № 3747. С. 144. Меншиков Александр Данилович (1673–1729) — сподвижник Петра Великого, виднейший государственный, политический и военный деятель эпохи. Предположительно отец А.Д. Меншикова — польский шляхтич Станислав (в православии — Данила) Менжик (Меншик) — попал в русский плен во время осады русскими войсками Смоленска (1654). А.Д. Меншиков был слугой Ф.Я. Лефорта, в 1686 г. стал денщиком Петра I. Служил в бомбардирской роте Преображенского полка. Участник Азовских походов 1695 и 1696 гг. Сопровождал Петра I в составе Великого посольства в Западную Европу (1697–1698). С 1698 г. сержант Преображенского полка, с 1701 г. поручик бомбардирской роты. В 1702 г. назначен комендантом новозавоеванного Шлиссельбурга, в том же году возведен в графское достоинство Священной Римской империи. За храбрость, проявленную 7 мая 1703 г. при взятии на абордаж шведских судов в устье Невы, пожалован в кавалеры ордена св. Андрея Первозванного. Кавалер орденов: Черного орла (Пруссия), Белого орла (Польша), Белого слона (Дания). В 1703 г. назначен губернатором шлиссельбургским и шлотбургским — главой новозавоеванных территорий в Ингерманландии. За участие во взятии Нарвы (1704) произведен в генерал-майоры. С 30 ноября 1705 г. генерал-аншеф (генерал от кавалерии), с 1706 г. майор Преображенского полка. 13 октября 1705 г. возведен в княжеское достоинство Священной Римской империи. 30 мая 1707 г. пожалован титулом светлейшего князя российского и герцога ижорского, назначен петербургским генерал-губернатором. С 1706 г. женат на Дарье Михайловне Арсеньевой (1682–1728). В 1706 г. совместно с Я.В. Брюсом разбил шведов в сражении при Калише, участвовал в битве при Лесной (1708). В Полтавском сражении (27 июня 1709) командовал кавалерией, принудил шведскую армию к капитуляции при Переволочне. С 13 июля 1709 г. генерал-фельдмаршал. В 1712–1713 гг. командовал российским экспедиционным корпусом в Померании. С 1717 г. сенатор, с 1719 г. президент Военной коллегии. В 1714 г. избран членом Лондонского королевского общества (диплом об избрании подписан И. Ньютоном). С 1716 г. руководил строительством Санкт-Петербурга, Кронштадта, Петергофа, Стрельны и Ораниенбаума. В 1718 г. участвовал в суде над царевичем Алексеем. Принял деятельное участие в возведении на престол императрицы Екатерины Алексеевны после смерти Петра Великого. 30 августа 1725 г. пожалован в кавалеры ордена св. Александра Невского. С 8 февраля 1726 г. член Верховного Тайного совета и фактический правитель Российской империи. С 13 мая 1727 г. генералиссимус. Свое положение задумал укрепить браком своей дочери Марии с императором Петром II. В результате придворных интриг князей Долгоруких (Долгоруковых) и вице-канцлера А.И. Остермана 8 сентября 1727 г. взят под домашний арест, приговорен к лишению чинов, наград и ссылке с семьей в нижегородские деревни, замененной ссылкой в Рененбург (ныне г. Чаплыгин Липецкой обл.). 27 марта 1728 г. был приговорен к ссылке в Пустозерск, 4 апреля сослан с семьей в Березов, где

построил деревянную церковь Рождества Пресвятой Богородицы, близ которой и был похоронен. Могила А.Д. Меншикова не найдена.

¹⁵ Пиб М., 1962. Т. XI. Вып. 1 (январь — 12 июля 1711 г.). Т. 1. № 5122. С. 104–105.

¹⁶ Брюс Яков (Яков Даниэль) Вилимович (1669–1735) — потомок шотландского королевского рода. С 1683 г. служил в «потешных» Петра I, с 1686 г. — прапорщиком в русской кавалерии. Участвовал в Крымских походах 1687 и 1689 гг., Азовских походах 1695–1696 гг., Великом посольстве 1697–1698 гг., Северной войне 1700–1721 гг., Прутском походе 1711 г. Поручик (с 1688), ротмистр (с 1693), майор (с 1695), подполковник и полковник (с 1696), генерал-майор от артиллерии (с 1700), генерал-поручик (с 1706), генерал-фельдцейхмейстер (с 1711). В 1701–1705 гг. — глава Новгородского приказа и воевода в Новгороде, а с 1704 г. глава Приказа артиллерии, исполняющий обязанности генерал-фельдцейхмейстера. Руководил Московской гражданской типографией (с 1706). Участвовал в сражении при Калише 18 октября 1706 г. В Полтавской битве 27 июня 1709 г. Брюс командовал русской артиллерией; при осаде Риги (1710) командовал осадной артиллерией, а также объединенной русской, датской и саксонской артиллерией в померанском походе 1712–1713 гг. Занимал важные государственные должности: сенатора (с 1717), президента Берг- и Мануфактур-коллегии (с 1717), начальника Канцелярии Главной артиллерии (с 1719); директора Монетного и Денежного дворов (с 1720), генерал-директора над фортификациями, ведавшим «все крепости и в них обретающихся артиллерийских служителей и артиллерию, амуницию, цейхаузы и прочее, что к артиллерии принадлежит». Являлся главой русской делегации на Аландском 1718–1719 гг. и Ништадтском 1721 г. мирных конгрессах. После подписания Ништадтского мира со Швецией император пожаловал Брюсу графский титул (с 1721). На погребении Петра Великого (1725) исполнял обязанности верховного обер-маршала печальной комиссии. В 1726 г. добровольно вышел в отставку с чином генерал-фельдмаршала.

¹⁷ Карл XII (1682–1718) — король Швеции с 1697 г.

¹⁸ АВИМАИВиВС (Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи). Ф. 2. Оп. 1. Д. 147. Л. 115.

¹⁹ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 по 1719 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 61. С. 141–142.

²⁰ Там же. С. 86–87.

²¹ Там же. С. 171.

²² АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 147. Л. 97–98, 101–101 об.

²³ Там же. Л. 107.

²⁴ Там же. Л. 87–87 об., 97–98.

²⁵ Там же. Л. 93–94.

²⁶ Там же. Л. 104–104 об.; Долгорукий (Долгоруков) Василий Владимирович (1667–1746) — князь, государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал. Стольник с 1685 г. В 1705 г. в чине капитана Преображенского полка отличился при осаде Митавы. С 1706 г. состоял при гетмане Левобережной Украины И.С. Мазепе. В 1707–1708 гг. руководил подавлением булавинского восстания. Пожалован орденом св. Андрея Первозванного за храбрость, проявленную в Прутском походе 1711 г. С 1714 по 1718 гг. возглавлял розыскную канцелярию, занимавшуюся расследованием дел, связанных с «повреждением государственного интереса». В 1717 г. произведен в генерал-лейтенанты. Сопровождал

Петра I во время его поездки по Западной Европе в 1716–1717 гг. Арестован по делу царевича Алексея 20 февраля 1718 г. Приговорен к лишению чинов, награды и имущества, сослан в Соликамск (5 июля 1718 г.). В 1724 г. освобожден из ссылки, произведен в полковники, отправлен в Низовой корпус. В 1728 г. возвращен в Петербург, пожалован в генерал-фельдмаршалы. Член Верховного Тайного совета (с 1728). В 1728–1729 гг. возглавлял канцелярию «полковых дел» Преображенского и Семеновского полков. Сенатор с 1730 г. В 1731 г. назначен командующим войсками на Украине. В том же году по доносу принца Людвиг (Людовика) Гессен-Гомбургского арестован и приговорен к смертной казни, замененной заточением сначала в Шлиссельбурге, а затем в Иван-городе (с 1737). В 1739 г. по делу Долгоруких сослан навечно в Соловецкий монастырь. В 1741 г. по указу Елизаветы Петровны возвращен в Петербург, восстановлен в чинах. Назначен президентом Военной коллегии.

²⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 147. Л. 201–201 об.

²⁸ Там же. Л. 105–106; 110, 112

²⁹ Там же. Л. 107 об

³⁰ Фридрих Вильгельм I Гогенцоллерн (1688–1740) — прусский король и бранденбургский курфюрст (1713–1740).

³¹ ПиБ. Т. XI. Вып. 1. № 5159. С. 132–133.

³² АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 147. Л. 92–92 об.

³³ Там же. Л. 133–134.

³⁴ ПиБ. М., 1992. Т. XIII. Вып. 1 (январь — июнь 1713 г.). № 5916. С. 106; М., 2003. Т. XIII. Вып. 2 (14 июня — декабрь 1713 г.). № 6082. С. 42.

³⁵ Там же. Вып. 2. С. 425.

³⁶ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. V (Трактаты с Германией). СПб., 1880. № 185. С. 76–82.

³⁷ Там же. № 186. С. 82–87

³⁸ Там же. № 189. С. 106–111.

³⁹ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре I. М., 1862. Т. I. С. 177; Муравьева А.А. Указ. соч. С. 282–283.

⁴⁰ Голиков И.И. Деяния Петра Великого мудрого преобразителя России. М., 1838. Т. VI. С. 98–99; Походный журнал 1716 г. СПб., 1855. С. 18.

⁴¹ Шереметев Борис Петрович (1652–1719), русский государственный и военный деятель, дипломат, граф (с 1706). Начал службу при дворе с 1665 г. В 1679 и 1681 гг. участвовал в походах против татар. Воевода и тамбовский наместник (с 1681), боярин (с 1682). Участвовал в переговорах по заключению «Вечного мира» с Польшей (1686). В качестве великого и полномочного посла отвозил ратификационные грамоты польскому королю Яну III Собескому. Во время Крымского похода 1689 г. командовал Белгородским полком. В 1695 г. совместно с гетманом И.С. Мазепой командовал войсками, захватившими турецкие крепости в низовьях Днепра. В 1697–1698 гг. с дипломатической миссией посетил союзные России государства, входившие в «Священную Лигу» (Польшу, Австрию, Венецию), Рим и о. Мальту. Участник Северной войны, генерал-фельдмаршал с 1701 г. В Полтавском сражении 27 июня 1709 г. командовал русской пехотой. Руководил боевыми действиями российских войск в Прибалтике, Померании, Мекленбурге, участвовал в Прутском походе 1711 г. В 1705–1706 гг. подавил Астраханское восстание. Участвовал в 1718 г. в заседаниях «консили министров» во время следствия по делу царевича Алексея в Москве. Будучи тяжело больным, не смог

приехать в Санкт-Петербург для участия в суде над царевичем Алексеем и был заподозрен царем в симпатиях к бывшему наследнику престола. Скончался в феврале 1719 г. в Москве, его тело было перевезено в Санкт-Петербург и похоронено в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры. Отличался личной храбростью и был любим солдатами.

⁴² Карл Леопольд, дед императора Иоанна Антоновича. Рассказ барона Эйхгольца (Из бумаг П.П. фон-Геца) [Извлечение] // Русская старина. 1875. Т. 12. № 1. С. 10–11.

⁴³ Походный журнал 1716 года. С. 19.

⁴⁴ Там же. С. 20.

⁴⁵ Голиков И.И. Указ. соч. С. 92–93; Беляев О. Кабинет Петра Великого, или Подробное и обстоятельное описание воскового его величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий и прочих достопамятных вещей, лично великому сему монарху принадлежавших, ныне в Санктпетербургской императорской кунст-камере сохраняющихся: С присовокуплением к ним достоверных известий и любопытных сказаний. СПб., 1791. Ч. 1. С. 14–17.

⁴⁶ Должностное лицо в городе, ведущее судебные дела.

⁴⁷ Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. М., 1830. Ч. I. С. 48.

⁴⁸ Historia Gdańska. Т. III (1655–1793) / pod red. E. Cieślak. Gdańsk: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1993. S. 186–191; Cieślak E., Biernat Cz. Dzieje Gdańska. Gdańsk, 1975. S. 260–266.

⁴⁹ Брикнер А.Г. История Петра Великого. СПб., 1882. С. 510.

⁵⁰ Голиков И.И. Указ. соч. С. 114.

⁵¹ Походный журнал 1716 г. С. 20.

⁵² Голиков И.И. Указ. соч. С. 115. Походный журнал 1716 г. С. 20.

⁵³ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 168.

⁵⁴ Попов Н. Татищев и его время. М., 1861. С. 19.

⁵⁵ См. подробнее: Дзери Ф. Мемлинг. Страшный Суд. М., 2002.

⁵⁶ Мусин-Пушкин Иван Алексеевич (ум. 1729) — российский государственный деятель. Внебрачный сын царя Алексея Михайловича. В 1675 г. был арестован вместе с матерью и сослан в их поместье в с. Угоричи Ростовского уезда. Окольныйчий (с 1682), воевода в Смоленске (около 1683), затем в Астрахани. Боярин с 1698 г. Глава Монастырского приказа (1701–1717), тайный советник (с 1709), граф (с 1710), сенатор (с 1711), президент Штатс-контор-коллегии (1717–1725), член Вышнего суда (1723–1726), глава московской конторы Сената (с 1725).

⁵⁷ Попов Н. Указ. соч. С. 23–24.

⁵⁸ Людвиг (Людовик) Ланчинский (1680–1752) — российский дипломат польского происхождения (шляхтич герба Косцеша), действительный тайный советник. На русской службе с 1712 г. Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Священной Римской империи германской нации. С 1721 по 1752 гг. российский резидент при Венском дворе.

⁵⁹ Георг Эрдман (1682–1736) — выходец из Германии (Саксен-Готское герцогство). В 1713 г. при невыясненных обстоятельствах оказался юридическим советником (обер-аудитором) на русской службе, получив офицерское звание в дивизии князя А.И. Репнина, дислоцированной в Литве. В 1718 г. назначен

«для управления дел» (надзора за поведением городского магистрата относительно шведов и за соблюдением конвенции 1717 г. о запрещении сношений и торговли Данцига со Швецией) на замену дипломатическому представителю России в Данциге Л. Ланчинскому в связи со срочным выездом последнего в Берлин. С 1730 г. министр-резидент в Данциге, где и умер.

⁶⁰ Репнин Никита (Аникита) Иванович (1668–1726) — князь, поручик Потешной роты (с 1685), генерал-аншеф (с 1696), генерал-майор (с 1699), ливляндский генерал-губернатор (1710, 1719–1726), президент Военной коллегии (1724–1725), генерал-фельдмаршал (с 1724).

⁶¹ Вильбоа Никита Петрович (настоящее имя — Франсуа Гиймо де Вильбуа, 1681–1760) — русский вице-адмирал французского происхождения.

⁶² Муравьева Л.Л. Указ. соч. С. 286–289.

*А.П. Жарский, В.Ф. Свердел,
В.Н. Шентура (Санкт-Петербург)*

ОТМОБИЛИЗОВАНИЕ ФРОНТОВОГО КОМПЛЕКТА ВОЙСК СВЯЗИ И РАЗВИТИЕ ЕГО СТРУКТУРЫ В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В ОСНОВУ ФОРМИРОВАНИЯ и организации частей связи фронтового комплекта в период Великой Отечественной войны были положены принципы, дававшие возможность начальнику связи фронта иметь в своем распоряжении такое количество узловых и линейных частей связи, которое могло бы обеспечить надежную и непрерывную связь с подчиненными ему войсками, соседями и тылом; осуществление при необходимости маневра частями фронтового комплекта войск связи (т. е. возможность перемещения их с второстепенных участков фронта на главные направления); выделение необходимого количества сил и средств связи в резерв; выполнение самостоятельных задач (как то: боевое применение узлов связи, развертывание линейных сооружений связи (таких как ось, рокады и направления проводной связи), доставка и отправка корреспонденции) отдельными частями связи. При этом организационно-штатная структура фронтового комплекта частей связи (в количественном и качественном отношении) должна была позволять выполнение этих задач на всю глубину операции¹.

К началу боевых действий начальники связи фронтов первого стратегического эшелона комплекта линейных частей связи (в соответствии с планом мобилизационного развертывания) не имели, а окружные узловые полки связи² вынуждены были действовать в том составе, в каком их застала война (т. е. в рамках штатов мирного времени). Планы мобилизационного развертывания фронтового комплекта частей связи в западных

приграничных военных округах (в связи со стремительным продвижением противника вглубь страны, а также внутривойсковой ситуацией, сложившейся в западных регионах, вошедших в СССР накануне войны) было сорваны.

На Западный фронт, принявший на себя главный удар противника, первые линейные части связи начали поступать только через две недели после начала боевых действий. Комплект частей связи фронта (состоявший из опс, орд, олбс, пятнадцати отср, одиннадцати окшри одной отэр) удалось сформировать только под Смоленском (т. е. в первой декаде июля). Армии же этого фронта, на данный период времени, по-прежнему оставались без необходимых комплектов узловых и линейных частей связи. Имели место случаи, когда в распоряжении начальника связи объединения этого фронта к началу войны боевых частей связи не было вообще³.

Прибалтийский Особый военный округ, на базе которого был образован Северо-Западный фронт, также никаких формирований в соответствии с мобилизационным планом не произвел. Если не считать, что 17-й опсокруга (штата мирного времени), по прибытии в Новгород, был преобразован во фронтовую 32-й опс⁴. Управление связи Северо-Западного фронта первые части связи (несколько окшр) стало получать только в конце июня. Вновь формируемые части связи были плохо укомплектованы личным составом, имуществом связи и транспортом; не обучены и не «сколочены». Так, 898-я отср, сформированная Орловским военным округом, прибыла на Северо-Западный фронт без командира роты и без среднего комсостава. Младший командно-начальствующий и рядовой состав роты были укомплектованы необученным приписным составом; рота совершенно не имела имущества связи; автомобили на 60 % требовали среднего ремонта и не имели никаких запасных частей⁵. Между тем армейское звено управления этого фронта по-прежнему оставалось без линейных частей связи⁶.

Несколько лучше ситуация с отмобилизованием войск связи РКК складывалась на Северном фронте, где боевые действия начались на неделю позже и продвижение финских войск удалось остановить на старой границе с Финляндией. Развертывание фронтовых частей связи здесь происходило, в основном, в соответствии с намеченным планом. Плановому отмобилизованию частей связи на Ленинградском фронте также способствовали

значительные материальные ресурсы средств связи и наличие квалифицированных работников ленинградских учреждений НКС. В Ленинграде были сформированы: 26-й опсфронта, 80-й опсштаба Главкома северо-западного направления, отдельный запасный полк связи, школа радиоспециалистов, а также ряд других линейных частей и подразделений связи⁷.

В фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации отложились отчетные документы по отмобилизованию фронтового комплекта войск связи Юго-Западного фронта, на анализе которых следует остановиться более подробно⁸. Так, в соответствии с оперативным расчетом в комплект войск связи фронта должны были войти: отдельных полков связи — 1; отдельных радиодивизионов — 1; отдельных линейных батальонов — 3; отдельных кабельно-шестовых рот — 8; «отдельных телеграфно-строительных рот — 5+6⁹; отдельных телеграфно-эксплуатационных рот — 2+1»; отдельных авиаэскадрилий связи — 1¹⁰.

Доукомплектование узловых частей связи (42 опс и 361 отдельного радиодивизиона), выделяемых из состава окружного 6-го отдельного полка связи мирного времени, с началом боевых действий стало осуществляться за счет мобресурса западных областей Украины, что оказалось весьма проблематичным. Поэтому сроки развертывания и сколачивания этих частей были сорваны. «Формирование [же] линейных частей связи фронтового подчинения ... ввиду того, что подвоз призываемого состава (в связи со складывающейся оперативной обстановкой) был крайне затруднен, удалось осуществить (в различной степени в процентном отношении к своим штатам) только на 25-й день войны»¹¹. На 15 июля 1941 г. сформированные части были укомплектованы: личным составом на 60–70 %; техникой связи — на 50–70 %¹²; транспортом — на 50 %.

Уровень подготовки офицеров, младших командиров и солдат, особенно специалистов по строительству постоянных линий связи и их эксплуатации, оборудованию и обслуживанию узлов связи, а также по восстановлению разрушенных узлов и линий связи, был крайне низок. При этом начальник связи Юго-Западного фронта Д.М. Добыкин обращает внимание на тот факт, что: «Военкоматы недостаточно внимания обращали на качественный отбор офицеров, младших командиров и специалистов для частей связи фронтового подчинения»¹³. Военно-учетные специальности

не имели точной специализации»¹⁴. В результате: «В самый тяжелый период времени с 21 июня до 1-го июля 1941 года в распоряжении начальника связи фронта не было ни одной линейной части связи, а авиация противника производила массовое разрушение линий и узлов связи»¹⁵. Сколачивание и боевая подготовка частей связи в период их отмотелизования фактически не производились. «Части связи фронтового подчинения, которые отмотелизовывались на территории фронта, как только создавался костяк, немедленно вводились в дело и использовались для обслуживания и обеспечения оперативной связи»¹⁶.

Опыт первых недель Великой Отечественной войны показал, что количество частей связи, предусмотренное мобилизационным расписанием, оказалось недостаточным. Это обуславливалось, прежде всего, тем, что потребности каждого фронта в частях связи оказались более значительными, чем предусматривалось. В этой связи, уже 4 июля 1941 г. начальник УСКА вынужден был ходатайствовать перед Генеральным штабом о дополнительном формировании еще пяти отдельных полков связи, 33 отдельных фронтовых и армейских линейных батальонов связи и 26 отдельных телеграфно-строительных и телеграфно-эксплуатационных рот¹⁷. Однако и этого оказалось недостаточно.

Опыт первых недель войны показал, что военкоматы, опиравшиеся при отмотелизации линейных частей связи исключительно на структуры НКС, с этими задачами не справлялись. Поэтому с августа 1941 г. формирование и укомплектование частей связи РГК личным составом было возложено на запасные полки связи (под непосредственным контролем ГУСКА)¹⁸.

Качество формирований несколько улучшилось. Однако из-за напряженного положения с подготовкой специалистов связи, а также недостатка средств связи и транспорта, вновь развертываемые линейные части связи вплоть до конца 1942 г. отправлялись на фронт со значительным некомплектом материальной части и слабо обученным личным составом¹⁹.

К концу 1941 г. на основании опыта начального периода войны устанавливается следующий оперативный расчет войск связи фронта: один отдельный полк связи (фронтового типа); отдельные линейные батальоны связи — один на ось связи фронта и по одному на направление за каждой армией; отдельные телеграфно-строительные роты — по одной на направление за каждой армией; отдельные телеграфно-эксплуатационные роты

(по одной на направление за каждой армией); отдельные кабельно-шестовые роты (2-3) и авиационная эскадрилья связи²⁰.

В соответствии с этим расчетом, общая обеспеченность фронтов линейными частями связи на 12 марта 1942 г. (в процентах) была следующей: олбс фронтового типа — 50; отэр — 86; окшр — 96. Доукомплектовать фронты и армии отдельными линейными батальонами связи удалось только к концу 1942 г.²¹

По мере развертывания новых фронтовых управлений потребность в войсках связи непрерывно возрастала. В отдельные месяцы в стадии формирования во внутренних военных округах находилось по 250–350 частей связи, т. е. по несколько десятков частей связи на один округ²².

Такие темпы формирования частей связи создавали большую напряженность в военных округах. Так, например, 19 июня 1942 г. начальник штаба Московского военного округа писал заместителю Наркома обороны, начальнику ГУСКА И.Т. Пересыпкину: «Формирование новых частей связи обычно совпадает с формированием армейских управлений с чрезвычайно короткими сроками их готовности — 10–15 дней — и сразу от 10 до 15 единиц (т. е. частей связи. — *Авт.*). Учитывая ограниченность вполне подготовленного запасного состава связистов, а также материального обеспечения, формируемые части в силу необходимости округ отправляет неотработанными по специальности, без практики и не “сколоченными” в составе части»²³.

Ситуацию с качественным укомплектованием фронтов частями связи удалось переломить только во втором периоде войны. В 1943 г. были доукомплектованы имеющиеся и сформированы дополнительно еще 464 части связи, в том числе 11 отдельных полков и 175 отдельных батальонов связи, которые были полностью обеспечены табельным имуществом, транспортом и подготовленным личным составом²⁴.

В ходе Великой Отечественной войны выявилась необходимость в целом ряде частей и учреждений связи, которые мобилизационными планами не предусматривались. Так, в связи с организацией во фронтах вспомогательных пунктов управления (приказ НКО от 11 июня 1942 г.), создаются отдельные батальоны связи (приказ НКО от 8 июля 1942 г.), получившие наименование обсерезерва фронта²⁵. В практике работы связистов они обычно назывались батальонами связи ВПУ (вспомогательных пунктов управления фронта). В августе 1942 г. было сформировано

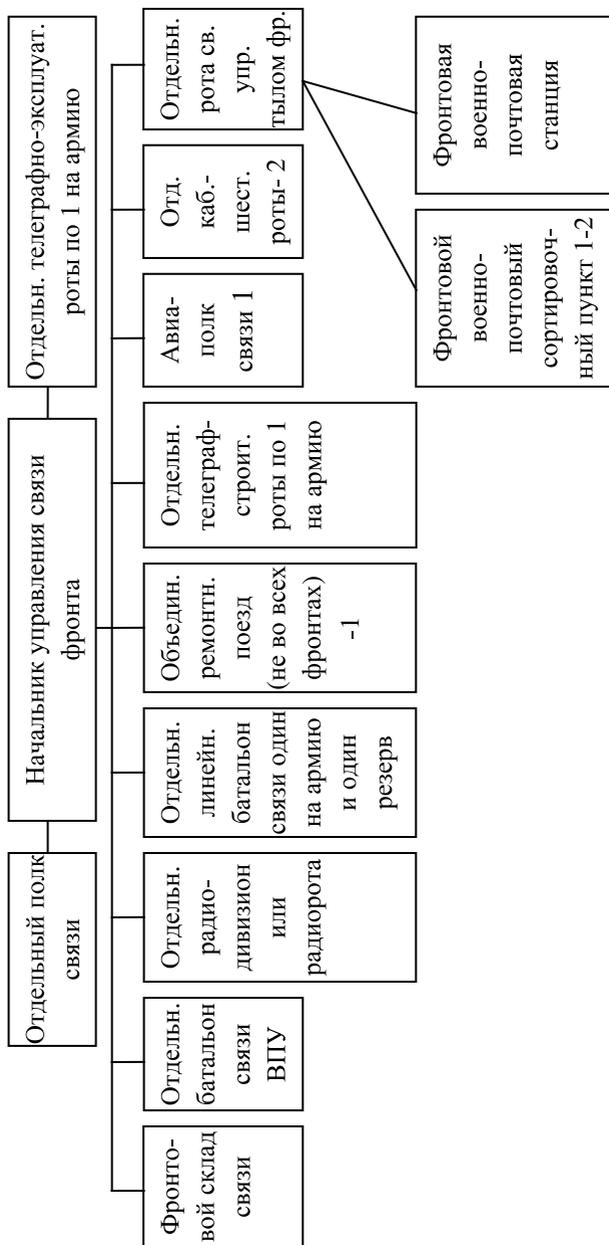
одиннадцать обрезерва фронта. Кроме обрезерва, во фронтовой комплект частей связи с января 1943 г. включается еще и отдельная стационарная телеграфно-телефонная рота (осттр)²⁶.

Для усиления активно действующих фронтов радиосредствами директивой Главного управления формирований и укомплектования от 1 июня 1943 г. было создано 9 отдельных радиодивизионов (орд) и 5 отдельных радиорот (орр)²⁷. Фронты с большим составом войск усиливались радиодивизионами, а остальные — радиоротами.

Возросшая роль тыла в развернувшихся наступательных операциях Красной армии во второй половине 1943 г. потребовала улучшения управления тыловыми частями и учреждениями. С этой целью в октябре 1943 г. по директиве Главного управления формирования и укомплектования в состав фронтовых комплектов частей связи была введена отдельная рота связи управления тылом (орсут)²⁸. Она предназначалась для развертывания узла связи тылового пункта управления фронта, а для обеспечения связи фронтового тыла в линейном отношении в октябре 1943 г. в оперативный расчет частей связи фронтов было также введено по одной окшр²⁹.

После восстановления корпусного звена управления директивой ГУСКА № 1078963 от 11 ноября 1943 г. был введен новый оперативный расчет фронтового комплекта частей связи. Этот расчет, сыгравший важную роль для улучшения управления войсками фронтов, действовал, с незначительными изменениями, до конца войны. По данному расчету в состав частей связи фронтов включались (ил. 1.) отдельный полк связи, батальон связи резерва, радиодивизион, стационарная телефонно-телеграфная рота, отдельные линейные батальоны связи (один на ось и по одному на направления к каждой армии), телеграфно-строительная и телеграфно-эксплуатационная роты (по одной к каждой армии фронта), две кабельно-шестовые роты и авиационный полк связи.

Кроме того в 1944 г., по предложению Главного управления связи, в составе фронтов были развернуты по одной отдельной тяжелой телеграфно-кабельной роте (отткр), вооруженной тросфайным четырехжильным пупинизированным кабелем РРК-4³⁰. При формировании отткр был учтен положительный опыт работы нескольких таких рот, сформированных на некоторых фротах еще в 1942 г.

Ил. 1. Комплект частей связи фронта (в составе 3-4 армий)

В ходе войны, по мере накопления опыта боевого применения войск связи и в соответствии с обстановкой на фронтах, в их структуру вносились некоторые количественные и качественные изменения. Динамика изменения штатной численности личного состава фронтовых частей связи в ходе войны показана в табл. 1.

Из таблицы видно, что штаты линейных частей связи за время войны изменялись трижды, а фронтовых узловых полков связи — дважды. При этом численность личного состава полков была, в общей сложности, сокращена на 27 %. Если по штату 014/50–1940 г. во фронтовом описании насчитывалось 799 чел., то по штату 014/115–1942 г. — 620 чел., а к концу войны по штату 014/206–1945 г. — 590 чел.³¹

Анализ документов³² показывает, что уменьшение численности личного состава узловых частей достигалось за счет сокращения подразделений (экипажей), которые по опыту войны не нашли широкого применения и утратили свою практическую ценность³³.

В 1942–1943 гг. все линейные части связи также были переведены на новые штаты. При этом для некоторых частей (по опыту войны) вводился комбинированный транспорт (т. е. автомобильный и гужевой). В частности, отдельные линейные батальоны связи фронтового типа были переведены на штат № 014/15–«Б» с сокращением личного состава на 66 чел. Транспорт этих батальонов сокращался с 63 автомобилей, 4 тракторов и 3 мотоциклов до 47 автомобилей и 4 мотоциклов³⁴.

Изменения в организационно-штатной структуре частей связи производились по мере накопления боевого опыта войск и вводились частными директивами ГУСКА. Разрабатываемые на основе произведенных изменений новые штаты закрепляли положительный опыт войск и создавали стройную систему их организации. Несмотря на существенное сокращение личного состава — до 35–50 % — по отношению к первоначальным вариантам штатов, каждый последующий штат, как правило, не ухудшал, а повышал возможности частей связи по успешному выполнению поставленных задач.

В ходе войны имели также место изменения в структуре частей связи, носившие временный характер и отпадавшие по истечении в них надобности. Так, например, было с учебными ротами, введенными в состав фронтовых полков связи в 1942 г.³⁵ Случались и такие преобразования, которые вводились без должных оснований и поэтому отвергались последующим опытом войны.

Табл. 1

**Численность личного состава
фронтных частей связи по штатам, действовавшим
в ходе Великой Отечественной войны**

Номера штатов, месяц и год их введения	Численность личного состава							
	опр	олбс	отср		отгр		окшр	
			моторизо- ванная	на конной теле	моторизо- ванная	на конной теле	моторизо- ванная	на конной теле
014/50; 6.1941	719							
014/115-«А»; «Б»; 1.1942	620							
014/206; 1.1945	590							
014/946; 6.1941		545						
		-						
014/15-«А»; 9.1941		479						
014/110-«А»		338						
014/189-«А»; «Б»; 9.1943		279						
014/709; 6.1941			175	-				

014/933; 6.1941					217				
014/53-«А», «Б»; 9.1941			174		182				
014/111-«А»; 1.1942			125		132				
014/190-А; 9.1943			100		112				
014/940-А; 6.1941						196			
014/935-А; 6.1941							193		
014/58-А; 9.1941						169		177	
014/113-А; 1.1942						122		129	
014/192-А; 9.1943						102		109	
014/942-А; 6.1941								161	
014/934-А; 6.1941									194
014/54-А; 1.1942								147	164
014/112-А; 1.1942								125	139
014/191-А; 9.1943								104	121

К числу таких преобразований следует отнести попытку объединить весь комплект частей связи в единый полк связи³⁶. Опыт боевого применения этих полков показал, что они громоздки, трудноуправляемы и недостаточно маневренны. Поэтому от их организации вскоре отказались³⁷.

Кроме частей связи, входивших во фронтовой комплект, в составе некоторых фронтов использовались для обслуживания узлов связи нетиповые отдельные роты связи, подвижные радиоузлы и некоторые другие части, не нашедшие широкого применения³⁸.

Таким образом:

— основу оперативного расчета фронтового комплекта войск связи в течение всей Великой Отечественной войны составляли отдельные узловые полки, линейные батальоны, телеграфно-строительные, телеграфно-эксплуатационные и кабельно-шестовые роты связи;

— укомплектовать фронтовое звено управления частями связи в полном объеме удалось только в течение двух — трех месяцев после начала войны. На оптимизацию состава и структуры войск связи РКК ушло еще большее время — около полугода;

— опыт войны показал, что комплекты частей связи фронтового и армейского звеньев управления мирного времени не должны существенно отличаться от комплектов военного времени. Войскам связи следует быть в упреждающе более высокой готовности, чем другим родам войск, для управления которыми они предназначались;

— изменения в организационно-штатной структуре частей связи производились по мере накопления боевого опыта войск и вводились частными директивами ГУСКА. Разрабатываемые на основе произведенных изменений новые штаты закрепляли положительный опыт войск и создавали стройную систему их организации.

¹ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 23. С. 118.

² См., напр.: Курочкин П.М. Войска связи должны были вступить в войну раньше, чем все остальные рода войск // ВИЖ. 2008. № 1. С. 58–63.

³ ЦАМО РФ. Ф. 36 опс. Оп. 8196. Д. 3.

⁴ Там же. Ф. 32 опс. Оп. 201653. Д. 7; Там же. Ф. 221. Оп. 6803. Д. 2. Л. 20–21.

⁵ Архивные материалы (Связь в начальном периоде войны). Л.: ВАС, 1957. Л. 13.

⁶ Курочкин П.М. «Связь нужна была всем» // ВИЖ. 2008. № 4. С. 58–62.

⁷ Архивные материалы. Л. 12–17.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 3. Л. 196–199.

⁹ Примечание: таким образом, в отчетных документах управления связи ЮЗФр. показаны формирования полевых структур, слагаемых со штатными частями фронтового комплекта.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 3. Л. 196–199.

¹¹ Из воспоминаний начальника связи Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Д.М. Добыкина // ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 3. Л. 196–220.

¹² На фронтовом складе после от мобилизации войск остались только строительные материалы и весьма ограниченное количество телеграфных и телефонных аппаратов различных систем. Кабеля в запасе не было. См.: Там же. Л. 197.

¹³ При формировании линейных частей конторы связи НКС обычно выделяли военкоматам 5–10 человек своих специалистов, незначительное количество аппаратуры и инструмента и на этом считали свои обязанности исчерпанными.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 3. Л. 218.

¹⁵ Там же. Л. 220.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Пересыпкин И.Т. Связь в начальный период войны. М., 1960. С. 83.

¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 297097. Д. 16. Л. 349.

¹⁹ Архивные материалы. Л. 73–75.

²⁰ Сборник материалов по изучению опыта войны. С. 118–119.

²¹ Пересыпкин И.Т. Связь в Великой Отечественной войне. М., 1973. С. 101.

²² Пересыпкин И.Т. Указ. соч. С. 85.

²³ ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12171. Д. 236. Л. 1–6.

²⁴ Там же. Оп. 297097. Д. 6. Л. 349.

²⁵ История войск связи. Ч. II. Л.: ВАС, 1954. С. 189.

²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12171. Д. 130. Л. 122.

²⁷ Там же.

²⁸ Сборник материалов по изучению опыта войны. С. 120.

²⁹ Там же.

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12171. Д. 113. Л. 38–39.

³¹ Связь в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. С. 108–109.

³² ЦАМО РФ. Ф. 32 опс. Оп. 201653. Д. 7; Там же. Ф. 36 опс. Оп. 28196. Д. 3.

³³ Напр., из состава телеграфно-телефонного батальона был исключен взвод телеграфных аппаратов Уитстона (16 чел.), а из радиобатальона — вагонная радиостанция ВФ (27 чел.); произошло уменьшение численности личного состава подразделений обслуживания (примерно в 3 раза) и сокращение состава экипажей аппаратных и радиостанций. Так, экипажи радиостанций РАТ и РАФ по довоенным штатам имели в своем составе, соответственно, 22 и 12 чел., а по штатам 1945 г. — 17 и 7 чел. Инф. Сб. штаба войск связи Мб. 1372.

³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 3/9. Д. 170. Л. 173.

³⁵ Служба связи Красной Армии по опыту двух лет Отечественной войны. 320 с.

³⁶ Попытка реализовать этот проект была предпринята в конце 1942 г., когда по предложению ГУСКА приказом НКО № 0891 от 17 ноября 1942 г. было сформировано 3 опытных полка связи по штату № 014/85 численностью по 1371 чел. каждый. Полк состоял из штабного, телеграфно-кабельного и кабельно-шестового батальонов, а также радиобатальона.

³⁷ Приказ НКО № 0891 от 17 ноября 1942 г. // Приказы Народного Комиссара Обороны СССР 22.6.1941–1942 гг. М.: изд-во «Терра», 1997. 448 с.

³⁸ Связь в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. С. 110.

О.Б. Ивлева (Тула)

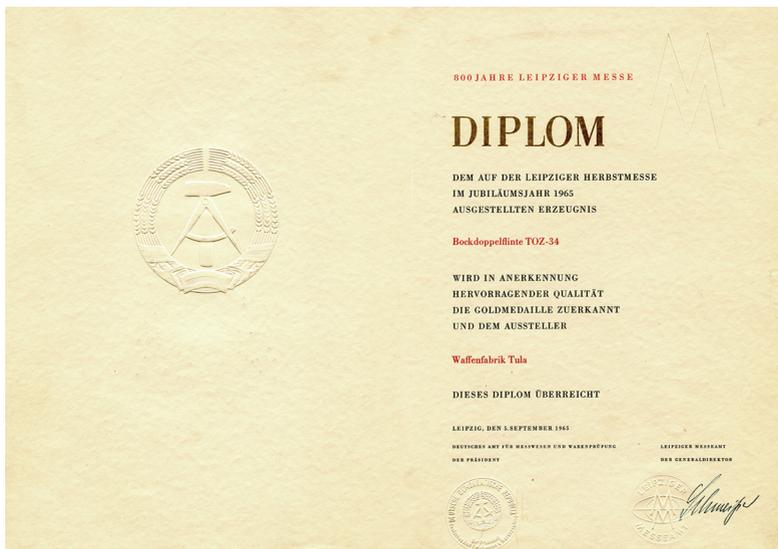
ВАРИАНТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ОХОТНИЧЬЕГО РУЖЬЯ «ТОЗ 34» НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗЦОВ ИЗ СОБРАНИЯ ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ

В 2019 ГОДУ одно из самых популярных отечественных охотничьих ружей модели «ТОЗ 34» отмечает два юбилея: 55 лет с момента разработки базовой конструкции и 50 лет начала крупносерийного производства на Тульском оружейном заводе (далее — ТОЗ)¹. Это ружье, отмеченное в 1965 г. Золотой медалью и Дипломом Международной юбилейной 800-летней Лейпцигской ярмарки (Германская Демократическая Республика)² (ил. 1), до настоящего времени входит в ассортимент гражданской продукции, выпускаемой на ТОЗ³.

Тульский государственный музей оружия (далее — ТГМО), входивший в состав ТОЗ до 1996 г., очевидно располагает самым крупным музейным собранием «ТОЗ 34»⁴, включающим 33 образца различных модификаций, произведенных в 60–80-е гг. XX в. Все они, за исключением двух ружей, подаренных музею частными лицами, были переданы с Тульского оружейного завода.

Сосредоточенные в одном месте, эти предметы представляют ценную источниковую базу для изучения не только конструктивной вариативности данной модели, занимающей достойное место в истории российского (советского) охотничьего оружия и его производства второй половины XX столетия, но и последовательности ее модернизации, нюансов исполнения и клеймения, особенностей технологии и художественной отделки.

Благодаря своей популярности ружье «ТОЗ 34» не относится к числу «забытых» ружей. Ему посвящено значительное количество публикаций различного характера, включая рекламные

Ил. 1. Диплом Международной юбилейной 800-летней Лейпцигской ярмарки 1965 г. Тульскому оружейному заводу за охотничье ружье «ТОЗ 34»

проспекты, каталоги⁵, журнальные и газетные статьи с обсуждением достоинств и недостатков ружья, выявленных в ходе эксплуатации⁶, популярные издания для широкого круга читателей, где представлены детальный или менее подробный разбор конструкции с цитированием информации из технических паспортов⁷.

Датой рождения «ТОЗ 34» считается 1965 год. Первое авторское свидетельство, имеющее отношение к этой конструкции, было заявлено Тульским оружейным заводом и зарегистрировано в июне 1966 г. Оно касалось усовершенствования системы запирания уже существующей модели «двустольного охотничьего ружья с вертикальным расположением стволов»⁸. В свидетельстве указаны следующие авторы изобретения: Н.И. Коровяков, В.П. Очнев, В.А. Парамонов, Е.Н. Сабинин, В.Д. Робустов и С.С. Ферапонтов. При этом в ТГМО хранится Диплом № 67 о присуждении в 1965 г. премии им. С.И. Мосина «за создание высококачественного охотничьего ружья» только Николаю Ивановичу Коровякову, Валерию Павловичу Очневу и Борису Дмитриевичу Робустову (ТГМО КП-5808. Ил. 2).

Ил. 2. Диплом № 67 о присуждении премии им. С.И. Мосина 1965 г. Н.И. Коровякову, В.П. Очневу и Б.Д. Робустову

Прежде чем более подробно рассмотреть различные модификации «ТОЗ 34», дадим общую характеристику конструкции базовой модели. Стволы ружья расположены в вертикальной плоскости, соединены планкой; откидываются вниз, отъемные; со ствольной коробкой соединяются при помощи выступов на казенной (ствольной) муфте, входящих в соответствующие пазы на боковых стенках ствольной коробки, и рамкой запираения. Каналы стволов хромированы, их запираение одинарное, осуществляется запорной планкой, входящей в вырез на крюке ствольной муфты. Мушка (за исключением комбинированных образцов) латунная, круглая, ввинчена в прицельную планку. Рычаг отпираения стволов верхний, расположен на ствольной коробке сверху, при отпираении стволов отводится в правую сторону. Ствольная коробка с боковыми щеками (стенками); впереди съемная пластина, закрепленная двумя винтами и образующая, по сути, щиток («лоб») коробки, с двумя отверстиями для бойков; на хвостовике отверстия для указателей взведенных курков, кнопки предохранителя и винта крепления к шейке приклада. Ударно-спусковой механизм куркового типа, с внутренними курками, он смонтирован на отдельном основании. Взведение курков, поджатие

пружин осуществляется при открывании стволов. Боевые пружины имеют подковообразную форму. Курки выполнены отдельно от бойков. Деревянная ложа разделена ствольной коробкой, короткое неотъемное цевье состоит из двух частей («щечек»), закрепленных на стволах винтами. Стальные антабки с овальной серьгой расположены на нижнем стволе и на прикладе снизу.

Остальные детали, например способ соединения стволов, их калибры, комбинация гладкого и нарезного стволов, спусковой механизм, предохранитель, выбрасыватели, форма ложи, прицельная планка и другие детали, могут иметь отличия в разработанных позднее модификациях.

Наиболее ранние в музейном собрании образцы «ТОЗ 34» (именно это наименование отражено в их клеймении на казенной муфте ствольного блока) относятся к 1967 г. и имеют достаточно «близкие» заводские номера: В 0019 (ТГМО КП-3645), В 0032 (ТГМО КП-4164) и В 0042 (ТГМО КП-4163/1).

Последний предмет (ТГМО КП-4163/1) отличается наличием переключателя механизма автоматического выбрасывателя гильз. Это устройство позволяет владельцу ружья включить/отключить эжекторы обоих стволов или каждого ствола по отдельности. В первых двух ружьях экстрактор (неавтоматический выбрасыватель) единый на оба ствола и представляет собой стальную утолщенную фигурную с полуовальными выемами (для «зацепа» фланца гильзы) пластину на двух параллельных стрелках прямоугольного сечения, движущихся в пазах на боковых стенках ствольного блока.

В образце с переключателем выбрасыватели отдельные, а сам переключатель выполнен в виде цилиндрической кнопки диаметром около 0,8 см. Он движется в узком овальном пазу длиной около 1,5 см на ствольном блоке снизу и по выбору охотника устанавливается на четыре позиции. В первой (от цевья в сторону ствольной коробки) позиции отключаются эжекторы (автоматические выбрасыватели) обоих стволов, на второй позиции — эжектор верхнего ствола, на третьей — эжектор нижнего ствола, на четвертой позиции — эжекторы обоих стволов действуют.

В 1975 г. в популярном журнале «Охота и охотничье хозяйство» была опубликована статья В. Головкина, в которой автор предлагает охотникам собственноручно, с применением подручных деталей, например крышки корпуса наручных часов или пружины будильника, усовершенствовать свое ружье «ТОЗ 34»,

изготовив и установив на него изобретенный им переключатель эжекторов⁹.

От заводского переключателя, который был создан несколькими годами раньше¹⁰ и присутствует уже на ружьях первых лет выпуска (ТГМО КП-4163/1, 1967 г.), устройство В. Головкина отличается немного увеличенной (диаметр около 1,1 см) полусферической формой головки, а также более затрудненным способом ее фиксации в определенном положении. Кроме того, для перемещения головки изобретатель предлагает использовать «кусочек ножовочного полотна, отломленного с проушиной и обработанного»¹¹ до необходимых размеров, в то время как на заводских образцах эта деталь легко сдвигается пальцем.

Еще два ружья «ТОЗ 34» (ТГМО КП-3896, заводской № ЛФ 232 и ТГМО КП-3897, заводской № ЛФ 259) были изготовлены в 1978 г. к 150-летию со дня рождения Л.Н. Толстого, поэтому в их художественной отделке присутствует изображение памятных мест усадьбы Ясная Поляна. Однако для нас эти ружья представляют интерес с точки зрения несоответствия маркировки и модели. На муфте их нижних стволов выбито: ТОЗ-34Р, где буква «Р» обозначает наличие на прикладе резинового затыльника, а по факту эта деталь изготовлена из пластмассы, т. е. налицо базовая модель «ТОЗ 34». При этом у изготовленного в 1974 г. образца (ТГМО КП-3934), у которого пластмассовый затыльник, выбито наименование «ТОЗ 34Р».

Точную дату появления модификации ружья с резиновым амортизирующим затыльником в настоящее время установить не удалось. Так, на ружье «ТОЗ 34» (ТГМО КП-4164), выпущенном на ТОЗ в 1967 г. к 50-летию советской власти, на «родной» пластмассовый затыльник, возможно в экспериментальных целях, приклеен еще и резиновый затыльник производства Ижевского механического завода¹² (ил. 3).

Самый ранний в музее образец «ТОЗ 34Р» датируется 1972 г. (ТГМО КП-3933). Ружья с резиновым затыльником составляют подавляющее большинство в коллекции, причем в сочетании с эжекторным механизмом, что дало название еще одной модификации как «ТОЗ 34ЕР».

Все пользователи ружья «ТОЗ 34» отмечают его конструктивную особенность, усложняющую, особенно при отсутствии навыков, отделение стволов от ствольной коробки. Для облегчения данной операции в конструкцию ружей как с двумя, так

Ил. 3. Приклад охотничьего ружья «ТОЗ 34» с резиновым затыльником (ТГМО КП-4164)

Ил. 4. Флажковое устройство отделения стволов ружья «ТОЗ 34» (ТГМО КП-4491)

и с одним спусковым крючком был внесен специальный механизм отделения стволов, флажок которого смонтирован на правой стенке ствольной коробки (ил. 4). Принцип его действия описан достаточно подробно во многих публикациях¹³, и при желании можно ознакомиться.

Приоритет изобретения устройства для «упрощения разборки ружья и предотвращения случайного выстрела при отделении стволов» был за-

явлен 30 сентября 1976 г.¹⁴ Однако в коллекции имеется ружье с «флажком», изготовленное в 1972 г. (ТГМО КП-3933, заводской № М 1001). Два ружья 1976 г. (ТГМО КП-3891 и ТГМО КП-4114), по всей видимости, входили в число первой партии этой модификации. Иногда такие ружья маркировались дополнительной буквой «М», например, «ТОЗ 34ЕМ» (ТГМО КП-3891) или «ТОЗ 34ЕМ-1С» (ТГМО КП-4114), хотя у большинства музейных образцов с флажковым устройством эта литера в клейме с названием модели отсутствует. Надо сказать, что образец «ТОЗ 34ЕМ-1С» демонстрирует достаточно редкую для «ТОЗ 34» модификацию, характеризующуюся спусковым механизмом с одним спусковым крючком.

«ТОЗ 34» в основном выпускали 12 калибра, подтверждением чему является и музейная коллекция, где 27 из 33 ружей имеют данный диаметр гладкого канала ствола.

Ружья меньших калибров — 28 и 32 — ТОЗ стал производить с 1974 г.¹⁵, и в музее отложились только две единицы 32 калибра, произведенные в 1974 г. (ТГМО КП-3934, заводской № 0004) и в 1976 г. (ТГМО КП-3936, заводской № 0047). Конструктивно эти

ружья не отличаются от модели 12 калибра и не имеют флажкового устройства отделения стволов.

«Двадцатый» калибр из номенклатуры «ТОЗ 34» представлен в музейном собрании только одним ружьем (ТГМО КП-4116, заводской № Т 0008), изготовленным в 1976 г. Со слов директора ТОЗ в 1979–1998 гг.¹⁶ Н.Д. Масленникова, данную модификацию планировали к выпуску только в 1980 г.¹⁷, поэтому с высокой долей вероятности можно утверждать, что музейный образец является одним из первых в числе ружей «ТОЗ 34» 20 калибра. Кроме того, несмотря на выбитое название как «ТОЗ 34М», в его конструкции отсутствует флажковое устройство.

К редким предметам можно с полным правом отнести два ружья «ТОЗ 34» с сочетанием гладкого и нарезного стволов — это «ТОЗ 34-28/5,6» (ТГМО КП-4115, заводской № Т 0007; верхний ствол с гладким каналом ствола 28 калибра, нижний ствол нарезной, калибра 5,6 мм¹⁸) и «ТОЗ 34-5,6/20» (ТГМО КП-4117/1, заводской № Х 10; верхний ствол нарезной, калибра 5,6 мм, нижний ствол гладкий — 20 калибра), изготовленные в 1976 г. и 1979 г. соответственно. При этом поступление первых комбинированных «ТОЗ 34» на государственные испытания и в промышленные организации для апробирования в условиях охоты, а также выпуск на ТОЗ «установочной» партии для продажи предполагались только в 1980–1981 гг.¹⁹

Конструкция этих модификаций отличается от гладкоствольных «ТОЗ 34» разными способами соединения стволов: если в одном ружье (ТГМО КП-4115) они совмещены кольцевыми муфтами в дульной и казенной частях (ил. 5), то во втором (ТГМО КП-4117/1) — с помощью двух коротких межствольных планок в тех же местах (ил. 6). Кроме того, у них иная форма стальной, а не латунной, мушки, смонтированной на трапециевидном основании, а вместо прицельной планки применен постоянный целик,

Ил. 5. Соединение стволов в охотничьем ружье «ТОЗ 34-28/5,6» (ТГМО КП-4115)

и предусмотрена возможность установки на казенной ствольной муфте оптического прицела, например ПО-1 (ил. 7).

Относительно прицельной планки следует сказать следующее. Почти у всех выпускаемых образцов (в том числе и у музейных, кроме ТГМО КП-3798, 1969 г.; ТГМО КП-3933, 1972 г.; ТГМО КП-3934, 1974 г.) она вентилируемая, хотя в некоторых ружьях наблюдаются отличия по ее высоте и размерам сквозных отверстий. Несмотря на существующее мнение о том, что такой тип планки на охоте практически не нужен и ее введение является своеобразной данью моде, тем не менее, тульские конструкторы в 1979 г. предприняли попытку усовершенствовать не только способ крепления планки к верхнему стволу, но и предусмотрели возможность замены этой детали²⁰, что и было использовано в спортивном ружье «ТОЗ 57», предназначенном для стендовой стрельбы. Оно было создано в 1977 г. на базе «ТОЗ 34» и максимально унифицировано с ним, имело три модификации: «ТОЗ 57К» (для круглого стенда), ТОЗ 57Т (для траншейного стенда) и «ТОЗ 57ТК» (со сменными стволами для двух стендов)²¹. Данные модели также имеются в собрании музея²².

Модель «ТОЗ 34» была рассчитана на использование патронов с любыми гильзами — латунными, пластмассовыми или бумажными, и основная масса музейных образцов имеет патронники под бумажную гильзу, для чего обязательно наносится

Ил. 6. Соединение стволов в охотничьем ружье «ТОЗ 34-5,6/20» (ТГМО КП-4117/1)

Ил. 7. Охотничье ружье «ТОЗ 34-5,6/20» с оптическим прицелом ПО-1 (ТГМО КП-4117/1)

маркировка «БУМ» (ил. 8).

Не вдаваясь в подробное рассмотрение особенностей деталей ударно-спускового механизма и их взаимодействия, хотелось бы отметить любопытный нюанс, связанный с конструкцией предохранителя, на который не делается акцент в

Ил. 8. Фрагмент охотничьего ружья «ТОЗ 34» (ТГМО КП-3798)

публикациях, а констатируется только факт его наличия.

Известно, что у разных ружей «ТОЗ 34» предохранитель мог быть автоматическим или неавтоматическим, и отличались они следующим образом. В центре выступа кнопки неавтоматического предохранителя смонтирован специальный фиксатор ее положения. Кнопка автоматического предохранителя имеет более традиционную форму и выполнена в виде двухступенчатой детали с рифленной поверхностью, перемещаемой на хвостовике ствольной коробки на два положения: «огонь» или «предохранение».

Музейная коллекция «ТОЗ 34» позволяет продемонстрировать и декоративную отделку этих ружей, которую на заводе делили на несколько групп: рядовое, экспортное, улучшенное, сувенирное и штучное исполнение. Так, при штучном высокохудожественном оформлении применяли различные техники украшения металла и дерева с привлечением драгоценных металлов. Примером служит ружье «ТОЗ 34Е» (ТГМО КП-3866, 1975 г.), украшенное к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне (ил. 9).

Надо отметить, что обилие приемов и способов отделки, которое придает ружьям особую художественную выразительность, присутствует, как правило, на образцах, изготовленных к юбилейным датам (поэтому такое исполнение иногда называют юбилейным²³) в отечественной истории или к важным событиям в политической жизни страны²⁴.

В немалой степени этому способствует и форма деталей ружья «ТОЗ 34» — ствольной коробки с ее высокими стенками или «половинки» цевья с увеличенной площадью для воплощения творческого замысла художника.

Ил. 9. Охотничье ружье «ТОЗ 34Е» (ТГМО КП-3866)

Ил. 10. Охотничье ружье «ТОЗ 34Р» (ТГМО КП-3955)

Сувенирное исполнение предусматривало использование объемной гравировки и чеканки — обычно на тему охотничьих сюжетов, что иллюстрирует ружье «ТОЗ 34Р» (ТГМО КП-3955, 1977 г.). При этом, оно было изготовлено и украшено в честь 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, о чем свидетельствует надпись «60 лет Октября», выполненная интарсией на левой стороне приклада (ил. 10).

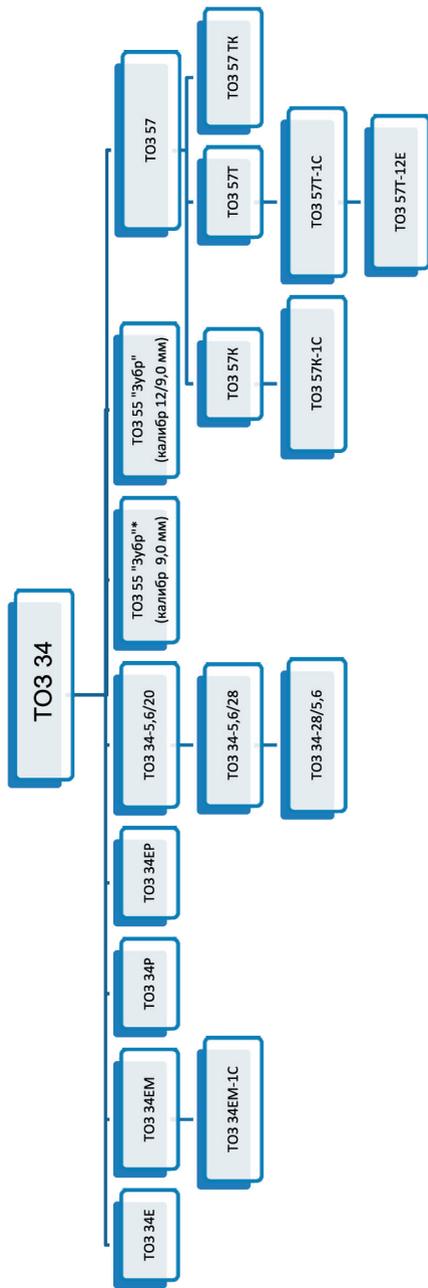
Для рядовой отделки характерна плоскостная машинная гравировка с элементами растительного декора, нанесенная на стенки и хвостовик ствольной коробки, и ромбовидная (сетчатая) резьба на шейке приклада и цевье, которая на ружьях 90-х гг. выпуска весьма низкого качества, что косвенным образом свидетельствует об определенном снижении уровня мастерства, вызванном общим экономическим упадком в стране.

Часто «ТОЗ 34» называют первым отечественным двуствольным охотничьим ружьем с вертикальным расположением стволов²⁵, что не соответствует действительности. На Ижевском механическом заводе уже в конце 50-х — начале 60-х гг. выпускали «вертикалки»: «ИЖ 56-1» (ТГМО КП-3485, 1957 г.), «ИЖ-56-3» (ТГМО КП-4082, 1958 г.), «ИЖ 59», «ИЖ 12» и «ИЖ 16» (ТГМО КП-3587, 1964 г.).

Заслуга тульских конструкторов заключается в том, что они создали первое в стране охотничье ружье, в конструкцию которого изначально были заложены возможности его дальнейшей

Прил. 1

Схема унификации охотничьего ружья «ТОЗ 34»

* Ружье ТОЗ 55 «Зубр» также создано на базе ТОЗ 34, относится к категории ружей высшего класса и выпускается исключительно по индивидуальному заказам. Может комплектоваться пятью парами стволов разного калибра¹. Музей располагает редкой модификацией «ТОЗ 55», которая имеет в комплекте три блока сменных стволов следующих калибров: 9,0 мм (оба ствола), 12 (оба ствола) и 12/9,0 мм (верхний/нижний ствол). ТГМО КП-4166/1.

¹ Трофимов В.Н. Отечественные комбинированные охотничьи и спортивные ружья (Справочник). Ч. 1. (Серия ОХОТНИК). М.: «ДАИРС», 2000. С. 42.

модернизации и унификации²⁶ (прил. 1). «ТОЗ 34» по праву можно считать «фирменной» моделью Тульского оружейного завода, предназначенной для массового производства.

¹ Блюм М.М., Шишкин И.Б. Охотничье ружье: Справочник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Экология, 1994. С. 116; История Тульского оружейного завода. 1712–1972. М.: Мысль, 1973. С. 486–487; Мы — с Тульского оружейного. ТОЗу — 275 лет / Сост. Г.М. Чуднов, Г.Н. Губанова. Тула: Приок. кн. изд-во, 1987. С. 249; Максимум Ю. ТОЗ-34. Ружье, созданное гением. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.maksimov.su/in.php?dvar=http://www.maksimov.su/gallery/&tnum=1&var=glad/toz34.htm> (дата обращения 24.01.2019).

² Медаль золотая и Диплом Международной юбилейной 800-летней Лейпцигской ярмарки 1965 г. // Тульский гос. музей оружия. ТГМО КП-4007/1-2.

³ Ружья охотничьи двустольные ТОЗ-34. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tulatoz.ru/produktsiya/grazhdanskaya-produktsiya/ruzhya-okhotnichidvustvolnye-toz-34> (дата обращения 24.01.2018).

⁴ На момент написания статьи в Государственном каталоге музейного фонда РФ выявлено только два ружья «ТОЗ 34» из собраний Государственного исторического музея (номер в Госкаталоге 4326783) и Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”» (номер в Госкаталоге 5488046). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4268081> (дата обращения 25.01.2018).

⁵ См., напр.: Шишилов В.В., Бендасов П.П., Серебренников Г.Л. Охотничье и спортивное оружие. М.: Внешторгиздат, [Б. г.] С. 83–87.

⁶ См., напр.: Аксенов Н. 30 лет тульской «тридцатьчетверке» // Охота. 1999. № 11–12. С. 36–38; Рон В. От «Меркель» и «Симсон» // Оружие. 2014. № 12. С. 16–22; Парамонов В. Еще раз о ТОЗ-34 // Охота и охотничье хозяйство. 1975. № 9. С. 30–31.

⁷ См., напр.: Трофимов В.Н. Отечественные охотничьи ружья. Гладкоствольные. (Справочник). М.: ДАИРС, 1999. С. 211–228; Охотничье оружие мира. Энциклопедия. Огнестрельное оружие. Охотничьи боеприпасы. Клинковое оружие / О.Л. Малов, Е.Г. Копейко, Н.В. Аксенов, А.М. Блюм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 415–417.

⁸ Описание к Авторскому свидетельству № 207075 Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР Н.И. Коровякова, В.П. Очнева, В.А. Парамонова, Е.Н. Сабинина, Б.Д. Робустова и С.С. Ферапонтова на изобретение «Двустольное охотничье ружье» — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://patents.su/2-207075-dvustvolnoe-okhotniche-ruzhe.html> (дата обращения: 25.01.2018).

⁹ Головкин В. «Переключатель эжекторов для ружья ТОЗ-34-Е» // Охота и охотничье хозяйство. 1975. № 12. С. 32. (В.Н. Трофимов в своем издании приводит статью В. Головкина почти без изменений. См.: Трофимов В.Н. Указ. соч. С. 223–227).

¹⁰ Авторское свидетельство № 241260 Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР Тульскому оружейному заводу на изобретение «Эжекторный механизм для охотничьих ружей» (автор — Коровяков Н.И.). СССР, г. Москва. 22.01.1969 г. // Тульский гос. музей оружия. ТГМО КП-2-20758.

¹¹ Там же.

¹² На затыльнике выпрессован товарный знак Ижевского механического завода: вертикальная стрела на внутреннем поле щита. См.: Охотничье огнестрельное оружие отечественного производства. Справочное методическое пособие для экспертов-криминалистов, следователей и оперативных работников органов МВД. М., 1969. С. 35.

¹³ См., напр.: Захаров В. Разборка ружья ТОЗ 34 // Охота и охотничье хозяйство. 1979. № 9. С. 34–35.

¹⁴ Описание изобретения к авторскому свидетельству № 599148 Государственного комитета Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий Н.И. Коровякову, В.А. Парамонову, А.Г. Рудневу и А.П. Хруслову на изобретение «Двустольное охотничье ружье». Россия, г. Москва. 28.11.1977 г. // Тульский гос. музей оружия. ТГМО КП-6505.

¹⁵ Блюм М. Ружья ТОЗ-34 малых калибров // Охота и охотничье хозяйство. 1978. № 5. С. 31.

¹⁶ Масленников Николай Дмитриевич (09.08.1932–26.05.2002). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum-arms.ru/about/tula-armory> (дата обращения: 25.01.2018).

¹⁷ Масленников Н. Тульские оружейники — промысловикам // Охота и охотничье хозяйство. 1980. № 3. С. 31.

¹⁸ Во всех известных публикациях упоминается иное сочетание калибров (расположение стволов), а именно — 5,6/28. См., напр.: Блюм М.М., Шишкин И.Б. Указ. соч. С. 118; Трофимов В.Н. Указ. соч. С. 213.

¹⁹ Масленников Н. Указ. соч. С. 31.

²⁰ Авторское свидетельство № 813113 Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий Н.И. Коровякову, В.А. Попову, Н.Д. Масленникову, З.М. Сегалу на изобретение «Огнестрельное оружие». Заявка № 2756189. Приоритет изобретения 20.04.1979 г. // Тульский гос. музей оружия. ТГМО КП-6509.

²¹ Бобковский П., Попов В. Новые тульские спортивные ружья // Охота и охотничье хозяйство. 1980. № 4. С. 20.

²² Ивлева О.Б. Спортивное огнестрельное оружие тульского производства в собрании Тульского государственного музея оружия // Мир оружия: история, герои, коллекции: материалы Международн. научно-практич. конф., посвященной 100-летию Первой мировой войны (23–24 октября 2014 года) / ФГБУК «Тульский государственный музей оружия». Тула, 2015. С. 21–35.

²³ Напр., в накладной № 18802 ТОЗ от 2 июля 1969 г. на передачу в музей охотничьего ружья «ТОЗ 34» (ТГМО КП-3645) указано: «в юбилейном исполнении».

²⁴ Ивлева О.Б. Политические сюжеты в оформлении охотничьих ружей на примере образцов из собрания Тульского государственного музея оружия // Оружие в исторических событиях, человеческих судьбах, музейных и частных коллекциях: материалы Международн. научно-практич. конф., посвященной 140-летию Тульского музея оружия (23–24 октября 2013 г.) / ФГБУК «Тульский государственный музей оружия». Тула, 2014. С. 85–90.

²⁵ См., напр.: Блюм М.М., Шишкин И.Б. Указ. соч. С. 116.

²⁶ Диплом № 358 о присуждении премии имени С.И. Мосина 1974 г. Н.И. Коровякову за участие в унификации спортивно-охотничьих ружей. СССР, г. Тула. 08.12.1974 // Тульский гос. музей оружия. ТГМО КП-5809.

К.Г. Игошин (Москва)

МАТЕРИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ РОССИЙСКОЙ ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

С ОГЛАСНО УСТОЯВШЕЙСЯ в историографии традиции принято считать, что в начале XIX в. в России имела место серьезная реформа материальной части полевой артиллерии, в результате которой на вооружение был принят сложный комплекс унифицированного артиллерийского вооружения, получивший название «системы 1805 года». С этим аксиоматичным «знанием» знакомится каждый начинающий специалист или любитель, открывая почти любую из написанных в XX в. книг, полностью или частично посвященных истории материальной части отечественной артиллерии¹. Через призму этого «знания» в дальнейшем исследователь воспринимает и интерпретирует литературу XIX в., опубликованные источники и архивные материалы. Естественно, под влиянием традиции находился и автор этой работы, у которого изначально не было никаких оснований сомневаться в «хрестоматийно известном факте», что и нашло отражение в его публикациях 2011–2012 гг., посвященных материальной части российской полевой артиллерии².

Однако попытка найти в литературе XIX–XX вв. сведения о работе пресловутой «особой комиссии под председательством Аракчеева», якобы «выработавшей» систему 1805 г., более подробные, чем те, что приведены в учебнике А.А. Нилуса «История материальной части артиллерии»³, не дала положительных результатов. При этом ни у Нилуса, ни у его последователей нет ссылок на первоисточник этого знания. Обращение же к опубликованным и архивным источникам (в первую очередь к документам, хранящимся в Научном архиве ВИМАИВиВС) убедило в том, что в начале XIX в. никаких работ по созданию новой

«артиллерийской системы» не велось. Напротив, продолжала использоваться и лишь частично модернизироваться материальная часть, унаследованная от предыдущего столетия.

Впервые этот вывод был сформулирован и опубликован автором в 2013 г. в рамках работы Четвертой Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы» — в докладе «Система Аракчеева и чертежи полевой артиллерии 1805 года»⁴. В нем был подробно рассмотрен генезис в отечественной историографии ложной версии о существовании «особой комиссии» и «системы 1805 года» в целом. За прошедшее время удалось уточнить один аспект: первым исследователем, предложившим пофамильный состав «комиссии Аракчеева», был заведующий фондом оружия Государственного исторического музея Г.А. Коломиец, из работы которого «Развитие артиллерии в России и появление артиллерийских моделей»⁵ и позаимствовал эту информацию А.А. Смирнов⁶.

В 2014 г. на Международной конференции «Россия и наполеоновские войны», проходившей в поселке Межотне (Латвия), был озвучен доклад «Российская полевая артиллерия эпохи наполеоновских войн: мифы, действительность, вопросы», в котором подробно рассматривалось развитие отечественной историографии, посвященной истории материальной части отечественной полевой артиллерии⁷. При подготовке этого доклада из внимания автора выпали две работы, которые должны были быть упомянуты.

Первая из них — это прекрасная для своего времени монография бывшего директора Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника, ректора МГУКИ Л.П. Богданова «Русская армия в 1812 году»⁸, легшая в основу его будущей докторской диссертации. В этой книге затрагиваются, в том числе, и вопросы развития артиллерийского вооружения периода наполеоновских войн. При этом автор опирается на массив классических источников по этой теме: учебники по артиллерийскому делу, официальную периодику, законодательные акты, материалы официального делопроизводства (преимущественно из Научного архива ВИМАИВиВС). В научно-справочном аппарате монографии отсутствуют ссылки на А.А. Нилуса, автор не упоминает ни о «комиссии Аракчеева», ни о «системе 1805 года», не разделяя материальную часть конца XVIII в. и начала XIX-го.

Следует отметить, что Л.П. Богданов уделяет заметно большее внимание, чем большинство его предшественников⁹, изучению усилий по модернизации материальной части артиллерии в период 1806–1812 гг. В частности, он первый указал, что диоптр Кабанова был принят на вооружение в начале 1812 г.¹⁰, а не в 1809 или 1811 гг., как это встречается в литературе. В то же время нельзя не отметить, что Л.П. Богданов, по-видимому, не был знаком с работами лучших артиллеристов-историков XIX в. А.С. Платова¹¹ и В.Ф. Ратча¹². В целом, в монографии вопросы состояния и развития российского артиллерийского вооружения периода наполеоновских войн описаны недостаточно подробно и глубоко, и ее нельзя назвать «исчерпывающей темой». Однако это единственное заметное исследование второй половины XX в., в котором не воспроизводится миф о «системе 1805 года».

Вторая не упомянутая в докладе «Российская полевая артиллерия эпохи наполеоновских войн: мифы, действительность, вопросы» монография, озаглавленная «Военные реформы в России в первой четверти XIX века», была издана в 2004 г. в поддержку защиты одноименной докторской диссертации А.Ю. Коваленко¹³. Несмотря на то что автор знакома почти со всеми основными опубликованными источниками и работами, в которых рассматривается развитие материальной части отечественной артиллерии в период наполеоновских войн (включая монографию Л.П. Богданова), и изучала фонды Научного архива ВИМАИВиВС, она в сокращенном виде и с ошибками воспроизводит «классическую» картину.

Совершенствование материальной части российской артиллерии описано кратко, как элемент «реформ в области вооружения». А.Ю. Коваленко, вслед за Б.В. Кондратьевым¹⁴ и Л.Г. Бескровным¹⁵, соединяет воедино тезис о продолжительном (начиная с правления Павла I) поступательном процессе модернизации материальной части с лаконичной (и, естественно, не фундированной) информацией о «комиссии Аракчеева» и «системе 1805 года», при этом, говоря об орудиях образца 1805–1808 гг. В частности, автор безосновательно, противореча источникам и даже общепринятой в историографии версии, утверждает: «Облегчение артиллерийских орудий было продолжено и после 1808 г., когда прежние тяжелые 12-фунтовые пушки были заменены новыми, более облегченными, того же калибра, двух

видов: “средней пропорции” (вес около 50 пудов) и “меньшей пропорции” (около 28 пудов)»¹⁶.

Поверхностное знакомство с темой, непонимание ее специфики привело к обилию ошибок и неверных трактовок. Отдельные случайные архивные находки¹⁷ так и не сложились в целостное знание, не привели к пониманию процессов, происходивших в русской артиллерии в органах управления, в области науки и производства. Приведенные в монографии сведения носят вторичный характер, требуют проверки или уточнения. Приходится констатировать, что эта работа для нас представляет лишь историкографический интерес, пример негативного влияния устоявшейся традиции на исследовательский процесс.

На основании анализа основных для изучения истории материальной части российской полевой артиллерии начала XIX в. работ таких исследователей, как А.С. Платов, В.Ф. Ратч, Д.П. Струков, А.А. Нилус, Б.В. Кондратьев, Л.Г. Бескровный, А.А. Смирнов, С.В. Войцехович и других (включая вышеописанные), были выявлены три основных варианта отображения исторической действительности:

- исследователи XIX в. (военные историки) рассматривали развитие материальной части последней четверти XVIII– начала XIX вв. как постепенный, непрерывный, растянутый во времени эволюционный процесс, в котором было задействовано большое количество специалистов разных поколений;

- исследователи первой половины XX в. (военные, специалисты по материальной части артиллерии) воспроизвели введенную в научный оборот А.А. Нилусом ложную версию о серьезной принципиальной реформе материальной части российской полевой артиллерии, осуществленной в первые годы XIX в.;

- исследователи второй половины XX– начала XXI вв. (как военные, так и гражданские историки, или любители, специализирующиеся на военной истории) пытались состыковать почерпнутые в привлеченных источниках объективные сведения с устоявшейся историкографической традицией. Вновь найденные данные, обогащая в целом научный оборот, зачастую интерпретируются ими тенденциозно либо, напротив, на основании этих данных они смещают временные рамки «реформы Аракчеева». Однако влияние традиции оказывается настолько велико, что никто из исследователей не усомнился в существовании такой реформы как исторического явления.

За прошедшее с момента вышеупомянутых публикаций время автор имел возможность познакомиться с первичной критической реакцией в кулуарах конференций, в переписке и при личном общении. Ее в целом можно было бы систематизировать следующим образом:

- что в имени тебе моем? Выявленное автором отсутствие в источниках словосочетания «система 1805 года» лежит в плоскости терминологических проблем, не затрагивая сущности объективного исторического знания. Нет принципиальной разницы между терминами «система Аракчеева», «система 1805 года», «система 1805–1808 годов» или любым другим предложенным, так как за ними скрывается один и тот же процесс модернизации материальной части российской артиллерии начала XIX в.;

- бремя доказательства лежит на... сомневающемся. Система доводов и доказательств, приведенных автором в его работах, недостаточна, в то время как общепринятая версия освящена традицией и коллективным авторитетом предшествующих исследователей;

- критикуешь — предлагай. Общепринятая версия дает непротиворечивую картину исторических событий, в то время как ее отрицание не дает взамен иной стройной системы представлений. Если не было «системы 1805 года», то что же было? Есть же сохранившиеся в музеях точно датированные памятники, есть источники и литература, в которой эти орудия описаны.

Ответ на первый пункт из этого «списка возражений» был сформулирован в статье 2014 г.¹⁸ Здесь мы можем еще раз резюмировать: введение А.А. Нилусом понятия «система 1805 года» выходит за рамки терминологических ошибок, так как скрывающаяся за ним ложная сущность оказала существенное негативное влияние на развитие процесса познания реальных исторических событий. С его легкой руки отечественная (а в последнее время и зарубежная) историографическая традиция искусственно разделяет процесс реформирования артиллерии, необоснованно рассматривая 1805 г. как дату введения в употребление нового унифицированного комплекса (системы) артиллерийского вооружения. В результате этого в научном обороте на сегодняшний день почти отсутствуют сведения об обстоятельствах разработки и внедрения новых технических решений и процессе создания стандартизированной системы артиллерийского вооружения.

Здесь следует сделать оговорку, что «терминологическая» проблема в некоторой степени все же существует. Вызвана она тем, что употребление в отечественной профильной историографии словосочетания «артиллерийская система» и просто слова «система» претерпело за 200 лет существенные изменения. Если первоначально слово «система» употреблялось во множестве значений (принцип; порядок; конструкция, образец; комплекс, состоящий из орудия и его ходовой части; результат процесса унификации, стройная организация, устройство; совокупность материальной части национальной артиллерии; результат одномоментной разработки и внедрения единого унифицированного комплекса национального артиллерийского вооружения и др.), то начиная с середины XX в. количество смыслов сокращается до двух-трех (конструкция, образец; комплекс, состоящий из орудия и его ходовой части; результат одномоментной разработки и внедрения единого унифицированного комплекса национального артиллерийского вооружения).

Например, Е.Х. Вессель в 1835 г. в «Энциклопедическом лексиконе» в статье «Артиллерия» писал: «Граф Аракчеев, которому она (артиллерия. — *Авт.*) в то время была поручена, преобразовал и улучшил ее части, дал ей новое, систематическое устройство»¹⁹. Чуть ниже мы читаем об очередных улучшениях в отечественной артиллерии: «Система полевой Артиллерии, уничтожением двух бесполезных орудий (12 фунт. пушек меньшей пропорции и конных единорогов), сделана проще»²⁰. Как видно, в данном случае он использует слово в значении: совокупность материальной части национальной артиллерии.

Ему вторит сын А.И. Маркевича — инспектор классов 2-го кадетского корпуса подполковник Семен Андреевич Маркевич. В 1837 г. в «Военном энциклопедическом лексиконе» в статье «Артиллерия» он писал: «Преимущества введенной Густавом Адольфом системы облегчения артиллерии были слишком очевидны»²¹. Здесь в словосочетании «система облегчения артиллерии» слово «система» имеет значение «принцип». О преобразованиях австрийской артиллерии Лихтенштейном: «...установлена система артиллерии, которая с небольшими изменениями сохранилась в Австрии до сих пор»²². Об артиллерийской реформе начала XIX в. во Франции: «Простота Грибовалевой системы была нарушена, и в 1803 году положили вместо прежних калибров принять 6 фунтовые пушки, 24 фунтовые и 6 дюймовые легкие

гаубицы»²³. О русской артиллерии, используя слово «система» в значении «совокупность материальной части национальной артиллерии»: «В царствование Императрицы Екатерины II система нашей полевой артиллерии упрощена исключением Шуваловских гаубиц и 8 фунтовых пушек»²⁴. И далее в том же значении о сокращении номенклатуры калибров в 20-е гг. XIX в.: «Система артиллерии упрощена исключением двух орудий: 12 фунтовой пушки меньшей пропорции и -пудоваго коннаго единорога»²⁵.

В 1860 г. в своих «Публичных лекциях» вводит в оборот словосочетание «аракчеевская система» выдающийся историк русской артиллерии В.Ф. Ратч: «Далеко еще было от графа Аракчеева то время, когда в 1815 году наша артиллерия гордилась своею аракчеевскою системою»²⁶. Из контекста очевидно, что в данном случае речь идет о результате продолжительных усилий во всех сферах: производство, организация, подготовка кадров и т. д.

А.А. Нилус в его «Истории материальной части артиллерии» (1904) также использует слово «система» в очень широком спектре значений. Это и артиллерия Лихтенштейна и Грибоваля, в противовес артиллерии Фридриха Великого, который так и «не создал строго разработанной системы, не придал ей вполне стройной организации и вполне определенного характера, какой мы видим, например, у Грибоваля во Франции»²⁷. Это и совокупность материальной части национальной артиллерии: «Общность взглядов, идей и боевого опыта артиллерий, встречающихся между собою на полях сражений, приводит к началу ассимиляции систем различных государств»²⁸. А.А. Нилус также использует слово «система» в значении «конструкция, образец»: «Кроме вышеуказанных орудий, во французской артиллерии употреблялись также 1 фунт. пушки системы Ростена (Rostaing)»²⁹. Использует А.А. Нилус слово «система» и в современном его значении — комплекс, состоящий из орудия и его ходовой части³⁰. Наконец, именно Нилус впервые употребляет словосочетание «система полевых орудий», говоря о «системе 1805 года» в значении «одномоментная разработка и внедрение единого унифицированного комплекса национального артиллерийского вооружения»³¹.

Традиция многозначного использования слова «система» сохранилась и после Нилуса. Например, Д.Е. Козловский в 1939 г. в учебнике «Материальная часть артиллерии»

пишет о тенденциях к унификации в артиллериях разных стран в XVIII в.: «Вырабатываются чертежи и устанавливаются определенные размеры орудий — все это сводится в стройную систему»³². Вслед за этим он пишет о преобразованиях Грибоваля, используя в одном предложении слово «система» в разных значениях: «Кроме установления строгой системы орудий, т. е. калибров и видов их, он обратил особое внимание на облегчение артиллерийских систем с целью достижения подвижности»³³. Об «аракчеевской системе» он пишет, согласно Нилусу: «Наконец, при Аракчееве было упрощено наружное устройство стволов и облегчены лафеты. Система орудий получила название “системы 1805 г.”, или “аракчеевской”. С орудиями этой системы, наряду с орудиями прежних систем, русская армия провела войны с Наполеоном»³⁴.

Позднее диапазон смыслов резко сужается. Уже в 1945 г. И.С. Прочко в своей «Истории развития артиллерии» употребляет слово «система» только в значениях «комплекс, состоящий из орудия и его ходовой части»³⁵ и «результат одномоментной разработки и внедрения единого унифицированного комплекса национального артиллерийского вооружения» (когда пишет о Вальере, Грибовале, Аракчееве)³⁶.

В 60-е гг. авторы «Истории отечественной артиллерии» А.П. Барбасов, А.М. Агеев, Н.Е. Гребенюк, Б.В. Кондратьев употребляют словосочетание «артиллерийские системы» чаще всего в значении «комплекс, состоящий из орудия и его ходовой части»³⁷. Реже слово «система» встречается в значении «конструкция, образец»³⁸. В исключительных случаях, когда речь заходит о принятой во Франции в 30-е гг. XVIII в. «системе инженера Вальера» или введении в России «системы 1805 года», употребляется в значении «результат одномоментной разработки и внедрения единого унифицированного комплекса национального артиллерийского вооружения»³⁹.

В тех же значениях употребляется слово «система» и в работах конца XX — начала XIX вв. А.Б. Широкограда⁴⁰. Что неудивительно, так как одним из основных «источников вдохновения» для этого литератора стала как раз многотомная «История отечественной артиллерии».

В 1998 г. в своей небольшой по объему, но оказавшей существенное влияние на современную историографию об отечественном артиллерийском вооружении наполеоновского периода

брошюре «“Аракчеевская” артиллерия» А.А. Смирнов употребляет слово «система» только в значении «результат одномоментной разработки и внедрения единого унифицированного комплекса национального артиллерийского вооружения»⁴¹. Вслед за ним такого же принципа придерживается С.В. Войцехович в своей во многом новаторской работе «Российская полевая артиллерия. 1382–1917» 2008 г.⁴²

Вышеописанное сужение в литературе последнего времени диапазона смыслового применения слова «система» может привести современного читателя к недостаточно четкому пониманию авторского текста при обращении к литературе XIX в. Существует опасность смешения значений «совокупность материальной части национальной артиллерии» и «результат одномоментной разработки и внедрения единого унифицированного комплекса национального артиллерийского вооружения».

Формальный ответ на второй пункт из списка возражений был бы самым простым: если мы ведем не теологическую дискуссию, а находимся в рациональной системе знаний, бремя доказательства лежит все-таки на утверждающем, так как проще доказать наличие того, что имело или имеет место быть, чем отсутствие того, чего нет и не было. Иными словами, ставящие под сомнение сообщение автора об отсутствии в источниках (опубликованных и архивных) сведений о создании и существовании «системы 1805 года» могли бы указать на его ошибку, приведя цитату из какого-либо источника, подтверждающую процесс ее разработки, создания — или хотя бы использования такого термина в период правления Александра I.

Однако следует согласиться с этим возражением в той его части, где говорится о скудности опубликованной системы доводов. Действительно, автор пока не опубликовал работы с развернутой критикой ошибочных историографических утверждений, ограничиваясь в своих статьях лишь классическим научно-справочным аппаратом (надеясь, что заинтересованный и критически настроенный читатель сам пройдет тот же исследовательский путь, что и автор). Конечно, такого рода публикация необходима и она должна быть сделана в более развернутом формате, нежели доклад на конференции. Здесь же мы можем привести красноречивый пример, подкрепляющий наши утверждения.

Б.В. Кондратьев, автор главы из «Истории отечественной артиллерии», в части, посвященной развитию артиллерийского

вооружения в конце XVIII– начале XIX вв., опираясь на источники (многие из которых он впервые вводит в научный оборот) и литературу, дает в целом объективную картину исторической действительности⁴³. Однако помимо кажущегося искусственно вставленным пересказа тезиса А.А. Нилуса о «системе 1805 года»⁴⁴, в его работе присутствуют две сводные таблицы с характеристиками «артиллерийских систем русской артиллерии по состоянию на 1801 г.»⁴⁵ и «полевых орудий образца 1805 года»⁴⁶, наглядно показывающие некоторую разницу в параметрах орудий этих «двух разных систем».

Первая таблица составлена на основании первоклассного источника, введенного Б.В. Кондратьевым в научный оборот, — чертежей полевых орудий из альбома, изготовленного и поднесенного в дар императору Александру I в 1801 г.⁴⁷ Но давайте сравним, какие сведения по стволам артиллерийских орудий он приводит в своей таблице и какие в действительности находятся в источнике (см. табл. 1).

Для удобства мы выделили несовпадающие данные. Как видно, Б.В. Кондратьев добавил сведения о калибрах, которые отсутствуют в источнике, дал неверные сведения о массе стволов орудий конной артиллерии (6-фунтовые пушки и 12-фунтовые единороги, названные им $\frac{1}{4}$ -пудовыми), не обратил внимания на то, что в источнике отсутствуют данные об орудиях полковой артиллерии, так как он был создан в период, когда полковая артиллерия была на короткое время упразднена.

Вторая таблица составлена на основании такого же рода таблицы из учебника А.А. Нилуса⁴⁸, что в некоторой степени странно. Дело в том, что Нилус составил свою таблицу по сведениям из учебника А.И. Маркевича⁴⁹, который был известен Кондратьеву и использовался им при написании его труда. Почему гвардии майор Кондратьев в данном случае не обратился к знакомому источнику, а доверился литературе, мы не узнаем, но каков получился результат, можно увидеть в прилагаемой таблице 2.

Как нетрудно заметить, основной проблемой для обоих исследователей стал вопрос массы стволов характеризуемых артиллерийских орудий. А.А. Нилус, несмотря на то что ссылается на А.И. Маркевича, дает в ряде случаев иные сведения, а Б.В. Кондратьев, несмотря на то, что утверждает, что опирался на Нилуса, ни разу не повторяет его данные, и один раз его вариант совпадает с данными Маркевича. Остается гадать, откуда

Табл. 1

Наименование полевых орудий	Параметры стволов артиллерийских орудий 1801 г. по Кондратьеву			Параметры стволов артиллерийских орудий согласно альбому чертежей 1801 г.		
	Калибр, мм	Длина ствола, калибры	Вес ствола, пуд.	Длина ствола, калибры	Вес ствола, пуд.	
Пушки						
12-ф. средней пропорции	120,4 мм	16,5	50	16,5	50	
12-ф. малой пропорции	120,4 мм	13	30	13	30	
6-ф.	95,5 мм	17	22,2	17	20	
Единороги						
½-пуд.	154,9 мм	10,5	42,5	10,5	42,5	
¼-пуд.	122,9 мм	10	22			
¼-пуд. для конной артиллерии				10	18,5	

Табл. 2

Наименование полевых орудий	Параметры ствольов артиллерийских орудий 1805 г., по Кондратьеву			Параметры ствольов артиллерийских орудий 1805 г., по Нилусу			Параметры ствольов артиллерийских орудий 1805 г., по Маркевичу		
	Калибр, мм	Длина ствола, калибры	Вес ствола, пуд.	Калибр, дюймы	Длина ствола, калибры	Вес ствола, пуд.	Калибр, дюймы	Длина ствола, калибры	Вес ствола, пуд.
Пушки									
12-ф. средней пропорции	120,4	16,5	49,5	4,76	16,5	50	4,74	16,5	50
12-ф. малой пропорции	120,4	13	28,6	4,76	13	29	4,74	13	28,6
6-ф.	95,5	17	22,2	3,76	17	22,5	3,762	17	22
Единороги									
½-пуд.	154,9	10,5	41,9	6,102	10,5	42	6,102	10,5	42
¼-пуд. для пешей артиллерии	122,9	11	21,6	4,84	11	22	4,843	11	22
¼-пуд. для конной артиллерии	122,9	10	19,6	4,84	10	19,3	4,843	10	19,25
3-ф.	82,3	11	6,6	3,24	11	6,5	3,242	11	6,5

он в действительности брал сведения о массе оружейных стволов так называемой «системы 1805 года». Также хочется обратить внимание на странные сведения о калибрах, которые приведены у Нилуса и наивно (и даже с ошибками) пересчитаны в миллиметры Кондратьевым.

Для автора этой статьи приведенный выше пример особенно досаден, так как, полагаясь на авторитет предшествующих исследователей, он использовал сведения, опубликованные Б.В. Кондратьевым в одной из своих работ⁵⁰. Только личное знакомство с альбомом чертежей 1801 г. и анализ объемного массива источников и литературы позволили позднее выявить эти ошибки.

Опираясь на исследовательский опыт, автор вынужден констатировать, что подобные вышеописанным ошибки или же даже подтасовки встречаются почти во всех научных или научно-популярных работах, посвященных истории артиллерийского вооружения периода XVIII–первой половины XIX вв. Такая ситуация типична для изучаемого вопроса. Отечественная историография в целом не содержит в себе стройной непротиворечивой системы сведений о развитии материальной части отечественной артиллерии последней четверти XVIII — начала XIX вв. Только принципиальная и комплексная ревизия устоявшихся представлений, с опорой в первую очередь на источники, позволит вырваться из круга постоянно воспроизводимых заблуждений и создать достоверное знание.

Тем не менее, уже сейчас, хотя работа над темой далека от завершения, можно предложить стройную версию исторических событий. И эта версия отнюдь не будет столь революционна, как может показаться на первый взгляд читателю, опирающемуся на традицию последних десятилетий. В действительности, основной массив достоверных сведений (пусть с лакунами и отдельными погрешностями) уже присутствует в научном обороте. Это учебники по артиллерийскому делу начиная с «Артиллерийских предложений» И.А. Вельяшева-Волынцова 1767 г. до курса «Артиллерии» Е.Х. Весселя 1851 г. Это многочисленные нормирующие документы, опубликованные в «Полном собрании законов» или в периодике эпохи (в первую очередь, в «Артиллерийском журнале»). Это весьма ценное эпистолярное и документальное наследие А.А. Аракчеева. Справочные и учебнические чертежи. Наконец, это прекрасные исследования второй четверти — середины XIX в. С.А. Маркевича, В.Ф. Ратча,

А.С. Платова, конца XIX в. П.П. Потоцкого, 60-х гг. XX в. А.М. Агеева, А.П. Барбасова и все того же Б.В. Кондратьева и ряд работ других авторов. Недостающая информация должна дополняться и дополняется новыми архивными находками.

Анализ этих материалов позволяет говорить о том, что в России в конце XVIII — начале XIX вв. не было такого научно-технического феномена, как одномоментная разработка и внедрение единого унифицированного комплекса национального артиллерийского вооружения, как это было сделано в третьей четверти XVIII в. в Австрии под руководством князя И.В. Лихтенштейна или во Франции под руководством Ж.Б. Грибоваля. Имел место продолжительный по времени (несколько десятилетий) процесс, состоявший из последовательного изменения существовавшей суммы технических решений: постепенная замена некоторых разновидностей орудий на новые образцы, отказ от некоторых калибров или пропорций орудий, унификация отдельных узлов подвижного состава разных типов орудий и т. д. Этот процесс видоизменял материальную часть отечественной артиллерии, придавая ей все большую стройность и упорядоченность, иначе говоря — системность. В нем можно выделить несколько этапов, но ни один из них не совпадает с датой «1805 год» и не будет сопоставим по масштабам не только с преобразованиями Грибоваля или Лихтенштейна, но и с изменениями в конструкции материальной части артиллерии, имевшими место в России во второй четверти XIX в.

И нет ничего обидного и унижительного для отечественной артиллерии, если мы признаем, что ее развитие шло не так, как во Франции или империи Габсбургов, но так, как, например, в Великобритании или Пруссии, где феномена одномоментного создания единой «артиллерийской системы» в этот период также не было.

Комплекс технических решений в области артиллерийского вооружения, использовавшегося в России в период наполеоновских войн, который, как мы видели, в литературе XIX в. иногда именуется отечественной артиллерийской системой, сложился в период 60–90-х гг. XVIII в.: единороги безосновательно приписываемых в историографии XX в. мифической «системе 1805 года» пропорций были разработаны и поставлены на вооружение в период с 1760 по 1783 гг., за исключением 12-фунтового единорога для конной артиллерии, который вместе с 6-фунтовой

пушкой был разработан в 1795 г. 12-фунтовые пушки средней и меньшей пропорции были приняты на вооружение в 1797 г. В дальнейшем этот комплекс дорабатывался и модифицировался до 40-х гг. XIX в.

Хорошо ориентирующийся в историографии исследователь заметит, что приведенный выше период формирования комплекса (системы) отечественного артиллерийского вооружения изучен значительно хуже, чем периоды шуваловских реформ или павловских преобразований. Это повод направить свои усилия на уничтожение лакун в наших знаниях. Представляется, что в итоге более пристального изучения деятельности генерал-фельдцейхмейстеров князя Г.Г. Орлова и в особенности барона И.И. Меллера-Закомельского их роль в развитии отечественной артиллерии может быть пересмотрена.

В заключение хочется вновь вернуться к вопросу терминологии.

Терминология должна соответствовать историческим реалиям. Мы можем использовать словосочетание «российская (русская) артиллерийская система» в значении: совокупность артиллерийских орудий и артиллерийского обоза регламентированных разновидностей, калибров и конструкций, принятых на вооружение в государстве в данный период времени. Однако мы не можем приставить к этому словосочетанию точную дату, но только широкий временной диапазон. Мы также можем употреблять определения «аракчеевская артиллерия» или «аракчеевская система», если будем вкладывать в эти словосочетания значение «артиллерия времен управления ею Аракчеевым».

При этом хочется обратить внимание, что в историографии отечественной артиллерии уже существует традиция периодизации по временному признаку, в которой авторы обходятся без многозначного слова «система», избегая таким образом возможного превратного понимания. Примеры такого подхода можно увидеть, например, в оглавлении все той же «Истории отечественной артиллерии»⁵¹ или в заголовке этой статьи.

¹ Напр.: Нилус А.А. История материальной части артиллерии. Т. 2. СПб., 1904; Козловский Д.Е. Материальная часть артиллерии. М., 1939; Его же. История материальной части артиллерии. М., 1946; Павленко Н.Г. Русская артиллерия: очерки по истории русской артиллерии 1389–1812 гг. М., 1940; Прочко И.С. История развития артиллерии с древнейших времен и до конца XIX в. Т. 1. М., 1945; История отечественной артиллерии / под ред. Б.А. Светлосанова. Т. 1. Кн. 3. М.,

1962; Отечественная артиллерия: 600 лет / Под ред. Г.Е. Перedelьского. М., 1986; Смирнов А.А. «Аракчеевская» артиллерия. Русская полевая артиллерия системы 1805 года. М., 1998; Широкопад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск, 2000 и др.

² Игошин К.Г. Эволюция конструкции стволов орудий российской полевой артиллерии в период 1805–1812 годов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Второй Международн. научно-практич. конф. 18–20 мая 2011 г. Ч. 1. СПб., 2011. С. 301; Его же. Материальная часть российской полевой артиллерии в эпоху Наполеоновских войн. 1805–1815. Ч. 1 // Старый цейхгауз. 2012. № 3(47). С. 74.

³ Нилус А.А. Указ. соч. Т. 2. СПб., 1904. С. 20.

⁴ Игошин К. Г. Система Аракчеева и чертежи полевой артиллерии 1805 года // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международн. научно-практич. конф. 15–17 мая 2013 г. Ч. 2. СПб., 2013. С. 206–223.

⁵ Коломнец Г.А. Развитие артиллерии в России и появление артиллерийских моделей // Из истории русской армии и оружия / Труды Государственного ордена Ленина Исторического музея. Вып. 64. М., 1987. С. 14.

⁶ Смирнов А.А. Указ. соч. С. 3.

Подробнее о появлении в историографии списка «членов комиссии» см.: Игошин К.Г. Система Аракчеева и чертежи полевой артиллерии 1805 года. С. 218–220.

⁷ Игошин К.Г. Российская полевая артиллерия эпохи наполеоновских войн: мифы, действительность, вопросы. (Опыт историографического исследования) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады Международн. конф. «Россия и Наполеоновские войны» (Межотне). XII: Сб. материалов. К 200-летию Заграничных походов российской армии 1813–1814 годов. М., 2014. С. 96–109.

⁸ Богданов Л.П. Русская армия в 1812 году. Организация, управление, вооружение. М., 1979.

⁹ Пожалуй, сравнить можно только с соответствующим разделом исследования А.С. Платова (Без автора. Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год. СПб., 1853) и, в части, касающейся описания деятельности Артиллерийского комитета, с очерком Д.П. Струкова (Струков Д.П. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1902).

¹⁰ Богданов Л.П. Указ.соч. С. 144, 158–159.

¹¹ Без автора. Краткое обозрение...

¹² Ратч В.Ф. Сведения об артиллерии гатчинских войск. СПб., 1851; Его же. Практические занятия Гвардейской артиллерии в царствование Государя Императора Павла Петровича // Артиллерийский журнал. 1853. № 4; Его же. Публичные лекции, читанные при гвардейской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1860. № 4–5; 1861. № 1, 10–11; Его же. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве // Военный сборник. 1861. № 5, 12; 1864. № 1.

¹³ Коваленко А.Ю. Военные реформы в России в первой четверти XIX века. М., 2004.

¹⁴ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 3.

Глава 1 «Артиллерия русской армии в конце XVIII – первой четверти XIX в.» написана гвардии майором Б.В. Кондратьевым.

- ¹⁵ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1972.
- ¹⁶ Коваленко А.Ю. Указ. соч. С. 101.
- ¹⁷ Напр., в тексте диссертации А.Ю. Коваленко, в частности, впервые обращается внимание на изменение конструкции хоботов лафетов полевых орудий в конце 1811 — начале 1812 гг., однако в монографии эта информация уже не приводится. См.: Коваленко А.Ю. Военные реформы в России в первой четверти XIX века. Дисс... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 198.
- ¹⁸ Игошин К.Г. Российская полевая артиллерия эпохи наполеоновских войн: мифы, действительность, вопросы. С. 100–101.
- ¹⁹ Энциклопедический лексикон. Т. 3. СПб., 1835. С. 215.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных литераторов. Ч. I. СПб., 1837. С. 553.
- ²² Там же. С. 556.
- ²³ Там же. С. 558.
- ²⁴ Там же. С. 559.
- ²⁵ Там же. С. 560.
- ²⁶ Ратч В.Ф. Публичные лекции, читанные при гвардейской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1861. № 1. С. 8.
- ²⁷ Нилус А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 232.
- ²⁸ Там же. С. 228.
- ²⁹ Там же. С. 254–255. См. также: Т. 2. С. 10.
- ³⁰ Там же. С. 1, 11.
- ³¹ Там же. С. 20.
- ³² Козловский Д.Е. Указ. соч. С. 24–25.
- ³³ Там же. С. 26.
- ³⁴ Там же. С. 29.
- ³⁵ Прочко И.С. Указ. соч. С. 107, 108.
- ³⁶ Там же. С. 107, 108, 201.
- ³⁷ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 172, 189, 191, 201, 342, 527; Кн. 3. С. 30, 32.
- ³⁸ Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 198, 199, 527.
- ³⁹ Там же. С. 201; Кн. 3. С. 32.
- ⁴⁰ См., напр.: Широкопад А.Б. Указ. соч. С. 35, 36, 41.
- ⁴¹ Смирнов А.А. Указ. соч. С. 3.
- ⁴² Войцехович С.В. Российская полевая артиллерия. 1382–1917. Артиллерийские системы на службе в Российской Императорской и Красной армиях. М., 2008. С. 29–30.
- ⁴³ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 3. С. 16–55.
Краткую критику см.: Игошин К.Г. Российская полевая артиллерия эпохи наполеоновских войн: мифы, действительность, вопросы. С. 100–101.
- ⁴⁴ История отечественной артиллерии. Там же. С. 32.
- ⁴⁵ Там же. С. 30.
- ⁴⁶ Там же. С. 34.
- ⁴⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. Эрмитажного собрания. № 139. Книга, содержащая чертежи употребляемой ныне осадной, полевой, конной и крепостной артиллерии с принадлежностями их, уменьшенными

против натуральных в $\frac{1}{8}$ долю, также пороховых фабрик, литейной печи и сверлильных машин, деланная при Втором кадетском корпусе кадетами оною в классе капитана Ефимова-Второго 1801-го года.

⁴⁸ Нилус А.А. Указ. соч. С. 16.

⁴⁹ Маркевич А.И. Руководство к артиллерийскому искусству для употребления их императорских высочеств государей и великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича. Т. I. СПб., 1820. С. 154, 500.

См.: Нилус А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 24.

⁵⁰ Игошин К.Г. Материальная часть российской полевой артиллерии в эпоху Наполеоновских войн. 1805–1815. Ч. 1. С. 86.

⁵¹ История отечественной артиллерии. Т. 1–3. Кн. 1–8. М., 1959–1979.

В.В. Ионов (Москва)

ОПЫТ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПЕХОТЫ И ТАНКОВ 45-Й ГВАРДЕЙСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ПРИ БОЕ В ГЛУБИНЕ ОБОРОНЫ ТАЛЛИНСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 1944 ГОДА

С ОГЛАСНО ДИРЕКТИВЕ Ставки ВГК командующий Ленинградским фронтом Маршал Советского Союза Л.А. Говоров получил приказ «левым крылом фронта развивать наступление к западу от р. Нарва с задачей во взаимодействии с 3-м Прибалтийским фронтом разгромить группировку в Эстонии и овладеть Таллином»¹.

Благоприятные условия для перехода в наступление войск Ленинградского фронта на таллинском операционном направлении были созданы начавшимся 14 сентября 1944 г. наступлением войск 3, 2 и 1-го Прибалтийских фронтов на рижском направлении². Ударные группировки этих фронтов перешли в наступление, нанося мощные удары с трех участков в общем направлении на Ригу. Вражеские войска оказали ожесточенное сопротивление Красной армии. К участкам прорывов противник стянул все имевшиеся в его распоряжении резервы. В частности, танковую группу «Штрахвиц», располагавшуюся перед фронтом 2-й ударной армии Ленинградского фронта, командование группы армий «Север» (командующий — генерал-полковник Ф. Шёрнер) перебросило в полосу наступления 3-го Прибалтийского фронта. Тем самым была ослаблена вражеская группировка в районе Тарту. В течение первых трех дней наступления на рижском направлении шли напряженные бои с упорно сопротивлявшимся противником³.

Маршал Советского Союза Л.А. Говоров решил силами 2-й ударной армии (командующий — генерал-лейтенант

И.И. Федюнинский) из района Тарту на Раквере выйти в тыл оперативной группы «Нарва»⁴ и совместно с 8-й армией (командующий — генерал-лейтенант Ф.Н. Стариков) уничтожить ее. Он имел в виду, что в последующем главные силы фронта повернут на запад для удара на Таллин⁵. В этом состоял замысел Таллинской наступательной операции.

10 сентября генерал-лейтенант И.И. Федюнинский собрал командиров четырех корпусов 2-й ударной армии, объявил на своем командном пункте в роще южнее Тарту решение о проведении предстоящей операции.

30-му гвардейскому Ленинградскому Краснознаменному стрелковому корпусу (гвардии генерал-лейтенант Н.П. Симоняк) была поставлена задача — прорвать оборону противника на левом берегу р. Эмайыги, на участке мз. Кастре — мз. Луунья вместе с 8-м Эстонским стрелковым корпусом (генерал-лейтенант Л.А. Пэрн) и наступать на правом фланге армии⁶. На подготовку к переходу в наступление отводилось всего лишь трое суток.

В ходе Таллинской наступательной операции 45-й гвардейской стрелковой Красносельской ордена Ленина Краснознаменной дивизии⁷ (гвардии генерал-майор С.М. Путилов) была поставлена задача форсировать р. Эмайыги, прорвать передний край обороны 207-й охранной пехотной дивизии (генерал-лейтенант Б. граф фон Шверин, с 17 сентября — генерал-майор М. Берг) на левом берегу реки в полосе (иск.) Саге, (иск.) Сясэкырма овладеть Табри, Таммисту и выйти на рубеж Карли (южная), Лийваланэ, в последующем овладеть Карли (северная), Вара и выйти на рубеж Вара, Сяритса; в дальнейшем, развивая наступление в общем направлении на Виртса, выйти на рубеж Роэла, Рохкузе.

Перед наступлением командующий артиллерией 45-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковник Д.Н. Буденко на основе анализа разведывательных данных, характера местности и возможных действий противника спланировал огонь и перемещение артиллерии с развитием боя в глубине вражеской обороны (см. схему).

Вместе с соединением в первом эшелоне наступающих войск р. Эмайыги должны были форсировать на участке Кастре — Кокутая 7-я Эстонская стрелковая дивизия (полковник К.Я. Алликас) 8-го Эстонского стрелкового корпуса, на участке Кавасту — Луунья — 63-я гвардейская Красносельская ордена

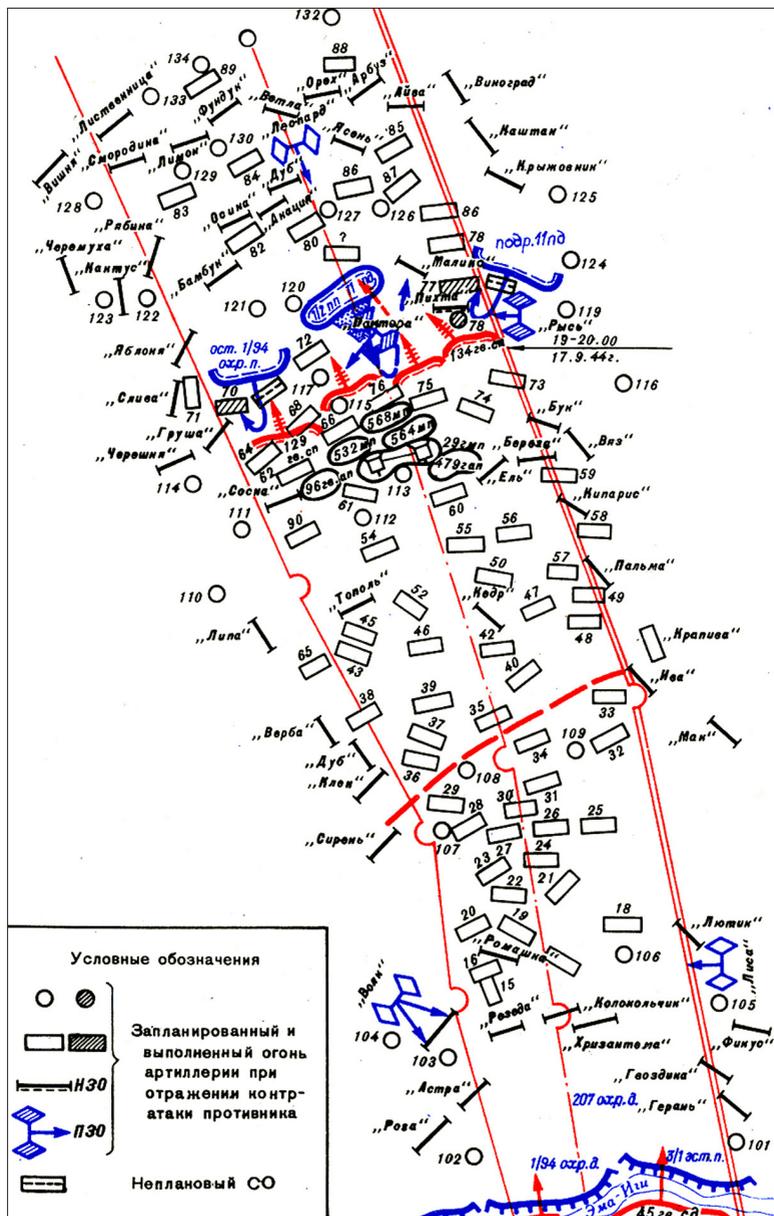

Схема огня артиллерии 45-й гвардейской стрелковой дивизии на бой в глубине 17 сентября 1944 г.

Ленина Краснознаменная стрелковая дивизия (генерал-майор А.Ф. Щеглов) 30-го гвардейского стрелкового корпуса⁸.

Противник имел на левом берегу р. Эмайыги лишь одну главную полосу обороны, состоявшую из отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления. В 10–12 км севернее Тарту находилась в стадии оборудования вторая полоса, а на южных и восточных подступах к Таллину — внешний оборонительный обвод⁹.

16 сентября штаб 2-й ударной армии получил директиву — о переходе в решительное наступление — на завтра. 17 сентября, когда все внимание германского командования было приковано к событиям под Ригой, началось наступление в районе Тарту. В 7 часов 30 минут в полосе 45-й гвардейской стрелковой дивизии трехминутным огневым налетом всех артиллерийских и минометных средств по траншеям, артиллерийским и минометным огневым позициям, по штабам и узлам связи вражеских войск началась артиллерийская подготовка. После этого огневого налета последовал 27-минутный огонь с целью методического подавления и разрушения системы огня и оборонительных сооружений врага.

Артиллерия и минометы противника в период трехминутного огневого налета ответного огня не вели, и только после окончания налета они открыли огонь по боевым порядкам пехоты и огневым позициям минометов соединений 2-й ударной армии. Однако огонь вражеских батарей продолжался недолго. Под воздействием советской артиллерии и авиации через 5 минут он начал ослабевать, а через 15 минут почти совсем прекратился. Соединениям 30-го гвардейского и 8-го эстонского стрелковых корпусов оказывала содействие наша штурмовая авиация. Например, 277-я штурмовая авиационная Красносельская Краснознаменная орден Суворова и Кутузова дивизия (полковник Ф.С. Хатминский) 24 самолетами Ил-2 нанесла сосредоточенный удар по траншеям и огневым позициям противника на северном берегу р. Эмайыги, в районах Ковасту и Луунья¹⁰.

Открытие огня противником позволило советским артиллеристам и минометчикам еще раз проверить имевшиеся у них разведывательные данные и уточнить положение батарей артиллерии и минометов врага.

В 8 часов последовал второй, более мощный огневой налет всех артиллерийско-минометных средств по артиллерийским и

минометным позициям, траншеям, штабам, узлам связи, населенным пунктам и опорным пунктам на переднем крае обороны противника.

Части 45-й гвардейской стрелковой дивизии восточнее города Тарту в полосе Савакула, Сясэкырва под прикрытием дымовой завесы с крайне малыми потерями (например, потери 129-го гвардейского стрелкового полка при переправе составили 24 человека) форсировали р. Эмайыги, к 9 часам захватили первую траншею, прорвали укрепленную оборону противника на фронте 3,8 км и успешно продвинулись вперед.

За первые два часа наступления части дивизии продвинулись на 7 км, но в дальнейшем, ввиду ослабления артиллерийской поддержки и отсутствия поддержки танковых частей, которые к этому времени еще не успели переправиться через р. Эмайыги, темп наступления соединения резко снизился. В последующие 6 часов удалось пройти всего 5 км, к 15 часам передовые подразделения овладели рубежом Ингли, Этэ.

В 14 часов переправились через реку 938-й и 1198-й самоходные артиллерийские полки и к 15 часам подошли к передовым частям соединения в районе Ингли. К этому же времени начала подтягиваться и артиллерия.

К 19.00 части дивизии вышли на глубину 10–12 км, где были контратакованы с подготовленных позиций отошедшими подразделениями 207-й охранной пехотной дивизии и вновь подошедшими частями 11-й пехотной дивизии (генерал-лейтенант Г. Рейманн) противника, поддержанными огнем артиллерии и минометов. Контратака противника была предпринята силами пехотного батальона с 3 танками. Несмотря на ограниченное количество танков, вражеская контратака против уставших и растянувшихся подразделений 129-го и 134-го гвардейских стрелковых полков была опасной. Но к этому времени оказались готовыми к ведению огня шесть полков артиллерии. Командующий артиллерией 45-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковник Д.Н. Буденко деятельно использовал и свой 96-й гвардейский Ленинградский Краснознаменный артиллерийский полк, и приданные ему части — 479-й гаубичный артиллерийский полк, 532, 568 и 564-й минометные полки и 29-й гвардейский минометный Любанский полк реактивной артиллерии¹¹. По команде командующего артиллерией дивизии и командиров полковых артиллерийских групп был немедленно открыт

огонь по рубежам подвижного заградительного огня «Рысь», «Пантера» и поставлен неподвижный заградительный огонь (НЗО) «Пихта». В ходе отражения контратаки артиллерия дивизии произвела еще два неплановых сосредоточения огня¹². Это свидетельствует о том, что штаб артиллерии 45-й гвардейской стрелковой дивизии при подготовке наступления и бою в глубине обороны противника провел большую сложную работу и подготовил данные для самых различных огневых ударов. Так, только НЗО было спланировано свыше пятидесяти. Маршал артиллерии К.П. Казаков впоследствии посчитал, что все запланированные постановки огня перевалили значительно за сотню. А ведь понадобилось только три из них да плюс несколько внеплановых сосредоточений огня. В итоге процент использования подготовительной работы невелик, зато эффект применения огня при отражении вражеских контратак был блестящим¹³.

Вражеская пехота, попав под сильный огневой налет, понесла потери, ее боевой порядок нарушился. Когда же она попыталась быстрее преодолеть зону огня артиллерии дивизии, то на подходе к боевым порядкам стрелковых подразделений была встречена огнем орудий прямой наводкой, танков непосредственной поддержки пехоты (НПП), пулеметов, автоматов и залегла. Контратака была сорвана. Затем артиллерия сосредоточила огонь по залегшему противнику. Советская пехота и танки вновь атаковали его и принудили к отступлению. Отличились разведчики 129-го гвардейского стрелкового полка гвардии сержант В.А. Мучников и гвардии старший сержант Н.М. Яганов.

В.А. Мучников «всего за день боев уничтожил семнадцать немецких солдат, из них 3-х офицеров и 4-х взял в плен». 20-летний Виктор Мучников — личность легендарная. Воевал с 1941 г., имел пять ранений, из них четыре — тяжелых! Был награжден орденами Славы 3-й степени, медалями «За отвагу» и «За оборону Ленинграда».

За день боев 17 сентября «тов. Яганов, ведя разведку, захватил 15 пленных и уничтожил 6 станковых пулеметов пр-ка, чем способствовал командованию полка в выполнении поставленной задачи». На войне с 1941 г., был трижды ранен, удостоен орденов Красного Знамени, Славы 3-й степени, двух медалей «За отвагу», медали «За оборону Ленинграда».

За мужество и отвагу, проявленные в Таллинской наступательной операции, разведчики В.А. Мучников и Н.М. Яганов¹⁴

Ил. 1. К.П. Казаков

29 сентября 1944 г. были награждены орденом Славы 2-й степени¹⁵.

Да, не все предусмотренное командующим артиллерией дивизии в плане действий на день боя было выполнено. Обстановка часто заставляла отступать от плана. Однако планирование третьего периода обеспечило более целеустремленное применение артиллерии с развитием наступательного боя в глубине обороны и уменьшило отрицательное влияние случайностей, значительно облегчило командующему артиллерией дивизии управление

огнем и маневром артиллерийских групп.

Используя выгодные естественные рубежи, германское командование старалось, если не задержать, то во всяком случае значительно замедлить темп советского наступления.

Части дивизии вели стремительное наступление на север через Сааскюля — Пилка, опорный пункт противника Таммисту, в направлении Раквере, расчлняя оборону противника на отдельные очаги сопротивления и разгромив подразделения 2-го пехотного полка 11-й пехотной дивизии, 1-го и 5-го эстонского погранполка, 94-го охранного полка 207-й охранной пехотной дивизии.

Успех действий соединений первого эшелона 2-й ударной армии в первый день наступления, 17 сентября, при прорыве обороны противника в значительной степени был обусловлен умелой организацией артиллерийского сопровождения пехоты и танков при бое в глубине обороны (командующий артиллерией армии — генерал-майор артиллерии К.П. Казаков). Это было достигнуто в результате того, что кроме спланированной и умело проведенной

70-минутной артиллерийской подготовкой и поддержке атаки на глубину до 2 км в корпусах и дивизиях детально планировался третий период — сопровождение огнем артиллерии наступающей пехоты и танков НПП на глубину задачи дня.

Враг усилил сопротивление. Германское командование ввело в бой свежие силы, намеревалось задержать продвижение советских войск и закрепиться на рубеже рек Омеду и Кязпа. Командир 8-го Эстонского стрелкового корпуса генерал-лейтенант Л.А. Пэрн разгадал намерения противника. На исходе 17 сентября он

Ил. 2. С.М. Путилов

приказал вступившему в командование 249-й Эстонской стрелковой дивизией полковнику А.Ю. Фельдману¹⁶ при поддержке огня семи артполков ввести в действие 921-й и 925-й стрелковые полки. В своем резерве командир корпуса оставил 917-й стрелковый полк¹⁷. Решение генерал-лейтенанта Л.А. Пэрна ввести в бой в ночь на 18 сентября части 249-й Эстонской стрелковой дивизии было смелым и своевременным. Оно позволило сорвать замысел германского командования.

18 сентября во взаимодействии части 249-й Эстонской стрелковой дивизии ликвидировали сильный узел обороны противника у Сааре¹⁸. Части 45-й гвардейской стрелковой дивизии в это же время заняли Вара (северная), б. мз. Вазула. В ходе наступления был разгромлен штаб 207-й охранной пехотной дивизии.

В дальнейшем 45-я гвардейская стрелковая дивизия действовала на острие наступления 2-й ударной армии, не давала противнику закрепиться на подготовленных рубежах обороны. 107 км было пройдено за 4 дня боев. «За день боя она уничтожила

около полутора тысяч вражеских солдат и офицеров, захватила двадцать два миномета, десять бронетранспортеров, семнадцать складов с боеприпасами, имуществом и продовольствием»¹⁹. Командир дивизии гвардии генерал-майор С.М. Путилов по итогам операции был удостоен ордена Александра Невского. В наградном листе отмечалось: «Хорошо продумал и организовал атаку переднего края с предварительным форсированием р. Эмма (Эмайги. — *Авт.*). Стремительно атаковал и устремился всеми боевыми порядками дивизии в глубину обороны противника, расчленив ее на разрозненные очаги, и последовательно их уничтожил. Его дивизия во всей этой операции двигалась клином вперед всей армии, чем не давало противнику организовать оборону на подготовленных промежуточных рубежах. Управление было хорошим. Противник после удара первого дня настолько был ошеломлен стремительностью удара, что не смог оказать в последующем какого-либо прочного сопротивления»²⁰.

Таким образом, осознав угрозу выхода советских войск в тыл главных сил группы «Нарва», германское командование было вынуждено приступить к отводу своих войск из Эстонии²¹.

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: Терра, 1999. С. 116.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 217. Оп. 1227. Д. 97. Л. 94.

³ История Прибалтийского военного округа. 1940–1967. Рига, 1968. С. 190.

⁴ В состав оперативной группы «Нарва» входили 3-й танковый корпус СС, 2-й армейский корпус и танковая группа «Лаухерт».

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 925. Д. 7. Л. 86 об.–87.

⁶ Там же. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 395. Л. 27–34.

⁷ В сентябре 1944 г. 45-я гвардейская стрелковая дивизия входила в состав 30-го гвардейского стрелкового корпуса 2-й ударной армии, участвовала во фронтовой наступательной операции войск левого крыла Ленинградского фронта. В период с 3 по 13 сентября 1944 г. в составе войск 2-й ударной армии была переброшена с нарвского плацдарма в район Тарту, совершив 300-км переход.

⁸ Петренко А.И. Прибалтийские дивизии Сталина. М.: Вече, 2010. С. 303.

⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944. М.: Кучково поле, 2012. С. 547.

¹⁰ Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 4 / Главное военно-научное управление Генерального Штаба Советской Армии. Военно-историческое управление. М.: Воениздат МВС СССР, 1951. С. 40.

¹¹ Казаков К.П. Огневой вал наступления. М.: Воениздат, 1986. С. 145.

¹² Передельский Г.Е. и др. Артиллерия в бою и операции. М.: Воениздат, 1980. С. 66.

¹³ Казаков К.П. Указ. соч. С. 146.

¹⁴ 29 июня 1945 г. Н.М. Яганов был удостоен ордена Славы 1-й степени за выполнение боевых заданий по уничтожению Курляндской группировки противника юго-восточнее Лиепая в Латвийской ССР в районе Яунземь.

¹⁵ <http://podvignaroda.ru/?#id=34381145&tab=navDetailDocument> (Дата обращения 24.10.2018).

¹⁶ Командир 249-й эстонской стрелковой дивизии генерал-майор И.Я. Ломбак 17 сентября 1944 г. во время переправы через р. Эмайыги в 11 часов утра был ранен.

¹⁷ Ару К., Паульман Ф. Наш генерал. Краткий биографический очерк о Лембите Пэрне. Таллин: Изд-во «ЭЭСТИ РААМАТ», 1983. С. 82.

¹⁸ Петренко А.И. Прибалтийские дивизии Сталина. М.: Вече, 2010. С. 307.

¹⁹ Стрешинский М.П., Франтишев И.М. Генерал Симоняк. Л.: Лениздат, 1971. С. 304.

²⁰ <http://podvignaroda.ru/?#id=26494477&tab=navDetailDocument> (Дата обращения 24.10.2018).

²¹ Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 3. Освобождение. М.: Наука, 1999. С. 164.

Н.Ю. Иноземцева (Санкт-Петербург)

СЧАСТЬЕ — СЛУЖИТЬ РОССИИ. МОРСКАЯ ДИНАСТИЯ БУТАКОВЫХ

НЕСКОЛЬКО ПОКОЛЕНИЙ Бутаковых служили флоту России. В их судьбах, как в зеркале, отразились многие страницы истории России, трагизм которой вошел и в их жизни. Все они достойны доброго слова соотечественников, живущих в двадцать первом веке. Неприличное забвение сегодняшним морским сообществом Петербурга и Кронштадта этой славной фамилии, забытые, разрушающиеся могилы трех адмиралов Бутаковых на Никольском кладбище в Александро-Невской лавре Петербурга побудили меня не только написать книгу о замечательных соотечественниках, создававших державную мощь России, но и привести в порядок фамильный некрополь Бутаковых.

Род Бутаковых достаточно старинный, фамилия упоминается в источниках ранее XVI в. Имеющееся в архивах изображение родового герба таково. В лазоревом щите выходящая из серебряных облаков рука в стальных латах, держащая серебряный меч с золотой рукояткой. Под ними на зеленой траве здание казармы. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник — три страусовых пера. Щитодержатели — два золотых льва с червлеными глазами и языками.

На страницах истории российской выделяется фигура **Петра Григорьевича Бутакова** (1715–1771), камер-юнкера императрицы Елизаветы Петровны. Он служил в конной гвардии и участвовал в утверждении на престоле Екатерины II. Его сестра была фрейлиной при дворе. Так и повелось, что представители рода Бутаковых оказывались по роду службы близко к придворному кругу или входили в него. Их главным достоинством была честная служба.

Семейное служение флоту уже с XVIII в. пошло от **Николая Дмитриевича Бутакова** (1736–1806), который всех трех своих сыновей определил на воспитание в Морской корпус. Они стали высокообразованными, храбрыми морскими офицерами, внесшими свою лепту в историю Российского флота. Боевая служба старших сыновей Бутаковых Григория и Ивана началась уже в отроческом возрасте.

Григорий Николаевич Бутаков (1775–1840), окончив Морской корпус, в 13 лет принимает участие в боевых операциях русского флота на Балтике в конце 80-х — 90-х годов восемнадцатого века. Его отличает «монаршим благоволением» император Павел I, генерал-адмирал флота. За боевые отличия в войне с Францией в начале девятнадцатого века он дважды награждается бриллиантовым перстнем от императора, а в 1807 г. удостоивается высшей награды — Георгиевского креста IV степени. В начавшейся войне со Швецией и поддерживающей ее Англией в 1808 г. возникает угроза Петербургу. Было необходимо создать береговую оборону, и поручили это Г.Н. Бутакову, имевшего в этом деле опыт. В короткий срок молодой офицер отлично справился с этой задачей. Были построены береговые батареи на Канонерском и Гутуевом островах, у гребного порта, на Крестовском острове и в устьях Большой, Средней и Малой Невки. Сооружено пятнадцать батарей со ста двадцатью дальнобойными орудиями. За проявленную храбрость в шведскую войну Г.Н. Бутаков награждается орденом св. Владимира с бантом. Участник 16 компаний, в чине капитан-лейтенанта, Григорий Николаевич уйдет в отставку и поселится в родовом имении в Костромской губернии.

Заслуги **Ивана Николаевича Бутакова** (1776–1863) в морской службе были, пожалуй, большими, чем у брата. Русско-шведская война (1808–1809), Отечественная война 1812 г., служба на Балтике, Черноморском флоте — таковы вехи его морской биографии. Он снискал себе славу лихого командира. Адмирал Сенявин не раз отмечал его как самого образцового командира эскадры. За боевые отличия в войне со шведами он получает орден св. Георгия IV степени. На Средиземном море И.Н. Бутаков командует судном «Царь Константин» в составе русской эскадры, будучи капитаном первого ранга. Участвует в боях у Наварина и о. Крит, где в бою 28 января 1829 г. берет в плен египетский 26-пушечный корвет и турецкий 14-пушечный бриг. В чине контр-адмирала служит на Черноморском флоте под командованием

адмирала М.П. Лазарева. Возглавляет 5-ю флотскую дивизию Черноморского флота, до этого исполняя должность командира всех дунайских портов. В отставку он уходит в возрасте 72 лет, в чине вице-адмирала. За многолетнюю службу на флоте он был неоднократно отмечен монаршими подарками.

Третий сын, **Александр Николаевич Бутаков** (1779–1845), окончив Морской корпус, принимает участие в боевых морских походах, вместе со своим старшим братом Григорием, к берегам Голландии. В 21 год в чине лейтенанта он командует военным транспортом «Грибсвальд», а в 1802 г. назначается командиром фрегата «Тихвинская Богородица». Через год он направляется для усовершенствования в английский флот вместе с другими морскими офицерами. Он совершает несколько плаваний по Северному морю и Атлантическому океану. Участвует в Трафальгарском бою на корабле «Виктория» под флагом адмирала Нельсона, убитого в этом сражении. По возвращении А.Н. Бутаков служит в эскадре адмирала Сенявина, командуя судном «Забияка». Затем он назначается командиром корабля «Рафаил», который принимает участие в сражении у Афона в 1807 г. За этот бой получает орден св. Георгия Победоносца IV степени. Во время Отечественной войны 1812 г. А.Н. Бутаков служит в Свеаборге. После — в Кронштадте, начальником Кронштадтского училища юнг. В 1818 г. он увольняется со службы в чине капитана 2 ранга. Род его деятельности кардинально меняется. Он служит в Департаменте по делам внешней торговли, далее — вице-директором Инспекторского департамента Морского министерства, директором Департамента корабельных лесов. А.Н. Бутаков заканчивает свою 50-летнюю службу в чине генерал-майора по адмиралтейству, заведая Балтийским округом корабельных лесов. А.Н. Бутаков известен и как гидрограф, морской писатель и переводчик. Им были составлены «Морской словарь», описания Азовского и Черного морей, «Замечания и наставления морским офицерам на корабле».

Морское родословное древо Бутаковых было достаточно разветвленным, и в своем повествовании я остановлюсь на ветви Ивана Николаевича Бутакова. Именно его потомки наиболее известны в истории Российского флота.

Иван Николаевич Бутаков всех своих пятерых сыновей определяет на морскую службу. Алексей, Григорий, Иван оставили заметный след в истории флота, морской науке, географии.

Для трех братьев — Григория, Владимира и Дмитрия, а также их двоюродного брата Александра (сына А.Н. Бутакова) — главной страницей жизни, яркой и трагической вехой, станет Крымская война 1853–1856 гг.

В тактике русского флота основная роль в морском бою отводилась искусным действиям артиллерии и маневрированию кораблей. Уровень тактического искусства русского парусного флота накануне Крымской войны был выше, чем в иностранных флотах. Примером этому является боевая деятельность **Григория Ивановича Бутакова**, прошедшего школу М.П. Лазарева, В.А. Корнилова и П.С. Нахимова. Имя Г.И. Бутакова зазвучало после блестящей победы нашего пароходно-фрегата «Владимир» под его командованием над турецким кораблем «Перваз-Бахри» 5 ноября (ст. ст.) 1853 г. За этот уникальный бой (это был первый в истории флота бой двух парусных кораблей) Григорий Бутаков был удостоен чина капитана 2-го ранга, ордена св. Георгия IV степени и 38 000 р. До получения из Петербурга Георгиевского креста вице-адмирал Нахимов надел на Григория Ивановича свой крест, полученный им в Наваринском сражении. Весьма поврежденный турецкий пароход был отбуксирован, приведен в порядок и переименован в «Корнилов». При сдаче Севастополя он был сожжен.

Все пароходно-фрегаты, находившиеся в Севастополе, принимали одинаковое участие как в обороне города, так и в оказании содействия боевым действиям сухопутных войск и моряков-защитников Севастополя на берегу. И все-таки особенно выделяются среди них пароходно-фрегаты «Владимир», «Крым» и «Херсонес», которые во все время обороны были главными и энергичнейшими деятелями защиты и поддержки города с воды. Душою всех действий против неприятеля в ночных вылазках с бастионов и батарей был командир пароходно-фрегата «Владимир» капитан 1-го ранга Григорий Иванович Бутаков. В начале октября 1854 г. отряд пароходно-фрегат под командованием Г. Бутакова принял деятельное участие в подавлении сухопутных и морских батарей противника, готовивших артиллерийскую поддержку штурма Севастополя. Благодаря своевременному обстрелу позиций противника был сорван план неприятеля овладеть городом путем ускоренной атаки. Г.И. Бутаковым был применен искусственный крен корабля, что увеличило дальностью его пушек до 4–5 км. Тогда в октябре 1854 г. орудия «Владимира» впервые

в истории морской артиллерии вели огонь по невидимой цели. Г.И. Бутаков позднее внедрил некоторые усовершенствования в оружейных станках, в результате чего можно было вести огонь по берегу во время хода корабля.

«При этом надо было хладнокровно маневрировать по рейду под ужасным огнем неприятельских батарей, которые обсыпали наши пароходо-фрегаты ядрами и бомбами. Сколько надо было иметь уверенности, мужества и самообладания, чтобы в узких местах Севастопольского рейда маневрировать так артистично, как это делал командир “Владимира”. Бесспорно, что неприятель во все дни осады преимущественно стрелял по пароходо-фрегату “Владимир”» — так писал «Морской сборник» в 1904 г. «С помощью пароходо-фрегатов осуществлялась и переправа войск, т. к. одного моста через Севастопольскую бухту было недостаточно. Значительную часть армии с Южной стороны на Северную перевезли водой. Работа шла и ночью. Пароходо-фрегаты во время осады Севастополя буксировали и баржи с орудиями, снятыми с кораблей и предназначавшимися для вооружения вновь создававшихся батарей или для усиления прежде построенных, чем способствовали усилению береговой обороны Севастополя. Из всех пароходо-фрегатов, находившихся на Севастопольском рейде во время обороны Севастополя, только один-единственный пароходо-фрегат “Владимир” от начала обороны до конца ее, бесменно и почти непрерывно, находился на назначенной ему боевой позиции». Как оставление Севастополя, столь обильно политого кровью и потом его защитников, было так же тяжело и затопление наших судов. Последнее было поручено организовать Г.И. Бутакову. Так закончил свой славный боевой путь и пароходо-фрегат «Владимир». За военные отличия Г.И. Бутаков удостоился получить чин капитана 1-го ранга, орден св. Анны II степени с императорской короной и мечами и золотую саблю с надписью «За храбрость» и монаршее благоволение. По окончании Крымской войны Григорий Иванович будет награжден орденом св. Владимира IV степени с бантом за отличное мужество и храбрость при защите Севастополя, серебряной медалью на Георгиевской ленте за оборону Севастополя.

Владимир Бутаков (1830–1894) героически воевал в Крымскую войну на пароходо-фрегате «Херсонес», в чине лейтенанта. Захватил и сжег три турецких судна. Воевал и на берегу. 9,5 месяцев он провел на 4 и 5 бастионах. Получил две контузии

в голову. За боевые отличия награжден орденом св. Анны III степени и св. Владимира IV степени.

Дмитрий Бутаков (1827–1855) составлял вместе со старшим братом Григорием лоцию Черного моря. Он был лейтенантом 37-го флотского экипажа. За успешные действия его батареи Ростиславского редута против двух батарей и 13 орудий противника, которые были разбиты, был награжден орденом св. Георгия IV степени. Был тяжело ранен и скончался в госпитале Симферополя 19 сентября 1855 г.

Двоюродный брат пятерых братьев, сыновей И.Н. Бутакова, **Александр Бутаков** (1831–1855), также участвовал в обороне Севастополя. Его лично знал П.С. Нахимов и часто навещал на батарее. Тяжелое ранение в ногу, с дальнейшей ее ампутацией, привело к летальному исходу. Сам Нахимов нес гроб Александра на похоронах.

Вернемся к биографии **Григория Ивановича Бутакова** (1820–1882) (ил. 1), который выделялся масштабностью своей деятельности в области морской науки среди современников. Помимо того, что это был замечательный флотоводец, любимый во всем боевом русском флоте, Григорий Бутаков известен как ученый-изобретатель, тактик, он стоял у истоков броненосного флота и минного дела, воспитал не одно поколение русских моряков, своим учителем его считал адмирал С.О. Макаров.

Статья Г.И. Бутакова об опыте Крымской войны, опубликованная в «Морском сборнике» за 1855 г. в № 10 — «Из артиллерийских заметок на Севастопольском рейде», рассказывала о действиях артиллеристов на флоте. В ней писалось: «Будем же гоняться не за тем, чтобы в отчетных ведомостях о пальбе у нас стояли высокие проценты попавших ядер, а употребим все усилия, чтобы пальба подходила возможно более к тем условиям, которые предстоят в действительном бою, т. е. будем стрелять с неопределенных заранее дистанций и в движущиеся предметы». Артиллеристы на учениях должны были стрелять с ходу по неподвижным треугольным щитам и в щиты движущиеся.

Когда в 1870 г. на вооружение поступили нарезные орудия, Г.И. Бутаков ввел стрельбу на качке.

По проекту Г.И. Бутакова в 1874 г. на броненосном фрегате «Петропавловск» установили по бортам десять четырехфунтовых пушек на станках, позволяющих стрелять по атакующим

Ил. 1. Адмирал Григорий Иванович Бутаков

миноносцам. Фрегат стал первым в мире кораблем с противоминной артиллерией.

Проводили на эскадре Бутакова и учения по использованию тарана. Иностранцы офицеры, приезжавшие в Россию для изучения опыта, особо интересовались именно этой стороной дела.

Позже Г.И. Бутаков много занимался минным делом. С 1873 г. для отражения минных атак начали применять введенные Г.И. Бутаковым на некоторых кораблях электрические прожекторы. Впервые им был употреблен шлюпочный трал для обнаружения и уничтожения якорных мин.

Теорию минного дела стали преподавать с 1874 г. в Кронштадте, в Минном офицерском классе и Минной школе для нижних чинов. Проводились и практические занятия на Балтике. Так еще с 1867 г. на эскадре Г.И. Бутакова была устроена первая лаборатория минных опытов. Проводились опыты с подведением гальванических мин под негодные суда, испытывались мины для заграждения.

Строительство паровых военных кораблей потребовало разработки и новой тактики ведения боя. И именно такая тактика раньше, чем в других странах, была разработана в России. Г.И. Бутаков, изучив боевые свойства паровых кораблей, выступил как теоретик парового военно-морского флота, что нашло отражение в его книге «Новые основания паровой тактики» (1863). За этот труд ему была присуждена Демидовская премия. Он издал также «Правила маневра парового корабля», «Книгу

эволюционных сигналов» и «Свод эволюционных сигналов». Все его работы получили мировое признание. Г.И. Бутаков изобрел новый способ сигнализации в тумане, компас с наклонной стрелкой и др. Маневр, известный под названием «трубка Бутакова», использовался во время русско-японской войны для сохранения постоянной дистанции артиллерийского огня.

В памяти современников он остался как мужественный боевой офицер, талантливый флотоводец, человек широкого научного кругозора. Безупречной честностью, человеческим отношением к «служивым», независимой позицией в отношении высшего начальства, оригинальным стилем приказов напоминал Суворова и Нахимова. А главное, это был истинный патриот, отдавший всего себя служению родному флоту и России. Но потомки забыли адмирала. Уже через тридцать лет стала зарастать тропа к его могиле, забыты были его заветы, исчез дух бутаковской школы. Это забвение продолжается и в наши дни.

Алексей Иванович Бутаков (1816–1869) (ил. 2) — контр-адмирал. За его плечами было полтора десятка военных морских кампаний, когда он подошел к главному делу своей жизни. А.И. Бутаков обращает на себя внимание адмирала Фаддея Беллинсгаузена, который способствует его продвижению по службе. В конце 40-х гг. планируются исследования на Аральском море, и А.И. Бутакова назначают сначала начальником экспедиции, а затем и руководителем всей Аральской флотилии. Здесь и обнаруживается призвание А.И. Бутакова, как ученого в области гидрографии, геологии, биологии. На шхуне «Константин» А.И. Бутаков обошел все Аральское море, проводя всевозможные исследования. Им были открыты острова, неизвестные даже местным жителям. Обнаружено каменноугольное месторождение. Впервые море было нанесено на карту. Изучению Арала и рек Амударьи и Сырдарьи А.И. Бутаков посвятил пятнадцать лет жизни.

В осаде и взятии в 1853 г. крепости Ак-Мечеть на правом берегу Сырдарьи участвовал пароход «Перовский», на котором находился А.И. Бутаков. Тогда были применены ракеты К.И. Константинова. Руководил артиллерией и инженерными работами генерал-майор С.А. Хрулев. Взятую русскими Ак-Мечеть переименовали в форт Перовский. Надо отметить, что по инициативе А.И. Бутакова для содействия войскам в колониальных

Ил. 2. Контр-адмирал
Алексей Иванович Бутаков

экспедициях, при торговых и воинских перевозках, для защиты прибрежных районов р. Сырдарья в 1852–1853 гг. создавалась Аральская флотилия — новое формирование Российского флота. С осени 1857 до весны 1858 гг. А.И. Бутаков занимался подготовкой следующей экспедиции. Как командующий Аральской флотилией капитан 1 ранга А.И. Бутаков формировал штат флотилии. Корабли Аральской

флотилии оснащались необходимым вооружением. По сравнению с артиллерийскими орудиями преимущество было за боевыми ракетами Константинова, занимавшими меньше места на корабле и более легкими. Местом пребывания Аральской флотилии был форт № 1 на реке Сырдарья.

Отправленное правительством летом 1858 г. специальное посольство с особыми полномочиями в Хиву и Бухару, сопровождала Аральская флотилия А.И. Бутакова.

Экспедиция 1859 г. к берегам Амурдарьи и в окрестности Кунграда, ввиду возможного столкновения с воинственным местным населением в лице хивинцев, была подготовлена по-военному. Обеспечение безопасности команды лежало на А.И. Бутакове. В такой непростой обстановке приходилось производить запланированные исследования Арала и прилегающих рек. Боевые ракеты Константинова не довелось применить в бою, но психологическое воздействие они оказали.

В 1863 г. А.И. Бутаков переводится на Балтийский флот. В 1865 г. он командует броненосной эскадрой на Балтийском флоте, далее исполняет должность эскадр-майора при императоре. Александр II доверил Алексею Ивановичу морское

образование своего сына Алексея и своего племянника Николая Константиновича.

А.И. Бутаков скончался в Германии в 1869 г., где лечился. Похоронен в Швальбахе, могила его утеряна. Имя было также надолго предано забвению. Между тем уже одна его пятнадцатилетняя деятельность на Аральском море — это научный подвиг, яркий пример беззаветного служения отечеству. Результаты его трудов оставались востребованы и через сто лет. Именем А.И. Бутакова назван мыс одного из островов в Аральском море и один из заливов.

Иван Иванович Бутаков (1822–1882) (ил. 3) — вице-адмирал, генерал-адъютант. Он совершает два кругосветных плавания, в том числе на фрегате «Паллада», описанном русским писателем Иваном Гончаровым в одноименном романе. В чине капитана 2 ранга И.И. Бутаков —

Ил. 3. Вице-адмирал
Иван Иванович Бутаков

командир 40-пушечного парусно-винтового фрегата «Светлана». Он получает награды «За беспорочную службу» и за 18 (полугодовых) морских кампаний. В чине капитана 1 ранга он командир 45-пушечного парусно-винтового фрегата «Ослябя». В 1863 г. в составе Атлантической эскадры под командованием С.С. Лесовского И.И. Бутаков на «Ослябе» совершает переход к берегам Северной Америки. В 1865–1866 гг. Иван Иванович — командир 70-пушечного парусно-винтового фрегата «Генерал-Адмирал» на Балтийском флоте. В 1866 г. он осу-

ществляет вывоз с о. Крит греческих беженцев на материковую Грецию. За греческую кампанию становится сначала командором ордена Спасителя, а затем кавалером Большого креста

ордена Спасителя. В 60–70-е гг. XIX в. продолжает служить на Средиземном море. Иван Иванович был любим сослуживцами. Будучи отличным моряком, он заряжал окружающих своей энергией и любовью к морю и морскому делу. В 1872 г. он зачислен в свиту его императорского величества. Государь приближает его к себе, назначив в 1880 г. своим генерал-адъютантом. И.И. Бутаков курирует все императорские суда. За годы службы он был удостоен многих орденов. Интересны его иностранные награды, которые редко встречаются в послужных списках российских моряков. Это шведский орден св. Олафа со звездой, датский орден Данеброга со звездой, итальянский орден Короны I степени, черноморский орден князя Даниила I степени, орден св. Маврикия и Лазаря. Вице-адмирал Бутаков скоропостижно умирает в возрасте 60 лет. Именем И.И. Бутакова назван мыс в заливе Петра Великого около Владивостока.

Трагически сложились судьбы сына Александра и внука Василия И.И. Бутакова.

Александр Иванович Бутаков (1881–1914) — морской офицер. Принимал участие в русско-японской войне. После войны командовал императорской яхтой «Штандарт». В 1914 г. в составе отряда моряков Гвардейского экипажа был направлен на сухопутный фронт под Варшавой, где и погиб 14 декабря 1914 г. от смертельного ранения в живот. Его похороны прошли торжественно, в присутствии высокопоставленных особ. Он был известен в семье императора Николая II, в дневнике которого и в записях императрицы Александры Федоровны он вспоминается с сердечной теплотой.

Внуку И.И. Бутакова Василию Дмитриевичу судьбой будет определено 30 лет жизни. Он скончается от истощения в военном госпитале ФЭП № 50 в Ленинграде, в 1942 г., поступив туда из района действий 2-й ударной армии, попавшей в окружение. Немногие смогли вырваться из этого котла смерти...

В.Д. Бутаков похоронен на Пискаревском кладбище.

И, наконец, о последних трех представителях рода, служивших во флоте России — потомках Григория Ивановича Бутакова.

Александр Григорьевич Бутаков (1861–1917) (ил. 4) — контр-адмирал. Родился в Кронштадте. Восприемниками его были записаны император Александр II и капитан первого ранга С.С. Лесовский, будущий морской министр. А.Г. Бутаков

заканчивает физико-математическое отделение Петербургского университета. Но поскольку у всех Бутаковых в крови было море, по окончании учебы он поступает на морскую службу. В 1913 г. производится в контр-адмиралы и назначается начальником штаба Кронштадтского порта. Трагические события на флоте в период «бескровной» Февральской революции обрывают его жизнь. Он будет расстрелян восставшими матросами без суда и следствия 1 марта 1917 г. в Кронштадте вместе со многими лучшими офицерами Кронштадта, оставшимися верными царской присяге.

Ил. 4. Контр-адмирал
Александр Григорьевич Бутаков

Он был очень уважаем в среде матросов, но пьяная стихия революции затянула их в свой кровавый омут. Первый залп был сделан поверх головы А.Г. Бутакова. Он приказал второй раз целиться точнее. Через полгода сын Григорий перезахоронит тело отца в родовой усыпальнице в Александро-Невской лавре.

Григорий Александрович Бутаков (1897–1978) (ил. 5) — сын контр-адмирала Александра Григорьевича Бутакова и внук адмирала Григория Ивановича Бутакова. Получил блестящее домашнее образование, свободно владел тремя европейскими языками. По традиции будет определен на учебу в Морской кадетский корпус. После революции он останется служить на флоте: «...я, бывший мичман царского флота, подписал контракт о “бессрочной” службе в Красном флоте». Участник «Ледового похода», о котором оставит воспоминания; в них он писал и о том периоде Гражданской войны, который для него прошел на Азовском море. К началу «Ледового похода» на Балтике Григорий Александрович перешел на службу на миноносец «Десна». Летом 1919 г. он служит на миноносце «Гавриил».

Ил. 5. Капитан 1 ранга
Григорий Александрович Бутаков

18 августа английские торпеды, выпущенные из трех катеров, атаковали стоящие в Кронштадтской гавани корабли. В ходе боя катера были потоплены. На подходе к Ораниенбауму «Гавриилу» удалось захватить в плен девять англичан во главе с лейтенантом Нэпиром, потомком славного британского адмирала, который был крайне возмущен захватом их большевистским миноносцем. В Азовской флотилии Г.А. Бутаков — начальник дивизиона катеров-истребителей. Под его командованием истребители подорвали и потопили семь судов врангелевского флота.

Во время боев Григорий Александрович получит несколько серьезных ранений. За боевые заслуги в годы Гражданской войны он имел пять благодарностей. В 1923 г. будет награжден Орденом Красного Знамени. Из послужного списка Г.А. Бутакова видно чередование его службы на двух флотах — Балтийском и Черноморском. С началом Великой Отечественной войны он участвует в создании противолодочной обороны на подступах к главной базе Черноморского флота с моря. В конце июня 1941 г. на Севастопольском морзаводе, в присутствии командующего Черноморским флотом адмирала Ф.С. Октябрьского, производилась сдача и приемка плавучей зенитной артбатареи № 3. Автором и разработчиком был капитан 1-го ранга Г.А. Бутаков. Артбатарею изготовили за 18 дней. За 10 месяцев она сбила 26 вражеских самолетов. Немецкие летчики опасались ее огня и называли «квадратом смерти». Г.А. Бутаков гордился этим. Также по его проекту некоторые недостроенные суда приспособят для перевозки танков. В 1943 г. Г.А. Бутаков переводится на Балтийский флот, где участвует в переброске войск из Ленинграда и поселка Лисий Нос к Ораниенбауму.

Григорий Александрович воспитает сына Александра (1923, Севастополь — 1943, Лавансаари). Он погибнет на боевом посту, на морском охотнике МО-177, который на трассе Кронштадт — Лавансаари попадет под прямой удар авиабомбы, что является редким случаем в морской военной практике. Трасса Кронштадт — Лавансаари была создана весной 1943 г. Лавансаари — островная военная база — имела важное стратегическое значение и потому подвергалась постоянным атакам со стороны противника еще на подходе к ней. Немецкая авиация интенсивно бомбила наши военные конвои, которые сопровождали малые морские охотники. Так 20 июня 1943 г. был затоплен катер МО-177. По данным военного архива, из Именного списка безвозвратных потерь личного состава, ныне рассекреченного, видно, что младший лейтенант Александр Бутаков, помощник командира катера МО-177 старшего лейтенанта П.И. Исправникова и еще несколько членов команды не остались в море, а похоронены на старом кладбище о. Лавансаари (ныне о. Мощный Кингисеппского района). Памятная стела, посвященная морякам Балтики, погибшим в годы войны, восстановлена сегодня на этом почти безлюдном заброшенном острове. В годы войны малые охотники были незаменимы и являлись активными участниками боевых действий. Это были военные суда универсального назначения. Быстроходные, способные нарушать морские сообщения противника, охранять суда и десанты, вести стрельбу по береговым объектам и кораблям противника, высаживать десанты и осуществлять тактическую разведку. Сопровождали они и баржи, буксируемые пароходами, которые доставляли продовольствие для блокадного Ленинграда по Дороге жизни.

После гибели сына Григорий Александрович остается последним из рода. На нем морская династия Бутакова закончится. Потомки Бутаковых, оказавшиеся в эмиграции, не смогут продолжить морскую традицию в семье.

Г.А. Бутаков за годы службы в Советском флоте будет иметь немало наград. Это три ордена Красной Звезды, орден Ленина, медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Севастополя», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Костромской историк А.А. Григоров, занимавшийся костромским дворянством, в том числе и родом Бутаковых, пишет о том, что Григорий Александрович воспитал много достойных

моряков, тринадцать его учеников стали Героями Советского Союза. Г.А. Бутаков был почетным моряком ракетоносного крейсера «Варяг». Григорий Александрович уйдет в отставку в 1953 г. по болезни. Как почетный ветеран двух войн — Гражданской и Великой Отечественной, Г.А. Бутаков активно общался с молодежью морских учебных заведений Ленинграда. Возглавлял парадную коробку Нахимовского училища в День Победы.

И в качестве заключения приведу строки из публикации в «Кронштадтском вестнике» за 4 ноября 2005 г. (№ 44): «В послевоенные годы часто можно было увидеть у памятника адмиралу Макарову высокого, стройного, необыкновенно благородного облика моряка, с точно такой же бородой, как и у бронзового Макарова. Это был капитан первого ранга Г.А. Бутаков, сын расстрелянного адмирала. И у Г.А. Бутакова был сын, тоже моряк — лейтенант Бутаков, погибший в 1943 г., на Линии Дозора, вместе со своим катером, которым командовал. Так и пресекалась эта морская династия, отдавшая жизни свои Отечеству!»

Источники и литература

- РГА ВМФ СПб. Ф. 4. Бутаковы. Семейный фонд. Оп. 3.
Там же. Д. 6. Бутаков Н.А. «Служба и судьба контр-адмирала Александра Григорьевича Бутакова» Биография. Рукопись.
Там же. Д. 9. Бутаков Г.А. «Как я стал катерником». Воспоминания. Рукопись.
Там же. Д. 67. Григоров А.А. «Сага о Бутаковых». Исторический очерк. Машинописная копия.
Родословная Бутаковых, сост. А.А. Григоровым, с доп. и испр. М.П. Римской-Корсаковой. Машинопись; Родословная Бутаковых («Ивановичи и их потомки»), составленная М.П. Римской-Корсаковой. Рукопись // Там же. Д. 70. Оп. 1.
Черновая рукопись биографического очерка об адмирале Г.И. Бутакове, сост. С.В. Березиным и А.К. де Ливроном. Черновики материалов к биографии Г.И. Бутакова, сост. Житковым. 1912 г. // Там же. Д. 4.
- Амусин Б.М. Катерники истребительного отряда охраны водного района Балтийского флота в обеспечении противолодочной обороны и в борьбе на коммуникациях (1941–1945 гг.) // Очерки из истории Балтийского флота. В 5 т. Кн. 3. Калининград: Янтарный сказ, 2000. С. 93–103.
Березин С.В. и Ливрон А.К. де. Адмирал Г.И. Бутаков. // Морской сборник. 1883. № 7. С. 1–99.
Бутаков А. Памяти Степана Осиповича Макарова // Морской сборник. 1904. № 9. С. 1–11.
Бутаков Г. Материалы для истории обороны Севастополя // Морской сборник. 1855. № 10. С. 359–373.

- Бутаков Г. Из артиллерийских заметок на Севастопольском рейде // Морской сборник. 1855. № 10.
- Дневные записки плавания А.И. Бутакова на шхуне «Константин» для исследования Аральского моря в 1848–1849 гг. Ташкент: Издание АН УзССР, 1953.
- Защита Севастополя «с воды» во время осады его союзными войсками в 1854–1855 годах / Капитан 2-го ранга Парфенов // Морской сборник. 1904. № 5–9.
- Светлой памяти Григория Ивановича Бутакова, адмирала русского флота / сост. К. Житков. Морской сборник. 1912. № 4. С. 1–95.
- Кинякин И.Н. Катерники истребительного отряда охраны водного района Балтийского флота в обеспечении дозорной службы и содействии сухопутным войскам (1941–1945 гг.) / Очерки из истории Балтийского флота. В 5 т. Кн. 3. Калининград: Янтарный сказ, 2000. С. 104–113.
- Лурье А.Я. Адмирал Григорий Иванович Бутаков / Русское военно-морское искусство: сб. М.: Военно-морское изд-во, 1951. С. 234–243.
- Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. М.: Воениздат, 1954.
- Морозов П.Ф. Адмирал Г.И. Бутаков // Новаторы русского флота: сб. ст. М., 1949. С. 20–26.
- Островская И.В. Использование опыта военспецов в организации обороны Севастополя 1941–1942 гг. // Военно-исторический журнал. 2017. № 7. С. 69–72.
- Островская И.В. Царские военспецы в РККФ. На примере береговых служб Черноморского флота // Военно-исторический журнал. 2015. № 8. С. 46–50.
- Ченнык С. Награды героев Крымской войны. М.: Принципиум, 2017.
- Шапель Ю.А. Кронштадтская голгофа // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 33. 2005. С. 43–55.
- Экскурсии по городу с Лидией Токаревой и «Кронштадтским вестником» // «Кронштадтский вестник». 2005. № 44. 4 нояб.

А.С. Ирютин (Москва)

МАЙСКАЯ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ 1942 ГОДА В ЗАПОЛЯРЬЕ. ИТОГИ, УРОКИ, ЗНАЧЕНИЕ

В ЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ война явилась особым этапом в развитии отечественного военного искусства. Тесное взаимодействие различных родов войск и видов Вооруженных сил, совместные операции Сухопутных войск и Военно-морского флота способствовали реализации наиболее значительных целей. По сложности организации взаимодействия они являлись высшим достижением военного искусства. В связи с этим особое значение имеет майская наступательная операция 1942 г. в Заполярье. В отечественной историографии ей даны различные оценки — от крайне негативных до восторженно позитивных. В данной статье рассмотрены боевые действия 12 особой бригады морской пехоты Северного флота (12 обмп) — успехи, причины неудач и выводы, которые были сделаны командованием Северного флота по итогам этой операции.

После сентябрьского наступления на Мурманск и Полярный в 1941 г., в котором вермахт понес большие потери, немецкое командование отказалось от новой попытки взять Мурманск. Командир немецкого горнострелкового корпуса «Норвегия» генерал Эдуард Дитль убеждал высшее командование, что для захвата Мурманска надо значительно больше войск, чем усиленный корпус. Если же создать такую группировку, то ее невозможно обеспечить в условиях Арктики различными видами снабжения. Уже тогда имелись затруднения со снабжением, так как советские подводные лодки и авиация постоянно препятствовали перевозкам вдоль берегов Северной Норвегии. Кроме того, Дитль опасался ударов с моря и требовал прикрытия приморского фланга. Однако Гитлер настаивал на взятии

Мурманска. Новое наступление на город немцы планировали на весну 1942 г.¹

В этих условиях советским командованием была разработана и осуществлена совместная операция 14-й армии и Северного флота по предотвращению немецкого весеннего наступления. При успехе операции представлялись возможными прорыв немецкой линии обороны и освобождение Советского Заполярья.

По замыслу операции главный удар наносили 72-я морская стрелковая бригада и 10-я гвардейская стрелковая дивизия 14-й армии, которые должны были прорвать оборону противника южнее озера Чапр, обойти его правый фланг и во взаимодействии с десантом Северного флота окружить и уничтожить части 6-й горно-егерской дивизии западнее реки Западная Лица. В дальнейшем, развивая наступление, выйти в тыл противника, действовавшего у перешейка полуострова Средний, уничтожить его живую силу и огневые средства и выйти на участок государственной границы от побережья губы Малая Волоковая до озера Чапр.

Для содействия наступающим с фронта войскам 14-й армии и нанесения удара по правому флангу обороны противника на южное побережье Мотовского залива в составе оперативно-тактического десанта была высажена 12-я особая бригада морской пехоты полковника В.В. Россохина с задачей разгромить обороняющиеся на берегу подразделения противника, а в дальнейшем наступать навстречу главной группировке войск 14-й армии, содействуя ей в разгроме 143-го горно-егерского полка.

Морским пехотинцам приходилось действовать в исключительно сложных условиях. Перед десантной операцией в районе губы Большая Западная Лица с войсками и кораблями были проведены учения и тренировки по отработке взаимодействия десанта с кораблями артиллерийской поддержки и авиацией. Одновременно проводились воздушная разведка группировки и характера противодесантной обороны противника и аэрофото съемка района высадки, создавались наблюдательно-корректировочные посты. Для обеспечения быстрой высадки десанта на необорудованное побережье и выгрузки техники были построены три боновых причала, в районе высадки организованы эвакуационные пункты, подготовлен аварийно-спасательный отряд. Штабы разработали необходимые боевые документы².

С целью ввода противника в заблуждение относительно участка высадки главных сил, накануне в Титовской губе, в 10 км

этому эпизоду — казалось бы, рядовому событию — уделено внимание, а именно: указаны неправильные действия при высадке в пункте № 3 (мыс Пикшуев) катеров «МО», открывших огонь по домику на берегу без всяких оснований и необходимости в этом, хотя никакого противодействия с берега в этом месте не было⁴. Сложно сейчас утверждать, был ли обстрел бесцельным или действительно имелись на это основания, но по счастливому стечению обстоятельств обнаружение десанта не произошло.

12-я обмп скрытно, без артиллерийской подготовки, произвела высадку в трех пунктах на Мотовском заливе на участке до 6 км. Это произошло в условиях полярного дня с неустойчивой погодой, без огневой подготовки, но с применением дымовых завес. Благодаря организованной подготовке высадка десанта была проведена в установленный срок и без потерь. К 8 часам утра 28 апреля все части бригады уже находились на берегу и обозначенных планом операции рубежах. Застигнутый врасплох противник не смог оказать серьезного сопротивления. К исходу дня 28 апреля бригада захватила плацдарм по фронту до 7 км и в глубину до 5 км, выполнив тем самым свою ближайшую задачу. 28 апреля 1942 г. в 10 часов 12-я обмп приступила к выполнению задачи⁵.

Оборона противника в Заполярье представляла собой сеть опорных пунктов на господствующих высотах с линиями связи и транспортными коммуникациями между пунктами. Апрельско-майская десантная операция по своим особенностям и условиям явилась одним из тяжелейших испытаний, выпавших на долю морских пехотинцев 12-й особой бригады морской пехоты.

1 мая резко ухудшилась погода, помешавшая вводу в бой второго эшелона 14-й армии — 52-й стрелковой дивизии. Резко понизилась температура, начались снегопады и метели. Всякое передвижение по дорогам стало невозможным. Ураганный ветер срывал снег с сопок и нес его в лощины. С 28 апреля стало невозможным использование авиации. Целую неделю с 4 по 11 мая свирепствовала пурга. Вихри мокрого снега сменялись холодным ветром, земля покрывалась ледяной коркой, по которой невозможно было передвигаться. Участники тех боев утверждали, что ничего более страшного из пережитого в Заполярье они не видели. Разыгравшаяся стихия принесла людям невероятные лишения и тяготы.

Перед началом операции установилась ясная и теплая погода, поэтому экипировка морских пехотинцев не предусматривала

ни теплой одежды и обуви, ни утепленных палаток, ни печек для обогрева личного состава и приготовления пищи. Отсутствие сухопутных коммуникаций в районе десантной операции даже при наличии теплого обмундирования и необходимых материальных средств в условиях непрекращающихся боевых действий и быстро меняющейся обстановки делало задачу доставки необходимого имущества до подразделений бригады практически невыполнимой. Вся местность, где развернулись бои, была изрезана ущельями и гранитными скалами, где по-настоящему укрыться, окопаться и замаскироваться не представлялось возможным. Раненых и обмороженных, орудия и минометы, стрелковое вооружение, боеприпасы и продовольствие морские пехотинцы несли на себе по обрывистым, обледеневшим скалам. Тем не менее, в тыл бригады, хотя и с опозданием, были доставлены валенки, полушубки, брезентовые палатки, жестяные обогревательные печки, сухой спирт для подогрева продуктов и питьевой спирт. Основа сухого пайка — концентраты — себя не оправдали, из-за отсутствия дров и кухонь приготовить горячую пищу было невозможно. Личный состав принимал концентраты в сухом виде, запивая холодной водой, в результате чего были случаи заболеваний со смертельным исходом. Личный состав бригады был одет в полужимнее обмундирование, выданные ботинки американского производства в боевой обстановке себя не оправдали (маломерки, пропускали воду, быстро изнашивались в условиях горной местности), два из 8 батальонов не имели маскхалатов, в районе боевых действий отсутствовал сплошной снежный покров и лыжи использовать было нельзя⁶.

Недостатки в снабжении и оснащении морских пехотинцев также отражены в политдонесении начальнику политотдела 12 обмп от 3 мая 1942 г., где отмечаются случаи заболевания с частичной потерей зрения среди командирского политсостава бригады, вызванные солнечным светом. В отличие от немецких горных егерей наши морские пехотинцы солнцезащитных очков не имели. Всего в донесении отмечается заболевание у 13 чел., кроме того 22 чел. не могли дальше воевать, потому что у них опухли ноги⁷. Несмотря на это, личный состав бригады продолжал выполнять боевую задачу, имели место случаи сокрытия бойцами фактов ранения и отказ эвакуироваться в тыл на лечение⁸.

Воспользовавшись тем, что наступление соединений 14-й армии с юга не получило развития, противник снял часть сил с этого

участка и, использовав их как резервы, атаковал морских пехотинцев. Позднее, кроме резервов 6-й и 2-й горно-егерских дивизий, противник ввел в бой и свои оперативные резервы. 3-4 мая 1942 г. силами пяти-шести батальонов при поддержке артиллерии противник нанес ряд сильных ударов во фланг 12-й обмп и потеснил ее подразделения, действовавшие в районе реки Западная Лица.

Ночью 4 мая части бригады перешли в наступление, но вскоре были остановлены противником, который, начав контрнаступление, сумел прорвать ее оборону, понеся большие потери. В последующие дни штурмовые группы противника пытались пробиться в расположение бригады. Личный состав 12-й обмп, в результате многодневных боев в крайне сложных погодных условиях был ослаблен физически, понес потери от заболеваний и обморожений, но продолжал героически сражаться, ведя тяжелые оборонительные бои.

6 мая на плацдарм был высажен 3-й батальон 125-го горно-стрелкового полка морской пехоты Мурманского укрепленного района, а 9 мая — 9 олене-лыжный батальон. Сосредоточение в районе высадки десанта, на все его время действия на берегу, достаточного количества мелких плавучих средств с их рассредоточением, наилучшим образом обеспечивало перевозку грузов и раненых 12 обмп и готовность в любой момент, при необходимости, к эвакуации⁹. Использование небольших кораблей и катеров для высадки, снабжения и эвакуации десанта является характерным для Северного флота. Во-первых это позволяло высаживать десанты практически на любом необорудованном побережье, во-вторых малоразмерная цель трудна для поражения ее авиацией и артиллерией противника, а использование против катеров и мотоботов подводных лодок неэффективно и не позволяет использовать торпеды. Все это делало побережье прифронтовой полосы от устья реки Титовки до устья реки Западная Лица крайне уязвимым перед советскими морскими десантами и приковывало значительные силы немцев к обороне побережья, созданию опорных пунктов и введению лыжных и воздушных патрулей.

Получив 6 мая подкрепление, бригада прочно закрепилась на новых рубежах обороны. 7 мая, когда сложилась угрожающая обстановка, отличился батальон под командованием Г.С. Прусенко, который не только остановил атаку противника, но и полностью уничтожил атакующих. К исходу 9 мая все командиры батальонов 12 обмп получили приказ организовать сбор вооружения,

снаряжения, обмундирования, похоронить убитых¹⁰. Активные боевые действия прекратились.

В ночь с 10 на 11 мая бригада вела перестрелку с отдельными группами противника и проводила разведку. В районе высоты 227.4 был захвачен пленный — военнослужащий 2 роты 136 горно-егерского полка, показавший, что 2 взвода 2 роты полка потеряли 100 % состава убитыми, ранеными, обмороженными. По его показаниям 10 мая полк должен быть сменен подразделением резервного полка. Исходя из этого был сделан вывод о том, что противник заменяет части, готовясь к новому наступлению¹¹.

11 мая командующий Карельским фронтом, на основании распоряжения Ставки ВГК, дал директиву 14-й армии прекратить наступление и закрепиться на достигнутых рубежах, а Северному флоту — эвакуировать и вывести в резерв 12 особую бригаду морской пехоты. В 21 час 11 мая командование 12 обмп получило указание командующего Северным флотом об отводе бригады на восточный берег Западной Лицы¹². 12 мая 1942 г. в 9 часов утра 12 обмп закончила перегруппировку сил и заняла оборону, а в 12 часов дня до личного состава был доведен боевой приказ № 020 о переброске бригады на правый берег губы Большая Западная Лица¹³.

На 15-е сутки боевых действий в тылу противника подразделения бригады начали организованный отход с позиций в указанные командованием флота пункты посадки на побережье Мотовского залива. К 12 часам дня 13 мая 1942 г. он был полностью завершён¹⁴. Обратная посадка десанта проходила по продуманному плану, принятому и командиром высадки, и командиром десанта, и ей предшествовала соответствующая двухдневная подготовка: вывоз излишней материальной части, выбор и обследование мест снятия десанта, которые были наименее уязвимы для огня и наблюдения противника¹⁵.

В качестве итогов. 12 обмп поставленную перед ней задачу выполнила и продвинулась на 18 км вглубь территории, занятой противником. Только вследствие того, что 14-я армия не смогла прорвать немецкую оборону с фронта и не вышла на соединение с бригадой, противник получил возможность использовать резервы против бригады, которая вынуждена была перейти к обороне. В ходе упорных и ожесточенных боев в сложных условиях горной местности Заполярья войска 14-й армии во взаимодействии с морской пехотой, кораблями и авиацией Северного флота сорвали готовящееся наступление немецких войск на Мурманск.

Ил. 2. Артиллеристы морской пехоты

В докладе командованию Северного флота командира 12 обмп полковника В.В. Россохина отмечались недостатки десантной операции с 28 апреля по 13 мая 1942 г. В частности, отмечались недостатки связи между бригадой и действовавшей в ее интересах авиацией Северного флота. Это взаимодействие шло через командование Северного флота, последним обеспечивались заявки бригады на авиацию, но нужного эффекта не было видно, противник 3 раза в день силами в 25 самолетов производил налеты на части бригады и не менее 2-х раз ежедневно вел разведку ее расположения с воздуха¹⁶. Что выглядит само по себе странным, учитывая напряженную работу авиации, судя по документам штаба Северного флота. Содействие ВВС СФ десанту на берегу, а также десантным кораблям выразилось в исключительно большом по напряжению объеме ее бомбардировочной, штурмовой, разведывательной и противовоздушной деятельности. Однако, такой интенсивной деятельности и большим при этом потерям ВВС СФ (24 самолета) не соответствовала зафиксированная эффективность воздействия на противника¹⁷. Отмечалась и роль артиллерийской поддержки морской пехоты: «...огневая поддержка наступления бригады состояла из минометов, артогна 45-мм пушек, корабельной артиллерии и артиллерии 14 стрелковой дивизии. Особенно эффективным и действительным огнем являлись минометы и 45-мм пушки, которые непосредственно сопровождали подразделения своим огнем, успешно обеспечивали

наступление и атаку пехоты. Корабельная артиллерия и артиллерия 14 СД вследствие плохого наблюдения, отсутствия связи и корректировки не давали ощутимых результатов»¹⁸.

Вместе с тем, командиром 12 обмп отмечены и недостатки в тактических боевых действиях подразделений:

- слабое знание топографии, слабые навыки маскировки и неумение использовать защитные свойства местности для укрытия от артиллерийского и минометного огня противника, а также слабые знания комсоставом 4, 5 и 3 батальонов приемов ориентирования на местности;

- слабая подготовка наблюдателей и разведчиков, которые не могли точно установить нахождение огневых средств противника, чьи войска, свои или чужие, производят маневр;

- слабые знания командирами тактики действий в горной местности. Вершины высот занимались целыми подразделениями, а не отдельными группами автоматчиков, наблюдателей, снайперов с отдельными пулеметами, отчего подразделения несли большие потери от минометного и артиллерийского огня. На занятых высотах не умели укрепляться;

- неправильное использование разведподразделений штабами батальонов, отсутствие непрерывной разведки расположения огневых точек и группировок противника, в силу чего подразделения иногда попадали под фланговый огонь противника и несли потери. Разведотряды в последних боях были использованы как резервы по отражению атак. Разведывательный отряд Северного флота уже на третий день потерял свою боеспособность;

- командиры батальонов нередко всех командиров своего штаба посылали по подразделениям, отчего штаб терял свою работоспособность;

- командиры частей не всегда держали связь с соседями и не действовали во взаимодействии с ними, и, как следствие, противник вклинился между 1 и 3 батальоном;

- действия тылов в данной операции были усложнены отсутствием транспорта и большой отдаленностью баз от передовых позиций (от 7 до 12 км), и начальники тылов полностью не справились с обеспечением частей боеприпасами и продовольствием. Тылы батальонов не имели связи с командирами;

- за отсутствием графика и без плановости работы батальонных тылов нередко карты и рабочая рота не использовались полностью в рейсах на позиции и обратно;

- саперные части в батальонах недостаточно были использованы по своей специальности. Работа в период операции слагалась из разведки и очистки районов наступления и опорных пунктов от мин и проволочных заграждений. Организация службы заграждения отсутствовала, и всего за операцию заложено лишь по 100 мин на батальон. Слабо использовались саперы по маскировке КП и позиций;

- связь работала в период операции хорошо. Все ее перебои возникли от поврежденных минами и автоматчиками противника. Рации работали бесперебойно, за исключением раций 5 и 1 батальонов;

- при отходе бригады на восточный берег Западной Лицы переброска имущества и вооружения кораблями произведена бесплано, самотеком, по всему берегу Западной Лицы и, несмотря на тщательные розыски имущества, нет полной гарантии, что все оно собрано;

- в динамике боев убитых не всегда убирали и хоронили.

Главными и основными недочетами в работе штабов командиром 12 обмп названы следующие:

- а) слабая, подчас ложная информация вышестоящих штабов;
- б) перенос КП без доклада вышестоящему штабу;
- в) слабая обработка оперативных документов;
- г) неудовлетворительная связь с соседями и отсутствие взаимной информации;
- д) во втором батальоне уничтожены документы;
- е) делегаты связи не всегда четко выполняли задачи (1 и 2 батальон). Хорошо выполнял задачу офицер связи 4 батальона младший лейтенант Танкелгон;
- ж) не полностью использовалась радиосвязь¹⁹.

Как видно из доклада командира 12 обмп полковника В.В. Россохина о результатах десантной операции с 28 апреля по 13 мая 1942 г., действия бригады были героическими и бесспорно нанесли большие материальные и людские потери противнику, но имели целый ряд недостатков преимущественно организационного характера. Несмотря на большие потери и неудачу десантной операции, 12 обмп сохранила боеспособность. 22 мая 1942 г. она была передислоцирована на полуостров Рыбачий на отдых и пополнение, впоследствии войдя в состав Северного оборонительного района.

В документах бригады и штаба Северного флота отмечаются очень большие потери. Из 6016 чел. (с приданными частями

Ил. 3. Морская пехота атакует

7165 чел.) бригада к концу операции потеряла убитыми, ранеными, обмороженными и пропавшими без вести 4503 чел. (с приданными частями 4992 чел.). Это составило около 75 % (с приданными частями 70 %) ²⁰. Как следует из документов штаба Северного флота, такое большое количество потерь в личном составе объясняется, прежде всего тем, что командование бригады точно не знало обстановки и состояния бригады на каждый данный момент, поэтому не могло своевременно предупредить потери и принуждено было фиксировать их после, как свершившийся факт.

В этом десанте не было определено направление главного удара, хотя возможность для соблюдения этого важнейшего тактического принципа была, если учесть, что боевой порядок бригады эшелонирован. На всех этапах операции разведка, как основной вид боевого обеспечения, проводилась слабо, это приводило не только к незнанию сил противника, но и путанице в опознании своих частей и врага.

Вместе с тем можно отметить четкую работу эвакуопункта, который в ходе операции был превращен в эвакуогоспиталь, сыграв исключительную роль не только в эвакуационном отношении, но и в спасении жизней многих раненых, которых успевали доставлять туда через 2 часа после ранения и тут же оперировали ²¹.

Опыт войны показал, что для успешной высадки морского десанта в составе сухопутных войск необходимо на каждый пункт высадки направлять передовой (при высадке в порт — штурмовой) отряд в составе усиленного батальона морской пехоты. На основе опыта десантных действий передовых отрядов был сделан вывод, что успех боя зависит от быстрого и непрерывного наращивания сил на берегу, а для этого, в первую очередь, необходимо эшелонировать боевой порядок десанта.

Основная заслуга бойцов и командиров 12 обмп — это срыв готовящегося немецкого наступления на Мурманск весной 1942 г., нанесение противнику больших материальных и людских потерь. После анализа опыта десантной операции весны 1942 г. был сделан вывод о необходимости изменения штатного состава бригад морской пехоты, что и было сделано.

В решении Военного совета Северного флота по итогам десантной операции проведен анализ действий как бригады морской пехоты, так и всех частей подразделений СФ, участвовавших в операции.

Военный совет потребовал от командира и военкома 12 обмп сделать выводы и извлечь уроки, особенно по вопросам:

больших потерь в личном составе;

больших потерь вооружения (с точки зрения автора, вопрос спорный, поскольку потеря 26 минометов, 80 пулеметов, больше 1000 винтовок произошла вследствие боевых повреждений и больших потерь личного состава, оружия, оставленного в пунктах эвакуации и сосредоточения, нет);

слабого знания обстановки в отношении своих сил и противника;

слабого руководства тылами;

слабой подготовки штабов.

Штабу Северного флота поручалось переработать предложения командования 12 обмп и доложить Военному совету СФ к 25 июня 1942 г. об изменениях, направленных на создание гибкой организации бригады²².

Как писал в своей книге «Фронтовые будни Рыбачьего» Герой Советского Союза И.П. Барченко-Емельянов, бригада была переформирована с учетом опыта операции весны 1942 г.: «Наша 12 бригада была сокращена до четырех батальонов вместо прежних шести, зато в ее состав вошли заново организованные артиллерийский и минометный дивизионы. На базе 135-го

стрелкового полка была создана 254-я бригада морской пехоты под командованием бывшего командира этого полка подполковника С.А. Косатого. К этому времени на Рыбачий прибыло новое соединение — 63-я бригада морской пехоты, которой командовал полковник А.М. Крылов»²³.

Десантная операция весной 1942 г. была последней крупной десантной операцией морской пехоты Северного флота 1941–1942 гг., в оборонительный период Великой Отечественной войны. В дальнейшем, вплоть до 1944 г., в Заполярье проводились только высадки небольших диверсионно-разведывательных групп морской пехоты. Опыт операции был оценен и использован в 1944 г. при проведении блестящих десантных операций — в ночь на 10 октября 1944 г. на Южное побережье залива Маттивоуно (Малая Волоковая) и 12 октября 1944 г. в порт Лиинахамари, а также десантов 18 октября 1944 г. в бухте Суолавуоно и 25 октября 1944 г. в заливе Хольменгро-фьорд.

¹ Боевой путь Советского Военно-морского флота. М.: Воениздат, 1974. С. 191.

² Абрамов Е.П. Морская пехота. СПб., изд-во «Судостроение», 2005. С. 53.

³ Абрамов Е.П., Литвинов В.В. Презревшие смерть. СПб.: Творческое объединение «Пальмира», 2010. С. 99.

⁴ ОЦВМА. Ф. 11. Д. 1241. Л. 108.

⁵ Там же. Ф. 1346. Оп. 2. Д. 30. Л. 67.

⁶ Там же. Оп. 28. Д. 5. Л. 97.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ Там же. Ф. 11. Д. 1241. Л. 108.

¹⁰ Там же. Ф. 1346. Оп. 28. Д. 6. Л. 72.

¹¹ Там же. Л. 76.

¹² Там же. Л. 131.

¹³ Там же. Л. 78.

¹⁴ Там же. Л. 79.

¹⁵ Там же. Ф. 11. Д. 1241. Л. 109.

¹⁶ Там же. Ф. 1346. Оп. 27. Д. 10. Л. 112.

¹⁷ Там же. Ф. 11. Д. 1241. Л. 110.

¹⁸ Там же. Ф. 1346. Оп. 27. Д. 10. Л. 59.

¹⁹ Там же. Оп. 28. Д. 6. Л. 144.

²⁰ Там же. Ф. 11. Д. 1241. Л. 109.

²¹ Там же. Л. 110.

²² Там же. Л. 111.

²³ Барченко-Емельянов И.П. Фронтовые будни Рыбачьего. Мурманск, 1984. С. 55.

В.В. Киншин (Санкт-Петербург)

СУДЬБА ТРОФЕЙНЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ЗНАМЕН, ВЗЯТЫХ В СРАЖЕНИИ У ПРЕЙСИШ-ЭЙЛАУ

В ЕЧЕРОМ 2 ФЕВРАЛЯ 1807 ГОДА столицу Российской империи взволновало радостное известие — 26 и 27 января в кровопролитном сражении у Прейсиш-Эйлау одержана победа над французской армией под командованием самого Наполеона. Император Александр I незамедлительно принял прибывшего с донесением от главнокомандующего русской армией генерала от кавалерии барона Л.Л. Беннигсена флигель-адъютанта подполковника М.Ф. Ставицкого, которому пожаловал чин полковника и орден св. Анны 2-й степени. Вместе с донесением главнокомандующий прислал и отбитые у неприятеля знамена.

На следующий день, в воскресенье 3 февраля, в 10 часов утра Александр I в сопровождении цесаревича Константина Павловича, генералитета и воинского штаба выехал верхом к собранным на Дворцовой площади и ближайших улицах войскам для общего развода в караулы. Трофейные знамена были торжественно провезены вдоль фронта войск и доставлены в Петропавловский собор. В придворной церкви Зимнего дворца в присутствии знатного духовенства, придворных, офицеров лейб-гвардии и армии и иностранных министров был отслужен благодарственный молебен российскому победоносному воинству. Из Санкт-Петербургской крепости и Адмиралтейства был произведен 101 пушечный выстрел. Восторг и национальный подъем были всеобщими.

Через 39 лет известный историк генерал-лейтенант А.И. Михайловский-Данилевский отмечал, что в 1807 г. каждый отбитый у французов орел почитался у нас великим трофеем. Он подчеркивал, что в донесении Л.Л. Беннигсена было сказано

о взятии в сражении у французов 12 знамен, однако в столицу были отправлены лишь 5 из них, так как остальные якобы были проданы солдатами в Кенигсберге. По его свидетельству, знамена возились кавалергардами по улицам Санкт-Петербурга при трубных звуках, чтобы жители столицы могли вернее судить о победе¹.

Еще через 11 лет вышла книга плац-майора Санкт-Петербургской крепости полковника лейб-гвардии Саперного батальона С.К. Новоселова, отдельный раздел в ней посвящен трофеям, хранившимся в Петропавловском соборе. Повествуя о французских знаменах, обстоятельствах их захвата в 1807 г. и доставки в собор, автор сообщал, что некоторые орлы и знамена были в 1812 г. по приказанию генерала от артиллерии графа А.А. Аракчеева взяты из собора подполковником Касторским².

Данное утверждение использовалось впоследствии авторами, в том числе современными, как непреложная истина. Так, например, тот же С.К. Новоселов в своей книге дословно цитирует утверждение А.М. Михайловского-Данилевского. Эти же сведения использовал в своих трудах историк и публицист М.Д. Хмыров³. Интересно, что автор наиболее подробной истории Кавалергардского полка С.А. Панчулидзе, в свою очередь, использовал сведения А.М. Михайловского-Данилевского с небольшим лишь уточнением — знамена возились под конвоем эскадрона кавалергардов⁴.

В 1963–1964 гг. потомок русских эмигрантов во Франции выпускник 1926 г. специальной военной школы Сен-Сир бригадный генерал французской службы С.П. Андоленко, будучи сотрудником парижского журнала «Военная быль», опубликовал ряд статей об истории русской армии. В них подробно исследованы и обстоятельства захвата в 1807 г. некоторых французских знамен. О своих статьях он также цитировал А.М. Михайловского-Данилевского и С.К. Новоселова. При этом С.П. Андоленко уточнял, что в 1812 г. все французские знамена были вывезены из Петропавловского собора в неизвестном направлении, след их потерялся, и дальнейшая судьба их неизвестна⁵.

Эти же утверждения закономерно представлены в современном сборнике доктора исторических наук О.Г. Гончаренко «От Аустерлица до Парижа. Дорогами поражений и побед», так как сборник составлен из статей журнала «Военная быль»⁶. Дальнейшее развитие они получили в публикациях отдельных современных историков. Например, опираясь на одно из писем

1812 г. графа А.А. Аракчеева к главнокомандующему в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинову, кандидат исторических наук доцент Белорусского государственного педагогического университета И.А. Груцо утверждает, что Александром I и его ближайшим окружением к октябрю 1812 г. был разработан план восстановления первоначального вида трофейных французских знамен, не имевших орлов-наверший и древков. План этот составлял государственную тайну. Орлы и древки изготавливались в Санкт-Петербургском арсенале, а образцами для такой реконструкции как раз и послужили французские знамена, взятые у Прейсиш-Эйлау и вывезенные из Петропавловского собора в неизвестном направлении⁷.

Однако сама возможность бесследного исчезновения столь ценных трофеев, по моему мнению, являлась маловероятной. Помещение их в Петропавловском соборе — месте вечного упокоения членов императорской семьи и хранения символов славы русского оружия — свидетельствовало об исключительном достоинстве этих знамен. Даже всеильный «железный» граф А.А. Аракчеев не осмелился бы дать указание на вывоз знамен в неизвестном направлении. Еще менее вероятным представляется участие в этом главнокомандующего в Санкт-Петербурге министра полиции генерала от инфантерии С.К. Вязмитинова — человека, отличавшегося исключительной честностью, бескорыстием и ревностной службой⁸. Каждое посещение крепости и вынос трофеев из собора оформлялись документально. Ну а уж если в Санкт-Петербургском арсенале изготавливали орлы и древки, то должны были сохраниться документы об этом сомнительном, на мой взгляд, мероприятии. Поэтому установление истинной судьбы трофейных французских знамен, взятых у Прейсиш-Эйлау, стало целью данного исследования.

Прежде всего, требовалось решить задачу по определению точного количества знамен, доставленных в столицу. В трудах различных авторов по этому вопросу содержатся самые противоречивые сведения. Например, граф Л.Л. Беннигсен⁹, А.И. Михайловский-Данилевский и генерал-майор А.И. Геккель¹⁰ писали о взятии 12, но доставлении в столицу лишь 5 французских знамен. В мемуарах Д.В. Давыдова сказано о захвате 9 орлов¹¹, а профессор Николаевской академии Генерального штаба полковник Б.М. Колубакин сообщал о взятии 6 французских знамен¹².

О том, что в Петропавловский собор были доставлены 6 знамен, пишет и С.К. Новоселов, подробно указывая на их состояние: одно — с полотнищем, коробкою и орлом; четыре — с полотнищами и коробками, но без орлов; одно — без полотнища, но с коробочкою и орлом¹³. Существует еще один источник, заслуживающий доверия — камер-фурьерские церемониальные журналы. Согласно записям в них за январь — июнь 1807 г., действительно, 3 февраля 1807 г. предполагалось провезти 12 трофейных знамен по Дворцовой площади в сопровождении 2-х эскадронов полка Конной гвардии. Однако, когда выяснилось, что знамен привезли только 6, то для эскорта были назначены 2 взвода Конной гвардии, которые и доставили знамена в Петропавловский собор¹⁴. Получается, что в столицу было доставлено 6 трофейных знамен и перевозились они в собор не кавалергардами, а конногвардейцами.

Не менее важной задачей являлось установление обстоятельств захвата каждого знамени. Первым трофеем сражения было знамя, взятое 26 января Санкт-Петербургским драгунским полком во время фланговой атаки на наступавшую колонну неприятельской пехоты. В истории полка этот подвиг описан так: «Вот несется кучка драгун, они врезываются в середину пехоты, валят палашами французов и доскакивают до французского знамени. Рядовой Василий Подворотный сшибает грудью лошади с ног знаменщика, хватается за знамя. Знаменщик-француз ухватился обеими руками за знамя и не отдает его. Подворотный не выпускает знамени, вытягивает его у француза, на помощь подскочил рядовой Дерягин, полосонул знаменщика, и знамя осталось в руках у Подворотного. Подскочил трубач Логвинов и стал защищать Подворотного от набежавших на него французов. Прискакал прапорщик Апраксин с рядовым Ерофеевым и вахмистром Фоминым, и удержали французов. Но тут же исколотый штыками прапорщик Апраксин был свален с коня. «Оставьте меня умирать здесь, спасайте знамя!» — сказал он и вскоре умер...» Высока была честь заслужить славу, взяв у врага такой дорогой трофей. Вечером трофейное знамя взвод драгун возил перед фронтом русских полков¹⁵. С.П. Андоленко считает, что это был орел 2-го батальона 18-го полка линейной пехоты¹⁶.

Второе знамя было взято у французов утром 27 января в разгар кровавой рукопашной схватки в центре позиции русской армии. Наступавшую на отряд генерал-майора Е.И. Маркова

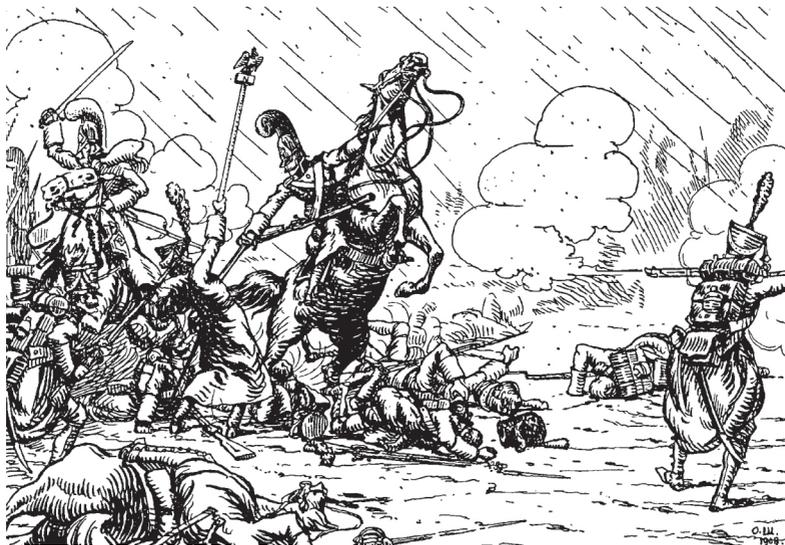
дивизию Дежардена с громкими радостными криками и смехом атаковали мушкетерские полки Московский, Владимирский и Воронежский. В рукопашном бою унтер-офицер Владимирского полка Василий Утешин и отбил неприятельское знамя¹⁷.

Третий трофей вырвал у неприятеля опять Петербургский драгунский полк. Когда русская конница понеслась в атаку и погнала французскую пехоту от первой линии, петербургские драгуны ударили по правому флангу неприятеля, глубоко врубилась и опрокинули его. Рядовой Яков Скрипников (Сырников) налетел на французского знаменщика, повалил его и вырвал орла. С.П. Андоленко определил, что это было знамя 1-го батальона 44 полка линейной пехоты¹⁸. За взятие в этом сражении двух французских знамен Петербургскому драгунскому полку был пожалован Георгиевский штандарт с соответствующей надписью.

В это же время кровопролитная схватка шла у русских полков 3-й дивизии с полками дивизии Геделе. Опрокинутый противник стал преследоваться нашими кирасирами. Здесь отличился Орденский кирасирский полк, отбив четвертый трофей — знамя 2-го батальона 24 полка линейной пехоты. Вот как это было: «Командующий 3-м эскадронном штабс-ротмистр Н.Л. Сергеенко врывается в пехотную колонну и после ожесточенной свалки вместе с вахмистром Мещеряковым и рядовым Ильиным настигает неприятельского знаменщика. Мужественно защищали свое знамя неприятельские гренадеры. Рядовой Ильин наносит удар знаменщику, но раненая лошадь его опрокидывается и увлекает всадника. Борьба не прекращается, и Ильину удается вырвать знамя и передать его штабс-ротмистру Сергеенко. Минуту спустя Ильин вскакивает на коня одного из убитых товарищей и присоединяется к эскадрону...»¹⁹ (ил. 1).

Пятое знамя было отбито у французов на левом фланге русской армии уже в конце сражения. Причем захватили его не русские войска, а польские уланы из полка Товарищей прусского корпуса генерала Лестока. Полк Товарищей яростно атаковал отступающую французскую колонну 51-го полка линейной пехоты и 4-е роты 108-го полка. Немногим французам удалось спастись, взято было и знамя²⁰. По воспоминаниям бывшего командира роты Выборгского мушкетерского полка В.И. Тимофеева, знамя могло быть подобрано с земли²¹.

Возникла неопределенность — из источников следует, что в сражении было взято 5 французских знамен, а в столицу

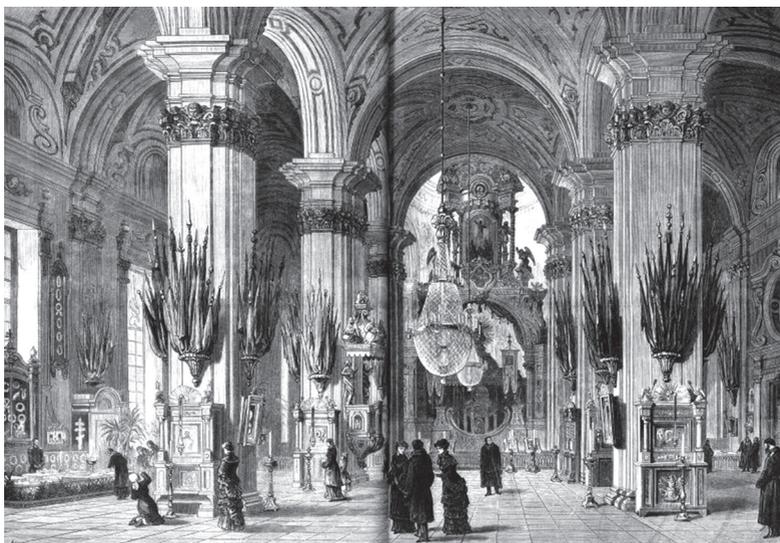
Ил. 1. И.А. Шарлемань. «Взятие французского знамени шт.-ротмистром Сергеенко и ряд. Ильиным в сражении у Прейсиш-Эйлау, 27-го января 1807 г.» 1908 г.

доставлено — 6. Объяснение этому дал С.П. Андоленко. Шестой трофей был взят еще накануне сражения — а именно, 13 января 1807 г. в бою у Морунгена егерями 5-го Егерского полка во время атаки на 2-й батальон 9-го легкого полка французов. Три раза неприятельское знамя переходило из рук в руки, так как три знаменщика были последовательно убиты. Тщетно пытались спасти знамя четвертый. Его заметил командир роты егерей капитан фон Рейценштейн. Он пришпорил коня, бросился на знаменщика, ударил его шпагой, но знамя взять не смог. Раненый француз бросил знамя через изгородь, а капитан был тяжело ранен и свалился с лошади. Бежавший за ним фельдфебель Василий Бородкин перескочил изгородь и схватил знамя. Оно было с древком и подставкой, на которой стояла накладная цифра «9». Орла у знамени не было. Василий Бородкин был награжден знаком отличия Военного ордена и произведен в офицеры, а 5-му Егерскому полку были пожалованы две серебряные Георгиевские трубы²². Именно это знамя и было доставлено флигель-адъютантом Ставицким вместе с прейсиш-эйлаускими.

Достижение цели исследования было возможно только путем обнаружения конкретных документов в архивах. Для решения этой задачи, прежде всего, были исследованы документы Санкт-Петербургского арсенала и хранилища трофеев — Достопамятного зала, находящиеся в Научном архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Ведь, если предположить, что орлы и древки реконструировались в арсенале, то и вывезти знамена из Петропавловского собора могли туда. Однако подробное изучение соответствующих шнуровых книг, описей, ведомостей и дел архива показало, что искомым трофейных знамен там не было. Не было обнаружено и каких-либо документов, свидетельствующих о производстве в Санкт-Петербургском арсенале орлов и древков к французским знаменам.

Тогда были исследованы документы управления коменданта Санкт-Петербургской крепости в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Оказалось, что в марте 1865 г. по приказу коменданта крепости генерал-лейтенанта А.Ф. Сорокина вступивший в должность плац-майора полковник Кандауров составил подробную опись всем трофеям, хранившимся в Петропавловском соборе. Из описи следовало, что в 1812 г. командир Фельдъегерского корпуса подполковник Н.Е. Касторский действительно забрал отсюда часть трофеев, захваченных у французов. Однако знамена, взятые в сражении у Прейсиш-Эйлау, не вывозились и хранились в том виде, в каком были доставлены²³. Полные ревизии трофеев в соборе проводились еще в апреле 1874 и в декабре 1887 гг. Из докладов комендантов крепости следовало, что трофеи соответствовали описи 1865 г., прейсиш-эйлауские знамена оставались в неприкосновенности²⁴ (ил. 2).

Интересно, что к февралю 1888 г. абсолютно все знамена в соборе из-за давности времени, свечной копоти, перепадов температур и влажности воздуха потеряли свой первоначальный вид и приобрели общий серый цвет²⁵. На их древки наклеивались бумажные ярлыки, которые со временем отвалились. Кроме того, все знамена оказались перепутаны, так как в ходе многочисленных ремонтных работ декораторы развешивали их не по списку, а произвольно. Поэтому определить, в каком сражении был взят тот или иной трофей, мог только специалист.

Ил. 2. Неизвестный художник. «Санкт-Петербург. Внутренность Петропавловского собора. Усыпальницы Особ Императорской Фамилии». 1880-е гг.

В 1906 г. комендант крепости генерал от инфантерии А.В. Эллис забил тревогу в связи с ветхостью полотнищ²⁶. К этому времени император Николай II уже принял решение о строительстве в столице Военно-исторического музея (ВИМ), и в октябре 1906 г. последовало высочайшее повеление о незамедлительной передаче всех трофеев из Петропавловского собора на временное хранение в Артиллерийский исторический музей (АИМ)²⁷. Так французские знамена, взятые у Прейсиш-Эйлау, в числе других 1228 знамен из Петропавловского собора, 25 октября 1906 г. оказались в АИМ²⁸. Предполагалось, что до окончания строительства ВИМ знамена будут храниться в приспособленных для этого помещениях с постоянной температурой и влажностью, на попечении специалистов, обеспечивающих надлежащий уход и реставрацию²⁹.

До 1914 г. планы строительства ВИМ не были реализованы, а с началом Великой войны от них отказались. После Февральской революции, летом 1917 г., под угрозой наступления немецких войск на Петроград, Временное правительство распорядилось о срочном вывозе культурных ценностей

Ил. 3. Ярославль. Спасо-Преображенский монастырь после артиллерийского обстрела. 1918 г.

из столицы³⁰. Но лишь в мае 1918 г. ящики со знаменами из АИМ по железной дороге были доставлены в Ярославль и помещены в каменном здании Крестовской церкви и сухом деревянном каретном сарае на территории Спасо-Преображенского монастыря.

В ночь на 6 июля 1918 г. в городе началось антибольшевистское восстание. Свой штаб восставшие расположили на Богоявленской площади в бывшей чертежной мастерской рядом с монастырем. А спустя несколько дней интернациональные части Красной армии приступили к подавлению восстания — город подвергся массированному артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с воздуха. Значительная часть Ярославля была разрушена или сгорела дотла³¹. Снарядами был разбит и свод Крестовской церкви, но ящики со знаменами остались целыми. А вот каретный сарай был уничтожен: в огне погибло свыше 2000 ценнейших русских и трофейных знамен³² (ил. 3). Удалось спасти лишь 3 ящика. Возвращение же оставшихся в стены АИМ растянулось до мая 1924 г.³³

Дальнейший поиск сведений о судьбе прейсиш-эйлауских трофеев был затруднен рядом обстоятельств. Так, знамена, поступившие в АИМ из Петропавловского собора, находясь на временном хранении, в фондах музея не числились. Из Ярославля знамена вернулись в перемешанном виде, и требовались невероятные усилия и время для их сортировки и учета. Знаменный фонд АИМ в 1930 г. был формально передан в Военный историко-бытовой музей (ВИБМ), а в 1937 г. возвращен в АИМ, что привело к путанице в документах и частичной их утрате. В 1957 г. значительная часть документов вообще была уничтожена. Поэтому только комплексное изучение материалов в архивах АИМ, ВИБМ и учетной документации знаменного фонда за период 1918–1948 гг. позволило обнаружить сведения о двух трофейных французских знаменах из тех шести, что были доставлены в столицу после сражения у Прейсиш-Эйлау.

Состояние самих знамен было плачевное. От одного осталось погнутое древко черного цвета, без полотнища и орла, со сломанной коробкой, на которой у номера «44» первая цифра с обеих сторон была отломана³⁴. Другое также было без полотнища и орла, с грязной коробкой, но целой цифрой «9» на ней, с осыпавшейся черной краской на древке³⁵. Остальные 4 знамени сгорели в Ярославле. Сохранившиеся древки могли принадлежать 1-му батальону 44-го полка линейной пехоты и 2-му батальону 9-го полка легкой пехоты наполеоновской армии. Из документов следует, что 25 ноября 1948 г. эти древки были переданы в Государственный Эрмитаж, где, надеюсь, они хранятся и поныне.

Результаты исследования позволяют сделать ряд обоснованных выводов. Вопреки устоявшимся представлениям, после сражения у Прейсиш-Эйлау в столицу были доставлены 6 трофейных французских знамен. По городу эти стяги кавалергардами торжественно не возились, а утром 3 февраля 1807 г. были доставлены в Петропавловский собор 2 взводами конногвардейцев и из собора более не вывозились. Размещение этих знамен в усыпальнице российских императоров, среди других ценных трофеев русского воинства, свидетельствовало об особом отношении к ним, подчеркивало исключительную важность сохранения их для потомков. Это сейчас некоторые авторы могут рассуждать о том, что коль нет орла-навершия, то и полноценным трофеем считать нельзя... В 1807 г. французские солдаты все

свои знамена в бою защищали геройски, независимо от того, были ли на них орлы или нет. Да и русские, видя перед собой неприятельское знамя, стремились захватить его любой ценой. В бою было не до наблюдений за наличием или отсутствием на древках орлов. А вот чтобы отбить каждое знамя, требовалось совершить поистине подвиг, превозмогающий доблесть врага, даже ценой своей жизни. Поэтому-то и хранились все трофейные полотнища в Петропавловском соборе в том виде, в каком их доставляли с полей сражений. И орлы с них в 1812 г. не снимались, а сами знамена никакой «реконструкции» не подвергались. Лишь в октябре 1906 г. они были перевезены в АИМ для реставрации и бережного хранения, чему помешали сначала Великая война, затем революционные смуты. Из шести французских знамен четыре погибли, как солдаты в бою, сгорев в ярославском пожаре 1918 г., а остатки двух переданы в Государственный Эрмитаж как молчаливые свидетели боевой славы наших предков (ил. 4).

Ил. 4. Багратионовск (Прейсиш-Эйлау).
Памятный крест на месте сражения.
Фотография автора. 2016 г.

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб.: тип. Штаба Отдельного корпуса Внутренней Стражи, 1846. С. 188, 209–210.

² Новоселов С.К. Описание кафедрального собора во имя святых Первоверховных Апостол Петра и Павла в Санкт-Петербургской крепости. СПб.: лит. А. Траншель, 1857. С. 213–215.

³ Хмыров М.Д. Россия и Русские в эпоху второй войны с Наполеоном // Северное сияние, русский художественный альбом. Т. 3. СПб., 1864. С. 487–488.

- ⁴ Панчулидзе С.А. История кавалергардов 1724–1799–1899 / По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка. Т. 3. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1903. С. 110.
- ⁵ Андоленко С.П. Георгиевский штандарт Санкт-Петербургских улан // Военная быль. № 68. Париж, 1964. С. 29.
- ⁶ Гончаренко О.Г. От Аустерлица до Парижа. Дорогами поражений и побед. М.: Вече, 2012. С. 262.
- ⁷ Груцо И.А. Орлы 18-го и 35-го полков линейной пехоты французской армии как русские трофеи сражения при Красном: историография, источники // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. Материалы Международн. научной конф., 3–6 сентября 2014 г. Бородино, 2015. С. 594–597.
- ⁸ Энгельгардт Л.Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта. М.: тип. Каткова и К°, 1860. С. 177–178.
- ⁹ Майков П.М. Записки графа Л.Л. Бенningсена о войне с Наполеоном 1807 года // Русская старина. 1899. № 10. С. 217.
- ¹⁰ Геккель А.И. Трофеи войн 1812–1813–1814 г. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. С. 5.
- ¹¹ Давыдов Д.В. Воспоминания о сражении при Прейсиш-Эйлау. СПб.: тип. книжного магазина П. Крашенинникова и комп., 1848. С. 171.
- ¹² Колюбакин Б.М. Прейсиш-Эйлауская операция. Сражение у Прейсиш-Эйлау (26-го и 27-го января 1807 г.). СПб.: тип. ГР. Скачкова с С-ми, 1911. С. 28.
- ¹³ Новоселов С.К. Указ. соч. С. 213.
- ¹⁴ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1807 г., январь – июнь. СПб.: тип. Департамента уделов, 1906. С. 82–83, 86–88, 428.
- ¹⁵ Каменский Е.С. История 2-го Драгунского С.-Петербургского генерал-фельд-маршала князя Меншикова полка. 1707–1898 гг. Т. 2. М.: тип. Вильде, 1900. С. 62–63.
- ¹⁶ Андоленко С.П. Указ. соч. С. 28.
- ¹⁷ Памятка 61-го пехотного Владимирского полка. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1900. С. 15.
- ¹⁸ Каменский Е.С. Указ. соч. С. 69; Андоленко С.П. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁹ Григорович А.И. История 37-го Драгунского Военного ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. С. 266.
- ²⁰ Фон-Леттов Форбек О. История войны 1806 и 1807 г.г. Прейсиш-Эйлау – Тильзит. Т. 4. Варшава: тип. Окружного штаба, 1898. С. 85–86.
- ²¹ Тимофеев В.И. Из воспоминаний генерала-от-инфантерии В.И. Тимофеева о сражении 23 января 1807 г. при Прейсиш-Эйлау // Военный сборник. № 4. 1907. С. 4.
- ²² Андоленко С.П. Морунгенский трофей (1807 г.) // Военная быль. № 61. Париж, 1963. С. 40–42.
- ²³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 1004. Л. 5, 38–40.
- ²⁴ Там же. Д. 1695. Л. 8 об.–10; Д. 2308. Л. 19–20.
- ²⁵ Там же. Л. 37, 44.
- ²⁶ Там же. Д. 3192. Л. 5.
- ²⁷ Там же. Д. 3408. Л. 1–4.
- ²⁸ Там же. Д. 3388. Л. 5.
- ²⁹ АВИМАИВВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 79. Л. 211–216, 234.

³⁰ Там же. Ф. Зр. Оп. 9. Д. 7. Л. 23.

³¹ Какурин Н.Е. Современная тактика. М.: Государственное военное издательство, 1924. С. 88–89; Кряжин В.А., Павлов Б. Два красных года: ноябрь 1917 г.–ноябрь 1919 г. Хронология пролетарской диктатуры. М.: тип. Наркомвоен. в Н.-Новгороде, 1919. С. 26.

³² АВИМАИВиВС. Ф. 1р. Оп. 1. Д. 28. Л. 21.

³³ Рудакова Л.П. Трагическая судьба коллекций Артиллерийского исторического музея, перемещенных в Ярославль в 1917 году // Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов всеросс. научно-практич. конф. 4–6 апреля 2016 г. Екатеринбург, 2016. С. 200–204.

³⁴ По номенклатурному номеру ВИМАИВиВС: 2 ИФ 9/5766.

³⁵ По номенклатурному номеру ВИМАИВиВС: 2 ИФ 9/5784.

М.Н. Кирилов (Санкт-Петербург)

ГУСАРСКИЕ ИНОСТРАННЫЕ ПОЛКИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ АРМИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА*

НАЧИНАЯ С ЭПОХИ ЦАРЯ ИВАНА IV Грозного в российскую армию, для усиления военных средств, включались отряды наемных войск, так называемые «войска иноземного строя». В эпоху царей Федора Ивановича и Бориса Годунова иностранцы входили в состав армии отдельными отрядами¹. В 1630 г., накануне войны с Польшей, царь Михаил Федорович формировал из немцев, шотландцев и англичан Немецкие полки — четыре пеших или солдатских иностранных полка². В дальнейшем эти части стали кадровыми, на их базе были сформированы полки из российских подданных³.

Усилия царя Федора Михайловича по формированию новых войск иноземного (нового) строя были настолько успешны, что им был создан отдельный Иноземный приказ, который отвечал за формирование таких частей. Они подразделялись на рейтар, драгун, копейщиков и солдат⁴. Несмотря на желание военного руководства страны постепенно отказаться от иностранцев на службе в российской армии и формирования из их числа воинских частей на всем протяжении российской военной истории, сделать это так и не удалось. Например, в 1710 г. в полковых штатах пехоты и кавалерии иностранцев-генералов, офицеров по всем категориям было более 50 %⁵. С 5 января 1798 г. в составе Канцелярии Военной коллегии была образована Иностранная экспедиция Канцелярии Военной коллегии. Этот орган военного управления ведал приемом на военную службу и увольнением с нее иностранцев, а также распределением их по частям. География стран,

* Статья приводится в авторской редакции.

«поставлявших» на службу в российскую армию военнслужащих, была очень широка. В ряды российских вооруженных сил принимались: французы, англичане, шотландцы, поляки, шведы, австрийцы, пруссаки, датчане, португальцы, голландцы, сербы, венгры, швейцарцы, литовцы, албанцы⁶, ирландцы, сардинцы, итальянцы, немцы, белорусы⁷. Военнослужащие-иностранцы принимались в званиях от прапорщика до генерала во все рода вооруженных сил включая флот, инженерные войска. Их брали на службу и в полки финляндской армии⁸.

С началом реформ императора Петра I армии как основному механизму внешней политики Российского государства отводилась первостепенная роль. Петру I, для выполнения своих великих исторических задач, необходимо было создать сильную боеспособную регулярную армию. Для серьезных улучшений в армии и строительстве современных вооруженных сил императору Петру необходимо было перенять все самое передовое и лучшее в сильнейших армиях Европы и решить ряд ключевых проблем, связанных с реформами в армии. Прежде всего, эти проблемы касались формирования воинских частей, организации их боевой подготовке и боевого применения. Нехватка в собственной армии высококлассных военных специалистов, отсутствие в вооруженных силах некоторых современных родов войск заставили молодого реформатора вновь обратиться к зарубежному опыту по формированию, боевой подготовке и боевому применению войск. В короткий промежуток времени происходит трансформация взглядов в области тактики и стратегии ведения боевых действий и боевого применения. Пехота во время ведения боевых действий отдает явное предпочтение действиям в рукопашном бою. Кавалерия на театре ведения боевых действий начинает решать стратегические задачи крупными соединениями и в то же время принимает самое активное участие в боевых столкновениях на полях сражений. Вновь созданная кавалерия с первых же дней своего существования становится кавалерией драгунского типа⁹.

В течение всей Северной войны император Петр I предпринимал необходимые меры для скорейшего реформирования войск. В этот период российская армия с заметным успехом ведет так называемую «малую» войну против шведов, которая характеризуется постоянной тревогой противника, молниеносными рейдами по его тылам, уничтожением обозов и тыловых

баз, малым театром военных действий. Главная цель этой войны была направлена на изнурение армии противника, лишение его всякой инициативы¹⁰.

Проведение разведки войск противника, организация боевого охранения своих частей, а также все тактические действия и боевые приемы, связанные с ведением «малой» войны, в этот период преимущественно отводились частям иррегулярной легкой кавалерии, а именно: казакам, калмыкам, черкесам и башкирам¹¹. Для более успешных действий такого характера Петр I полагал необходимым перенять опыт многих европейских стран и сформировать в российской армии именно регулярные части легкой кавалерии. Император знал, какую пользу на полях сражений и во время ведения войны приносили регулярные полки венгерских и сербских гусар, и стремился иметь подобные полки и в составе российской армии¹².

В 1707 г. для этих целей император поручил сербскому выходцу Апостолу Кичичу набрать 300 чел. из венгров, сербов молдаван и волохов (валахов), «...добрых и искусных начальных людей: двух ротмистров; трех поручиков; трех хорунжих Волохского народа...», которые и образовали легкоконную гусарскую команду, получившую название «Волошская хоронгвия»¹³. В мае 1710 г. перед войной с Турцией в Москву приехал посланник австрийских сербов Богдан Попович. Он привез с собой прошение о том, чтобы великий царь принял находящихся под иностранным гнетом сербов в свое подданство¹⁴. И уже в 1711 г. к войне с Турцией в армии Петра Алексеевича были сформированы шесть Волошских полков и две хоронгвии: Сербская и Польская¹⁵. В ходе подготовки к войне рассматривался вопрос о дополнительном найме и формировании в армии различных частей из иностранцев. С этой целью в Европу были отправлены офицеры с задачей наборов рекрутов в эти части. В своем донесении от 3 августа 1711 г. полуполковник Долгоруков докладывал о возможности найма немецкого драгунского полка с лошадьми и всем снаряжением из старослужащих по 1 р. в месяц жалованья рядовым, он же отмечал, что в этом полку были и французы. Далее Долгоруков произвел оценку боевых качеств венгров и сравнивал их уровень профессиональной подготовки с валахами. Он заключал, что: «1000 венгров сделает на войне больше, чем 3000 валахов»¹⁶. Во время формирования частей из иностранцев четких критериев и правил отбора не существовало, успешность

формирования и найма иностранцев зависела от опыта и велась на усмотрение офицера-вербовщика.

Вместе с тем, так как иностранные полки полностью состояли из наемников, их содержание обходилось казне очень дорого, по этой причине эти части сначала были уменьшены до трех пятисотенных команд, а после окончания войны со Швецией в 1721 г. полностью расформированы¹⁷. Однако император своего взгляда на легкие кавалерийские части не изменил. После во многом неудачного Прутского похода и заключения мира с Турцией, на службу в российскую армию поступило много сербов, молдаван и валахов¹⁸.

Формирование гусарских полков

В 1723 г. дана была грамота сербскому майору И. Албанезу с поручением нанять сербов на русскую службу и сформировать из них гусарский полк. Сербь известны были своей храбростью и считались одними из лучших наездников. Для поощрения их переезда в Россию вступающим в эти полки было обещано сохранить все содержание и чины, какими они обладали в австрийской армии¹⁹. Этот момент можно считать началом образования гусарских полков в российской армии, хотя официально гусарскими они начнут называться только с 1725 г. В течение 15 лет, с 1725 по 1741 гг., списочная численность гусар в российской армии увеличилась до 6000 тыс. чел.²⁰ 20 марта 1741 г. по предложению генерал-фельдмаршала графа Бурхарда Кристофа фон Миниха, в российской армии были определены и приняты штаты гусарских полков. Всего их было четыре: - Сербский гусарский полк;

- Венгерский гусарский полк;
- Молдавский гусарский полк;
- Грузинский гусарский полк.

Согласно вновь принятым штатам, каждый полк должен был включать в себя 1063 чел.²¹ Действительное же количество личного состава в полках на 15 декабря 1741 г. было:

- в Сербском гусарском полку — 832 чел.;
- в Венгерском гусарском полку — 486 чел.;
- в Молдавском гусарском полку — 790 чел.;
- в Грузинском гусарском полку — 178 чел.²².

Названия полков соответствовали национальности вступивших в них.

Сербский гусарский полк

Указ Петра Алексеевича от 1723 г. требует с однодворцев южных земель «...собрать гусаров конных... и учредить их полками, и к тем полкам определять полковников и ротмистров из серблян и волохов из тех, кои ныне в службе... обретаются, а к тому в дополнение выписать добрых...»²³ В грамоте, данной майору И. Албанезу, также значилось: «...Его Императорское Величество намерение воспрять в украинских городах из сербского народа и для призыву и принятия в Его Императорское Величество службу вручена комиссия майору Ивану Албанезу...»²⁴ Предполагалось скомплектовать четыре полка по 1500 тыс. чел., принимая выходцев из-за границы. Формирование происходило на основе Сербской хоронгвии²⁵, принявшей участие в Прутском походе Петра Алексеевича.

Под командованием серба майора И. Албанеза началось формирование Сербского гусарского полка, «яко те жолниры по большей части или вси сербы были». Первоначально сербских гусар было немного, в штате 1723 г. их значилось всего 316 чел., в том числе 285 чел. рядовых²⁶. «В прошлом 1723 г. в грамоте, какова дана Сербского полку майору Албанезу, за собственного благоволения памяти Государя Императора Петра Великого рукою написано: “Его Императорское Величество в украинских городах содержать нынешний полк конных гусар из сербского народа для производства и принятия в службу вручена комиссия майору Албанезу его Императорским Величеством которое из упомянутых народов придут добровольно в Российскую службу то им дано будет становиться там коих рангов они получали в прошедшие войны без всяко разности”»²⁷. По рапорту от генерала и Киевского генерал-губернатора князя Трубецкого штат полка из сербов, принятых на военную службу в российскую армию, имел следующий состав — см. табл. 1.

Табл. 1

Штат Сербского полка

№ п/п	Воинское звание / должность	Количество, чел.	Сумма вознаграждения, р.
1.	Майоров	1	300
2.	Капитанов	5	200

Гусарские иностранные полки в составе российской армии (XVIII в.)

№ п/п	Воинское звание / должность	Количество, чел.	Сумма вознаграждения, р.
3.	Поручиков	4	150
4.	Прапорщиков	3	100
5.	Полковых писарей	1	100
6.	Вахмистров	4	50
7.	Квартирмистров	5	50
8.	Каптенармусов	1	50
9.	Капралов	14	30
10.	Ротных писарей	1	30
11.	Рядовых	285	18
12.	Денщиков	17	15 ²⁸

Полноценный Сербский гусарский полк сформировать так и не удалось, и в 1726 г. сербских гусар распределили «кампанейщиками» в слободские полки. В указе Правительствующего Сената в Военную коллегию от 18 августа 1726 г. было сказано: «Его Императорское Величество указал в военную коллегию о содержании Сербов на Украине быть полным военной коллегии жалование»²⁹. С 1727 г. их начинают «содержать от Слободских полков отдельно, и жалованье производить полное, а которые имеют жен и детей, тем для поселения на Украине отвести земли, а в дополнение к ним до тысячного числа выбрать из Слободских полков до 600 человек и учредить их особым полком». В 1728 г. было «повелено»: «Сербский полк содержать в числе 600 человек, и для того в дополнение к сербам из Слободских полков молодых казаков выбрать». В 1729 г., по указу генерал-фельдмаршала князя Андрея Михайловича Голицына, Сербский полк был поселен между Тором и Украинской линией³⁰. Полк был вооружен карабинами, у всех гусар было по сабле и паре пистолетов. Вплоть до 1733 г. полноценный штат в Сербском гусарском полку развернуть так и не удалось. Из рапорта командира Жива (Ивана) Стоянова, 48 лет, следует, что на 11 апреля 1733 г. в составе полка в четырех ротах числилось только 232 чел.³¹ (см. табл. 2).

Штат Сербского гусарского полка на 11 апреля 1733 г.

№ п/п	Воинское звание / должность	По штату, чел.	По списку, чел.
1.	Майоров	1	1
2.	Адъютантов	1	1
3.	Ротных писарей	1	1
4.	Итого	2	2
5.	Капитанов	4	2
6.	Поручиков	4	4
7.	Прапорщиков	4	3
8.	Итого:	12	9
9.	Вахмистров	5	4
10.	Квартирмистров	4	3
11.	Ротмистров	5	4
12.	Капралов	20	17
13.	Рядовых	163	142
14.	Итого:	197	170
15.	Денщиков	20	16
16.	Всего:	232	197

Вновь принимается решение о призыве сербов в полк и в случае необходимости, по настоянию командира полка И. Стоянова, доукомплектации его малороссийскими молодыми казаками. В случае недостатка в личном составе полк пополнялся сербами, венграми, волохами, «трансильванцами» и молдаванами, завербованными в Австрийской империи³². Каждому гусару из казны платилось жалованье³³.

Грузинский гусарский полк

В 1736 г. с окончанием Персидской войны в Российскую империю эмигрировали многие грузинские князья и дворяне включая генерал-майора Лазаря Христофорова, всего 112 чел. Все они воювали в составе российской армии против Персии. Первоначально

им были выделены земли в окрестностях г. Кизляр³⁴. Денежное довольствие они получали от Астраханских гарнизонных полков согласно табелю о рангах. «Жалование платить им от драгунских полков, но только тогда, когда они находятся на действительной военной службе. В остальное время они содержат себя самостоятельно»³⁵. 25 марта 1738 г., по именному императорскому указу, после выезда грузинского царя, а также его князей и дворян, всего 43 чел., из Грузии в Россию, их было необходимо принять на службу в российскую армию и сформировать из них гусарскую роту. Командиром роты стал князь капитан Мамука Давыдов. 5 сентября 1738 г. выходит указ его императорского величества о поселении грузинских князей и дворян в Украине и выделении им в «...пристойных местах деревни и земли в Украине в вечное потомственное владение»³⁶. Грузин принимали в российскую армию только в гусарские полки³⁷. Указ от 25 марта 1738 г.³⁸ об учреждении Грузинской гусарской роты определял ее штат (табл. 3).

Табл. 3

Штат грузинской роты

№ п/п	Воинское звание / должность	Количество, чел.	Сумма, р.
1.	Капитанов	1	437
2.	Поручиков	4	164
3.	Прапорщиков	4	115
4.	Попов	1	84
5.	Вахмистров	4	34
6.	Квартирмейстеров	4	46
7.	Капраловов	3	45
8.	Рядовых	70	45
9.	Барабанщиков	4	45

Итого: 84 чел.³⁹ С 31 января 1740 г. в штат был включен обер-офицер — майор⁴⁰. В 1740 г. рота была переформирована в полк. В полку было «повелено» содержать уже 10 рот⁴¹. Несмотря на постоянные попытки развернуть полк до полного штата согласно ведомости от 15 декабря 1741 г., в уже так называемом Грузинском корпусе, который был расквартирован в Санкт-Петербурге, числилось только 178 чел. личного состава⁴² (см. табл. 4.)

Ведомость личного состава полка на 15 мая 1741 г.

№ п/п	Воинское звание / должность	Количество, чел.
1.	Капитанов	4
2.	Поручиков	76
3.	Прапорщиков	2
4.	Адъютантов	1
5.	Вахмистров	10
6.	Квартирмистров	4
7.	Ротных писарей капралов	2
8.	Рядовых гусар	243
9.	Барабанщиков	6

Итого: 281 чел.⁴³ 13 июня 1752 г. в полку насчитывалось 272 чел.⁴⁴ В ведомости от 7 июля 1754 г. по штату уже 523 чел., а налицо 356 чел., лошадей 742 по штату, в наличии — 497 чел.⁴⁵

Венгерский гусарский полк

В 1736 г. были сформированы еще два гусарских полка: Венгерский и Волошский (Молдавский). Основой Венгерскому полку послужили около 200 чел. венгров, перешедших в российскую армию с польской службы князя Любомирского во главе с генерал-адъютантом Кумингом, принятым на российскую военную службу в звании полковника. Куминг со своими людьми был отправлен в распоряжение командующего армией генерал-фельдмаршала графа фон Миниха⁴⁶. 10 декабря 1740 г. генерал-майором Титовым был произведен смотр Сербского и Венгерского гусарских полков.

В это время в полках соответственно числилось: полковников — 1/1; подполковников — -/1; майоров — 1/1; квартирмистров — 1/1; адъютантов — 1/-; врачей — 1/-; попов — 1/-; полковых аптекарей — 1/1; полковых обозных — 1/-; капитанов и ротмистров — 9/2; поручиков — 10/1; прапорщиков и хорунжих — 10/5; вахмистров — 10/6; ротных квартирмистров — 12/5; капралов — 50/22; ротных писарей — 6/5; рядовых

гусар — 919/452; барабанщиков — 7/-; трубачей — -/4; слесарей — 1/-; валторнистов — 2/-; цирюльников — 1/3. Итого: 1046/510 чел.⁴⁷

В отношении вооружения и обмундирования содержать себя гусары обязаны были сами. В Сербском и Венгерском гусарских полках форма одежды отличалась лишь цветом. Знамена должны были быть у каждой роты, по образцу драгунских полков⁴⁸. Список — ведомость Венгерского гусарского полка от 2 января 1754 г. — 895 чел.⁴⁹

Молдавский гусарский полк

Во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. в российской армии вновь поднимается вопрос о формировании частей легкой кавалерии, способной противостоять многочисленной турецко-татарской коннице. В Днепровской армии генерал-фельдмаршала графа фон Бурхарда Кристофа фон Миниха существовал так называемый Гусарский корпус. «Понеже при армии обретается из принятых в Польше несколько Волохов...»

Граф Миних после удачного опыта боевого применения легкой кавалерии в боях с турками и крымскими татарами выступил с инициативой «...что и впредь при выступлении армии за Днепр оных было при армии занятое число иметь..., что оные Волохи службу ревностно исполняли и с неприятелем надлежащим образом действовали...»⁵⁰ В 1738 г. по именному указу императрицы прибывшему из Молдавии князю Кантемиру было поручено возглавить «Волохский корпус», а также продолжить его формирование. Так как «...корпус призываем вновь на службу из тамошних народов, сколько возможно, приумножить, якоже при нынешнем военном времени и с таким неприятелем в легких войсках при армии не малая состоит нужда... и впредь в коликом числе целому полку быть...»⁵¹ По указу императрицы иностранцы, принимаемые на службу в полк, как офицеры, так и рядовые, должны были селиться в Малороссии, «к удовольствию и прокормлению» «удобной».

По первоначальному штату рядовых в полку было 400 чел., далее предполагалось развернуть полк до 1000 чел. в 10-ти ротах. В 1740 г. в полку насчитывалось 948 чел.⁵⁴ Офицерам полка включая командира расположение полка покидать запрещалось. От них требовалось еженедельно проводить занятия со своими

Штат Молдавского гусарского полка

№ п/п	Воинское звание / должность	Количество, чел.
1.	Полковников	1
2.	Подполковников	1
3.	Майоров	1
4.	Ротмистров	5
5.	Поручиков	10
6.	Прапорщиков	10
7.	Адъютантов	1
8.	Полковых попов	1
9.	Полковых писарей	1
10.	Ротных писарей	10
11.	Вахмистров	10
12.	Слесарей	1
13.	Полковых кузнецов	1
14.	Сдельников ⁵²	1
15.	Плотников	1
16.	Коновалов ⁵³	1
17.	Барабанщиков (по 2 в роте)	20 чел.
18.	Литаврщиков (по 2 в роте)	20 чел.
19.	Трубачей (по 2 в роте)	20 чел.
20.	Валторнистов (по 2 в роте)	20 чел.

солдатами по стрельбе в строю и на лошадях. В случае нехватки личного состава рассматривалась возможность доукомплектования полка малороссийскими казаками. Вооружение полка включало в себя у рядовых: фузеи со штыками, пистолеты, сабли и у половины личного состава — копыя, две пушки с полевыми ящиками и фурманами с картечью, ядрами и с канонирами. Форма одежды в полку должна была быть подобна гусарской, но отличаться цветом. Также в полку предписывалось иметь походную полковую церковь с соответствующей церковной утварью.

В 1739 г. по указу Военной коллегии жалование полку помимо суммы, определенной в штате, предписано было выплачивать и из доходов Малороссийской губернии. А с 27 апреля 1741 г. содержание полка переключивалось целиком на казну. Более того, по этому же указу все имущество, которое было приведено в негодность или утеряно во время войны, восстанавливалось за счет казны. Знамена в полку были: первое знамя с Государственным гербом, а все остальные — с молдавскими гербами⁵⁵. С 20 марта 1741 г. были введены единые штаты гусарских полков⁵⁶ (см. табл. 6).

Табл. 6

Штат гусарского полка 1741 г.

№ п/п	Воинское звание / должность	Количество, чел.	Сумма, р.
Полковой штаб			
1	Полковников	1	600
2	Подполковников	1	400
3	Майоров	1	300
Унтер-штаб			
1	Полковых квартирмистров	1	150
2	Адъютантов	1	100
3	Аудиторов или полковых писарей	1	100
4	Полковых обозных	1	100
5.	Попов	1	100
6.	Лекарей	1	180
7.	Литаврщиков	1	30
8.	Капельмейстеров	1	48
9.	Гобоистов	6	18
10.	Трубачей	2	18
Ротного прима плана штат			
1.	Капитанов	10	200
2.	Поручиков	10	130
3.	Прапорщиков	10	100

№ п/п	Воинское звание / должность	Количество, чел.	Сумма, р.
4.	Вахмистров	10	50
6.	Квартирмистров	10	50
7.	Капралов	40	30
8.	Цирюльников	10	18
9.	Барабанщиков	30	18
10.	Рядовых	1000	18
11.	Ротных писарей	10	30

Итого: 1160 чел.⁵⁷ Ведомость молдавского гусарского полка на 14 августа 1753 г. включала 495 чел.⁵⁸, а на 18 апреля 1754 г. — уже 963 чел., из них офицеров — 10 чел.⁵⁹

В тяжелейших условиях становления российской регулярной армии в эпоху Петра I и на протяжении всего XVIII столетия иностранцы и части, сформированные из них в составе российской армии, играли заметную роль. Привлечение на службу в российскую армию зарубежных военных специалистов было одним из аспектов успешного проведения военной реформы и создания регулярной армии нового типа. Это позволило Петру Алексеевичу в короткие сроки определить основные направления развития высокоэффективных, современных и боеспособных вооруженных сил, задать им вектор будущего развития и в конечном итоге создать одну из сильнейших армий мира, которая являлась важнейшим и одним из самых действенных инструментов внешней политики Российской империи. Благодаря формированию частей из иностранцев в российской армейской кавалерии смог появиться новый род войск — легкая регулярная кавалерия. Гусарские полки, сформированные в начале века из иностранцев, входили в состав российской армии до второй половины XVIII столетия, а в дальнейшем послужили основой формирования российских гусарских регулярных полков, служба которых проходила вплоть до начала Октябрьской социалистической революции.

¹ Леер Г.А. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1893. С. 3.

- ² Иванов И.А. Обзорение состава и устройства регулярной Русской кавалерии. СПб., 1864. С. 5.
- ³ Скалон Д.А. Исторический опыт комплектования вооруженных сил в России. Ч. I. К. I. О. I. СПб., 1902. С. 10.
- ⁴ Там же. С. 4.
- ⁵ ПСЗРИ. Т. IV. СПб., 1830. № 2519 от 19.02.1711 г. Штаты полков. С. 590–604.
- ⁶ Албанские команды направлялись как в русские, так и в иностранные части. — Прим. авт.
- ⁷ Белоруссия долгое время входила в состав Польского государства. — Прим. авт.
- ⁸ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Т. 1–2. 1742–1811.
- ⁹ Гришинский А. История русской армии и флота. М., 1911. С. 108.
- ¹⁰ Там же. С. 117.
- ¹¹ Кушеров И.Н. Русская военная сила. В. VI. М., 1889. С. 167.
- ¹² Иванов И.А. Обзорение состава и устройства регулярной Русской кавалерии. СПб., 1864. С. 37.
- ¹³ ПСЗРИ. Т. IV. СПб., 1830. № 2148 от 20.04.1707 г. С. 379–380.
- ¹⁴ Брикнер А.Г. Иллюстрированная история Петра Великого. СПб., 1903. Т. I. С. 147.
- ¹⁵ Иванов И.А. Обзорение состава и устройства регулярной Русской кавалерии. СПб., 1864. С. 38.
- ¹⁶ Куропаткина А.Н. Задачи русской армии. Т. I. СПб., 1910. С. 416.
- ¹⁷ Иванов И.А. Указ. соч. С. 38.
- ¹⁸ Там же. С. 159.
- ¹⁹ Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1853. Т. IV. С. 553.
- ²⁰ Иванов И.А. Указ. соч. С. 47.
- ²¹ ПСЗРИ. Т. X. № 7545, 7614. Т. XLIII. Ч. 1. СПб., 1830. Книга штатов № 7545, 8461.
- ²² РГВИА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1. Л. 483 об.
- ²³ ПСЗРИ. Т. VII. СПб., 1830. № 4138.
- ²⁴ Иванов И.А. Указ. соч. С. 38.
- ²⁵ Роты — Прим. авт.
- ²⁶ ПСЗРИ. Т. VII. № 4824; Т. IX. № 6473; Т. XLIII. Книга штатов к № 8461. С. 174.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1. Л. 6–6 об.
- ²⁸ ПСЗРИ. Т. XLIII. Ч. 1. СПб., 1830. Книга штатов № 8065. С. 252.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1. Л. 6–6 об.
- ³⁰ ПСЗРИ. Т. XLIII. Ч. 1. СПб., 1830. Книга штатов № 8065. С. 253.
- ³¹ РГВИА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1. Л. 42–65 об.
- ³² Военный энциклопедический лексикон. Т. IV. С. 553.
- ³³ РГВИА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1. Л. 298–299 об.
- ³⁴ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. IX. № 7026 от 5.08.1736 г. С. 896.
- ³⁵ Там же. Т. X. № 7614 от 04.07.1737 г. С. 562.
- ³⁶ РГВИА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1. Л. 394–395.
- ³⁷ ПСЗРИ. Т. XI. № 8377 от 11.05.1741 г. С. 416–417.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1. Л. 6–378.
- ³⁹ Там же. Л. 401–403.
- ⁴⁰ Там же. Л. 436–437.
- ⁴¹ ПСЗРИ. Т. XLIII. Ч. 1. СПб., 1830. Книга штатов к № 8065. С. 265.
- ⁴² РГВИА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1. Л. 483 об.

- ⁴³ ПСЗРИ. Т. XLIII. Ч. 1. СПб., 1830. Книга штатов к № 8065. С. 267.
- ⁴⁴ РГВИА. Ф. 10. Оп. 2/109. Д. 30. Л. 1–46.
- ⁴⁵ Там же. Л. 203.
- ⁴⁶ ПСЗРИ. Т. X. № 7545, 7614; Т. XLIII. Ч. 1. СПб., 1830. Книга штатов № 8461. С. 263.
- ⁴⁷ Там же. Т. XLIII. Ч. 1. Книга штатов. Ч. 1. СПб., 1830. № 8065. С. 255.
- ⁴⁸ Там же. С. 262.
- ⁴⁹ РГВИА. Ф. 10. Оп. 2/109. Д. 30. Л. 406.
- ⁵⁰ ПСЗРИ. Т. XLIII. Ч. 1. Книга штатов. Ч. 1. СПб., 1830. № 8065. С. 270.
- ⁵¹ Там же. С. 271.
- ⁵² Работник, разнорабочий — Прим. авт.
- ⁵³ Знахарь, лечащий лошадей — Прим. авт.
- ⁵⁴ Иванов П.А. Указ. соч. С. 60; ПСЗРИ. Т. XLIII. Ч. 1. Книга штатов к № 8461.
- ⁵⁵ ПСЗРИ. Т. XLIII. Ч. 1. СПб., 1830. Книга штатов № 8065. С. 271–277.
- ⁵⁶ Там же. Т. X. № 7545, 7614; Т. XLIII. Ч. 1. СПб., 1830. Книга штатов № 7545, 8461.
- ⁵⁷ Там же. Т. XLIII. Ч. 1. СПб., 1830. Книга штатов № 7545, 8461. С. 278–279.
- ⁵⁸ РГВИА. Ф. 10. Оп. 2/109. Д. 30. Л. 573.
- ⁵⁹ Там же. Л. 617.

*С.Н. Ковалев, А.Н. Щерба,
В.И. Мусаев (Санкт-Петербург)*

**ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ (СССР)
С ФИНЛЯНДИЕЙ В 1918–1944 ГОДАХ
(КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

СОВРЕМЕННЫЕ УСЛОВИЯ, характеризующиеся возросшим влиянием «новой» — объединенной Европы, обуславливают необходимость рассмотрения проблем отношений России и Финляндии в рамках широкой исторической ретроспективы. Анализ опыта российско-финляндских отношений позволяет характеризовать конкретные формы отношений сторон, причины возникновения и способы разрешения конфликтов между ними, а также имевшие место несовместимости целей России и Финляндии.

Известные бурные революционные события 1917 г., которые привели к выходу Финляндии из состава России, нашли отражение в исторических исследованиях в России и Финляндии, ставшей суверенным государством. Однако, историки двух стран по-разному оценивали их характер, ход и итоги. Это одна из причин того, что в отечественной литературе нет исследований, где бы предпринимались попытки провести анализ библиографии по различным проблемам сложных взаимоотношений России (СССР) и Финляндии с 1918 по 1944 гг., за исключением отдельных очень кратких указателей¹. Отметим, что в дореволюционной литературе подобное исследование было проведено М.М. Бородкиным². Отсутствие библиографического анализа, отчасти, имеет объективный характер, обусловленный тем, что до сих пор события данного исторического периода вызывают самые различные, порой диаметрально противоположные, оценки исследователей, что отражается в существующей библиографии³.

После обретения страной независимости правящая верхушка Финляндии начала целенаправленно проводить антисоветскую, антирусскую политику. Данная политика создавала основу для насаждения в финляндском обществе идей крайнего национализма. В стране начали создаваться националистические организации радикального толка, которые активно пропагандировали идеи о создании «Великой Финляндии» с включением в нее Восточной Карелии и ряда регионов северо-запада СССР. Они также инициировали различные провокации — в частности, вооруженные инциденты на границе.

Для установления истины в сложных взаимоотношениях России и Финляндии важное значение имеет изучение и анализ различных документальных источников того периода, увидевших свет в последнее время. В 2017 г. вышел из печати труд «Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. Сборник документов»⁴. В данном издании опубликованы многочисленные документы, рассказывающие о многих событиях в наиболее сложный и малоисследованный период взаимоотношений между Советской Россией и Финляндией, связанный с процессом выхода последней из состава России. Ряд документов показывают процесс формирования политических приоритетов правящей элиты, пришедшей к власти в Финляндии в период обретения независимости, которая, не всегда считаясь с коренными интересами государства, слепо ориентировалась на кайзеровскую Германию. Изучение документов, изложенных в сборнике, позволяет также понять истоки тех сложных противоречий, которые привели к острому вооруженному противостоянию между двумя соседними государствами в 20–30-х гг. XX в. и даже к известным военным столкновениям в конце 1930-х — начале 1940-х гг.

Особенности борьбы пророссийских сил за утверждение своего господства, в период Гражданской войны в Финляндии, изложены в книге одного из очевидцев тех событий — И.М. Петрова⁵, а также в сборнике статей, где опубликованы материалы, связанные с бурными революционными событиями в Финляндии⁶. Авторы объективно показывают причины поражения и значительную роль внешнеполитических факторов, обусловивших поражение пророссийских сил в Гражданской войне в Финляндии.

Важный сегмент информации, раскрывающих ряд скрытых факторов, существенно повлиявших на развитие взаимоотношений между Россией и Финляндией, освещается в книге

Э.П. Лайдинена и С.Г. Веригина⁷. Материалы данного исследования, показывают, что противостояние с советской Россией стало основным приоритетом политики правящих кругов Финляндии. Целенаправленная деятельность ее специальных служб, освещенная в книге, четко подтверждает это.

Несмотря на целый ряд мирных инициатив советского правительства, правящие круги Финляндии в своей политике начали ориентироваться на наиболее агрессивные круги Запада, которые были нацелены на жесткое противостояние и войну с Россией. Об этом, в частности, свидетельствует сближение с фашистской Германией — в частности, в области активного военно-технического сотрудничества.

Невосприимчивость к мирным предложениям советского правительства свидетельствовала о том, что правящие круги Финляндии поставили своей целью сформировать финляндское национальное самосознание, финляндскую государственную идею с четкой направленностью на цивилизационное противостояние со своим великим соседом — Советским Союзом.

Место Финляндии в военной истории России нельзя определить в полной мере без детального анализа развития ее вооруженных сил, которое имело ряд специфических черт⁸. Комплексный анализ роли и влияния России на становление и развитие армии и военно-морских сил Финляндии после обретения независимости изложены в монографии В.В. Никитина⁹. На основе значительного количества уникального фактического материала автор показывает, что кадровой основой армии и флота Финляндии стали бывшие офицеры старой Русской императорской армии и флота.

Драматические события, связанные с Советско-финляндской войной (1939–1940), а также с кровавым противостоянием в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда Финляндия участвовала в боевых действиях на стороне фашистской Германии, широко представлены в современной отечественной военно-исторической литературе. Многие из них до настоящего времени являются предметом острого информационного противоборства¹⁰.

Несмотря на огромный ущерб, нанесенный вторжением финляндских войск на нашу территорию, советское руководство пошло навстречу Финляндии. При этом преследовалась главная цель — осуществить коренные преобразования в Финляндии,

позволяющие трансформировать ее внутреннюю и внешнюю политику, чтобы твердо встать на путь установления долговременных добрососедских отношений со своим великим соседом — Советским Союзом.

Заключение перемирия между СССР и Финляндией имело историческое значение. Особую значимость это имело для Финляндии, так как ее экономика находилось в тяжелом положении. Это признавали и видные лидеры Финляндии. В частности, политики, возглавлявшие Финляндию — Ю.К. Паасикиви¹¹ и У.К. Кекконен, который писал: «Приятно отметить, что на прочном фундаменте Соглашения о перемирии и Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи воздвигнуто крепкое здание неподдельной дружбы, искреннего доверия и уважения»¹².

Ценным источником самых разнообразных сведений об истории российско-финляндских и советско-финляндских отношений служат материалы, издаваемые в ежегодном сборнике «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Статьи, публикуемые на его страницах, отличаются широким диапазоном, объективностью, глубиной, научностью, комплексным анализом всех существующих проблем и позволяют установить отдельные ценные события и факты, характеризующие место Финляндии в военной истории России¹³.

К сожалению, в среде известных финляндских историков в последнее время наблюдается устойчивое стремление внедрить в сознание и официальную историю такое представление об окончании Финляндией войны, как достижение «победы путем противодействия», что вызывает протест у объективных финляндских историков и выражается в критических публикациях в печати. Историк и известный журналист Эрки Сууси писал в этой связи: «Соглашение о перемирии положило начало независимой миролюбивой внешней политике нашей страны и началу создания добрососедства. На основе соглашения о перемирии всем финнам впервые в истории самостоятельной Финляндии обеспечивались права человека и гражданские свободы»¹⁴.

Рассмотрение историографии кануна и хода Советско-финляндской войны показывает, что оценки событий того периода носят противоречивый характер, зачастую отражая конъюнктурные подходы авторов, а не результаты объективного и комплексного рассмотрения совокупности всех факторов, влиявших на принятие решений как советским, так и финским руководством.

В отечественной историографии, до распада СССР, при описании причин возникновения Советско-финляндской войны указывалось в первую очередь на враждебную политику финских правящих кругов в отношении СССР, зависимость Финляндии от стран Запада (причем обоих противоборствующих блоков), назвавших ей роль «военного плацдарма империалистических государств»¹⁵, и, как следствие, четко поддерживалось мнение, что война была спровоцирована финской стороной. Вместе с тем отметим, что на фоне установления добрососедских отношений между Финляндией и СССР к концу 1950-х гг. к проблемам вооруженного противостояния обращались все реже. До 1980-х гг. позицию руководства СССР и внешнюю политику в конце 1930-х г., в том числе в отношении Финляндии, исследователи рассматривали в русле заданных установок¹⁶. Советско-финляндскую войну, как правило, называли «вооруженным конфликтом».

Вместе с тем реалии сегодняшнего дня подтверждают, что официальная оценка со стороны Советского Союза итогов войны, дававшаяся прежде всего через призму необходимости обеспечения безопасности Ленинграда¹⁷ и вошедшая в советскую историографию Второй мировой войны как общепринятая, носила объективный характер.

В то же время ряд политических деятелей, ученых и исследователей в своих работах обосновали положение о том, что Финляндия являлась сателлитом гитлеровской Германии¹⁸. Статьи О.В. Куусинена, как и статьи других авторов¹⁹, были полемически заострены против утверждений о наличии причинно-следственной связи между Советско-финляндской войной 1939–1940 гг. и решением финского руководства присоединиться к гитлеровскому «походу на Восток».

В финской историографии, собственно говоря как и в западной, в течение десятилетий после войны господствовала так называемая теория «бревна в стремительном потоке»²⁰, согласно которой Финляндия вступила в войну с СССР в 1941 г. в силу «советской угрозы», т.е. против своего желания, и лишь «прибегнула к помощи» нацистской Германии²¹. Эта концепция являлась общей для западной историографии периода «холодной войны», о чем свидетельствуют оценки и интерпретации, опубликованные как в немецкой, так и англоязычной послевоенной литературе²².

Со стороны отечественных ученых была подвергнута критике теория «сплавного бревна» и доказательства того, что

в 1940–1941 гг. существовала зависимость Финляндии от Германии²³. До завершения периода «перестройки» наиболее последовательное обоснование ложности этой теории было дано в трудах Н.И. Барышникова, В.Н. Барышникова, В.Г. Федорова²⁴.

В конце 1980-х гг. официально было признано существование секретного протокола к советско-германскому Договору о ненападении от 23 августа 1939 г. Это дало толчок к переоценке целого ряда событий конца 1930-х — 1941 гг., в том числе событий Советско-финляндской войны²⁵. Это послужило тому, что в период «перестройки» освещение в историко-публицистической литературе ранее закрытых для широкого обсуждения тем велось под несомненным влиянием общественно-политической ситуации. Всевозможные исторические «сенсации» и история в целом использовались в идеологической кампании по подрыву легитимности советского государства²⁶. Поверхностное изложение непростых и малоисследованных вопросов негативно сказывалось на качестве публиковавшихся материалов по теме исследования. В то же время специалисты-историки не могли предложить обществу основанные на непредвзятом изучении только что рассекреченных документов исследования, для этого требовалось время.

Авторы появившихся публикаций зачастую спешили удовлетворить интерес читающей публики к «белым пятнам» истории о ходе войны и событиях, предшествовавших ей²⁷. При этом именно в конце 1980-х гг. появились работы, в которых выдвигалось утверждение, что инициатива начала войны исходила от СССР.

Однако, как справедливо отметил В.Н. Барышников, тезис об экспансионистских целях руководства СССР в 1930-е гг. не основан на анализе советской внешней политики в 1920-х–1930-е гг. либо каких-то, ранее секретных, документах этого периода и тем более на подробном рассмотрении военно-политической обстановки и оценках вероятных сценариев ее развития²⁸.

Следует отметить, что противная точка зрения в первую очередь исходит из признания существования реальной военной угрозы для СССР в 1930-е гг., и озабоченность руководства СССР проблемой обеспечения и укрепления безопасности страны рассматривается как обоснованная. «Для Советского Союза ситуация вокруг Финляндии была тесно связана с проблемой безопасности СССР, особенно если учесть, что от нее до Ленинграда было всего 32 км, — указывает, например, академик

А.О. Чубарьян. — Руководство СССР постоянно беспокоила активность Германии в этой стране, а также тесные связи финской элиты с Великобританией и Францией»²⁹.

Таким образом, ревизионистская точка зрения, в первую очередь, была представлена в периодических изданиях конца 1980-х — первой половины 1990-х гг. Исторические исследования конца 1990-х и более позднего периода содержали более развернутое изложение обстоятельств, приведших к войне, учитывавшее целый ряд факторов, никак не сводимых исключительно к идеологической индоктринированности советского руководства.

Обоснованием заинтересованности руководства Советского Союза в первую очередь в обеспечении безопасности своих границ служит история переговоров СССР с Финляндией в 1939 г. История советско-финляндских переговоров 1938–1939 гг. подробно рассмотрена в работах В.Н. Барышникова, М.И. Мельтюхова, В.Я. Сиполса, А.О. Чубарьяна³⁰, А.В. Шубина и др. Как представляется, содержание переговоров свидетельствует о намерении Москвы добиться улучшения своих позиций на Балтике, и оккупация Финляндии не входила в намерения советского руководства³¹.

Отметим, что научная реконструкция причин советско-финляндского конфликта невозможна без учета общего фона европейской политики, оказывавшего существенное влияние на советско-финляндские отношения³².

Из отечественных исследователей изучением советско-финляндских отношений в рассматриваемый период наиболее плодотворно занимались Н.И. Барышников и его сын В.Н. Барышников, авторству которых принадлежит несколько монографий и большое количество статей по различным аспектам изучаемой тематики³³. В их работах использовано значительное количество документальных материалов, в том числе из финляндских архивов. Значительное место в этих работах занимает критика односторонних подходов к истории советско-финляндских отношений, прежде всего к характеристике обстоятельств участия Финляндии в войне против СССР в 1941–1944 гг. (традиционно именуемой в Финляндии «война-продолжение»), роли финских вооруженных сил в блокаде Ленинграда, личности главнокомандующего финской армией маршала К.Г. Маннергейма. В работах петрозаводских авторов

уделено внимание оккупационному режиму на занятых финскими войсками в 1941–1944 гг. территориях Советской Карелии, аргументированно опровергаются утверждения о «мягком» характере этого режима³⁴. Событий, связанных с советско-финляндским противостоением в 1939–1940 и 1941–1944 гг., касался и Л.В. Власов в своих биографических работах, посвященных К.Г. Маннергейму³⁵. В этих работах приведено немало интересных фактов биографии одного из ведущих военно-политических лидеров Финляндии. Следует, однако, заметить, что для автора характерна тенденция к идеализации образа маршала Финляндии, приписыванию ему ряда заслуг, которые ему никоим образом не принадлежали.

Историография событий периода 1939–1945 гг. в Финляндии весьма обширна. Различные авторы в разное время делали попытки проследить процесс сближения Финляндии с нацистской Германией в 1940–1941 гг. и вовлечения северной страны в военно-политические планы руководства Третьего рейха³⁶. Этим вопросам была посвящена также статья восточно-германского автора М. Менгера³⁷. В изданной несколько позже более крупной работе М. Менгер исследовал германо-финляндские отношения на всем протяжении Второй мировой войны³⁸. Проведенные этими авторами исследования свидетельствуют о том, что Финляндия в течение длительного времени готовилась, совместно с Германией, к участию в агрессивной войне против СССР, и демонстрируют несостоятельность тезиса о столь же «справедливом» и «оборонительном» характере войны для Финляндии в 1941–1944 гг., как и в «зимней» войне 1939–1940 гг. Известный финский историк О. Маннинен в своей книге «контуры Великой Финляндии» писал о планах высшего финляндского руководства, касавшихся присоединения к Финляндии обширных территорий к востоку от границы, что также свидетельствует против тезиса об отсутствии у Финляндии агрессивных устремлений в ходе войны 1941–1944 гг.

Еще один авторитетный финский исследователь — это Т. Полвинен, автор значительного количества трудов по истории Финляндии³⁹. Немалое место в его работах посвящено процессу поисков финляндским руководством возможности выхода из войны на стороне Германии, когда стало ясно, что продолжение союзнических отношений с Третьим рейхом грозит катастрофой. Внешнеполитический аспект процессов предвоенного и военного

периодов касательно Финляндии также находился в центре внимания англоязычного автора А. Мазура⁴⁰. Автор одним из первых указал на внешнеполитические обстоятельства останковки наступления финских войск осенью 1941 г., а также на заключение в 1944 г. формального союзного договора между Финляндией и Германией (при том, что в Финляндии делались попытки отрицать наличие такого соглашения).

Наконец, следует упомянуть работы еще одного финского исследователя — Х. Сеппяля, которому присуща историческая объективность. В отличие от ряда своих коллег, он не стремится завуалировать роль Финляндии в событиях 1941–1944 гг., прямо называя ее действия «агрессией» и «оккупацией»⁴¹. Впрочем, даже он не избежал тенденции к выискиванию неких «заслуг» финских войск и их главнокомандующего перед защитниками блокированного Ленинграда.

Результаты анализа историографии показывают, что в качестве основных причин, оказавших влияние на формирование сложившейся ситуации, следует назвать: 1) со стороны исследователей недостаточное понимание или отказ от объективного рассмотрения проблем военной безопасности на северо-западе СССР в условиях начавшейся Второй мировой войны; 2) закрытость части архивных материалов по данной проблеме; 3) заданность идеологических установок к исследованию рассматриваемых в труде вопросов.

Для преодоления указанных проблем необходимы целенаправленная и кропотливая работа, основанная не только на значительном объеме архивных материалов, но и на исключительно научных подходах.

¹ Финляндия (Краткий библиографический указатель) / Сост. С. Шубин. Кронштадт, 1944. 4 с.

² Финляндия в русской печати. Материалы для библиографии, собранные М. Бородкиным. СПб.: Гос. типография, 1902. 333 с.

³ Черняев В.Ю. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–45; Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. М.: Наука, 1975. 266 с.; Его же. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М.: Наука, 1967. 387 с.; Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л.: Облиздат, 1933. 230 с.; Саломаа Э. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на рабочее движение в Финляндии. М.: Политиздат, 1967. 94 с.; Песси В. Значение Октябрьской революции для самостоятельности Финляндии и развития освободительной борьбы рабочего класса / Пер. с финск. М.: Госполитиздат, 1957.

39 с.; Коронен М.М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л.: Лениздат, 1969. 224 с.; Кийскинен А.И. За десятилетия. Воспоминания. Из революционного прошлого Финляндии / Пер. с финск. Петрозаводск: Госиздат Карельской АССР, 1958. 264 с.; Кетола Э. Русская революция и независимость Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / Ред. В.Ю. Черняев. СПб.: Глагол, 1994. С. 294–307; Викстрем У.К. Отто Вилле Куусинен. Документальная повесть / Пер. с финск. Петрозаводск: Изд. Карелия, 1974. 174 с.; Кейскинен У.К. За десятилетия. Воспоминания [из революционного прошлого Финляндии] / Пер. с финлянд. Петрозаводск, Госиздат Карельской АССР, 1958. 264 с.; Свечников М. Революция и Гражданская война в Финляндии, 1917–1918 (Воспоминания и материалы). М. – Петроград: Госиздат, 1923. 112 с.; Сюкияйнен И.И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1962. 312 с.; Его же. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях 1918–1920 гг. Петрозаводск: Гос. издательство Карело-Финской АССР, 1948. 68 с.

⁴ Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. Сб. док. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 502 с.

⁵ Петров И.М. Красные финны. Воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1973. 239 с.

⁶ Финляндская революция. Сб. статей. М.: Госиздат, 1920. 116 с.

⁷ Лайдинен Э.П., Веригин С.Г. Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск: Изд. «Компания РИФ», 2004. 294 с.

⁸ Финская армия. Издание разведывательного отдела РВС Северного фронта. Январь 1919 года. Изд. Тип. № 2 Ярославского губернского исполнительного комитета, 1919. 150 с.; Финляндия. Обзор вооруженных сил по состоянию к 1 июня 1921 года. Материалы стратегической разведки. М.: Издание разведывательного управления штаба РККА, 1921. 152 с.; Финляндия. Состояние вооруженных сил на 1 июля 1921 года. Периодический обзор Разведывательного управления РККА. М.: Издание разведывательного управления штаба РККА, 1921. 34 с.; Финляндия. Краткий справочник по вооруженным силам. М.: Изд. 5-го упр. РККА, 1939. 78 с.

⁹ Никитин В.В. Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб.: «ИЦ «Остров», 2017. 368 с.

¹⁰ Принимай нас, Суоми – красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. Сб. док. и фотоматериалов. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: «Остров», 2004. 308 с.; Из истории Советско-финляндской войны 1939–1940: Библиографическая справка (Центральная военно-морская библиотека) / Сост. О.В. Яковлева. СПб.: ЦВМБ, 2004. 3 с.; Йокиппи М. Финляндия на пути к войне. Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. / Пер. Л.В. Суни. Петрозаводск: Карелия, 1999. 370 с.; Никифоров Н.И. Незнаменитая война // Ориентир. 2014. № 11. С. 63–68; Барышников Н.И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб.: изд. СЗАГС, 2007. 176 с.; Ингульская Л.А. В борьбе за демократизацию Финляндии (1944–1948). М.: Наука, 1972. 279 с.; Парккари Н. Это было в Финляндии. 1940–1944. Воспоминания / Пер. с финск. Петрозаводск: Госиздат Карельской АССР, 1959. 170 с.; Широкопад А.Б. Три войны «Великой Финляндии». М.: Вече, 2007.

384 с.; Мерецков К.А. На службе народу. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1988. 446 с.; Барышников Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944 гг. СПб.; Хельсинки: Вексман Institute, 2002. 300 с.; Барышников Н.И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб.: Изд. СЗАГС, 2007. 176 с.; Его же. Финляндия во второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. 334 с.; Мировая война 1939–1945 годы. Сб. статей / Пер. с нем. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. 538 с.

¹¹ Паасикиви Ю.К. Линия Паасикиви. Статьи и речи 1944–1956 / Пер. с финск. М.: Иностранная литература, 1958. 314 с.

¹² Барышников Н.И. Указ. соч вернуть. С. 93.

¹³ Дубровская Е.Ю. Национальные вооруженные формирования в Карелии в годы Гражданской войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Одиннадцатой ежегодн. научн. конф. (1–2 апреля 2009 г.) / Под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб.: РХГА, 2010. 352 с.; Барышников Н.И. К 90-летию гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой ежегодн. научн. конф. СПб.: РХГИ, 2009. 448 с.; Мусаев В.И. Петроград как центр «красной» финской эмиграции (1918–1920) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Тринадцатой ежегодн. научн. конф. СПб.: РХГИ, 2012. 392 с.; Смолин А.В. Первая советско-финляндская война 1918–1920 гг.: историографический миф или реальность // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Десятой ежегодн. научн. конф.; Дубровская Е.Ю. Гражданская война и иностранная интервенция на Русском Севере в памяти населения Карелии (1920–1930-е гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Девятой ежегодн. междунаrodn. научн. конф. СПб.: РХГИ, 2008. 319 с.; Лобанова Д.Р. Социальные последствия Гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Шестнадцатой ежегодн. Междунаrodn. научн. конф. СПб.: РХГИ, 2015. 295 с.; Мусаев В.И. Финляндская независимость и «дерусификация» Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой ежегодн. научн. конф.; Дубровская Е.Ю. Подготовка ухтинского съезда представителей северокарельских волостей в 1920 году: образы времени в документах карельского национального движения // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Двенадцатой ежегодн. научн. конф. СПб.: РХГИ, 2011. 408 с.

¹⁴ Барышников Н.И. Указ. соч. С. 95.

¹⁵ См., напр.: Амбарцумов Е.А. Советско-финляндские отношения. М., 1956; Федоров В.Г. Финляндия и империалистические державы накануне Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1964. № 6; и др.

¹⁶ Амбарцумов Е.А. Советско-финляндские отношения. М., 1956; Федоров В.Г. Финляндия и империалистические державы накануне мировой войны // Новая и новейшая история. 1964. № 6; Бартеньев Т., Комиссаров Ю. Тридцать лет добрососедства. М., 1976; Похлебкин В.В. СССР — Финляндия. 260 лет отношений (1713–1973). М., 1975. Обзор советской историографии см.: Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне. СПб., 1997. С. 39–41.

¹⁷ Внешняя политика правительства // Правда. 1940. 30 марта.

¹⁸ Куусинен О. Финляндия — вассал гитлеровской Германии: стенограмма публичной лекции. М., 1944; Куусинен О. Что раскрыл процесс финских сообщников Гитлера // Новое время. 1946. № 3 (О.В. Куусинен — председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР в 1949–1956 гг.).

¹⁹ Ильинский Я.С. Финляндия. М., 1947; Рысаков П. Советско-финляндские отношения. М., 1948; Архипов Д.И. Финляндия. М., 1952.

²⁰ Это выражение было заимствовано финскими историками из мемуаров германского посланника В. Блюхера, писавшего, что «Финляндия попала в круговорот большой политики, подобно сплавному бревну, оказавшемуся во власти бурной финской реки». Цит. по: Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2005. С. 37.

²¹ Обзор финской историографии по этому вопросу см.: Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2005. С. 35–55.

²² «Финляндии пришлось объявить войну Советскому Союзу» 26 июня 1941 г. после «агрессивных действий русских» — пишет, например, автор одного из наиболее серьезных на Западе трудов по военно-морской тематике Ю. Майстер. См.: Майстер Ю. Восточный фронт. Война на море 1941–1945 гг. / Пер. с нем. М., 2005. С. 47. (Первое издание этой книги увидело свет в 1957 г.).

²³ Суни Л.В. Начало германо-финского сближения // Вопросы истории. Петрозаводск, 1970; Вайну Х.М. Буржуазная и социал-демократическая историография о внешней политике Финляндии во время Второй мировой войны // Скандинавский сборник. XXVIII. Таллин, 1983; Его же. Финляндия в плане «Барбаросса». Автореф. дисс... к. и. н. М., 1973.

²⁴ Барышников Н.И. На защите Ленинграда. Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы Второй мировой войны. Л., 1978; Барышников Н.И., Барышников В.Н. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1985; Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989.

²⁵ Вопросы истории. 1993. № 2. С. 178.

²⁶ Некоторые исследователи так характеризуют этот период: «Среди исследователей в первой половине 90-х годов укрепились штатные идеологи и пропагандисты либерализма, прибегавшие к замаскированному под науку шарлатанству с целью огульного очернения и поругания советской истории» (Историография сталинизма / Сб. статей под ред. Н.А. Симония. М., 2007. С. 8).

²⁷ Барышников В.Н. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4; Носков А. Незнаменитая война // Красная звезда. 1989. 30 ноября; Орлов А.С. Можно ли было избежать конфликта? // Родина. 1989. № 8; Петров В. Была такая война // Аргументы и факты. 1988. № 39; Семиряга М.И. На той войне незнаменитой // Выборгский коммунист. 1989. 29, 30 ноября; Чудаков М. Реквием карельских болот // Комсомольская правда. 1989. 12, 14 ноября; и др.

²⁸ Барышников В.Н. Изучение советско-финляндской войны в отечественной историографии XX века // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сб. статей. СПб., 2006.

²⁹ Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. М., 2008. С. 186; См. также: Барышников В.Н. Безопасность Ленинграда: к вопросу о времени принятия в Москве решения о начале войны против Финляндии // Университетские Петербургские чтения. СПб., 2003. С. 275; Носков А. Война, которой могло не быть? // Труд. 1989. 30 ноября. С. 4.

³⁰ «Советские требования, — обращает внимание А.О. Чубарьян, — имели длительное историческое прошлое. Например, накануне Первой мировой войны российский Генеральный штаб подготовил меморандум, где угроза нападения

Германии с использованием территории Финляндии охарактеризована примерно так же, как она виделась спустя четверть века Сталину и Генштабу Красной Армии. В 1920 г. во время переговоров о заключении Тартуского мира советская делегация просила финнов уступить часть территории на Карельском перешейке к северу от Ленинграда и некоторые острова в Финском заливе». Приводится по: Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. М., 2008. С. 188–189.

³¹ Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 187–188.

³² См., напр.: Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 30–33; Барышников В.Н. СССР и Финляндия в 1920–1930-е годы: к проблеме начала «зимней войны» // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сб. статей. СПб., 2006. С. 12; Мельгюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939–1941 гг. М., 2002. С. 120–121; От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1940 гг.: Сб. статей. СПб., 2006. С. 170; Христофоров В.С. Исторические уроки Зимней войны // Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. М., 2009. С. 50.

³³ Барышников Н.И., Барышников В.Н. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1985; Барышников В.Н. От прохладного мира к Зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е гг. СПб., 1997; Барышников Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб.; Хельсинки, 2002; Барышников Н.И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007; Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну 1940–1941. СПб., 2008.

³⁴ Макуров В.Г. Военная летопись Карелии, 1941–1945. Петрозаводск, 1999; Волоковых А.А., Макуров В.Г. Оккупационный режим на территории Карелии. Партизанское движение в Карелии и Заполярье в 1941–1944 годах // Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. СПб., 2005.

³⁵ Власов Л.В. Маннергейм. Серия ЖЗЛ. М., 2005; Власов Л.В. Долгий путь финского маршала. СПб., 2010.

³⁶ Korhonen A. Barbarossa-suunnitelma ja Suomi: Jatkosodan synty. Helsinki, 1961; Björkman L. Suomen tie sotaan 1940–41. Helsinki, 1975; Jokipii M. Jatkosodan synty: Tutkimuksia Saksan ja Suomen sotilaallisesta yhteistyöstä 1940/41. Helsinki, 1987.

³⁷ Menger M. Die Einbeziehung Finnlands in den antisowjetischen Kriegskurs 1940/41 // Jahrbuch für Geschichte. Band 24. Berlin, 1981.

³⁸ Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988.

³⁹ Polvinen T. Suomi suurvaltojen politiikassa 1941–1944. Helsinki — Porvoo, 1964; Polvinen T. Barbarossasta Teheraniin. Helsinki — Porvoo, 1979; Polvinen T. Teheranista Jaltaan. Helsinki — Porvoo, 1980.

⁴⁰ Mazour A.G. Finland between East and West. Princeton, N. J., 1956

⁴¹ Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. Helsinki — Porvoo, 1969; Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Helsinki — Porvoo, 1984; Seppälä H. Suomi miehittäjänä 1941–1944. Helsinki — Porvoo, 1989; Seppälä H. Leningradin saarto 1941 — 1944. Myrhenäyttelmän sävyttämä voitto. Helsinki — Pietari, 2003.

М.Б. Кративенцева (Тула)

ЛИЧНЫЙ ФОНД ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНИКА А.Д. ИВАНОВА В ТУЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ОРУЖИЯ

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ ИВАНОВ (1881–1967) — незаурядное явление в истории тульского оружейного дела. Изобретательские и педагогические способности, творческое мышление, упорство и трудолюбие позволили ему решать сложные задачи по организации как производства оружия, так и деятельности учебных заведений по подготовке кадров для оборонной промышленности. Его имя неразрывно связано с историей Тульского оружейного завода (далее — ТОЗ), Центрального конструкторского исследовательского бюро спортивного и охотничьего оружия, а также профессионально-технического образования Тулы (ил. 1).

Жизненный и творческий путь А.Д. Иванова неоднократно привлекал внимание исследователей: сведения о нем представлены в обобщающих работах по истории ТОЗ, Тульского артиллерийского инженерного института¹, краеведческих и оружейно-ведческих работах². Оружейнику посвящен и отдельный биографический очерк «Мастер тульского оружия»³. Данные издания в значительной степени основаны на материалах из собрания Тульского государственного музея оружия (далее — ТГМО). В связи с этим личный фонд А.Д. Иванова представляет интерес не только как источник сведений о конкретном тульском оружейнике, но и для изучения истории оружейной промышленности в Туле в 20–60-е гг. XX в.

Личный фонд А.Д. Иванова можно условно разделить на несколько групп. К первой относятся биографические документы; ко второй — источники, связанные с изобретательской, преподавательской деятельностью, организацией выпуска охотничьего

оружия в Туле, коллекция фотографий; третья включает мемориальные предметы и фиксирует результаты изучения наследия А.Д. Иванова.

Хронологические границы документов личного происхождения охватывают период с 1889 по 1962 гг.

Достоверно известно о способе и точном времени поступления в ТГМО только личных вещей А.Д. Иванова: в 1968 г. дочерью Галиной были переданы принадлежавшие ему два охотничьих ружья, а в 1978 г. — награды. С большой долей вероятности можно предположить, что основная масса документальных материалов и печатных изданий фонда поступила одновременно с ними. Но, возможно,

они были переданы ранее или самим А.Д. Ивановым, или с ТОЗ, в составе которого находился музей. Отсутствие источников поступления свидетельствует о стихийности формирования данного фонда.

В ТГМО отложились только основные официальные документы А.Д. Иванова (трудовая и орденская книжки, дипломы, приказы, послужные списки, наградные документы и т. д.), его наиболее значимые теоретические работы и значительное количество черновых материалов к ним. Маловероятно, что оружейник ставил целью специально сохранять так или иначе связанные с его именем и деятельностью материалы и формировать мемориальный архив.

А.Д. Иванов родился в 1881 г. в д. Кондрово Калужской обл. По окончании двухклассного училища стал работать на бумажной фабрике, а в 1896 г. переехал в Тулу и поступил на ТОЗ станочником. В 1897 г., отлично выдержав вступительные экзамены, он начал учиться в Тульской оружейной школе (далее — ТОШ),

Ил. 1. Александр Дмитриевич Иванов

Сведения

о успеваемости ученика Тульской Оружейной Школы
Младшего класса. Иванова Александра
за 1898 — 1899 учебн. год

Предметы	Арифметика	Русский язык	История	География	Рисование	Математика	Натуральный язык	Чтение	
	Точка	Длина	Длина	Длина	Длина	Длина	Длина	Длина	
Иванова	11.	11.	11.	10.	9	10.	9	10	1.

Курсовая в среднем классе с наградами — 4-й
Присвоена звание отличника за 9-10 семестры.

Участвовал в Тульской
Оружейной Школе, Начальник Стрелков

Награжден за успехи,
М. Каминский

Ил. 2. Сведения об успехах ученика младшего класса Тульской оружейной школы А. Иванова за 1898–1899 учебный год. 1899 г.

готовившей отвечавших за состояние, ремонт и учет оружия в войсках оружейных мастеров⁴.

Самый ранний из хранящихся документов в ТГМО — «Сведения об успехах ученика Тульской оружейной школы младшего класса Иванова А.Д. за 1898–1899 учебный год»⁵ (ил. 2). По окончании учебного года Александру было вручено раритетное издание — «Пушкинский сборник», выпущенный в 1899 г. типографией А.С. Суворина, с памятной надписью: «Ученику Младшего класса Тульской Оружейной Школы Иванову Александру за отличные успехи в науках и мастерствах и примерное поведение. Августа «31» дня 1899 года», подписанный начальником школы В.С. Страховым⁶.

В 1902 г. по окончании ТОШ А.Д. Иванов получил звание оружейного мастера 2-го разряда и отбыл для прохождения обязательной службы в 80-й пехотный Кабардинский генерал-фельдмаршала князя Бярятинского полк, расквартированный в г. Александрополе⁷. Спустя 4 года он поступил в тот же полк

вольнонаемным оружейным мастером, а вскоре был назначен заведующим полковым оружием и произведен в коллежские регистраторы.

О пребывании А.Д. Иванова на фронте во время Первой мировой войны также свидетельствуют следующие документы из фонда музея. Его боевой путь отражен в послужных списках, содержащих записи о службе и участии в боях в 1914–1915 гг. на Кавказском и в 1916–1917 гг. на Юго-Западном фронтах, о боевых наградах — ордене св. Анны II и III степеней и ордене св. Станислава II степени⁸. Не менее важными являются воспоминания оружейника о данных событиях. В них отсутствует описание собственного участия в боевых действиях и оценка А.Д. Ивановым происходящего, но приведены сведения о перемещении полка на саракамышско-арзерумском направлении, а также значительное количество фактов из повседневной жизни и особенности ведения войны турецкими войсками. Так, А.Д. Иванов описывает опасность возможного покушения на Николая II во время вручения наград в горном селении Соганлуг⁹. Сохранился и принадлежавший А.Д. Иванову журнал «Заря» за 1915 г., на страницах которого размещен фоторепортаж с Турецкого фронта, в том числе из-под Саракамыша¹⁰.

Страницу истории общественно-политической деятельности А.Д. Иванова открывает редкая фотография участников I-го Всероссийского съезда делегатов оружейных мастеров, состоявшегося в Туле в июле 1917 г.¹¹, на который он был делегирован военно-революционным комитетом полка (ил. 3). Некоторые исследователи называют Александра Дмитриевича инициатором созыва съезда — для обсуждения вопроса о реформе оружейной школы, направленной на поднятие уровня подготовки учащихся, а также вопроса об улучшении материального положения выпускников¹². А.Д. Иванов был избран товарищем председателя съезда, членом Центрального исполнительного комитета вновь образованного профессионального объединения оружейников — Всероссийского союза оружейных техников артиллерийского ведомства. Главной целью Союза было содействие профессиональному развитию, улучшение материального и правового положения оружейных техников артиллерийского ведомства¹³. А.Д. Иванов возглавлял его отделение при Главном артиллерийском управлении. В музее хранится текст речи А.Д. Иванова на заседании генералитета Временного правительства, в которой он указал на беспорядки

Ил. 3. Первый Всероссийский Съезд делегатов оружейных мастеров в Туле 1 июля 1917 г.

выпускников оружейных школ, плохое материальное положение, отсутствие возможностей для творческих инициатив¹⁴.

Воинская служба А.Д. Иванова закончилась в мае 1918 г., когда после участия в работе ликвидационной комиссии Кабардинского пехотного полка он вернулся в Тулу, где навсегда посвятил себя оружейному производству. В октябре 1918 г. он был зачислен штатным военнослужащим и преподавателем ТОШ, а уже в ноябре вступил во временное исполнение обязанностей ее начальника и занялся насущными проблемами школы, вызванными несоответствием Положения об оружейной школе (1869) современной действительности¹⁵. В своем первом приказе, изданном в новом статусе, А.Д. Иванов обратил внимание учителей и курсантов на необходимость активного участия в улучшении подготовки оружейников — в частности, призывал прекратить «непосещаемость, безделье, пренебрежение к обязанностям»¹⁶.

После преобразования ТОШ в оружейно-технические курсы РККА в 1919 г. А.Д. Иванов был назначен заведующим их оружейно-технической частью, совмещая эту должность с преподаванием теории огнестрельного и автоматического оружия¹⁷.

В 1920 г. распоряжением Главного артиллерийского управления он был переведен на ТОЗ дежурным техником¹⁸. Это понижение в должности большинство исследователей объясняют тем,

что в условиях восстановления производства послевоенных лет и перестройки предприятия на выпуск гражданской продукции опыт и знания А.Д. Иванова оказались более востребованы на заводе, где он был назначен заместителем заведующего, заведующим коробочной мастерской, а в 1921 г. по совместительству стал заведующим школой фабрично-заводского ученичества — первым в советский период профессиональным техническим учебным заведением в Туле¹⁹.

В 1924 г. на основе анализа потребностей охотников СССР и ассортимента производимой в Туле продукции А.Д. Иванов выступил с программой мероприятий по восстановлению производства охотничьего оружия на ТОЗ и повышению спроса на него²⁰. Интересно, что он подверг критике популярные производимые заводом модели ружей Фролова и Кочетова. В начале 1925 г. его назначили заведующим охотничьей мастерской и освободили от заведования школой ФЗУ²¹.

В дальнейшем вся деятельность А.Д. Иванова была связана с производством охотничьего и спортивного оружия. С 1930 г. он техник по планированию, по установке производства²². Принимал участие в изготовлении памятных образцов: в 1923 г. — ружья в подарок В.И. Ленину, а в 1934 г. под его руководством было создано несколько ружей для Всесоюзной промышленной выставки²³.

Во время работы на ТОЗ в полной мере проявились творческие способности А.Д. Иванова. Его исследования в личном архиве представлены статьями и изданиями, списками работ и изобретений, рецензиями на научные труды (в черновом или печатном вариантах). Несмотря на крайне лаконичный характер сохранившейся в документах информации, они позволяют судить о значительной работе А.Д. Иванова по обобщению своего практического опыта.

Несомненный интерес для исследователей истории оружейных технологий представляет брошюра «Правка ружейных стволов», которая была издана в 1928 г. тиражом в 1000 экземпляров и долгое время оставалась настольной обучающей книгой для представителей квалифицированной оружейной специальности — правщиков²⁴. В ней он первым в СССР разработал методику правки стволов при изготовлении охотничьих ружей, подтвержденную практикой. О значимости данной работы свидетельствуют полученные ею оценки, в частности от военного

Ил. 4. Н.С. Хрущев со старейшими оружейниками В.Б. Соколовым, Ю.Д. Бабковым, А.Д. Ивановым, И.С. Федосеевым (слева направо) во время посещения Тульского оружейного завода. 1959 г.

инженера-технолога Б.И. Каневского, утверждавшего, что она позволит унифицировать и контролировать труд мастеров-правщиков и тем самым оптимизировать производство. Известный ученый-орнитолог, основатель советской школы охотоведения, автор в области охотничьего законодательства С.А. Бутурлин отмечал: «В этой небольшой книжке сжато, но вполне изложены теория и практика выпрямления погнутостей в гладких и нарезных стволах по теневым треугольникам их каналов... Книга эта поэтому является чрезвычайно полезной для охотников-оружейников и всех лиц, так или иначе соприкасающихся с оружием»²⁵.

Впоследствии А.Д. Иванов продолжил заниматься публицистикой. Его мнения по актуальным вопросам конструкции и применения современных ему охотничьих ружей публиковались на страницах популярных изданий (журналы «Уральский охотник», «Охота и охотничье хозяйство», «Охотник»)²⁶. В 1957 г. в статье «За точность информации» указывал на необходимость давать охотникам и читателям разъяснения и достоверные сведения о достижениях конструкторской мысли²⁷.

Рационализаторскую и изобретательскую деятельность А.Д. Иванова демонстрируют сохранившиеся в собрании ТГМО документы, отражающие основные разработки конструктора. Среди них вызывают интерес патентная грамота на охотничье

двустольное ружье²⁸, изобретение вкладного ствола для стрельбы из охотничьих гладкоствольных ружей, переконструирование прибора «Барклай», изменение контура коробки ружья модели Б и усовершенствование способа ее обработки, новая конструкция скобы ружья МБ, изменение рычага экстрактора для двустольных ружей и многие другие²⁹. С 1938 г. А.Д. Иванов — член Всесоюзного общества изобретателей. Кроме охотничьего оружия, оружейник занимался и другими направлениями, доказательством чему служит сконструированный им пулеуловитель для стрельбищ.

В 1933 г. А.Д. Иванов принял участие в намеченной правительством программе строительства специального завода для производства охотничьих ружей. Его авторитет в данной области отмечал С.А. Бутурлин, являвшийся в то время председателем Комиссии по охотвооружению при Высшем совете физической культуры СССР: «...Мнение как мое, так и других членов комиссии, что более знающего и опытного советчика для этой работы, чем Вы, мы не найдем.... Покорнейше просим Вас сообщить Ваши соображения»³⁰. В короткий срок Александр Дмитриевич сделал проектный расчет на постройку и оборудование завода, который предусматривал и его возможный быстрый перевод на выпуск боевых винтовок.

В 1935 г. из-за ложных обвинений во вредительстве и «разложении оружейного производства» А.Д. Иванов был арестован, и, несмотря на снятие обвинения, уволен с ТОЗ³¹, после чего он устроился на завод им. Крыленко, производивший замочно-скобяные изделия, где работал техником-технологом, заместителем начальника технического отдела, руководителем конструкторско-технологической группы. Летом 1939 г. он поступил на фабрику охотничьих ружей промыслово-кооперативной артели им. Володарского начальником технического отдела.

Известно, что с 1943 г. А.Д. Иванов трудился на Климовском патронном заводе № 711 в должности начальника бюро рационализации и изобретательства, а также центрально-измерительной лаборатории³².

В 1946 г. Александр Дмитриевич вернулся на ТОЗ, так как там было создано Центральное конструкторское исследовательское бюро (ЦКИБ). Как опытному мастеру ему поручили возглавить исследовательский отдел, затем он руководил испытаниями опытных образцов и стал первым инспектором качества

Ил. 5. А.Д. Иванов с учеником в тульской Школе оружейного мастерства. 1950-е гг.

выпускаемых охотничьих ружей.

Особо следует отметить значимую роль этого замечательного специалиста в подготовке оружейных кадров в Туле. Его преподавательская и административная работа в сфере профессионального обучения осуществлялись практически непрерывно: в 1918–1923 гг. — преподаватель ТОШ; в 1920 г. — организатор обучения ремеслам молодежи коробочной мастерской; в 1921–1926 гг. — заведующий школой ФЗУ, преподаватель технологии металлов; в

1926–1935 гг. — заведующий учебной частью комбината рабочего образования; в 1935–1938 гг. — преподаватель курсов мастеров при отделе мобилизации и труда Тулы; в 1938–1941 гг. — преподаватель на заводе замочно-скобяных изделий и в артели им. Володарского; в 1943–1946 гг. — инструктор лекального дела Климовского патронного завода № 711 и курсов повышения квалификации; в 1946–1952 гг. — преподаватель материальной части учебно-экспериментального цеха ЦКИБ³³. В начале 1959 г. А.Д. Иванов был назначен временно исполняющим обязанности начальника учебного цеха для подготовки оружейников высокой квалификации ЦКИБ СОО, выделившегося из состава ТОЗ в 1959 г.³⁴, но проработал в этой должности всего год до ухода на пенсию по старости.

Статьи А.Д. Иванова, основанные на богатейшем опыте его наблюдений и практической работе, были рекомендованы Главным управлением профессионального образования для школ РСФСР.

«Кубик или плитка?», «Шаблон», брошюры «Методика слесарного ремесла», «Методика токарного ремесла», «Памятка слесаря» и другие материалы способствовали передаче мастерства новому поколению оружейников³⁵. В сборнике учебных планов, программ, методических советов и отчетно-статистического материала «Фабрично-заводское ученичество в металлопромышленности» указывалось, что из всех привлеченных к его созданию провинциальных школ активное участие приняла лишь тульская, которая «в лице заведующего школой тов. Иванова дала весьма ценный материал»³⁶.

О вкладе Александра Дмитриевича в разработку методики преподавания оружейного дела свидетельствует и составленная им в 1943 г. программа обучения лекальному делу, которая благодаря грамотному распределению времени, соотношению теории и практики позволяла максимально эффективно готовить кадры в сжатые сроки³⁷.

Оружейник являлся также членом культурно-просветительного комитета ТОЗ, который был сформирован в 1917 г. из представителей всех подразделений завода и взял на себя функции организации культурной жизни трудящихся, повышения их образовательного уровня и воспитания³⁸.

Материалы личного фонда достаточно широко представляют как профессиональную деятельность А.Д. Иванова, так и увлечения оружейника. Так, интересен его снимок на охоте еще во время прохождения военной службы в местечке Каракилис в Армении³⁹.

Из вещественных памятников в ТГМО представлены два охотничьих двуствольных ружья А.Д. Иванова: модели Б (ТГМО КП-3605) и модели БМ (ТГМО КП-3606). Последнее было преподнесено ему в день его 78-летия коллегами из ЦКИБ СОО в память о совместной работе. Также в музее хранятся награды оружейника: орден «Знак Почета», медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», нагрудный знак «Отличник профессионально-технического образования РСФСР», почетные грамоты и поздравительные адреса.

Из публикаций об А.Д. Иванове особо следует отметить машинописный, предположительно черновой, материал очерка В.Г. Тижанина с дарственной надписью музею оружия. В отличие от изданного тремя годами позднее, в нем приведено большее количество фактов, с акцентом на ранний период жизни. Как

Ил. 6. А.Д. Иванов на охоте. Окрестности ст. Каракилис Закавказской железной дороги. 1904 г.

отмечает автор, очерк написан на основе документов и личных бесед с оружейником⁴⁰.

Признанием вклада А.Д. Иванова в развитие оружейного дела является также путеводитель по Артиллерийскому историческому музею — экземпляр с дарственной надписью сотрудника музея, а в 1930-е гг. представителя Государственного оружейного пулеметного треста «Руж» И.А. Глотова: «Уважаемому А.Д. Иванову, старейшему тульскому оружейнику, ветерану в области охоторужия — на память от И.А. Глотова. 24.5.56 г.»⁴¹.

Таким образом, личный фонд А.Д. Иванова, несмотря на разрозненность представленных в нем документов, позволяет в полной мере охарактеризовать творческий путь этого известного специалиста в области российского оружейного производства и соответствующего профессионального обучения.

¹ История Тульского оружейного завода: 1712–1972 / Отв. ред. З.П. Козырева. М., 1973. С. 182; Мы — с Тульского оружейного. ТОЗу — 275 лет / Сост. Г.М. Чуднов, Г.Н. Губанова. Тула: Приокское книжное издательство, 1987. С. 230; Тульский оружейный завод. От Петровских времен до наших дней. Тула, «Свямия», 2012. С. 115; Тульский артиллерийский инженерный институт. 135 лет: исторический очерк. Ч. 1. Тульская оружейная школа (1869–1919) / Тул. арт. инженер. ин-т.

Тула: Гриф и К, 2004. С. 26–27; От оружейного мастера до артиллерийского инженера. Краткий исторический очерк о Тульском высшем артиллерийском ордена Ленина училище имени Тульского пролетариата (учебное пособие). Тула, 1975. С. 11–13.

² Повсеместно он был узнаваем: Александр Дмитриевич Иванов. 1881–1967 // Ходулин В.Г. По призванию — туляки: популярные очерки о тех, кому город обязан своей славой / В.Г. Ходулин. Тула: Гриф и К, 2006. С. 149–154; Тульский биографический словарь. Т.1 / Под ред. В.И. Крутикова. Тула: Пересвет, 1996. С. 227–228; Записки коллекционера / И. Карклиныш // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2013. № 9. С. 48–54.

³ Тижанин В.Г., Щеглов С.Л. Мастер тульского оружия. Тула: Приок. кн. изд-во, 1969. 61 с.

⁴ Копия автобиографии Иванова А.Д. // Архив ТГМО. Л. 1.

⁵ ТГМО КП-2-20466. Сведения об успехах ученика Тульской оружейной школы младшего класса Иванова А.Д. за 1898–1899 учебный год. Россия. г. Тула. 1899 г.

⁶ ТГМО КП-2-21277. Книга. Пушкинский сборник. 1799–1899. Россия. г. Санкт-Петербург. Типография А.С. Суворина, Паровая переплетная Н.В. Гаевского, 1899 г.

⁷ ТГМО КП-2-20545. Свидетельство № 429 Иванова А.Д. об окончании Тульской оружейной школы. Россия, г. Тула. 19.09.1902.

⁸ ТГМО КП-2-20464. Копия послужного списка классного оружейного мастера 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Бяратинского полка коллежского секретаря Иванова А.Д. Россия. 22.12.1917; ТГМО КП-2-20517. Копия послужного списка Иванова А.Д. СССР. г. Тула. 20.02.1926.

⁹ ТГМО ВФ-448. Воспоминания Иванова А.Д. о событиях 1-ой мировой войны. СССР. г. Тула. 1965 г.

¹⁰ Журнал. Заря. № 14. 1915 г.

¹¹ ТГМО КП-2-20492. Фотография. Первый Всероссийский Съезд делегатов оружейных мастеров в Туле 1 июля 1917 г. 1917 г. СССР. г. Тула.

¹² От оружейного мастера до артиллерийского инженера... С. 10.

¹³ ГАТО (Государственный архив Тульской области). Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 258. Л. 124.

¹⁴ ТГМО КП-2-20511. Копия справки из материалов по истории Тульского оружейно-технического училища. СССР. г. Тула. 08.03.1960.

¹⁵ ГАТО. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 258. Л. 220.

¹⁶ ТГМО ВФ-451. Приказ № 1 по Тульской оружейно-технической школе. СССР. г. Тула. 15.11.1918.

¹⁷ От оружейного мастера до артиллерийского инженера. Краткий исторический очерк о Тульском высшем артиллерийском ордена Ленина училище имени Тульского пролетариата (учебное пособие). Тула, 1975. С. 16, 18.

¹⁸ Копия автобиографии Иванова А.Д. // Архив ТГМО. Л. 1.

¹⁹ ТГМО КП-2-20543. Трудовая книжка Иванова А.Д. СССР. г. Тула. 1939–1960.

²⁰ ТГМО КП-2-20491. Предложения Иванова А.Д. заведующему ружейно-револьверным отделом. СССР. г. Тула. 15.07.1924.

²¹ ТГМО КП-2-20479. Копия трудового списка Иванова А.Д. СССР. г. Тула. 1935 г.

²² ТГМО КП-2-20479. Копия трудового списка Иванова А.Д. СССР. г. Тула. 1935 г.

²³ И. Карклиныш. Записки коллекционера // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2013. № 9. С. 51.

- ²⁴ ТГМО КП-2-20546. Брошюра. Иванов А.Д. Правка ружейных стволов: Теория и практика выпрямления погнутостей в гладких и нарезных стволах по теньям их каналов. М.: Издание Артиллер. Управ. УС РККА и НТС треста РУЖ; Центральная тип. НКВМ, 1928.
- ²⁵ ТГМО КП-2-20535. Выписка из журнала «Охотник», № 10 за 1929 г. (аннотация Бутурлина С.А. на книгу Иванова А.Д. «Правка ружейных стволов»). СССР. г. Тула. XX в., середина.
- ²⁶ ТГМО ВФ-466. Перечень печатных трудов Иванова А.Д. СССР. г. Тула. XX в., вторая треть.
- ²⁷ ТГМО ВФ-429. Письмо Иванова А.Д. «За точность информации» в редакцию журнала «Охота и охотничье хозяйство». СССР. г. Тула. 15.05.1957.
- ²⁸ ТГМО КП-2-20547/1. Патентная грамота № 15651 Иванова А.Д. на охотничье двустольное ружье. СССР. г. Ленинград. 15.03.1931.
- ²⁹ ТГМО ВФ-465. Рукопись. Иванов Александр Дмитриевич. Работа в области рационализации и изобретательства. СССР. г. Тула. XX в., первая половина.
- ³⁰ ТГМО КП-2-20470. Письмо Бутурлина С.А. Иванову А.Д. СССР. г. Москва. 30.11.1933.
- ³¹ Тижанин В.Г. Указ соч. С. 43. В.Г. Тижанин в качестве повода указывает на неприязнь одного из сослуживцев к семье Ивановых.
- ³² ТГМО КП-2-20543. Трудовая книжка Иванова А.Д. СССР. г. Тула. 1939–1960.
- ³³ ТГМО ВФ-468. Воспоминания Иванова А.Д. СССР. г. Тула. XX в., вторая треть.
- ³⁴ ТГМО КП-22523. Книга. Государственное предприятие «Центральное конструкторское исследовательское бюро спортивно-охотничьего оружия». ЦКИБ СОО 50 лет. 1998 г.
- ³⁵ ТГМО ВФ-466. Перечень печатных трудов Иванова А.Д. СССР. г. Тула. XX в., вторая треть.
- ³⁶ ТГМО КП-2-20465. Копия предисловия к сборнику «Фабрично-заводское ученичество в металлопромышленности». СССР. г. Тула. XX в., середина.
- ³⁷ ТГМО КП-2-20488. Программа обучения учеников слесарно-лекальному делу при цехе № 9 завода № 711. СССР. г. Климовск. 15.09.1943.
- ³⁸ ГАТО. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 624. Л. 45.
- ³⁹ ТГМО КП-2-20521. Фотография. Окрестность ст. Каракилиса Закавказской железной дороги. 1904 г. Россия.
- ⁴⁰ ТГМО КП-2-20301. Тижанин В.Г. Оружейных дел мастер (биографическая повесть о тульском оружейнике Александре Дмитриевиче Иванове). СССР. г. Тула. 1967 г.
- ⁴¹ ТГМО КП-2-21348. Артиллерийский исторический музей. Краткий путеводитель. Л.: Издание Артиллерийского исторического музея, 1955.

А.С. Кручинин (Москва)

**«НЕ ПРОСИМ ВАС, А ПРЯМО УМОЛЯЕМ...»
(РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД ОДНОЙ СТАРОЙ ПУБЛИКАЦИЕЙ)**

1. ВЫРЕЗКА В СТАРОМ АЛЬБОМЕ. В одном из альбомов, принадлежавших Обществу русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско и в составе библиотеки общества переданных в дар Дому Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына, на внутренней стороне обложки сохранилась подклеенная вырезка из неизвестной эмигрантской газеты сравнительно позднего времени (текст набран по новой, «советской» орфографии, а на нее русская зарубежная пресса в массе своей стала переходить уже после Второй мировой войны). Основная часть альбома представляет собой фотолетопись пребывания в военном лагере близ Галлиполи остатков 17-го гусарского Черниговского полка (1920–1921). Никаких прямых указаний, что статья связана с черниговскими гусарами, нет, да и не одни черниговцы подклеивали свои фотографии на эти страницы. Интересующая же нас публикация гласит дословно:

«5 мая 1918 г.

Прошение тому кому Нужно.

В Штаб Добровольческой Армии в Екатеринодаре.

Его высокому Превосходительству, генералу Деникину.

Прошение

Господин Генерал Деникин, не просим Вас, а прямо умоляем принять нас в Добровольческую Армию. Я — Сергей Николаевич Большаков, мне уже исполнилось 10 лет, а мой брат — Леонид Николаевич Большаков, ему уже 9-й год. Пожалуйста, примите нас в свою Армию, лучше всего, извиняюсь, во 2-й эскадрон полка Кавалерии, что стоит под Мариуполем. Чтобы мы были под

командой Корнета Курмина. Его невеста, извиняюсь, живет наверху, напротив нас через улицу.

Ваше высоко Превосходительство, Вы нас можете взять, мы умеем ездить верхом и делать гимнастику. Корнет Курмин сказал, что мы будем хорошие солдаты. Он сказал, что он нас взять не может и сказал, чтобы мы написали прошение Вам.

Ответ пишите в Таганрог, на угол Итальянского переулка и Николаевской улицы, дом Большаковых. Папа и мама ничего не знают, но как Вы напишете, они не посмеют.

Сергей Николаевич

и Леонид Николаевич Большаковы»¹.

«Прощение», разумеется, можно считать «апокрифом», стилизацией, коль скоро мы не имеем не только оригинала, но и определенных указаний, где он находился и почему текст письма был опубликован так поздно. С другой стороны, в картине, которая предстает из него, нет ровным счетом ничего неправдоподобного: главная и, казалось бы, вопиющая ошибка, явный анахронизм — дата «5 мая 1918 г.», когда и Екатеринодар еще у красных, и под Мариуполем не может быть Добровольческой кавалерии — объясняется столь же очевидною опечаткой: следует читать «1919-го», и тогда сходится все — и занятые белыми Ростов и Таганрог, и пребывание штаба Деникина в Екатеринодаре (в Таганрог он переедет позже). Не следует придираться и к названию «Добровольческая Армия» вместо правильного для 1919 г. «Вооруженные силы Юга России», поскольку такая замена встречается даже в официальных документах — звание Добровольца было слишком почетным, чтобы от него отказаться.

Вполне правдоподобны и довольно легкомысленный смекаливый корнет (он мог приезжать с фронта из-под Мариуполя в Таганрог на свидание с невестой), отговорившегося отсутствием полномочий и посоветовавшего обратиться непосредственно к Главнокомандующему, и, конечно, сам порыв таганрогских мальчиков.

2. Мальчики на войне. Вспомним хотя бы ставшие уже хрестоматийными строки из «Дроздовцев в огне» генерала А.В. Туркула:

«Известно, что плечом к плечу с офицером и студентом ходили в атаки в наших цепях гимназисты, реалисты, кадеты — дети Добровольческой Армии. В строю вместе шли в огонь офицеры, студенты, солдаты из пленных красноармейцев и дети-добровольцы. [...]

Я помню, как, например, в Мариуполе к нам в строй пришли почти полностью все старшие классы местных гимназий и училищ. Они убегали к нам от матерей и отцов. Они уходили с нами, когда мы оставляли города. Кадеты пробирались к нам со всей России. [...]

Мальчуганы умудрялись протискиваться к нам через все фронты. Они добирались до кубанских степей из Москвы, Петербурга, Киева, Иркутска, Варшавы. Сколько раз приходилось опрашивать таких побродяжек, загорелых оборвышей в пыльных, стоптанных башмаках, исхудавших белозубых мальчишек. Они все желали поступить добровольцами, называли своих родных, город, гимназию или корпус, где учились.

— А сколько тебе лет?

— Восемнадцать, — выпаливает пришедший, хотя сам, что называется, от горшка три вершка. Только головой покачаешь.

Мальчуган, видя, что ему не верят, утрет обезьяньей лапкой грязный пот со щеки, перемнется с ноги на ногу:

— Семнадцать, господин полковник.

— Не ври, не ври.

Так доходило до четырнадцати. Все кадеты, как сговорившись, объявляли, что им по семнадцати»².

«Вот маленький кадетик Сумского корпуса, звали его, кажется, Миша... — рассказывает полковник Ю.А. Слезкин, Ингерманландский гусар. — Вытягиваясь, чтобы казаться выше, и стараясь говорить “баском”, он просится, чтобы я принял его в свой эскадрон.

— Да сколько же тебе лет?

— В будущем году пойдет семнадцатый!

(При раскрытии скобок оказывается, что сейчас-то ему всего пятнадцать лет!) Когда я отказываюсь его принять, глаза Миши наполняются слезами:

— У меня никого нет. Мне некуда идти!

Скрепя сердце, беру его в эскадрон, стараясь упрятать куда-нибудь побезопаснее. Увы, большевистская пуля его все же нашла...»³

Полковник Д.С. Франк вспоминал даже случай, когда сами родители просили его, в те дни — командира уходящего из Новочеркасска Клястицкого гусарского полка, принять в ряды клястицев четырнадцати-пятнадцатилетних мальчиков: «Мы согласны, мы сами просим, возьмите наших детей, спасите их, если

это будет возможно. У некоторых из них отцы уже погибли, частью на германском фронте, а частью в Ледяном и Степном походах. У некоторых старшие братья на фронте. Все равно мы не удержим мальчиков, и они погибнут здесь от красных...»⁴

Возвращаясь к «прошению тому кому Нужно», следует признать, что восемь и десять лет — это, конечно, не семнадцать и даже не четырнадцать, но вряд ли стоит подвергать сомнению энтузиазм таганрогских мальчиков, коль скоро еще недавно, в дни мировой войны, было немало случаев даже не «прошений», а просто бегства детей на фронт, причем часть прессы то и дело подогревала мальчишеские мечты о «настоящей» войне и славе публикациями о подвигах таких юных добровольцев.

«...Похоже, — возмущался в 1915 г. К.И. Чуковский, — что взрослые всякими способами разнуздывают в детской душе эту опасную страсть. ... И в литературе, и в жизни установилось к этим “детям-героям” какое-то ходульное, фальшивое, сладкое до приторности отношение, которое мне кажется грехом. ...

Пользуясь их детским романтизмом, мы, оставшиеся дома, в уюте, — послали их вместо себя в пекло, на адскую муку. Книжками, картинками, стишками зазывали их туда, завлекали, заманивали, потакали их детским фантазиям, подстрекали их к непосильному подвигу.

И что за вздор, будто все эти мальчики так благодетельны для русского воинства! Напротив, они часто помеха, лишняя обуза, тягота!

— Они мешают. Они создают неудобства! — жалуется один офицер в беседе с газетным сотрудником. — Их раны бесполезны, и бесполезна их смерть. Детям не место на войне. Им надо учиться...»⁵

Те же мысли, может быть менее эмоционально выраженные, единогласно звучали тогда и в специальной педагогической прессе, и в изданиях, рассчитанных на более широкую аудиторию, и в газете «Русский Инвалид» военного министерства: «Не следует заглушать чувства любви к родине, но и не следует направлять его тем тернистым путем, на котором не выстаивает даже нервная система взрослых людей»; «следовало бы, скажем мы, оберегать от чрезмерных эксцессов, от излишней страстности отношения к войне не только детей, но и более зрелое юношество, и во всяком случае следовало бы избегать всего, что без надобности может обострять впечатлительность и восприимчивость молодежи

в нежелательном направлении»; «нужно щадить молодые силы, эту будущность России. ... И отнюдь нельзя поощрять тайного бегства юношей в армию, хотя в основе этого бегства лежит благородный порыв и нет ничего позорного, ничего преступного»⁶.

Однако прошло несколько лет, и юные добровольцы Гражданской войны оказались в совершенно иных условиях. Если в 1914–1917 гг. для большей части Российской империи события на фронте были чем-то отдаленным и затрагивали тыловые губернии все же опосредованно, то теперь война могла буквально переступить порог любого дома. Еще двумя годами ранее Чуковский в каком-то смысле вообще отказывал описываемым им детям в искреннем и сознательном чувстве патриотизма («Героем может быть только муж опытный, зрелый, с “расцветшею доблестью”, а не желторотый птенец, у которого еще не накоплено ни идеалов, ни заветных святынь»): «Зачем они стремятся на войну, никто из них определенно не знает. Разве знают перелетные птицы, какая неизъяснимая сила тянет их за тысячи верст! Древний неискоренимый инстинкт!

Жажда убежать на край света, жажда приключений и подвигов, которая каким-то атавистическим трепетом пробуждается в каждой десятилетней душе, ныне находит свое утоление только на кровавых полях.

Майн-ридовские скальпы, пампасы, мустанги, москиты, термиты с успехом заменяются фугасами, бипланами, шрапнелью, блиндированными поездами и проч. ...

Детской извечной романтике указано новое поприще.

Детям кажется, что их влечет патриотизм, хотя патриотизм, конечно, должен бы удерживать их на месте!»⁷

Хотя категоричность писателя и продиктована, безусловно, самыми благими побуждениями, правота его может быть поставлена под сомнение (не зря же «Русский Инвалид», «не поощряя» бегства на фронт, все-таки подчеркивал благородство этого порыва); но уж в 1918 г. вряд ли было правомерным утверждение, будто у «желторотых птенцов» не имелось ни святынь, ни осознания того, что святыням этим, да и самой мирной жизни, грозит поругание, уничтожение. Напомним и аргумент маленького ингерманландского гусара: «Мне некуда идти» — и даже те, кто еще не претерпел столь тяжелых испытаний, уже имели возможность многое повидать, особенно в местностях, переходивших из рук в руки (как тот же Таганрог). Сознательный выбор, кто в

кровавой сумятице Гражданской войны друг, а кто враг, не только побуждал стремиться в армию, но и мог заставить преждевременно очерстветь неокрепшие души или даже искалечить их, и, в отличие от тыловых пропагандистов, это лучше всех понимали и этому ужасались настоящие воины, сами не раз смотревшие смерти в глаза.

«На околице одной из станиц, — вспоминает генерал барон П.Н. Врангель, — мы встретили человек пять казачат с винтовками. Автомобиль завяз в грязи, и пока подоспевшие казаки его вытаскивали, я разговорился с казачатами:

— Куда идете, хлопцы?

— Большевиков идем бить, тут их много по камышу попряталось, як их армия бежала. Я вчера с семерых убил, — в сознании совершенного подвига заявил один из хлопцев, казачонок лет двенадцати, в бешмете и огромной мохнатой папахе.

Никогда за все время междоусобной брани передо мной не вставал так ярко весь ужас братоубийственной войны...»⁸

Воспоминания генерала А.И. Деникина сохранили и его горькие сожаления, как «среди кровавого тумана калечились души молодых жизнерадостных и чистых сердцем юношей», и возмущение веселым хвастовством вчерашнего юнкера, только что произведенного в офицеры («вскинул ружье, бац — прямо в глаз, так и свалился, не пикнув!»): «Стыдитесь, вы! Неужели вы не понимаете всего цинизма вашего смеха? Если судьба привела убить человека, так разве можно этому радоваться?»⁹

Неудивительно, что для командования Вооруженных сил Юга России сбережение русской молодежи, насколько это вообще было возможно, становилось вопросом принципиальным. Характерна телеграмма генерала В.З. Май-Маевского, в которой звучит даже какая-то растерянность от жестоких распоряжений капитана Туркула (того самого, будущего генерала, в соавторстве с писателем И.С. Лукашом запечатлевшего трогательные образы юных солдат): «Начгарнизона Бахмута Капитан Туркул ... приказал всем учащимся 17 лет явиться [к] коменданту города, угрожая при этом: “не явившиеся [к] указанному времени будут расстреливаться на собственных квартирах, а имущество будет конфисковываться”. Кроме незаконного призыва 17-летних юношей, поражает угроза расстрела на квартирах; Главком вообще запретил расстрелы без суда, а такой тон приказа представителей Добрармии, борющейся за законность и порядок, недопустим.

Приказываю внушить передовым частям: обращаться с населением гуманно, самочинных мобилизаций не делать...»¹⁰

И можно себе представить, какотреагировал бы Главнокомандующий, получи он письмо братьев Большаковых, столь легкомысленно обнадеженных бравым корнетом.

Ну, а если письмо все-таки было подлинным и более того — было Деникиным получено?

3. Кавалерия, что стоит под Мариуполем. Разумеется, и имена, и названия городов и улиц в публикации могли быть изменены, но нельзя не отметить, что «полк кавалерии, стоящий под Мариуполем в мае 1919 г.», угадывается достаточно легко и практически однозначно. Там располагался — и, скорее, действительно «стоял», поскольку решительное наступление началось несколько позже — отряд, согласно распоряжению командования Кавказской Добровольческой армии (вместо большого тифом командующего, генерала Врангеля, во главе армии три самых тяжелых месяца находился его начальник штаба, генерал Я.Д. Юзефович) с 3(16) апреля выделенный из состава «группы генерала Май-Маевского» для прикрытия Таганрога и Ростова и действий вблизи побережья Азовского моря.

Первоначально в состав отряда входили 2-й Лабинский полк Кубанского казачьего войска, 42-й Донской пеший полк «без 3-х пеших и одной конной сотен», 1-й Сводный пехотный полк «без Навагинской роты» (т. е. кадров 78-го пехотного Навагинского генерала Котляревского полка, присоединившихся к полку лишь 2(15) мая, 2-й Кубанский пластунский батальон, Сводный дивизион 9-й кавалерийской дивизии и Польский эскадрон («5-й эскадрон Польского Легиона»), с 3-й Кубанской пластунской батареей (возможно, «нештатные» пушки имелись и при некоторых полках); согласно объявленному 5(18) апреля списку, в состав отряда добавились еще Сводно-Гвардейский отряд (несколько кадровых рот полков Гвардейской пехоты), 2-я конная батарея, саперный полубатальон и подрывная команда 1-го Донского саперного батальона¹¹ (в дальнейшем добавлялись еще некоторые части и подразделения, другие исключались из списков, но основа сохранялась), а командовать этим сборным отрядом из трех родов оружия был назначен генерал М.Н. Виноградов. Поскольку предположить, что выросшие в Таганроге мальчишки могли перепутать с кем-либо казачьи полки, очень трудно, в списках отряда остается единственная подходящая часть

регулярной кавалерии — Сводный дивизион 9-й кавалерийской дивизии; разницу «полк» — «дивизион» даже при буквальном прочтении письма не следует принимать во внимание хотя бы потому, что корнет на вопрос восхищенных братьев Большаковых, в каком полку он служит, конечно же, отвечал бы не «в сводном дивизионе...» и пр., а «в казанских драгунах», «бугских уланах» или «киевских гусарах», называя старые полки, кадры которых и были возрождены в этой недавно сформированной части.

Несмотря на соблазны «украинства» — в мирное время полки 9-й дивизии стояли в Киевской губернии, — многие ее офицеры уже в 1918 г. устремились в ряды Добровольческой армии. Описывая структуру украинской армии при гетмане П.П. Скоропадском, сотник Б.Г. Монкевич (сам офицер украинской службы) не мог не отметить: «Большинство [старых русских] частей имело славную боевую историю и давние воинские традиции. Значительная доля офицеров, стоявшая на страже этой истории и заботившаяся о сохранении полковых традиций, безусловно не могла согласиться с переходом этих частей на украинскую службу, а потому и покидала их, однако большинство офицеров, особенно тех, кто чувствовал кровную связь с Украиной и ощущал себя украинцем, оставались, причем языковой фактор играл здесь наименьшую роль»¹². Это свидетельство автора «из чужого лагеря» ценно как признанием, что из украинизированных полков уходили в первую очередь те, кто помнил о боевой славе и традициях (а «традиционерство» входило в плоть и кровь русских кавалеристов еще с училищной скамьи), так и мельком брошенным упоминанием, что «украинство» новоиспеченных украинцев слишком часто не было связано с языковым или культурным фактором, т. е. представляло собою, в сущности, попытку переждать смутное время под любой вывеской, которая казалась безопасной. Возвращаясь же к кадрам 9-й кавалерийской дивизии, следует обратить здесь внимание на такой красноречивый эпизод, как спасение штандарта киевских гусар.

Согласно воспоминаниям подполковника А.А. Аристова, в сентябре 1918 г. группой гусарских офицеров было решено «захватить сданный на хранение в Васильковский собор Штандарт Киевского гусарского полка и под ним начать формирование Киевского полка в Добровольческой армии, для чего — ехать на Дон»; «во исполнение этого постановления в ближайший день штабс-ротмистром Авдеевым и старшим медицинским врачом

доктором Мокиевским-Зубок после службы в городском соборе, когда настоятель храма показывал присутствовавшим офицерам достопримечательности храма, Штандарт был спешно снят от дровка и вынесен, а через несколько дней тем же штабс-ротмистром Авдеевым благополучно доставлен на Дон»¹³. Как рассказывала позже, очевидно со слов доктора Мокиевского, его жена, — именно он «под шинелью обмотал штандарт вокруг себя и вынес». «В вызволении своего полкового штандарта, — продолжает З.С. Мокиевская, — кроме доктора Мокиевского-Зубок приняли участие ротмистр Иванов Евгений Васильевич, закончивший Гражданскую войну в чине генерала, штаб[с]-ротмистр Берестовский (будущий полковник; впоследствии, кажется в 1925 году, во главе русского отряда посадивший короля Зогу на албанский престол) и штаб[с]-ротмистр Сербин»¹⁴.

Про другого кадрового офицера 9-й кавалерийской дивизии, ставшего в годы Гражданской войны генералом, бугского улана Владимира Николаевича Выграна, известно, что «после развала армии [в 1917 г.] он проживал в родном Екатеринославе» и 15 ноября 1918 г. (календарный стиль неясен) «вступил в ряды Добровольческой армии с назначением через 3 дня помощником командира дивизиона»¹⁵; очевидно, что даже если ротмистр Выгран и имел в 1918 г. какое-либо отношение к украинским формированиям (о чем, впрочем, никаких сведений нет), то предпочитал не вспоминать об этом как о нежелательном эпизоде биографии.

Упомянутый выше дивизион, похоже, еще не был кадровой частью 9-й дивизии: официальное возрождение казанцев, бугцев и киевцев происходит лишь согласно приказу генерала Деникина от 17(30) января 1919 г. — «сформированный Сводный дивизион 9-й кавалерийской дивизии включить в состав 3-й дивизии»¹⁶. Можно предположить, что накопление этих кадров и первоначальное формирование происходило при Ингерманландском гусарском дивизионе, поскольку именно его офицерами числились на 4(17) января 1919 г. уже известные нам ротмистры Выгран и Иванов, произведенные в этот день в полковники¹⁷. Это не противоречит и свидетельству подполковника Аристова, согласно которому для формирования кадровой части 9-й дивизии «был указан г[ород] Ставрополь»¹⁸, поскольку именно на Кубани и в Ставрополье возрождались осенью 1918-го ингерманландцы (пополнявшиеся, в числе прочих, и кубанскими казаками, которые

на вопрос, какой они части, с трудом выговаривали ее название: «Ынгыр... гыр-гыр-дыр... та чорти — якогось Ынгырланського драгунського!»¹⁹). Но уже вскоре кадры 9-й кавалерийской дивизии были переведены в Северную Таврию, и театром военных действий стала для них почти на два года равнина между Доном и Днепром.

Первые же дни существования отряда Виноградова, казалось, давали все основания для оптимизма, и уже 10(23) апреля генерал благодарил свои части: «Мариупольская операция закончена. Блестящий успех увенчал геройские усилия частей вверенного мне Отряда. Банды Красных насильников разбиты и отогнаны далеко на запад», — причем им был особо отмечен и «лихой налет дивизиона 9[-й] Кавалерийской дивизии с подрывниками 1[-го] Донского саперного батальона на железную дорогу, позволивший мне не опасаться за мой правый фланг в конце Мариупольской операции»²⁰; возможно, именно этот эпизод имел в виду подполковник Аристов, рассказывая, как «Киевский эскадрон под станцией Кальчик захватил большевистский бронепоезд “Красин” в полном порядке (подобное как раз легко себе представить в связи с порчей железнодорожного полотна; Кальчик — станция примерно в 25 верстах к северу от Мариуполя, т. е. на правом фланге войск, наступающих на Мариуполь с востока. — *Авт.*), а в атаке у колонии Клефельд взял два орудия красных, 6 повозок со снарядами и 200 пленных»²¹. Впрочем, однозначно соотнести это сообщение с боями первой недели апреля (старого стиля) мы все-таки не можем, да и выделять один эскадрон из малочисленного дивизиона (всего в дивизионе «100 штыков, 75 сабель и одно орудие»²²) — представляется чем-то неразумным и продиктованным в основном полковым патриотизмом киевского гусара. К тому же «лихие налеты» быстро сменились упадком духа: отступление всего отряда, пусть и незначительное — около 35 верст, можно проследить по дислокации его штаба (10(23) апреля — Мариуполь, 14(27) апреля — станица Ново-Николаевская, затем близлежащие населенные пункты, и лишь 12(25) мая Виноградов возвращается в Мариуполь). Тем не менее и в таких условиях — а отход всегда деморализует — генералу удалось подтянуть дисциплину, очистить обозы от посторонних и увиливающих от боя, восстановить боеспособность, и, хотя на зыбком, прерывистом фронте еще несколько недель продолжается «игра на гармошке» — туда-сюда, наступление-отступление, — развить свой успех красным не удается.

Сказанное о боеспособности относится и к дивизиону 9-й дивизии, значительно поредевшему (по сведениям его соседей-гвардейцев — к 29 апреля (12 мая) не более 40–50 сабель боевого состава) и пригодному скорее для несения вспомогательной службы — охранения и разъездов; но вскоре начинается наступление, где представляется возможность проявить себя и по-серьезнее: так, 28 мая (10 июня) «конные части красных были выбиты со станции Елисеевка (узловая станция к северо-западу от Бердянска. — *Авт.*), и она была занята дивизионом 9[-й] кав[алерийской] дивизии», — теперь он поддержал гвардейцев, понесших накануне большие потери²³. К середине июня (старого стиля) дивизион, пополнявшийся на ходу, насчитывал уже 260 человек (правда, эти сведения были представлены в интендантство для получения «красной соленой рыбы» и могли оказаться если и не прямо завышенными, то по крайней мере учитываемыми не только боевой состав, но и нестроевой, обозников или даже мобилизованных крестьян-подводчиков)²⁴, а итоги действий казанцев, бугцев и киевцев в отряде Виноградова лучше всего подводятся в приказах самого его начальника и вступившего в командование Добровольческой армией генерала В.З. Май-Маевского, отданных непосредственно перед выходом деникинских войск «на московскую дорогу»:

«Заняв в начале Мая [старого стиля] линию Волноваха — Мариуполь, доблестные Гвардейцы, Лабинцы, Донцы, стрелки 1-го Сводного полка, кавалеристы 9-й дивизии со 2[-й] и 3[-й] Гвардейской, 6[-й] конной и 4[-й] батареями к концу того же месяца, отбивая яростные атаки в десять раз превосходящего силами противника, захватывая пленных и оружие, вышли на фронт Верхний-Токмак — Бердянск, быстро очистив железную дорогу между этими пунктами. ... Подавляющие численностью пехотные и конные части красных с артиллерией и автоброневиками обрушились на Гвардию, Донцов и части 9[-й] кавалерийской дивизии, несколько потеснили их в боях 3–9 Июня. Разбив 9-го Июня в районе Елизаветовки — Шардаль огромные силы красных, доблестные Донцы и кавалеристы 9[-й] дивизии, не задерживаясь, энергично преследовали противника, а 12 Июня, уничтожив у Нехкирх двухтысячную группу красных, захватив пленных и орудия, дали возможность продвигаться нашей северной группе вдоль железной дороги и занять на рассвете 13 Июня Большой-Токмак. ... За короткий промежуток времени

Отрядом при сравнительно небольших силах выполнена колоссальная работа уничтожения огромных частей красных, в изобилии снабженных артиллерией и бронепоездами, и освобождена от них значительная территория. Ничто не могло остановить в стремительном движении вперед орлов Лабинцев и Донцов, доблестных Гвардейцев, Навагинцев и стрелков 1-го Сводного полка и славных кавалеристов 9[-й] дивизии с их лихими батареями. Не знающие усталости части Отряда и теперь продолжают гнать противника, бегущего к Днепру» (приказ отряду генерала Виноградова от 20 июня (3 июля) 1919 г.)²⁵.

«Наступательная операция Армии, имевшая целью разгром 8[-й] и 13[-й] советских армий и выход на фронт Белгород — Харьков — Константиноград — Нижнеднепровск — Мелитополь, закончилась решительным поражением противника на всех этих направлениях, что имело следствием захват таких важных пунктов, как Харьков и Екатеринослав. ...

Несмотря на упорное сопротивление красных в районе ст[анции] Пологи, несмотря на все усилия прорывавшихся из Крыма [советских] частей, пластуны генерала Геймана и части генерала Виноградова неизменно теснили красных, и к 15[/28] июня железная дорога Чангар — Александровск была уже закрыта для красных; их эшелоны, спешившие пробиться на север из Крыма, были отрезаны. ...

Оглядываясь на пройденный Армией в течение первой половины этого месяца путь, я не могу не отметить самоотверженной боевой работы добровольцев и казаков. ...

Гордился и до конца жизни буду гордиться честью и счастьем командовать такими орлами» (приказ Добровольческой армии от 18 июня (1 июля) 1919 г.)²⁶.

В дальнейшем у кавалеристов 9-й дивизии — включение в состав 5-го корпуса генерала Юзефовича, наступление на Конотоп, Бахмач, Севск, направление в сентябре 1919 г. на «внутренний» фронт против Повстанческой армии Н.И. Махно, участие в обороне Крыма генералом Я.А. Слащовым, прорыв в Северную Таврию летом 1920 г. и упорные бои там, отступление, эвакуация, пребывание в галлиполийском лагере и рассеяние едва ли не по всем частям света, где полковые объединения казанских драгун, бугских улан и киевских гусар будут сохраняться еще в течение десятилетий; но нам пора вернуться к «прошению тому кому Нужно».

4. «Завербовали малолетних юношей...» Следует признать, что простого совпадения даты, места и слова «кавалерия» для далеко идущих выводов явно недостаточно. Но еще одно совпадение, добавляющее к перечисленному еще и обстоятельства дела, легко узнаваемые, — мы встречаем не больше и не меньше как в приказе Главнокомандующего, отданном 26 мая (8 июня) 1919 г., т. е. через три недели после даты, которой помечено «прошение».

«Несмотря на неоднократные мои приказания, — писал Деникин, — Начальники частей продолжают незаконные вербовки молодых людей.

Так, недавно, по-видимому с разрешения Командира Сводного полка (именно полка, хотя приказ об его разворачивании еще не отдан! — *Авт.*) 9[-й] Кавалерийской дивизии, чины этого полка завербовали в полк несколько малолетних юношей.

Объявляю Командиру вышеназванного полка выговор и приказываю Командующим Армиями и войсками Терско-Дагестанского края обратить внимание всех подчиненных им Начальников частей на незаконность их действий и указать, что вербовкою таких добровольцев, сплошь и рядом слабосильных и с неокрепшим организмом, они приносят делу один лишь вред, увеличивая число ртов и заполняя ими лечебные заведения»²⁷.

Очевидно, что если однозначно сопоставить «прошение тому кому Нужно» и приказ Главнокомандующего, придется признать некоторую запальчивость последнего или, вернее, использование Деникиным почти анекдотического, хотя и трогательного, прецедента для строгой постановки на вид всем начальникам частей по вопросу, намного более важному, чем этот частный случай. Действительно, из «прошения» отнюдь не следует факта «вербовки» в собственном смысле слова и тем более — осведомленности об этом командира полка, а «юношами» Сергея Николаевича и Леонида Николаевича можно было назвать только с большой натяжкой. С другой стороны, обращает на себя внимание определение «малолетние» — четырнадцати-пятнадцатилетних добровольцев, как мы уже знаем, действительно сплошь и рядом просившихся в армию, а во многих случаях и становившихся в строй, скорее назвали бы «несовершеннолетними»: слово «малолетние», пожалуй, должно было обозначать что-либо совсем уж вопиющее. В случае же действительной такой вербовки, и тем более — вербовки с ведома полкового начальства, командир полка, конечно, не отделался бы выговором и был бы немедленно отрешен.

Но гиперболизировать произошедшее (если, согласно нашему предположению, Деникин получил-таки «прошение тому кому Нужно») также было не лишним, поскольку обнадеживание потенциальных добровольцев, облегчившее жизнь корнету, грозило обернуться лавиной новых прошений или даже неконтролируемым бегством малолетних в войска (похвастайся братья Большаковы перед друзьями, что генерал Деникин скоро зачислит их в кавалерийский полк, — и каковы были бы последствия?). Командир полка таким образом оказался козлом отпущения, но пример начальственной строгости был дан.

Впрочем, вполне вероятно, что окончательного ответа, апокриф ли «прошение» или подлинный документ эпохи, в каком полку служил корнет и мечтали оказаться двое будущих «хороших солдат», из-за них ли наказали командира кавалерийской части, — мы никогда не получим. Но загадочная публикация из неизвестной газеты невольно побуждает задуматься о страшном времени, о том, как из разрозненных документов складываются неожиданные картины, и о самоотверженных русских мальчишках; спасибо ей и за это...

¹ Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына (ДРЗ). Архив-музей. Ф. 80. Оп. 4. Д. 14 (альбом). 2-я страница обложки.

² Туркул А.В. Дроздовцы в огне: Картины гражданской войны 1918–20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е изд. Мюнхен: Явь и Быль, 1948. С. 55–56.

³ Слезкин Ю.А. Летопись пережитых годов. Буэнос-Айрес, 1975. С. 96.

⁴ Франк Д.С. Дети — Белые войны: Из рассказов старого кавалериста // Наши Вести: Издание Союза чинов Русского Корпуса. № 380/2681. Monterey (USA), 1980. С. 9.

⁵ Чуковский К.И. Дети и война // Нива. Пг., 1915. № 52. С. 968.

⁶ См.: Богданов А. Дети и война // Там же. № 11. С. 209; № 12. С. 239.

⁷ Чуковский К.И. Указ. соч. С. 968, 970.

⁸ Врангель П.Н. Записки // Белое дело: Избранные произведения: В 16 кн. [Кн. 4]: Кавказская армия. М.: Голос, 1995. С. 143.

⁹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 2: Борьба Генерала Корнилова, август 1917 г. — апрель 1918 г. Paris: J. Povolozky & C-ie, [1922]. С. 206, 207.

¹⁰ РГВА. Ф. 39680. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

¹¹ Там же. Л. 1 и об., 4.

¹² Монкевич Б.Г. Організація регулярної армії Української Держави 1918 року // Україна в минулому. Вип. 7. Київ; Львів, 1995. С. 85.

¹³ Аристов А.А. Киевские гусары // Вестник Первопехотника: Орган Союза участников Первого Кубанского ген. Корнилова Похода. № 90. Los Angeles, 1969. С. 12.

- ¹⁴ Мокиевская-Зубок З.С. Гражданская война в России, эвакуация и «сидение» в Галлиполи глазами сестры милосердия военного времени, 1917–1923 // Добровольцы: Сборник воспоминаний. М.: Русский путь, 2014. С. 204.
- ¹⁵ ДРЗ. Архив-музей. Ф. 80. Оп. 4. Д. 5. Л. 11 (некролог 13).
- ¹⁶ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 128. Л. 115.
- ¹⁷ Там же. Л. 26.
- ¹⁸ Аристов А.А. Указ. соч. С. 12.
- ¹⁹ Елисеев Ф.И. С Корниловским конным. М.: АСТ; Астрель, 2003. (Военно-историческая библиотека). С. 364.
- ²⁰ РГВА. Ф. 39680. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ²¹ Аристов А.А. Указ. соч. С. 12.
- ²² РГВА. Ф. 39680. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
- ²³ Голеевский М.М. Материалы по истории Гвардейской пехоты и артиллерии в Гражданскую войну с 1917 года по 1922 год: Юг России. Крым. Галлиполи. Болгария. Кн. 1. [Б. м. (Королевство СХС)], [1922?]. С. 87, 96.
- ²⁴ РГВА. Ф. 39680. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.
- ²⁵ Там же. Л. 51.
- ²⁶ Там же. Л. 60 и об.
- ²⁷ Там же. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 132. Л. 22.

С.С. Курочкин (Санкт-Петербург)

ОБРАЗ АДМИРАЛА ПАВЛА СТЕПАНОВИЧА НАХИМОВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСКУССТВЕ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ

В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ россиян войны играют большую роль¹. Однако Крымская война заняла в ней не самое значительное место. Это может быть связано как с ее спорными итогами, так и с тем, что эту войну в народной памяти оттеснили последующие, куда большие по масштабу. Однако из общей тенденции есть исключение — П.С. Нахимов².

О том, что адмирал известен большинству жителей России, показывает ряд социологических опросов. На конкурсе «Имя России» 2008 г. П.С. Нахимов оказался среди 50 исторических деятелей, набравших наибольшее число голосов³. В ходе голосования на конкурсе «Великие имена России» 2018 г. П.С. Нахимов получил 19 % голосов при выборе названия аэропорта Симферополя⁴. П.С. Нахимов и В.А. Корнилов вошли в проект Российского военно-исторического общества «100 великих полководцев»⁵. Есть основание полагать, что современный образ П.С. Нахимова, существующий в массовом сознании россиян, отчасти сформирован именно в советское время. Однако, чтобы последовательно проследить трансформацию этого образа, надо сначала затронуть процесс его формирования сразу после событий Крымской войны.

Необходимо отметить обстоятельство, выделившее П.С. Нахимова среди лидеров обороны Севастополя: еще до начала обороны он одержал бесспорную, значительную военную победу в сражении при Синопе⁶. В этом контексте на восприятие в обществе фигуры П.С. Нахимова могли оказать большое влияние периодические издания. Согласно исследованиям английского историка Джона Суитмана, Крымская война была первым

крупным военным конфликтом с участием России, широко освещавшимся в прессе⁷. Карл Маркс и Фридрих Энгельс в текстах, описывающих события Синопского боя, ссылались именно на европейские газеты (французский «Moniteur», английские «Times», «Morning Post», «Morning Herald», «Lloyd's Weekly Newspaper»)⁸. Картина, восстанавливаемая Ф. Энгельсом по газетным сообщениям в очерке «Ход турецкой войны» от 22 декабря 1853 г., получается противоречивой. Он пишет, что бой «был проведен русскими без применения морской тактики»; «черноморский флот, судовые команды которого состоят почти исключительно из «пресноводных моряков» [«land lubbers»], особенно из польских евреев, имел бы мало шансов на успех в сражении в открытом море с турецкими судами, располагающими хорошими командами»; цепь ошибок турок, приведших к Синопскому разгрому, «можно объяснить только злонамеренным вмешательством западной дипломатии или тайным сговором русских с некоторыми кругами в Константинополе, связанными с французским и английским посольствами»⁹. Все эти положения, вероятно, автор почерпнул именно из газет. В тексте К. Маркса было отражено ошибочное сообщение газеты «Times» от 9 января 1854 г. о гибели в Синопском сражении русского линейного корабля «Ростислав»¹⁰. Однако имя Нахимова было К. Марксу и Ф. Энгельсу хорошо известно, в том числе и по газетам. Следует отметить, что в их сочинениях, в главах, посвященных обороне Севастополя, имя нашего адмирала не фигурирует, т. е. в Европе больше всего говорили о нем именно после Синопского сражения. В российской периодической печати освещали как победу П.С. Нахимова при Синопе, так и его последующее участие в обороне Севастополя¹¹.

Не только пресса, но и устные рассказы ветеранов Крымской войны разносили по стране истории о победоносном флотоводце. Популярность Нахимова среди тех, кто воевал вместе с ним, можно косвенно проследить по мемуарным источникам. В мемуарах артиллерийского офицера А.И. Ершова фигурируют многие известные эпизоды, в которых участвовал П.С. Нахимов, в частности, участие адмирала в ночном бою за Камчатский люнет 26 мая 1855 г.¹² Мемуарист писал о колоссальном влиянии адмирала на его матросов: «Иногда одного его меткого слова достаточно было для уразумения самого сложного обстоятельства»¹³. Генерал А.П. Хрущёв назвал П.С. Нахимова «витязем без страха

и упрека»¹⁴. Гибель адмирала была для защитников Севастополя столь значительным событием, что оно было отражено сразу во многих мемуарах.

В 1867 г. в журнале «Русский архив» вышла скандальная анонимная статья «Из записок Севастопольца». В ней автор изображал П.С. Нахимова как недалекого чудака, «матроса в адмиралских эполетах», который случайно дослужился до адмирала, случайно оказался у Синопа и одержал победу над заведомо более слабым противником, которая в стратегическом плане принесла лишь вред¹⁵. В ответ на столь возмутительную публикацию в 1868 г. 65 ветеранов обороны Севастополя во главе с генерал-адъютантом Э.И. Тотлебенем выступили с публичным опровержением, текст которого был напечатан в журнале «Морской сборник»¹⁶. Все присутствовавшие ветераны единодушно выразили свое почтение к памяти покойных военачальников, офицеров и рядовых, павших, защищая Севастополь.

Ветераны Крымской войны открыли в 1869 г. первый музей, посвященный обороне Севастополя (Севастопольский музей). Отправной точкой для этого послужила статья штабс-капитана П.В. Алабина «Севастопольский музей»¹⁷. Идея нашла поддержку среди ветеранов Крымской войны, и на Севастопольском обеде 1869 г. было принято решение об открытии Севастопольского музея в доме Э.И. Тотлебена в Севастополе. Таким образом, первоначальная мемориализация образа П.С. Нахимова — отчасти заслуга ветеранов Крымской войны.

Военные победы Нахимова были почти сразу запечатлены в произведениях искусства: в 1853 г., сразу после победы при Синопе, художник И.К. Айвазовский направился в Севастополь и по рассказам участников нарисовал две картины, посвященные этому событию. В некоторых описаниях картин «Морское сражение при Синопе 18-го ноября 1853 года», «Синопский бой (ночью)» указано, что сам адмирал Нахимов лично посетил выставку и подтвердил достоверность событий, изображенных на картине¹⁸. Эти полотна стали важной составляющей культурной памяти русского народа.

Власти Российской империи стремились увековечить события Крымской войны. Эта политика памяти нашла отражение в топонимике и монументальной скульптуре. Первым своеобразным памятником П.С. Нахимову стало место его захоронения. «Усыпальница адмиралов» во Владимирском соборе, куда еще

в годы Крымской войны были положены тела В.А. Корнилова, В.И. Истомина, П.С. Нахимова, и где еще в 1851 г. был похоронен адмирал М.П. Лазарев, стала важным объектом памяти. В 1886 г. в Севастополе посредством отделения участка от Морской улицы был создан проспект Нахимова. В 1898 г. в честь сорокапяtilетия Синопского боя в присутствии императора Николая II в Севастополе был торжественно открыт памятник адмиралу П.С. Нахимову.

Отдельной традицией почитания памяти адмиралов и великих морских сражений на флоте является наименование военных кораблей в их честь. В 1884 г. на Балтийском заводе был заложен броненосный крейсер. Имя адмирала Нахимова новому кораблю было присвоено по воле императора Александра III; соответствующий приказ подготовил и разослал 2 апреля 1884 г. генерал-адмирал Алексей Александрович¹⁹. После гибели броненосного крейсера «Адмирал Нахимов» в Цусимском сражении, в 1915 г. уже на Черном море был заложен одноименный корабль, легкий крейсер типа «Светлана», однако до революции его не успели достроить. Косвенно в группу кораблей, чьи названия связаны с адмиралом Нахимовым, можно включить эскадренный броненосец «Синоп», спущенный на воду в 1887 г. и вошедший в состав Черноморского флота, и линейный корабль «Императрица Мария», названный в честь корабля — флагмана П.С. Нахимова в Синопском сражении.

Еще одной важной составляющей культурной памяти россиян о Крымской войне является панорама «Оборона Севастополя». Ее создание первоначально было связано с важной коммеморацией — празднованием 50-летия Крымской войны. В 1901 гг. Ф.А. Рубо получил правительственный заказ на создание грандиозной панорамы, призванной увековечить подвиг севастопольцев²⁰. Художник предложил в качестве события, лежащего в основу сюжета будущей панорамы, первый общий штурм Севастополя 6 июля 1855 г. Эскиз панорамы был утвержден императором Николаем II в январе 1902 г.²¹ При подготовке создания диорамы художник Ф.А. Рубо зарисовывал в Севастополе местность вокруг Малахова кургана, специально для художника солдаты и матросы воспроизводили штыковые атаки, стрельбу из орудий и винтовок. Было сделано более 50 эскизов, с помощью которых в Мюнхене художник и его помощники начали рисовать саму панораму²². Когда она была готова, ее в августе 1904 г. доставили в Севастополь. 14 мая

1905 г. панорама была открыта для посещения. В тот период это событие не получило широкой огласки из-за революционных событий, но впоследствии панорама получила широкую известность. В 1909 г. панорама по воле императора Николая II была привезена в Санкт-Петербург и смонтирована в специальном временном павильоне на Марсовом поле²³.

Другой важный объект памяти, связанный с обороной Севастополя, — Малахов курган. На нем к пятидесятилетию обороны Севастополя были произведены определенные работы, в первую очередь — реставрация Малаховой башни. В 1905 г. рядом с Малаховой башней на предположительном месте смертельного ранения адмирала Нахимова была установлена мемориальная плита.

Жизнь и деятельность адмирала П.С. Нахимова изучали в своих работах и дореволюционные историки. В фундаментальном труде «Восточная война» М.И. Богданович писал о том, что «после Синодской битвы прогремела слава Нахимова во всех концах России»²⁴. А.М. Зайончковский в труде «Восточная война» подробнейшим образом не только изучил ход Синопского сражения, но и проанализировал воззрения П.С. Нахимова на морскую тактику²⁵. Появилась и первая биография П.С. Нахимова под авторством А. Асланбегова²⁶. В учебнике русской истории М.М. Богословского для гимназий и реальных училищ П.С. Нахимов упоминается как отдельно (в контексте Синопской победы) так среди «трех адмиралов» (в контексте участия моряков в обороне Севастополя)²⁷.

Крымской войне был посвящен первый русский полнометражный кинофильм «Оборона Севастополя». Инициаторами съемок этой беспрецедентной на тот момент по продолжительности картины выступили пионеры отечественного кинематографа Василий Гончаров и Александр Ханжонков. Сама идея принадлежала В.М. Гончарову. Он предложил А. Ханжонкову снять на его студии масштабный исторический фильм «Оборона Севастополя» и выразил надежду, что на реализацию такого проекта ему удастся добиться субсидий²⁸. Высочайшее покровительство проекту оказал император Николай II, выделив для съемок картины не только финансирование, но и войска и флотские единицы²⁹. Съемки с мая 1911 г. шли в самом Севастополе, причем помощник по исторической части, полковник Ляхов, настаивал на том, чтобы они проходили на местах реальных сражений.

На момент съемок в 1911 г. укрепления на Малаховом кургане были воссозданы, и там были сняты многие эпизоды, включая первый штурм Севастополя. В массовых батальных сценах участвовали сотни военнослужащих Севастопольского гарнизона. В съемках было использовано множество новаторских на тот момент технических решений³⁰.

Первым зрителем, увидевшим фильм «Оборона Севастополя», стал император Николай II со своей семьей. Он остался доволен проделанной работой, и вскоре фильм вышел на большие экраны, что стало значительным событием для всего российского кинематографа. Фильм, представлявший собой набор эпизодов, дошел до наших дней лишь частично, но даже в сохранившихся эпизодах адмиралу Нахимову уделено достаточно много экранного времени. Гибель адмирала на Малаховом кургане представляет собой отдельную сцену.

Таким образом, до революции 1917 г. адмирал Нахимов, безусловно, был известен, однако он еще не выделялся на фоне адмирала Корнилова. В исторической литературе три адмирала (Корнилов, Нахимов, Истомин) часто фигурировали вместе. Тем более, П.С. Нахимова не противопоставляли другим командующим. Самый известный символ той войны, построенный до революции — установленный в 1905 г. памятник затопленным кораблям в Севастополе — символизировал доблесть флота в целом.

Советская политика памяти включала предание забвению многих событий дореволюционного прошлого. Это коснулось и памяти адмирала Нахимова. В 1922 г., когда встал вопрос о достройке легкого крейсера типа «Светлана», носившего имя «Адмирал Нахимов», корабль был переименован в «Червона Украина» и в 1927 г. вошел в состав флота уже под этим именем³¹. В 1921 г. проспект Нахимова в Севастополе был переименован сперва в проспект Троцкого, затем — в проспект Фрунзе. В 1928 г. памятник П.С. Нахимову в Севастополе был демонтирован, на его месте в 1932 г. установлен памятник В.И. Ленину³². В 1932 г. была разрушена «Усыпальница адмиралов» во Владимирском соборе. Однако диорама «Оборона Севастополя» продолжала функционировать, приняв в 1924 г. 51 тыс. посетителей, а в 1932 — 183 тыс.³³.

В ранней советской историографии больший интерес вызывала социально-экономическая подоплека Крымской войны, а не ход боевых действий. В работе М.Н. Покровского «Дипломатия

и войны царской России в XIX столетии» бою при Синопе посвящено менее одной страницы. Автор указал лишь на то, что русский флот превосходил турецкий по числу орудий (716 против 476), и потому последний был обречен³⁴. Тем не менее, советский историк все же относительно положительно оценивает как действия адмирала Нахимова, так и боеспособность Черноморского флота.

В конце 1930-х гг. в советской историографии намечился отход от линии М.Н. Покровского. В условиях роста международной напряженности создавалось ощущение близости крупной войны. Все это привело к возвращению в историографию некоторых «патриотических» элементов. На этой волне появился роман-эпопея С.Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда».

Поворотным моментом в советской политике памяти стала Великая Отечественная война. Начался процесс «мобилизации памяти»³⁵. Официальная пропаганда обратилась к военному прошлому России в поисках примеров успешной борьбы с иноземными захватчиками, способных пробудить патриотические чувства народа. Именно в таком контексте появляется монография Е.В. Тарле «Крымская война». В ней целая глава посвящена Верховному командованию и защитникам Севастополя.

Восприятие академиком Е.В. Тарле фигуры П.С. Нахимова отражено не только в монографии «Крымская война». В сборнике документов, посвященном эпистолярному наследию академика, есть речь, прочитанная им перед актерами Камерного театра, в котором готовилась постановка пьесы И. Луковского «Адмирал Нахимов». В этой речи Е.В. Тарле, цитируя Э.И. Тотлебена, называл Нахимова «трагическим героем». Историк описывал адмирала как человека аскетичного, простого в обращении, но в то же время очень умного и обладавшего стратегическим видением. П.С. Нахимов предвидел обострение международных отношений после победы при Синопе и вполне осознавал уязвимость Севастополя как крепости. После начала осады он понимал, что город обречен, но должен был убеждать бойцов в обратном. Он видел все изъяны «николаевского строя», но для успеха обороны должен был укреплять в других веру в вооруженные силы. Академик Тарле считал, что полководческий талант Нахимова и его беззаветная готовность умереть вместе с Севастополем позволили ему добиться невероятного авторитета среди матросов Севастопольского гарнизона. Личность Нахимова, его преданность делу являлись примером для защитников: «Вообще фигура

Нахимов — необыкновенно яркая иллюстрация к проблеме героя и толпы: он не только руководит толпой и не только вдохновляет ее, он и органически сливается с ней»³⁶. В представлении Е.В. Тарле, адмирал Нахимов, по крайней мере в художественном произведении, получал черты не только высшего офицера, являвшегося частью командной иерархии, но и своеобразного народного вождя, чья власть держалась в большей степени на духовном авторитете, нежели на формальных полномочиях. Поэтому академик считал, что важно показывать Нахимова среди матросов, поскольку именно их поддержка позволила адмиралу совершить, казалось бы, невозможное, с невероятным упорством отстаивая «этот каменный лагерь, даже не настоящую крепость»³⁷. В то же время историк считал полезным продемонстрировать контраст между адмиралом Нахимовым и другими военачальниками — «карьеристами, особым типом штабных молодчиков» (в первую очередь — с А.С. Меншиковым). Однако Е.В. Тарле возражал против создания утрированного образа «боцмана, носящего адмиральские эполеты». По мнению историка, столь однобокая трактовка фигуры знаменитого флотоводца не передавала реального величия этого исторического деятеля.

Особую роль в актуализации памяти об обороне Севастополя в годы Крымской войны сыграла оборона Севастополя в ходе Великой Отечественной войны (1941–1942). Севастополь получил статус города-героя. Уже во время войны историки, в частности Е.В. Тарле, проводили параллели между двумя оборонами: «Краснофлотцы Черного моря и Балтики называют себя часто “нахимовскими внуками”. Нахимов был бы доволен ими и так же гордился бы ими, как они гордятся своим славным дедом...»³⁸ После окончания войны, когда Севастополь получил статус города-героя, эта тенденция сохранилась.

Результат пропаганды героического прошлого стал заметен уже в Великую Отечественную войну. Адмирал Н.Г. Кузнецов в мемуарах ссылаясь на военный опыт П.С. Нахимова, когда говорил о собственном решении задействовать корабли в обороне Севастополя в ноябре 1941 г.³⁹

Признанием заслуг П.С. Нахимова стало появление в СССР ордена, названного его именем. Проблема возникновения ордена Нахимова освещена в мемуарах адмирала флота Н.Г. Кузнецова⁴⁰. Согласно его записям, идея создать особые награды для моряков родилась после того, как в 1942 г. были учреждены ордена

Суворова, Кутузова и Александра Невского. Впервые вопрос об этом был поставлен наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым во время доклада И.В. Сталину в середине 1943 г. Верховный главнокомандующий в целом одобрил идею, и под руководством капитана 1 ранга Б.М. Хомича началась разработка проекта наград (ордена Ушакова и Нахимова), в ходе которой встал вопрос, какой из орденов ставить выше⁴¹.

Адмирал Н.Г. Кузнецов считал, что выше должен быть орден Ф.Ф. Ушакова, поскольку он был и знаменитым флотоводцем, одержавшим ряд побед, оказавших значительное влияние на ход русско-турецких войн («морским Суворовым»), и новатором в области тактики, и одним из организаторов возрождения Черноморского флота. Однако их оппоненты утверждали, что П.С. Нахимов более известен. На это Н.Г. Кузнецов возражал, что Ф.Ф. Ушаков оказался менее известен, во-первых, потому, что жил раньше Нахимова, и, во-вторых, победы Ушакова оказались в тени после Трафальгарской битвы адмирала Нельсона. Однако оба этих обстоятельства, по мнению наркома ВМФ, не снижают заслуг самого адмирала Ушакова⁴². Позиция адмирала Н.Г. Кузнецова, вероятно, сыграла решающую роль, и орден Ушакова оказался выше ордена Нахимова. И.В. Сталин следил за разработкой проекта, внес в него некоторые коррективы и предложил украсить орден Нахимова рубинами. 3 марта 1944 г. указом Президиума Верховного совета СССР ордена Нахимова и Ушакова I и II степени, а также медали Нахимова и Ушакова были учреждены. Н.Г. Кузнецов писал, что флотские чины особенно гордились этими наградами как особыми, предназначенными именно для флота.

Другим значимым элементом советской политики памяти, включавшей актуализацию памяти о великих полководцах российской истории, стало создание в 1944 г. суворовских и нахимовских военных училищ. Появились «нахимовцы»⁴³. Это, безусловно, очень важное явление, так как оно отразило изменение восприятия в СССР всей истории русского (советского) флота. До конца 1930-х гг. акцент делался на участии флота в событиях Октябрьской революции, символом этого выступал крейсер «Аврора». Однако после Великой Отечественной войны концепция изменилась, и стала проводиться линия преемственности флотских традиций со времен Петра I и до Второй мировой войны. За относительно короткий период вышли в прокат фильмы «Варяг» (1946), «Нахимов» (1947), «Адмирал Ушаков» (1953).

И в этом новом пантеоне морской славы П.С. Нахимов занял важное место. Нахимовцы же символически выступали продолжателями этой традиции. Фасад здания Нахимовского училища в Ленинграде украшен бюстом Петра I как создателя русского флота, а прямо перед зданием училища в 1948 г. был пришвартован восстановленный крейсер «Аврора», главный символ участия матросов в революции⁴⁴.

Школьное образование и детская литература — важные проводники исторической политики. Программным произведением этого времени можно считать опубликованную в 1946 г. книгу «Наша великая Родина»⁴⁵. Этот сборник, предназначенный для детей разных возрастов, охватывал всю историю России (СССР) от Киевской Руси до современного автора времени. Концептуально книга строилась так, что все события русской истории представляли путем к революции и созданию СССР. Оборона Севастополя в этой схеме являлась героическим событием: «...русские превзошли самих себя»⁴⁶. Близкая трактовка событий давалась в книге Е. Озерской «Доблесть русского флота»⁴⁷.

Реабилитация памяти адмирала отразилась и на топонимике: в 1946 г. в Севастополе проспекту Фрунзе (до 1921 г. — проспект Нахимова) было возвращено прежнее название. Если в исторической литературе все еще фигурировали все три адмирала, то в массовом сознании П.С. Нахимов делался самым известным участником обороны Севастополя.

Написание сценария фильма «Адмирал Нахимов» началось еще во время войны. Актуальность темы была связана, во-первых, с памятью о второй обороне Севастополя и, во-вторых, с актуализацией проблемы конвенции о проливах. Историк Е.В. Волков предполагает, что инициатива исходила не от самой киностудии, а была «спущена сверху»⁴⁸. Первоначальный сценарий картины написал И.В. Луковский, режиссером стал В.И. Пудовкин (режиссер фильма «Суворов» (1941)), роль Нахимова исполнил А. Дикий, историческим консультантом фильма выступил академик Е.В. Тарле. Фильм «Адмирал Нахимов», как и вышедшая более чем за 40 лет до этого картина «Оборона Севастополя», получил поддержку Черноморского флота. Для съемок был выделен парусный корабль, а роль массовки исполняли матросы ЧФ ВМФ СССР. Однако первоначальная версия фильма не устроила И.В. Сталина. Секретарь ЦК ВКП(б) критиковал два основных момента: во-первых, ему не нравилось, что в фильме слишком

большое внимание было уделено сценам бытового характера, во-вторых, он упрекал режиссера в недостаточном «идейном наполнении» картины, потребовал добавить бой при Синопе и более контрастно показать противников России. Далее через министерство кинематографии перечень необходимых доработок был конкретизирован: добавлены сцена пленения при Синопе английских офицеров, речь Нахимова о том, что Турции следует дружить с Россией, разговор Нахимова с князем Меншиковым об обоснованности превентивного занятия черноморских проливов. После четырех месяцев досъемок в Одессе и добавления всех необходимых сцен картина была допущена к прокату. В результате сокращения бытовых, романтических и добавления батальных сцен акцент в фильме сместился от Нахимова — лирического героя в сторону Нахимова-военачальника; образ стал более героическим. П.С. Нахимов показан бесстрашным флотоводцем, бьющим врага и укрощающим стихию.

Следующим важным событием, актуализировавшим память о Крымской войне, стало празднование ее столетнего юбилея. В связи со столь значимой коммеморацией началось восстановление памятников, пострадавших в ходе Великой Отечественной войны. В войну павильон диорамы «Оборона Севастополя» 25 июня 1942 г. был разрушен. Чтобы спасти само полотно, его разрезали на множество частей и вывезли из Севастополя⁴⁹. Когда в 1950 г. комитет по делам искусств при Совете Министров СССР рассматривал вопрос о восстановлении панорамы, было решено не пытаться использовать уцелевшие фрагменты, а воссоздать полотно диорамы заново. Первоначальный руководитель проекта художник и реставратор В.Н. Яковлев настаивал на полном воссоздании панорамы Ф.А. Рубо. Работа была начата в 1952 г. под руководством В.Н. Яковлева, однако в 1953 г. художник умер, и на его место пришел П.П. Соколов-Скаля. Новый руководитель хотел не просто воссоздать панораму Рубо, но скорректировать ее в духе социалистического реализма: «Теперь мы решили придать полотну приподнятый колорит, воспеть подвиг русского народа, высокий дух защитников Севастополя»⁵⁰. Следуя этой установке, художники, сохраняя общую композицию, скорректировали цветовую гамму фона и добавили новые эпизоды, связанные с образами героев.

Следуя той же концепции прославления подвига героев-севастопольцев, скульптор Н.В. Томский при воссоздании снесенного

в 1928 г. памятника П.С. Нахимову в Севастополе (открыт в 1959 г.) добавил на постамент три горельефа, изображавшие эпизоды из жизни адмирала.

Вторым важнейшим мемориальным комплексом, посвященным обороне Севастополя, является Малахов курган. В ходе второй обороны Севастополя в 1941–1942 гг. на кургане размещалась артиллерийская батарея 130-мм орудий, и потому этот участок обороны подвергся жестоким обстрелам немецкой артиллерии. В результате многие памятники были разрушены, но в 1950-х гг. началась их постепенная реставрация. В Малаховой башне, отреставрированной к 1956 г., в 1964 г. был открыт «Музей героической обороны и освобождения Севастополя», посвященный истории как первой, так и второй обороны города⁵¹. Во внешней экспозиции символическая связь обеих оборон также прослеживается: были восстановлены батареи времен Крымской войны и поставлены два орудия времен Великой Отечественной. Теперь на Малаховом кургане укрепления времен двух войн. Эти объекты памяти символически соединяли две обороны Севастополя. На месте утраченной к тому моменту плиты, обозначавшей место гибели адмирала Нахимова, в 1957 г. была установлена новая. Большое внимание фигуре Нахимова в этот период уделяли и историки. В год столетия со дня смерти П.С. Нахимова вышел памятный сборник⁵².

После 1960-х г. образ Нахимова в советской исторической политике сложился. Объекты памяти, связанные с его именем, продолжали появляться. Выходили посвященные ему литературные произведения⁵³. В 1972 г. улица Нахимова появилась в Ленинграде⁵⁴. В честь адмирала называли корабли. П.С. Нахимова изображали на почтовых марках, конвертах, значках. Единственное значимое место памяти, связанное с флотоводцем, которое так и не было восстановлено до распада Советского Союза, — «Усыпальница адмиралов» во Владимирском соборе. Это, вероятно, было связано с борьбой с церковью, проводившейся в СССР.

Можно заключить, что советская политика памяти способствовала закреплению героического образа П.С. Нахимова в историческом сознании россиян. В этом она, начиная с конца 1930-х гг., отчасти возобновляла дореволюционную традицию. П.С. Нахимов вошел в пантеон русской воинской славы еще до революции⁵⁵, и в Советском Союзе его образ не меняли

радикально, лишь актуализировали некоторые черты, вписав его уже устоявшийся образ в обновленный пантеон героев. Главная причина такой востребованности образа П.С. Нахимова — его действительно можно ставить в пример. Как писал Ю.Давыдов, «У Русского народа нет нужды в изобретениях, <...> ибо история России не поскупилась на людей истинно великих»⁵⁶.

¹ Ростовцев Е.А. Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. № 2. С. 110.

² Парамонов В.Н. Интерпретация истории Крымской войны как инструмент манипулирования исторической памятью // Вестник Волгоградского государственного университета. 2016. № 6. С. 28.

³ Топ-50 имен проекта «Имя России»: сайт проекта «Имя России». [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://top50.nameofrussia.ru> (дата обращения: 31.11.2018).

⁴ Международный аэропорт Симферополь: сайт проекта «Великие имена России». [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://великиеимена.рф/members/simferopol> (дата обращения: 31.11.2018).

⁵ Вишняков Я.В. Павел Степанович Нахимов. [Электронный ресурс] // Проект «Сто великих полководцев. Герои дня». 2013. URL: <http://100.histrf.ru/commanders/nakhimov-pavel-stepanovich/> (дата обращения: 31.11.2018).

⁶ Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4 т. СПб., 1876. Т. 1. С. 160.

⁷ Sweetman J. The Crimean War. Oxford, 2001. P. 15.

⁸ Маркс К. Русская победа — позиция Англии и Франции // Собр. соч. К. Маркса и Ф. Энгельса. В 50 т. М., 1957. Т. 9. С. 558.

⁹ Энгельс Ф. Ход Турецкой войны // Там же. С. 569.

¹⁰ Маркс К. Восточная война // Собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. В 50 т. М., 1958. Т. 10. С. 20.

¹¹ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 135.

¹² Ершов А.И. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1858. С. 165.

¹³ Там же. С. 194.

¹⁴ Хрущёв А.П. История обороны Севастополя. М., 2016. С. 117.

¹⁵ Из записок севастопольца // Русский архив. 1867. № 3. С. 1591.

¹⁶ Севастопольский обед // Морской сборник. 1868. № 3. С. 1037.

¹⁷ Систематический указатель «Русского инвалида» за 1869–1890 гг. СПб., 1891. С. 291.

¹⁸ Вагнер Л.А., Григорович Н.С. Айвазовский. М., 1970.

¹⁹ Арбузов В.В. Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов». СПб., 2000. С. 6.

²⁰ Гюннерфаут С.П. Панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.». Симферополь, 2012. С. 69.

²¹ Там же. С. 70.

²² Там же. С. 74.

²³ Там же. С. 77.

²⁴ Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4 т. СПб., 1876. Т. 1. С. 160.

- ²⁵ Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. В 5 т. СПб., 1913. Т. II, ч. 1. С. 314.
- ²⁶ Асланбегов А. Адмирал Павел Степанович Нахимов (биографический очерк) // Русский архив. 1868. № 1–6. С. 373–410.
- ²⁷ Богословский М.М. Учебник русской истории. Курс VI класса гимназий и реальных училищ. М., 1915. С. 106, 107.
- ²⁸ Ханжонков А. Первый русский кинорежиссер // Кино и время. 1960. № 1. С. 346.
- ²⁹ Там же. С. 348.
- ³⁰ Там же. С. 353.
- ³¹ Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1969. С. 29.
- ³² О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической революции // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 433.
- ³³ Гонерфаут С.П. Панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.». С. 77.
- ³⁴ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 135.
- ³⁵ Землянский К.А. Образы героического прошлого России в пропаганде военных лет (по документам Ростовской области) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2016. № 3. С. 108–111.
- ³⁶ Из литературного наследия академика Тарле. М., 1981. С. 153–163.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Тарле Е.В. Крымская война. В 2 т. М.; Л., 1942–1944. Т. 2. С. 555.
- ³⁹ Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М., 2000. С. 160.
- ⁴⁰ Там же. С. 354.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 355.
- ⁴³ Ерошенко В.Н. Лидер «Ташкент». М., 1966. С. 167.
- ⁴⁴ Озерская Е. Доблесть русского флота. Л., 1990. С. 83.
- ⁴⁵ Михайлов Н. и др. Наша великая Родина. М., 1946. 696 с.
- ⁴⁶ Там же. С. 202.
- ⁴⁷ Озерская Е. Доблесть русского флота. Л., 1990. С. 63–70.
- ⁴⁸ Волков Е. Сталин потребовал убрать романтику. Как менялся образ Нахимова в советском кино. [Электронный ресурс] // Родина. 2016. 1 декабря. URL: <https://rg.ru/2016/12/16/rodina-kino-nahimov.html> (дата обращения: 31.11.2018).
- ⁴⁹ Гонерфаут С.П. Панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.». С. 79.
- ⁵⁰ Там же. С. 86.
- ⁵¹ Ляхович А.А. У карты Севастополя. Симферополь, 1982. С. 53.
- ⁵² Адмирал Нахимов. Статьи и очерки. М., 1954. 186 с.
- ⁵³ Зонин А.И. Жизнь адмирала Нахимова. Л., 1956. 494 с.
- ⁵⁴ Никитенко Г.Ю., Соболев В.Д. Дома и люди Васильевского острова. М.; СПб., 2007. С. 519.
- ⁵⁵ Белавенец П.И. Адмирал Павел Степанович Нахимов. Рассказ для нижних чинов к 100-летию юбилею дня рождения адмирала. СПб., 1902. 175 с.
- ⁵⁶ Давыдов Ю. Нахимов // Адмирал Нахимов. Документы и очерки. Калининград, 1997. С. 244.

И.В. Курукин (Москва)

«ВОИНСКИЕ ПРЕДУГОТОВЛЕНИЯ ЧИНИТЬ»: КАК И ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛАСЬ ВОЙНА С ДАНИЕЙ В 1726 ГОДУ

РЕЗИДЕНТ В ДАНИИ А.П. Бестужев-Рюмин сообщал в Петербург, что по получении известия о смерти Петра I «генерально все здесь о том великую радость восприяли»: не только знатные, но «и все подлые с радости опилися было»¹. Основания для радости у датчан имелись, поскольку отношения между бывшими союзниками испортились. Петр стремился закрепить успехи русского оружия на Балтике: потребовал отмены «зундской пошлины» при прохождении кораблей через принадлежащие Дании проливы и сделал ей прозрачный намек, пригласив к себе голштинского герцога Карла Фридриха, имевшего территориальные претензии к датской короне².

Герцог долго обретался при петербургском дворе без всякой для себя пользы, но в ноябре 1724 г. был наконец-то подписан брачный договор. Карл Фридрих получал в жены дочь Петра Анну, оба отрекались от прав на российскую корону, однако договор имел секретную статью, по которой Петр имел право провозгласить своим наследником ребенка мужского пола от этого брака. Другой секретный артикул договора обещал зятю: если «добрые официи» России перед Данией о возвращении голштинских владений не будут иметь успеха, то император «руки прежде опускать не изволит, пока государю герцогу... за свое от короля дацкого чрез толь многие годы у него предудержанное герцогство Шлезвигское справедливым образом совершенное удовольствие... исходатайствовано, и он впредь в довольную безопасность приведен будет»³. На дипломатическом языке это означало возможность применения недипломатических мер, вплоть до войны с Данией.

Петр после недолгой болезни скончался в ночь на 28 января 1725 г. Вступившая на престол его супруга Екатерина I искренне стремилась помочь Карлу Фридриху вернуть утраченные владения и возвести его и Анну на шведский престол. Так голштинский вопрос на недолгое время превратился из орудия дипломатического давления в цель русской внешней политики. 21 мая 1725 г. состоялась свадьба герцога и цесаревны; Карл Фридрих обрел могущественную тещу-императрицу и надежду на восстановление своего герцогского дома.

Поначалу казалось возможным мирное урегулирование претензий. В апреле 1725 г. начались переговоры с датским посланником в России Гансом Георгом Вестфаленом о компенсации герцогу за аннексированный Шлезвиг. Однако датские предложения (выплата Карлу Фридриху пособия в 100 тысяч эку в год и передача ему во временное, до восшествия на шведский престол, владение герцогством Ольденбургским) были признаны в Петербурге неприличными. Французский посол Жак де Кампредон тогда же докладывал: Екатерина заявила, что защита интересов ее зятя — «это ее кровное дело, дело ее чести и доброго имени»: «Государыня даже вспылила несколько, рассердясь на канцлера Головкина, попытавшегося заметить, что вооружение галер причиняет бесполезные расходы», и заявила о готовности двинуть свой флот в море «хотя бы уж для того одного, чтоб за границей не думали, что правление женщины будет непременно слабым; она намерена показать, что ни в чем не уступит самому могущественному монарху»⁴.

Может, государыня гневалась искренне, однако угрозы голштинских министров и самого А.Д. Меншикова «разорить» Данию являлись блефом. Французский посол докладывал в Париж о неготовности русского флота к войне и «штатном» характере военных приготовлений⁵. Перед командованием вышедшей в июле 1725 г. из Кронштадта эскадры была поставлена обычная задача «лабиринговать для обучения и движения людей». Рапорты генерал-адмирала Ф.М. Апраксина сообщали о неумении экипажей на маневрах сохранять строй и точно выполнять команды⁶.

Однако к началу следующего года Екатерина, кажется, решилась на конфликт. В январе Кампредон докладывал: Военной коллегии было поручено подготовить двадцатитысячный корпус и обеспечить его провиантом; Адмиралтейству — построить

«к будущей кампании» новые галеры и починить старые, вооружить два «бомбардирские» корабля и шняву «Фаворитка»⁷.

Еще в феврале голштинский вопрос обсуждался на заседании Верховного тайного совета: министры не возражали против решительных действий и предложили государыне «воинские предуготовления чинить», но в то же время указывали на предпочтительность «негоциаций», печальное состояние финансов и возможность вести будущую кампанию только при поддержке Швеции и Австрии, в союзе которыми «датского короля принудить ко удовольствию его королевского высочества (герцога Карла Фридриха. — *И. К.*) не с великим трудом можно будет». В итоге решили «корабельной и галерной флоты здесь вооружить и совсем к весне изготовить»⁸.

Двадцать третьего февраля моряки доложили, что вскоре будут готовы 80 галер, но просили на снаряжение флота 300 тысяч рублей. Министры стали искать деньги, «сколько где есть», но в итоге наскребли только 150 тысяч⁹. В марте начался рекрутский набор, а в столице тогда же состоялось несколько учений гвардии. Кампредон из Петербурга пугал союзников, что русские «с невероятным рвением продолжают свои приготовления» и снаряжают 102 галеры к спуску на воду. Но он все же не был уверен, что русские «решились действительно и решение свое исполнят, если не будет к тому достаточных препятствий»¹⁰.

Российским резидентом в Копенгагене являлся будущий канцлер, а в описываемое время молодой камергер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Он докладывал о «великом омбраже (подозрении. — *И. К.*)» министров датского Тайного совета после прибытия курьера от Кампредона. Дипломат писал, что за ним следят, жаловался, что из-за «малого ранга» его не приглашают на «публичные ассамблеи». Однако времени не терял: получил от своего агента («известного человека») и 6 апреля передал в Петербург список кораблей датского флота и данные о численности войск¹¹. Бестужев хотел отправить в Петербург капитана Петра Грибе, который обещал выявить находящихся в русской службе офицеров-датчан, которые передавали на родину секретные сведения о состоянии вооруженных сил России и даже сделали «тайный рисунок» батарей Кронштадта¹².

В Дании опасались русского десанта. Король Фредерик IV еще в феврале 1726 г. распорядился снарядить 18 линейных кораблей, а в мае отозвал из «иностранных служб» датских морских

офицеров¹³. Вестфален докладывал в Копенгаген о работах на петербургских верфях. В архиве императорского Кабинета сохранился недатированный план войны с Данией, предусматривавший движение русских галер вдоль шведского берега и высадку десантов для взятия крепостей Фредерисии и Хельсингёра¹⁴.

Однако направляемые Бестужеву зимой и весной 1726 г. рескрипты даже не намекают о каком-либо походе против Дании. Предприятие такого масштаба должно было сопровождаться переброской целого корпуса для действий на суше, но ни протоколы о «секретных делах» и «записная книга» поступивших указов Военной коллегии, ни «доношения» самой коллегии за весенние месяцы 1726 г. не содержат сведений о подготовке войск к заморской экспедиции¹⁵. 31 января Адмиралтейств-коллегия получила указ готовить к обычной летней морской «кампании» 26 кораблей, но о какой-либо дальней экспедиции в нем не говорилось, в то время как о доставке грузов и подкрепления Низовому корпусу в Иране и отправке военных кораблей в качестве почтово-пассажирских транспортов в Любек и Данциг моряки получили конкретные указания¹⁶.

Третьего апреля Преображенский полк получил приказ готовить к маршу первый батальон, бомбардирскую и гренадерскую роты с музыкой¹⁷. 16-го числа Екатерина через Меншикова указала «канцлеру господину графу Головкину, также и ему, вице-канцлеру и действительному тайному советнику (Остерману. — *И. К.*), ехать отсюда при ея величестве в поход на Ригу». О сосредоточении русских войск под Ригой сообщил 9 (20) мая Кампредон¹⁸.

Судя по протоколам Верховного тайного совета, в марте–апреле того же года министры решали какие угодно вопросы — но не говорили о проведении сложной военной кампании с операциями на суше и на море. На посвященных внешним делам заседаниях Совета не обсуждались последствия объявленного Екатериной указа о «походе»; не выносились решения о заготовке для флота провианта — мяса и пива¹⁹. Представляется, что «верховники» не собирались на деле воевать, но рассчитывали, что демонстративные военные приготовления и столь же демонстративный «поход» государыни в Ригу сделают датского короля сговорчивее...

Получилось наоборот: датчане в ответ тоже приступили к вооружению; датские моряки на русской службе адмиралы К.И. Крюйс и П.И. Сиверс советовали своему королю

действовать наступательно²⁰. Бряцание оружием вызвало протесты европейских держав — в Стокгольме снаряжение русских галер восприняли как угрозу шведским берегам.

Пятого мая Меншиков от имени императрицы передал морскому начальству приказ Екатерины доставить на галерах в Кронштадт полки «команды» генерала П.П. Ласси. 11 мая Адмиралтейств-коллегия отдала приказ выводить корабли на рейд к 15 мая и «о походе ожидать впредь указа», а также доставить 10 пушек на царскую яхту в Риге. Но уже 14 мая Адмиралтейство получило известие, что «английские корабли вошли в Балтику с немалою эскадрою»²¹.

Шестнадцатого мая Верховный тайный совет ознакомился с запоздавшей реляцией от 26 апреля, в которой Бестужев-Рюмин извещал о прибытии английской эскадры в Копенгаген. В тот же день Меншиков и секретарь Совета Василий Степанов «словесно» доложили об этом государыне. Пришлось срочно менять планы: вместо царского «похода» в Ригу готовить к обороне Ревель и Петербург и даже допускать возможность уничтожения своих военных кораблей в ревельском порту, чтобы они не достались неприятелю²² — ведь 28 мая рядом с городом, у острова Нарген, встал английский флот адмирала Чарльза Уэйджера из двадцати трех вымпелов; позднее к ним присоединились восемь датских линейных кораблей и два фрегата. Отправившийся в Кронштадт генерал-адмирал Апраксин доложил царице, что «батареи и крепость в великой неисправности, а именно: батареи пушками не удовлетворены, и во многих местах есть еще не готово», и стал срочно их «исправлять и потребным снабдевать»; в море вышли три корабля — сторожить приход вражеского флота и подать об этом сигнал²³.

Тридцатого мая офицер с подошедшего английского фрегата передал Апраксину письмо английского короля, адресованное императрице Екатерине: Георг I высказал «сестре» недоумение по поводу военных приготовлений России, сожалел, что она не пожелала заключить союз с Англией и Францией, и сообщал, что его эскадра будет препятствовать выходу в море российского флота ради «предостережения тех опасностей, которые от такого чрезвычайного вооружения происходить могут» для союзников Британии и «всенародной тишины на Севере». Верховный тайный совет подготовил ответ, одобренный Екатериной на заседании 10 июня. В нем, в свою очередь,

выражалось удивление, что британское правительство сначала послало флот к российским берегам и только потом стало обсуждать вопрос; союз же, пояснялось, не состоялся из-за его «кондиций», невыгодных России. В заключение от имени императрицы объявлялось: «Ежели б мы только когда повелим флоту нашему в море идти, то тогда через сие вашего королевского величества запрещение от того себя воздержат не допустим. И как мало мы себя сами возвысит и другому законы предписывать хотим, так мало и мы, яко самодержавная и абсолютная государыня, которая ни от кого, кроме единого Бога зависит, оныя от иного кого принять вознамерены»²⁴.

Достоинство было сохранено, однако теперь даже военную демонстрацию на море проводить не имело смысла. Пришлось ограничиться приведением в порядок укреплений Кронштадта и Ревеля. На официальный запрос датского посланника Вестфалена о причинах этих мероприятий пришлось дать обтекаемый ответ о необходимости «содержать флот в добром состоянии для безопасности государства» и посетовать на появление по непонятной причине у русских берегов датской и английской эскадр. «Приватной грамотой» от 7 июля Екатерина любезно поздравила «брата»-короля Фредерика IV с появлением на свет «младого наследного принца»²⁵, а взамен несостоявшегося похода устроила в августе для двора и дипломатического корпуса «увеселительное путешествие» в Кронштадт и Петергоф с торжественным обедом для флотских офицеров, осмотром крепости с суши и с моря, пиром на корабле «великого адмирала».

Английский адмирал отослал ответ императрицы своему королю, но его корабли оставались у Ревеля до конца сентября. Из Стокгольма приходили неутешительные известия. Шведский посол в Петербурге Цедергельм советовал герцогу Карлу Фридриху отложить поход до будущего года. В июле последовал отказ шведского короля Фредерика I поддержать Екатерину, несмотря на обязательства всеми средствами способствовать герцогу голштинскому в возвращении захваченного Данией Шлезвига согласно Стокгольмскому союзному договору с Россией 1724 г.

В результате этой авантюры внешнеполитическая ситуация для России ухудшилась: в 1726 г. Голландия, а в 1727-м Швеция и Дания официально примкнули к враждебному ей Ганноверскому союзу. Чрезвычайное посольство в Стокгольм князя В.Л. Долгорукова, даже имея огромную сумму

в 100 тысяч рублей на подкуп шведских «чинов», ничего не смогло изменить.

Герцог, и ранее не пользовавшийся авторитетом при дворе, теперь и подавно не мог рассчитывать на поддержку российских вельмож. Члены Совета П.А. Толстой и Г.И. Головкин и ранее выражали датскому послу Вестфалену озабоченность развитием конфликта и просили «предложить что-либо» для его урегулирования. Против обострения ситуации высказывались дипломат В.Л. Долгоруков и его родственник генерал В.В. Долгоруков²⁶. Меншиков поначалу не возражал против планов отобрать у Дании Шлезвиг и заявлял о готовности отправиться в поход во главе пятидесятитысячной армии. Однако уже в марте 1726 г. Кампредон отмечал ссоры князя и герцога. Когда же эта авантюра серьезно повредила престижу России, Меншиков выступил против дальнейшей поддержки голштинцев²⁷. В разговоре с адмиралом Сиверсом в сентябре 1726 г. он признался: «Если бы даже мы были столь глупы поссориться с нашими старыми приятелями англичанами и датчанами из-за принца, которого интересы не имеют ничего общего с нашими интересами, мы постараемся во всяком случае пристроить его в Швецию; пусть он останется там и оставит нас в покое»²⁸.

¹ См.: Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 53. Оп. 53/1. 1725 г. № 2. Л. 80.

² См.: Никифоров Л.А. Основные задачи внешней политики России после Ништадтского мира // Международные отношения и внешняя политика России: история и современность. М., 1977. С. 203.

³ Цит. по: Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. В 15 т. / Сост. Ф.Ф. Мартенс. СПб., 1880. Т. 5. С. 231–232. Подлинник см.: РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Дополнение. № 7.

⁴ Донесения французского полномочного министра при русском дворе Кампредона за 1725 г. // Сборник РИО. Т. 58. СПб., 1887. С. 164, 165.

⁵ См.: Там же. С. 72, 176, 326, 334, 335.

⁶ См.: АВПРИ. Ф. 53. Оп. 53/1. 1725 г. № 6. Л. 12 об., 13; Материалы для истории русского флота. В 17 т. Т. 5. СПб., 1875. С. 34, 37, 44, 46.

⁷ См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. № 21. Л. 6–6 об.; Материалы для истории русского флота. Т. 5. С. 192, 194, 195.

⁸ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета // Сборник РИО. Т. 55. С. 20, 21, 23.

⁹ См.: Там же. С. 60, 65.

¹⁰ См.: Донесения французского полномочного министра при русском дворе, Кампредона, и агента Маньяна, за 1725 и 1727 гг. // Сборник РИО. Т. 64. СПб., 1888. С. 278, 279, 304.

- ¹¹ См.: АВПРИ. Ф. 53. Оп. 53/1. 1725 г. № 5. Л. 88–88 об., 133–136. Этот «известный человек» состоял на жалование в 700 рублей в год и уже продемонстрировал свою порядочность — вернул полученные 50 червонцев, когда не смог добыть обещанный Бестужеву текст договора о вступлении Дании во враждебный России Ганноверский союз (см.: Там же. Л. 331, 385).
- ¹² См.: Там же. Л. 60. Петер Грипп уже служил в русском флоте капитаном 1 ранга, за злоупотребления был сослан в Казань и в 1723 г. уволен (см.: Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 1. С. 118).
- ¹³ См.: АВПРИ. Ф. 53. Оп. 53/1. 1725 г. № 5. Л. 100 об., 208.
- ¹⁴ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. № 85. Л. 570–578.
- ¹⁵ См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. № 27. Л. 1–33; № 1; Л. 1–53; № 82. Л. 1–36.
- ¹⁶ См.: Материалы для истории русского флота. Т. 5. С. 293, 296, 308, 309, 316.
- ¹⁷ См.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 115. Л. 38 об.
- ¹⁸ См.: Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета // Сборник РИО. Т. 55. С. 207; Донесения французского полномочного министра при русском дворе, Кампредона, и агента Маньяна, за 1725 и 1727 гг. С. 360.
- ¹⁹ См.: Там же. С. 215, 216, 221–223, 227–230, 245, 246, 261–267, 272–277; Материалы для истории русского флота. Т. 5. С. 330.
- ²⁰ См.: Некрасов Г.А. Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М, 1976. С. 49.
- ²¹ См.: Материалы для истории русского флота. Т. 5. С. 320–322, 327.
- ²² См.: Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета // Сборник РИО. Т. 55. С. 288–291.
- ²³ См.: Материалы для истории русского флота. Т. 5. С. 207, 208.
- ²⁴ См.: Там же. С. 199–202, 221–224.
- ²⁵ См.: АВПРИ. Ф. 53. Оп. 53/1. 1726 г. № 2. Л. 1.
- ²⁶ См.: Донесения французского полномочного министра при русском дворе, Кампредона, и агента Маньяна, за 1725 и 1727 гг. С. 201; Брикнер А.Г. Россия и Дания при императрице Екатерине I // Русская мысль. 1895. № 2. С. 48.
- ²⁷ См.: Брикнер А.Г. Указ. соч. // Русская мысль. 1895. № 3. С. 51; Некрасов Г.А. Указ. соч. С. 50, 56.
- ²⁸ Цит. по: Брикнер А.Г. Указ. соч. // Русская мысль. 1895. № 7. С. 109.

Н.В. Ласкова (Ростов-на-Дону)

ШОТЛАНДЦЫ НА СЛУЖБЕ У ЛЖЕДМИТРИЕВ В РОССИИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

НАЧАЛО ПРОНИКНОВЕНИЯ уроженцев Шотландии в русское государство не было добровольным актом — в подавляющем большинстве случаев шотландцы оказывались в Московии в качестве военнопленных, захваченных в ходе Ливонской войны. Включенные в состав русского войска, они, можно сказать, стояли у истоков практики привлечения иноземцев на русскую службу. В начале XVII столетия, именуемого в русской истории Смутным временем, как никогда ранее проявилось участие иноземцев в развитии государственной политики России. Шотландцы тоже не остались в стороне. Их представители оставили свой след как в стремительно менявшейся придворной обстановке, так и в военных операциях, являющихся неотъемлемой частью данного исторического периода.

Наиболее престижное положение занимали царские телохранители-иностранцы. Лжедмитрий I, венчанию на царство которого предшествовало немало трагических событий, в течение своего кратковременного правления демонстрировал, как и его предшественник, особое покровительство иноземцам.

Вопреки распространенному мнению о ненадежности иностранных наемников, до тех пор, пока наниматели соблюдали договор и вовремя оплачивали их услуги, «немцы» редко изменяли. Следует заметить, что иноземцы подали севшему на московский трон Дмитрию челобитную только тогда, как Боярская дума и весь русский приказной и служилый люд уже ему присягнули¹. Новый царь оценил верность иноземных офицеров, хвалил их за преданность прежнему государю: «и сказал он им также, что если они будут служить ему даже и не лучше, чем они служили его

врагу, то и тогда он им будет больше доверять, чем своим московитам»². В июне 1605 г. большинство военных «немцев» было снова зачислено на царскую службу.

Был момент, когда с целью вызвать к себе большее расположение со стороны московитов Лжедмитрий I попытался распустить иноземцев, в большом количестве окружавших его особу. Однако совсем скоро пожалел об этом³.

«Предчувствуя близкую опасность», все больше исходящую от явно проявлявшегося «недоверия русских», в январе 1606 г. он сформировал для себя личную охрану из состоящих на русской службе 300 иностранцев⁴. При этом самозванец оставил при себе многих из прежних царских телохранителей, «испытав их храбрость и искусство воинское в битвах, которые они выдержали против него под знаменем Годунова»⁵.

Подробное описание царских телохранителей-иноземцев осталось в записках иностранных авторов-современников. Первую сотню копейщиков возглавлял француз — капитан Яков Маржерет. Вторую сотню алебардчиков — лифляндец из Курляндии Матвей Кнутсон. Во главе третьей сотни, тоже алебардчиков, стоял шотландец Альберт Вандтман (Вандеман, Ланта, Лантон). Первая сотня состояла из французов, вторая — из англичан, третью же формировали шотландцы. Каждое из названных подразделений отличалось особой формой одежды и вооружением. Шотландцы носили штаны и камзол фиолетового сукна с обшивкой из зеленого бархата, а рукава были выполнены из зеленой камки. Их алебарды с двух сторон украшал царский герб⁶.

Следует отметить, что если в описаниях одежды и определении национального состава сотен можно обнаружить несоответствия, то в отношении уровня материального обеспечения и престижа этих телохранителей авторы-современники высказываются на редкость единодушно. Иностранная охрана была «щедро одарена» и «весьма возвышена», «исправно» получала «жалование более чем прочие войска», капитаны «были пожалованы деревнями и землями и сверх того получали большое жалование»⁷. Данное обстоятельство не только удивляло, но и настораживало московских вельмож, усматривавших в нововведении Дмитрия недоверие к себе: «Очевидно, что царь нас не любит и нам не верит»⁸. Неудивительно, что после смерти Лжедмитрия I многие

из его телохранителей, особенно командиры сотен, вынуждены были покинуть Москву. Если о дальнейшей судьбе француза Маржерета более-менее известно, то о шотландце Альберте Вандтмане сообщается лишь в Хронике Буссова. Автор обращает внимание на примечательную деталь — в Москве капитана-шотландца «обычно звали паном Скотницким, так как он долго жил в Польше»⁹.

По сведениям Буссова, после убийства Лжедмитрия I весной 1606 г. «господин Скотницкий» вместе с Мариной Мнишек и избранным кругом польских вельмож был отправлен «на заключение» в Ярославль и Ростов. Уже в 1607 г. он находился в Калуге в составе войска Ивана Болотникова, а после перехода Болотникова в Тулу Скотницкий остался воеводой калужским. В ноябре 1607 г. он успешно руководил обороной Калуги во время очередной осады города воеводами Василия Шуйского. С приходом Лжедмитрия II шотландец сохранил свою должность. Однако через некоторое время с «воеводства» он был смещен и «впал в немилость, ибо отказался идти против польского короля». Его место занял лицемерный шляхтич Казимир, который «с поляками был истым поляком, а с русскими — истым русским». В конце концов, опала закончилась для Скотницкого насильственной смертью. Шотландец, сам того не ведая, оказался жертвой интриг нового калужского воеводы, которому удалось выставить своего предшественника бесчестным изменником в глазах Лжедмитрия II. Казимир передал самозванцу адресованное Скотницкому письмо от гетмана Рожинского, который предлагал опальному шотландцу «сплотить вокруг себя всех поляков, которые были на заставах в Калужском крае», с их помощью схватить самозванца и перевезти его обратно в Тушино. Текст письма настолько возмутил Лжедмитрия, что он в ярости поклялся, «что если Бог поможет ему сесть на свой престол, он не оставит в живых ни одного иноземца, даже младенца в утробе матери». И, «не расследовав дела и не учинив допроса, приказал палачу и его подручным взять ночью Скотницкого, отвести его к реке Оке и спустить его под лед». Последними словами несчастного шотландца, тщетно пытавшегося выяснить, в чем его вина, были: «Если такова награда за то, что я в течение двух лет так преданно служил и выдержал такую тяжкую осаду, то да сжалится надо мной господь!». После смерти Скотницкого «у его жены и детей было отнято все, что они имели»¹⁰.

Пребывание на русской службе в первом десятилетии XVII в. еще одного шотландца — Дэвида Гилберта — во многом походило на карьеру его соотечественника Альберта Вандтмана. Однако в отличие от последнего, этот солдат фортуны оказался более удачлив и даже через несколько лет смог вернуться на родину.

Типичный «образчик тогдашних кондотьеров»¹¹ шотландец Дэвид Гилберт вместе с уже упоминавшимся капитаном Яковом Маржеретом и другими иноземцами был принят на русскую военную службу дьяком Афанасием Ивановичем Власьевым в 1601 г. При Лжедмитрии I этот шотландец входил в число государевых иностранцев-телохранителей, исполняя, по всей видимости, обязанности начальника караула. По словам Гилберта незадолго до смерти самозванцу было два видения — призрак старика. Шотландский капитан, возглавлявший караул той ночью, был первым, с кем поделился своими опасениями Лжедмитрий. Гилберт также находился в карауле непосредственно в день исполнения заговора и «со многими из стражей, захваченных совершенно врасплох» бежал в Калугу¹². Вполне вероятно, что там он находился вместе с Альбертом Вандтманом.

Шотландцу, лично хорошо знавшему Лжедмитрия I, нетрудно было убедиться в обмане. Он сразу отметил, что новый русский царь отличался от своего предшественника «как день от ночи», и смог неоднократно убедиться в том, что эта «несхожесть» сознательно игнорируется имевшими свои определенные интересы поляками.

В дальнейшем Гилберту пришлось испытать на собственном опыте проявление опалы, которой подверглись «немцы» после бегства самозванца в Калугу. Упрекая иноземцев в предательстве и переходе на сторону поляков, Лжедмитрий II «стал злейшим врагом немцев»¹³. Дэвид Гилберт был одним из 52 иностранцев, козельских немцев, которых летом 1610 г. по необоснованному подозрению в измене, без допроса, подобно недавнему инциденту со Скотницким, Лжедмитрий II приказал утопить в Оке. И только заступничество Марины Мнишек, ее напоминание о том, как Лжедмитрий II «раскаивался в казни воеводы Скотницкого, когда обнаружилась его невиновность»¹⁴, заставили самозванца помиловать иноземцев.

Дальнейшая служба шотландца проходила уже под знаменами Станислава Жолкевского, гетмана Речи Посполитой. Попад

в плен к русским, он несколько лет находился под арестом. Но в 1617 г. русский царь благодаря личной просьбе «брата нашего любительного Якуба»¹⁵ (т. е. английского короля Джеймса I. — *Н. Л.*), отпустил шотландца на родину.

Таким образом, в лихие годы русской Смуты, даже будучи востребованными в обществе благодаря богатому опыту военной и придворной службы, иностранцы зачастую в полной мере испытывали на себе переменчивость фортуны, опасаясь не только за свое благополучие, но, порою, и за свою жизнь.

¹ Черникова Т.В. Московское царство и европейские «новшества» в начале Смутного времени // Вестник Московского государственного института международных отношений. 2016. № 1. С. 21.

² Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 108.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1990. Т. XI. С. 245.

⁴ Буссов К. Указ. соч. С. 112.

⁵ Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989. Т. VIII. С. 420.

⁶ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: ОГИЗ — Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. С. 118; Буссов К. Указ. соч. С. 112; Steuart A.F. Scottish influences in Russian History. From the End of the 16th century to the beginning of the 19th century. Glasgow: Maclehose, 1913. P. 23.

⁷ Записки де Ту // Сказание современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1831. С. 153; Буссов К. Указ. соч. С. 112; Масса И. Указ. соч. С. 118.

⁸ Борова Летопись Московская (1584–1612) // Сказание современников о Димитрии Самозванце. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1831. С. 67.

⁹ Буссов К. Указ. соч. С. 112.

¹⁰ Там же. С. 26, 112, 148, 151, 164.

¹¹ Первые сорок лет сношений между Россией и Англиею 1553–1593. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1875. С. 73.

¹² Milton J. A brief History of Moscovia and of other less-known Countries lying eastward of Russia as far as Cathay. London: Blackamore, 1929. P. 72.

¹³ Буссов К. Указ. соч. С. 163.

¹⁴ Там же. С. 171.

¹⁵ Московия или известия о Московии по открытиям английских путешественников, собранные из письменных свидетельств разных очевидцев, также и другие малоизвестные страны, лежащие на востоке от России до самого Китая, недавно в разное время открытые русскими. Сочинение Джона Мильтона. Перевод и примечания Ю.В. Толстого // ЧОИДР. 1874. Кн. III. С. 73.

С.С. Лебедева (Санкт-Петербург)

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ ВО ВРЕМЯ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1853–1856)

СОБЫТИЯ, СВЯЗАННЫЕ с Крымской войной (1854–1856), коснулись не только российской армии, Военного министерства и связанных с ним структур и образований, работающих на военные нужды, но и всего российского общества, его разных социальных слоев. События Крымской кампании вызвали единодушный отклик на всей территории огромной страны.

Проблема возможности возникновения военных действий на западных рубежах России особенно остро стала звучать в начале пятидесятых годов XIX века. Штаб артиллерии Южной армии был озабочен появлением новых моделей вооружения и их использованием в артиллерийском ведомстве Австрии. С целью изучения этого опыта в Вену был командирован начальник Ракетного ведомства полковник Константинов. Ему удалось встретиться с одним из авторитетных австрийских специалистов в области создания ракет майором Рейзнером. И самое главное, Константинов познакомился с результатами их использования австрийской армией в период военных действий в Италии¹.

Положительно оценивая сведения, полученные полковником Константиновым, высшие чины артиллерии отмечали, что таких результатов «никогда бы не достиг никто другой, менее сведущий в ракетном производстве»².

Во время военных действий использование ракет приводило «в страх неприятеля, у которого этого рода снарядов не замечено было». Далее указывалось, что их использование «не только производило сильное нравственное впечатление на пехоту и

кавалерию, метко направленные, они наносили действительно вред массам, в особенности во время преследований», по мнению генерал-лейтенанта Бриммера³.

В заслугу полковнику Константинову ставили не только получение сведений об изготовлении и использовании австрийских ракет, но и возможности их усовершенствования с учетом российских условий. В свою очередь это потребовало, по мнению Константинова, системных изменений: совершенствования пороховых и парковых отделений, мастерских ракетного отделения, усиления ракетного делопроизводства, хозяйственного, технического отделения и самое главное — обучения кадров на всех этапах разработки и использования ракет. Необходимо было перестроить организационные условия специалистов разного ранга, для чего были разработаны подробные рекомендации. Например, Константинов предлагал обеспечить работы бригад вблизи мастерских заведений, приблизить казармы для командиров к месту непосредственной их деятельности и т. д.

В процессе разработки нового подхода к наиболее быстрому изготовлению ракет полковник Константинов имел тесную взаимосвязь с штабом инспектора всей артиллерии, артиллерийским департаментом и канцелярией Военного министерства, а также с управлением инспектора пороховых заводов, Варшавским и Московским пороховыми заводами и многими другими организациями.

Вызывают интерес документы, касающиеся непосредственно военных действий. В своей записке от 22 февраля 1855 г. Паскевич отмечает, что союзные войска приступили к самым деятельным мерам для высадки в Крыму. Князь Горчаков тотчас же отделил от своей армии 16-ю пехотную дивизию и направил ее для усиления войск в Крыму. Сознвая невозможность борьбы в открытом море нашего флота с союзниками, чтобы не подвергнуть флот случайности, запереть его Севастопольской бухте, часть морских орудий было переведена в крепость, для защиты которой предназначались моряки⁴.

Большое внимание военным событиям уделяло государство и его ведомства, активизируя деятельность печатных органов. Одним из наиболее ярких источников информации, выступавших по горячим следам событий Крымской войны, был журнал «Морской сборник», издаваемый Ученым комитетом под руководством вице-адмирала барона Врангеля и вице-адмирала

Рейнке. Обращение к публикациям этого журнала за 1855 г. (№ 7–12) и 1856 г. (№ 1–12) позволяет увидеть яркую картину социальной жизни русского общества в один из драматических периодов его существования. Сборники отражают содержание приказов о выдаче пособий родственникам погибших и раненых. Публикуются сообщения о сборе по подписке в память погибших героев, для помощи вдовам, сиротам, родителям, потерявшим сыновей, жителям, пострадавшим от военных действий.

Заслуживает особого внимания оперативная сторона информации о событиях в самый напряженный момент Севастопольской битвы. В июльском номере «Морского сборника» публикуется письмо императора Александра II, выражающего глубокое соболезнование по поводу гибели 30 июня 1855 г. адмирала Павла Степановича Нахимова его брату, отставному капитан-лейтенанту Николаю Степановичу и родственникам героя⁵. Также оперативно представлена информация о большой группе раненых севастопольцев 9-го экипажа, эвакуированных морем в конце мая в г. Николаев.

Картина жестокой войны отражена в «Морском сборнике» объемно и убедительно, с цифрами и конкретными фактами, которые позволяют судить о масштабах явления и отношении к ним со стороны командования и гражданских лиц. В сборниках № 7–9 дается список раненых и убитых за определенные периоды времени от высших до низших чинов, солдат и матросов, с указанием фамилий, имен, принадлежности к воинскому званию, места рождения, сословия, характера ранения и места отправления на излечение. При этом следует отметить, что среди солдат и матросов достаточно большой процент составляют крепостные крестьяне разных губерний России. И при таком неоднородном сословном составе раненых из 3909 человек, отправленных в госпиталь в г. Николаеве в конце мая, побег совершили по дороге всего пять военнослужащих.

Сборники отражают систему оперативного оказания конкретной социальной помощи, выдачи пособий раненым низшим чинам, родителям, родственникам, сиротам, вдовам убитых, раненых, умерших от заразных болезней, а также пенсии экстраординарного характера. При этом указываются конкретные цифры. Так, например, в течение одного месяца выделено пособие 747 семействам низших чинов и 31 семейству благополучного класса⁶.

В самые тяжелые моменты обороны Севастополя государство и общество не забывают об образовательной политике. Уже в июльском сборнике издается приказ за № 1423, который свидетельствует о сборе денег для содержания в Морском корпусе пансионеров в память адмирала Нахимова⁷. В «Морском сборнике» № 10 за 1855 г. помещен приказ об определении дочерей погибших офицеров в женские учебные заведения Морского ведомства⁸.

Не стоят в стороне от общего порыва по оказанию социальной помощи члены царской семьи. Императрица Александра Фёдоровна на собственные деньги считает необходимым «старшую дочь (15 лет) поручика Алексеева поместить в назначение для приготовления домашних учительниц в Киевское училище графини Левашовой собственного Ее величества пансионеркой, не в пример другим»⁹.

Когда трагические события подходят к концу, «Морской сборник» № 10 за 1856 г. печатает список лиц, которым назначено ежегодное пособие на воспитание детей и получение ими образования за счет средств Морского ведомства. На детей школьного возраста выделяются несколько повышенные суммы. В этот список входят дети контр-адмиралов, подполковников, капитан-лейтенантов, поручиков и подпоручиков. Так, например, контр-адмиралу Нордману на пятерых детей школьного возраста назначается 750 рублей, подпоручику Мусе Абрахимову на детей пяти лет и пяти месяцев — 200 рублей. Вдове поручика Иванова, не прослужившего в Морском ведомстве 20 лет, но уволенного в связи с потерей зрения и ослаблением памяти, на троих детей выделяется ежегодно 400 рублей¹⁰.

При этом назначенный на должность начальника штаба артиллерии генерал-майор в начале 1855 г. получал «предписанных ему этой должностью по штату управления Действующей Армии по 980 р. 70 к. серебром в год»¹¹.

Особое внимание на страницах сборников привлекает отклик многомиллионной России на события в Крыму. Каждый номер «Морского сборника» публикует ведомости, в которых содержится перечень фамилий жертвователей денег на нужды раненых и на оказание помощи семьям погибших. Некоторые жертвователи сообщают только свою фамилию и сумму денег, другие указывают на профессиональную или сословную принадлежность. Жертвователями выступают семьи, группы лиц, организации,

учебные заведения, населенные пункты. В каждом номере сборника от 30 до 60 страниц уделяется перечислению фамилий этих жертвователей. Представлены все социальные группы и слои сопереживающей и сочувствующей общему горю многонациональной и многоконфессиональной России. Сам «государь император соизволил пожаловать женскому Благотворительному обществу в Николаеве тысячу рублей серебром»¹². В сентябре 1855 г. император Александр II посещает раненых в госпиталях г. Николаева, а затем встречается с участниками обороны в Севастополе.

Трагедия Севастополя пробудила лучшие чувства у многих людей Российской империи, позволила некоторым из них преодолеть сословные ограничения и подтвердить свои чувства сопереживания конкретными принципиально значимыми делами. В «Морском сборнике» № 12 публикуется выражение благодарности со стороны императора Александра II восемнадцати помещикам, безвозмездно освободившим от крепостной зависимости членов семей раненых и погибших воинов в Крымской войне¹³.

Содержание журнала «Морской сборник» за 1855 и 1856 гг. сумело нарисовать яркую панорамную историю подвига русского воина, несмотря на трагический ход и итоги Крымской войны. Страницы сборника позволили донести до читателей духовно-нравственную энергию русского общества, ставшего сопричастным событиям, унесшим тысячи жизней и доставившим страдания многим тысячам семей на всей территории Российской империи.

Особое внимание заслуживают общественные усилия разных социальных слоев многих регионов России.

Удивительное мужество и самоотверженность проявили женщины как из числа сердобольных вдов, прибывших из Московского и Петербургского вдовьих домов, сестер милосердия из Крестовоздвижеской и Николаевской общин, многих женских монастырей, приходов и т. д. Причем отправление сердобольных вдов из Москвы и Петербурга было достаточно серьезно подготовлено, принимались во внимание плохие дороги, учитывались возможности для проезда тарантасов, смены лошадей, условий для отдыха на перевалочных пунктах.

Из письма опекуна Московского вдовьего дома Трубецкого, одного из организаторов отправления сердобольных вдов, статсекретарю, тайному советнику Гофману, ответственному за снабжение и проезд их в Крым: «Некоторые предметы не помещены,

поэтому будут пополнены фланелевые же кальсоны, а также фартуки и дегтярные сапоги, сделать каждой вдове фланелевые на брючки, в случае возобновления в Крыму эпидемической холеры. По всем этим предметам прошу Вас почтить меня Вашим уведомлением»¹⁴.

29 ноября прибыла первая партия сестер Красновоздвиженской женской общины. Доктор Пирогов распределил их по госпиталям¹⁵. В столицу сообщается, что сердобольные вдовы прибыли в Симферополь, распределены на жительство в главный госпиталь, уездное училище, заняли часть дома в казенной палате, а также в доме губернатора¹⁶.

Ответственный за организацию работы сердобольных вдов в госпиталях отмечает:

– Принята мною 12 апреля в помощницы к сердобольным вдовам жена отставного майора Тополева, 60 лет, и помещена в главный госпиталь помощницей к сердобольной Александре Поповой.

– Вдова майорша Варвара Хоботова, желающая поступить в разряды сердобольных вдов, еще не зачислена в кандидаты.

– Подпоручица Екатерина Третьякова по собственному желанию занимается уходом за больными.

– Вновь приняты к сердобольным вдовам вдова лекаря Домна Смянова (60 лет), дочь умершего капитана Анна Лысенкова (25 лет) и керченская гражданка Магдалина Калмыкова.

В документе отмечается, что сестры милосердия из Николаевской общины не получали жалования и выполняли свои обязанности без всякого возмездия в течение восьми лет. Они ходили за холерными больными, и некоторые из них стали жертвами этой эпидемии¹⁷. За свою деятельность они не получали крестов, как и сестры Крестовоздвиженской общины. Приводятся слова раненого: «Как-то легче, когда матушка-барыня перевяжет раны»¹⁸.

В период военных действий сердобольные вдовы обращаются к начальству с личными просьбами. Вдова Новоселова просит, чтобы ее дочери разрешили остаться в сиротском институте до возвращения матери из Крыма, если дочь не поступит в воспитательницы. Ладыженская обращается с просьбой, чтобы ее малолетняя дочь была принята во Вдовый дом на том же основании, что сын и старшая дочь. Глыбовская высказывает пожелание, чтобы ее старший сын, 13 лет, обучающийся в уездном училище и

живущий на деньги матери (10 р.), был помещен в Николаевский Гатчинский сиротский институт, когда будет вакансия, с той же платой.

Следует отметить, что просьбы вдов в основном были удовлетворены. Ответственные за организацию работы сердобольных вдов в конце Крымской компании подводят итоги:

– 12 вдов погибли от госпитальных занятий и заразы;

– 9 вдов должны были возвратиться по причине расстроенного здоровья. Вдова Крусева и баронесса Штейнгель находятся в болезненном состоянии¹⁹.

18 июня 1856 г. по случаю закрытия военных госпиталей предусматривалось возвращение вдов²⁰.

Анализ рассматриваемых нами документов еще раз подчеркнул единение и связь государственных деятелей, военачальников и представителей российского общества в наиболее трагические моменты российской истории, связанной с Крымской кампанией середины XIX века.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 12. Д. 154. Л. 150.

² Там же. Л. 154.

³ Там же. Л. 135.

⁴ РГИА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 207.

⁵ Морской сборник. 1855. № 7. С. LXXXV.

⁶ Там же. № 10. С. 498, 499.

⁷ Там же. № 7. С. 251–268.

⁸ Там же. № 10. С. 264.

⁹ Там же. № 11. С. LXXXVI.

¹⁰ Там же. 1856. № 10. С. XXXIII.

¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 15. Оп. 108/1. Д. 91.

¹² Морской сборник. 1855. № 12. С. XLVII.

¹³ Там же. С. 199–201.

¹⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 31. Д. 1147.

¹⁵ Там же. Д. 1148.

¹⁶ Там же. Д. 1150.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Тимофей Владимирович — Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург) (далее ВКА), профессор, доктор исторических наук, доцент.

Алтеев Олег Евгеньевич — Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ (далее НИИ ВИ ВА ГШ) (Москва), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Анисимова Мария Анатольевна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее ВИМАИВиВС), старший научный сотрудник.

Бабич Ирина Виленовна — Российская государственная библиотека, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Бабич Марина Виленовна — историк-исследователь (Москва), доктор исторических наук.

Барышкова Людмила Константиновна — Военно-медицинский музей Минобороны РФ (Санкт-Петербург) (далее ВММ), старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук.

Бей Евгений Васильевич — НИИ ВИ ВА ГШ (Москва), кандидат исторических наук.

Белозерова Ольга Александровна — историк-исследователь (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук.

Бельтоков Виталий Леонидович — ВКА, профессор, доцент

Бенда Владимир Николаевич — Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, доцент, кандидат исторических наук.

Бобров Леонид Александрович — Новосибирский государственный университет, доцент, доктор исторических наук.

Бородина Марина Юрьевна — историк-исследователь (Москва).

Будко Анатолий Андреевич — ВММ, директор, доктор медицинских наук, профессор.

Вахтеров Андрей Васильевич — Фонд содействия развитию следж-хоккея «Преодоление» (Москва), вице-президент.

Великанов Владимир Сергеевич — фонд «Русские витязи» (Москва), эксперт, кандидат экономических наук.

Витол Александр Владимирович — Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Власов Николай Анатольевич — Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, кандидат исторических наук.

Галкин Василий Васильевич — ВИМАИВиВС, экскурсовод.

Гёзалов Парвин Фахраддинович — общественная организация «ГАСР» («ЗАМОК») по защите культурного наследия и исторических памятников (Баку, Азербайджанская республика), первый заместитель председателя, доктор философии по истории.

Грибовская Галина Алексеевна — ВММ, старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук.

Громов Андрей Владимирович — ВИМАИВиВС, старший научный сотрудник.

Гуров Сергей Викторович — НПО «СПЛАВ» (Тула), специалист 1-й категории; соискатель ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН (Москва).

Данков Михаил Юрьевич — Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск), научный сотрудник, действительный член Русского географического общества.

Евдокимов Артем Владимирович — Приволжский исследовательский медицинский университет Минздрава РФ (Нижний Новгород), кандидат исторических наук.

Егоров Андрей Михайлович — Псковский филиал Академии ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент.

Егоров Игорь Андреевич — Псковский государственный университет, студент.

Ермакова Нина Владимировна — Государственный научно-исследовательский институт реставрации (Москва), ведущий специалист, кандидат исторических наук.

Ефимов Сергей Владимирович — ВИМАИВиВС, заместитель директора, кандидат исторических наук.

Жарский Анатолий Петрович — НИО (ВИ) ВАГШ ВС РФ (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат военных наук, член-корреспондент РАН.

Ивлева Ольга Борисовна — Тульский государственный музей оружия, заведующий научно-фондовым отделом.

Игошин Константин Георгиевич — Государственный исторический музей (Москва), заведующий сектором.

Изонов Виктор Владимирович — НИИ ВИ ВА ГШ (Москва), доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Иноземцева Наталья Юрьевна — ВИМАИВиВС, младший научный сотрудник.

Ирютин Алексей Сергеевич — НИИ ВИ ВА ГШ (Москва), заместитель начальника отдела.

Киншин Вадим Водославович — ООО «ЭТМ» (Санкт-Петербург), заместитель директора, кандидат военных наук, военный исследователь.

Кирилов Михаил Николаевич — ВУНЦ ВМФ «ВМА» им. Н.Г. Кузнецова (Санкт-Петербург), докторант, кандидат военных наук.

Ковалев Сергей Николаевич — НИИ ВИ ВА ГШ (Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук.

Коневская Мария Анатольевна — НИИ ВИ ВА ГШ (Москва), младший научный сотрудник.

Крапивенцева Мария Борисовна — Тульский государственный музей оружия, хранитель музейных предметов, аспирант.

Кручинин Андрей Сергеевич — Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва), заведующий отделом.

Курочкин Сергей Сергеевич — Санкт-Петербургский государственный университет, студент.

Курукин Игорь Владимирович — Российский государственный гуманитарный университет (Москва), профессор, доктор исторических наук, доцент.

Ласкова Наталья Васильевна — Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), кандидат исторических наук, доцент.

Лебедева Светлана Соломоновна — Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, профессор, доктор педагогических наук.

Мусаев Вадим Ибрагимович — НИИ ВИ ВА ГШ (Санкт-Петербург), научный сотрудник, доктор исторических наук.

Образцов Всеволод Николаевич — Государственный Эрмитаж, научный сотрудник.

Окунев Сергей Юрьевич — ВКА, доцент, кандидат исторических наук.

Проц Диана Анатольевна — Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск), научный сотрудник

Свердел Василий Федорович — Штаб Западного военного округа, заместитель начальника штаба, генерал-майор.

Чернов Павел Вячеславович — ВКА, преподаватель.

Шептура Владимир Николаевич — 3-е управление Главного управления связи ВС РФ (Санкт-Петербург), начальник, кандидат военных наук, доцент, советник РАН, генерал-майор.

Щерба Александр Николаевич — НИИ ВИ ВА ГШ (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
<i>Алексеев Т.В.</i> Оружейное производство России с XVI века по 1917 год в отечественной дореволюционной историографии	7
<i>Алпеев О.Е.</i> Центральная Азия в военно-стратегических планах русского Генерального штаба (1885–1914)	24
<i>Алпеев О.Е., Коневская М.А.</i> Организационно-мобилизационные подразделения Штаба (Генштаба) и Главного управления РККА (КА) в межвоенный период (1921–1941)	39
<i>Анисимова М.А.</i> Коллекция японских цуба в собрании ВИМАИВиВС	52
<i>Бабич И.В.</i> «...Отставлен от военной службы в 1722 г.»	70
<i>Бабич М.В.</i> Военный суд над генерал-майором С.И. Сукиным и государственный «счет» начала 1730-х годов	85
<i>Барышкова Л.К.</i> Герой Советского Союза Валерия Осиповна Гнаровская (К 95-летию со дня рождения). По материалам фондов Военно-медицинского музея	97
<i>Бей Е.В., Евдокимов А.В.</i> Деятельность военных министров Российской империи в годы Первой мировой войны: успехи и неудачи	104
<i>Белозерова О.А.</i> Генерал Куропаткин о границах Российской империи после Первой мировой войны	120
<i>Бельтоков В.Л., Окунев С.Ю., Чернов П.В.</i> Из истории Ракетных войск стратегического назначения	137
<i>Бенда В.Н.</i> Вклад Василия Дмитриевича Корчмина в развитие русской военно-технической мысли	146
<i>Бобров Л.А., Образцов Вс.Н.</i> Шлем-«субурган» из собрания Государственного Эрмитажа	157
<i>Бородина М.Ю.</i> Генерал Ханжин — «непревзойденный мастер фортификаций артиллерийских»	170

<i>Будко А.А., Грибовская Г.А.</i> Опыт применения пенициллина на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (По материалам фондов Военно-медицинского музея)	174
<i>Вахтеров А.В.</i> Особенности боевого применения 39 отдельного аэросанного батальона Кронштадтского морского района обороны в годы Великой Отечественной войны (По материалам Центрального архива МО России)	181
<i>Великанов В.С.</i> К вопросу об организации регулярной полевой пехоты российской армии в 1700–1712 годах	198
<i>Витол А.В.</i> Критская война (1644–1669) — одна из последних побед османского оружия	211
<i>Власов Н.А.</i> Мог ли маршал Базен спасти Францию? Перспективы прорыва Рейнской армии из Меца в сентябре 1870 года	218
<i>Галкин В.В.</i> Бронзовая пищаль «вождя всех медведей»: историографический очерк орудия 1615 года из собрания ВИМАИВиВС	229
<i>Гёзалов П.Ф.</i> Георгиевские знамена 1833 и 1877–1878 годов в собрании музея.....	253
<i>Громов А.В.</i> Большие пушки императора Канси. Орудия <i>учэньюнгунь да цзяньцзюнь</i> в собрании ВИМАИВиВС	264
<i>Гуров С.В.</i> Оценка проектов по ракетной технике И.В. Воловского	281
<i>Гуров С.В.</i> О работах по средствам обеспечения залповой стрельбы работниками РНИИ и НИИ № 3 в 1933–1940 годах.....	295
<i>Данков М.Ю., Проц Д.А.</i> Средневековые пути транспортировки беломорской соли в метрополию и армейская трасса царя Петра 1702 года	314
<i>Егоров А.М., Егоров И.А.</i> Военные реформы польского короля Стефана Батория на завершающем этапе Ливонской войны	339
<i>Ермакова Н.В.</i> Трофейные знамена Персидской войны 1804–1813 годов	347
<i>Ефимов С.В.</i> В память о брачных союзах и юбилеях. Парадное древковое оружие XVII века	360
<i>Ефимов С.В.</i> Данцигская контрибуция. Из истории Северной войны (1700–1721)	401
<i>Жарский А.П., Свердел В.Ф., Шентура В.Н.</i> Отмобилизование фронтового комплекта войск связи и развитие его структуры в ходе Великой Отечественной войны.....	427
<i>Ивлева О.Б.</i> Варианты модернизации охотничьего ружья «ТОЗ 34» на примере образцов из собрания Тульского государственного музея оружия	439

<i>Игошин К.Г.</i> Материальная часть российской полевой артиллерии конца XVIII — первой четверти XIX века	452
<i>Изонов В.В.</i> Опыт артиллерийского сопровождения пехоты и танков 45-й гвардейской стрелковой дивизии при бое в глубине обороны Таллинской наступательной операции 1944 года	470
<i>Иноземцева Н.Ю.</i> Счастье служить России. Морская династия Бутаковых	480
<i>Ирютин А.С.</i> Майская десантная операция 1942 года в Заполярье. Итоги, уроки, значение	496
<i>Киншин В.В.</i> Судьба трофейных французских знамен, взятых в сражении у Прейсиш-Эйлау	509
<i>Кирилов М.Н.</i> Гусарские иностранные полки в составе российской армии первой половины XVIII века	522
<i>Ковалев С.Н., Шерба А.Н., Мусаев В.И.</i> Военные аспекты взаимоотношений Советской России (СССР) с Финляндией в 1918–1944 годах (Краткий историографический анализ)	537
<i>Крапивенцева М.Б.</i> Личный фонд тульского оружейника А.Д. Иванова в Тульском государственном музее оружия	550
<i>Кручинин А.С.</i> «Не просим вас, а прямо умоляем...» (Размышления над одной старой публикацией).....	563
<i>Куручкин С.С.</i> Образ адмирала Павла Степановича Нахимова в советской историографии, искусстве и массовом сознании	578
<i>Курукин И.В.</i> «Воинские предуготовления чинить»: как и почему не состоялась война с Данией в 1726 году	592
<i>Ласкова Н.В.</i> Шотландцы на службе у Лжедмитриев в России Смутного времени	600
<i>Лебедева С.С.</i> Социальная направленность деятельности военачальников во время обороны Севастополя в период Крымской войны (1853–1856)	605
Сведения об авторах	612

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Девятой Международной
научно-практической конференции

В двух частях

Часть 1

Редакторы: *Е.М. Пожидаева, Н.В. Медведев*

Художник: *Н.Ю. Якубовская*

Верстка: *Т.И. Таранова*

Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 24.04.2019.

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 19,5.

Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.

Тираж 100 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского
государственного университета промышленных технологий и дизайна
Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 26.

==== Для заметок ====

==== Для заметок ====

==== Для заметок ====

==== Для заметок ====

==== Для заметок ====